

С.П. МЕЛЬГУНОВ

ТРАГЕДИЯ АДМИРАЛА
КОЛЧАКА
КНИГА ПЕРВАЯ

КЪ НАСЕЛЕНИЮ РОССИИ.

18-го Ноября 1918 г.

Всероссийское Временное
спалось. Совѣтъ Минис
о полноту власти и пер
ирану русского флот
ТЧАКЪ.
нявъ крестъ этой власти
ихъ условіяхъ
йства

граждане. къ сам
ьшевиизмомъ

А. Колчак.

С.П. МЕЛЬГУНОВ

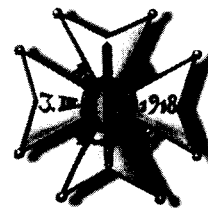
ТРАГЕДИЯ АДМИРАЛА КОЛЧАКА

ИЗ ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
НА ВОЛГЕ, УРАЛЕ И В СИБИРИ

ЧАСТЬ I
ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

ЧАСТЬ II
В ПРЕДВЕРИИ ДИКТАТУРЫ

МОСКВА

АЙРИС ПРЕСС

2004

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)611
М48

Оформление *А. М. Драгового*

Мельгунов С. П.

М48 Трагедия адмирала Колчака: В 2 книгах. — Книга первая: Части I, II / Предисловие А. С. Кручинина. — М.: Айрис-пресс, 2004. — 576 с. + вклейка 8 с. — (Белая Россия).

ISBN 5-8112-0546-5 (Кн. 1)
ISBN 5-8112-0548-1

Книга известного историка Русского Зарубежья С. П. Мельгунова «Трагедия адмирала Колчака» впервые издается в России. Она представляет собой наиболее полное исследование событий гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири, составленное в результате обобщения доступных автору документов, опубликованных воспоминаний, дневников и устных свидетельств участников событий. Впервые широкие круги отечественных читателей получают возможность ознакомиться с трагическими страницами жизни Верховного Правителя России А. В. Колчака, взявшего на себя бремя спасения страны от ужасов междоусобной резни, спровоцированной идеологами классовой борьбы при попустительстве либеральной интеллигенции.

Книга печатается по первому изданию: Белград, «Русская Типография» при содействии Издательской комиссии Палаты Академии наук Королевства С.Х.С. 1930—1931.

ББК 63.3(2)611
УДК 94(47)

ISBN 5-8112-0546-5 (Кн. 1)
ISBN 5-8112-0548-1

© Предисловие, указатель,
оформление, Айрис-пресс,
2004

ТАЙНЫ АДМИРАЛА КОЛЧАКА

Мы бросаем призывы в пространство
С тонких мачт в недоступную даль...
Там — суровой души постоянство,
Тут — кровавая верная сталь...¹ —

такими стихами откликнулся весной 1919 года белогвардейский журнал «Донская Волна» на известия из далекой Сибири о наступлении армий Верховного Правителя России и Верховного Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами адмирала Александра Васильевича Колчака. Через тысячи верст и несколько фронтов ничем не примечательный ростовский поэт увидел и выделил в образе своего героя черты («суровой души постоянство»), казавшиеся ему главными, определяющими, но... относящиеся скорее к «книжному» стереотипу «диктатора», чем к живому человеку.

Был ли адмирал Колчак таким в действительности? Многочисленные источники, особенно периода Гражданской войны (о которой и написано большинство воспоминаний), скорее рисуют его совсем другим — эмоциональным, подверженным чужим влияниям, вспылчивым до крайности и даже, пожалуй, «через край», так что знаменитые «шторма» адмирала не раз отмечались в исторической литературе едва ли не как самая характерная его черта. «Говорят, что когда Колчак разойдется, то ни в выражениях, ни в жестах не стесняется и штормует вовсю, применяя обширный по этой части морской лексикон»; «я пытался доложить свои доводы, но с адмиралом начался шторм, он стал кромсать ножом ручку своего кресла...»²; «Адмирал начал волноваться. С обычной своею манерою в минуты раздражения, он стал искать на столе предмета, на котором можно было бы вылить накипевшее раздражение»³; «вскочил на ноги и затем стал метаться по кабинету из угла в угол, словно разъяренный зверь в клетке»⁴; «Верховный был в необыкновенно нервном настроении и во время разговора с [генералами] Дитерихсом и Сахаровым сломал несколько карандашей и чернильницу, пролив чернила на свой письменный стол»;

«Колчак здесь потерял совершенно всякое самообладание, стал топтать ногами и в точном смысле [слова] стал кричать...»⁵; «в воскресенье, как мне рассказывают, он разбил за столом четыре стакана»⁶; «...Верховный Правитель его вызвал в Омск, запустил в него тарелкой и послал командовать в 12-ую Уральскую стрелковую дивизию»⁷... — эти и подобные им цитаты рисуют образ скорее непривлекательный и в любом случае лишенный того ореола, которым была окружена фигура адмирала и в годы Белой борьбы, и позже (до некоторой степени — даже в стане его врагов).

«Мягкая простота в подтянуто-деловой героичности — так, кажется, можно определить существо его личности, — размышляет о Колчаке выдающийся церковный писатель, архимандрит Константин (Зайцев). — Некое поэтическое тепло исходило от него даже и в далеком отчуждении, но тут же вырисовывался стальной силуэт боевого вождя, сочетающего ничем не возмутимое личное мужество с, гением пронизанной, властью»⁸. В этих словах, сказанных как будто совсем о другом человеке, можно и заподозрить чрезмерную идеализацию, — и почувствовать глубокое духовное прозрение, для которого удаленность ни в пространстве, ни во времени не может являться помехой: теряя черты, безусловно важные и необходимые для создания портрета человека со всеми его индивидуальными особенностями, облик Верховного словно освобождается от сиюминутного, брэнного, сохраняя ту бессмертную сущность души, высокий строй которой и выделил, и возвысил Александра Васильевича Колчака над охваченною Смутой Россией, великого адмирала — над «взбаламученным морем», бушующим на месте погибшей Империи.

Но любого, кто пишет о Колчаке, подстерегает угроза с потерей упомянутых выше живых черт упустить из виду и нечто, помогающее понять состояние этого человека в самые главные и самые тяжелые, роковые месяцы его жизни. Ретушь опасна, тем более когда она превращается в штукатурку, а оценки, подобные той, которую дал адмиралу архимандрит Константин, иногда побуждают останавливаться на них... и, разглядев подвиг Верховного Прави-

теля, не приблизиться к постижению трагедии воина Александра. «Его лицо было гораздо резче и выразительнее...» — писала в частном письме об одной «очень официальной фотографии» адмирала Анна Васильевна Тимирева — женщина, чья любовь буквально озаряла его последние годы. — «Я понимаю, что Вам трудно представить его в жизни: надо сказать, что он был не обычный человек, и за всю мою долгую жизнь я не встречала никого, на него похожего. [...] Ни одна фотография не передает его характер. Его лицо отражало все оттенки мысли и чувства, в хорошие минуты оно словно светилось внутренним светом и тогда было прекрасно...»⁹ И сложность характера адмирала Колчака, включая сюда и уже известные нам эмоциональные вспышки, сама становилась «историческим фактором», побуждая к действиям или отвращая от них человека, вознесенного на такую высоту. «...Как бы ни была интересна личность адмирала, его характеристика в настоящее время не только не может быть отделена, но целиком должна поглощаться характеристикой того политического движения, которое он возглавлял», — писал менее чем через год после трагического завершения колчаковской эпопеи один из сотрудников Верховного — член Всероссийского Правительства¹⁰, будучи в этом рассуждении и прав, и неправ одновременно. Личность Колчака — не из тех, что могут «поглотиться» даже описанием крупных общественных явлений, политических катаклизмов; но столь же очевидна неразрывность связи ее с тем делом — Белым Делом, — которому отдал адмирал свои силы и жизнь. Александр Васильевич Колчак — всего лишь часть русского, Белого Дела; но часть настолько значительная, что понимание хода событий, судеб всего движения в целом, невозможно без попыток разобраться в личности этого выдающегося человека, приблизиться к разгадке его образа — цельного и противоречивого в одно и то же время.

* * *

Александр Колчак родился 4 ноября 1874 года (даты до 1/14 февраля 1918 года приводятся по старому стилю) в Санкт-Петербурге, где его отец, Василий Иванович,

служил на Обуховском сталелитейном заводе. Талантливый инженер, В. И. Колчак имел за плечами и боевой опыт, в годы Крымской войны приняв участие в легендарной обороне Севастополя: один из последних выстрелов по врагу с Малахова кургана был сделан юнкером морской артиллерии Колчаком¹¹; мать Александра, Ольга Ильинична (урожденная Посохова), очень набожная женщина, передала мальчику искреннюю религиозность, о которой ее внук, сын адмирала, даже напишет потом как о «довольно строгом, даже аскетически-монашеском мировоззрении»¹². Очевидно, в военной семье частью воспитания было и чтение, через много лет рекомендованное Верховным Правителем сыну в последнем письме — по сути, завещании: «Читай военную историю и дела великих людей и учись по ним, как надо поступать, — это единственный путь, чтобы стать полезным слугой Родине. Нет ничего выше Родины и служения Ей»¹³. И возможно, что в сознании Александра Колчака уже с ранних лет служение воина (путь, вряд ли мыслимый без честолюбия, — «солдат должен носить в своем ранце маршальский жезл!») освещалось и освящалось духом Христианского служения — самоотвержения, смирения... и неизменной готовности к жертве.

Правда, на первых этапах жизненного пути флотского офицера Колчака эти черты, пожалуй, еще не выглядят доминирующими. Перед нами скорее — блистательный молодой моряк, исключительно щедро одаренный природой, яркий и привлекающий к себе общее внимание: «Он входил — и все кругом делалось как праздник; как он любил это слово!»¹⁴ Колчак — один из лучших воспитанников Морского кадетского корпуса (окончил в 1894 году); сразу зарекомендовавший себя выдающимся ученый — исследователь полярных морей; волевой и мужественный мореход, совершивший смелое до дерзости и неправдоподобное по сложности путешествие на поиски пропавшего в арктических просторах начальника Русской Полярной Экспедиции барона Э. В. Толля, — поход, значение которого далеко не исчерпывается строками официального документа о присуждении лейтенанту Колчаку высшей награды Императорского Русского географического обще-

ства — Большой Константиновской золотой медали «за участие в экспедиции барона Э. В. Тол[л]я и за путешествие на остров Беннета, составляющее важный географический подвиг, совершение которого было сопряжено с большими трудностями и опасностью для жизни»¹⁵... Далее в биографии Колчака — защита Порт-Артура в годы Русско-Японской войны, на которую он устремился немедленно по возвращении из полярной экспедиции (телеграмма в Академию Наук: «Еду на войну из Иркутска документы и отчеты высылаю из Иркутска если есть распоряжения телеграфируйте срочно...»¹⁶) и где прошел все этапы военной страды: действия на море (в том числе — командиром миноносца), командование батареей морских орудий на сухопутном фронте, ранение и тяжелые болезни — последствие арктических странствий, тягостный плен после сдачи крепости генералом А. М. Стесселем, а по возвращении в Россию — Золотое Оружие «за отличие в делах против неприятеля»; активная деятельность в межвоенный период, который сам Колчак называл «периодом борьбы за возрождение флота»¹⁷ — борьбы за реорганизацию управления Флотом и увеличение корабельного состава после Цусимской катастрофы, за наилучшую подготовку Флота к будущей войне; пылкие выступления в Комиссии III-й Государственной Думы по государственной обороне, снискавшие оратору широкую известность и даже популярность в общественных кругах («Колчак, — с уважением писал впоследствии его тогдашний оппонент, — был страстным защитником скорейшего возрождения флота, он буквально сгорал от нетерпения увидеть начало этого процесса, он вкладывал в создание морской силы всю свою душу, всего себя целиком, был в этом вопросе фанатиком»¹⁸); и наряду с этим — мечты о дальнейших исследованиях Крайнего Севера, освоении Северного морского пути, которому отважный моряк уже не только придает научное значение, но и считает делом «государственной важности»¹⁹...

С началом в 1914 году Великой войны Александр Васильевич — мозг и душа боевых действий на Балтике, и, по словам его соратника, «можно сказать, что история деятельности Колчака в Балтийском море есть история

этого флота во время войны. Каждое боевое предприятие совершалось по планам, им разработанным, в каждую операцию он вкладывал свою душу, каждый офицер и матрос понимал, что его ведет Колчак к успехам»²⁰; здесь его ждет почетнейшая боевая награда — Орден Святого Георгия IV-й степени и поистине феерическое чинопроизводство: начав войну капитаном I-го ранга и будучи 10 апреля 1916 года произведен в контр-адмиралы, уже 28 июня, согласно Высочайшему приказу, Колчак становится вице-адмиралом и получает назначение на пост Командующего Флотом Черного моря. «Поздравляю Вас с хорошим вступлением в должность, — напишет ему вскоре с Балтики недавний начальник. — Выйти в море для преследования неприятеля в первое же утро по подъеме флага — очень хороший признак и вполне соответствует Вашему активному характеру и образу действий»²¹. Лелея мечту, основанную на словах Августейшего Верховного Главнокомандующего — Императора Николая II, что «ход событий войны» приведет руководимый им Флот «к решению исторической судьбы Черного моря»²², Колчак рвется в предстоящую весенне-летнюю кампанию 1917 года «открыть ворота Константинополя», порывом своим заражая и окружающих, — тогдашний его собеседник даже посчитал необходимым в своих воспоминаниях специально отметить это, равно как и резкий контраст между Колчаком и его предшественником: «Высокий (такова сила обаяния — мемуаристы обычно отмечают небольшой рост Александра Васильевича. — А. К.), бритый, с англазированным лицом, с пронизывающим взглядом, адмирал был так далек от тихого старичка адмирала Эбергарда, который до него командовал флотом, такой энергией и волей веяло от его сурового лица, что невольно верилось его словам и надеждам»²³.

Таким подошел будущий Верховный Правитель России к роковому для страны 1917 году.

* * *

Находясь в море, в боевой операции, адмирал Колчак не принял участия в телеграфном совещании Главно-

командующих фронтами, поддержавших идею отречения Императора Николая II в пользу Цесаревича Алексея Николаевича при регентстве Великого Князя Михаила Александровича. Однако после того, как отречение совершилось, а Великий Князь, в свою очередь, отложил окончательное решение вопроса о восприятии Верховной Властью до народного волеизъявления, — боевым командирам волей-неволей пришлось задуматься о том, что ожидало теперь Россию. Должен был определить свою позицию и Колчак, причем, согласно одному свидетельству современника, он проявил при этом выдающуюся решительность и готовность к активным действиям.

«Когда в 1917 г., — цитирует историк С. П. Мельгунов письмо капитана 2-го ранга А. П. Лукина, написанное, очевидно, в конце 1920-х или начале 1930-х годов, — дошли до Севастополя первые зарницы революции, герцог С[ергей] Г[еоргиевич] Лейхтенбергский (пасынок в[еликого] кн[язя] Н[иколая] Н[иколаевича]) был экстренно командирован в Батум на специальном миноносце для свидания с Ник[олаем] Никол[аевичем]. Эта миссия была секретная и настолько срочная, что командиру миноносца дано было предписание «сжечь котлы, но полным ходом доставить герцога к отходу батумского поезда». Тогда ходили слухи, что в контакте с Балтийским флотом (о массовых убийствах офицеров на Балтике в первые же революционные дни, должно быть, еще ничего не было известно. — А. К.) и некоторыми войсковыми частями Черноморский флот должен был перейти в Батум и там и по всему побережью произвести демонстрации в пользу Ник[олая] Ник[олаевича] и доставить его через Одессу на румынский фронт и объявить императором, а герц[ога] Лейхтенбергского — наследником. Такие слухи циркулировали во флоте в эпоху, когда Петроград был отрезан и еще было не известно, чем все это кончится»²⁴. Надо сразу заметить, что рассказ (по признанию самого его автора, основанный в значительной степени на неподтвержденных слухах) выглядит довольно сомнительным: биографы как Великого Князя Николая Николаевича²⁵, так и адмирала Колчака (его близкий сотрудник и друг, адмирал М. И. Смирнов)²⁶ умалчивают о чем-либо подобном, да и

сам Лукин в своем сборнике очерков из жизни флота, вышедшем тремя годами позже книги Мельгунова, не только не развивает столь интересной темы, но и вообще больше не упоминает о попытке Колчака или миссии Герцога Лейхтенбергского²⁷; к тому же, в своих сочинениях Лукин обнаруживал явную склонность к беллетризации, что для мемуариста и историка вообще кажется нам предосудительным. Тем не менее вряд ли следует полностью отвергать столь подробный рассказ, допускающий интерпретацию действий Колчака не как «реставраторской» контрреволюции в прямом смысле слова, а как предложения широкомасштабной *военной демонстрации* «Юга» в противовес солдатскому мятежу «Севера», с декларацией поддержки нового Верховного Главнокомандующего и вообще — государственнического течения. После этого позволительно задаться вопросом, имел ли в виду адмирал, когда 11 марта писал в частном письме: «Десять дней я занимался политикой и чувствую глубокое к ней отвращение, ибо моя политика — повеление (так в документе. Возможно, следует читать «повиновение». — А. К.) власти, которая может повелевать мною», — только работу по поддержанию спокойствия во вверенном ему Флоте («...мне пришлось заниматься политикой и руководить дезорганизованной истеричной толпой, чтобы привести ее в нормальное состояние и подавить инстинкты и стремление к первобытной анархии»)²⁸ и что в беседе с адмиралом вызвало раздраженную реплику Николая Николаевича, услышанную собеседником 7 марта: «Он прямо невозможен»²⁹ (*оперативные* планы и предложения Командующего Черноморским Флотом как будто не встречали столь негативного отзыва Главнокомандующего Кавказской Армией)...

В любом случае, «посадить на престол» такого человека, как Великий Князь Николай Николаевич, без его ведома и согласия было, разумеется, невозможно, а сам он не пожелал давать своего имени ни для каких монархических предприятий. Поэтому попытка адмирала Колчака, если она соответствовала рассказу Лукина, с самого начала выглядит покушением с негодными средствами; однако, уже без ставки на Великого Князя, идея военной демонстрации обсуждалась тогда и другими высокими чинами.

Так, в середине марта неофициальное совещание старших кавалерийских начальников, чьи войска находились на Румынском фронте, предполагало в день присяги новой власти обратиться «от лица всей собранной в Бессарабии конницы к временному правительству с адресом, побуждающим его к более энергичному проявлению своей воли», но проект этот не реализовался, возможно, из-за отказа участвовать в его осуществлении (и вообще «менять присягу») генерала графа Ф. А. Келлера, чей авторитет в русской коннице стоял на недостижимой высоте³⁰. А вскоре, 23 апреля, генералы А. М. Крымов и барон К. К. Маннергейм даже обсуждали возможность переброски войск в Петроград «для наведения порядка и спасения от полного развала Российской Империи»³¹.

Перевезти несколько конных дивизий по железной дороге и тем более — провести их через полстраны походным порядком в условиях развивающейся смуты и продолжающейся войны с «врагом внешним» оказалось немыслимым, но энергичный и искренний патриот Крымов не хотел смиряться. «Есть основания предполагать, — пишет хорошо осведомленный А. И. Деникин, — что возникшая по инициативе генерала Крымова на Юго-Западном фронте офицерская организация, охватившая главным образом части 3[-го] конного корпуса и Киевский гарнизон (полки гвардейской кавалерии, училища, технические школы и т. д.), имела первоначальной целью создание из Киева центра будущей военной борьбы. Генерал Крымов считал фронт конченным и полное разложение армии — вопросом даже не месяцев, а недель. План его, по-видимому, заключался в том, чтобы в случае падения фронта идти со своим корпусом форсированными маршами к Киеву, занять этот город и, утвердившись в нем, “кликнуть клич”. Все лучшее, все, не утратившее еще чувства патриотизма, должно было отозваться, и прежде всего офицерство, которое, таким образом, могло избежать опасности быть раздавленным солдатской волной. В дальнейшем возможно было продолжение европейской войны хотя и не сплошным фронтом, но сильными отборными частями, которые, и отступая вглубь страны, отвлекали бы на себя большие силы австро-германцев...»³²

Запомним фамилию Крымова и его планы, к которым нам еще предстоит вернуться, а пока обратимся вновь к положению на Черном море, где, благодаря усилиям адмирала Колчака, в течение трех месяцев после переворота (то есть по меркам революционным, когда события вообще сменяют друг друга с головокружительной быстротой, — чрезвычайно долго) не только сохранялись дисциплина и боеспособность, но и происходило нечто неожиданное: именно матросы, «братишки» которых на Балтике уже запятнали себя кровавыми расправами с офицерами, становились здесь «элементом порядка», в ряде случаев обуздывая солдат, быстро разложившихся и равшихся по домам — «делить землю».

Такую моральную устойчивость черноморцев (пусть и относительную и не слишком долговечную) нельзя приписать ничему иному, кроме высокого авторитета Командующего Флотом и даже более — того иррационального, не поддающегося до конца объяснения обаяния, ореола, которым была окружена героическая фигура Колчака и который далеко не всегда соответствовал реальности: в порывах преданности революционные матросы готовы были приписывать своему кумиру поступки, совершенно для него немыслимые («Может, опять Миколашку наговорить хотят?» — передает современник матросские пересуды о совещании командного состава. — «Н-но, браток, там сам Колчак!» — «А что тебе Колчак?» — «Н-но, браток, Колчак не даст. Колчак сам в есеры записался!»³³).

Это тем более примечательно, что Александр Васильевич по всему складу своей личности был не способен подыгрывать и идти на поводу у толпы, не говоря уж о том, чтобы спекулировать революционной фразой и искать популярности на открывавшихся новых путях: в дни, когда, по словам генерала Деникина, «оппортунизм» был «не только слабостью, но и преступлением»³⁴, адмирал Колчак являл собою образец твердости и непреклонности.

Как нельзя лучше проявилось это в речи Колчака, произнесенной 25 апреля 1917 года перед членами Офицерского союза Черноморского Флота, а также делегатами от матросов, солдат и рабочих. Ни слова лести, ни одного реверанса в сторону Временного Правительства,

ни намека на попытку приспособиться (хотя бы и из самых благих побуждений!) к господствующим в «Свободной России» настроениям нет в словах адмирала. «Я хочу сказать флоту Черного моря о действительном положении нашего флота и армии, о том, что из такого положения вытекает, как нечто совершенно определенное, и какие последствия влечет это положение в ближайшем будущем. Я буду говорить об очень тяжелых и печальных вещах, и я долго думал, говорить ли о них совершенно откровенно, так как многих слабых людей это сообщение могло бы привести в состояние, близкое к отчаянию, к представлению, что все потеряно и выхода из создавшегося положения нет. Но я не буду считаться с ними — я буду говорить для сильных и твердых людей, способных хладнокровно и спокойно смотреть в глаза надвигающейся катастрофе, обдумать и взвесить ее значение, а затем делом и поступками ее предотвратить»³⁵, — такова принципиальная позиция адмирала, и она сохранится до конца, в течение всех грядущих смутных лет России, которой и полтора года спустя, уже Верховным Правителем, он не сможет предложить ничего, кроме тернистого пути «труда и жертв».

Колчак ставит диагноз: «Мы стоим перед распадом и уничтожением нашей вооруженной силы во время мировой войны, когда решается участь и судьба народов оружием и только при его посредстве. Причины такого положения лежат в уничтожении дисциплины и [в] дезорганизации вооруженной силы и последующей возможности управления ею или командования». Колчак предупреждает: «...Явление дезорганизации комсостава, крайняя трудность и даже невозможность военной работы, удаление и вынужденный уход многих опытных начальников и офицеров, лучшие из которых ищут места в армиях наших союзников для выполнения долга перед Родиной, с одной стороны, и явления сношения с неприятелем и дезертирство, с другой, создают грозные перспективы в будущем». Колчак обличает: «Жалкое недомыслие, глубокое невежество, при полном отсутствии военной дисциплины, сознания долга и чести, вызвали это “братание” (с противником на сухопутном фронте. — А. К.)...» Колчак пред-

лагает слушателям альтернативу: «...Если дух армии изменится в лучшую сторону, если мы сумеем создать в ближайшие дни дисциплину, восстановить организацию и дать возможность комсоставу заняться оперативной работой, мы выйдем из предстоящих испытаний достойным образом. Если же мы будем продолжать идти по тому пути, на который наша армия и флот вступили, то нас ждет поражение со всеми проистекающими из этого последствиями». Колчак иронизирует: «Суждения обитателей, собравшихся в горящем доме, о вопросах порядка следующего дня приходится признать несколько академичными». Колчак убеждает: «Текущая война есть в настоящее время для всего мира дело гораздо большей важности, чем наша великая революция. Обидно это или нет для нашего самолюбия, но это так, и, совершив государственный переворот, нам надо прежде всего подумать и заняться войной, отложив обсуждение не только мировых вопросов, но и большинство внутренних реформ до ее окончания». Наконец, Колчак указывает выход: «Первая забота — это восстановление духа и боевой мощи тех частей армии и флота, которые ее утратили, это путь дисциплины и организации, а для этого надо прекратить немедленно доморощенные реформы, основанные на сомнении и невежестве»³⁶... Но был ли услышан адмирал Колчак?

Симпатии и антипатии революционной толпы крайне непостоянны, и, пока по столицам гремела «черноморская делегация», посланная по инициативе Командующего для демонстрации единства офицеров и нижних чинов, для укрепления слабых и пристыжения «пораженцев» и стремящихся к немедленному и позорному «замирению», — в самом Флоте, в известной степени ослабленном этой командировкой «наиболее патриотично настроенных и способных матросов и солдат» (до пяти сот человек!)³⁷, стали набирать силу анархо-большевицкие настроения. Раздуваемое агитаторами недоверие к командному составу повлекло требования поголовного разоружения офицеров, после чего считать Черноморский Флот боевой силой было уже трудно, — и адмирал Колчак, бросив в море свое Золотое Оружие (««Не от вас

я его получил, не вам и отдам», — сказал адмирал, не думая, что за этим жестом мог легко наступить и его черед быть выброшенным за борт. Если этого не случилось, то только потому, что величие духа действует, очевидно, даже на взбунтовавшихся рабов», — с восхищением пишет современник³⁸), спустил флаг Командующего. Следующее оскорбление было нанесено ему Временным Правительством, фактически обвинившим адмирала в том, что он «допустил явный бунт в Черноморском флоте»³⁹, и вызвавшим его в Петроград для объяснений.

Очевидно, перед этими ударами судьбы Александр Васильевич оказался беззащитным. «Его едва можно было узнать, — пишет мемуарист, помнивший Колчака по выступлениям в думской комиссии и вновь встретившийся с ним в столице. — Это был уже другой человек. Исхудавший, осунувшийся, видимо, глубоко потрясенный тем развалом, который разложил уже балтийский флот и успел перекинуться в Черное море. Все, чем он жил, над чем он работал, что так любил, так старательно создавал, все разом рухнуло, обратилось в прах и разложение»⁴⁰. Из воспоминаний не вполне понятно, относится ли этот портрет адмирала к его первому после революции (апрельскому) или второму (июньскому) приезду в Петроград, — но, если даже речь и идет об апреле, ясно, что летом состояние Александра Васильевича должно было неизмеримо ухудшиться. И поэтому популярные ныне спекуляции на гневных словах черновика одного из его писем — «Я хотел вести свой флот по пути славы и чести, я хотел дать родине вооруженную силу, как я ее понимаю, для решения тех задач, которые так или иначе рано или поздно будут решены, но бессильное и глупое правительство и обезумевший — дикий — и лишенный подобия[,] неспособный выйти из психологии рабов народ этого не захотели»⁴¹, — должны смолкнуть перед той бурей и смятением чувств, которые владели адмиралом в те дни. Здесь нет ни гордыни, ни высокомерия, ни презрения к людям, — здесь лишь живая искренняя боль воина, чье многолетнее беззаветное служение Отчизне оказалось отвергнутым и чьи чувства долга, преданности и самопожертвования — поруганными; и точно такую же болью продиктованы другие слова,

написанные Колчаком после принятия приглашения американской военно-морской миссии отправиться в США для передачи опыта минных постановок, — слова, тоже нередко оборачиваемые против него: «...Я оказался в положении, близком к кондотьеру, предложившему чужой стране свой военный опыт, знания и, в случае надобности, голову и жизнь в придачу»⁴².

И адмирал будет вновь возвращаться к этому роковому слову — «кондотьер», которое так любят злорадно припоминать его недруги. «Мне нет места на родине, которой я служил почти 25 лет, и вот, дойдя до предела, который мне могла дать служба, я нахожусь теперь в положении кондотьера и предлагаю свои военные знания, опыт и способности чужому флоту»; «я отдаю отчет в своем положении — всякий военный, отдающий другому государству все, до своей жизни включительно (а в этом и есть сущность военной службы), является кондотьером с весьма сомнительным [отражением] на идейную или материальную сущность этой профессии», — пишет Колчак, как будто нарочно растравливая кровоточащую рану, как будто сознательно усугубляя внутренний надлом в своей гордой и сильной душе, терзая себя миражем взятия Константинополя («Моя родина оказалась несостоятельной осуществить эту мечту; ее пробовала реализовать великая морская держава, и главные деятели ее отказались от нее с величайшим страданием, которое дает сознание невыполненных великих планов... — говорит он, очевидно имея в виду неудачную Дарданелльскую операцию армии и флота Великобритании в марте — декабре 1915 года. — Быть может, лучи высшего счастья, доступного на земле, — счастья военного успеха и удачи, — осветят чужой флаг, который будет тогда для меня таким же близким и родным, как тот, который теперь уже стал для меня воспоминанием»), в черновиках посланий к любимой женщине беспощадно обостряя формулировки, как бы ожидая нового удара судьбы и снова проверяя себя на излом — «Моя вера в войну, ставшая положительно каким-то религиозным убеждением, покажется Вам дикой и абсурдной, и в конечном результате страшная формула, что я поставил войну выше родины, выше всего, быть может, вызовет у Вас

чувство неприязни и негодования. [...] Минутами делается так тяжело, что кажется ненужным и безнадежным писать это письмо Вам», — и с тягостным вздохом приоткрывая, какую выжженной пустыней была, должно быть, в те месяцы его душа: «За эти полгода, проведенных за границей, я дошел, по-видимому, до предела, когда слава, стыд, позор, негодование (так в публикации документа. По смыслу возможно чтение: «...когда слова стыд, позор, негодование...» — А. К.) уже потеряли всякий смысл, и я более ими никогда не пользуюсь»⁴³. Последняя фраза, как видно из цитаты, была сказана уже во время «командировки» Колчака, которая сама по себе стала в значительной степени следствием борьбы «подводных» политических течений и — независимо от планов адмирала «продолжать войну» — могла восприниматься им как очередное оскорбление.

Это было связано с ненормальной, экзальтированной атмосферой революционной столицы. Прославленный моряк, оказавшись в Петрограде, немедленно привлек к себе внимание как тех, кто боялся «нового Бонапарта» и готов был видеть его в каждом патриотически настроенном военачальнике, так и тех, кто грезил о «спасителе Отечества», который сумеет обуздать толпу и ввести разбуженную стихию в русло государственного строительства. Собирались и распадались группы и группки, кружки, «центры», проводились совещания и консультации, и наряду с именами руководителей Армии — генералов Л. Г. Корнилова, М. В. Алексева, А. А. Брусилова, — все громче звучало имя героя Флота, адмирала Колчака.

Друг Александра Васильевича, адмирал Смирнов, даже утверждал впоследствии, что дело заходило достаточно далеко. «В Петрограде возник ряд патриотических организаций, которые подготавливались к подавлению большевистских организаций силой оружия и к устранению из состава правительства “друзей большевиков”, — рассказывает он. — Эти организации пригласили Колчака объединить их деятельность и стать во главе движения. Колчак согласился. Началась работа в этом направлении. Колчак решил остаться в России. Однажды вечером мы получили известие, что наша организация раскрыта Керенским.

На другой день Адмирал Колчак получил собственноручное письмо от Керенского с приказанием немедленно отбыть в Америку»⁴⁴. Впрочем, возможно, что серьезность планов и намерений здесь преувеличена, а «организации», выдвигавшие на первые роли Колчака, были в действительности лишь группами энтузиастов, которые выступали с частными инициативами, никак не координируя их с работой своих потенциальных союзников. Генерал Г. И. Клерже вспоминал через полтора десятилетия, как однажды летом 1917 года на полуконспиративном заседании кружка «корниловского толка» он неожиданно для себя услышал, «что, мол, созревшее движение, в условиях современной ответственной обстановки в России, возглавить должен никто иной, как уже известный на всю Россию герой Рижского залива (в Рижском заливе в 1915 году была проведена одна из успешных морских операций, действительно тесно связанная с именем служившего тогда на Балтике Колчака. — А. К.) Адмирал А. В. Колчак». Заявление показалось Клерже странным — «о Генерале Л. Г. Корнилове, имя которого было в то время на устах у всей России, в этом заседании, к крайнему удивлению, ничего ни разу не было сказано. ...Выходило так, как-будто все движение до сего времени исходило только от имени Адмирала Колчака и под его непосредственным контролем и руководством». Не исключено, что подобная инициатива оказалась сюрпризом и для приглашенного на «совещание» Колчака, уже готовившегося к отъезду: по рассказу Клерже, адмирал лишь «просил членов заседания поддерживать с ним самую тесную связь и, в случае успешного завершения движения, телеграфировать ему для того, чтобы он смог немедленно вернуться обратно в Россию»⁴⁵.

Поэтому вряд ли стоит строить предположения, «как бы сложилась судьба Александра Васильевича, окажись он в августе 1917 г. в Петрограде? И как бы сложилась судьба России, если бы к моменту выступления Корнилова в столице находился решительный лидер, авторитетный в войсках?»⁴⁶ Заметим, что, по сведениям назначенного Временным Правительством начальника столичной военно-окружной контрразведки, социалиста-революци-

онера Н. Д. Миронова, «организация», в которую входил Клерже, имела монархический характер⁴⁷, то есть в политическом спектре находилась правее армейского командования, еще занимавшего лояльную к новой власти позицию, — а руководство «корниловско-алексеевского» Союза офицеров Армии и Флота, вынашивавшее планы военной диктатуры, фактически предпочло отстранить Колчака, очевидно, во имя своего «кандидата» — генерала Корнилова. Председатель Главного Комитета Союза, подполковник Л. Н. Новосильцов, так вспоминал о своей «совершенно секретной беседе» с опальным адмиралом: «Он интересовался, что, собственно, сделано, — какие планы. Говорил, что если надо, то он останется, но только если есть что-либо серьезное, а не легкомысленная авантюра. Я должен был ему объяснить, что серьезного пока еще ничего не готово, что скоро ничего ожидать нельзя. Я посоветовал ему уехать, а затем вышло так, что Керенский предложил ему уехать чуть ли не в одни сутки. Колчак соглашался даже перейти на нелегальное положение, если бы это было надо, но надобности скоро не предвиделось, в Америке он мог принести больше пользы, и он уехал»⁴⁸.

Нельзя сказать, правда, чтобы «корниловцы», — которые, собственно, и были заговорщиками и подлинными игроками в политической игре в значительно большей степени, чем сам генерал, чье окружение они составляли, — полностью отвергали адмирала и не связывали с его именем никаких расчетов: Колчака видели Морским Министром или Управляющим Морским Министерством в проектировавшемся «кабинете Корнилова»⁴⁹, а накануне августовского кризиса в Ставке Верховного Главнокомандующего «был набросан проект Совета народной обороны» во главе с Корниловым и при участии генерала Алексева, адмирала Колчака и представителей «демократии» — А. Ф. Керенского, Б. В. Савинкова и комиссара Временного Правительства при Верховном, штабс-капитана М. М. Филоненко: «этот Совет обороны должен был осуществить коллективную диктатуру, так как установление единоличной диктатуры было признано нежелательным»⁵⁰. Очевидно, однако, что в «корниловских»

кругах Александр Васильевич почитался лишь потенциальным сотрудником, весьма ценным, но не более того.

С другой стороны, как свидетельствует Деникин, окончательная консолидация государственно-мыслящих сил вокруг генерала Корнилова произошла только после его назначения Верховным Главнокомандующим⁵¹ (18 июля), то есть менее чем за десять дней до отъезда Колчака из России (27 июля). До этого же, в течение месяца с лишним пребывания адмирала в Петрограде, он был фигурой вполне самостоятельной, и потому, рассуждая о не реализованных вариантах развития событий, следует не столько подозревать в Колчаке некоего «резидента» «корниловской партии», сколько предполагать возможность выдвижения и поддержки именно его как потенциального диктатора со стороны кого-либо из тех, кто позже склонился к «корниловской ориентации».

Одну из таких «организаций» мы уже видели — кружок, в который входил Клерже; ранее было упомянуто о другой, скорее всего намного более серьезной — создававшейся генералом Крымовым на юге; и сейчас время вспомнить о ней, поскольку именно в начале июля в Петрограде появляется офицер, долгое время служивший под началом Крымова, а в недалеком будущем — активный участник военно-политической борьбы на Востоке России, оставивший свой след не только на страницах истории, но и в биографии адмирала Колчака.

Этим офицером был есаул Г. М. Семенов, младший соратник Крымова по Уссурийской конной дивизии, командование которой стяжало генералу славу выдающегося кавалерийского начальника. Семенов — храбрый, сметливый, решительный, умеющий держать свои мысли в тайне, по мнению другого его командира (барона П. Н. Врангеля), «весьма популярный среди казаков и офицеров»⁵², несколько месяцев занимавший пост полкового адъютанта и в этом качестве, несомненно, бывший на виду у начальника дивизии, — переводился на Кавказский фронт, но уже весной 1917 года вернулся в Уссурийскую дивизию (Крымов получил повышение, но дивизия по-прежнему входила в состав его III-го конного корпуса) и... менее чем через два месяца отбыл в Петроград с проектом формиро-

вания добровольческих частей из инородческого населения Забайкалья.

«Находясь в ожидании того или иного решения о своем деле, я от нечего делать начал завязывать случайные знакомства в городе», — вспоминает Семенов⁵³, явно чего-то недоговаривая, поскольку плодом этих якобы досужих «знакомств» и наблюдений явился план военного переворота с ликвидацией Совета рабочих и солдатских депутатов и, при необходимости, — даже Временного Правительства, на смену которому должна была придти военная диктатура⁵⁴. Размышления на эту тему относились к первой половине июля, и разумеется, что есаул не мог не слышать об адмирале Колчаке, тем более что проживал Семенов у лейтенанта флота В. В. Ульриха⁵⁵ (корпоративный дух морского офицерства вообще становился, должно быть, немаловажным фактором в распространении популярности Колчака: так, присутствие в «организации Клерже» капитана 2-го ранга Фомина⁵⁶ представляется дополнительным подтверждением правдоподобия воспоминаний самого Клерже).

Подчеркнем, что и сама принадлежность Семенова к «организации» (или «военному центру») генерала Крымова остается лишь предположительной, указаний же, что личность Колчака привлекала внимание Крымова, — нет никаких (а Семенов на роль будущего диктатора прочил генерала Брусилова, считая лишь, что того не следует посвящать в планы переворота до их реализации, поставив в конце концов перед свершившимся фактом); однако представляется интересным совпадение взглядов и даже намерений двух выдающихся представителей Российской Армии и Флота — прямого «заговорщика» Крымова (Деникин: «Его непоколебимым убеждением было полное отрицание возможности достигнуть благоприятных результатов путем сговора с Керенским и его единомышленниками. В их искренность и в возможность их «обращения» он совершенно не верил...»; «...хотел разить, утратив веру в целебность напрасных словопрений и исходя из взгляда, что страна подходит к роковому пределу и что поэтому приемлемо всякое, самое рискованное средство...»⁵⁷) и потенциального «заговорщика» Колчака, не менее разочаро-

ванного во Временном Правительстве и уже склоняющегося к конспиративной и даже нелегальной работе против революции в целом, не разделяя, кажется, ее «советскую» и «правительственную» составляющие. И не менее интересно первое, пусть пока заочное, знакомство есаула Семенова с адмиралом (сомневаться в чем вряд ли приходится) — знакомство, которому вскоре предстоит продолжиться на восточной окраине бывшей Империи...

И в любом случае бесспорно одно: создававшаяся вокруг Колчака атмосфера, независимо от наличия у него реальных союзников и сотрудников или готовности к решительным действиям, делала его крайне опасным в глазах Министра-Председателя Керенского, который уже утрачивал, похоже, способность к рациональному мышлению и ставил перед собою задачу, главным образом, сохранения в своих собственных руках той призрачной власти, которой еще обладало Временное Правительство. А потому бессмысленна ложная многозначительность намеков, подчас звучащих в рассказе об отъезде Колчака в Америку: «Временное Правительство отправляет его с некой до сих пор не вполне ясной миссией в США (официально речь шла всего-навсего об «обмене опытом» в минном деле, но по меньшей мере странно, что подобная роль предоставляется одному из ведущих адмиралов...)»⁵⁸. На самом деле Керенский уже был готов к проведению самоубийственной политики, достигшей апогея в августовской провокации против генерала Корнилова и предопределившей бесславный конец Временного Правительства и жалкий финал судьбы его Министра-Председателя. Впрочем, все это еще впереди — пока же адмирал, находясь за границей, пронизательно сформулирует сущность своей «миссии»: «...Мое пребывание в Америке есть форма политической ссылки, и вряд ли мое появление в России будет приятно некоторым лицам из состава настоящего правительства...»⁵⁹

Итак, Александр Васильевич Колчак на долгие месяцы был оторван от России. Но никак невозможно сказать, чтобы он был Россией забыт, и в этом тоже — тайна того исключительного воздействия на умы и сердца, которое становилось неотъемлемой частью образа адмирала. Всего лишь «один из» командующих флотами, не слиш-

ком удачливый в своих первых попытках обуздать стихию, «политический деятель», не успевший выйти на политическую сцену... — в смутное время, когда имена вспыхивают и угасают мгновенно, погружаясь во мглу забвения, Колчак неизменно живет в «общественном сознании» в качестве угрозы или надежды.

В общем, нетрудно понять, почему именно его образ витает над революционизирующимся (и попросту дичающим) Черноморским Флотом как призрак возмездия: «Слышал? К Дарданеллам, к Дарданеллам Колчак подошел, стоит во главе... Во главе стоит всех держав! Думаешь, когда сюда дойдет, простит всех, это хулиганство?» («И все было зыбко и непрочно. [...] ...Через Дарданеллы, при участии непоколебимого до сих пор Колчака, пробивались к Севастополю с неслыханной кровью английские дредноуты...»)⁶⁰. Менее объяснимо, почему на Дону, отнюдь не бедном громкими именами военачальников (Корнилов, Алексеев, Каледин, Деникин...), те, кто надеялся и ждал возрождения державы, тоже продолжали помнить Колчака, рождая слух за слухом:

«— Союзники прошли через Дарданеллы. Союзную эскадру ведет адмирал Колчак.

В предчувствии красных ужасов, накануне падения Ростова и Новочеркасска так хотелось увидеть русскую жизнь под вымпелом Колчака.

Но слухи оказались слухами.

В мае [1918 года] пришел другой слух:

— Колчак в Северном море. Над Архангельском рядом с английским флагом реет русский Андреевский флаг (действительно, в журнале, датированном 28 июля 1918 года, передавался слух о поездке «на Мурман» Б. В. Савинкова, якобы делающего при этом «ставку на Колчака»⁶¹. — А. К.).

— Будет на севере жизнь под вымпелом Колчака.

Но и в Архангельске не оказалось Колчака.

Теперь (поздней осенью 1918 года. — А. К.) адмирал Колчак, по слухам, сразу в двух местах:

— Диктатор в Омске.

— Русский адмирал на английском дредноуте в Константинополе.

Но где он точно — никто сказать не может»⁶²...

И уж совсем причудливо выглядит матрос-большевик из стихотворения Максимилиана Волошина, — убийца и погромщик, который, несмотря на всю свою революционность,

...угрюмо цедит земляку:

«Возьмем Париж... весь мир... а после

Передадимся Колчаку»⁶³.

И пусть даже этот парадокс не подсмотрен, а сочинен поэтом, стремящимся подчеркнуть бессмыслицу, хаос, сумятицу, душевную и духовную разруху, которые владели теми, кто в безумном ослеплении рушил все, построенное веками (хотя Волошин и утверждал, что «зарисованная» им «личина» была «наблюдена» в действительности в начале 1918 года), — всплывшее среди этого бреда имя Колчака отнюдь не случайно. Громадный потенциал, заключенный в личности адмирала, превращал это имя в легенду, которая бродила по раздираемой междоусобицами Русской Земле.

Россия ждала адмирала Колчака — и адмирал Колчак не мог вновь не появиться в России.

* * *

«Заграничная командировка», а фактически — изгнание, естественно, тяготило его. Как представляется, дело было даже не в вынужденной оторванности от родины, — моряку не в новинку были дальние походы, — а в том, что таланты, порыв, желание работать, не останавливаясь и перед риском, оказались невостребованными и более того — отвергнутыми; и не случайно на фотографии, запечатлевшей Александра Васильевича среди сослуживцев, составивших вместе с ним «Русскую морскую комиссию в Американском Флоте», адмирал, как будто утонувший в глубоком сиденье дивана, в видоизмененной после революции форме без погон, напоминает нахохлившуюся больную птицу. В течение этих месяцев он мучает себя размышлениями о нынешнем положении своем и России, пишет длинные письма А. В. Тимиревой, и вырванные из них цитаты подчас становятся поводом к ложным интерпретациям душевного состояния Колчака.

То и дело его рисуют «киплингианскими» красками, в духе знаменитого «but there is neither East nor West, Border, nor Breed, nor Birth, when two strong men stand face to face, though they come from the ends of the earth»*, когда родина и происхождение выглядят величинами пренебрежимыми в сравнении с «вневременными» и «вненациональными» силой и мужеством, — и адмирал, кажется, до некоторой степени дает для этого основания. В самом деле, едва ли не здесь причина его разочарования в Америке и американцах и рождающегося презрения к ним: «...Америка ведет войну только с чисто своей национальной психологической точки зрения — *рекламы, advertising* (курсив А. В. Колчака. — А. К.)... Американская war for democracy** — Вы не можете представить себе, что за абсурд и глупость лежит в этом определении цели и смысла войны. Война и демократия — мы видим, что это за комбинация, на своей родине, на самих себе». «Но разве не прекрасна война, — пишет он любимой женщине, — если она дает такую радость, как поклонение Вам, как мечту о Вас, может быть, даже и несбыточную... Вот о чем я думал, говоря сегодня в обществе военных людей свою апологию войне, высказывая веру в нее, с чувством глубокой благодарности ей, что она в лице Вашем дала мне награду за всю тяжесть, за все страдания, за все горести, с ней связанные...»; и даже — «война прекрасна, хотя она связана со многими отрицательными явлениями, но она везде и всегда хороша. Не знаю, как отнесется Она к моему единственному и основному желанию служить Ей всеми силами, знаниями, всем сердцем и всем своим помышлением»⁶⁴; и казалось бы, во всей этой мрачноватой романтике силы и крови и вправду много от киплинговских героев; но вот...

Но вот встречаются «два сильных человека», действительно пришедшие «с разных концов земли» — петербуржец Колчак и японский майор Я. Хизахиде (встреча произошла в Иокогаме, когда адмирал попытался вернуться в Россию из Америки, но задержался в связи с

* Нет ни Востока, ни Запада, ни границ, ни происхождения, ни родины, когда двое сильных встают лицом к лицу, хотя бы они и пришли с разных концов земли (англ.).

** Война за демократию (англ.).

известиями о большевицком перевороте), — и почему же Александр Васильевич с такой настороженностью слушает своего собеседника?

«Hisahide является фанатиком панмонгольского милитаризма, — записывает он вскоре после беседы, — ставящего конечной целью ни более ни менее, выражаясь деликатней, экстерилизацию индоарийской расы, которая отжила свою мировую миссию и осуждена на исчезновение. Никто из японцев не говорит об этом, более того, на прямой вопрос вы всегда получите ответ, что никакого панмонголизма не существует, что это фантазии небольшой группы шовинистов, — но я утверждаю, что масса военных людей (а в Японии этот класс, помимо явно выраженного в военнослужащих, является самым многочисленным и политически сильным) если видит сны, то только на тему о панмонгольском мировом господстве...»⁶⁵ И, не отрицая в адмирале уважения к сильному противнику, подчеркнем все же, что ключевым словом здесь остается именно «противник», но не личный (по Кипплингу), а противник его *родины*, которая так жестоко отвергла Колчака и о которой он не перестает, очевидно, мучительно размышлять, лишь раз позволив размышлениям прорваться на бумагу буквально криком:

«Я получил здесь семь Ваших писем, полных очарования Вашей милой ласки, внимания, памяти обо мне, всего того, что для меня составляет самую большую радость и счастье, но я чувствую, что я недостоин этого, я не могу, не имею права испытывать этого счастья. Я, может быть, выражаю (в черновике письма ошибочно — «выражаюсь». — А. К.) недостаточно ясно свою основную мысль; мысль о том, что на меня же ложится все то, что происходит сейчас в России, хотя бы даже одно то, что делается в нашем флоте, — *ведь я адмирал этого флота, я русский* (курсив наш. — А. К.)... И с таким сознанием я не могу думать об Анне Васильевне так, как я *мог бы думать* (подчеркнуто А. В. Колчаком. — А. К.) при других, совершенно неосуществимых теперь условиях и обстановке»⁶⁶.

Россия остается живою болью адмирала Колчака, несмотря на любые его слова о «кондотьерстве» и поклонении «божеству войны». И именно поэтому большевиц-

кий переворот и начало новой властью мирных переговоров с немцами становятся для него очередным ударом, возвещая торжество хама («Центрохам» — презрительная кличка, данная Совнаркому немедленно после его «воцарения»⁶⁷) и труса. «Без дисциплины человек прежде всего трус и неспособен к войне — вот в чем сущность нашей проигранной войны, — рассуждает Колчак по видимости спокойно, но сколько горечи в этом спокойствии! — Надо открыто признать, что мы войну проиграли благодаря стихийной трусости чисто животного свойства, охватившей массы, которые с первого дня революции освободились от дисциплины и провозгласили трусость истинно революционной добродетелью. Будем называть вещи своими именами, как это ни тяжело для нашего отечества: ведь в основе гуманности, пасифизма, братства рас лежит простейшая животная трусость, страх боли, страдания и смерти. [...] «Товарищ» — это синоним труса прежде всего, и армия, обратившись в товарищей, разбежалась или демократически «демобилизировалась», не желая воевать с крестьянами и рабочими, как сказал Троцкий и Крыленко» (в другом письме он бичует «политиканствующих хулиганов и хулиганствующих политиков, которые так ненавидят войну и все, что с ней связано в виде чести, долга, совести, потому что прежде всего и в основании всего они трусы»)⁶⁸. И что остается делать сильному человеку, для которого все это — честь, долг, совесть — не пустые слова?

«Известия о мире с Германией были для меня тяжким ударом; я видел, что этим наносится тяжкий удар независимости России. Я решил этого мира и заключившего его правительства не признавать», — расскажет Александр Васильевич за несколько дней до смерти⁶⁹. Он обращается к дипломатическим представителям Великобритании («т. к. считаю, что Великобритания никогда не сложит оружия перед Германией»), предлагая свою шпагу английскому Королю, «т. к. его задача, победа над Германией, — единственный путь к благу не только Его страны, но и моей Родины»⁷⁰. В этом вовсе не видно «кондотьерства», но Колчак, очевидно, продолжает растравлять свою душевную рану нарочитым подчеркиванием: «...Я откровенно сказал, что я лично не желал бы служить в английском

флоте, ибо Великобритания располагает достаточным числом блестящих адмиралов и офицеров и по характеру морской войны надобности в помощи извне не имеется (а ведь он отлично знает цену себе и своим военно-морским дарованиям! — А. К.). Но мне бы доставило чисто нравственное удовлетворение служить там, где обстановка тяжела и где нужна помощь, где я не был бы лишним. Пусть Правительство Короля смотрит на меня не как на вице-адмирала, а [как на] солдата, которого пошлет туда, куда сочтет наиболее полезным»⁷¹. Вскоре было решено, что новым местом службы станет Месопотамия, но в ожидании парохода адмирал застрял в Шанхае, куда к нему неожиданно явился посланец из России.

Поручик Жевченко был командирован уже известным нам по Петрограду есаулом Семеновым. Выступив против большевиков немедленно после их переворота, есаул буквально с кучкой соратников разоружал революционизированные запасные и ополченские части и разгонял совдепы, скликая добровольцев. Предпринимая шаги по привлечению к своему предприятию российских представителей за границей (в чем распоряжении были определенные денежные суммы) и дипломатов союзных держав, Семенов отправил в Шанхай эмиссара с приказанием не только хлопотать о помощи деньгами и оружием, но и «встретиться там с адмиралом Колчаком и просить его прибыть в Маньчжурию для возглавления начатого мною (Семеновым. — А. К.) движения против большевиков»⁷². Миссия, однако, не увенчалась успехом: «Я ответил, что поехать не могу, так как связан обязательствами перед английским правительством, но к выступлению Семенова отношусь сочувственно, все, что я сделал в данном случае, это говорил с нашими агентами о содействии офицеру Семенова — Жевченко в снабжении Семенова оружием», — рассказывает адмирал⁷³; «...Жевченко по его поручению донес мне, что адмирал считает, что обстановка данного момента еще, по его мнению, не требует спешности в его активном выступлении, но он будет готов служить делу родины, как только она позовет его», — дополняет есаул (к моменту написания своих мемуаров ставший уже генералом)⁷⁴.

Допустимо предположить, что «обязательства» действительно не были главной причиной отказа. Как представляется, адмирал Колчак, с ненавистью относясь к захватчикам власти, с резкою антипатией — к использовавшей их Германии и безусловно разделяя стремления к восстановлению Российской государственности и возвращению Империи на ее традиционный исторический путь, в то же время считал далеко не все способы ведущими к этой цели. Патриот-государственник, он был крайним «государственником» и в методах, и если — тоже безусловно государственнику — Семенову казались допустимыми самые авантюрные действия (ибо чем же, если не авантюрой, была его самоотверженная борьба на маньчжурской границе!), то Колчак, очевидно, полагал возможным начинать дело лишь на достаточно «солидной» основе: недаром же он, выразив сочувствие семеновским партизанам и ходатайствуя «удовлетворить теперь же заказ пулеметов и ручных гранат», о дальнейшей поддержке рассуждает не без оговорок: «высказался за желательность скорейшего обеспечения Семенова оружием, но полагает, что размеры заказа должны быть в соответствии с действительными силами отряда»⁷⁵. В сущности, Колчак оставался таким же максималистом, как в межвоенные годы, когда стремился возрождать разоренный Цусимую флот немедленно и в полном объеме (что для России было чрезвычайно трудно). Как бы то ни было, нежелание адмирала возглавить семеновское предприятие оказалось плохим фундаментом для строительства взаимоотношений с Атаманом через полтора месяца, когда Александр Васильевич все-таки прибыл в Харбин — центр и основную базу всех открытых выступлений против Советской власти в Забайкалье и Приморье.

«Английское правительство [...] нашло, что меня необходимо использовать в Сибири в видах Союзников и России...» — писал он об этом⁷⁶; вскоре последовали консультации в Пекине с российским посланником, князем Н. В. Кудашевым, убеждавшим адмирала «принять на себя командование военными силами, которые формируются в полосе отчуждения Восточно-Китайской [железной] дороги, и, кроме того, принять на себя распределение

сумм, поступающих от союзников»⁷⁷. Все это звучало гораздо серьезнее, опереться предполагалось на Правление КВЖД, располагавшее определенными ресурсами, планы формирований казались достаточно масштабными — и Колчак согласился.

Нет, впрочем, никаких оснований подозревать в нем всего лишь послушного исполнителя английских приказов: яростно ненавидя большевиков и их помощников по разрушению России (даже смерть от их рук он уподоблял перспективе «быть жаживо съеденным домашними свиньями»⁷⁸), Колчак видел единственный путь к освобождению страны — через активную борьбу. «...Будем верить, что в новой войне Россия возродится. “Революционная демократия” захлебнется в собственной грязи, или ее утопят в ее же крови. Другой будущности у нее нет. Нет возрождения нации помимо войны, и оно мыслимо только через войну», — пишет он⁷⁹, и здесь вполне правдоподобным кажется предположение, что адмирал имеет в виду не «просто войну», «внешний» катаклизм, «судеб удары», когда «тяжкий млат, дробя стекло, кует булат», — но и сознательные, целенаправленные поступки тех сильных и любящих свое Отечество, для кого этот «млат» окажется по руке.

Похоже, что Александр Васильевич по-прежнему признает лишь крупные формы борьбы. Строятся перспективы разворачивания 17-тысячного или даже 20-тысячного корпуса «охранных войск КВЖД», «причем 15 000 должны были составлять действующую часть, а 5 000 быть на охране дороги»⁸⁰... но судьба как будто задалась целью отомстить Колчаку за все удачи, столь долго отмечавшие его жизненный путь. Теперь выяснилось, что силы, с которыми он собирался сотрудничать, к реальной работе неспособны (Управляющий КВЖД генерал Д. Л. Хорват вообще представляет собою загадочную фигуру — не то безвольной расслабленности, не то закулисного интригана), а те, кто своей настроенностью на борьбу, казалось, отвечали надеждам адмирала, — сами не желали с ним сотрудничать.

Семенов (хотя в своих мемуарах он и умалчивает об этом) должен был почувствовать себя оскорбленным: почему

же для Колчака за «призыв родины» сошли увещевания Кудашева или каких-то неизвестных англичан, а не его, Семенова, первого начавшего здесь борьбу против Советов?! Заработав к тому времени достаточный авторитет, находясь во главе единственного, по сути, активно оперировавшего антибольшевицкого отряда, самостоятельно наладив отношения с представителями союзников и признавая Хорвата «постольку-поскольку» это было выгодно в настоящий момент, — Атаман фактически не пожелал не то что подчиняться, но и просто вести с адмиралом какие-либо переговоры о распределении средств. Вся история Гражданской войны показывает, что правильной была именно семеновская тактика непрерывных отчаянных атак на неприятельскую территорию, планы же Колчака, предполагавшие длительный период подготовки, мобилизаций и формирований, вряд ли могли увенчаться успехом; но отношения напряженного противостояния, немедленно сложившиеся между двумя военачальниками, мешали (с обеих сторон) трезвой оценке обстановки, а особое покровительство Семенову со стороны японской миссии (которой тот якобы давал какие-то туманные обещания насчет будущих концессий и торговых льгот) еще более усиливало предубеждение Александра Васильевича против Атамана.

Адмирал еще пытался разделить операционные направления, оставив Семенову Забайкалье и предполагая наступать со своими будущими войсками в пределы Амурской Области или Приморья, но когда за его спиной Атаман, как сообщали друг другу американские дипломаты, «пришел к согласию с Хорватом относительно [...] политики и финансовой помощи с отстранением Колчака»⁸¹, — все окончательно развалилось. После открытых конфликтов с Семеновым, семеновцами и начальником Разведывательного управления японского Генерального Штаба генералом М. Накашимой (лично прибывшим в Маньчжурию для контроля за обстановкой), Александр Васильевич выехал в Японию для переговоров с влиятельным генералом Г. Танакой (заместителем начальника Генерального Штаба), которые, впрочем, тоже закончились ничем...

Этот год — с лета 1917-го по лето 1918-го — вообще стал для адмирала Колчака, должно быть, одним из тяжелейших. Несбыточные мечты, рухнувшие надежды, безрезультатные усилия для такого эмоционального и впечатлительного человека, каким представляется нам Александр Васильевич, должны были оказаться поистине невыносимым грузом, страдания от которого еще усугублялись жестким, даже жестоким отношением адмирала к самому себе. И то, что он надломился, но не сломался, то, что страдание, сквозящее в его глазах и охватывавшее его душу, не лишило его воли и стремления к действиям, говорит прежде всего о силе и мужестве этого человека. И после всего пережитого и перечувствованного удивительна не развившаяся вспыльчивость, которая порой заставляла его срываться на крик или ломать карандаши, подвернувшиеся под руку, — удивительна та самоотверженная готовность, с какой он вновь примет на себя тяжелый крест.

Ибо главные страдания были еще впереди.

* * *

«Я решил пробраться на Юг России, к Алексееву, который сохранил для меня значение главнокомандующего, из подчинения которого я никаким актом не вышел. [...] Считал я Алексеева лицом, которому я подчинен потому, что по моим сведениям он был на Юге главнокомандующим», — рассказывает Колчак⁸², и у нас нет оснований не верить его словам, несмотря даже на явную ошибку памяти: М. В. Алексеев уже не был Верховным Главнокомандующим в момент отъезда адмирала как с Черного моря, так и вообще из России. Возможна, правда, и иная интерпретация, — «перелистывая» позорное «главнокомандование» Керенского и оппортунистический период Брусилова, Александр Васильевич проводил прямую линию преемственности Добровольческой Армии от Армии бывшей Империи того периода, когда она не дошла еще до полного разложения (при этом, правда, трудно объяснить апелляцию к отсутствию формального «акта о выходе из подчинения»). Похоже, что, потерпев

неудачи на политической и «военно-сухопутной» стезе, адмирал стремился на привычную и родную для него морскую: Великая война явственно близилась к концу, с поражением Германии и Турции на освобожденном Черном море становилось возможным возрождение русского флота, и выдающийся моряк был бы там как нельзя более к месту.

Теперь Колчак решительно отвергает предложенную Хорватом «должность командующего всеми морскими и речными силами при его правительстве»⁸³, как ранее он проигнорировал намерения пригласить его на пост Управляющего Морским Министерством «Временного Правительства Автономной Сибири»⁸⁴ (частной организации социалистического толка, которую Александр Васильевич справедливо считал опереточной). Для адмирала по-прежнему остается существенной «серьезность предприятия», и с этой точки зрения он, очевидно, уже махнул рукою на Приморье, где к тому же чрезмерно большую роль начинали играть союзные воинские контингенты и дипломатические миссии. «Серьезной» казалась Добровольческая Армия (хотя на ранних этапах своего бытия она строилась примерно на тех же организационных основаниях, что и отряд Атамана Семенова), и Колчак стремился на Юг... по дороге, в Омске, однако, подвергнувшись форменной атаке со стороны представителей еще одной власти, претендующей на «серьезность».

Сконструированное на Государственном Собрании в Уфе «Временное Всероссийское Правительство» («Уфимская Директория») испытывало недостаток в громких именах и крупных фигурах, и входивший в его состав в качестве Верховного Главнокомандующего генерал В. Г. Болдырев немедленно обратился к Колчаку с просьбой задержаться в Омске, а затем — и принять Военное и Морское Министерства. Адмирал дает согласие лишь «условное» — с оставлением за собою права выйти из состава кабинета, «если по ознакомлении со своим фактическим положением на посту военного и морского министра я найду для себя невозможным оставаться»⁸⁵, а 30 октября пишет Болдыреву письмо «в собственные руки», в котором излагает свои взгляды на будущую деятельность и факти-

чески рисует ее программу (ввиду важности документа приведем его целиком):

«Ваше Превосходительство,

Милостивый Государь Василий Георгиевич.

Ознакомившись в течение последней недели с положением вопроса об организации Военного Министерства, считаю необходимым доложить Вам свои основные взгляды на ту работу, которую должно будет принять на себя лицо, назначаемое на место Военного Министра.

Образование Правительственного Центрального Органа находится в строгом соответствии с теми задачами Государственного Управления, которые на этот орган возлагаются. Военное Министерство по своей организации и численности личного состава должно отвечать действительной необходимой работе по формированию и обслуживанию определенной армии, которую возможно фактически сформировать и обслуживать. С этой точки зрения создание Военного Министерства на основании существовавших законов и принципов, отвечающих прежнему великодержавному положению России, в настоящей обстановке следует признать приемлемым с большими ограничениями. Задачи в отношении могущей быть созданной в существующих условиях армии являются не только ограниченными, но и условия эти следует признать совершенно отличными от тех, при которых функционировало Военное Министерство. Тяжкое финансовое положение Государства и неизбежное участие в вопросах создания (в документе ошибочно — «в вопросах в создании». — А. К.) новой армии союзников вызывают с своей стороны требование величайшей осмотрительности в деле организации нового Правительственного Органа. Военное Министерство должно быть организовано на принципе крайней экономии средств и личного состава.

Не нарушая основных организационных положений, Военное Министерство должно быть создаваемо путем постепенного развития и расширения его органов в строгом соответствии с потребной работой, но не в виде вполне сконструированного до деталей, на основании прежних законоположений, аппарата, хотя бы частью и сокращенного. Это особенно должно быть применимо в отно-

шении технических и хозяйственных органов в силу совершенно особых условий.

Положение фабрично-заводской промышленности и, в большинстве случаев, полное отсутствие ее с точки зрения военной, вызывают необходимость рассчитывать в многих отраслях снабжения только на помощь со стороны союзников.

Поэтому организация технических управлений должна в настоящее время отвечать этому положению, отнюдь не задаваясь целями обширной работы по проектированию, разработке технических заданий и т. п. Разделение органов по специальным отраслям должно быть возможно ограничено, не стремясь к излишнему детализированию.

В отношении личного состава первое время придется не руководствоваться штатными положениями о чинах, допуская широкий выбор начальникам[и] своих подчиненных.

Необходимо сократить должности с недостаточно определенными функциями в виде помощников, для поручений и т. п.

Надо принять все меры, чтобы вновь создаваемое Военное Министерство не явилось бы местом, где могли бы найти фиктивную службу лица, не способные к продуктивной работе, с одной стороны, и уклоняющиеся от строевой службы, с другой. Необходимо обеспечить Военное Министерство от участия в его работе лиц, может быть и полезных, но не необходимых.

Огромные штаты и большое число чинов, уже частью приступивших к работе, не дает, по моему мнению, гарантий в правильности организации дела Военного Министерства.

Переходя от общих положений к отдельным вопросам, считаю долгом доложить:

а) служба Главного Штаба, особенно в отношении управления личным составом, ведется самостоятельно и без достаточного согласования всеми штабами (Главкомандующего, армии, корпуса и округа). Поэтому проведен в жизнь целый ряд несогласованных между собой и с общими нормами мероприятий, неизбежно вызывающих препятствия и трения в планомерной и закономерной работе.

б) служба снабжения представляется еще более запутанной и сложной. Помимо тенденций к созданию громоздких органов технического снабжения в Военном Министерстве, существование Министерства Снабжения, Высшего Совета Снабжения вызывает весьма сложную обстановку, с крайне неопределенными и неясными разграничениями функций отдельных учреждений. Деятельность по снабжению со стороны корпусов, при общей тенденции к самостоятельности и бесконтрольному хозяйнич[ан]ию отдельных начальников, доходит уже до полного самоуправства и связанного с ним хаоса в деятельности Чешских начальников и так наз[ываемых] атаманов. Необходимо разграничение функций органов снабжения военного ведомства, ведающих заданиями, заказами, приемом и распределением, от функций Министерства Снабжений, ведающего исполнительной частью заказов.

Особая обстановка в виде иностранных вооруженных сил, действующих на русской территории, и неизбежность получения части снабжения со стороны союзников вызывает необходимость в создании особого органа при Военном Министерстве, ведающего этими вопросами, с участием в нем представителей союзников. Высший Совет Снабжения, по моему мнению, мог бы быть преобразован в такой орган, состоящий обязательно при Военном Министерстве.

В тесной связи с вопросами снабжения и функциями Главного Штаба будущего Военного Министерства стоят некоторые реформы, коренным образом влияющие на снабжение и мобилизационные положения армии. Я имею в виду переход от окружной системы к территориальной корпусной. Не имея возможности пока еще изучить этот важнейший вопрос во всем объеме, я считаю принципиально вредным и во всяком случае крайне рискованным проведение крупных реформ в тех отраслях, которые работали ранее удовлетворительно. Об этих реформах можно было бы говорить после создания хотя бы небольшой армии, но начинать ее создание на непроверенных началах и производить эксперименты в области и без того разрушенного хозяйства значило бы продолжать ту политику революционного периода, которая привела ар-

мию к гибели. Не могу не высказать своего мнения, что рассматриваемые реформы производят впечатление весьма необдуманного и легкомысленного решения, могущего иметь самые бедственные последствия, и я полагаю, что проведение ее (так в документе. Очевидно, имеется в виду «реформы». — А. К.) в жизнь необходимо немедленно остановить впредь до дальнейшего более серьезного рассмотрения.

Из важнейших вопросов, решение которых является крайне необходимым в ближайшие дни, я считаю долгом доложить Вашему Превосходительству о:

а) урегулировании и нормировке денежных и других видов содержания офицеров и солдат.

б) революционном и самоуправном производстве офицерских чинов.

в) о законах, изданных в период революции после первого марта 1917 года. Полагал бы полную отмену их с новым изданием тех положений, которые окажутся приемлемыми для новой армии; практически это, по-видимому, единственный выход.

г) об обеспечении офицерского строевого состава предметами обмундирования и жизненной необходимости, равно как помощь (так в документе. — А. К.) в этом отношении офицерским семьям, вынесшим в период революции всю тяжесть бесправного положения и преследования.

д) создание категорий офицерского резерва для комплектования формируемых частей.

е) проведение принципа назначения на командные должности офицеров на основании цензовых данных их прохождения службы.

Совершенно практическим вопросом является невозможность найти в Омске подходящее помещение для предполагаемых центральных органов Военного и Морского Министерств. Представляется совершенно необходимым не только в силу местных условий, но и с точки зрения работы Министерства, перенос Штаба Сибирской армии в другой город, по возможности ближе к фронту.

По вопросам Морского Министерства я считаю долгом доложить, что создание такого органа должно быть

выполнено в минимальных размерах, но сохраняя основания прежней организации и возможность легкого развертывания этого органа по определенной схеме в будущем.

Ближайшей работой я считаю создание кадров для будущего флота в виде морской пехоты на общих основаниях армейских формирований, для чего необходимо предоставить часть новобранцев. Детали этого вопроса я доложу Вашему Превосходительству отдельно от настоящей записки.

В заключение позволю [себе] коснуться некоторых вопросов, имеющих отношение к внутренней политике, с которой я невольно принужден соприкасаться, и по которым я считаю долгом высказать свое мнение. Я признаю первой государственной потребностью настоящего времени создание дисциплинированной и боеспособной армии с подчинением этой основной задаче всей внутренней политики Совета Министров и вверенных им ведомств государственного управления.

С этой точки зрения я считаю работу лица, принявшего пост Военного Министра, тесно связанной с работой представителей других ведомств, особенно внутренних дел, финансов, снабжения, путей сообщения и иностранных дел.

Я убежден, что при условиях настоящего времени партийное представительство исключает возможность положительной государственной работы и что влияние политической партии и ее дисциплины неминуемо внесет в дело государственного строительства полное разложение. Поэтому я ни в каком случае не считал бы возможным работать при наличии в указанных ведомствах лиц, деятельность которых могла бы иметь цели выполнения какой-либо партийной программы.

Я докладывал Вашему Превосходительству о своем взгляде на вопросы организации государственной полиции. Я нахожу этот вопрос одним из важнейших по связи его с вопросами военного ведомства, так как основанием общественной безопасности и фундаментом, на котором строится организация полиции, является по существу армия.

Нахождение во главе ведомства или его части, ведающего (так в документе. Очевидно, имеется в виду «ведомства». — А. К.) охраной общественной безопасности, лица, принадлежащего к определенной партии и состоящего членом ее исполнительного комитета, я не считаю допустимым ни с какой точки зрения, даже обывательской. Возможность создания полицейской организации в виде орудия политической партии, организации по существу способной оказывать влияние даже на частную жизнь, исключает какую бы то ни было прикосновенность к этому делу тех лиц, в отношении которых могли бы явиться совершенно определенные подозрения. При императорском правительстве полицейская организация была привлечена к работе в политическом направлении, и отрицательные результаты такового положения слишком очевидны, и повторение опыта в этом же направлении недопустимо.

Прошу принять уверения в совершенном почтении и таковой же преданности.

Готовый к услугам *А. Колчак*⁸⁶

Это письмо представляется нам чрезвычайно важным, поскольку в нем намечены основные проблемы, решать которые вскоре придется уже не Военному Министру Колчаку, а Верховному Правителю Колчаку, а также содержится указание, что пути, избираемые Александром Васильевичем, не были следствием каких-либо «влияний», в плену которых якобы находился «слабовольный адмирал», — и потому как прозрения, так и ошибки следует в первую очередь приписывать лично ему. Кратко останавливаясь же на важнейших мыслях письма, отметим прежде всего противоречие взглядов его автора на «военно-административное» (Министерство) и «военно-полевое» (Действующая Армия) строительство: если в первом случае постулируется подчиненность форм и темпов — решаемым задачам, фактическая зависимость работы Министерства от обстановки (несколько утрируя — «импровизация в организации»), — то во втором адмирал, по сути, склоняется к идее жесткого регламентирования «сверху» (хрестоматийная заповедь «организация не терпит импровизации») и ограничения инициативы войсковых на-

чальников, подозреваемых в «революционности», «самоуправстве» и «атаманстве» (а иногда и резкого сужения их прав и возможностей — как в предложении восстановить военные округа, которые в описываемый период были заменены подчиняющимися фронту «корпусными районами»; когда Колчак станет Верховным, его намерения будут проведены в жизнь⁸⁷): «создание Военного Министерства на основании существовавших законов и принципов, отвечающих прежнему великодержавному положению России», отнюдь не входит в число задач Колчака, но вот отказ от системы военных округов он относит к «крупным реформам в тех отраслях, которые работали ранее (в период «прежнего великодержавного положения»? — А. К.) удовлетворительно». И насколько точка зрения нового Министра на непосредственно подчиненный ему аппарат выглядит разумной и единственно плодотворной для «смутной» эпохи — настолько же его мнение о тыловом обеспечении пополнений и снабжения сражающихся войск таит в себе угрозу непредвиденных последствий, с которыми и предстоит столкнуться будущему Верховному Правителю.

Разумеется, человек такого масштаба и такого ума, как Колчак, не мог ограничиться исключительно узковоенными проблемами, — и, наряду с бытовыми трудностями, впрочем возрастающими до уровня символических (провинциальный Омск — немногим более 60 тысяч жителей незадолго до Великой войны — просто не мог вместить «правительственных органов», стремящихся измерять свои штаты «всероссийским» уровнем грядущей деятельности, и сам Александр Васильевич, даже став Верховным, некоторое время должен был ютиться «в маленькой проходной комнате, в частной квартире»⁸⁸), адмирал упоминает и главный дефект «Всероссийской Власти» уфимского образца — партийное влияние, угрожавшее всему делу борьбы с большевизмом.

Никогда в течение Гражданской войны правительства, социалистические по своему составу или подпадавшие под воздействие социалистов, не были способны к решительному сопротивлению узурпаторам власти, сколь бы искренними ни были возглавлявшие эти правитель-

ства люди. От Белого моря до Терека, от Волги до Великого Океана, несмотря на всю «демократичность» и «прогрессивность», стремления к «свободе» и «народовластии», несмотря на «народнические» идеалы, в угоду которым подчас поднимались гонения на такие «символы старого режима», как офицерские погоны (а иногда — и национальный бело-сине-красный флаг), — социалисты оказывались бессильными и лишь разрушали дело, которым брались руководить. И причина здесь не только в отсутствии у них государственных и военных знаний и опыта: внося в борьбу партийный дух, они неизбежно обрекали ее (и самих себя) на поражение, ибо сопротивление большевизму могло оказаться успешным лишь при духовном преодолении русским народом революционной разобщенности, восстановлении соборного единства, подорванного кровавыми потерями Великой войны и окончательно разрушенного вакханалией 1917 года, — то есть на путях, противоположных традициям партийной политики, всегда догматичной и своекорыстно предпочитающей интересы «своих» — всем прочим.

В сущности, к той же мысли как будто подходил, еще неосознанно, на ощупь, адмирал Колчак, когда отвергал предложения той или иной незначительной группы лиц. Если прибегать к историческим аналогиям, он хотел быть не Прокопием Ляпуновым, собравшим ополчение, но погибшим от рук своих же союзников, не сумевших преодолеть разобщенности и раздоров, а князем Пожарским, призванным к командованию «едиными усты» и возглавившим всенародный порыв — поход на освобождение полоненной Москвы. Сейчас казалось, что единодушие и единовластие было достигнуто, но усиливавшееся влияние руководства партии социалистов-революционеров и Съезда членов Учредительного Собрания (тоже вполне социалистического) угрожало этому единству, пытаясь превратить Директорию в партийную организацию.

Колчак вряд ли любил социалистов, но важнее любых ярлыков и программ для него были живые люди. В этом смысле очень показателен эпизод его знакомства весной 1917 года с Г. В. Плехановым, которого адмирал ошибочно считал социалистом-революционером и огорчил ут-

верждением, что социал-демократы «не любят отечества и, кроме того, среди них очень много жидов»: «[Я] сказал, что принадлежу именно к нелюбимым им социал-демократам и, несмотря на это, — не жид, а русский дворянин, и очень люблю свое отечество, — не без юмора вспоминал Плеханов. — Колчак нисколько не смутился. Посмотрел на меня с любопытством, пробормотал что-то вроде: ну, это не важно, и начал рассказывать живо, интересно и умно о Черноморском флоте...»⁸⁹ Любви к Отечеству было достаточно, — так же, как и для генерала Алексеева, о котором говорили, что он спрашивал приходивших к нему добровольцев не «какой ты партии?», а «любишь ли ты Россию?»: «На поле сражения, перед лицом смерти все равны, и революционер, и монархист, и все мне дороги и нужны»⁹⁰. Но поблизости от Директории группировались люди, которым дороже России была партия, и Колчак не мог не чувствовать от этого обеспокоенности.

Заметим, что вряд ли у него вызывала особую неприязнь и сама идея «пятиглавой» Директории, хотя, как военный человек, он естественно должен был считать наиболее приемлемым — единоначалие, а применительно к государственному устройству — диктатуру. О «настроении» Колчака «в пользу постепенного сокращения Директории до одного лица» записывал 27 октября в дневнике генерал Болдырев⁹¹, — но и диктатура как таковая могла толковаться Александром Васильевичем достаточно широко и «либерально». «...Командующему военными силами должна принадлежать вся полнота власти на территории борьбы, но по мере продвижения в областях, очищаемых от большевизма, власть должна переходить в руки земских организаций», — считал он еще летом⁹², и, хотя позднее разочаровался в земствах (заметим, вполне оправданно), общее направление его мыслей приведенная фраза характеризует, думается, достаточно хорошо.

Поэтому не стоит представлять адмирала сторонником военного переворота и диктатуры во что бы то ни стало: к данному вопросу он подходил скорее прагматически — облегчает или усложняет существующая власть главную задачу борьбы с большевиками. И если, с одной

стороны, фронтовые генералы, герои летних боев Р. Гайда или А. Н. Пепеляев во время поездки нового Военного Министра в действующую армию недвусмысленно высказывались в пользу единовластия и тем самым, наверное, оказывали влияние на Колчака, — то с другой, заваривавшаяся в Омске каша каких-то интриг и причастность к ним командования Сибирской Армии вызывали у Александра Васильевича, похоже, не меньшие подозрения, чем деятельность социалистов-революционеров: не зря он в телеграммах с фронта настойчиво ходатайствовал об отстранении от должностей номинального Командующего Армией генерала П. П. Иванова-Ринова и его начальника штаба генерала П. А. Белова (последнего — даже путем ареста), «чтобы разом порвать со всеми интригами, губительно отражающимися на фронте»⁹³. При этом заподозрить в интриганстве самого Колчака представляется немислимым, и вполне правдоподобно, что по возвращении с фронта, 16–17 ноября, он действительно был неожиданно для себя поставлен перед фактом существования достаточно широких офицерских кругов, выдвигавших его на роль носителя единоличной власти. А в ночь на 18-е произошли и события, резко изменившие всю структуру государственного управления на Востоке России.

По нашему мнению, сами эти события не соответствуют утвердившемуся за ними наименованию «переворота» в полном смысле слова. Недовольство омского офицерства, уверенного в поддержке правоцентристских политических сил и, быть может, торгово-промышленных кругов, вылилось в самочинные аресты двух из пяти членов Директории, причем в отношении оставшихся никто как будто и не стремился прибегать к таким мерам (аресту подверглись также заместитель одного из «директоров» — видный социалист-революционер — и начальник милиции, подозревавшийся в организации партийных вооруженных формирований). Произшедшим, однако, был спровоцирован кризис, давно уже назревавший в недрах «Всероссийской Верховной Власти»: практически ни один человек из ее состава или состава кабинета министров не выступил в поддержку зашатавшегося режима, и после закрытой баллотировки растерянные ми-

нистры вручили власть вице-адмиралу Колчаку, произведенному в «полные» адмиралы и названному Верховным Правителем.

Этот титул (кстати, возникавший уже не впервые: «Временным Правителем» России пытался 9 июля 1918 года провозгласить себя генерал Хорват⁹⁴) в наши дни дал почву для далеко идущих рассуждений, имеющих целью «повысить» легитимность Колчака и его правительства и апеллирующих к... Основным Государственным Законам Российской Империи 1906 года, «в соответствии» с которыми якобы и состоялось назначение адмирала. Действительно, в Основных Законах имеется терминологическое совпадение (впрочем, не полное) в виде титула «Правителя», однако смысл соответствующего государственного поста и порядок его занятия, естественно, не имеют ничего общего с тем, что произошло в Омске 18 ноября 1918 года: достаточно просто обратиться к тексту соответствующих статей (42-я — 45-я) третьей главы Законов, трактующей «О совершеннолетию Государя Императора, о правительстве и опеке» и регламентирующей порядок управления страной в том случае, если лицо, которое унаследовало Императорскую власть, еще не достигло совершеннолетия.

«Правительство и опека (над несовершеннолетним Императором. — А. К.) учреждаются или в одном лице совокупно, или же раздельно, так что одному поручается правительство, а другому опека», — гласит закон. «Назначение Правителя и Опекуна, как в одном лице совокупно, так и в двух лицах раздельно, зависит от воли и усмотрения царствующего Императора, которому, для лучшей безопасности, следует учинить выбор сей на случай Его кончины»; «когда при жизни Императора такового назначения не последовало, то, по кончине Его, правительство государства и опека над лицом Императора в малолетстве принадлежат отцу или матери; вотчим-же и мачиха исключаются»; «когда нет отца и матери, то правительство и опека принадлежат ближнему к наследию престола из совершеннолетних обоюбого пола родственников малолетнего Императора»⁹⁵. Во всем этом, как видно, нет ничего общего с генезисом власти Верховного Правителя России, и не стоит пытаться оказывать адмиралу Колчаку услугу искусственным «возве-

дением» его чуть ли не к подножию Царского трона, тем более что «конституция» установившегося в Омске режима допускала интерпретацию о разделении «полноты власти», наряду с Верховным, еще и Советом Министров⁹⁶, а это с точки зрения Основных Законов 1906 года представляло собою совсем уж очевидную ересь.

При рассмотрении данного вопроса немаловажны также субъективные намерения и побуждения тех, кто принимал решение об облечении адмирала властью Верховного Правителя; заподозрить же в монархизме (ибо следование букве Основных Законов явно обозначало бы реставраторские тенденции) омский кабинет и остатки распавшейся Директории — в подавляющем большинстве левых конституционных демократов, правых или «мартовских» (то есть определивших свою политическую позицию после Февральского переворота) социалистов и неустойчивых либералов — никак невозможно. С этой точки зрения проблема правопреемства власти представляет дополнительный интерес, поскольку наследие Директории, как и ее собственные правовые основания, выглядят более чем сомнительными.

Развитие «российской революции» в 1917 году до большевицкого переворота 25 октября проходило через следующие этапы: отречение Императора Николая II; отсрочка Великим Князем Михаилом Александровичем решения о принятии или непринятии власти до всенародного волеизъявления; государственный переворот, осуществленный 1 сентября 1917 года Керенским, — провозглашение России республикой, — причем последний акт отрицал оба предыдущих, будучи узурпацией не только существовавшей верховной власти, но и прав предстоявшего Учредительного Собрания, которое после этого (в условиях уже состоявшегося «предрешения» государственного строя) вряд ли может почитаться чем-то серьезным. «Конституция» Уфимской Директории, однако, подчеркивала верховенство «Учредилки» образца 5 января 1918 года, вменяя «в непрременную обязанность Временного Всероссийского Правительства» — «предоставление отчета в своей деятельности Учредительному Собранию, немедленно по объявлении Учредительным Собранием своих работ возобновлен-

ными, и безусловное подчинение Учредительному Собранию как единственной в стране верховной власти»⁹⁷. Очевидно, Директория официально наследовала беззаконию, и беззаконие это не было явным образом отвергнуто сменившим ее режимом.

«Положение о временном устройстве государственной власти в России» от 18 ноября 1918 года звучит довольно неопределенно: «Осуществление верховной государственной власти временно принадлежит Верховному Правителю»; «власть по управлению во всем ее объеме принадлежит Верховному Правителю»; «все проекты законов и указов рассматриваются в Совете министров и, по одобрении их, поступают на утверждение Верховного Правителя». Вопрос об отношении к Учредительному Собранию, прежнего ли состава или вновь избранному, не поднимается вообще, а смену власти или ее преемственность предполагает осуществлять через Совет Министров, который воспринимает «осуществление верховной государственной власти» «в случае тяжелой болезни или смерти Верховного Правителя, а также в случае отказа его от звания Верховного Правителя или долговременного его отсутствия»⁹⁸. До некоторой степени юридическим низложением Директории (и в этом смысле — действительно переворотом) можно было бы считать первое обращение Верховного Правителя к населению —

«18 ноября 1918 года Всероссийское Временное Правительство распалось.

Совет Министров принял всю полноту власти и передал ее мне — Адмиралу Русского Флота Александру Колчаку»⁹⁹, —

поскольку, согласно предыдущей «конституции», члены Директории были «до Учредительного Собрания не ответственны и не сменяемы»¹⁰⁰ и, значит, «смена» в каком-то смысле упраздняла и всю «конституцию»; но, с другой стороны, официальное же извещение гласило: «Вследствие чрезвычайных событий, прервавших деятельность Временного Всероссийского Правительства, Совет министров *с согласия наличных членов Временного Всероссийского Правительства* (курсив наш. Как мы помним, это утверждение вполне соответствовало действительности. — А. К.) поста-

новил принять на себя полноту верховной государственной власти»¹⁰¹, — так что определенного ответа, как же все-таки новая власть относится к проблемам правопреемства, по существу дано не было. Не вполне проясняет ситуацию и заявление Верховного (в ноте союзным державам) о недопустимости восстановления Учредительного Собрания прежнего состава, «избрание в которое происходило под большевизмским режимом насильно и большая часть членов коего находится ныне в рядах большевиков»¹⁰², поскольку допустимо толкование его как возврат к ситуации не 3 марта (Акт Великого Князя Михаила), а 1 сентября (переворот Керенского) 1917 года.

Таким образом, юридические основы и преемственность «режима 18 ноября» представляются нам не вполне определенными, однако не в ущерб преемственности духовной: адмирал Колчак очевидно восстанавливал идею национальной, патриотической власти, «русской Руси» (А. К. Толстой), идею борьбы с разрушителями Державы, отрицания как «гибельного пути партийности», так и механического возврата к прошлому, — в сущности, идею живой, органической, творческой преемственности в развитии Государства Российского. По сути дела, только этот путь и мог привести, через военную диктатуру, к восстановлению традиционной формы правления, и если никак нельзя считать Александра Васильевича «политиканствующим» монархистом (о его симпатиях и степени монархизма вообще судить сложно, хотя известно, что он придавал большое значение установлению судьбы Царской Семьи: «...всякий раз, посещая Уральский регион, Колчак неизменно посылал за [следователем] Соколовым и подробно обсуждал все новые сведения, особенно его интересовала судьба Великого Князя Михаила»¹⁰³, а один из уральских чекистов прямо утверждал, что расследование убийства Великого Князя контролировалось лично адмиралом во время его пребывания в Перми¹⁰⁴), то нет оснований и подозревать Верховного Правителя в намерениях препятствовать реставрации, если бы она произошла после падения большевизма.

Поэтому упомянутую выше юридическую неопределенность вряд ли следует ставить в вину адмиралу, пыта-

ясь «восполнить» ее искусственными параллелями с до-Февральской терминологией, которые выглядят не более исторически обоснованными, чем рассуждения М. Волошина, увидевшего в назначении Колчаком себе заместителя ни более ни менее чем... «усыновление» императором своего преемника по образцу позднего Рима: «Этот порядок престолонаследия применялся в Византии, он был теоретически намечен и у нас Петром Великим, так что он вполне может быть связан с традициями нашей государственной власти. И сейчас мы уже имеем ожидаемого единодержца в лице Колчака, явившегося, к нашему счастью, не по выборам, а нормально — явочным порядком, как вообще приходят исторические деятели и государственные люди, и он последним своим приказом о назначении генерала Деникина своим преемником и заместителем намечает именно тот порядок престолонаследия, о котором я говорил»¹⁰⁵.

К сожалению, Волошин не читал русского полевого устава и не знал, что назначение заместителя старшего начальника является непрямым элементом всякого оперативного приказа — будь то на бой, походное движение или отдых¹⁰⁶, а к моменту назначения Колчаком своего заместителя обстановка была вполне боевой: во многих сибирских городах, в том числе и в столичном Омске, прошли организованные большевиками кровопролитные восстания, так что жизнь Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего подвергалась реальной опасности. Немаловажно и еще одно обстоятельство: не отрицая определенного политического значения предпринятого Колчаком шага (официальное «создание Единой Армии Русской» и укрепление «Единого Верховного Командования»), следует все же подчеркнуть, что сам адмирал относил его к сфере не политической, а узко-военной.

«...По моему предложению, — писал он Донскому Атаману генералу А. П. Богаевскому 28 июня 1918 года, — Совет Министров постановил учредить должность Заместителя Верховного Главнокомандующего, и я своим указом назначил на эту должность Главнокомандующего вооруженными силами Юга России А. И. Деникина.

Таким образом устанавливается преемственность Верховного Командования Русской Армией, и с этой стороны я могу быть спокойным.

Более сложным представляется вопрос о преемственности власти Верховного Правителя, и я не решаю пока его, ввиду огромной политической сложности этого дела»¹⁰⁷.

Заметим, что и сам Александр Васильевич еще в дни ноябрьского кризиса «был смущен предложенным званием “Верховного Правителя”, ему казалось достаточным звание Верховного Главнокомандующего, с полномочиями в области охраны внутреннего порядка»¹⁰⁸ (впрочем, действовавшее с 1914 года «Положение о полевом управлении войск в военное время», содержание которого старшие армейские и флотские начальники должны были помнить достаточно хорошо, предоставляло Верховному Главнокомандующему довольно широкие prerogatives по управлению прифронтовыми областями — а таковыми в условиях Гражданской войны могла почитаться едва ли не вся Россия). Настроения адмирала Колчака как нельзя лучше были изложены им в письме жене: «Я прошу Тебя уяснить, как я сам понимаю свое положение и свои задачи. Они определяются старинным рыцарским девизом Богемского короля Иоанна, павшего в битве при Кресси — “Ich diene” *. Я служу Родине своей, Великой России, так, как я служил ей все время, командуя кораблем, [минной] дивизией или флотом»; «я не являюсь ни с какой стороны представителем (в публикации документа — «ни представителем...». — А. К.) наследственной или выборной власти. Я смотрю на свое звание как на должность чисто служебного характера. По существу, я Верховный Главнокомандующий, принявший на себя функции и Верховной Гражданской Власти, так как для успешной борьбы нельзя отделить последние от функций первого»¹⁰⁹. То же самое говорил адмирал и войскам:

«...По приходе дивизии командуящий армией мне доложил, что солдаты дивизии желают видеть того, за кого они сражаются. Это неправильно, за меня никто не сражается, я сам солдат и такой же слуга Родины, как

* Я служу (нем.).

каждый офицер и солдат, и ничем в этом отношении с вами не разньюсь.

Мы все сражаемся за воссоздание Родины и боремся против захватчиков власти, которые под ложным именем рабоче-крестьянского правительства поработили наше отечество. Эти захватчики даже не русские люди, они наемники немцев, и кто они такие, вы отлично знаете»¹¹⁰.

Александр Васильевич Колчак всю жизнь стремился быть *солдатом России* — и Россия сделала его своим *первым солдатом*.

* * *

Этому ощущению Колчаком своей роли как находящегося на службе солдата отнюдь не противоречит, на наш взгляд, та решительность, с которой он принял на себя главнокомандование и высшую власть в государстве. «Генерал, я не мальчик, в Ваших поучениях не нуждаюсь, — телеграфировал адмирал тогда находившемуся на фронте Болдыреву, который был обеспокоен всем, что без него произошло в Омске. — Я взвесил все и знаю, что делаю»¹¹¹, — но в этих словах перед нами предстает не захватчик, не узурпатор власти, а человек (прибегая к морским аналогиям), увидевший, как разбушевавшиеся волны захлестывают корабль, и твердой рукою схвативший штурвал, от которого отступились остальные члены команды. Нет оснований подозревать в нем тайного дикрижера, проложившего себе путь к власти руками казачьих офицеров (хотя один из членов кабинета и писал: «Если бы Совет [Министров] не принял постановления о диктатуре Колчака, — возможно, что он так же и теми же силами был бы низвергнут, как и Директория»¹¹², — это предположение, в сущности, не выходит за рамки личных опасений и подозрений мемуариста); но, будучи призванным на высший пост государственной иерархии, Александр Васильевич ведет себя уверенно и мужественно, как и подобает настоящему военачальнику.

Однако именно личное возглавление адмиралом вооруженных сил повлекло впоследствии большинство обвинений в его адрес. «...То, что в Омске он взялся не за

свое дело, — это (в ретроспективе!) видится как несомненный факт»¹¹³, — читаем мы сегодня, хотя серьезного анализа в большинстве случаев за подобными утверждениями не следует, а аргументация сводится, самое большее, к указанию на непривычность военно-сухопутных действий для моряка и непригодность моряка для командования армиями. На самом деле, авторы этих упреков вряд ли понимают, насколько болезненную тему они затрагивают: ведь сущность главнокомандования как *индивидуального* творчества была для Александра Васильевича очевидна. «В основании учения об управлении вооруженной силой лежит идея творческой воли начальника — командующего, облеченного абсолютной властью как средством выражения этой воли», — писал он еще в 1912 году в очерке «Служба Генерального Штаба». «Искусство высшего, вернее, всякого командования есть искусство военного замысла, — это та творческая работа, которая в силу своей сущности может принадлежать только одному лицу, так как понятие о всякой идейной творческой деятельности не допускает возможности двойственности и вообще участия в ней второго лица»; «...собранные данные по обстановке оцениваются высшим командованием или единолично, или при помощи военного совета, ни в каком случае не принимающего на себя каких-либо функций в отношении военного замысла. Далее уже начинается область единоличного идейного творчества командующего, который, исходя из оценки обстановки и основной цели военных действий, должен создать военный замысел»; «творческая работа по созданию военного замысла является по существу единоличной и принадлежит всецело командующему безраздельно, всякое влияние на нее со стороны вторых лиц является недопустимым, никакой помощи или совместной деятельности в этой работе быть не должно», — вновь и вновь повторяет Колчак¹¹⁴, казалось бы, вынося тем самым приговор своей будущей работе в качестве Верховного Главнокомандующего.

Действительно, адмирал никогда не имел возможности глубоко изучить искусство сухопутной войны, не говоря уже о том, чтобы приобрести соответствующий опыт;

вряд ли представлял он до конца, насколько отличается сама психология командования на море, где корабли — основные элементы сражения — повинуются или выходят из строя как единое целое, и на суше, где полк или даже дивизия под воздействием «морального фактора» (слабость начальствующего состава, неоднородность или недостаточная подготовленность солдатской массы, слухи об угрозе окружения или неудаче на соседнем участке и проч.) может в одночасье прекратить свое существование как боевая сила, рассыпавшись и перейдя в «атомизированное» состояние; наконец, и значительная часть работы по военному строительству должна была оказаться для Колчака в новинку, поскольку управляющие органы Морского Ведомства в Российской Империи не занимались даже вопросами мобилизаций и воинского учета (Флоту выделялась часть новобранцев, призыв которых осуществлялся аппаратом Военного Ведомства). Так не слишком ли велик был риск решения, принятого адмиралом Колчаком?

Безусловно, риск был велик, и нам приходится предположить либо легкомыслие Александра Васильевича, не соразмерившего своих сил и умений с грандиозностью предстоящих задач (но — увлекающийся и импульсивный — он все же никогда не выглядит легкомысленным и в менее существенных вопросах), либо... глубочайший трагизм ситуации, когда человек, отдавая себе отчет в опасностях, ждущих на открывшемся пути, все же не может не избрать его, *поскольку других кандидатов нет, а Россию надо спасти*.

Имевшийся «в наличии» Верховный Главнокомандующий генерал Болдырев, как член Директории, вряд ли пользовался большим авторитетом у фронтовых начальников, с которыми адмирал виделся незадолго до 18 ноября и о чьей неприязни к «Временному Всероссийскому Правительству» вынес недвусмысленное впечатление¹¹⁵; когда же Болдыреву фактически выразили недоверие и его коллеги по кабинету, причем вопреки настояниям самого Колчака («Я высказался в том смысле, что при настоящих условиях необходимо сохранить то, что есть, т. е. что Верховным главнокомандующим должен остаться Болдырев и что ему и должна быть передана вся власть, относительно же себя я сказал, что я —

человек здесь новый, меня широкие массы армии, и в частности казаков, не знают»¹¹⁶), — Александру Васильевичу оставалось или умыть руки, прекрасно сознавая все изложенное выше, или — решаться на шаг, который в этом контексте мы уже определим как *подвиг*, — шаг, без сомнения стоивший ему, с его повышенной эмоциональностью, немалых сомнений и терзаний.

Но были ли мероприятия, предпринятые Колчаком в должности Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего, основные направления его политики, столь уж беспомощными и даже пагубными, как это обычно считают, основываясь на последовавшем через год крушении антибольшевистского движения в Сибири? Прежде всего подчеркнем, что поставленная Верховным первой в ряду своих главных целей задача «создания боеспособной Армии, победы над большевизмом»¹¹⁷ безусловно и должна была превалировать над всеми остальными, так как никакие политические или экономические преобразования не могут в военное время сравниться по своей важности с результатами боевых действий, их успехами или неудачей. Поэтому нет никаких оснований относить к фатальным ошибкам адмирала Колчака отсрочку им окончательных решений по аграрному или иным подобным вопросам; более того, при обсуждении этого следует в первую очередь отрешиться от многолетнего гипноза советской историографии, согласно которой «Декрет о земле», лишивший крестьян надежды получить землю в собственность («Право частной собственности на землю отменяется навсегда; земля не может быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду либо в залог, ни каким-либо другим способом отчуждаема. Вся земля: государственная, удельная, кабинетская, монастырская, церковная, посессионная, майоратная, частновладельческая, общественная и крестьянская и т. д. отчуждается безвозмездно, обращается во всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней»¹¹⁸), почему-то считается «привлекшим симпатии крестьянства на сторону Советской власти», — а распоряжения Деникина и Колчака, оставлявшие землю и большую часть урожая в распоряжении *даже* незаконных захватчиков — до сих

пор подаются как «антикрестьянская» политика, «оттолкнувшая крестьян от Белого движения». И если даже резко враждебная земледельцу большевицкая продрозверстка, побуждавшая повсеместно братья за топоры, не стала определяющим фактором Гражданской войны в «аграрной России», — значит, и обещания Верховного Правительства разрешить земельный вопрос в послевоенном Национальном Собрании не могли иметь столь уж фатального характера.

Другим аспектом той же проблемы было желание, общее для всех Белых вождей, держать свои армии «вне политики». Так, уже 21 ноября 1918 года Верховный Главнокомандующий адмирал Колчак издает приказ, который следовало «прочитать во всех ротах, эскадронах, сотнях, батареях и командах» (то есть донести буквально до каждого солдата и казака):

«Я требую, чтобы с начавшейся тяжелой боевой и созидательной работой на фронте и в тылу, — офицеры и солдаты изыали бы из своей среды всякую политику и взаимную партийную борьбу, подрывающую устои Русского Государства и разлагающую нашу молодую Армию.

Все офицеры, все солдаты, все военнослужащие, — должны быть вне всякой политики; только тогда мы сумеем создать могущественную Армию и спасти РОССИЮ. Теперь у всех в мыслях, на устах, в сердцах и на деле должно быть только одно стремление — отдать все свои силы АРМИИ и РОДИНЕ.

Начальникам всех степеней принять решительные меры к точному проведению в жизнь моего требования.

Всякую попытку извне и изнутри (в документе — «и внутри». — А. К.) втянуть Армию в политику приказываю пресекать всеми имеющимися в руках Начальников и офицеров средствами»¹¹⁹.

Обычно из подобных призывов делают вывод «армии не знали, за что воевали», с противопоставлением широко развернутого пропагандистского аппарата у большевиков. Однако и здесь нам видится явное преувеличение: даже случаи крупных мятежей и предательств в войсках Верховного Правительства, разумеется, имевших негативные последствия, не надломили духа остававшихся в строю до тех

пор, пока генералитет и офицерство сохраняли дисциплину, пока продолжалось регулярное, организованное «сверху», сопротивление противнику, сколь бы недостаточной ни представлялась работа «Осведверха» или иных агитационных органов. И напротив, когда в зарождавшемся хаосе отступления войсковые командиры — от недавних героев Р. Гайды, Б. М. Зиневича, А. В. Ивакина, да и А. Н. Пепеляева, до безымянных поручиков и штабс-капитанов — начали попытки вмешаться в политику и сделать вооруженную силу, находившуюся в их распоряжении, фактором не только боевым, но и внутривнутриполитическим, — произошла катастрофа. Армии Колчака были, без сомнения, потрясены фронтовыми неудачами, но поставили крест на борьбе многих тысяч, еще стоявших под ружьем, тыловые мятежи, которые взорвали «Белую Сибирь» изнутри, зачастую — под руководством офицеров, еще не снявших русские погоны (пожалуй, в этом смысле «политические» компоненты борьбы оказались на Востоке действительно более значимыми, чем, скажем, на Юге, где генерал Деникин сумел удержать свои войска и их начальников в повиновении). Что же касается строительства вооруженных сил и их боевого использования, то здесь в действиях Верховного и его ближайших сотрудников и вправду можно усмотреть ряд промахов, хотя и в их описаниях акценты зачастую смещаются, а виновные, подлинные и мнимые, оцениваются не всегда справедливо.

Главные упреки, пожалуй, относятся к выбору операционного направления — наступлению весной 1919 года не на Самару и Царицын, а на Глазов и Вятку, с перспективой прорваться к Архангельску, через который проще было бы получать помощь оружием и снаряжением от союзников-англичан; или вернее — к попытке одновременного наступления по двум направлениям при отсутствии необходимой координации действий. Следует, однако, заметить, что притягательность «северного» участка во многом подкреплялась в глазах командования уже состоявшимся соединением с войсками Северного («Архангельского») фронта. Еще в конце января — начале февраля передовые колчаковские подразделения появились на Печоре, 21 марта произошла встреча с «архан-

гельцами», а 26 апреля Командующий русскими войсками Северного фронта генерал В. В. Марушевский в ответ на приветственную телеграмму Гайды от 18 апреля — «Рады, что Сибирская армия имела возможность первой установить братское общение с доблестными отрядами Архангельских войск» — телеграфировал: «Прошу верить моему горячему желанию вести работу не только в связи, но и с прямым подчинением наших операций операциям сибиряков. [...] Для успеха операции крайне нуждаюсь в подробных сведениях о расположении, силах, действиях правого фланга сибирцев... Надеюсь в самом близком будущем видеть наших северных стрелков действительно плечом к плечу с сибирцами»¹²⁰. При согласованных насту­плениях от Перми и Архангельска — на Вятку и Котлас соответственно не только облегчалось снабжение наступающих войск Гайды всем необходимым с Севера, но и создавался новый участок общего фронта, силы красных против которого были бы сравнительно невелики. Поэтому понять увлекающегося Гайду, пожалуй, легче, чем старого и опытного военачальника генерала М. В. Ханжина (возглавлявшего Западную Армию), который вряд ли более, чем Командующий Сибирской Армией, заботился о координации действий с соседями.

В связи с этим возникает закономерное подозрение об отсутствии на Востоке России достаточно властного лица или, на худой конец, управляющей инстанции, которые были бы в состоянии проводить единую стратегическую идею в масштабах всего фронта — от Каспия до Печоры и, соответственно, принуждать к повиновению чересчур самостоятельных полководцев. Очевидно, сам Колчак не справился с этой задачей или изначально слишком положился на свой штаб, возглавляемый полковником (затем — генералом) Д. А. Лебедевым, который на этом посту снискал репутацию «злого гения» — одного из тех, кто своими действиями «вырыли в Сибири могилу и для адмирала Колчака, и через него для всей России»¹²¹.

Этот выбор адмирала принято считать не только ошибочным, но и трудно объяснимым, сделанным на основании каких-то импульсивных побуждений или соображений, оставшихся неизвестными. Предположения до-

ходили до того, будто Лебедев «был выбран потому, что участвовал в перевороте 18 ноября и способствовал возвышению Колчака». «Думать так, — комментирует, однако, даже резкий и беспристрастный критик Верховного Правителя, — значит совершенно забывать о благородном рыцарском характере Колчака, который к тому же и не стремился к диктатуре, и был совершенно неспособен делать назначения из благодарности за личные услуги»¹²². В некотором смысле причастность Лебедева к ноябрьским событиям могла учитываться и говорить в его пользу, но, думается, лишь как свидетельство его государственнической позиции, более же значимой представляется изначальная связь будущего начальника штаба Верховного с Добровольческой Армией, в которой он состоял с первых дней ее существования (генерал Алексеев командировал полковника в Москву, затем — в Саратов, пути же, приведшие его за Урал, до сих пор так и не исследованы), — вряд ли случайно в приказе о его производстве в генералы подчеркивалось: «числящийся по Генеральному штабу, состоящий в рядах Добровольческой армии генерала Деникина»¹²³. Правда, полномочия Лебедева на координацию действий двух фронтов более чем сомнительны, а его служебный стаж не давал никаких оснований для столь стремительного взлета; но и обвинения, предъявляемые незадачливому начальнику штаба его недоброжелателями, в сущности не проясняют причин неудач, поскольку Лебедеву приписывают то, в чем он вряд ли был виноват, и игнорируют некоторые из его действительных взглядов и распоряжений.

«Вернее всего, что разгадку надо искать в импульсивности и стремительности характера адмирала, который и в сухопутном деле рвался на abordаж, — рассуждает один из критиков. — Наверно, Лебедев нравился ему, когда в беседах высказывался за крайнюю активность действий против большевиков, которых легко победить с наскока. Кроме того, он и другие “вундеркинды” [...] уверяли адмирала, что в революцию и стратегия, и тактика, и организация войск должны быть иными, чем в нормальной войне, и хорош лишь тот командующий армией, который сам с винтовкой в руках идет впереди солдат...»¹²⁴

На самом деле, как мы уже имели возможность убедиться за недолгий период службы Колчака на КВЖД, адмирал был сторонником отнюдь не «абордажных» авантюр, а, напротив, накопления сил и формирования их по регулярному принципу; принципы же, которыми руководствовался Лебедев, были подробно изложены в его докладе на имя Верховного, поданном 21 января 1919 года, и отнюдь не соответствуют приведенным выше обвинениям.

Основная идея доклада — «для решительного перехода к активным действиям сформировать к весне новые части, которые до полного окончания их формирования не расходовать, как бы обстановка на фронте ни складывалась». Подготовка этого будущего ударного кулака, силу которого автор доклада предполагает довести до 135 000 штыков и сабель, должна, по его мысли, проводиться на основе правильно организованного призыва военнообязанных, частично — с использованием кадра хорошо зарекомендовавших себя на фронте соединений и с массовой подготовкой и переподготовкой унтер-офицерского и даже младшего офицерского состава, — то есть принципы военного строительства по Лебедеву (и, очевидно, Колчаку) оказываются самыми что ни на есть регулярными и вовсе не похожи ни на какую авантюру или искание «иных, чем в нормальной войне», форм. Следует также подчеркнуть, что замысел начальника штаба Верховного Главнокомандующего, на наш взгляд, весьма напоминает попытки организации и использования войск, которые в конце лета — осенью 1919 года будет предпринимать, в период своего недолгого командования «армиями Восточного фронта», генерал М. К. Дитерихс, — и вряд ли случайно, что на роль «опытного лица», которому следовало бы поручить «общее наблюдение за успешностью формирования и правильной постановкой воспитания и обучения» новых дивизий, Лебедев предлагал именно Дитерихса¹²⁵; черновик же доклада рисует еще более широкие перспективы: «Крайне важно поставить во главе всех формирований сразу то лицо, которое впоследствии поведет их в бой, т. е. будущего командующего армией (армейской группой)»; «...**объединение** (всюду в цитате — выделения первоисточника. — А. К.) всех воп-

росов формирования, воспитания и обучения представляется крайне важным, и чем более авторитетное лицо будет выдвинуто на этот пост, тем больше гарантия в том, что и дальнейший подбор начальников от этого выиграет, и будущая армия действительно представит собою **постоянную регулярную** вполне дисциплинированную армию как образец для дальнейшего роста вооруженных сил и как опору существующей власти и порядка», с той же рекомендацией: «по моему глубокому убеждению, таким лицом мог бы быть Генер[ального] Штаба ген[ерал]-лейт[енант] Дитерихс»¹²⁶.

О близком сотрудничестве Лебедева и Дитерихса может свидетельствовать, по нашему мнению, и шифрованная телеграмма последнего начальнику штаба Верховного, в которой он, обсуждая качества генерала Н. А. Галкина (возглавлявшего ранее поволжскую Народную Армию), заключает: «...Не могу составить себе положительного мнения о Генерале Галкине, которое позволяло бы мне высказать согласие на его назначение на театр военных действий»¹²⁷. А когда летом 1919 года генерал Гайда выступил против действий начальника штаба с протестом, антидисциплинарным по форме, но в целом справедливым по существу, — возглавлявший комиссию, которая проводила расследование инцидента, Дитерихс, несмотря на обоснованность протеста, не дал устранить Лебедева с его поста, сохранив тем самым довольно опасное и грозившее дальнейшими осложнениями status quo¹²⁸. (В качестве дополнительного, хотя и косвенного аргумента заметим, что Лебедев мог, в бытность сотрудником генерала Алексева, слышать от него положительные отзывы о Дитерихсе, ранее служившем под началом старого генерала и пользовавшегося его уважением.)

Таким образом, если наше предположение справедливо и «за спиной» Лебедева стоял генерал Дитерихс (пусть и в качестве негласного, но авторитетного советника и консультанта), — это до некоторой степени снимает с адмирала Колчака обвинение в пристрастии к «вундеркиндам» и пренебрежении «настоящими» генералами «старой школы» (особенно колоритно тогда начинает выглядеть противопоставление Лебедеву... именно Дитерихс-

са!¹²⁹), а все, что обычно считается недостающим в военном строительстве на Востоке, — в действительности оказывается едва ли не основным его содержанием, и, быть может, приходится предположить, что вред заключался не в недостатке, а в... переизбытке «регулярства».

Трудно подобрать теоретические возражения против логики Лебедева, Дитерихса и Колчака: свежие и хорошо подготовленные в тылу дивизии, будучи в нужный момент брошенными на чашу весов, казалось, и вправду должны были стать решающим фактором победы. Действительность, однако, далеко не всегда соответствует теоретическим схемам, а в годы смут и потрясений это несоответствие порой выглядит чуть ли не правилом. В частности, так произошло и с резервами, подготовленными в тылу. Они были многочисленны («...Мы были встречены с большим удивлением, когда они увидели стройные ряды 900 штыков-Сибирцев. Спрашивали — какая дивизия? и когда наши стрелки ответили, что это 1-й батальон 49-го Сибирского Стрелкового полка, они кричали: "Врешь, сибиряк, таких батальонов нет!"» — рассказывает командир батальона¹³⁰); неплохо — по меркам Гражданской войны — обмундированы и снаряжены («Появились любимые части вроде Каппелевского корпуса, отлично до последней нитки и с запасом снабженного», — брюзжал один из старших генералов¹³¹, жалобы же каппелевца, что корпусу «задерживали пополнение, не отпускали материальную часть, конный состав и прочее»¹³², скорее напоминают обычное недовольство строевика штабами и довольствующими органами); действительно, по возможности, сбережены в тылу как единое целое и как единое целое выведены на фронт для общего удара — но в целом не оправдали надежд на них как на силу, способную коренным образом переломить ситуацию.

Даже Каппель — легендарный и героический генерал Каппель, с горсткою добровольцев творивший чудеса весь 1918 год во время боев на Волге и последующего отступления, — оказался не сильнее этой скрытой тенденции Гражданской войны: оказавшись на передовой, части его 1-го Волжского корпуса начали нести потери (в том числе сдающимися в плен и перебегающими к противнику) и

терпеть неудачи, и потребовалось... пребывание войск в непрерывной боевой страде, чтобы Каппель, не выводя их из огня, сумел превратить тех же самых солдат (еще недавно — «сырые пополнения») в железных бойцов, прошедших Великий Сибирский поход. А поскольку вождь, подобных Каппелю, было значительно меньше, чем пополнений для фронта, — с остальными пополнениями ситуация нередко оказывалась еще более плачевной.

Суть этого парадокса, как можно предположить, заключается в следующем. Необходимую «шлифовку», спайку и сколачивание войска, очевидно, должны проходить не только в боевой обстановке, но и в тесном взаимодействии с фронтовиками, уже закаленными этим огнем и передающими новым формированиям дух, только и способный привести их к победе. Трудно говорить об универсальности данного вывода, но в эпоху Гражданской войны он должен приобретать особенное значение в силу большей, чем обычно, подверженности войск колебаниям и повышенной роли военно-психологического, морального фактора (в первую очередь — веры в свои силы и боевого «куража»). Похоже, что это понимали или инстинктивно чувствовали герои сухопутных сражений Первой Мировой — генералы Юденич и Деникин, в годы Белой борьбы производившие пополнение и разворачивание своих армий на основе фронтовых частей и соединений и достигавшие на этом пути больших успехов, чем Верховный Правитель и Верховный Главнокомандующий; Колчак же, склонившись к советам сторонников «регулярства» и системы резервов (вполне соответствовавшим и его собственным взглядам), совершил, должно быть, стратегическую ошибку.

Вместе с тем, говоря о приверженности Колчака к «регулярству», не следует забывать о негативном опыте лета 1918 года, когда своеволие «атаманов», которое вступало в конфликт с попытками военного строительства, предпринимаемыми адмиралом, неизбежно вырабатывало у него предубеждение против «излишне» самостоятельных фронтовых начальников. Мы уже затрагивали этот вопрос при обсуждении письма Александра Васильевича генералу Болдыреву; сделавшись же Верховным, автор

письма немедленно получил подтверждение своих опасений в виде скандальной позиции Атамана Семенова, который в течение полугода отказывался «признавать» Колчака и формально ему подчиняться (фактическое подчинение все-таки продолжалось). Дикая ситуация, когда Семенов был объявлен изменником и в то же время продолжал оставаться командующим значительными войсковыми соединениями и осуществлять не только военную, но и гражданскую администрацию на обширных территориях Забайкалья, естественно должна была обострять неприязнь адмирала к любым проявлениям того, что он, иногда, быть может, слишком поспешно квалифицировал как проявления «атаманства».

Конфликт с Семеновым глубоко уязвлял Колчака, хотя в конце концов на попятную во имя общего дела пошел именно Атаман (реабилитация которого от громких обвинений в государственной измене была весьма относительной, а дисциплинарные и административные права оказались значительно урезанными); этот прецедент, очевидно, заставлял с повышенной чувствительностью относиться и к действиям генерала Гайды — не менее самоуверенного, склонного к категорическому отстаиванию собственных суждений, не стесняющегося в формах, которыми они доводились до сведения Верховного, и самолюбивого до тщеславия. Крайне интересно, однако, что Колчак, при всей своей неприязни к «импровизации», иногда мешавшей ему разглядеть за *своеволием* — необходимую в Гражданской войне *инициативу*, время от времени интуитивно ощущал в антидисциплинарных поступках своих подчиненных некое рациональное зерно, и показательным примером тут является тот же Гайда. Адмирал не только долго терпит его и до последней возможности стремится улаживать все конфликты личными переговорами; не только готов разделить негодование Гайды во многих его справедливых по существу требованиях (например, в финансовом вопросе: «Ген[ерал] Гайда, — записывал в дневнике Председатель Совета Министров П. В. Вологодский, — доложил Верховному Правителю, что армия два месяца не получала жалованья [...]. Колчак выразился, что современный фи-

нансовый аппарат, очевидно, совсем не приспособлен к требованиям момента. Крайняя медленность печатания денежных знаков, волокита с их доставкой на места, отсутствие мелких купюр в стране и т. п. заставляют действовать по-атамански, и что он, Колчак, скоро сам вынужден будет прибегнуть к этим мерам атаманско-большевистского характера, т. е. к реквизициям, конфискациям, контрибуциям и выпускам денежных знаков из своего кабинета...»¹³³); не только продолжает вспоминать Гайду и его требования уже после скандальной отставки непокорного генерала, которая, казалось, проложила между ними пропасть («Я вижу лишь одно, что генерал Гайда все-таки во всем прав. Вы оклеветали его из зависти, оклеветали Пепеляева, что они совместно хотят учинить переворот, да... переворот необходим... так продолжать невозможно...» — кричал он, за десять дней до падения Омска, на Дитерихса и даже якобы «подумывал о приглашении снова генерала Гайды»¹³⁴); но и после того, как потерявший самообладание Гайда позволил впутать себя в политиканство тыловых социалистов-революционеров и принял участие в открытом мятеже, — адмирал, очевидно, не раз мысленно возвращается к бывшему подчиненному, коль скоро даже на краю могилы, в последней записке А. В. Тимиревой (написанной в тюрьме), уже предчувствуя близкую смерть, к глубоко личным словам и признаниям неожиданно добавляет: «Гайду я простил»¹³⁵.

Мы остановились на этом не только потому, что взаимоотношения, а затем и конфликт двух военачальников сами по себе были весьма значительными (Верховный Главнокомандующий и Командующий одной из армий!), но и потому, что в них видятся нам интуитивные поиски адмиралом Колчаком той «равнодействующей», которая позволила бы ему устанавливать оптимальные формы управления и военного строительства и отклонения от которой грозили немедленно развиваться в губительные крайности — безоглядной «атаманщины» или косного теоретизирования. Адмирал, кажется нам, чувствовал, нащупывал эту «равнодействующую», но... времени не было, обстановка менялась едва ли не ежедневно, сотрудники Колчака были живыми людьми со своими не-

рвами, эмоциями, достоинствами и недостатками; а Александр Васильевич торопился, ошибался и... не успевал.

Крайностями характеризуются и отзывы о другой необходимой для вождя стороне его деятельности — личном общении адмирала с войсками. «Солдаты видят Верховного Правителя рядом с ними, на расстоянии выстрела [от противника], и они остаются очарованными, согретыми и преданными», — восторженно пишет (правда, кажется, с чужих слов) один из его сотрудников¹³⁶, — и в то же время другой приводит выдержку из солдатского письма «о том, что к ним приезжал “какой-то аглицкий адмирал Кильчак, должно быть из новых орателей, и раздавал папиросы...”»¹³⁷. Вряд ли имеет смысл решительно предпочитать одно из свидетельств другому или искать истину где-то посередине; в конце концов, у любого оратора бывают удачи и промахи, Колчак же, несмотря на то, что был в известной степени человеком «книжным», умел, как мы знаем, при случае говорить сильно и убедительно. Однако было бы несправедливо и отрицать в этой области очевидные ошибки, такие, как широкое распространение приказа, отданного в первые же дни его пребывания на посту Верховного:

«ОФИЦЕРЫ РУССКОЙ АРМИИ.

С давних времен ВЫ являетесь оплотом и гордостью РУССКОЙ АРМИИ. Вы всегда были преданнейшими сынами Великой РОССИИ.

Теперь, когда наша израненная РОДИНА вновь становится на путь национального возрождения (разрядка документа. — А. К.), — я убежден, Вы отдадите все свои силы и не остановитесь ни перед какими жертвами, чтобы сплотиться вокруг меня для дружной самоотверженной боевой и созидательной работы по воссозданию Армии и восстановлению РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА.

Благородная АНГЛИЯ и прекрасная ФРАНЦИЯ дружески протянули нам свои руки братской помощи, и я глубоко верю в то, что с ними, храбрыми Чехо-Словаками и с нашими молодыми солдатами, — мы спасем РОССИЮ, мы ее возродим и сделаем ее снова могучей и Великой»¹³⁸.

Ошибка здесь не в содержании документа — он совершенно справедлив и проницательно выделяет в ря-

дах войск именно тот элемент, которому и предстоит решить исход борьбы; но оглашение приказа «во всех ротах, эскадронах, сотнях, батареях и командах» могло дать пищу злонамеренной агитации об «офицерском» («классовом») характере колчаковской армии и власти в целом. С другой стороны, и ознакомление с приказом одних офицеров не решало проблемы, поскольку полностью утаить его от солдатской массы все равно было невозможно — он стал бы известен через писарей, телефонистов, вестовых и проч.; и в этом частном примере как будто проявляется некая глобальная закономерность, когда правильные по сути поступки Верховного не приводят к желаемому результату, ибо в них не учитывается (а вернее — не «улавливается») непривычная, требующая подчас столь же непривычных решений обстановка.

Разумеется, речь не идет о приспособленчестве к настроениям толпы — оно было, в сущности, просто невозможным для Белых, которые в этом случае не были бы Белыми (потому столь наивно выглядят упреки Колчаку, что он не проявил «политической гибкости» и не издал чего-либо подобного «декрету о земле» и «декрету о мире»): суть Белого Дела и сводилась именно к движению «против течения», противостоению той вакханалии, которая бушевала в стране в 1917-м, и той диктатуре, которая выкристаллизовалась из этого «коллективного безумия» в последующие годы; в этом смысле Белые были консерваторами, традиционалистами, и не могли быть никем более. Но настоятельно требовало нестандартных мыслей и поступков *военное творчество*, которое, согласно горячей проповеди германского теоретика фельдмаршала А. фон Шлиффена, заключается именно в том, что полководец «должен становиться над законами стратегии, должен взвешивать, какие из них он может в данном случае нарушить и какие в своем дерзновенном стремлении может использовать»¹³⁹. И, применимые к Деникину, Каледину, Юденичу, — эти слова нам, при всем желании, трудно применить к адмиралу Колчаку.

Трагедия, загадка или, если угодно, злой рок Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего оп-

ределялись, кажется, отнюдь не недостатком каких-либо качеств, требующихся для выполнения его работы. Александр Васильевич Колчак вовсе не был слабой безвольною пешкой в чужих руках; или лихим моряком, «умеющим управлять кораблем, но не армией»; или прекраснодушным идеалистом, самозабвенно возводившим воздушные замки над залитыми кровью и грязью полями Гражданской войны. Адмирал был человеком волевым, упорно стремящимся провести в жизнь свои решения, с широким кругозором и мощным интеллектом, военачальником, выбиравшим обоснованные и во многом рациональные пути, — и именно поэтому, когда обстановка оказывалась более сложной, а военное счастье изменяло, — удары оказывались, должно быть, слишком сильными и вызывали моральное перенапряжение и чрезмерно эмоциональную реакцию Верховного. «...В одинокой рабочей комнате, в груди, мучимой сомнениями, решение вынашивается не так легко и гладко, как звучат слова [...], ибо на войне все тяжело», — писал Шлиффен, не понаслышке знавший, что такое штабная работа, даже о своем кумире — внешне-бесстрастном, хладнокровном рационалисте фельдмаршале Г. фон Мольтке Старшем¹⁴⁰; и кольми паче должен был терзаться выбором, ответственностью, тяжестью принятого на себя креста полководца — адмирал, в свое время сформулировавший в качестве «credo» жестокую заповедь:

«**Виноват** (выделено А. В. Колчаком. — А. К.) тот, с кем случается несчастье, если даже он юридически и морально ни в чем не виноват. Война не присяжный поверенный, война не руководствуется уложением о наказаниях, она выше человеческой справедливости, ее правосудие не всегда понятно, она признает только победу, счастье, успех, удачу, — она презирает и издевается над несчастьем, страданием, горем — “горе побежденным” — вот ее первый символ веры»¹⁴¹.

Эта беспощадность к себе, буквально терзавшая душу адмирала Колчака по меньшей мере с 1917 года (как то можно заключить из его писем), вряд ли была распознана окружающими, которые предпочитали несколько свысока судить о «бесхарактерном» «большом ребенке», «по-

лярном идеалисте», «далеком от жизни», не имеющем «собственного мнения по незнакомым для него вопросам» и вообще представляющем собою «мягкий воск, из которого можно лепить все, что угодно»¹⁴² или, по крайней мере — о «человеке кабинетном», для которого «любимым занятием» было «проводить время за книгою»¹⁴³... Но объясняло ли такое — в чем-то романтизированное, в чем-то пренебрежительное — отношение к Колчаку ту трагическую печать, лежавшую на всем его облике, «в губах что-то горькое и странное»¹⁴⁴, что бросилось в глаза при первой встрече даже человеку, уже предубежденному против адмирала и стяжавшему впоследствии известность в качестве самого яркого, резкого и... несправедливого его критика?

И не более ли прозорливыми (конечно, случайно и неосознанно) оказались боевые офицеры из Георгиевской Думы Сибирской Армии, к Пасхе 1919 года поднесшие Александру Васильевичу Орден Святого Георгия III-й степени «за разгром армий противника Русскими Армиями под управлением Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего Адмирала Колчака»¹⁴⁵? Ведь в исторической перспективе отходят на задний план реальные успехи русских войск весною 1919-го, тогда впечатлявшие, но оказавшиеся мимолетными, — и смысл этого удостоения видится совсем в другом: Армия возлагала на своего предводителя Крест, оказавшийся столь же тяжелым, сколь и почетным, а ближайшие события напомнили имеющим память, что небесный покровитель самой почетной награды Русского Воинства даже в «официальном титуловании» своим был *Великомучеником* прежде, чем *Победоносцем*... Войска благословили Верховного «белым крестиком», но не прообразовало ли это благословение открывавшийся перед адмиралом *крестный путь*?

Нельзя умолчать и еще об одном благословении. Согласно рассказу адъютанта Колчака, ротмистра Князева, перешедшим линию фронта священником был доставлен от Патриарха Московского и всея России Тихона фотографический снимок с иконы Святителя Николая, пострадавшей при обстреле Московского Кремля большевиками в 1917 году, и письма, благословляющего на

борьбу против захвативших власть безбожников. Свидетельство Князева, человека, по некоторым отзывам, довольно легкомысленного, может быть подвергнуто сомнению, но его упоминание о поднесении Колчаку в Перми увеличенной копии этой иконы¹⁴⁶ находит подтверждение в современной событиям прессе, сообщавшей, что при посещении Верховным Правителем освобожденной от большевиков Перми 19 февраля 1919 года Епископ Чебоксарский Борис, временно управляющий Пермской епархией, действительно «благословил его иконой Святителя Николая Чудотворца, представляющей собою точный снимок с чудотворного лика Угодника Божия на Никольских воротах священного Кремля»¹⁴⁷. Ясно, что официальное обнародование благословения Святителя Тихона немедленно навлекло бы на Патриарха лютые гонения богоборческой власти, чего не могли не понимать Верховный Правитель и Высшее Временное Церковное Управление, находившееся в Омске; но об особом характере врученной адмиралу иконы — копии кремлевской святыни, кажется, может свидетельствовать повышенное внимание и почтение к ней как самого Колчака, так и Православного церковного люда. «Глубоко верующий Адмирал с благоговением принял св[ятую] икону и решил, что эта святыня отныне будет сопровождать его во всех трудах и походах», — сообщал журнал Церковного Управления; в свою очередь, «благочестивые граждане г[орода] Омска пожелали поклониться св[ятой] иконе Угодника Божия и всенародно помолиться перед нею о спасении отечества», следствием чего стали прошедшие по благословию Архиепископа Омского Сильвестра многолюдные крестные ходы 23 и 30 марта¹⁴⁸. Все это позволяет предположить, что об иконе и вправду знали нечто такое, что, не попадая на страницы официальных изданий, возбуждало тем не менее особенно горячее и ревностное ее почитание.

Конечно, тогда, зимой — весной 1919 года, все думали о победах и надеялись на успех, видя в благословении Церкви залог грядущего возрождения России. Но Бог судил иное — и уже вскоре Армия во главе со своим Верховным вступила на стезю мученичества, завершившую

земную судьбу Александра Васильевича Колчака скорбной, но по-прежнему героической нотой.

* * *

Последние месяцы жизни адмирала, неоднократно и достаточно подробно отраженные в исторической литературе, были омрачены ощущением повсеместного предательства, наиболее демонстративного со стороны иностранных контингентов — бывших союзников, сейчас становившихся врагами не лучше большевиков. Колчак, по свидетельству одного из его сотрудников, осенью 1919 года внимательно читавший «Протоколы Сионских мудрецов»¹⁴⁹, быть может, готов был склониться к мысли о «мировом заговоре» против России, но действительность представлялась намного проще и... гаже: главным мотивом «союзников» оказывалось элементарное шкурничество — желание как можно скорее выбраться из чужой страны, камуфлируя свои побуждения пышными «демократическими» заявлениями. И началось все это достаточно рано — начальник одной из русских дивизий еще 12 декабря 1918 года писал Верховному:

«...Чехи от наступления отказались. Официальные мотивы: против них нет немцев и мадьяр; русские в тылу ничего не делают; Национальный совет не признает Вас; не желают содействовать возвращению в России старого режима и проч. чепуха. Правда же в том, что просто не желают воевать.

Тогда я поставил вопрос так: будут ли они наступать, если я, действуя вне линии жел[езной] дороги, буду заходить в тыл красным и зажимать последних в тиски между собой и чехами, т. е., вернее, будут ли они продвигаться вперед с целью забирать пленных и трофеи, которые я буду отрезывать?

Ответ получил: нет, не будут...»¹⁵⁰

Тогда весы еще колебались: посетивший Сибирь Военный Министр независимой Чехословакии, генерал М.-Р. Стефанек, был искренне возмущен позорным поведением своих соотечественников («сказал, что он может принять почетный караул лишь от честных войск, а от таких войск, кото-

рые ищут компромиссов и занимаются политикой, он принять не может») и демонстрировал это весьма ярко (у одного из упорствовавших «сорвал чешскую ленточку, приказал арестовать, лишил права возвращения на Родину и предложил застрелиться») ¹⁵¹. Увы, самоубийства приходилось ожидать не от шкурников, а от тех доблестных героев-союзников, которые тяжело переживали разложение в собственных рядах, — как полковник И. В. Шве́ц, застрелившийся после отказа своих подчиненных выполнить боевой приказ: «Быть может, он думал, что его поступок заставит образумиться покотившееся назад Чехословацкое войско. Но Шве́ц ошибся. Легионеры похоронили его с музыкой, с речами, с биением себя в грудь, и продолжали уходить в тыл» ¹⁵². А после того, как генерал Стефанек трагически погиб в авиационной катастрофе, его преемник сразу же утешил тех, кому покойный запрещал возвращаться в Чехословакию: «Пусть приезд наших послов будет для Вас вестью, что настанет конец старому и что неотвратимо приближается день, когда начнется последний поход, тот наипрекраснейший поход — поход домой. “Домой!” — это Ваш девиз, и к нему обратим все наши силы»; послы же привезли и письмо от главы Чехословацкого государства, профессора Т.-Г. Масарика, еще более откровенное, если только это было возможно:

«Знаю, что Вами владеет лишь одна мысль — возвращение домой.

Со мною это знает весь Народ.

Мы хотим и стараемся, чтобы Вы все как можно скорее возвратились домой. [...]

Политически я был бы счастлив, как и с самого начала, когда мы достигли размеров огромной военной силы, установить в отношении русских полный нейтралитет...» ¹⁵³

«Нейтралитет» вскоре обернулся оккупацией чехословаками железной дороги (важнейшей в Сибири транспортной артерии), соглашениями с наступающей Красной Армией, партизанами и мятежными гарнизонами, в ряде случаев — ударами в спину русским войскам, и нашел свою кульминацию в выдаче на смерть адмирала Колчака; однако несправедливо было бы приписать эгоистические действия и побуждения *только* чехословац-

ким контингентам, привлекающим наибольшее внимание прежде всего в силу значительной численности, которая зачастую и позволяла им становиться «главным фактором» сибирской катастрофы. На самом деле, своекорыстием отличались практически *все* «союзники» (в кавычках или без кавычек), и совершенно справедливы наблюдения и вывод одного из старших офицеров штаба Верховного, сделанные еще в ноябре 1918 года:

«1. Формирующиеся национальные части в большинстве случаев получают обмундирование, обувь, снаряжение, вооружение из наших складов, что сильно отражается на снабжении и боевой подготовке русских частей.

2. Занимают в городах лучшие помещения и казармы, и вследствие этого наши части вынуждены размещаться скученно [...] (дефект архивного документа. — А. К.). При таких условиях размещения страдает интенсивность занятий наших частей, и

3. Вследствие крупных политических событий в Германии и Австрии (окончание Мировой войны и революция. — А. К.), с уничтожением военного их могущества, основная идея национальных частей: “с оружием в руках бороться совместно с нами против насильников немцев за свою самобытность” не только изменилась, но и заменилась другою: “скорее возвратиться к себе домой”.

Надеяться на хорошую и совместную их работу с нашими частями на фронте нельзя (примеры — некоторые чешские части, сербский полк [имени] майора Благодича отказались идти на фронт)...» ¹⁵⁴

Упомянутый в письме отказ принимать участие в боях со стороны Добровольческого полка Сербов, Хорватов и Словенцев имени майора Благодича (около 2 500 штыков и шашек, что соответствовало численности иной русской дивизии!) его командованием откровенно объяснялся «необходимостью сохранить солдат для обезлюдевшей за время войны Сербии» ¹⁵⁵ (пока же чины полка, отмечает современник, «неся гарнизонную службу, при наличии массы свободного времени, разлагаются, бродят, как общее явление за последнее время, по городу и занимаются политикой и спекуляцией» ¹⁵⁶), а руководство Временного Югославянского Национального Совета в Рос-

сии в те же дни настаивало на предоставлении ему самых широких полномочий — и, конечно, финансирования — для... дальнейших формирований, любезно (но, кажется, безосновательно) предполагая «возможность возврата на родину сербских и югославянских (так в документе. — А. К.) боевых частей по направлению юга России», дабы «вернуть их родине в виде боевой силы, попутно же оказать и России услугу»¹⁵⁷; пока же заботиться о возрождении далекой Сербии, как подразумевалось, должна была истекавшая кровью Белая Сибирь...

Звучавшие среди командного состава русской армии требования поскорее выпроводить бесполезных и чересчур дорогостоящих союзников по домам или даже (генерал Лебедев) загнать их обратно в лагеря военнопленных — так и не были воплощены, и это заметно отразилось на общей обстановке в ноябре 1919 — январе 1920 года... но нельзя снимать ответственности и с тех русских, кто дезертировал, поднимал мятежи, кто оставался глух к отчаянному призыву Верховного Правителя:

«Сбросьте же с себя позорные цепи безразличия к судьбе Родины — вы, забывшие все, кроме собственного благополучия и честолюбия.

Очнитесь же от смятения и паники и вы, трусливо пытающиеся укрыться бегством от большевиков.

Поймите, что уже не о лишении вас вашего достоинства поставлена ставка. В этой ПОСЛЕДНЕЙ И СТРАШНОЙ БОРЬБЕ, которая сейчас развертывается, ДЛЯ ВАС ВЫХОД ТОЛЬКО ПОБЕДА ИЛИ СМЕРТЬ»¹⁵⁸.

Адмирал Колчак хотел быть князем Пожарским, но ему приходилось становиться и гражданином Мининым — трибуном, пытающимся разбудить дремлющую совесть и силу народа. Но, как человек, потерявший слишком много крови, Россия впадала в предсмертную апатию, и лишь последние, послушные железной воле генерала В. О. Каппеля и его сподвижников, шли легендарным Сибирским походом через ледяную тайгу. И в этот грозный час в рядах отступающей Армии не было ее Верховного Главнокомандующего.

А похоже, Колчак мечтал именно о солдатской доле. «В настоящее время издан верх[овным] прав[ителем] (при-

каз) отправить свой поезд вперед, — доносил агент «союзной» разведки, — [а] самому [с] ружьем в руках отходить с конвоем, если это будет суждено»¹⁵⁹; «Я буду разделять судьбу армии», — говорил адмирал и одному из своих ближайших сотрудников¹⁶⁰. Однако обстоятельства — сначала внутривластный кризис, заставлявший перед лицом фрондирующей «общественности» до последнего держаться за свою столицу — Омск, а затем необходимость личного контроля над эвакуацией государственного золотого запаса — вынудили Колчака избрать путь отступления по железной дороге, оторвавшись таким образом от преданных ему войск, ведомых безукоризненно лояльным к верховной власти Каппелем. Теперь судьба Александра Васильевича зависела от «союзного» командования, контролировавшего магистраль, — а оно, кажется, уже сделало свой выбор.

Главнокомандующий союзными войсками, французский генерал М. Жанен, мог затаить неприязнь еще с конца 1918 года, когда Колчак решительно восстал против попыток Антанты навязать иностранца в качестве... верховного руководителя всеми русскими вооруженными силами («Ему поручено организовать русскую армию», — говорил о Жанене один из французских дипломатических представителей¹⁶¹). «Общественное мнение не поймет этого и будет оскорблено, — резонно возмущался тогда адмирал. — Армия питает ко мне доверие; она потеряет это доверие, если только будет отдана в руки союзников. Она была создана и боролась без них. Чем объяснить теперь эти требования, это вмешательство? Я нуждаюсь только в сапогах, теплой одежде, военных припасах и амуниции. Если в этом нам откажут, то пусть совершенно оставят нас в покое. Мы сами сумеем достать это, возьмем у неприятеля. Это война гражданская, а не обычная. Иностранец не будет в состоянии руководить ею. Для того, чтобы после победы обеспечить прочность правительству, командование должно оставаться русским в течение всей борьбы»¹⁶². Сложно сказать определенно, насколько был уязвлен этим французский генерал, но чувство резкой враждебности к Верховному Правителю России сквозит во всех последующих запи-

сях его дневника. А 2 января 1920 года он выскажется откровенно до цинизма: «При отъезде моем из Омска я предложил адмиралу взять поезда с золотом под мою охрану, но... адмирал это отклонил... доверия не было... теперь же будет трудно сделать что-нибудь, во всяком случае то, что касается его личности...»¹⁶³ Все уже было решено.

В связи с недоверием Колчака к иностранцам нередко приводится фраза, будто бы сказанная их дипломатическим представителям: «Я вам не верю и скорее оставлю золото большевикам, чем передам союзникам»¹⁶⁴. Мы не имеем оснований полностью отвергать подлинность этих слов, которые в принципе могли вырваться у адмирала в минуту запальчивости; однако нельзя и не отметить, что известность они должны были приобрести, выйдя из тех же дипломатических кругов, фактически уже склонявшихся к измене и заинтересованных в моральном самообелении (а может быть, это произошло и *post factum*, когда измена совершилась), — а также что по аналогичному поводу адмирал Колчак, уже находясь в руках своих врагов и будучи спрошен об отношении к японцам («желтая опасность» со стороны которых его, как мы помним, весьма волновала, а поддержка, сепаратно оказываемая Атаману Семенову, трактовалась чуть ли не как поощрение государственной измены), ответил со всею определенностью: «Фразу, которая мне приписывается — “лучше большевики, чем японцы”, — я нигде не произносил»¹⁶⁵. И потому попытки представлять Верховного Правителя России в последние месяцы его жизни внутренне примиряющимся с захватчиками — не только голословны, но и, по нашему мнению, кощунственны.

Вполне вероятно, что Александр Васильевич в те дни был надломлен роковыми неудачами, постигшей Армию катастрофой, унижениями, которые приходилось переносить от недавних союзников. Но капитулянтскую позицию (правда, еще не перед красными, а перед «розовой», «земской властью» умеренно-социалистического направления) занял все же не он, а его министры, забыв временно проехавшие в Иркутск. Они не только не поддержали своим авторитетом представителей власти единственную реальную попытку русских войск пробиться

к Верховному (это Атаман Семенов — тот самый Семенов, «вечный» противник и, кажется, личный недоброжелатель адмирала! — бросил на выручку отряд из нескольких бронепоездов и небольшого десанта, который, однако, не достиг успеха из-за противодействия численно превосходящих «союзников»), но и отправили Колчаку телеграмму вполне ультимативного тона: «...Положение в Иркутске после упорных боев гарнизона и забайкальских частей против повстанцев заставляет нас в согласии с командованием решиться на отход на восток, выговаривая через посредство союзного командования охрану порядка и безопасности города и перевода на восток антибольшевистского центра, государственных ценностей и тех из войсковых частей, которые этого пожелают. Непременным условием вынужденных переговоров об отступлении является ваше отречение, так как дальнейшее существование в Сибири возглавляемой вами российской власти невозможно. Совмин единогласно постановил настаивать на том, чтобы вы отказались от прав верховного правителя, передав их генералу Деникину, и указ об этом передали через чехоштаб предсовмину для опубликования. [...] Настаиваем на издании вами этого акта, обеспечивающего от окончательной гибели русское дело»¹⁶⁶.

Мало того, расхрабрившиеся министры даже «решили, [что] если Колчак не ответит на сделанное предложение, то правительство объявит себя верховной властью»¹⁶⁷, — то есть уже открыто шли на государственный переворот (еще один удар в спину Верховному Правителю), и вряд ли их оправдывает даже давление, которому они, очевидно, подвергались со стороны союзных представителей, считавших необходимым уход Колчака с политической сцены (Жанен с неудовольствием писал в дневнике о своих коллегах: «Они не смогли даже добиться у него отречения в такой форме, которой можно было бы поверить...»¹⁶⁸). Но было ли вообще «отречение»... отречением?

Прежде всего отметим, что сам адмирал не был чужд этой мысли, а по утверждению последнего премьер-министра колчаковского правительства В. Н. Пепеляева (стар-

шего брата генерала) — так и прямо «выдвигал вопрос отречения в пользу Деникина» еще в начале декабря 1919 года¹⁶⁹; до этого, как мы помним, проблема преемственности государственной власти оставалась нерешенной, и даже в ноябрьские дни крушения фронта Верховный пошел лишь на «предоставление ген[ералу] Деникину всей полноты власти на занятой им территории» и — звучащее как завещание — изъявление «полной уверенности», «что я никогда не разойдусь с ним в основаниях нашей общей работы по возрождению России»¹⁷⁰. Советский историк, правда, утверждает, что «15 декабря был издан указ о назначении генерала Деникина преемником верховной власти»¹⁷¹, — возможно, основываясь при этом на беглом упоминании в книге бывшего Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России: «...Актом от 2 декабря 1919 г. (Деникин, как правило, использует старый календарный стиль. — А. К.) предreshалась и “передача верховной всероссийской власти ген[ералу] Деникину”»¹⁷²; но из текста не ясно, было ли генералом своевременно получено известие об этом (судя по всему — нет), да и сама формулировка остается весьма неопределенной. С запозданием узнал Деникин и об указе Верховного Правителя от 4 января 1920 года¹⁷³.

С этим указом связана еще одна версия, исходящая из советского источника и не подтвержденная документально. Согласно ей, в ночь на 5 января адмирал «решительно подписывает» указ о передаче власти Главнокомандующему Вооруженными Силами Юга России, после чего следует душераздирающий рассказ о том, как представитель Атамана Семенова чуть ли не угрозами добивается поддержки у окружения Колчака и вынуждает адмирала, уже «отрекшегося» и сдавшего власть («Итак — кончено! Тяжесть и ответственность власти переданы другому. Теперь Колчак — обыкновенный русский офицер...»), написать новый указ — не имеющий законной силы и вообще «поддельный»¹⁷⁴. Это и есть документ, известный как указ от 4 января:

«Ввиду предreshения мною вопроса о передаче ВЕРХОВНОЙ ВСЕРОССИЙСКОЙ власти Главнокомандующему вооруженными силами юга РОССИИ Генерал

Лейтенанту Деникину, впредь до получения его указаний, в целях сохранения на нашей РОССИЙСКОЙ Восточной окраине оплота Государственности на началах неразрывного единства со всей РОССИЕЙ:

1) Предоставляю Главнокомандующему вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа Генерал Лейтенанту Атаману Семенову всю полноту военной и гражданской власти на всей территории РОССИЙСКОЙ Восточной Окраины, объединенной РОССИЙСКОЙ ВЕРХОВНОЙ властью.

2) Поручаю Генерал Лейтенанту Атаману Семенову образовать органы Государственного Управления в пределах распространения его полноты власти»¹⁷⁵.

Заметим, однако, что версия о «недействительности» последнего указа Колчака выдвигалась в 1920-е годы, когда активно выступавший в эмиграции Атаман подкреплял свои позиции ссылкой на законную преемственность от покойного адмирала, а большевики, естественно, были заинтересованы в подрыве его авторитета любыми путями; автор же версии, бывший красный подпольщик (и белый контрразведчик¹⁷⁶ — не профессиональный ли «двойной» провокатор?), П. С. Парфенов-Алтайский, с самого начала своей «историографической» деятельности приобрел репутацию фальсификатора и печатно обвинялся не только «в “подтасовке” некоторых фактов», но и «в “составлении” некоторых документов»¹⁷⁷. Все это, наряду с памфлетно-ерническим тоном его повествования, заставляет с подозрением относиться к голословным утверждениям, — *единственным* же документом, относящимся к вопросу о «передаче» или «преемственности» власти, как бы то ни было, остается неоднократно публиковавшийся, в том числе и факсимильно, указ от 4 января.

Но ведь он вовсе не является формальным отречением! В сущности, полномочия, предоставляемые им Семенову, ничем не отличаются от тех, которыми двумя месяцами ранее был облечен Деникин (последней телеграммой из Сибири), и лишь отражают тяжесть ситуации, когда не только Южная Россия, но и Забайкалье с Приморьем оказались отрезанными от правительственного центра (то есть вагона Верховного Правителя) и впредь

до восстановления единства должны были управляться самостоятельно; относительно же верховной власти речь идет исключительно о предрешении вопроса ее наследования (ранее, как мы помним, Колчак колебался), а отнюдь не о состоявшейся сдаче своего поста. И если объективно значение приведенных выше соображений, кажется, не так уж и велико — в ближайшие же часы Верховный Правитель выбыл из строя, и «предрешение» приобрело статус завещания, — то субъективно, применительно к личности Александра Васильевича, дело обстоит совсем не так: поскольку нам не известно официального акта отказа адмирала Колчака от власти, можно предположить, что и в самой безвыходной ситуации, блокированный «союзниками» и почти уже переданный ими в руки мятежников и красных партизан, он был верен морскому закону — *до конца оставаться на капитанском мостике тонущего корабля.*

...Когда осенью 1916 года взорвался и затонул флагман Черноморского Флота — дредноут «Императрица Мария», Колчак жалел, что пережил любимый корабль. Теперь под воду уходило все Государство Российское — и адмирал предпочел до конца не покидать своего поста.

* * *

Последний месяц жизни Александра Васильевича должен был стать достойным по тяжести венцом всех предыдущих испытаний, — и не только потому, что всякий плен тягостен для истинно военного человека или в силу известного нам отвращения, почти физиологического, которое испытывал он к нынешним хозяевам положения. Дело еще и в нагнетаемой вокруг пленника удушающей атмосфере какого-то бреда, в которой адмиралу суждено было перейти в мир иной и которая и после смерти продолжает окутывать его фигуру. Даже допросы Колчака производят впечатление чего-то иррационального, — искусственного и трудно объяснимого затягивания времени, причем не «подследственным», и на краю могилы держащимся с полным самообладанием и достоинством, а «следователями», которые, запланировав в со-

ставленном перед началом «следствия» «Проекте сводки вопросов по допросу адмирала Колчака» уделить основное внимание антибольшевицкой деятельности адмирала¹⁷⁸, на деле приблизились только к первым его шагам на посту Верховного Правителя, до этого подробно расспрашивая и фиксируя рассказ Александра Васильевича о научной работе, военно-морском строительстве, отношении к покойному Государю и монархии и проч. Допрашивающие как будто не знают, чего они хотят, или же ожидают чего-то — распоряжений из Москвы?

А распоряжения не замедлили. Телеграммой, зашифрованной включительно до подписи Председателя Совнаркома (то есть те, кто эту телеграмму принимал, не должны были знать даже о самом факте получения шифровки непосредственно от Ленина), Реввоенсовету наступающей 5-й Армии предписывалось: «Не распространяйте никаких вестей о Колчаке, не печатайте ровно ничего, а после занятия нами (регулярной Красной Армией. — А. К.) Иркутска пришлите строго официальную телеграмму с разъяснением, что местные власти до нашего прихода поступали так и так под влиянием угрозы Каппеля и опасности белогвардейских заговоров в Иркутске»¹⁷⁹. Невозможно интерпретировать приведенный текст иначе как приказ о бессудном и тайном убийстве, — но сознательно напускаемый туман ставит нас перед новыми вопросами.

Колчак был открытым и смертельным врагом Советской власти, руководившим военными действиями против нее и не отказывавшимся от ответственности за их ведение и результаты. «Международное мнение», несомненно, закрыло бы глаза на любые «суды» и «приговоры» над Верховным Правителем, с официальным признанием которого столь предусмотрительно промедлили великие державы (случайно ли по возвращении из Сибири Жанен — один из главных виновников плена и смерти Колчака — был награжден Орденом Почетного Легиона¹⁸⁰?). Практически в тот же период большевики не колебались устраивать открытые «суды» и над людьми, менее «виновными» перед ними («суд над колчаковскими министрами», «процесс социалистов-революционе-

ров», «церковные» процессы), не говоря уже о том, что «публика» в таких случаях вполне могла быть подставной, а все «судебные документы» — фальсифицированы. И тем не менее центральная власть не только не решается «судить» адмирала, но и трусливо прячется за спину местных революционеров, даже в сверхсекретной телеграмме предпочитая изъясняться обиняками (впрочем, весьма прозрачно) и более всего заботясь, чтобы все было сделано «архи-надежно». И сегодня, читая изворотливое ленинское «поступали так и так» («Шифром... Подпись тоже шифром...»), уместно спросить: *почему же Ленин, отделенный тысячами верст и сотнями тысяч штыков, так панически боится уже пленного Колчака?*

Менее всего расположены мы углубляться в анализ душевных движений большевицкого вождя, но одно представляется очевидным: вся эта таинственность имеет иррациональные корни, страх приобретает характер едва ли не мистический, и в связи с этим невозможно игнорировать тот факт, что убийство Верховного Правителя России было совершено в день (7 февраля — по старому стилю 25 января) установленного еще в 1918 году Священным Собором Православной Российской Церкви всероссийского «ежегодного молитвенного поминовения [...] всех усопших в нынешнюю лютую годину гонений исповедников и мучеников»¹⁸¹: представители богоборческой власти, вольно или невольно, сделали все, чтобы воин Александр был причислен к сонму мучеников за Веру и Отечество.

Нельзя не упомянуть и о зловещих слухах, выползавших из чрезвычайек и относящихся к последним часам жизни Колчака. По свидетельству одного из современников, возглавлявший «следственную комиссию» С. Г. Чудновский «определенно заявил, что адмирал не был расстрелян: “Казнь ему мы придумали чувствительную и экономную”»¹⁸², — и даже если сохранять надежду на иносказательное толкование этих глумливых слов или считать весь рассказ апокрифическим, документы как будто свидетельствуют о лживости многократно опубликованных советских описаний смерти Колчака на берегу реки Ушаковки (приток Ангары): датированная 7 февраля «опись вещей» адмирала (в том числе предметов одежды — шуба, шапка, френч...),

как справедливо замечает современный историк, заставляет задать простой вопрос: «...Неужели главный чекист Иркутска снимал с трупа перед утоплением в полыньи вещи, упомянутые в описи? Или Колчака и Пепеляева (Председатель Совета Министров был убит вместе с Верховным. — А. К.) действительно не выводили за пределы тюрьмы?»¹⁸³ И в любом случае лейтмотивом поведения палачей становятся слова, сказанные одним из царевубийц: «Мир никогда не узнает об этом»¹⁸⁴. К той тайне обаяния имени Колчака, которая сопровождала его всю жизнь и о которой мы здесь говорили, Советская власть позаботилась добавить и свою, темную и жуткую тайну...

И все-таки не ей суждено было одержать победу. Образ адмирала перешел в историю, окруженный романтическим и героическим ореолом, существуя отдельно и независимо не только от всего, что говорилось и писалось большевиками, но и от тех черт реального Александра Васильевича Колчака, которые как бы «приземляли» или «приземляли» его. Пожалуй, чаще и громче всего звучали слова о Верховном Правителе как трагической, светлой и жертвенной фигуре, наиболее емко сформулированные И. А. Буниным:

«Настанет день, когда дети наши, мысленно созерцая позор и ужас наших дней, многое простят России за то, что все же не один Каин владычествовал во мраке этих дней, что и Авель был среди сынов ее.

Настанет время, когда золотыми письменами, на вечную славу и память, будет начертано Его имя в летописи Русской Земли»¹⁸⁵.

Но не забудем, что в первые месяцы (а может быть, и годы) после сибирской катастрофы было и другое. Почувствовавшие советский гнет неожиданно стали рисовать картины грядущего избавления не в духе почти анархического «мужицкого рая», жизни «по своей воле»: сквозь наступавшую тьму «владычества Каина» мерещился мощный герой, который и должен был вновь возглавить борьбу, как возглавлял он ее недавно, — и с волнением слушал в уральской глуши ссыльный белый офицер гневные речи крестьянина, ненавидящего «коммунаров»: «Я сам у Колчака служил!.. И вот вернулся зря в село... Но Колчак придет

иш-шо! Мы их всех тут живьем спалим»; «...Вытряхнем усе, как придет Колчак... У пух разобьем все!»

«Я слушаю его, — рассказывает мемуарист, — и только радуюсь такому настроению крестьян, и уж не хочу разочаровывать его и крестьян, что адмирал Колчак расстрелян красными, чтобы не ослаблять “их надежды”...»¹⁸⁶ И был он, наверное, прав, хотя сама жизнь разбивала такие надежды жестоко и быстро. Был прав, потому что в наивном ожидании Колчака (быть может, вчерашними дезертирами) сейчас, десятилетия спустя, проглядывается больше, чем просто надежда и наивность.

В самые смутные и мятущиеся годы свои, больная или юродивая, Россия с озлоблением или благоговением *бредила Колчаком*. И она не могла забыть своего адмирала после его смерти — вопреки его смерти.

Верховного Правителя России, в России навсегда оставшегося.

А. С. Кручинин

Примечания

- ¹ *Грэт В.* Колчак // Донская Волна. Еженедельник истории, литературы и сатиры. [Ростов-на-Дону], 1919. № 18 (46), 28 апреля [старого стиля]. С. 1.
- ² *Будберг А. П.* Дневник // Архив Русской Революции, издаваемый И. В. Гессеном. [Т.] XIII. Берлин: [издательство «Слово»], 1924. С. 215; [Т.] XIV. 1924. С. 255.
- ³ *Гинс Г. К.* Сибирь, союзники и Колчак. 1918–1920. (Впечатления и мысли члена Омского Правительства). Т. II. [Пекин: Типолитография Русской Духовной Миссии; Харбин: Общество Возрождения], 1921. С. 346.
- ⁴ *Серебренников И. И.* Мои воспоминания. Т. I. В революции (1917–1919). Тяньцзинь: [типография «Star Press»], 1937. С. 229.
- ⁵ Рапорт майора Моринса о приеме Колчаком генералов Сахарова и Дитерихса [без даты; не ранее 5 ноября 1919 года] // Последние дни колчаковщины. Сборник документов / Центр-архив. М.—Л.: Государственное Издательство, 1926. С. 54 (документ № 6).
- ⁶ *Жанен М.* Отрывки из моего сибирского дневника / Перевод с французского // Колчаковщина. Из белых мемуаров. Л.: издательство «Красная Газета», 1930. С. 30 (запись от 7 ноября 1919 года).

- ⁷ *Филимонов Б. Б.* Белая Армия Адмирала Колчака. М.: издательство «Рейтар», 1997. (Малая серия; Вып. № 3). С. 43.
- ⁸ *Константин (Зайцев), архимандрит.* Чудо Русской истории. М., 2000. С. 555.
- ⁹ Письмо А. В. Тимиревой Г. В. Егорову. Цит. по факсимильному воспроизведению в: Колчак Александр Васильевич — последние дни жизни / Сост. Г. В. Егоров. Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1991. Вкл. с. 160/161.
- ¹⁰ *Гинс Г. К.* Указ. соч. Т. I. 1921. С. 6.
- ¹¹ *Колчак В. И.* Война и плен. 1853–1855. Из воспоминаний о давно пережитом // *Колчак В. И., Колчак А. В.* Избранные труды. СПб.: Судостроение, 2001. С. 73.
- ¹² *Колчак Р. А.* Адмирал Колчак, его род и семья // Военно-Исторический Вестник. № 16. [Paris]: издание Общества любителей Русской военной старины, ноябрь 1960. С. 16.
- ¹³ Письмо А. В. Колчака сыну Ростиславу (около 15–20 октября 1919 года). См. там же. С. 19.
- ¹⁴ *Книпер [Тимирева] А. В.* Фрагменты воспоминаний // «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». М.: Прогресс; Традиция; Русский путь, [1996]. С. 74.
- ¹⁵ Письмо из Императорского Русского географического общества Морскому Министру от 28 февраля 1906 года за № 88. Цит. по факсимильному воспроизведению в: *Синюков В. В.* Александр Васильевич Колчак как исследователь Арктики. М.: Наука, 2000. (Научно-биографическая литература). С. 206.
- ¹⁶ Телеграмма А. В. Колчака ученому секретарю Комиссии по снаряжению Русской Полярной Экспедиции от 28 января 1904 года, без номера. Цит. по факсимильному воспроизведению: там же. С. 189.
- ¹⁷ *Смирнов М. И.* Адмирал Александр Васильевич Колчак. (Краткий биографический очерк). [Париж]: издание Военно-Морского Союза, [1930]. (Русская Морская Зарубежная Библиотека; № 16). С. 16.
- ¹⁸ *Савич Н. В.* Три встречи (А. В. Колчак и Госуд[арственная] Дума) // Архив Русской Революции. [Т.] X. 1923. С. 171.
- ¹⁹ *Колчак А. В.* Краткий обзор исследования морского пути вдоль северных берегов России // *Колчак В. И., Колчак А. В.* Избранные труды. С. 261.
- ²⁰ *Смирнов М. И.* Указ. соч. С. 22–23.
- ²¹ Письмо адмирала В. И. Канина вице-адмиралу А. В. Колчаку (дата публикатором не указана). Цит. по: *Смирнов А.* Отец и сын. Штрихи к портрету // *Колчак В. И., Колчак А. В.* Избранные труды. С. 15.

- 22 Приказ Черноморскому Флоту 10 июля 1916 года (номер публикатором не указан). См. там же. С. 15.
- 23 Кришевский Н. Н. В Крыму (1916–1918 г.) // Архив Русской Революции. [Т.] XIII. С. 73.
- 24 Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. (Заговоры перед революцией 1917 года). Париж: книжное дело «Родник», [б. г.]. С. 163–164.
- 25 См.: Данилов Ю. Н. Великий Князь Николай Николаевич. Париж: Imprimerie de Navarre, 1930. С. 319–326.
- 26 См.: Смирнов М. И. Указ. соч. С. 30–32.
- 27 См.: Лукин А. П. Флот. Русские моряки во время Великой войны и революции. Т. II. Париж: [издание журнала «Иллюстрированная Россия»], 1934. (Библиотека «Иллюстрированной России»; Кн. 50). С. 109–111.
- 28 Черновик письма А. В. Колчака к А. В. Тимиревой от 11–14 марта 1917 года // «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 157.
- 29 Из дневника А. В. Романова (Великого Князя Андрея Владимировича. — А. К.) за 1916–1917 гг. // Красный Архив. Исторический журнал. М.—Л.: Государственное Издательство, 1928. Т. 1 (26). С. 197.
- 30 См.: Шинкаренко Н. В. Вечер в Оргееве. (Из воспоминаний о графе Келлере) // Донская Волна. 1919. № 2 (30), 5 января [старого стиля]. С. 6–7.
- 31 С. В. 70 лет тому назад. Весна 1917 года // Часовой. Орган связи Российского Национального Движения. № 664 (2). Bruxelles, март 1987. С. 15.
- 32 Деникин А. И. Очерки Русской Смуты. Т. II. Борьба Генерала Корнилова. Август 1917 г. — апрель 1918 г. Paris: J. Povolozky & Cie, [1922]. С. 25–26.
- 33 Малышкин А. Г. Севастополь // Малышкин А. Г. Рассказы. Падение Даира. Севастополь. М.: издательство «Правда», 1985. С. 219.
- 34 Быховский альбом // Белое Дело. Летопись Белой Борьбы. [Кн.] II. [Берлин]: книгоиздательство «Медный Всадник», [1927]. С. [11].
- 35 Колчак А. В. Сообщение в Офицерском союзе Черноморского флота и собрании делегатов армии, флота и рабочих в Севастополе // Колчак В. И., Колчак А. В. Избранные труды. С. 376–377.
- 36 Там же. С. 377–378, 380, 382.
- 37 Смирнов М. И. Указ. соч. С. 34–35.
- 38 Филатьев Д. В. Катастрофа Белого движения в Сибири, 1918–1922. Впечатления очевидца. Paris: YMCA-Press, 1985. С. 15.
- 39 Смирнов М. И. Указ. соч. С. 37.
- 40 Савич Н. В. Указ. соч. С. 173.

- 41 Черновик письма А. В. Колчака А. В. Тимиревой (около 17 июня 1917 года) // «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 202 (примечание). В черновике эти слова были Колчаком зачеркнуты.
- 42 Там же.
- 43 То же, от 24 июня 1917 года, 2 и 17 января 1918 года // Там же. С. 203–204, 253, 259 (конъектура в прямых скобках — публикаторов документа).
- 44 Смирнов М. И. Указ. соч. С. 40.
- 45 Клерже Г. И. Революция и гражданская война. Личные воспоминания. Ч. I. Мукден: типография газеты «Мукден», 1932. С. 22.
- 46 Смирнов А. Указ. соч. С. 19.
- 47 Протокол допроса Н. Д. Миронова Чрезвычайной комиссией для расследования дела о генерале Л. Г. Корнилове и его соучастниках от 19 сентября 1917 года // Дело генерала Л. Г. Корнилова. Материалы Чрезвычайной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л. Г. Корнилове и его соучастниках. Август 1917 г. — июнь 1918 г. Т. 2. Показания и протоколы допросов свидетелей и обвиняемых. 27 августа — 6 ноября 1917 г. М.: Международный фонд «Демократия»; издательство «Материк», 2003. (Россия. XX век. Документы). С. 250.
- 48 Цит. по: «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 207 (комментарий).
- 49 Показание прапорщика В. С. Завойко Чрезвычайной комиссии... от 6 октября 1917 года // Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 2. С. 103, 106; см. также с. 546 (примечание).
- 50 Показание генерала-от-инфантерии Л. Г. Корнилова Чрезвычайной комиссии... от 2–5 сентября 1917 года // Там же. С. 197.
- 51 Деникин А. И. Указ. соч. Т. II. С. 29.
- 52 Врангель П. Н. Записки (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.). Ч. I // Белое Дело. [Кн.] V. [1928]. С. 12.
- 53 Семенов Г. М. О себе. Воспоминания, мысли и выводы. [Харбин?], 1938. С. 47.
- 54 Там же. С. 48–49.
- 55 Там же. С. 46.
- 56 Протокол допроса Н. Д. Миронова... С. 250.
- 57 Деникин А. И. Указ. соч. Т. II. С. 37.
- 58 Кожин В. В. «Черносотенцы» и Революция (загадочные страницы истории). 2-е изд., дополненное. М., 1998. С. 57.
- 59 Черновик письма А. В. Колчака А. В. Тимиревой от 29 сентября 1917 года // «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 229.

- 60 Малышкин А. Г. Указ. соч. С. 392, 394.
- 61 Севский В. [Краснушкин В. А.]. Борис Савинков // Донская Волна. 1918. № 6, 15 июля [старого стиля]. С. 1.
- 62 Курганов В. [Краснушкин В. А. ?]. Адмирал Колчак // Там же. № 24, 25 ноября [старого стиля]. С. 5–6.
- 63 Волошин М. А. Россия распятая // Из творческого наследия советских писателей. Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1991. С. 83.
- 64 Черновики писем А. В. Колчака А. В. Тимиревой без даты (август 1917 года), от 21 и 30 декабря 1917 года // «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 219, 234, 247.
- 65 То же, без даты, после 17 января 1918 года // Там же. С. 264.
- 66 То же, от 21 декабря 1917 года // Там же. С. 233.
- 67 Две недели событий на Дону. Из дневника неизвестного офицера // Белый Архив. Сборники материалов по истории и литературе войны, революции, большевизма, белого движения и т. п. под редакцией Я. М. Лисового. [Т.] II–III. Париж, 1928. С. 206.
- 68 Черновики писем А. В. Колчака А. В. Тимиревой от 2 января 1918 года и без даты (после 17 января 1918 года) // «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 253 (примечание), 274.
- 69 Протокол № 5 допроса адмирала А. В. Колчака от 27 января 1920 года // Верховный Правитель России: документы и материалы следственного дела адмирала А. В. Колчака. М., 2003. С. 53.
- 70 Черновик письма А. В. Колчака А. В. Тимиревой от 30 декабря 1917 года // «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 246.
- 71 Там же. С. 246–247.
- 72 Семенов Г. М. Указ. соч. С. 73.
- 73 Протокол № 6 опроса адмирала А. В. Колчака от 28 января 1920 года // Верховный Правитель России... С. 57.
- 74 Семенов Г. М. Указ. соч. С. 74.
- 75 Телеграмма российского генерального консула в Шанхае российскому посланнику в Пекине от 11 февраля 1918 года (номер в публикации не указан) // Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России (октябрь 1917 — октябрь 1918 г.). Документы и материалы. Владивосток, 1997. С. 127 (документ № 144).
- 76 Черновик письма А. В. Колчака А. В. Тимиревой от 16 марта 1918 года // «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 284.
- 77 Протокол № 6 опроса адмирала А. В. Колчака... С. 57.
- 78 Черновик письма А. В. Колчака А. В. Тимиревой от 30 декабря 1917 года // «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 247.
- 79 То же, без даты (позднее 30 января 1918 года) // Там же. С. 275.
- 80 Телеграмма посланника США в Пекине Государственному Секретарю США от 30 апреля 1918 года (номер в публикации не указан) // Подготовка и начало интервенции... С. 198 (документ № 222); Протокол № 6 опроса адмирала А. В. Колчака... С. 59.
- 81 Телеграмма посланника США в Пекине Государственному Секретарю США от 5 июня 1918 года (номер в публикации не указан) // Подготовка и начало интервенции... С. 205 (документ № 235).
- 82 Протокол № 7 опроса адмирала А. В. Колчака от 30 января 1920 года // Верховный Правитель России... С. 70.
- 83 Протокол № 1 допроса А. В. Тимиревой от 24 января 1920 года // «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 320.
- 84 Телеграмма Председателя Совета Министров Временного Правительства Автономной Сибири неуставленному лицу от 21 марта (стиль неясен) 1918 года (номер в публикации не указан) // Подготовка и начало интервенции... С. 142 (документ № 165).
- 85 Протокол № 7 опроса адмирала А. В. Колчака... С. 72.
- 86 Российский Государственный Военный Архив (РГВА). Ф. 40307, оп. 1, д. 35, лл. 97–100, [100^а] (номер последнего листа пропущен).
- 87 См., например: Сибирь в период гражданской войны. Кемерово, 1995. С. 79–80.
- 88 Серебренников И. И. Указ. соч. Т. I. С. 228.
- 89 Цит. по: Верховный Правитель России... С. 42 (комментарий).
- 90 Лембич М. С. Великий печальник. [Омск, 1919]. С. 6.
- 91 Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервенты: Воспоминания (из цикла «Шесть лет», 1917–1922 гг.). Новониколаевск: Сибкрайиздат, 1925. С. 86.
- 92 Протокол № 7 опроса адмирала А. В. Колчака... С. 69.
- 93 См. телеграммы Военного и Морского Министра Верховному Главнокомандующему от 12 ноября 1918 года за № 3 и от 14 ноября без номера. РГВА. Ф. 40307, оп. 1, д. 35, лл. 30, 32 об.
- 94 Д. Л. Хорват. [Владивосток?], [1918?]. С. 16–17.
- 95 Свод Законов Российской Империи. Издание неофициальное. Кн. I. СПб.: Русское Книжное Товарищество «Деятель», 1912. С. 3.
- 96 См.: Гинс Г. К. Указ. соч. Т. I. С. 310.
- 97 Конституция Уфимской директории // Архив Русской Революции. [Т.] XII. 1923. С. 190.
- 98 Положение о временном устройстве государственной власти в России от 18 ноября 1918 года // Россия антибольшевистская. Из белогвардейских и эмигрантских архивов. М., 1995. С. 117–118.

- 99 «К населению России». Обращение Верховного Правителя от 18 ноября 1918 года // Там же. С. 117.
- 100 Конституция Уфимской директории. С. 191.
- 101 Цит. по: *Гинс Г. К.* Указ. соч. Т. I. С. 315.
- 102 Ответ Верховного Правителя на ноту «союзных и соучаствующих держав» от 26 мая 1919 года // Россия и союзники. Обмен нотами между Союзными державами и Верховным Правителем России адмиралом Колчаком. Киев: Союз Возрождения России; Главный комитет на Украине, 1919. (Издания «С. В. Р.»; № 2). С. 7.
- 103 *Булыгин П. П.* Убийство Романовых / Обратный перевод с английского. М.: Asademia, 2000. С. 45.
- 104 *Миков А. А.* Что делать с Мишкой Романовым? [Отрывок] // Скорбный путь Михаила Романова: от престола до Голгофы. Документы, материалы следствия, дневники, воспоминания. Пермь: издательство «Пушка», 1996. С. 170.
- 105 *Волошин М. А.* Пути России. Цит. по: Из творческого наследия советских писателей. С. 100 (комментарий).
- 106 Устав полевой службы. СПб.: Военная Типография, 1912. С. 63, 149, 221 (статьи 134-я, 378-я, 556-я).
- 107 Письмо Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего Атаману Всевеликого Войска Донского от 28 июня 1919 года за № 95 // Белый Архив. [Т.] I. 1926. С. 137.
- 108 *Гинс Г. К.* Указ. соч. Т. I. С. 309.
- 109 Письмо А. В. Колчака С. Ф. Колчак от 15–20 октября 1919 года. Цит. по: *Колчак Р. А.* Указ. соч. С. 18.
- 110 Речь Верховного Правителя к солдатам [12 августа 1919 года] // Наш Край. Хабаровск, 1919. № 6, 22 августа. С. 2.
- 111 *Климушкин П. Д.* Гражданская война на Волге [отрывок] // Россия антибольшевистская. С. 81.
- 112 *Серебренников И. И.* Указ. соч. Т. I. С. 218.
- 113 *Перченко Ф. Ф.* О нем, о ней, о них // «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 33.
- 114 *Колчак А. В.* Служба Генерального Штаба // *Колчак В. И., Колчак А. В.* Избранные труды. С. 264–265, 270, 274.
- 115 Протокол № 8 допроса адмирала А. В. Колчака от 4 февраля 1920 года // Верховный Правитель России... С. 78.
- 116 Там же. С. 81.
- 117 «К населению России». Обращение от 18 ноября 1918 года. С. 117.
- 118 Декрет о земле Съезда Советов рабочих и солдатских депутатов от 26 октября 1917 года. Цит. по факсимильному воспроизведению в: История Гражданской войны в СССР (так! — А. К.). 2-е изд. Т. 2. Великая пролетарская революция (октябрь — ноябрь 1917 года). М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1947. Вкл. с. 288/289.
- 119 Приказ Верховного Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России 21 ноября 1918 года № 44. РГВА. Ф. 39499, оп. 1, д. 4, л. 7.
- 120 См.: *Таскаев М. В.* Печорский фронт в 1919 году // Белая Армия. Белое Дело. Исторический научно-популярный альманах. № 4. Екатеринбург, 1997. С. 75–78.
- 121 *Филатьев Д. В.* Указ. соч. С. 62.
- 122 Там же. С. 60.
- 123 Сообщено автору Н. Д. Егоровым.
- 124 *Филатьев Д. В.* Указ. соч. С. 60–61.
- 125 Доклад начальника штаба Верховного Главнокомандующего Верховному Главнокомандующему от 21 января 1919 года за № 2639. РГВА. Ф. 40307, оп. 1, д. 35, лл. 200 и об., 201.
- 126 Черновик доклада, составленный в январе (дата не проставлена) 1919 года. Там же. Л. 207 и об.
- 127 Расшифровка телеграммы генерала М. К. Дитерихса начальнику штаба Верховного Главнокомандующего (без даты и номера, расшифрована 18 декабря 1918 года). Там же. Л. 95.
- 128 См.: *Иностранцев М. А.* Первое поручение адмирала Колчака // Белое Дело. [Кн.] I. [1926]. С. 105.
- 129 *Филатьев Д. В.* Указ. соч. С. 58, 80.
- 130 *Мейбом Ф. Ф.* Гибель 13-й Сибирской Стрелковой дивизии в боях под гор. Челябинском в 1919 г. // Первопоходник. Летопись Белой Борьбы. № 18. Los Angeles: издание Объединения Первопоходников, апрель 1974. С. 61.
- 131 *Будберг А. П.* Указ. соч. // Архив Русской Революции. [Т.] XIV. С. 241.
- 132 *Вырыпаев В. О.* Каппелевцы // Вестник Первопоходника. Ежемесячный журнал, посвященный Первому Кубанскому походу и истории Белых армий. № 36. Los Angeles: издание Калифорнийского Общества участников 1-го Кубанского генерала Корнилова похода, сентябрь 1964. С. 8.
- 133 Дневник П. В. Вологодского. (Из хроники антибольшевистского движения в Сибири.) // Россия антибольшевистская. С. 140 (запись от 6 февраля 1919 года).
- 134 Рапорт майора Моринса... С. 54–55.
- 135 Цит. по: *Перченко Ф. Ф.* Указ. соч. С. 7.
- 136 *Гинс Г. К.* Указ. соч. Т. II. С. 124–125.
- 137 *Будберг А. П.* Указ. соч. // Архив Русской Революции. [Т.] XIV. С. 271.
- 138 Приказ Верховного Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России 21 ноября 1918 года № 43. РГВА. Ф. 39499, оп. 1, д. 4, л. 7.

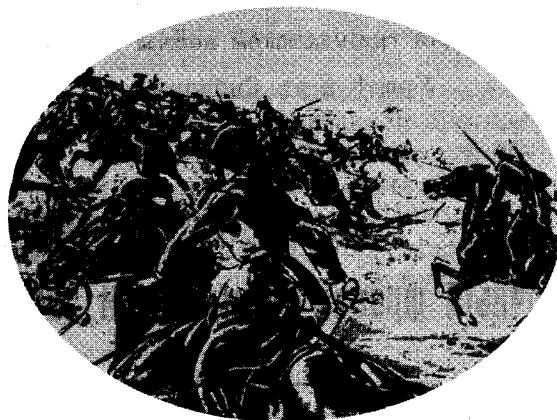
- 139 *Фон Шлиффен А.* Речь, произнесенная 25 ноября 1900 г. на банкете в Генеральном Штабе по случаю столетия со дня рождения генерал-фельдмаршала графа Мольтке // *Фон Шлиффен А. Канн*. С приложением избранных статей и речей / Перевод с немецкого. М.: Воениздат, 1936. С. 377.
- 140 Там же. С. 378.
- 141 Письмо А. В. Колчака А. В. Тимиревой от 21 декабря 1917 года // «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 234.
- 142 *Будберг А. П.* Указ. соч. // Архив Русской Революции. [Т.] XIV. С. 281–282, 332–333.
- 143 *Гинс Г. К.* Указ. соч. Т. I. С. 5.
- 144 *Будберг А. П.* Указ. соч. // Архив Русской Революции. [Т.] XIV. С. 226.
- 145 Цит. по: *Езеев А. Б.* К вопросу о «допустимости», «легитимности» и «правомочности»... (Из истории Георгиевских наград на Востоке России в 1918–1919 гг.) // Военная Быль. № 4 (133). М., октябрь — декабрь 1993. С. 10.
- 146 *Князев В. В.* Благословение Патриархом Тихоном Адмирала А. В. Колчака. [Из книги ротмистра Князева «Жизнь для всех и смерть за всех»] // Наши Вести. Издание Союза чинов Русского Корпуса. № 458/2759. Santa Rosa (USA) — СПб., март 2000. С. 6–7.
- 147 Пребывание Верховного Правителя в Перми // Сибирский Благовестник. Еженедельный орган церковно-общественной жизни и мысли, издаваемый при Высшем Временном Церковном Управлении. Омск, 1919. № 2, 15–30 марта [нового стиля?]. С. 15.
- 148 Крестные ходы в гор[оде] Омске // Там же. С. 16.
- 149 *Гинс Г. К.* Указ. соч. Т. II. С. 368.
- 150 Письмо начальника 7-й Уральской дивизии Горных Стрелков Верховному Правителю и Верховному Главнокомандующему от 12 декабря 1918 года за № 01500. РГВА. Ф. 40307, оп. 1, д. 35, л. 87 об.
- 151 Там же. Л. 88.
- 152 *Котомкин А. Е.* О Чехословацких Легионерах в Сибири. 1918–1920. Воспоминания и документы. 3-е изд. [Orange (USA)]: Antiquary, 1987. С. 32–33.
- 153 См. там же. С. 47–48, 50.
- 154 Отношение 2-го Генерал-Квартирмейстера 1-му Генерал-Квартирмейстеру Штаба Верховного Главнокомандующего от 30 ноября 1918 года за № 18 секр. РГВА. Ф. 40307, оп. 1, д. 35, л. 101.
- 155 См. доклад начальника Организационного отдела Управления 2-го генерал-квартирмейстера штаба Верховного 2-му ге-

- нерал-квартирмейстеру от 30 ноября 1918 года за № 17. Там же. Л. 48.
- 156 Доклад 2-го генерал-квартирмейстера штаба Верховного Главнокомандующего начальнику штаба от 25 ноября 1918 года (номер не проставлен). Там же. Л. 52.
- 157 Письмо председателя Временного Югославянского Национального Совета в России Верховному Правителю от 26 ноября 1918 года за № 103. Там же. Л. 60.
- 158 «К населению России». Воззвание Верховного Правителя от 24 июля 1919 года // Россия антибольшевистская. С. 120.
- 159 Рапорт майора Моринса... С. 55.
- 160 *Гинс Г. К.* Указ. соч. Т. II. С. 458.
- 161 Там же. С. 83.
- 162 *Жанен М.* Указ. соч. С. 109 (запись за 14–17 декабря 1918 года).
- 163 Переговоры о сдаче власти Омским правительством Политическому центру в присутствии Высоких комиссаров и высшего командования союзных держав // Колчаковщина. С. 183–184.
- 164 *Гинс Г. К.* Указ. соч. Т. II. С. 332.
- 165 Протокол № 6 опроса адмирала А. В. Колчака... С. 60.
- 166 Телеграмма Совета Министров Верховному Правителю от 3 января 1920 года за № 9442 // Последние дни колчаковщины. С. 162–163 (документ № 80).
- 167 *Волков Е. В.* Судьба колчаковского генерала. Страницы жизни М. В. Ханжина. Екатеринбург: Уральский рабочий, 1999. С. 164.
- 168 *Жанен М.* Указ. соч. С. 138 (запись от 23 января 1920 года).
- 169 Телеграмма Председателя Совета Министров его заместителю от 10 декабря 1919 года, без номера // Последние дни колчаковщины. С. 148 (документ № 67).
- 170 *Деникин А. И.* Указ. соч. Т. V. Вооруженные силы Юга России. [Берлин]: книгоиздательство «Медный всадник», [1926]. С. 103.
- 171 *Корнатовский Н. А.* Основные этапы развития восточной контрреволюции // Колчаковщина. С. 13.
- 172 *Деникин А. И.* Указ. соч. Т. V. С. 310.
- 173 Там же. С. 220.
- 174 *Парфенов (Алтайский) П. С.* Борьба за Дальний Восток. 1920–1922. [Л.]: Прибой, 1928. С. 40–42.
- 175 Указ Верховного Правителя от 4 января 1920 года приводится по факсимильному воспроизведению в: *Семенов Г. М.* Указ. соч. Вкл. с. 136/137.
- 176 См.: *Ципкин Ю. Н.* Белое движение на Дальнем Востоке (1920–1922 гг.). Хабаровск: ХГПУ, 1996. С. 49 (примечание).

- ¹⁷⁷ Парфенов П. С. (Алтайский П.). Гражданская война в Сибири. 1918—1920. 2-е изд., исправленное и дополненное. М.: Государственное Издательство, [1924?]. С. 6.
- ¹⁷⁸ См.: Верховный Правитель России... С. 12—13.
- ¹⁷⁹ Цит. по: Плотников И. Ф. Александр Васильевич Колчак. Жизнь и деятельность. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. (След в Истории). С. 274.
- ¹⁸⁰ Страницы биографии Мориса Жанэна / Перевод с французского // История Белой Сибири. Тезисы 4-й научной конференции. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. С. 234.
- ¹⁸¹ Определение Священного Собора Православной Российской Церкви о мероприятиях, вызываемых происходящим гонением на Православную Церковь, от 5 (18) апреля 1918 года, пункт 3 // Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. III. М.: издание Соборного Совета, 1918. (Приложение к «Деяниям» второе). С. 55.
- ¹⁸² Орехов В. В. Трагедия Адмирала Колчака // Часовой. № 294 (2). Вгухelles, февраль 1950. С. 3.
- ¹⁸³ Бушин А. Ю. Будет ли похоронен адмирал А. В. Колчак? // Наши Вести. № 459/2760. Июнь 2000. С. 6—7.
- ¹⁸⁴ Дитерихс М. К. Убийство Царской Семьи и Членов Дома Романовых на Урале. Ч. I. Владивосток: [типография Военной Академии], 1922. С. 312.
- ¹⁸⁵ Бунин И. А. Его вечной памяти. [К годовщине гибели адм. А. В. Колчака] // Бунин И. А. Великий дурман. Известные и неизвестные страницы. М.: Совершенно секретно, 1997. С. 88.
- ¹⁸⁶ Елисеев Ф. И. Одиссея по Красной России. Брошюра № 13. Нью-Йорк, 1964. С. 21, 25. Автор благодарит П. Н. Стрелянова (Калабухова), указавшего ему этот источник.

ЧАСТЬ I ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

С. П. МЕЛЬГУНОВЪ

ОТ АВТОРА

«Дело не в законах, а в людях»...

А. В. Колчак

Трагедія Адмирала Колчака

Изъ исторіи гражданской войны на Волгѣ,
Уралѣ и въ Сибири.

ЧАСТЬ I.

Восточный фронтъ гражданской войны.

БѢЛГРАДЪ
1930.

Свою книгу я назвал «Трагедией адмирала Колчака», хотя, в сущности, о личной трагедии «Верховного правителя» в Сибири буду говорить мало. А. В. Колчака я не знал и никогда не видел. Его облик рисуется мне только с чужих слов и из замечательного исторического документа, если не вышедшего из-под его пера, то непосредственно им созданного. Я имею в виду показания Колчака во время допроса следственной комиссией «революционного Правительства» в Иркутске в 1920 г. Достаточно прочесть этот литературный памятник, чтобы проникнуться величайшей симпатией к фигуре сибирского «диктатора», трагические черты которого отмечают и противники [напр., Б. Павлу в «Чехословацком Дневнике», № 269].

Да, в жизни этого человека была действительно драма. И заключалась она не только в том, что свои личные интересы он, как и многие в годы гражданской войны, принес в жертву общественному долгу. Наука влекла его к себе в юности. Отважный путешественник и исследователь-гидролог, мечтавший открыть Южный полюс и совершивший в 1903 г. смелое путешествие на Крайний Север в поисках экспедиции бар. Толля, — он был одним из тех, кто посвятил себя возрождению русского флота после японской войны. Пришла затем европейская война. С энтузиазмом Колчак погрузился в атмосферу военных действий, считая победу Германии величайшим злом для России.

В войну клином вошла революция. Тогда имя Колчака прогремело в России в связи с командованием Черноморским флотом. Месяцы тяжелой эпопеи гражданской войны, и «истинный патриот», по выражению проф. Пёрса в статье «Sl. Rev.» [28, VIII], оставленный всеми, гибнет в большевицком застенке.

Это драма. Но не ей посвящаются последующие страницы. Я буду говорить о трагедии всей России, о трагедии всего того движения, которое превратило в глазах

одних Колчака в национального героя, а для других связало его имя с неудачной «антрепризой».

Общественная трагедия здесь переплетается с трагедией личной. Человека, чувствовавшего, по собственным словам в интимном письме к другу, «отвращение» к политике, жизнь заставила быть политиком. Человека, видевшего в политической власти «крест», жизнь заставила быть «диктатором». Рыцаря подвига, безукоризненной моральной чистоты, брезгливо сторонившегося от интриг, бурно ненавидевшего произвол (характеристика бар. Будберга), политические противники сделали как бы символом политической интриги и политического насилия, искусственно и несправедливо концентрируя около личности российского «Верховного правителя» все то темное и мрачное, что выступало так часто вопреки воле вождей на фоне борьбы, светлой и героической, за восстановление России. Идеалист, судорожно искавший лучших путей, делался ответственным за грехи других. «Колчак, узнав о расстреле заключенных в тюрьму членов Учредительного Собрания, в смутные декабрьские дни в Омске, бился в «истерике»¹, — рассказывает с.-р. Колосов, — этот диктатор обладал вообще темпераментом истерической женщины». Но неужели Колосов, а за ним Зензинов, повторившие эти слова, не понимают, сколь неуместна в данном случае их ирония? Она лишь служит личным оправданием того, с образом которого пытаются связать темные страницы освободительной от большевицкого насилия борьбы. В нем, Колчаке, была «подлинная человечность», как заметил писатель Ауслендер, дававший в Сибири общую характеристику российского «диктатора».

Колчак был диктатором *sugeneris*, диктатором «конституционным», диктатором, звавшим всех, кто любит Россию, к ней на помощь². Допустим, что этот диктатор, засвидетельствовавший всей своей жизнью бесстрашие и решимость, человек, который переоценивал, как видно из взятого нами эпиграфа, роль личности в событиях,

¹ Колчак был тяжело болен. С ним сделался обморок.

² Иванов Вс. (омский журналист). В гражданской войне. Харбин, 1921, с. 3.

был человеком слабым, безвольным, легко поддававшимся чужому влиянию. Мог ли он, однако, встать вне условий, в которых должна была протекать его работа? Мог ли он преодолеть препоны, с которыми встречалась его «миссия» воссоздания России? Моя книга, приуроченная к десятилетию со дня гибели А. В. Колчака, пытается ответить на эти вопросы. Он в значительной степени имел право сказать в июне 1919 г. делегации от омского «Экономического Совещания»: «Мы — рабы положения».

* * *

Я знаю, что найдутся читатели, которые заранее откажут мне в объективном суждении. Мое политическое сredo должно было заставить меня отнестись отрицательно если не к личности, то к деятельности диктатора. Того требует освященная годами демократическая традиция. Если я за ученым, бесстрашным исследователем полярных стран, одним из воссоздателей морской мощи России после поражения, проникновенным солдатом русской армии, одухотворенным какой-то почти метафизической, иррациональной, идеей «очищения» человечества через войну, почти мистически познающим гегелевскую (и отчасти соловьевскую) концепцию «счастья радости» и «единоспасительности» войны, — если я отрицаю за ним квалификацию «авантюриста», то этим уже нарушаю начала объективности, установленные скованной ложными догматами мысли. Отдавая должное, мне думается, я проявляю лишь здоровое чувство подлинной исторической объективности. Демократическим талмудистам я мог бы ответить словами Герцена: «Обличая революцию, я вовсе не был обязан переходить на сторону ее врагов». Тактика части русской демократии, по моему мнению, погубила дело Колчака... и свое. Демократия в Сибири проиграла не оттого, что попала «между молотом интервенции и наковальней советской власти»...

Моя работа не будет апофеозом Колчака. Я не буду его рисовать национальным вождем, я не назову его «русским Вашингтоном», как сделал это, быть может, опрометчиво руководитель сибирской кооперации, старый

демократ, народник-революционер А. В. Сазонов¹. Может быть, на месте Колчака могли бы быть другие, лучшие, но их не было. В исторической обстановке того времени судьба, во всяком случае, выдвинула именно его. Он был чище и идейнее других [*Будберг*]. Пламенный темперамент, прямота и непосредственность, чарующая одних, создавала и врагов.

Колчак погиб, и даже показания его для потомства оказались прерванными на самом важном месте. Смерть его лежит на совести его политических противников — и не только их одних. Я говорю не о большевиках. Большевики для меня не политические противники. Под кровавыми ударами этих палачей погибли лучшие люди. Население осознало, по крайней мере, этот итог гражданской войны. Недаром несколько лет назад даже советская печать передавала сообщение о паломничестве, которое наблюдается в Иркутске на сокрытую могилу «Верховного правителя». Население уверено, что могила эта вблизи насыпи у тюремного рва точно опознана...

В руки большевиков Колчак попал не в честном бою. Он расстрелян был не как военнопленный. Он был в значительной степени предан — я не боюсь употребить это слово — теми, кто шел с ним так или иначе совместно в деле, которому служил Колчак. Пусть велики будут ошибки «Верховного правителя»! Допустим, что именно эти ошибки привели к крушению государственного режима, им возглавляемого. Но нельзя найти объективного оправдания для действий междусоюзнического командования в дни, когда Колчак был передан новой иркутской власти и без протеста заключен в тюрьму, над которой развевался демократический флаг. Закон общественной и политической морали, гражданская и военная честь были нарушены совершившимся фактом — фактом, пожалуй, небывалым в истории. Слишком мягки слова проф. Пёрса в указанной статье: «До конца Колчак оставался верным русскому народу и союзникам. Были ли они верны ему?»

¹ Я не знаю, Впрочем, были ли эти слова в действительности произнесены.

* * *

Прав П. Б. Струве, написавший однажды в «Дневнике политика» [*«Возрождение»*, № 252], что личность Колчака заслоняется его судьбой — его трагическим концом. Гибель Колчака — пусть даже не будет «субъективно виновных» в его конце — будет всегда ощущаться как жгучее обвинение в нелепом предательстве. Таким скорбным укором войдет она и в историческое сознание потомков...

Колчак был взят «в плен» (слова В. М. Зензинова). Этот «плен» носил слишком своеобразный характер. Так в плен не отдаются. Так в плен не берут. Без волнения не могу я читать рассказа о последних днях Колчака. И мне остается лишь удивляться узости тех представителей «революционной демократии», которые и после смерти сибирского «диктатора» пытаются все еще сосчитаться со своим политическим противником. Впрочем, пожалуй, и удивляться не приходится — для многих из них это только тактика самооправдания.

Как бы незначительна ни была личность «печального диктатора» [парижское «*Pour la Russie*»], чувство элементарной политической морали и справедливости не может набросить пелены забвения на позорную страницу иркутского судилища.

Колчака судил «революционный суд». Подсудимый во всех отношениях оказался выше своих судей. И с чувством какой-то глубокой обиды и поруганной личной чести перелистываешь страницы допроса адм. Колчака. Зачем его не судили только одни большевики? Зачем на эту позорную страницу занесены, помимо коммунистов, и имена представителей партий соц.-рев. и соц.-дем.? Зачем в этой комедии суда, в этом недостойном зрелище в роли статистов, впрочем не пассивных, выдвинуты демократы? Этого пятна не смоем никакая «объективная история». Такие вещи действительно «не изглаживаются из исторической памяти».

* * *

Для того чтобы уяснить себе роль Колчака и ту обстановку, при которой протекала правительственная де-

тельность «Верховного правителя», совершенно неизбежно обратиться к периоду, предшествовавшему диктатуре. «Колчаковщина» находилась в полной зависимости от тех явлений, которые сложились задолго еще до появления на авансцене адм. Колчака. Это вовсе не значит, что Колчак слепо следовал по путям, построенным его предшественниками. Но ему приходилось действовать и проявлять инициативу в определенной атмосфере, созданной общественными переживаниями того времени. Последние все вытекали из революции, и не от воли отдельных людей подчас зависело их изменение.

Я отсылаю читателя к своей книге «Н. В. Чайковский в годы гражданской войны». Там я старался показать общественную психологию после октябрьского переворота; изобразить позицию отдельных политических групп; начертать разброд в среде революционной демократии — ее неумение оценить в должной степени общенациональное бедствие и подчинить свои партийные интересы общенациональным целям. Лишь меньшинство в этой демократии пыталось добиться необходимого для противодействия большевикам единства. Оно разбивалось о догматическую косность переживаний других политических вождей. Все это, скорее, предвещало неудачу противобольшевизмского движения. Сибирь и при Колчаке и до Колчака испытала на себе всю тяжесть проклятия, висевшего над Россией. «Корень зла в том, — сказал Колчак 13 ноября, в бытность военным министром Директории, д-ру Павлу в Омске, — что русские никак не могут утвердиться на национальном принципе, ставя интересы партийные выше интересов своего народа. В этом отношении виноваты одинаково оба крыла: и левое и правое. Всякая политическая борьба до тех пор, пока она не стоит на национальной почве и на программе освобождения России, — вредна» [«Чехословацкий Дневник», № 228].

Действительно, немногие сумели твердо стоять на этом «национальном принципе» в годы гражданской войны. Немногие среди социалистов могли бы подписаться под словами эсера Д. С. Розенблюма на листе автографов Уфим. Гос. Совещания: «В настоящее время я прежде всего рус-

ский, а потом социалист». Или под словами соц.-дем. П. П. Маслова (известного экономиста): для того чтобы «совершить великое дело спасения России», нужно «забыть и пожертвовать не только своими личными интересами, но и интересами отдельных групп»... [«Красный Архив». XXXI, с. 202–203].

Я начну свой рассказ с момента, когда на горизонте России стала вырисовываться возможность восстановления Восточного фронта против Германии при содействии союзнических сил. Только вникнув в политику колебаний международной дипломатии, в раздражавшее русскую общественность балансирование между признанием и отрицанием большевизма, можно понять тот суровый (*farouchement*) «национализм», за который упрекают Колчака иностранные наблюдатели тогдашней сибирской жизни. «Колчак не понимал, — говорит член французской военной миссии проф. Легра, — что иностранцы необходимы для победы над большевиками» [«M. Sl.» — «Le Monde Slave», 1928, II, p. 186].

В сознании русских, боровшихся с большевиками, противогерманский фронт одновременно был и противобольшевицким. И в Сибири на первых порах, и на Волге он был облечен в демократическое одеяние. Он шел под флагом защиты разогнанного большевиками Учредительного Собрания 1917 г. Обстановка существенно отличалась от того, что история гражданской войны раскрывает на Юге. Изучение восточной эпопеи поэтому может представить особый интерес, но я буду ее рассматривать только со стороны подготовки ноябрьского омского переворота, приведшего к вручению власти адм. Колчаку. В «преддверии диктатуры» важно отметить те черты эпохи, которые создали и питали эти явления, столь несправедливо окрещенные противниками именем Колчака — между тем они сами должны признать, что «колчаковщина» появилась «задолго до Колчака». Колчак в ней неповинен, и поэтому следовало бы этот термин похоронить в истории. Мало того, читатель увидит, что демократическая власть — власть преимущественно партийная соц.-революционеров в Самаре — на практике ничем не отличалась от власти «реакционных генералов».

Вся эта эпоха не нашла еще себе исследователя¹. По многим вопросам нет еще необходимого даже документального материала. Приходится идти иногда ощупью и разбираться в смутных контрверсах, которыми полны мемуары действовавших лиц. История самарского Комитета Учр. Собр. (Комуч), Сибирского правительства, Директории и эпохи Колчака — все это требует детального, подчас архивного исследования.

Моя задача могла быть только очень скромна — я хотел сделать как бы сводку появившегося уже материала. Я пытался использовать всю литературу, изданную за рубежом (отчасти иностранную), и воспользоваться главным, что появилось в Советской России (в общей сложности мною использовано более 100 книг). И заранее приходится мириться с множеством «неточностей», быть может и немаловажных, которые кропотливый критик может отметить в моем труде².

В истории гражданской войны пока в значительной степени, к сожалению, приходится заниматься еще анали-

¹ Ценная двухтомная книга Г. К. Гинса — единственный пока обзор деятельности Сибирского «колчаковского» правительства — носит все же характер мемуаров, написанных тогда, когда достаточно документального материала в распоряжении автора быть не могло. На нее мне часто приходится ссылаться. Исследование А. И. Деникина касается «Восточного фронта» и Сибири лишь попутно. Автор также часто должен был судить по информации, полученной от других. В работе П. Н. Милюкова период этот изложен суммарно и тенденциозно в силу игнорирования фактов (см. мою критику, названную Милюковым в ответ «макулатурой»).

² В ответ на мою критику работы П. Н. Милюкова «Россия на переломе» последний бросил мне упрек в том, что я не умею разбираться в материале, который меня подавляет. Но в действительности столь авторитетный историк, каким является Милюков, лучше других знает, что легче всего разобраться в материале, когда его не знаешь или когда сознательно его игнорируешь. Самому Милюкову только потому и легко было устанавливать схемы, что он в своей работе игнорировал даже тот материал, который мог ему быть доступен. Отсюда и проистекали бесчисленные ошибки автора даже в изложении фактов.

зом отдельных фактов. По многим вопросам, как мы увидим, возможны лишь предположительные ответы: так обстоит, напр., дело с омским переворотом 18 ноября. Ясна обстановка «заговора», силы, которые действуют, но далеко не отчетлива еще сама организация переворота.

Мои «неточности» будут отчасти вытекать из того обстоятельства, что меня лично не было на месте действия, мною описываемого. Я должен выступать исключительно как историк, бытописатель, а не мемуарист, т. е. владея мертвым, а не живым восприятием. Правда, я пытался отчасти привлечь и непосредственных свидетелей путем бесед и выяснения спорных вопросов, которыми изобилует описываемая эпоха. Но живые свидетельства сами по себе и тенденциозны и противоречивы. Я пытался восполнить личные наблюдения чтением тогдашних сибирских газет, хотя бы их неполных комплектов. Повседневная печать при всех условиях так или иначе отражает обыденную жизнь. В газетах найдется материал, которого нет у мемуаристов и который не отражается в официальных документах эпохи, к тому же опубликованных в советской историографии довольно случайно и неполно.

Если у меня нет преимуществ, которыми располагает мемуарист; если мое отдаленное пребывание от места действия, при отсутствии достаточно разработанных и документальных данных, ставит меня в невыгодное положение в качестве историка того времени, то имеются некоторые преимущества и на моей стороне. Я чужд непосредственной заинтересованности мемуаристов, так часто стремящихся в изложении к политическому самооправданию. События преломляются в моем сознании не под углом зрения действующих лиц — я все же на сибирские события смотрю со стороны. Возможно, я не всегда верно улавливаю мотивы. Документ сухо передает факт, не давая ему пояснения и не изображая психологических основ мотивов действующих лиц. Но одно уже установление факта при современном состоянии материала мне представляется явлением положительным. Отделение легенд от происшедшего, вылушивание зерна из наросшей уже оболочки делает, как мне кажется, мою работу небесполезной и для современников, и для будущего историка этой эпохи.

Пелена искажений густо уже покрыла события недавнего еще времени. Я должен буду опровергать эти искажения. В силу этого работа моя часто, очень часто будет носить полемический характер. В силу спорности, я вынужден был подчас непропорционально много места уделять отдельным контroversам. Я все-таки пытался посылить установить не только фактическую основу. Но в своих обобщениях и выводах я не стремился к фиктивному объективизму, скрывая собственные взгляды и настроения.

«История должна исправить, — говорит Струве, — огромную, непереносимую и жуткую в своей непонятности неправду». Я не могу, конечно, претендовать на выполнение таких больших заданий. Но я остро ощущаю то, о чем говорит Струве. Образ Колчака неотступно стоит как «какая-то неотомщенная тень». Моя книга — лишь маленькая дань погибшему за дело любви к родине человеку со стороны если не политического противника, то, во всяком случае, иначе политически мыслящего. Колчак погиб «за чужие грехи». Как характерно, мы встретим эти слова не только у Гинса, но и у чешского обозревателя «сибирской драмы» Бог. Пршикрыла (1929).

Колчак был увлечен мечтой о восстановлении великой России. По словам автора известного сибирского «Дневника» бар. Будберга, Колчак «непоколебимо» был убежден, что если не ему, то тем, кто его заменит, «удастся вернуть России все ее величие и славу». Мечта искреннего, но, быть может, «наивного идеалиста» не осуществилась. Россия все еще в небытии... В чем причина? Думаю, что до некоторой степени ответ найдется и в фактах, которые пройдут на следующих страницах.

* * *

Автору никогда не нужно давать оружия критике. Моя книга написана несколько спешно, но мне хотелось ее выпустить к десятилетию гибели адм. Колчака. Мне думается, что многое из рассказанного здесь не было в свое время известно противникам «Верховного правителя». Закулисная сторона должна разъяснить психологию эпохи и реабилитировать память «Верховного правителя»,

по крайней мере, среди тех его противников, которые смогут действительно отнестись объективно.

Мне нет надобности, выпуская книгу в эмиграции, описывать ненормальные условия зарубежной работы — и прежде всего отсутствие под рукой подчас необходимых книг и материалов. С тем большей благодарностью я должен вспомнить полученное мною разрешение работать в пражском «Русском Заграничном Архиве» и содействие, оказанное со стороны всех работников Архива. Только здесь, в этом богатом уже хранилище газет эпохи гражданской войны, я мог, между прочим, хотя бы частично познакомиться с нужной мне периодической печатью.

Особо я должен отметить информацию, полученную мною от ген. М. А. Иностранцева и С. С. Старынкевича. Ряд указаний и материалов мною получены от М. В. Бернацкого, Г. К. Гинса, Н. Н. Головина, А. Ф. Изюмова, В. М. Краснова, Б. И. Николаевского, А. А. Никольского, Т. И. Полнера, Л. И. Пушкиной, Н. П. Ягудки и Б. И. Элькина. Моя работа, главным образом в третьей ее части, не могла бы быть выполнена без горячего содействия В. С. Озерецковского.

Париж. 1 октября 1929 г.

Союзники

1. Противогерманский фронт

Французский генерал Жанен, бывший в Сибири и командовавший там в период колчаковского Правительства союзническими отрядами, в воспоминаниях, напечатанных в «Le Monde Slave» [1924, XII, р. 228], упрекает русских в ксенофобии, которой они восполняют отсутствие подлинного патриотизма. Вряд ли, однако, эта характерная черта быта отдаленной уже от нас веками Московии может быть отмечена в России эпохи мировой войны. Русская история последних лет свидетельствует, скорее, нечто совершенно противоположное. Русскому народу и русской интеллигенции, пожалуй, можно послать другой упрек — в излишнем доверии к политическому идеализму, которым будто бы руководствуется мир в своих международных отношениях.

Реалистический, не оторванный от жизни патриотизм, к сожалению, почти всегда бывает синонимом национального эгоизма. Он властно диктует оппортунизм в политике, как тому чрезвычайно образно поучают воспоминания о мировой войне одного из творцов независимости и первого президента освобожденной от австрийского ига Чехословакии. Защита национальных интересов в современной конъюнктуре людских отношений требует прежде всего национального себялюбия и умения использовать в своих национальных интересах складывающуюся международную обстановку. Вот, в сущности, девиз, которым руководились в своей деятельности проф. Масарик и его единомышленники. Своей цели они достигли. Русские в этом отношении всегда облекались в какой-то донкихотский панцирь верности трансцендентальному долгу, мало считаясь с конкретными условиями своей национальной действительности. Надо думать, что жизнь своим суровым уроком теперь научила и русских присущему всем народам национальному эгоизму.

История союзнической «интервенции» в России в годы гражданской войны еще не написана. Во всяком случае, она неспособна возбудить энтузиазм русских патриотов, но, может быть, объяснит, почему глубокое разочарование охватило многих из тех, кто верил в то время в спасительность для России международного вмешательства демократии. «Все более и более выясняется, — писал в своем докладе А. И. Деникину в конце октября из Сибири ген. Степанов, — что союзники вступили в пределы России не ради спасения ее, а, вернее, ради своих собственных интересов» [Очерки. Т. III, с. 108]¹. Ныне объективно, пожалуй, можно сказать, что спасение России заключалось в своевременном выходе из войны в период еще Временного правительства. Страна в революционную бурю должна была думать только о себе. Несколько искусственно взвинченный страх перед немецким империализмом, вера в творческую роль латинской культуры — носительницы мирового прогрессивного начала в противовес германскому реакционному² — не были оправданы последующими событиями. Развал России был результатом только войны. Только она вскормила и дала первенство большевизму. Судьба и в последний момент язвительно улыбнулась России: победа Антанты над Германией в создавшихся условиях обрекла Русскую державу на временное, по крайней мере, умирание. И вполне понятным становится то «волнение», которое испытал в Омске, по словам Гинса, временный председатель Директории Н. Д. Авксентьев при известии о капитуляции Германии. «Я вполне понимаю, — замечает Гинс, — продержись Германия несколько больше, союзная помощь России вылилась бы в иные формы» [I, с. 296].

¹ Тот же вывод делает в воспоминаниях и полк. Уорд, командовавший в Сибири английским батальоном: «Если бы мы обсудили вопрос о союзной интервенции прежде, чем вмешаться, я мог бы представить много доводов за то, чтобы нам остаться в стороне. Но... союзники стали вмешиваться для собственных целей» [с. 171].

² Точка зрения, которую развивали во время войны Кропоткин, Чайковский и другие их современники, жившие в значительной степени концепциями, почерпнутыми из прошлого. См. мою книгу о Чайковском, гл. II.

В книге, посвященной деятельности Н. В. Чайковского в годы революции и гражданской войны, я останавливался уже более или менее подробно на характеристике общественных настроений в связи с образованием двух политических центров — «Союза Возрождения» и «Национального Центра», где с наибольшей последовательностью и отчетливостью проводилось непризнание Брест-Литовского мира и идея осуществления так называемого Восточного противогерманского фронта. В сознании политических деятелей, примыкавших к указанным организациям, этот противогерманский фронт становится одновременно и антибольшевистским. Вернее, ударение делалось на последнем.

Здесь не было «лицемерия», как неудачно назвал Авксентьев в позднейшем письме (1919) из Парижа партийным товарищам на Юг политику «интервенционистов» [письмо напечатано было в «Прол. Рев.», № 1]. Продолжение войны своими слабыми силами, конечно, не мыслилось как нечто ударное в отношении Германии. Возрождение общей с союзниками борьбы могло бы ослабить захват Германии России и ее попытку черпать преимущественно продовольственную помощь в стране, все же необычайно обильной натуральными благами. Восточный фронт был как бы моральной помощью в общем деле со стороны тех, кто не изменял принятым обязательствам и не считал с своей стороны ликвидированными и обязательства союзников в отношении России¹. Таким образом, не одни только идеалистические мотивы двигали сознанием тех, кто пытался создать противоядие против Брестского мира, — были мотивы и вполне реалистические. Главным образом, сознание, что выход России из войны должен невыгодно отразиться на ее интересах в момент заключения мирного договора: Россия не будет иметь голоса на мирном конгрессе. Руководило то же самое чувство, которое в свое время было и у чешских патриотов. Мы могли бы до некоторой степени повторить слова, сказанные предста-

вителем московских чехов 15 августа 1914 г.: «Чехия должна быть добыта чешским войском — для того чтобы на мирной конференции мы могли выступить с требованием самостоятельности, обосновывая наши требования нашим участием в вооруженных действиях. В этом задача наших добровольцев¹».

П. Н. Милюкову [Россия на переломе] возобновление Восточного фронта, о чем, как мы знаем, реально думал и ген. Корнилов, с военной точки зрения представляется фантастическим предприятием. Конечно, все зависело от того, насколько активны в этом отношении будут союзники. Сами по себе русские силы были слишком мало мощны для осуществления столь сложной задачи. «Восточный фронт» не означал непременно отдаленную Сибирь (эту презумпцию делает Милюков) — он должен был возникнуть там, где обстоятельства складывались наиболее благоприятно. К лету 1918 г., когда у союзников уже намечался более или менее реальный план «интервенции», условия действительно благоприятствовали во многих отношениях Сибири. Но союзные власти к этому решению шли медленно и с колебаниями. Туго внедрялось в их сознание известное единство в данный момент немецко-большевистской проблемы, что уже достаточно отчетливо отличалось в представлении большинства русских политиков. В оценке этой слитности было, конечно, значительное преувеличение. Но так в то время воспринималась действительность. Я отошлю читателя к тому дневнику современника — «Немцы в Москве в 1918 г.», который был мною напечатан в № 1 заграничного «Голоса Минувшего» (1926). Я сопроводил его статьей под заголовком «Приоткрывающаяся завеса». Здесь, между прочим, впервые была опубликована конфиденциальная нота мин. ин. дел Ф. Гинце 27 августа 1918 г., адресованная Иоффе, которая подтверждала

¹ Лазаревский Вл. Россия и чехословацкое возрождение. Париж. С. 25. Адм. Колчак в своих показаниях о времени, предшествующем перемирию с Германией, говорит: «Я... в первое время надеялся, что в случае, если нам удастся достигнуть известных успехов на фронте, мы будем приглашены на мирную конференцию, где мы получим право голоса для обсуждения вопроса о мире» [«Допрос». С. 188].

¹ Мнения толпы редко бывают вдумчивыми. За границей часто после внешнего «предательства» имя России становилось анафемой» [из письма Набокова Вологодскому 22 мая 1919 г. — у Субботовского. С. 30].

и ставила некоторые дополнительные пункты к Брестскому миру. Напомню, что § 5 ноты гласил: «Германское правительство ожидает, что Россия применит все средства, которыми она располагает, чтобы немедленно подавить восстание ген. Алексеева и чехословаков. С другой стороны, и Германия выступит всеми имеющимися в ее распоряжении силами против ген. Алексеева¹. Французский журнал «Revue d'histoire de la guerre mondiale» перепечатал этот документ, осторожно оговорившись, что редакция не принимает ответственности за подлинность... И что же? Очень скоро гамбургский журнал иностранной политики «Europäische Gespräche» напечатал ноту Гинце уже по немецким источникам. Таким образом, отпали споры о ее апокрифичности². Загадок и тайн еще много в этой сумеречной эпохе. Завеса до сих пор еще не раскрылась. Но, поскольку в нашем распоряжении имеются материалы, мы имеем право говорить об известном единстве германо-большевицкой проблемы перед русским общественным мнением того времени.

Подобным единством объясняется та легкость, с которой в демократических кругах была принята идея «интервенции». По традиционному восприятию догм политического катехизиса, она должна была претить демократическому сознанию. Но этого не было. Интервенцию готовы были приветствовать не только «цензовые» элементы³.

¹ 23 июля Чичерин этого требовал от заместителя Мирбаха Гельфериха [Деникин. III, с. 115].

² Раньше выдержки из этой ноты были напечатаны у Деникина в III т. «Очерков». Автор получил сообщение о ней в сентябре 1918 г. из Москвы.

³ «В июне весь Харбин был полон воплями о необходимости для спасения России призвать союзников» [из доклада ген. Степанова А. И. Деникину].

Демократическое совещание 20 июня по вопросу о «помощи, которая должна быть оказана» союзниками, постановляет: союзники коллективно должны гарантировать территориальную неприкосновенность и суверенные права Российского Государства и невмешательство во внутренние политические вопросы. Харбинские эсеры со своей стороны декларируют необходимость союзнической помощи для воссоздания фронта против Германии [Гутман. Россия и большевики. I, с. 310–311].

«Русская демократия с безбоязненной радостью может встретить... эшелоны иностранных войск», — писала, выражая в значительной степени общее мнение противобольшевицкой демократии в Сибири, челябинская «Власть Народа», редактируемая известным соц.-дем. Е. Маевским, по поводу обязательств, которые принимало на себя позднейшее августовское обращение Великобритании к русскому народу. Это была не «интервенция» в точном смысле слова, не вмешательство во внутренние дела чужой державы. В теории это была кооперация сил, причем для одной стороны выдвигалась проблема противогерманского фронта, для другой — противобольшевицкого¹. Для успеха в русском общественном мнении идеи международного вмешательства противосоветский фронт должен быть поставлен ясно и отчетливо. Наша борьба с большевизмом «не должна быть завуалирована» — это подчеркивает член военной миссии майор Пишон в докладе, представленном

¹ Надо сказать, что в некоторых антибольшевицких кругах, преимущественно в эсеровских, как мы это неоднократно увидим, любили иногда больше, чем надо было, подчеркивать связь интервенции с противогерманским фронтом. Вероятно, эту черту и назвал Н. Д. Авксентьев «лицемерием». Тут приходится видеть своего рода самооправдание перед догматическим восприятием демократических традиций. Впоследствии подобная точка зрения действительно ставила в ложное и противоречивое положение тех представителей левой демократии, которые слишком мало доверяли актуальным внутреннерусским силам и склонны были делать ставку спасения России почти исключительно на помощь извне. Характерно, что те из них, которые возражали против интервенции, отнюдь не возражали по существу. Например, Якушев в очерке «Дальневосточное самоуправление в борьбе за власть» приводит речь большевизанствующего эсера Медведева на чрезвычайном приморском областном земском собрании во Владивостоке. Он говорил: «Не страшно, конечно, само по себе занятие иностранцами нашего края, если бы они пришли сюда действительно только для того, чтобы навести у нас порядок... но ведь мы знаем, что одним этим они не удовлетворятся: они ведь преследуют свои интересы, а эти интересы... совпадают с интересами некоторой части нашего общества, которая настроена против советов и их власти» [«Местное Самоуправление». — Труды Об-ва в Чехосл. Прага, 1926, т. III, с. 196].

после поездки в Сибирь, 4 апреля 1918 г. французскому посланнику в Пекине [с. 55]. При таких условиях интервенция не вызовет противодействия. Другими словами, «свои» ближайшие, непосредственные «интересы» союзников не должны были грубо превалировать над интересами других. От дипломатии требовалась некоторая прозорливость.

2. Политика колебаний

В борьбе, которая шла в руководящих политических кругах Запада по вопросу о тактике в отношении России с момента захвата власти большевиками, первенствующее значение имела проблема подчинения советской власти германским императивам. Плохо осведомленные о положении дел, мало разбирающиеся в сложной конъюнктуре русских отношений, иностранные политики шли по извилистым тропам. П. Н. Милюков так характеризует позицию союзников: «...до заключения Брестского мира союзники пробовали использовать даже и большевиков против Германии. После Бреста эта надежда отпала. Тогда на очередь стал — в апреле и в мае — новый план союзников для достижения той же цели, т. е. для удержания возможно большего количества германских солдат на Восточном фронте. Это был план воссоздания нового «Восточного фронта» где-нибудь внутри России... Россия при этом являлась не целью, а лишь средством, и притом средством временным, даже кратковременным. Этим объясняется внутренняя несерьезность, почти авантюризм союзнических планов, явная невыполнимость дававшихся ими обещаний, легкость нарушения этих обещаний и вообще пренебрежительное отношение к недавнему союзнику, переставшему быть полезным. Отношение это впервые глубоко возмутило против союзников русское общественное мнение без различия партий» [с. 18].

Будучи прав в оценке союзнической тактики и впечатления от нее в русских общественных кругах, Милюков далеко неточно излагает перелом в политике союзников. Колебания продолжались вплоть до лета 1918 г. Отсюда противоречивые шаги, лишавшие какой-либо устойчивости междусоюзническую тактику: после Брестского

мира неофициальные переговоры с большевиками пошли даже одно время усиленным темпом: Один из большевистских историков, М. Левидов, проделал чрезвычайно важную работу для истории первого подготовительного периода интервенции [К истории союзной интервенции]. Он исследовал не только официальные документы¹ и имеющиеся уже воспоминания, но и газеты того времени — всего 42 органа. В результате получилась довольно яркая картина тех этапов, по которым проходила официальная и неофициальная мысль о военной интервенции в России или, вернее, о помощи русским для воссоздания Восточного фронта². Пользуясь данными, приведенными в книге Левидова, и отчасти их дополняя, наметим в самых коротких чертах эти «этапы» интервенционной политики Англии, Франции, Америки и Японии.

* * *

Первый этап — это время, непосредственно примыкающее к большевицкому перевороту. Если орган английских «милитаристических» кругов — «Глоб» высказывает накануне переворота удивление тому, что союзники беспомощно наблюдают, «как Россия сама себе перерезывает горло»; если «Морнинг Пост» по получении известий о перевороте занимает определенную противобольшевицкую позицию и лишет: «Последователи Ленина — будет ли долгим или нет их существование — являются определенными врагами Антанты и открытыми друзьями Германии. Никаких дел поэтому с ними быть не может. Перед союзниками лишь одна задача — установить какими-нибудь средствами связь с русским народом и с теми его элементами, которые остаются верными союзникам»; если возникает уже мысль о возможности

¹ Английские «парламентские отчеты»; документы о «русско-американских отношениях» и др.

² Выводы Левидова нам не нужны — слишком казенный характер они носят. Но и здесь следует отметить, что книга Левидова выделяется своей серьезностью и отчасти тоном среди советской литературы. Приходится пожалеть, что до сих пор не появилось продолжения работы.

вмешательства Японии¹ — английское правительство, скорее, стремится сохранить нейтралитет в русских делах: Россию надо предоставить на время самой себе.

Французское правительство сразу приняло тактику бойкота в отношении Советского правительства. 12/25 ноября шеф военной миссии в России ген. Лаверн довел до сведения ген. Духонина полученную им телеграмму, которая гласила, что «Франция не признает власти Совета Нар. Ком.» [«Накануне перемирия». — «Кр. Арх.». XXIII, с. 215].

Официальная Америка довольно упорно молчала о России, склоняясь в лице Вильсона, скорее, к признанию советской власти. Поэтому американские представители в России — глава военной миссии ген. Джемсон и глава Красного Креста Томпсон — держат себя не только «относительно лояльно», но и завязывают сношения с Советским правительством в целях «разъяснения некоторых недоразумений». В январе и в Англии (Ллойд Джордж) намечается склонность к признанию советской власти для того, чтобы помешать Брестскому миру... Левидов дает соответствующей главе наименование «Весна в январе». Никогда волна интервенционистских планов «не была на таком низком уровне, как в январе и в половине февраля 1918 г.».

На пользу сближения с Советским правительством работают три союзных представителя: английский консул Локкарт, член французской военной миссии кап. Садуль и представитель американского Красного Креста Робинс. Садуль сумел повлиять и на французского посла Нуланса, которого большевицкий историограф называет подлинным отцом интервенции. Под влиянием Робинса, сносившегося с

¹ В декабре, как известно, произошла первая высадка японцев во Владивостоке в целях охранения военного снаряжения союзников. По-видимому, высадка была совершена по собственной инициативе, но она не была случайной и изолированной, как говорит Левидов. Показательно, что подготовка внедрения японцев началась гораздо раньше. У Субботовского [с. 136] приведена, напр., телеграмма комиссара Врем. прав. Русанова от 17 июня 1917 г. о том, что во Владивосток непрерывно прибывают из Кореи под видом рабочих и лиц разных профессий японские жандармские чины и агенты секретной полиции.

Троцким, американский посол Фрэнсис неформально уведомил «большевицких лидеров», что в случае, если перемирие будет окончено и Россия будет продолжать войну, он рекомендует своему правительству формальное признание фактической власти правительства народных комиссаров и «всю возможную поддержку и помощь».

Разговоры были впустую. Мир все-таки был подписан — формула Троцкого «не мир и не война», была отклонена¹. В дни окончательного обсуждения Брестского мира можно отметить одну любопытную деталь, показывающую, как наивны были союзнические представители в Москве. Протокол ЦК партии большевиков, где тогда решались все основные вопросы, отмечает доклад Троцкого 22 февраля «о предложении французов и англичан» содействовать «в войне с немцами». Троцкий оглашает «ноту французской военной миссии». Бухарин считает, что «недопустимо пользоваться поддержкой какого бы то ни было империализма». Троцкий возражает: «Государство принуждено делать то, что не сделала бы партия». Разрешает спор отсутствовавший Ленин с обычной для себя аморальностью: «Прошу присоединить мой голос за взятие картошки и оружия у разбойников англо-французского империализма» [Протокол № 42²].

¹ Масарик ошибается, утверждая, что Троцкого не было при голосовании о Брест-Литовском мире. Большевики издали в 1921 г. все протоколы ЦК партии за это время. Троцкий на всех заседаниях присутствовал и участие в голосовании принимал, — он был в решительном заседании 23 февраля среди четырех «воздержавшихся» (Дзержинский, Крестинский и Иоффе). Против голосовали: Бухарин, Урицкий, Бубнов и Ломов. За принятие германского предложения высказалось 7 во главе с Лениным. Троцкий свое воздержание мотивировал необходимостью «не препятствовать созданию большинства для получения единой линии» [Протоколы ЦК. С. 252–253].

² Комментатор «протоколов» говорит, что самой «ноты» не удалось найти... Не было ли этой «нотой» то телефонное сообщение Нуланса Троцкому, о котором говорит Садуль: «В вашем сопротивлении против Германии вы можете рассчитывать на военную и финансовую поддержку Франции». Садуль передает в письме к А. Тома, что миссия под угрозой немецкого наступления на Петроград накануне подписания Брестского мира согласилась

Мир, однако, еще не ратифицирован. Робинсу дают понять, что ратификация в значительной степени зависит от отношения американского правительства к вопросу о поддержке советской власти... Другими словами, на всякий случай ставка делается надвое. 5 марта Троцкий передает американскому правительству ноту, где ставит вопрос: «Может ли советское правительство рассчитывать на поддержку Соед. Штатов, Великобритании и Франции в его борьбе против Германии». Не будем забывать, что на том же заседании ЦК партии, где были приняты немецкие условия (18 февраля), единогласно было постановлено: «Готовить немедленно революционную войну». С своей стороны, Локкарт имеет «длинное интервью» с Троцким и готов уже дать всякие авансы большевикам. «Троцкий осведомил меня, — пишет Локкарт, — что на съезде советов 12 марта будет, по-видимому, объявлена священная война Германии или предпринят такой шаг, который сделает неизбежным объявление войны со стороны Германии»¹. Локкарт убеждает не предпринимать никаких враждебных по отношению Советского правительства шагов, так как не исключена возможность «прямого приглашения» американскому и английскому правительствам принять участие в защите Владивостока, Архангельска и т. д. Всякое враждебное действие лишь усилит германское влияние в России².

Как Троцкий умел втирать очки своей «священной войной», показывает тот факт, что даже известный писатель, определенный антибольшевик Гарольд Вильямс, «конфиденциальный агент британского правительства», по словам

предоставить в распоряжение Троцкого известное число офицеров и солдат, чтобы восстановить разрушенные железные дороги, ведущие к столице, и организовать отряды для ее обороны [Notes sur la révolution bolchevique. P. 320].

¹ Анишев [Очерки истории гражданской войны, 1921] приводит официальные большевистские данные о том, что англичане предлагали советской власти по 100 р. в месяц за каждого солдата, если советская власть согласится продолжать войну с Германией.

² Набоков в «Воспоминаниях дипломата» свидетельствует, что Англия в это время была близка к официальному признанию советской власти [с. 190].

большевиков, уверовал, что «особенности революционной тактики большевиков не позволяют им принять этот мир как окончательный»... «В настоящее время, — сообщает он Министерству иностранных дел, — большевики являются единственной партией, обладающей в России действительной силой. Национальное возрождение в России вполне вероятно, и своей агитацией большевики могут помочь этому возрождению... Слухи о предполагаемой якобы интервенции в Сибири увеличивают чувство унижения во всех классах и переносят чувство гнева русского населения с немцев на союзников и ставят в опасность наши будущие интересы в России». Для большевиков все это ловкие шаги дипломатии. Впоследствии в «Известиях» (22 июня) Троцкий в полном противоречии с тем, что говорилось, а вскоре и делалось, заявлял: «С тех пор, как англо-французская печать стала настаивать на необходимости военного вмешательства союзников в русские дела, чтобы побудить нашу страну к войне с Германией, я... заявил, что к вмешательству союзных империалистов мы не можем относиться иначе, как к враждебному покушению на свободу и независимость Сов. России»¹.

* * *

Шаги советских дипломатов объясняются в значительной степени угрозой выступления Японии, по поводу которого идет в то время «ожесточенная борьба» в кругу союзников. Сведения об этом доходят до Москвы, и Фрэнсис телеграфирует своему правительству 9 марта: «Я опасаюсь, что если съезд ратифицирует мир, то это явится результатом угрозы японской оккупации Сибири...

---

¹ Троцкий. Как вооружалась революция. Т. I, с. 199.

Вся фальшь большевистских выступлений обнаруживается достаточно отчетливо. Бар. Будберг в дневнике имел полное основание сказать по поводу «демократического» совещания в Харбине 18–20 июня, на котором пролетарские представители заявили протест против приглашения союзников, что в этом протесте «ничего патриотического или национального нет». Просто они понимали, что с «прибытием союзников конец всяким надеждам на восстановление здесь совдепии» [XIII, с. 224].

Троцкий сказал, что Япония, естественно, убьет возможность сопротивления Германии и может сделать из России германскую провинцию»... «У меня нет достаточных слов, — добавляет Фрэнсис в другой телеграмме, — для того, чтобы охарактеризовать все безумие японской интервенции». Фрэнсис почти убежден в том, что, если не будет угрозы японской опасности, «съезд советов откажется ратифицировать этот мир».

Садуль с своей стороны убеждает Тома, что французские специалисты могут помочь большевикам создать «новую добровольческую армию» против немцев.

Актуальность японского выступления стояла в связи с февральскими агрессивными планами ген. Гофмана. 26 февраля в американской прессе появилось интервью с маршалом Фошем на тему о том, что в ответ «Япония должна встретить Германию в Сибири». Газеты лондонские и парижские начинают усиленно комментировать возможность со стороны Японии предпринять «действенные» шаги. «В парижских политических кругах, — передает корреспондент «Дэйли Мэйл», — все взгляды обращены на Японию». Агентство «Рейтер» официально сообщает, что «заявление Германией Петрограда... может означать, что в ближайшие пять-шесть недель Германия захватит богатые области Сибири и Сибирскую железную дорогу». В это время, а не в 1917 г., как пишет Милюков, и было сделано Японией предложение союзникам о совместном выступлении — фактически это обозначало самостоятельное выступление Японии по «мандату» союзников. Однако этому решительно воспротивился Вашингтон. В «неопубликованной», но сообщенной Фрэнсису ноте Вильсона японскому правительству 3 марта подробно разбирались мотивы противодействия японской интервенции со стороны Соед. Штатов¹. Учитывая «риск германского вторжения», американское правительство не считало целесообразным интервенцию главным образом потому, что такая «интервенция» вызвала бы «горячее возмущение» в России. В действительности позицию Соед. Шт. диктовали

¹ «Опубликованное интервью и пропавшая нота» — так называется Левидов соответствующую главу своего исследования.

не только альтруистические и демократические принципы, но и исконный «неустранимый антагонизм» между американцами и японцами. «Нота» Вильсона задержала решение вопроса, но не сняла его с очереди. Напр., 11 марта в газетах появляется заявление Сесилия: «У нас есть сведения, что Германия организует военнопленных в Сибири... было бы весьма глупо, если не преступно, если мы не сделаем всех возможных шагов для того, чтобы предупредить германское нашествие на восток... Я полагаю, что было бы весьма разумно, если бы мы искали поддержки для этой цели у Японии» [с. 66]. Но в то время договориться союзники не могли, как это определенно явствовало из речи Бальфура в палате общин 14 марта. Английская пресса, комментируя эту речь, указывала, что «японская интервенция возможна с согласия не только всех союзников, но... и здоровых элементов России».

Между тем в России выступление японцев вызвало действительно почти всеобщее недоверие и протест — не так далек был от истины Локкарт, телеграфировавший в Форен Оффис: «Вы не можете себе представить, какие чувства вызывает японская интервенция. Даже кадетская печать, которую нельзя обвинить в симпатиях к большевикам, громко осуждает это преступление против России». Совершенно несуразно поэтому утверждение покойного Гурко, что «Союз Возрождения», отстаивавший идею создания Восточного фронта, «обратился с просьбой к Японии об оказании помощи своими войсками на русской территории»¹. Когда это было? Когда в апреле произошло частичное и самостоятельное выступление Японии во Владивостоке, в виде репрессии за убийство японского коммерсанта, Центр. Комитет нар.-соц. партии выступил перед старшиной иностранного Дипломатического корпуса с решительным протестом против действий японцев². Недоверие к Японии столь глубоко проникло

¹ Воспоминания «Из Петрограда через Москву, Париж»... — «Архив Рус. Рев.», XV, с. 14.

² Мякотин В. А. Из недавнего прошлого [«На чужой стороне». II, с. 188]. Автор ошибочно этот протест относит к более раннему времени. Десант вызвал протест и всех местных организаций [«Кр. Арх.», XXIX, с. 115].

уже в сознание русского общества, что позже, когда фактически союзническая «интервенция» началась, в Сибири отряды союзников встречаются населением «с энтузиазмом», а японские недоверчиво, холодно, даже враждебно»¹.

Находившиеся за границей русские дипломатические представители, Бахметьев и Маклаков, считали своим долгом предупредить союзников об опасности такой интервенции. Мартовская пропаганда потерпела фиаско, тем более что в самой Японии далеко не было единства по вопросу об интервенции... В истории не приходится задаваться вопросом о потерянных возможностях. Президент Масарик считает, что «для борьбы с большевиками была одна возможность: мобилизация японцев» [I, с. 216]. Представитель французского командования на Востоке Гинэ, с именем которого нам не раз придется встретиться, — он был самым ярким проводником идей интервенционной помощи России — с своей стороны утверждает, что «неустранимый антагонизм между американцами и японцами» помешал «низложить русский большевизм»². Прошло более десяти лет. И картина будущего еще не ясна. Есть вера в возрождение мощи России, но имеется ли твердое знание? И только потомки наши смогут положить на весы: развал России и возможное ее спасение, допустим, даже при условии потери, может быть только временной, той или иной территории на Дальнем Востоке. Никакие, конечно, фразы о дружелюбии, никакие международные гарантии не могли охранить от фактического захвата при активной японской интервенции. Кто был прав: те ли, кто склонялся к ставке на Японию, или те, кто видел в ее выступлении только угрозу целостности России? Ответит на это только будущее. Жертвы и страдания иногда бывают необходимы в истории... Может быть, более прав был американский журналист Кольфорд, писавший: «Никакой логической связи между японской интервенцией в Сибири и положением в европейской России не было». Все последующие

факты, скорее, показывают, что Япония, в конце концов, не задавалась сколько-нибудь широкими целями, а «просто имела в виду создать для себя точку опоры на Дальневосточном побережье для целей будущего» [с. 93].

Обезопасить всякого рода интервенцию могла только солидарность русской общественности. К ней и призывал Г. Н. Потанин в своем известном обращении к Сибири 13 марта. Он писал: «Сибирь в опасности. С востока в ее пределы вступают иностранные войска. Они могут оказаться нашими союзниками, но могут также отнестись к нашим общественным интересам совершенно своекорыстно; это будет зависеть от того, как сибирское общество проявит себя в этот роковой момент». И Потанин призывал к деятельному участию в устройстве своей Родины; призывал «отбросить на время в сторону политические лозунги, которые разъединяют нас, и соединиться исключительно на почве интересов Сибири» [«Хроника». Прил. 20].

* * *

В упомянутой речи Бальфура 14 марта говорилось: «Большевицкое правительство — я полагаю — искренне желает сопротивляться германскому проникновению». Вера в эту «искренность» продолжает руководить политикой союзников. Как это ни странно, но именно после ратификации Брест-Литовского мирного договора начинается фактическое сотрудничество союзных миссий с большевицким правительством. «Мое правительство, — заявляет Фрэнсис, — готово оказать помощь всякому правительству в России, которое выступит с серьезным и организованным сопротивлением против германского нашествия» [с. 84]. Осуществляется как бы план очень скоро самоопределившегося в сторону коммунизма Садуля. «Сотрудничество союзных миссий с большевиками в целях организации армии началось... Несколько офицеров будет находиться непосредственно у Троцкого. Они составят своего рода военный кабинет, который будет иметь наблюдение над действиями военного комиссариата», — пишет Садуль Тома 26 марта [Notes...

¹ Из телеграммы Вологодского и Гинса из Владивостока в Омск в сентябре 1818 г.

² En mission à travers de Lénine. Париж, 1921.

р. 272]. Аналогичное телеграфирует из Москвы Робинс Фрэнсису в Вологду: «Французская миссия приняла предложение Троцкого и назначает офицеров для инспекторской работы в советской армии»¹. Чем дальше в лес — тем больше дров. Троцкий санкционирует с начала апреля сотрудничество союзников и «красной гвардии» для защиты Мурманской железной дороги от «белогвардейцев и их германских союзников» (подразумеваются финляндские войска Маннергейма) в целях помешать немцам получить новую морскую базу на Ледовитом океане. С согласия большевиков должен произойти морской союзнический десант в Мурманске. И тот самый Локкарт, который скоро будет замешан в «заговоре» против советской власти и арестован, тот самый Локкарт, которого большевистские чекисты в своем официальном органе «Еженедельник ВЧК» открыто будут предлагать подвергнуть физическим пыткам, чтобы узнать подноготную «заговора», дело которого начало полосу красного террора, с убеждением пишет Робинсу, подводя итоги стараний Советского правительства на пути соглашения в сотрудничестве с союзниками: «Вы согласитесь со мной, что все это непохоже на действия германского агента и что попытка союзной интервенции с помощью и с согласием большевистского правительства является желательной и возможной». Письмо датировано 5 мая. Так долго длится уже неестественное «сотрудничество». Садую рисуется фантастическая перспектива привлечения к борьбе с немцами и большевиков, и их противников, которые «пришли бы работать не с большевиками, а с нами (т. е. союзниками) и параллельно с большевиками». 10 мая он рекомендует Тома сделать официальное обращение от имени Антанты по этому поводу. А для того чтобы этот жест имел бы серьезное значение, необходимо, чтобы ему предшествовала «высадка союзников в Белом море

¹ Между прочим, Троцкий был весьма не прочь использовать американскую миссию инженера Стевенса, прибывшего с 400 техниками при Врем. прав. для железнодорожной организации и уехавшего во Владивосток после большевистского переворота. Миссии Стевенса приказано было вернуться в Москву.

и их продвижение в Сибирь» [с. 249]¹. В такие причудливые формы выливалась идея «интервенции».

Япония вновь интересует европейское общественное мнение. Еще в конце марта Лондонская конференция рабочей партии выслушивает речь Гендерсона об условиях, при коих была бы приемлема японская интервенция: одобрение большинства русского народа, согласие союзников и Китая, гарантия японской незаинтересованности. Но несколько неожиданно Япония поставила Америку и Европу перед совершившимся фактом: 4 апреля во Владивостоке высадился японский десант. Официально он мотивировался защитой против организуемых в Сибири военнопленных.

С добросовестностью ученого президент Вильсон поручает своим представителям выяснить мнение различных политических партий в России по вопросу о вооруженной японской интервенции для отражения германской угрозы, а вместе с тем роль в Сибири немецких военнопленных. В Европу проникает слух о том, что с ведома и одобрения советской власти для борьбы против союзников вооружено уже 200 000 военнопленных. В этом видят реальный контроль Германии над деятельностью советской власти, что, естественно, в корень разрушает концепции московских «друзей» советской власти. Противогерманское сотрудничество союзников с большевиками начинает отражаться очень уродливо в кривом зеркале действительности.

3. Военнопленные

Таким образом, сталкивались две противоположные точки зрения на интервенцию. Французский журналист, коммунист Маршан, так их определяет: интервенция могла произойти «с активным участием или по меньшей мере с пассивным одобрением большевистского правительства»; «интервенция должна быть направлена против этого правительства, должна иметь целью его низвержение и одновременное восстановление Восточного фронта». Какая схема

¹ Еще раньше Садуй уверял, что под некоторыми условиями от Временного правительства можно получить согласие на японскую интервенцию.

победит? Весы должны были склониться в ту или другую сторону в зависимости от оценки влияния Германии на советскую власть. Первенствующее значение приобрел при этом вопрос об организации германских военнопленных в России. Между тем это один из тех вопросов, который при современном состоянии материала не может быть во всей полноте разъяснен документально, как, впрочем, и большинство вопросов, связанных с таинственной страницей немецко-большевицких альянсов, которую в статье «Приоткрывающаяся завеса» я имел право не без основания назвать сказками Шахерзады.

Существуют уже контрверсы. Так, проф. Масарик в меморандуме, составленном для Вильсона в Токио 10 апреля, определенно свидетельствует: «Нигде в Сибири (от 15 марта до 2 апреля. — С. М.) я не видел вооруженных немецких или австрийских военнопленных»... Еще раньше специально высланные в Сибирь для исследования вопроса о военнопленных на месте американский и английский офицеры Вебстер и Хиггс 30 марта доносят: «Вооруженных военнопленных в районе от Владивостока до Читы не имеется. Некоторые военнопленные в Иркутске вооружены — все они венгерские социалисты и записываются для борьбы против Семенова в Маньчжурии». В другой телеграмме из Иркутска, 31-го, Хиггс выражает еще большую убежденность, что «здесь совет не имеет в виду вооружать военнопленных». 1 апреля Хиггс сообщает: «Во всей Сибири всего 1200 вооруженных военнопленных, которые являются социалистами-революционерами. Они охраняют других пленных, и главным образом германских офицеров, которых совет боится. Они не будут использованы в военных операциях. Совет дал официальную гарантию для сообщения нашему правительству о том, что максимум 1500 военнопленных будут вооружены во всей Сибири»...¹ К совер-

¹ Об этой миссии Троцкий в обращении народного комиссара по военным делам «Всем, всем, всем» 22 августа писал: «Многие тогда были отправлены вдоль сибирской дороги из Москвы американские и английские офицеры, которые оказались вынуждены официально подтвердить, что все сообщения об угрозе сибирскому пути со стороны пленных являются вздорными вымыслами» [«Известия», № 181; «Хр.». Прил. 36].

шенно противоположному выводу пришел в апреле же майор Пишон. Для него «военная активность немцев» представляется «фактом совершенно неопровержимым»; «по сведениям, полученным недавно, на Селенге, к югу от Байкала, под управлением немецких инженеров и военных специалистов устроена укрепленная военная позиция» [Доклад. С. 49]. П. Н. Милюков в своей работе утверждает, что сведения о японском выступлении 4 апреля «скрепили союз» между большевиками и германцами: «В Сибирь поехали германские офицеры и занялись вооружением венгерских и австрийских пленных» [II, с. 28]. К сожалению, этот историк гражданской войны редко указывает источник, откуда он черпает свои сведения. Приходится думать, что это только предположения самого автора.

Немцы, конечно, отрицают все эти факты. Можно сказать без колебаний, что цифра 200 000 организованных военнопленных — версия, ходившая и в Москве, — преувеличена¹. Немцы не пошли бы официально на такую

¹ «Бытовые условия делали то, что значительная часть этих 200 000 пленных не очень жаждала вернуться на фронт», — отмечает 16 февраля франц. генеральн. консул в Иркутске Андре Буржуа в депеше, посланной в Петроград [К истории интервенции в Сибири. — «Кр. Архив». XXXIV, с. 145]. «Значительная часть этих пленных, — добавляет Пишон в письме к ген. Нисселю 8 февраля, — стали родоначальниками новых поколений путем брака или свободных союзов... Эти люди не вернутся к себе: они создали очаг, зарабатывают много, колонизируют Сибирь. Некоторые из них стали членами местных Советов» [там же. С. 162].

Этими бытовыми условиями и разнообразием состава военнопленных (здесь были среди других и турки) следует, пожалуй, объяснить явление, позднее поражавшее ген. Нокса и отмеченное им с несомненным преувеличением: в Сибири «каждый маленький офицерский батальон имеет 100 немцев в качестве поваров, прислуги, конюхов; каждая рота новобранцев имеет три немецких повара»... «Настоящее положение, — добавляет Нокс, — если бы оно было известно в Англии, вызвало бы бурю возмущения». На английского генерала это производит такое впечатление, что в условиях «конвенции», которую он заключает 24 октября с русским правительством о помощи в формировании армии, он вводит специальный пункт о заключении военнопленных не славянского происхождения в лагерь [дополнение к воспоминаниям *Болдырева*].

опасную для пленнх затею. Но, очевидно, та или другая санкция давалась под видом, что большевики организуют только «интернационалистов».

Отрицали организации военнопленных и большевики. Еще 22 декабря 1917 г. в «Правде» появилась никем не подписанная заметка, опровергающая «ложь», распространяемую буржуазными и подхалимными листками — в данном случае горьковской «Новой Жизнью», — об организации отряда военнопленных¹: дело идет о революционных интернационалистах австро-венгерцах, готовых предоставить целый отряд в распоряжение революционной России против «германского империализма». Этих «интернационалистов» оказалось чрезвычайно много. Уже в декабре происходит делегатское собрание военнопленных. На нем присутствуют 200 человек от 20 000. В апреле в одном Московском округе насчитывалось до 60 000 организованных пленнх интернационалистов. На первом съезде военнопленных присутствует 400 человек формально от 500 000 организованных военнопленных².

Какого рода были эти «интернационалисты», прекрасно можно видеть из факта, рассказанного командующим большевицкими войсками на Юге, Антоновым-Авсеев³. Он не отрицает попыток создания отрядов военнопленных в Донбассе в феврале 1918 г. «В начале» они были неудачны. «Одну сформированную из германцев роту при-

С. 525]. Майор Пишон в своих сибирских наблюдениях [«Кр. Архив». XXXIV, с. 162] в хорошем отношении к военнопленным — не видят в них врагов — склонен даже усмотреть отсутствие должного патриотизма. Не знаю, можно ли отнести подобные заявления даже к области некоторой российской «распущенности». Скорее, они могут служить доказательством того, что к моменту, когда вопрос о возобновлении Восточного фронта и союзнической интервенции получил уже конкретное решение и Антанта связала свою политику в России недвусмысленно с противобольшевицкими силами, война с Германией в сознании широких слоев русского общества была уже изжита.

¹ Из сборника *Троцкого* «1917 г.» стало известно, что автор заметки — сама большевицкая «примадонна», как назвал позже Троцкий перед американскими сенаторами известный нам Робинс.

² «Пролет. Рев.». Кн. 76, с. 58.

³ «Записки о гражданской войне» [1924, I, с. 228].

шлось распустить после следующего эпизода. Роте этой производился смотр. Командующий похвалил роту на немецком языке. Все, как один, ответили: «Хох, кайзер Вильгельм»...» Совершенно аналогичное о немецких отрядах, под разными обликами и видами находившихся в Москве весной 1918 г., рассказывает автор дневника, напечатанного в «Голосе Минувшего».

Эти организованные и вооруженные военнопленные оказались рассеянными буквально повсюду и вместе с латышами и китайцами с Мурмана оказались главной основой советских войск в первый период борьбы. С ними мы встретимся при подавлении июльского восстания в Ярославле, организованного Савинковым. И не только с «интернациональным батальоном», активно участвовавшим в бою на стороне советской власти. Из документа, напечатанного в «Красной книге ВЧК» [вып. I], мы знаем, что «отряд Северной Добровольческой армии» сдался германской комиссии военнопленных, которая несколько неожиданно оказывается сильной «боевой частью» и сохраняет во время боя «вооруженный нейтралитет». Начальствовал над немецким отрядом лейтенант Балк... Кто же он? Отвечает нам автор воспоминаний, напечатанных в № 1574 «Возрождения», — Н. Мазинг. Балк — один из немецких контрразведчиков, работавших во время войны в России. Он орудовал до большевицкого переворота в Кронштадте вместе с Михельсоном и Рошалем, с которыми его свел Натансон. Если изложенное все точно, то оказывается, что Балк через главаря немецкого шпионажа в России полк. Бауэра был связан с Натансоном еще в Цюрихе. Он находился в непосредственном ведении другого агента — майора австрийского генерального штаба Титца, числившегося в лагере военнопленных в Нижегородской губернии под фамилией... Блюхера¹. О его прежней деятельности автор воспоминаний рассказывает довольно показательные подробности. После октябрьского переворота Балк работал в комендатуре Смольного под фа-

¹ Автор считает его современным советским главкомом, это маловероятно. Советские историки говорят, что Блюхер — рабочий с Урала. См. книгу *Подшивалова* «Гражданская война на Урале 1917–1918 гг.» (изд. 1925 г.).

милией бывшего корнета Василевского. Титц в дни переворота находился в Москве и там, как артиллерист, налаживал обстрел Москвы (об участии немецких артиллеристов в стрельбе упорно говорили тогда в Москве). «Потом мне (т. е. Балку) — автор передает именно его рассказ — пришлось с ним работать вместе: мы умирляли ярославское восстание. Он лично руководил орудийным огнем, я командовал батареями, солдаты были исключительно мадьяры из отряда, сформированного еще летом 1917 г. на Волге. Немало колоколен удалось сбить!.. не будь нашей организации, еще неизвестно, во что бы обернулось дело»...

Спустимся по Волге вниз. Один из руководителей Волжского фронта в июле записывает под Сызранью, 12 июля, в свой «дневник»: «Большевицкие войска главным образом из мадьяр, китайцев и латышей, с небольшим сравнительно количеством русских красноармейцев, были прекрасно вооружены артиллерией» [«Воля России», 1928, VIII, с. 101]. Под Симбирском 28-го его запись гласит: «В наши руки попал оригинал доклада большевика Мадракова... В нем черным по белому сказано, что при восстании против нас большевиков к последним «присоединяются мадьяры и австрийцы, которые разбиты по роду оружия и при выступлении займут определенные места под командованием офицерского состава и которым оружие будет выдано из склада» [с. 125].

В имевшейся у меня копии¹ донесения члена «Союза Возрождения», нелегально переходившего большевицкий кордон на востоке, под 24 августа отмечается: «В составе Советской армии не менее 50% германских военнопленных». То же самое о Волге говорит и Савинков в очерках «Борьба с большевиками» [с. 44]². Было ли какое-нибудь преувеличение, когда кап. *Голечек* в брошюре «Чехословацкое войско в России», изданной в 1919 г. в Иркутске

¹ Передана в пражский Архив.

² Подтверждение о таком составе отрядов Муравьева можно найти в «Прол. Рев.» [кн. 75, с. 68]. Нечто аналогичное отмечает на Воткинском фронте очевидец А. Ган (Гутман) в статье «Два восстания» [«Белое Дело». III, с. 157]; см. также воспоминания рабочего Упалова в берлинской «Заре» [1923, № 3].

Информ.-просв. отделом Чех. воен. мин., писал про июльские бои у Бузулука: «Как везде, так и здесь чехословацкие части сражались с превосходящими силами неприятеля: 5000 человек преимущественно немцев и мадьяр, организованных и обученных немецкими и австрийскими офицерами» [с. 52].

Очень смело, как всегда, Троцкий говорил на июньском заседании в Большом театре: «Распространять такого рода слухи (о содействии большевикам со стороны Германии в борьбе с чехословаками) могут только негодяи» [«Известия», 22 июня]¹. Я не знаю, из каких источников почерпнул проф. Масарик сведения, что «большевики в июне предложили немцам, чтобы они разрешили против наших в Сибири вооружить немецких пленных; немцы были более корректны и высказались против этого» [II, с. 82]. При таком отказе каким образом могли появиться эти сильные боевые отряды среди военнопленных? Нет никакого сомнения, что переговоры между большевиками и немецким командованием велись едва ли не по инициативе последнего. У меня имеется определенное свидетельство в пользу такого предположения, исходящее из того источника информации, откуда я в свое время получил копию ноты Гинце (как мы знаем, подтвержденную), сведения о московской немецко-большевицкой контрразведке, об ее провокационной работе в русской военной среде весной и летом 1918 г.² Конечно, это были закулисные соглашения; открыто немецкое командование отказывалось от каких-либо санкций, равно как и челябинский ревком при наступлении чехословаков 26 мая официально отклонил предложение вооружения мадьяр³. А между тем для И. М. Брушвита, проехавшего почти всю Зап. Сибирь в апреле и в начале мая, уже в Екатеринбурге стало ясно, что «в Сибири идет организация под видом интернациональных полков идеальных боевых частей немцев-мадьяр». «Я владею немецким языком, — пишет он, — и вот в кафе, в ресторанах мне при-

¹ Троцкий. Как вооружалась революция. 1925, т. I, с. 200.

² См. статью «Приоткрывающаяся завеса».

³ Анишев Ан. Очерки истории гражданской войны. 1917–1920, 1925, с. 136.

шлось слышать откровенные разговоры» [«Воля Рос.». X, с. 94]. Для Сибири это общий голос. И Гинс телеграфирует из Владивостока в Омск в августе об отрядах военнопленных, снабженных артиллерией, и кап. Кириллов сообщает об артиллерийском батальоне мадьяр в Омске [«Волян. Сиб.». IV, с. 41]; и эсер Неупокоев в письме Дерберу в Харбин 12 марта говорит о военнопленных в иркутском карательном батальоне [«Кр. Архив». XXIX, 15]; и Авксентьев в сентябре, указывая Вологодскому, находившемуся во Владивостоке, на необходимость воздействовать на союзников, отмечает, что иначе «с нами потеряют и они», так как при участии немцев, мадьяр, латышей, китайцев на стороне большевиков, «внутренний» фронт действительно стал «внешним»; и представители иностранных миссий в Иркутске (Буржуа и Жандр) в феврале протестуют безуспешно перед местной властью против снабжения военнопленных оружием, в то время как «простым людям» это запрещено¹. И наконец, сами большевики *post factum* признают, что военнопленные повсюду в Сибири не только вливались в ряды Красной армии, но и образовывали специальные воинские части. Съезды военнопленных принимали решения о содействии Кр. армии и поголовной мобилизации². Латыши, китайцы, мадьяры на первых порах не столько сопровождали Кр. армию, как говорит Дюбарбье³, сколько, по

¹ «В Иркутске ожидается, — доносит Буржуа 25 февраля, — 10 000 немецких солдат и 200 офицеров — у меня был большевицкий приказ приготовить для них помещение. Комендант лагеря уверяет, что дело идет об участии военнопленных в обороне Сибири» [«Кр. Архив». XXXIV, с. 150].

² «Октябрьская революция и наше строительство Красной армии» [«Пр. Рев.». Кн. 76, с. 159]. Аналогичные сообщения можно почерпнуть из разных источников. См., напр., сборник «Центросибирцы» [1927, с. 90, 99]; «Партизанское движение в Сибири» [1925, с. 207–208]. Гинс, бывший в Омске, говорит, что без военнопленных и латышей «красный гарнизон» в Омске был бы совсем бессилен [I, с. 63]. В упомянутой «ноте» 22 августа Троцкий заявлял, что бывших «военнопленных революционеров-социалистов, ставших русскими гражданами, не больше одной двадцатой части всего количества советских войск».

³ En Siberie après l'Armistice. Париж, 1922, p. 40.

словам чешских историков этого периода, составляли настоящую основу этих войск¹. В книге Парфенова [с. 54–55] приводится небезынтересная записка проф. Томского техн. инст. Михайленко, представленная 21 августа от имени томского Комитета партии к.-д. Сибирскому правительству. Автор записки набрасывает план организации Восточного фронта при участии союзников. Попутно в ней характеризуется военная активность немцев.

«Во второй половине февраля н. г., большевистский комиссар для Сибири, Кобозев, представил в Совет народных комиссаров обширный доклад о неустойчивости советской власти в Сибири. Этот доклад вызвал тревогу в германо-большевицких кругах и был яблоком раздора между комиссарами — Лениным, Троцким, Подвойским и Раскольниковым, с одной стороны, Дыбенко, Бонч-Бруевичем и комиссарами Балтийского флота — Забелло, Мясоедовым и Измайловым — с другой. Германский штаб, по ознакомлении с упомянутым докладом, поручил своему отделению в Петрограде командировать для проверки тезисов доклада Кобозева опытных агентов... По их представлению были осуществлены следующие мероприятия:

1. В Перми, Самаре, Саратове, Казани, Царицыне и Астрахани учреждены отделения германского генерального штаба для подготовки Приволжского фронта на случай наступления сибирских войск и союзников с востока, причем по разработанному уже германскими офицерами плану главные бои должны произойти между Уральским хребтом и Волгой, западный берег которой должен служить последней укрепленной позицией.

2. В Казань, где находятся большие запасы готовых и сырых артиллерийских материалов, усиленные вывезенными с Мурмана и из Архангельска военными грузами, командированы германские химики и артиллеристы для организации вблизи фронта снабжения.

3. В Сибири вооружено до 23 марта 62 800 военнопленных, которым было предложено принять русское подданство; во главе этих вооруженных сил находился австрийский полковник

¹ Steidler. Naše vystonpeni. Прага, 1923. «Еще в декабре при подавлении антибольшевицкого восстания в Иркутске принимают участие в довольно большом количестве» и военнопленные» — доносит консул Жандр [«Кр. Арх.», XXXIV, с. 134].

Байер, а с мая месяца военный агент при графе Мирбахе — ф. Ульрих и майор Бах».

Большевицкий историк называет записку «очевидным шерлоковским шедевром буржуазной клеветы и дикой инсинуации, лженамеренно оттеняющими германофильство советской власти». Можно допустить, что в записке имеются преувеличения, но ведь нам важна сущность дела — общее его направление, а не детали. Рисуя план антигерманского выступления, записка говорила:

«Наступление сибирск[ой] армии потребует от германского верховного командования переброски значительных сил с запада на восток, так как, кроме сибиряков, наступление немедленно начнется и в других местах: на Украине — армии ген. Скоропадского, северо-кавказских отрядов ген. Алексеева, Деникина, Эрдели; отрядов Дутова, Семенова и других, которые вне зависимости от их политической идеологии могут быть объединены на общей платформе — войны с Германией; несомненно, усилится финская федеративная партия, возглавляемая Маннергеймом. Германскому командованию придется поэтому бросить на русские фронты большие силы и затратить огромную энергию на войну на Приволжском фронте, где продовольственный вопрос обострен и где железные дороги немногочисленны.

Такое отвлечение немецких сил крайне выгодно для наших союзников, и, решаясь принять на себя часть армии Гинденбурга, Сибир. правительство может не только не отказаться от предъявления к союзникам самых тяжелых и сложных по исполнению требований, но даже начать переговоры об отмене ограничений компенсаций, предложенных России за помощь союзникам в войне с Германией до Брестского мира.

Выступление России, несомненно, будет приветствоваться не только Англией и Францией, непосредственно заинтересованными в отвлечении с Западного фронта германских войск, но и Америкой и Японией, которые ныне стоят лицом к лицу с невыгодным для них распространением германского влияния».

Указывая на способ осуществить сношения с союзниками, записка ставит более узкую задачу: «Целью настоящей записки является доказать необходимость не-

медленного сооружения в Сибири заводов, работающих на оборону, и полную приемлемость и желательность такой меры для наших союзников, у которых требование Сибирского правительства о материальной помощи безусловно встретит самое горячее сочувствие...»

* * *

Сибирская обстановка летом 1918 г. была таковой, что чешские солдаты убеждены, что большевиков против них ведут немцы и что они сами «воюют, собственно, против Германии и Австрии» [Масарик. II, с. 83]¹. Могут сказать, что такая картина создалась с момента выступления чехословаков, как бы реализовавших осуществление противогерманского фронта на востоке. Были, однако, приведены факты, свидетельствующие, что организация большевиками «солдат-интернационалистов» в широком масштабе началась задолго до чехословацкого выступления — даже до японского апрельского десанта, в котором Милюков склонен видеть, в сущности, повод, побудивший немецкое военное командование послать офицеров-инструкторов в Сибирь. Отмечу, что упомянутый дневник «Немцы в Москве в 1918 году» начинает регистрацию своих сообщений о концентрации вооруженных военнопленных, одетых в русскую солдатскую форму русских солдат, разговаривавших на чистейшем немецком языке, о немецких штабах, контрразведках, о демонстрации «интернационалистов» под лозунгом «Kaiser Wilhelm und Deutschland über alles», о тайных условиях Брестского мира, о праздновании приезда Мирбаха и т. д. и т. д. уже с конца ноября... В дни бесед Троцкого с представителями союзнических миссий из числа «друзей» советской власти потаенные разговоры ведутся большевиками и с германскими Oberleutnant'ами. «Везде и всюду немцы», — записывает автор дневника 6 марта. Он, правда, записывает не только Wahrheit, но Dichtung —

¹ Автор, отрицавший в апрельском меморандуме военные образования пленных, должен позднее констатировать, что во «всех сообщениях (из Сибири) указывалось на участие немецких и венгерских полков в большевицких отрядах».

это запись своеобразного политического фольклора. Не всегда еще можно правдоподобное отделить от безусловно достоверного. К сожалению, до сих пор нельзя еще раскрыть всех скобок — вскрыть инициалы, обнаружить в полной мере источники информации. Здесь время для безоговорочной истории действительно еще не наступило и не наступит до тех пор, пока в России царит коммунистическая диктатура с ее чекистским судопроизводством. «Их господа — немцы», — делает заключение политический осведомитель-бытописатель, находившийся до некоторой степени в центре общественных наблюдений того времени. «Прибывший 4 апреля Мирбах, — подтверждает Мякотин, — являлся чуть ли не властелином в Москве» [«На чужой стороне». II, с. 188]. Это с некоторым запозданием понял и Фрэнсис.

Политика немцев, в свою очередь, была двойственна и противоречива. Теперь мы знаем разногласия, которые существовали между военным ведомством и дипломатическим корпусом по вопросу о тактике в отношении большевиков. От большевиков спорадически эта тактика искала опоры в русских монархических кругах. Поиски были взаимны. Неоспоримо, что летом 1918 г., по мере выяснения союзнических горизонтов, выяснялось и направление германской акции в России, которая через переговоры с представителями так называемого «правого центра» о низвержении большевиков¹ пришла к солидарности действий с ними, устанавливаемой августовской нотой министра иностранных дел фон Гинце. Но не следует здесь преувеличивать роль «Восточного фронта», толкавшего якобы немцев в объятия большевиков. Это любят подчеркивать все русские политические деятели, которые относились отрицательно к «совершенно фантастическому» плану, по их мнению возникшему «в охваченных страхом от крушения русского Восточного фронта французских правительственных кругах». Эти деятели весной и летом 1918 г. примкнули в Москве к так на-

¹ Любопытно, что, по свидетельству Милюкова, для этой цели предполагалось одеть германских военнопленных в русские шинели [с. 20].

зываемому «правому центру» — среди них были, казалось бы, столь разные по политическому миросозерцанию люди, как Милюков и Гурко. Милюков написал с этой точки зрения свою историю гражданской войны, Гурко дал воспоминания, напечатанные в т. XV «Арх. Рус. Рев.» И. В. Гессена. ...«Как раз в то время, — пишет Гурко, — когда велись переговоры с французами об образовании Уральского фронта, некоторые представители германского правительства завязали сношения с группой политических деятелей умеренно-правого направления» [с. 14]. Неудачу переговоров Гурко объясняет тем, что Германия, убедившись, что «может иметь дело только с правыми общественными кругами, ...естественно, отказалась от мысли строить свои планы на воссоздании порядка в России» [с. 15].

Но основной причиной, «положившей окончательный конец переговорам с немцами», была «мысль об образовании нового Русско-японского фронта на Урале и состоявшаяся вслед за тем высадка японских войск во Владивостоке». То и другое стало известно германцам, «причем как раз в тот момент (июнь...), когда германское правительство перешло на точку зрения германских военных кругов о необходимости в германских интересах воссоздать порядок в России и покончить с большевиками». Гурко делает большую хронологическую ошибку, так как японский десант во Владивостоке произошел в апреле. Милюков идет еще дальше — он даже захват немцами Украины объясняет опасностью «маловероятного» возобновления Восточного фронта и японского десанта: «Немцы двигались навстречу Восточному фронту внутрь России» [с. 20]. Эта донельзя искусственная концепция также расходится прежде всего с хронологическими датами событий.

4. Выступление чехословаков

Потому ли, что русские общественные деятели сумели воздействовать на московских представителей Антанты и убедить их, что «до свержения большевицкой власти не может быть никаких надежд на возобновление Россией борьбы

с Германией»¹; потому ли, что группа иностранных дипломатов и военных агентов, проводивших мысль о создании Восточного фронта при непосредственном участии большевиков, персонально ослабляется с отзывом из России Робинса, — «соглашательская эпопея», начавшаяся после Брест-Литовского мира, постепенно ликвидируется. И Садуль, и Маршан виновником того, что сближение с большевиками, шедшее «гигантскими шагами», аннулируется, считают французского посла Нуланса, в начале апреля вернувшегося из Финляндии. «Как только Нуланс прибыл в Вологду, — пишет Маршан, — идея интервенции по второй схеме одержала верх и приняла определенную форму: интервенция против немцев с предварительной целью уничтожения большевиков». Большевики, по характеристике Садуля, были «вне себя» по поводу интервью Нуланса 26 апреля, где тот приветствовал владивостокский десант. К тому же времени пришло новое заявление Клемансо (14 апреля) о непризнании существовавшего «русского правительства» и заключенного им мира. 9 мая Фрэнсис со своей стороны уведомляет государственный департамент, что «время для союзнической интервенции в России наступило». В своей книге «Russia from the american embassy» Фрэнсис подробно излагает мотив своего прежнего отношения и доводы в пользу новой позиции. Для Фрэнсиса нет сомнений в том, что «Германия, при посредстве Мирбаха, имеет доминирующую роль и контролирует советское правительство. Мирбах является фактическим диктатором». Вместе с тем американский посол отмечал, что «многие организации в России уведомили союзнические миссии.... что Русский народ будет приветствовать интервенцию». Сомневаясь в том, что русские могут оказать «материальную и физическую помощь интервенции», Фрэнсис признавал, однако, невозможным, чтобы политика союзников оставалась «терпимой по отношению к правительству, защищающему принципы большевизма и виновному в тех жестокостях, которые практиковались советским правительством».

¹ Это доказывали, по словам Гурко, и те будущие прогерманцы, которые раньше вели переговоры с французскими представителями [ib., p. 13].

Историк «дипломатической подготовки» интервенции, подводя итоги, говорит: к концу мая «в среде союзных миссий в России не было ни одного человека, который стоял бы на точке зрения мурманского эпизода, т. е. интервенции с одобрения и с помощью Советского правительства» [Левидов. С. 129]¹.

Напрасно, однако, думать, что политика союзников с этого момента стала отчетлива, что исчезли колебания и противоречия и устранена была двойственность всех предшествовавших месяцев.

Маршан передает слова, якобы сказанные ему французским генеральным консулом в Москве Гренаром при начале чехословацкого выступления: «Интервенция, которую мы старались вызвать и которая до некоторой степени является нашей собственной работой, началась. Нужно стараться, чтобы она была успешной...» Да, и Гренар и Нуланс стояли за «активную интервенцию» — в этом, пожалуй, нет сомнений, но этим не определялся еще окончательный выбор позиции в Лондоне, Париже и Вашингтоне. Там мы еще встретимся и с колебаниями, и с противоречиями. Там все еще не было ни «определенного плана по отношению к России», ни «единообразного отношения к большевикам» [Масарик. I, с. 214]. В силу этого и в России продолжала существовать какая-то вредная двойственность. На истории чехословацкого выступления это становится очевидно.

* * *

Несколько неожиданное выступление чехословаков спутало все карты и тем самым способствовало разъяснению запутавшейся дипломатии. Недаром 29 мая «Дейли-Мейл» писала: «Союзники должны благодарить чехословаков за окончание долгого периода сомнений и отсрочек».

Выступление чехов имело огромное значение как для «фантастического» проекта Восточного фронта, так и для всех последующих событий в России... Мотивы выступления чешскими политическими деятелями по-разному

¹ Садуль начал «определенно переходить в советский лагерь».

формулировались в разное время, поэтому необходимо остановиться на этом первоначальном периоде. Роль чехов в Сибири — большой и сложный вопрос. Теория и практика здесь резко разошлись. Жизнь действительно с большой отчетливостью подтвердила одно из положений президента Масарика: «Жить всегда одним только умом — безумие» [II, с. 140]. Вопреки всем планам одного из главных творцов чехословацкой независимости, вопреки его воле, чехи и словаки были тесно вплетены в жизнь русского народа в период сибирского «анабазиса» — так называл Пуанкаре продвижение чехословацких войск к Владивостоку. Вопреки теоретически признаваемому принципу нейтралитета в русских делах, чехам и словакам пришлось быть определенно действенной силой на внутренних фронтах гражданской войны в России.

У руководителей чешской политики в теории была совершенно определенная позиция... Большевицкий переворот застал чехословацкий корпус как независимую часть около Киева¹. Этот корпус, с согласия русского генерального штаба, подлежал перевозке во Францию².

«С Духониним было решено, — говорит Масарик, — что наше войско предполагается исключительно против нашего врага... Так был принят и подтвержден русскими же мой главный принцип о невмешательстве. Таким образом, мы достигли уверенности, что во время партийных споров и боев среди русских нас не будут звать то одни, то другие» [I, с. 187]. Большевицкий переворот формально не изменил положения чехословацкого корпуса.

¹ По некоторым данным к концу войны в России насчитывалось до 200 тыс. пленных чехословаков; Масарик исчисляет армию в 92 тыс. В Сибири первоначальный чехословацкий корпус определялся в 40 тыс. чел.

² По-видимому, раньше проектировалось использование чехословацкого корпуса в России. На военном совещании в Яссах (ноябрь, 1917 г.) представителями союзников обсуждался вопрос о занятии чехословаками областей между Доном и Бессарабией. У Владимировой [с. 220] имеется ссылка на мне неизвестную публикацию Черенского, посланного в Румынию для защиты интересов чехословацкой армии. Затем предполагался перевоз войск в Румынию, на что Масарик не соглашался [II, с. 190].

Большевицкий главковерх Муравьев обеспечил чехам «вооруженный нейтралитет» и отъезд из России во Францию. «Таким образом, — заключает Масарик, — большевицкая революция нам не повредила» [I, с. 220].

Дело оказалось более сложным с момента отделения Украины, признанного центральными державами. Оставаться на территории государства, которое заключило мир с Германией и Австрией, чехословацкий корпус уже не мог. Кроме того, президент Чехослов. Нац. Совета руководствовался и другими соображениями как бы морального свойства. Он сам их формулирует так по отношению к Украине: «Войско было сформировано с согласия России, России же наш солдат присягал в верности». Опасался проф. Масарик и за судьбу пленных: «Без России же мы не могли попасть в Сибирь, а оттуда во Францию». Согласно теории нейтралитета, Масарик отказался, несмотря на убеждения Корнилова, Алексеева и Миллюкова, выступить против большевиков. Надо сказать, что в аргументации своей в данном случае автор не совсем последователен, так как, помимо нейтралитета, выдвигает и другие мотивы и тем самым как бы допускает возможность вмешательства во внутренние дела России при иной обстановке. Двойственность такой позиции оказалась впоследствии свое влияние в Сибири.

Проф. Масарик отверг предложение потому: 1) что, по его мнению, русские политики неверно оценивали общее положение России и у него не было доверия к их руководству и к их организационным способностям; 2) что корпус еще не был готов и в боях у Киева и Бахмача чехи убедились, что они слабы по сравнению с немцами, а чехи рисковали, что большевиков от них будут защищать немцы и австрийцы; 3) что выступление чехов было бы не понято русским населением; 4) что к чехам «сейчас же присоединились бы черносотенцы» [I, с. 213–214]. Автор, впрочем, оговаривается: «Будучи частью французской армии¹, мы, естественно, применили бы оружие для защиты

¹ Во главе этой «французской» армии стоял русский генерал Шокоров, а начальником штаба был также русский ген. Дитерихс (по-видимому, чех по происхождению). Как ни корректны

французов и всех остальных союзников, если бы на нас было совершено нападение» [с. 212]. Допускал автор и прямую даже войну с Россией — «с большевицкой Россией, так как иной не было», но ее надо было официально объявить: «Я бы присоединился с нашим корпусом к армии, которая была бы способна вести войну с большевиками и немцами и которая защищала бы демократию против большевиков» [с. 216].

Я думаю, что читатель должен будет согласиться, что и в построении проф. Масарика, к сожалению, имеются черты некоторой неопределенности и тех самых роковых противоречий, которыми отличалась вся тогдашняя политика союзников в отношении России. Таким образом, отказавшись идти вместе с антибольшевицкими силами в период соглашательского с большевиками этапа союзнической дипломатии, чехословацкие представители в России 20 марта окончательно завершили свои переговоры с советской властью о беспрепятственном проезде через Сибирь во Владивосток. По мнению Масарика, «при данных обстоятельствах сибирский путь был самый верный» [с. 221].

Сам Масарик 7 марта уехал на Запад в целях содействия перевозке чехословацких войск во Францию, оста-

были эти «чешские добровольцы» — так охарактеризовал себя сам Дитерихс Болдыреву, — неизбежно в период гражданской войны получалось весьма ложное положение какого-то «двоеподданства». Это сказывалось, как мы увидим, и на деле. С другой стороны, совместительство, естественно, влекло к «вмешательству». Прочтите, напр., характерный приказ № 1322-а 13 июля кап. Степанова, командира 1-го Чешско-словацкого стрелкового «Яна Гуса» полка: ...«Бесконечно любя Россию и видя ее грозное падение в грязную вонючую и глубокую яму, я жестоко болел душой, но вот встали вы, мои искренние, дорогие братья. Вы, революционно-творческой работе которых в течение года я отдавал все свои познания и всю свою душу на защиту поправных прав и свобод, — и энергично зашевелила онемевшими членами родная страна. Если бы вы захотели отблагодарить меня за маленькую пользу, принесенную вашему делу, то, собравшись все вместе и продумав тысячу лет, не придумали бы лучшей награды, чем та, которую принесли моему истерзанному народу» [«Белое Дело». I, с. 92].

вив секретарю Отд. Нац. Сов. в России Клецанде инструкцию: если дело дойдет до антибольшевицкого восстания, в русские дела не вмешиваться [с. 223]¹. Впрочем, одна оговорка в видах «возможных осложнений» делается и здесь: «Лишь тот славянский народ и та партия, которые открыто вступают в союз с нашим неприятелем, являются нашими врагами» [II, с. 83].

* * *

«Нейтралитет» чехословацких войск был разрушен самой жизнью. Чешские историки и политики склонны за это обвинять большевиков, — напр., Папоушек, бывший секретарь Масарика в России, определенно заявляет, что, если бы «не абсурдное нападение большевиков на чешские эшелоны, России не пришлось бы пережить последовавшие грозные годы»². Большевицкие историки всю вину возлагают на чехов, вернее, на дипломатию союзников³. В данном случае почти бесспорно более права советская историография — двойственность союзнической позиции ставила в двусмысленное положение чехов с самого начала и подвергала большому испытанию тот «вооруженный нейтралитет», который теоретически хотел выдержать Масарик.

Соглашаясь на эвакуацию чехословаков, советская власть потребовала частичного их разоружения, сохраняя вооружение, необходимое «для обороны против контрреволюционеров» (такая мотивировка имела в телеграмме Сталина 26 марта). Изданный в Пензе приказ 27 марта предписывал каждому эшелону оставить для своей охраны лишь одну вооруженную роту. Местом разоружения должна была быть Пенза. При недоверии к большевикам пензенский «договор», по свидетельству Штейдлера, вызвал

¹ В интервью 10 апреля проф. Масарик высказался за необходимость признания советской власти *de facto*.

² «Масарик и чехословацкое революционное движение в России». — «Воля России», 1925, V, с. 177.

³ Напр., военный историк Какурин подчеркивает, что сами чехи не склонны были принять активное участие в гражданской войне [Как сражалась революция. I, с. 212].

крайнее возмущение в чешских эшелонах¹. Само по себе разоружение Масарик в своих воспоминаниях (равно и в сообщении американскому токийскому посланнику) считает вполне естественным процессом. Таким же второстепенным вопросом считал вопрос о сдаче оружия и французский комиссар при чехослов. Нац. Совете майор Верже, писавший в «Чехословацком Дневнике» (официозная газета при армии): «Оружие, которое вы имеете, было вам дано Россией, когда вы вступили в ряды ее армии. Эта армия теперь мобилизована. При самых выгодных условиях вы бы сдавали оружие во Владивостоке, но не забывайте, что Франция вооружит вас с головы до ног, как только вы придете на французскую территорию».

Следует иметь в виду, что продвижение эшелонов началось тогда, когда советская власть чувствовала себя весьма нетвердо в Сибири и организующаяся «контрреволюция» стала то там, то здесь себя проявлять. Еще 10 марта президиум Центросибири, опасаясь выступления против власти, признал нежелательным продвижение чехословаков и ходатайствовал перед Совнаркомом о направлении эшелонов на Архангельск [*Хроника*. Прил. 60]. Это ходатайство до некоторой степени совпадало с тенденцией французской миссии двигать чехов через Архангельск [*Масарик*. II, с. 84]². Впрочем, не одна только французская миссия выдвигала такой план. При возможности соглашения с большевиками на почве единого противонемецкого фронта считалось нецелесообразным движение на восток. Так, Робинс телеграфирует Фрэнсису 29 марта: «Посылка этих войск кругом света является бессмысленной тратой времени, денег и тоннажа». Таким образом, приостановку продвижения чехословаков в апреле нельзя отнести только на счет злой воли большевиков. После японского десанта советская власть вдвойне склонна была изменить маршрут, не доверяя лояльности чехов и «опасаясь захвата Сибирской жел. дор.» [письмо Садуля Тома 21 мая]³. И охотно шла, как утверждает Садуль, на эвакуацию через Архангельск — если пе-

реброска фактически задерживалась, то потому, что Троцкий не получал ответа относительно тоннажа. Затруднение якобы встретили большевики и в требовании немецкого правительства о возвращении военнопленных, в силу чего 21 апреля Чичериным было отдано распоряжение о приостановке передвижения чехов на восток.

Эвакуировавшиеся чехи ничего не знали о закулисных проектах и разговорах... Большевики опубликовали характерный документ, вскрывавший закулисную сторону. Это письмо чешского представителя Нац. Сов. в Вологде при союзниках — д-ра Страки, датированное 9 мая. Он описывает свой разговор с Лелонгом, уполномоченным ген. Лаверна, приехавшим из Москвы. По словам последнего, телеграмма Чичерина, на основании которой чешские эшелоны, находившиеся на запад от Омска, направляются на Архангельск и Мурман, явилась «благодаря влиянию союзников». На вопрос Страки: «Можно ли нам открыто перед нашими войсками сказать, что направление на запад определено союзниками, а не Россией и почему?» — он получил ответ: «Нет, это нельзя... Намерение союзников — неизвестно посольствам, находящимся в Иркутске. Это известно лишь 4–5 лицам и непременно должно оставаться тайной: этого требует интерес самого вопроса, и от этого может зависеть успех» [*Владимирова*. С. 224].

Вероятно, скрытность в данном случае объяснялась нежеланием, чтобы немцы узнали о направлении эшелонов на север, где проектировался союзнический десант, к которому, очевидно, должны были присоединиться переправляемые во Францию чехословаки. Но на сибирские эшелоны приостановка продвижения произвела сильное впечатление. В ней видели немецкую интригу. К тому же шла агитация чешских коммунистов, сеявших слухи о том, что войска до Франции не дойдут.

«В атмосфере, насыщенной взаимным недоверием и подозрениями, — пишет историк чехословацкой «легии» в Сибири, — наши войска чувствовали себя очень плохо, и среди них начали раздаваться голоса, требующие, чтобы продвижение на Владивосток было достигнуто более радикальным способом. Достаточно сослаться на резолюцию секретного совещания начальников отрядов пер-

¹ Часть оружия была скрыта.

² Проф. Масарик не сочувствовал такому продвижению, видя в этом раздробление чешских сил.

³ Также «Центросибирцы». С. 16.

вой чехословацкой дивизии 13 апреля, известной под именем Кирсановской резолюции, которая была подана командиру корпуса... Но и во второй дивизии, первые эшелоны которой были уже во Владивостоке, а другие находились частью в Сибири, а частью на Урале, было такое же настроение. Там были главным образом офицеры 7-го полка, капитаны Гайда и Кадлец, которые уже в начале мая были убеждены, что конфликт с большевиками неизбежен и что дорогу во Владивосток придется пробивать с оружием. Поэтому на всякий случай старались обеспечить свои отряды; например, капитан Гайда в половине мая неофициально вступил в переговоры с некоторыми руководителями русского тайного антибольшевицкого движения в Новоиколаевске» [«Вольная Сибирь». IV, с. 19–20].

На почве общего возбужденного настроения 14 мая в Челябинске произошел инцидент, которому суждено было стать формальным поводом к вооруженному выступлению чехов. Инцидент состоял в убийстве чехами мадыарского солдата, обвинявшегося в поранении чеха. Челябинской следственной комиссией было арестовано несколько чешских офицеров, заподозренных в сношениях с «контрреволюционерами» (чешские источники говорят об аресте депутации, посланной в Совет)... В ответ, по распоряжению командира чешского эшелона Войцеховского, был занят вооруженными силами вокзал и предъявлено ультимативное требование об освобождении арестованных. В сущности, конфликт был улажен на этот раз без кровавого столкновения. Но большевики, утверждает Штейдлер, «воспользовались этим случаем, чтобы окончательно ликвидировать весь чехословацкий вопрос».

21 мая были арестованы в Москве оба представителя Отделения Чехосл. Нац. Совета Макса и Чермак «совершенно незаслуженно», так как вели себя лояльно по отношению к советской власти. Одновременно с арестом было дано распоряжение о полном разоружении и расформировании чешских эшелонов [телеграммы Троцкого и Аралова]. Чехословакам было предложено «организоваться в рабочие артели по специальностям и вступить в ряды Красной армии». Обе слишком поспешные телеграммы, объясняемые сведениями, доходившими до боль-

шевиков, являлись крупной тактической ошибкой со стороны большевицкой власти, но едва ли есть какое-нибудь основание предполагать здесь провокацию: выступление чехословаков было не в интересах большевиков. Последние так мало рассчитывали на возможность сопротивления на Урале, что даже эвакуировали золотой запас в Казань, как наиболее безопасное место¹.

«Лояльные» Макса и Чермак, принимая все условия Троцкого, предписывали с своей стороны сдать все оружие официальным представителям местных советов, причем объявляли, что «каждый, кто не выполнит этого приказа», должен рассматриваться как мятежник и ставит себя вне «закона». От имени Масарика Макса заявил, что происшедшие недоразумения в Челябинске, ошибка чехов. Он требовал немедленного прекращения всякого рода выступлений, которые препятствуют выполнению «национального дела». Отмечая уступчивость Максы, Садуль вместе с тем выражает сомнение, что чехи в Сибири доверчиво отнесутся к этим телеграммам... Там настроение, как мы знаем, было уже иное. По словам Штейдлера, уступки, сделанные советской властью, вызвали большое возмущение, и Отделение Нац. Совета ввиду проявленного оппортунизма потеряло авторитет в войсках...² Съезд воинских делегатов в Челябинске (16–20 мая) встал определенно на точку зрения неизбежности столкновения и постановил, прекратив дальнейшую сдачу оружия, двигаться «собственным порядком» во Владивосток. Управление передвижения было изъято из-под руководства Отд. Нац. Сов. и передано особому исполнительному комитету съезда во главе с командирами полков — Чечек, Гайда и Войцеховский. Председателем Комитета был избран член Отд. Нац. Совета Б. Павлу.

¹ Большевицкие историки видят здесь ловкий шаг эсеровских заговорщиков, проникших в правительственные органы и сумевших устроить эвакуацию золота туда, где предполагалось поднять восстание.

² Драгомирецкий [Чехословаки в России] дает другое объяснение: «Чехословаки, конечно, поняли, под каким давлением была доставлена эта телеграмма, посмеялись над ее содержанием и ответили, что они не признают над собой власти ее авторов» [с. 57].

В сущности, произошла маленькая внутренняя революция¹. «Относительно внутренних русских дел оставался действительным старый принцип нейтралитета²», — подчеркивает Штейдлер. Ясно, однако, что теперь это было фикцией. Чехи должны были столкнуться с антибольшевицкими силами, иначе им грозила бы опасность попасть вновь на положение военнопленных и быть выданными Германии... С этой стороны Масарик прав, когда говорит: «Наши бои в Сибири не были интервенцией — только обороной» [II, с. 82].

25 мая последовала известная грозная по содержанию телеграмма Троцкого: «Все советы на жел. дор. обязаны под страхом тяжелой ответственности разоружить чехословаков. Каждый чехословак, который будет найден вооруженным на жел.-дор. линии, должен быть расстрелян на месте, каждый эшелон, в котором окажется хотя бы один вооруженный, должен быть выброшен из вагона и заключен в лагерь военнопленных... Одновременно посылаются в тыл чехословацким эшелонам надежные силы, которым поручено проучить мятежников... Ни один вагон с чехословаками не должен продвигаться на восток...»

Большевицкие отряды, говорит Штейдлер, «предательски» напали на наши эшелоны... Во всяком случае, начались повсеместные выступления чехов и организованная русскими антибольшевицких сил.

«Сталкиваясь непосредственно с организованными мадьярами, считая, что требования разоружения и остановки продвижения на восток исходят от Мирбаха³, наши сол-

даты, — пишет проф. Масарик, — были убеждены, что большевиков против нас ведут немцы... и что воюют, собственно, против Германии и Австрии». Казалось, что «воскресший чешско-русский фронт является обновлением борьбы с немцами и австрийцами» [II, с. 83–84]. Только русские проявляли большой интерес к «противосоветскому фронту», а чехи к «противогерманскому»¹.

Таким образом, в Сибири взаимоотношения определились достаточно ясно. Как заявили впоследствии большевики в воззвании Комиссариата Сов. Упр. Сибири от 1 августа, «40 000 новых иноземных помощников в лице чехов» шли, чтобы «закабалить» трудящихся Сибири, сделать их «рабами» и «задушить революцию» [«Хр.». Прил. 42]. Иностранная дипломатия в Сибири все же удивлена конфликтом и принимает «все меры к мирной его ликвидации» [Штейдлер]. Вступает за чехов и центр.

24 июня Садуль пишет²: «Вчера я снова подтверждал Троцкому, что французская военная миссия удивлена и обескуражена борьбой, неожиданно возникшей между советами и чехословаками... Начинается какая-то полная неразбериха. Садуль более 100 раз официально говорит Троцкому от имени ген. Лаверна о желании Франции ликвидировать конфликт в Иркутске.

24 июня между мирной делегацией Центросибири и чехословацкими эшелонами заключается даже договор, по которому на протяжении всей Сибири устанавливается «общее перемирие». Предварительные условия как основа для мирных переговоров гласят: взаимное освобождение пленных; отказ чехов от всякой связи и содействия политическим партиям и пр., борющимся против советской власти; в случае ликвидации конфликта чехословацкие войска начинают отправляться из Владивостока с 1 июля и т. д. [«Хр.». Прил. 35]. В конце того же

Мы опровергаем это утверждение... На самом деле в борьбе на стороне Советского правительства приняли участие только те германские и австрийские военнопленные, которые состояли в красной гвардии и были нами исключены из списков военнопленных» [Bothmer. Mit graf. Mirbach in Moskau. Tübingen, 1922].

¹ Přikryl. Sibiřská drama. Прага, 1929.

² «Quarante lettres». P. 82.

¹ Подшивалов. Гражданская борьба на Урале. 1917.

² На первых порах чешские руководители в Сибири действительно строго держались заветов Масарика. Делегат Добровольческой армии в Сибири ген. Флуг тщетно пытался войти с ними в соглашение.

³ Это усиленно подчеркивалось чехами, как свидетельствует рапорт, представленный Мирбаху германскими делегатами, бывшими в Пензе 29 мая и арестованными чехами. «Нам заявили, что, по имеющимся в их штабе (т. е. в штабе дивизии кап. Чечека) данным, председатель германской комиссии военнопленных лейт. Лессинг руководит большевицкими отрядами и приказал германским военнопленным принять участие в боях большевиков с чехами.

июня, говорит Штейдлер, чехословацкие эшелоны получают «полуофициальное» сообщение, что Антанта одобряет выступление и что союзники придут к ним на помощь. Очевидно, Штейдлер имеет в виду заявление представителя французской военной миссии в Сибири майора Гинэ. Он обратился к чехословацким войскам с таким воззванием: «На здар, братья! Вчера я был счастлив сообщить временному исполнительному комитету чехосл. армии великую новость: шифрованную телеграмму от французского посланника, доставленную мне специальным курьером и содержащую извещение о выступлении союзников в России. К великому своему удовольствию, я уполномочен передать чехословацким частям в России за их выступление благодарность союзников»...¹ Садуль 13 и 16 июля, комментируя этот документ, утверждает, что генерал Лаверн отрицает его аутентичность и что Гренар официально должен его опровергнуть [ib. P. 94, 98]. Садуль прав: параллельно ведутся две политики, взаимно друг друга исключаящие.

* * *

Вся эта действительность могла бы быть целесообразна в том случае, если бы определенно принятое решение идти с антибольшевическими русскими силами диктовало выжидательную тактику с целью помочь организоваться в крайне ненормальных и тяжелых условиях, о которых говорит Фрэнсис в своей «исповеди» (так называет Левидов страницы в воспоминаниях американского посла, обосновывавшие необходимость выступления союзников в России). Этого определенного, окончательного официального решения еще не было. Отсюда «ложным» считает Штейдлер утверждение большевиков, что план чехословацкого выступления был заранее подготовлен [«Вольная Сибирь». IV, с. 26]. Это — версия чешских коммунистов, относивших в своем органе «Прокопник Свободы» (27 июня) соглашение уже к марту месяцу. То же утверждал работавший в военной миссии француз-

ский коммунист Паскаль на московском эсеровском процессе [Владимирова. С. 215].

Большевицкие историки усиленно цитируют сообщение о якобы бывшем в Москве в апреле совещании во французской миссии при участии русских военных о создании противогерманского фронта и использовании чехов. Наиболее подробные сведения об этом совещании находятся в книге Парфенова.

«В апреле, — пишет Парфенов, — центральному¹ штабу стало известно, что в Москве, в связи с прибытием из Парижа представителя французского генерального штаба, полковника Корбейль, начальником французской военной миссии генералом Лаверн и английской — генералом Локкарт, с участием представителей русской академии генерального штаба, полковника Сыромятникова и генерала Иностранцева, разрабатывается план низвержения советской власти и возобновления противогерманского фронта на территории России.

Для координирования действий и информации о положении дела в Сибири 12 апреля в Москву был послан представитель центрального штаба, капитан Коншин, который с документами представителя союза сибирских кооперативных союзов Закупсбыта, совершенно свободно доехал до Москвы, принимал участие в контрреволюционном совещании в стенах французской военной миссии и так же свободно возвращался в Новониколаевск.

На этом московском совещании решено было, что чехословацкие войска, эвакуируемые на Дальний Восток с согласия Совета Нар. Комиссаров, постепенно займут наиболее стратегические опорные пункты Уссурийской, Сибирской и Уральской жел. дороги и, координируя свои действия с нелегальными контрреволюционными организациями, выступят против советской власти. За эту «услугу» английское и французское правительства обещались помочь отделению чехословаков от Австро-Венгрии и признать будущую Чехословацкую самостоятельную республику и в дальнейшем выплачивать содержание чехословацким войскам. Причем, учитывая настроение

¹ «Чехосл. Дн.», № 108; «Заря», № 13; Владимирова. С. 227.

¹ Сибирскому — об этом см. следующую главу.

чехословацких войск, имелось в виду «убедить» военного и морского комиссара Советской республики Л. Троцкого «разоружить» чехословаков, что должно было послужить сигналом и быть оправданием в глазах последних факта их противосоветского выступления¹ [с. 19–20].

В истории гражданской войны еще столько неясных и загадочных страниц, что пока нет возможности отделить в этом рассказе истину от вымысла. Невероятного ничего в нем нет. Надо помнить, что отдельные представители союзников в России, оторванные от центра, вели, часто вынужденно, свою самостоятельную линию, создавали и осуществляли свои планы, иногда совпадавшие, а иногда и расходившиеся с предложениями других представителей: расхождение было не только между дипломатическими ведомствами и военными миссиями, что в своих письмах отмечает Садуль в отношении Франции, — «расхождение» было между отдельными лицами. Поэтому и заверения, и обещания, и действия так часто бывали и неопределенны и противоречивы.

* * *

В июне как будто бы нет уже сомнений в том, что союзники фактически поддерживают противобольшевицкий фронт. В разных русских общественных кругах совместно с отдельными представителями союзников обсуждается план действий. Эти переговоры более или менее подробно описаны деятелями «Правого» и «Национального Центра» и «Союза Возрождения»; о них рассказано на московском процессе эсеров и самими подсудимыми и свидетелями из бывших соратников иностранных миссий; они изложены в показаниях Савинкова. Мы не можем на них останавливаться². Это будет уже другая тема, требующая особого, прежде всего критического детального рассмотрения — столько здесь контрверсов и искажающих действительность тенденциозных показаний. Нет фактов, на

которые неоспоримо можно бы было опереться. Представители союзников совершают «соглашения», о которых в центре не знают. Все конспирируют-конспирируют друг от друга, участвуют на свой страх и риск в отдельных «заговорах», имеющих уже определенную цель низвержения существующей власти.

На какие общественные круги можно было опереться? Если Пишон из Сибири рекомендовал обосноваться на левых государственных элементах¹, то в Париже склонны считать, что для России приемлема только монархия. Пожалуй, такая же точка зрения начинает господствовать и в среде английского правительства. По крайней мере, Гавронский, после одной ответственной беседы, сообщает Чайковскому 11 сентября²: «Английское правительство считает необходимым опереться на монархистов, так как почти вся кадетская партия, в которой произошел сдвиг направо, состоит из монархистов»... Она считает не существенным, если «придется организовать сопротивление Германии в России, опираясь на монархию, так как Германия будет окончательно побита, а не опираясь на германскую реакцию, русская реакция не страшна, в конце концов, она исчезнет сама собой»... «Юридически, — добавляет интервьюер, — англичане признают только то правительство, которое будет санкционировано Учр. Собр.». Но умеренно правые (термин Гурко) элементы отгакивают своей несвоевременной немецкой «ориентацией». И ставка делается на всех. Нельзя обвинять за это представителей иностранной дипломатии. Как было разобраться в русской общественной мешанине? Где и у кого были гарантии на успех? Это была игра со многими неизвестными. Но вот в чем была ошибка дипломатии — если хотите, ее преступление. Русская антибольшевицкая обще-

¹ Пишон указывает, что организующим началом при интервенции могли бы служить кооперативы [с. 34].

² Бумаги Чайковского в пражск. Архиве. Ср. письмо А. Ф. Керенского, приведенное мною в работе о Чайковском: «Известия о переходе консервативных и даже либеральных во главе с Миллюковым групп на сторону Германии вызвали, видимо, у французской и английской дипломатии стремление перехватить ускользающую силу на свою сторону» [с. 57].

¹ По наведенным мною справкам, ген. Иностранцев, во всяком случае, отрицает свое присутствие на таком собрании.

² Все эти данные суммированы в книге Владимировой.

ственность, конечно, не была в то время достаточно осведомлена о закулисной «интриге», в которой, как мы видим, немаловажную роль сыграли и большевики. О двойной бухгалтерии союзников при создании Восточного фронта, вероятно, очень немногие имели весьма отдаленное представление. И когда иностранные дипломаты уверяли о близости «интервенции», уже в антибольшевицком «аспекте», мы им верили и на этом основании создавали свои построения¹. Происходила вольная и невольная «провокация», вызывавшая преждевременные самостоятельные выступления русских организаций вне связи с общим планом.

* * *

Мне кажется, нечто аналогичное произошло и с чехословацким выступлением. Сам же факт выступления ребром поставил вопрос об интервенции в общественном мнении союзных держав. Именно с июня начинается новая газетная кампания за интервенцию: даже итальянская «Корьере делла Сера» 2 июня требует прекращения политики пассивности по отношению к русскому вопросу и заявляет, что «молчаливая оппозиция, зародившаяся в тылу большевицкого террора, должна быть всячески поддержана».

В связи с чехословацким восстанием «военная сторона интервенции резко изменилась, — пишет 1 июня «Манчестер Гардиан», бывшая противница интервенции, — речь идет о том, чтобы прийти в соприкосновение с чехословаками и сделать их ядром для новой армии, могущей сражаться против Германии, и воссоздать Россию». «Нет никакого другого пути, кроме посылки в Россию союзных войск в достаточном количестве, — утверждает 2 июля «Дейли Кроникл», — чтобы они могли служить ядром для всех тех сил России, которые стремятся к восстановлению независимости». Орган Клемансо «Ом Либр»

¹ Савинков в своих показаниях утверждал, что через Гренара ему была прислана телеграмма Нуланса, в которой «категорически» подтверждалось, что «десант высадится между 5—10 июля», и указывалось о необходимости начать в то время восстание на Верхней Волге.

заявляет 1 июля, что история России приближается к поворотному пункту и требует от союзников не упускать момента. Левидов делает характерное сопоставление, отмечая, что в это самое время, 1 июля, Сесиль в парламенте говорит: «Если Советское правительство обратится с просьбой союзной морской или военной помощи для защиты русской территории против Германии, то это предложение получит дружеское рассмотрение». Но это уже лишь запоздалые отзвуки прошлого. Некоторый внешний флер — и только. Достаточно ясно ставила вопрос Вашингтонская декларация Чехословацкого Нац. Совета 28 июля. Отмечая колоссальные стратегические возможности и приводя мнение вождей чехословацких сил в России о желательности восстановления Русско-германского фронта, декларация спрашивала: «Должны ли мы отправляться во Францию или сражаться в России?»... «Масарик тогда дал инструкцию, — продолжает декларация, — чехословакам, находящимся в Сибири, пока остаться там. Но вопрос о пребывании или об уходе из России зависит не от одних чехословаков. Это должно быть решено союзниками, ибо чехословацкая армия является одной из союзных армий и находится под командованием Версальского военного совета. Безусловно, чехословаки желают избежать участия в гражданской войне в России, но в то же время они понимают, что они могут оказать, оставаясь здесь, гораздо большие услуги, нежели если они будут перевезены во Францию. Они предоставляют себя в распоряжение верховного союзного Совета».

Выступление чехословаков в Сибири, по словам Масарика, произвело «удивительное, можно сказать, невероятное» впечатление в Америке. «Наша Армия в России и в Сибири стала предметом всеобщего интереса... Анабазис наших русских легионов действовал не только на широкие круги, но и на круги политические... все это представлялось в виде чуда или сказки» [II, с. 78].

«В Америке поднялись голоса за интервенцию», — отмечает нью-йоркский корреспондент «Дейли Кроникл».

«Положение в Сибири заставляет Соед. Штаты предпринять шаги для помощи ей против немцев. Соед. Штаты должны предложить чехословакам, полякам и другим на-

родностям в России сражаться за свою свободу», — заявил 20 июля сенатор Люис в сенате.

Такое же впечатление было и в Европе. Ллойд Джордж приветствовал президента Чехос. Нац. Комитета в Париже «по поводу блестящих успехов, достигнутых чехословацкими войсками над немецкой и австрийской армиями в Сибири». «Ваш народ, — заканчивает Ллойд Джордж, — оказал неоценимую услугу России и союзникам в их борьбе за освобождение мира от деспотизма» [*Масарик*. II, с. 79].

Чехословаки — как говорилось в декларации Бальфура от 9 августа о признании прав чехословаков на государственную самостоятельность — задерживают «немецкое вторжение в Россию и Сибирь».

Склонился наконец к интервенции и Вильсон, который, по словам американского журналиста Кольфорда, «задерживал интервенцию в течение шести месяцев», — согласился потому, что интервенция стала «неизбежна». (Незадолго перед этим потерпела неудачу миссия Бергсона, отправленного, по инициативе Клемансо, в Вашингтон для защиты перед Вильсоном идеи необходимости создания Восточного фронта.) Весы перетянула чехословацкая акция в Сибири¹. В официальном заявлении вашин-

¹ Несомненно, на устранение некоторой предвзятости к интервенции со стороны западноевропейского демократического общественного мнения, с которым правительствам Антанты приходилось сильно считаться, повлияли и летние выступления Керенского, прибывшего в Европу со специальной миссией пропаганды от московского «Союза Возрождения» [см. книгу о Чайковском]. По поводу речи Керенского на рабочей конференции — речи, по словам Набокова [с. 227], «произведшей очень сильное впечатление», «Дейли Кроникл» писала: «...мы видим, общая программа Керенского о деятельности союзников в русском вопросе близко совпадает с той программой, которую столь долгое время выставляли мы». Радикальная «Дейли Ньюс» заявляет: «Речь Керенского явилась призывом к серьезной интервенции в России». См. статьи «Таймса» и др. [*Левидов*. С. 147]. Сам Керенский говорит, что к моменту его приезда Лондон и Париж уже совершенно определили линию своего поведения к России [*«Издайка»*. С. 131].

Так было, быть может, в теории, но не на практике. Керенский, желавший выехать в Россию, получил отказ под тем пред-

гтонского правительства, опубликованном 3 августа, было сказано, что правительство Соед. Штатов считает допустимыми военные действия в России «лишь в целях оказания помощи чехословакам против нападающих на них вооруженных австрийских и германских военнопленных и помощи стремлениям к самостоятельности и самозащите, насколько сами русские захотят принять такую помощь». Как видим, насколько был ясен первый тезис, настолько туманен второй.

«Интервенция» решена и главным образом для помощи чехам. «Правительство Соед. Штатов, — гласила японская декларация 2 августа, — недавно обратилось к японскому правительству с предложением скорейшей посылки войск, дабы облегчить давление, оказываемое на чехословацкие силы... Принимая это решение, японское правительство... вновь подтверждает свою неизменную политику уважения территориальной целостности России и воздержания от всякого вмешательства в ее внутреннюю политику»¹.

Фактическим окончательным разрывом с большевиками явился отъезд послов из Вологды, последовавший 25 июля. Советская власть пыталась противодействовать этому отъезду, для чего в Вологду приезжал Радек². Поворот политики уже совершился, и скоро «муромский эпизод» из интервенции при содействии советской власти превратился в интервенцию против нее... «Большевики вынуждены будут теперь повернуться к немцам», — заметил Садуль...

логом, что содействие Англии в данном случае противоречило бы «решению английского правительства не вмешиваться во внутреннюю политику России». Надо сказать, что это было уже в августе. Керенскому не доверяли, пребывание его в России считали вредным, и, быть может, в ответе заключалась просто неудачно сформулированная бюрократическая отписка.

¹ Декларации всех правительств союзнической ориентации и другие официальные документы имеются в приложении к русскому изданию доклада Пишона.

² Октябрьская революция перед судом американских сенаторов. Показания Фрэнсиса. М., 1927, с. 155.

Таковы факты, и на них нельзя не обратить внимания. Может быть, теперь станут более понятны слова адм. Колчака на допросе во время иркутского следствия: «Сама цель и характер интервенции носили глубоко оскорбительный характер — это не было помощью России, все это выставлялось как помощь чехам, их благополучному возвращению, и в связи с этим все получало глубоко оскорбительный и глубоко тяжелый характер для русских» [«Допрос». С. 145].

Национальная Россия — ее сознательные силы — имела полное право противопоставлять себя советской или, вернее, захватнической большевицкой власти, действовавшей под интернациональным лозунгом. Но только в августовском заявлении британского правительства за подписью Бальфура она, в сущности, могла увидеть прямое обращение к себе: «Ваши союзники не забыли о вас: мы помним о тех услугах, которые были оказаны вашими геройскими армиями в первые годы войны, и мы приходим, как друзья, к вам на помощь, чтобы спасти вас от раздробления и разрушения от рук Германии... Мы сожалеем о разделяющей вас гражданской войне и о внутренних ваших несогласиях, облегчающих осуществление германских завоевательных планов, но мы не имеем намерения навязывать России какой-либо политический строй. Судьбы России находятся в руках самого русского народа... Народы России, объединяйтесь с нами для защиты ваших свобод. Нашим единственным желанием является видеть Россию сильной и свободной, а затем отстраниться и предоставить русскому народу выковать свою судьбу в согласии с свободно выраженной волей народа».

Интервенция, решенная, оставалась, однако, неопределенной и пассивной. Она скоро глубоко разочаровала чехословаков в России. Действия союзников — пусть вынужденно — не приобретали достаточно осязательных форм. Самочувствия оказавшихся на Волге и в Сибири эшелонов не могло удовлетворить сознание, что даже французские социалисты голосовали за бюджет на

союзные чешские войска в Сибири (из позднейшей речи военного министра Штефаника). Ждали более реальной помощи. Сказочная, по выражению Милюкова, армия у Вологды, о которой говорил Гинз, не появлялась [II, с. 84]; не приближался и десант с Востока. И совершенно невольно в сознании чехословацких вождей в Сибири их выступление стало приобретать иной характер, чем тот, который пытались ему придать на первых порах. Единственной целью становилось создание опорной базы для русских, борющихся за освобождение своей страны. Если декларация высокого комиссара французского правительства в Сибири, 10 сентября, еще говорила, что «непосредственной причиной» выступления явилась необходимость оказать помощь чехословакам, которые следовали через Россию с «единственной целью» отправиться сражаться с немцами на Западном фронте, «никоим образом не вмешиваясь во внутреннюю политику страны, но были преданы большевиками, нарушившими соглашение, и атакованы вооруженными германо-австрийскими пленными», то сами руководители чехословацких легий, разочарованные в помощи союзников после тяжелой борьбы на Волге, в своем обращении к русскому обществу в Самаре 15 сентября говорили уже о сверхчеловеческих усилиях, которые употребили чехословаки, чтобы дать возможность русскому народу организовать себя. Политические руководители «легий» жаловались, что не встретили той поддержки и того понимания, на которые они вправе были рассчитывать, когда решились протянуть русскому народу бескорыстно братскую руку.

Психологически новая точка зрения была понятна, но она в значительной степени противоречила фактам.

И насколько было бы целесообразнее, если бы основная задача была с самого начала ясно поставлена. В действительности истекшие 9 месяцев подготовки «интервенции» для союзников были временем колебаний и противоречий, для чехов — компромисса, для большевиков и немцев — двойной игрой. Определенна была лишь позиция тех русских общественных сил, которые концентрировались на Волге и в Сибири для борьбы с боль-

шевиками¹. В одном отношении они были единодушны — они безоговорочно стояли на почве создания противогерманского и противобольшевицкого фронта при помощи союзников² и тех чешских эшелонов, которые логика истории повернула с востока на запад (Голечек). Эта логика истории, мне кажется, может быть выражена словами проф. Масарика, сказавшего в мае 1917 г. в Петрограде: без России «чешская независимость лишается необходимой опоры».

ГЛАВА ВТОРАЯ

Освобождение Сибири

1. Социалистическая власть

«Боевые усилия наших войск, направленные к занятию магистрали с целью эвакуации к морю, сопровождались затем другими событиями, — пишет д-р Штейдлер в очерке «Выступление чехословаков в России 1918 г.»¹, — которые были исторически важнее... Наши победы в мае и июне одновременно стали импульсом к местным антибольшевицким переворотам, производимым русскими антибольшевиками под руководством социалистов-революционеров, которые, впрочем, давно, до нашего выступления и независимо от него готовились к перевороту. Выступлением наших войск этот переворот был только ускорен и, конечно, облегчен... Наскоро сформированные им отряды русских добровольцев приняли участие в боях наших войск с большевиками. И надо признать, что явно антибольшевицкое и чехофильское настроение населения значительно помогало нашим военным успехам. Ценную помощь оказали особенно русские офицеры, казаки, студенты и остальные добровольцы (глав. обр. в позднейших боях) и железнодорожники, без участия которых было бы, при нашем наступлении, невозможным продвижение поездов».

В изложение это, пожалуй, надо внести несколько поправок, поскольку дело касается Сибири. Здесь часто инициатива выступления принадлежала русским — далеко не всегда «под руководством социал.-революционеров», и чехословаки играли лишь вспомогательную роль.

* * *

Сибирь вообще была несколько в ином положении, чем Европейская Россия. Ноябрьские события, т. е. боль-

¹ «Волын. Сибирь». IV, с. 25. Штейдлер — автор специальной работы «Československé hnutí na Rusi» («Чехословацкое движение в России»). В серии «Памятники войны». Прага, 1922.

¹ Надо ли делать оговорку, что я, говоря о Восточном фронте, не касаюсь в данном случае тех, кто действовал в рядах Добровольческой армии на Юге?

² В Сибири по-разному, конечно, определялись пределы возможной интервенции. Например, Будберг в дневнике идет очень далеко: «Нужна открытая и честная деловая сделка, а не полужульнические с обеих сторон фигли-мигли, — говорит он на своем образном языке. — Нужно откровенно сознаться, что восстановление порядка и возобновление государственного аппарата среди распустившихся масс требует наличия силы... а так как своей силы нет, то и приходится просить временной помощи союзников. Нужно сказать правду» [XIII, с. 224].

шевицкий переворот, разыгрывались с опозданием и растянулись на три месяца (с ноября по февраль): в Томске, например, советская власть пришла лишь в марте. Сам переворот носил несколько специфический характер. Достаточно сказать, что на Урале большевики выступали под флагом Учредительного Собрания и демократической республики¹. Большевицкий историк Парфенов должен признать, что до октябрьских дней в Сибири, за исключением Енисейской губ., «не было почти ни одного совета, который бы стоял активно и целиком на платформе октябрьской революции» [с. 7]. В советах настолько сильно было антигерманское настроение, что второй всесибирский съезд советов 8 февраля заявил от имени «Сибирской советской республики», что он «не считает себя связанным с мирным договором, если таковой заключен Сов. Нар. Ком. с германским правительством» [«Хроника». Прил. 19].

Эта местная обстановка придавала на первых порах и особый колорит борьбе, которую вела так называемая революционная демократия с захватчиками государственной власти. Хотя головка сибирской компартии с самого начала провозгласила: «Да здравствует гражданская война»², в левых общественных кругах Сибири была популярна роковая концепция общесоциалистического фронта, т. е. стремление так или иначе договориться с большевиками³. Едва ли не этим следует объяснить то, что переход власти к советам произошел повсюду бескровно — за исключением Омска и Иркутска, где были выступления юнкеров и прапорщических школ, впрочем, не связанные непосредственно с захватом власти большевиками⁴. Чрезвычайно характерно иркутское восстание — бой, так

¹ См. выше цитированную работу Подшивалова [с. 57].

² *Шумяцкий*. Сибирь на путях к октябрю. 1927, с. 12.

³ О пресловутой формуле организации государственной власти по принципу от нар. соц. до большевиков, выдвинутой в октябрьские дни, см. мою книгу «Чайковский», глава II «Большевики и октябрьский переворот».

⁴ Кроме Шумяцкого, о выступлении в Омске см.: *Басов М.* К истории юнкерских восстаний в Сибири. — «Сиб. Огни», 1922, № 4.

сказать, впустую. Желая во что бы то ни стало избежать ужасов гражданской войны, представители партий с.-р. и с.-д. в объединенном заседании советов предложили большевикам образовать орган власти из представителей всей «революционной демократии». Большевики согласились, но тем не менее создали свой военно-рев. комитет. Тогда «объединенная демократия» с своей стороны создала «комитет защиты революции», заявив 10 декабря, что она признает высшим органом власти в Сибири лишь временное Сибирское правительство, долженствовавшее быть избранным на проходившем в Томске Чрезвычайном сибирском областном съезде. Комитет призвал офицеров и юнкеров выступить против захватчиков власти. В организованный штаб вошли: полковники Иванов-Ринов, Скипетров, Никитин и некоторые эсеры, между прочим, член ЦК партии Тимофеев. (Обратим внимание на эти имена!) Восемь дней шел бой в Иркутске (убитых и раненых насчитывалось до 1000 человек) и закончился — не без посредства читинцев, пытавшихся примирить «оба крыла демократии», — мирным договором 20 декабря, создавшим коалиционную власть от народных социалистов до большевиков...¹ Военные представители штаба бежали... Большевики последовательно и настойчиво проводили свою собственную политику, а все остальные бесплодно старались создать в Сибири социалистическую коалиционную власть — ею после октябрьского переворота должна была явиться Сибирская Областная Дума.

* * *

Еще в дни Временного правительства началась в Сибири работа по организации местной областной власти. Происходившее в августе в Томске «народное собрание» постановило созвать общесибирский съезд для разработки основных положений областного самоопределения Си-

¹ Управляющий французским консульским агентством в Иркутске Жандр упоминает о посредничестве иностранных представителей [донесение его 23 декабря. — «Кр. Архив». XXXIV, с. 133].

бири, подлежащих утверждению Учр. Собрания. Первый съезд 8—17 октября декларировал автономное устройство Сибири. На основании этого 9 декабря собрался Чрезвычайный общесибирский съезд. Прибыло 155 делегатов¹. Признав единственным источником государственной власти Учр. Собрание, съезд постановил: «Временно создать во имя спасения Сибири общесибирскую социалистическую, от народных социалистов до большевиков включительно, с представительством от национальностей, власть в лице Сибирской Областной Думы и Областного Совета, ответственного перед Областной Думой». Контролирующий и законодательный орган, т. е. Дума, должен «состоять исключительно из представителей демократии, без участия цензовых элементов». Власть исполнительная также должна быть социалистической, причем в состав органа ее могут войти и большевики, если «принимают платформу настоящего съезда, т. е. безусловную борьбу за избранное всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием Всер. Учр. Собр. и за областное народоправство Сибири, так как только эта платформа может предотвратить полный государственный развал» [«Хр.». Прил. 13].

Что же получалось на практике? Полная мешанина во взаимных отношениях, приводившая к тому, что в Чите, например, согласно постановлениям съезда сельского населения комитетов Общ. безоп., городских и земских учреждений Забайкальской области, была создана «коалиционная социалистическая власть» совместно с коммунистами. Эта власть должна была одновременно

¹ П. Н. Милюков [с. 30] не точно говорит, что этот съезд, как и предшествовавший, состоял только из представителей революционных организаций — советов фронтовых и профессиональных организаций. Он был создан по принципу, установленному для Всерос. Дек. Совещания, которое происходило в Петрограде. Помимо представителей советов, здесь были представлены местные самоуправления, высшие учебные заведения, кооперация, национальные организации и т. д. По партийной принадлежности главенствовали эсеры [с. 97]. Присутствовали 27 с.-д. (из них на октябрьском съезде 1 был большевиком), 11 нар. соц., 2 к.-д. и др. [«Хроника». Прил. 12].

проводить в жизнь законы Сибирской Областной Думы и декреты Совета Народных Комиссаров!¹

«Временный Сибирский Совет», избранный съездом в качестве исполнительного органа до созыва Думы, прежде всего призвал население «к полному немедленному прекращению гражданской войны» [«Хр.». Прил. 14], т. е. к фактическому примирению с захватом большевиками власти². Так как Совет раб. деп. в Томске высказался отрицательно по отношению к съезду и постановил в случае попытки съезда взять власть «бороться с ним до конца», [«Хр.». Прил. 15], Временный Областной Совет обратился ко всем советам с.-р. и с.-д. с увещающим воззванием. Он называл советы «идейными и политическими руководителями масс» — «мозгом трудовой демократии» [там же. Прил. 16]. Это воззвание, в конце концов, лило только воду на мельницу большевиков, так как советы к январю были уже в руках большевиков.

* * *

Странно было видеть под всеми этими документами подпись исконного и всеми признанного вождя сибирского областничества Г. Н. Потанина, избранного председателем Временного Совета. В Сибири Потанин занимал совершенно исключительное положение. Имя его придавало авторитет любому политическому начинанию. «Властителем дум» называет его сибиряк проф. Зубашев. «Поводырем сибирской общественности», «Первым гражданином Сибири», «мозгом и сердцем современной об-

¹ Вероятно, под впечатлением этой сибирской практики, весьма быстро развившейся, проф. Масарик, проезжавший через Сибирь, в докладной записке для Вильсона (10 апр. 1918 г.) писал, что коалиционное правительство социалистических партий и левых кадетов с участием большевиков могло бы получить всеобщее согласие [I, с. 228]. «Левых кадетов», однако, отвергала и сибирская практика.

² Так и ставила вопрос о прекращении гражданской войны меньшевицкая конференция в Иркутске 2 февраля, «продолжение идейной борьбы с большевизмом», не доводя «до вооруженных столкновений».

щественности» именует его Якушев, сделавшийся потом председателем Сибоблдумы и резким противником тактики ближайших единомышленников Потанина. Престарелый «поводырь» сохранил, по выражению Якушева, «поразительную для его лет ясность и свежесть мысли» [некролог в «Вольн. Сибири». I]. В то же время автор некролога Потанину считает нужным отметить, что «патриотизм» является «отличительной чертой» покойного сибирского общественного деятеля. Как мог тогда Потанин, примыкавший по своим политическим взглядам к народным социалистам, дать свое имя делу, заведомо осужденному на неуспех? Как мог он в противоречие со своим подлинным демократизмом пойти на компромисс, который создавала позиция, занятая областным съездом?

Областники, могшие опереться на сибирское старожилое крестьянство, на сельскую интеллигенцию и казачество, были застигнуты революцией врасплох, оказались неподготовленными, и «политическое оформление народных масс» пошло под знаменем партии с.-р. Таково мнение одного из энергичных деятелей этой партии в Сибири¹. «Областники» и группа кооператоров оказались на съезде в меньшинстве. Они боролись и против возможного союза с большевиками, и против отрицания коалиции с буржуазией². «Сознание долга заставило нас остаться», — пояснял позже на июльском торгово-промышленном съезде в Омске прис. пов. Патушинский, один из членов Временного Совета, близкий областникам и, по-видимому, тоже числивший себя в рядах народных социалистов. «Сознание долга» повело Патушинского и на дальнейшие уступки, которые оказались, однако, невозможными для Потанина. 30 декабря он отказался от звания председателя и члена Совета. Уход свой Потанин мотивировал тем, что он не мог «изменить продол-

жающегося тяготения своих товарищей по Совету в сторону большевизма». «Уклон» этот Потанин увидал в том именно воззвании к советам, о котором говорилось выше и под которым, к сожалению, механически стояла подпись самого Потанина. «Конечно, это было неверно», — замечает Якушев. Это было верно постольку, поскольку представители «революционной демократии» не могли изжить в себе тяготения к фикции единого социалистического фронта и поскольку в московских деспотах продолжали видеть что-то от социализма¹.

* * *

Таким образом, Временное Сибирское правительство (Совет) являлось, в сущности, продуктом творчества эсеровской партии. Новая власть хотела опереться на кооперацию, где эсеры имели значительные связи. Это влияние было обманчиво. Никогда не следует забывать того, что не без язвительности отметил французский наблюдатель сибирской жизни в то время полк. Пишон. Он писал в своем докладе: «Как общее правило, нужно заметить, что каждый теперь в России и Сибири считает нужным кутаться в социалистический плащ: это модное одеяние всех людей, делающих или желающих делать политику. И поэтому нельзя давать себя обманывать политическими вывесками: под ними зачастую прячутся мысли и

¹ Не очень уместна якушевская сентенция о широком использовании «недостаточно честными противниками» письма Потанина, в силу чего светлое имя борца за свободу Сибири сделалось орудием политической борьбы и интриги» [«Вольн. Сиб.», III, с. 21]. Отказ Потанина был крупным и знаменательным явлением. Ошибка тех, кто не прислушался к голосу полуслеплого «поводыря». Нечего искать какого-то постороннего влияния на Потанина. Патушинский на съезде кооператоров 6 января отмечал влияние к.-д. Востротина [«Нар. Дело», № 4]. Авторы сибирской «хроники» видят здесь влияние томских к.-д. во главе с потанинским другом А. В. Адриановым, редактором «Сибирской Жизни», и т. д. Дело просто. Областники, в центре которых был потанинский кружок, самоопределились. Их линия поведения отныне будет чужда той двойственности, которая отличает тактику вдохновителей и руководителей Сибирской Областной Думы.

¹ Якушев И. Я. Февральская революция и собрание областного съезда. — «Вольн. Сибирь». II, с. 15. Эсеры действительно при выборах в У. С. в Сибири получили 75% всех голосов, в то время как большевики только 10%.

² Ракитников. Сибирская реакция и Колчак. Издание: «Народ», 1920.

программы, диаметрально противоположные официальным девизам, начертанным на вывеске» [с. 42].

Сибирская кооперация быстро освободилась от антигосударственного налета, который могла ей придать партийная вывеска. Но в январе эсеры главенствовали на официальном всесибирском кооперативном съезде, собравшемся в Новониколаевске 6 января: из 88 делегатов 65 числилось в партии с.-р. Съезд, заслушав доклад члена Вр. Сиб. Совета Патушинского, принял соответственное обращение к населению и постановил оказать при выборах в Думу «содействие всем социалистическим партиям, стоящим на точке зрения непризнания власти народных комиссаров и признания автономии Сибири». Была ассигнована вместе с тем единовременная ссуда в сибирскую казну и выработана шкала, по которой союзы должны внести деньги [Парфенов. С. 15].

* * *

7 января в Томск съехалось 93 депутата будущей Областной Думы. Среди них было 56 с.-р., 10 нар. соц., 5 с.-д., 12 беспартийных и т. д. Большевики не допустили открытия Думы. Шестнадцать членов Думы были арестованы 26 января. Часть членов (40 человек) собралась на тайное заседание, объявила Думу открытой, выпустила от ее имени ряд обращений и избрала Временное Сибирское правительство. В состав правительства вошли: Дербер, Вологодский, Краковецкий, Новоселов, Крутовский, Ив. Михайлов, Патушинский, Серебренников, Устругов, Шатилов и др.¹ Перечисляю тех, с именами которых нам часто придется встречаться. Многие из членов Правительства были зачислены в состав его без предварительного опроса или согласия — в том числе Вологодский, Устругов, Серебренников [Гинс. I, с. 76].

Обращение Думы к «трудящимся Сибири» начиналось своеобразно: «В ночь на 26 января большевицко-царские (?) опричники арестовали 16 членов Областной

Думы...» Составители воззвания, по-видимому, не понимали плохого тона этой «революционности». «Именем многих миллионов трудящихся и населяющих Сибирь народностей и туземных племен» они объявили, что «вся полнота власти» принадлежит «подлинным избранникам трудящихся и народов Сибири — Вр. Сибоблдумы» [«Хр.». Прил. 18]. В следующей затем «декларации», отмечая, что Дума стоит на почве признания вс. Учр. Собр., группа членов Думы — действительно, это была только группа — с чрезвычайной решительностью объявляет, что «народы... в разное время присоединенные к Российскому Государству, решают... отделяются ли они от Российской Федеративной Республики и образуют самостоятельные государства или входят как автономно-федеративные единицы в состав Российской Республики». В области социальной политики Дума гарантировала проведение в жизнь закона о земле, принятого Учр. Собр.¹.

Все это продекларировав и объявив себя «единственной законной властью» для Сибири, новое Правительство разделилось: одна часть осталась в Зап. Сибири и образовала особый комиссариат, действовавший именем Сибирского правительства; другая, во главе с Дербером, выехала на Восток, в Харбин — единственный город, еще свободный от большевицкого влияния. Один из членов Правительства был командирован в Москву для информации и связи с ЦК эсеровской партии².

¹ Полная декларация напечатана в «Хронике». Прил. 23.

² Первое Сибирское правительство (Совет) с самого начала (декабрь) завязало отношения с иностранными представителями, бывшими в Сибири, и подняло вопрос о признании и военной и финансовой помощи со стороны союзников [Якушев. — «Вольная с Сибирь». V, с. 62]. Пишон склонен был всемерно содействовать в этом отношении антибольшевицкому Правительству, во главе которого стоит «умный, деятельный, энергичный человек» (Дербер), который «решительно и беспощадно порвал с большевиками». В донесении ген. Нисселю 24 января — 6 февраля он пишет: «Он прекрасно почувствовал и понял ошибку, совершенную с самого начала, выразившуюся в их социалистической непримиримости, исключившей все не окрашенные одной

¹ Один из них Сулима — министр экстерриториальных народностей — сражался потом на стороне большевиков.

2. Боевые силы

На какие силы могла опираться в Сибири власть, намеревавшаяся отстаивать, в сущности, эсеровские партийные позиции? Власть всегда склонна преувеличивать свои шансы. Автор очерков по областному движению в Сибири, напечатанных в «Вольной Сибири», обольщается многочисленными приветствиями, полученными Сибоблдуемой. Но ведь все эти семипалатинские городские думы, якутские земства, в сущности, в значительной степени приветствовали сами себя. Приветствия от «фронтовиков»? — но именно «фронтовики»-то и являлись основой большевизма в сибирской деревне. Приветствовал даже атаман Семенов!

На фронтовых солдат, не вернувшихся еще в Сибирь, Правительство почему-то возлагало особые надежды. Из них предполагалось создание кадров новой Сибирской армии. Назначенный главным комиссаром Сибирской армии бывший командующий Иркутским округом при Вр. прав. подп. Краковецкий, член У. С. от Румынского фронта (?), создал в Киеве специальный сибирский военный комиссариат. В короткое время на фронте объединилось до 50 000 сибиряков. Предполагалось выделить из них наиболее надежные отряды и послать в Сибирь на поддержку Правительства. «Но, — добавляет сибирский историк этого времени, — вся работа была внезапно прервана большевистским переворотом на Украине и свержением Укр. Рады, с помощью которой велась организационная работа по созданию Сибирской

краской элементы... Я уверен, что нам удастся расширить базу существующей организации... в правую сторону» [«Кр. Арх.». XXXIV, с. 154].

Более холодна и сдержанна была депеша иркутского ген. консула Буржуа. Он против финансовой помощи: «это были бы деньги, брошенные на ветер», «субсидируя это дело, мы шли бы за знаменем, не имеющим никакого авторитета и, боюсь, без будущего» [там же. С. 148]. Характерно, что предшественник Буржуа, Жандр, находил: «почти все население объединено в одном порыве — найти тирана, который спасет Россию» [донесение 24 ноября. — Там же. С. 132].

армии» [«Вольная Сибирь». III, с. 14]. Надежды на создание таким путем особой Сибирской армии тем более были утопичны, что ей ставилась задача возобновления противогерманского фронта¹.

Если у сибирских рабочих было настроение против «похабного» мира, то едва ли оно так сильно было на разложившемся фронте.

Безразлична была и сибирская деревня, слишком далекая и оторванная от центра, изолированная в самой себе территориальной замкнутостью сибирских расстояний. Поднять ее на войну с Германией, конечно, нельзя было. Деревня подчас «праздновала» возвращение солдат-«дезертиров»². Пишон в своем докладе замечает, что ему приходилось сталкиваться с абсолютным отсутствием антипатии к немцам, несмотря на все события на фронте и в прифронтовой полосе [с. 22]. Он наталкивался только на враждебное отношение к японцам. «Все те лица и группировки, — писал в докладе Пишон, — которые заявляют, что «за ними крестьяне», обманываются и нас обманывают. Интеллектуальный уровень крестьянской массы весьма низок, и показателем этого явились различные выборы, во время которых крестьянин давал свой голос тому, кто больше ему обещал реальных выгод. Крестьянам не приходилось принимать непосредственного участия в революционной борьбе: каждая деревушка проделала самостоятельно свою местную революцию, совершенно не заботясь о соседях, в общей массе крестьянин очень доволен тем обстоятельством, что полученная свобода дала ему «право» рубить казенные леса бесплатно, пользоваться бесплатно всякими бывшими угодьями и т. п. Колоссальному повышению цен на продукты сельского хозяйства крестьянин тоже весьма рад: он начал копить деньги» [с. 30—31].

Общая характеристика, конечно, правильная. Она подтверждается анкетой, сделанной редакцией «Сиб. Зем.

¹ Поэтому Дербер и убеждал «горячо» иркутских эсеров в целесообразности интервенции [Кроль М. — «Вольная Сибирь». IV, с. 70].

² Наблюдения В. Н. Львова в Симбирске (неизданные воспоминания).

Недели» среди всех своих деревенских корреспондентов 20 апреля, т. е. при большевиках¹. Всякие анкеты относительно — нельзя этого упускать из вида. И все-таки показательно, что за большевицкую власть высказалось лишь 7. Некоторые волостные читатели на вопрос о власти промолчали ($1\frac{1}{4}$). 65% — 47 ответов — отнеслось отрицательно к большевикам. Отмечалось в ответах, что власть советов поддерживают большею частью пришедшие с фронта солдаты². К другим социалистическим партиям население равнодушно. Боятся налогов, эгоистические соображения на первом плане и т. д.

Деревню, у которой была «тоска по правительству, по власти»³, активной могла сделать или хорошая организация — здоровая, непартийная агитация, или сама власть большевиков. И, может быть, во многом прав Гинс, указывающий, что «борьба в Сибири началась раньше, чем население успело проникнуться ненавистью к большевикам» [II, с. 5]. То же нам скажет впоследствии участ-

¹ Обзор анкеты напечатан в «Сиб. Вест», № 35; большие выдержки у Гинса [I, с. 53].

² Обобщающие характеристики всегда вызывают возражения. Одни факты противоречат другим. Якушев в одной из своих статей говорит: «За время большевицкого управления сибирское крестьянство в целом, за исключением фронтовиков, было враждебно настроено к большевикам» [«Вольная Сибирь». IV, с. 106]. Вегман, автор статьи «Как пала в 1918 г. советская власть в Томске» [«Сиб. Огни», 1923, № 1, с. 132], будет подчеркивать правые элементы среди фронтовиков. Равно представитель Добр. армии ген. Флуг, проехавший всю Сибирь, найдет у большинства фронтовиков отрицательное отношение к большевикам. Пишон скажет со своего наблюдательского поста, что все приходящее с фронта сильно дезорганизовано [«Кр. Арх.». XXXIV, с. 155].

³ Эту знаменательную черту отмечает 12 марта эсер Неупокоев в письме из Иркутска в Харбин «Правительству Автономной Сибири», т. е. Дерберу. Между прочим, Неупокоев указывает и на другую важную черту для характеристики настроений деревни того времени. Говоря о ликвидированном противосоветском восстании в Балаганском уезде, он пишет, что, несмотря на «усмирение», движение разрастается, «оно может принять слишком большие формы и будет опасно кому угодно, так как не носит пока характера организованности борьбы за какие-либо определенные лозунги» [«Кр. Арх.». XXIX, с. 93].

ник приуральского рабочего движения, представитель знаменитых в летописи гражданской войны ижевцев и воткинцев: «Сибиряки, не пережившие большевизма, не хотели защищаться от него»... [«Берлинская Заря», № 6].

* * *

Совершенно естественно, что при организации боевых антибольшевицких сил приходилось идти по другому руслу — в другой среде вербовать эти силы.

Деятели Сибирской Думы, выступившие уже в роли историков сибирского движения, чрезвычайно преувеличивают организационную роль Думы. «Сибирское правительство, выбранное в тайном заседании Сибирской Думы 28 января, — говорит, напр., редакция «Вольной Сибири» [III, с. 7], — в сущности, являлась только главным революционным штабом, который подготовил свержение большевиков»... «Нелегальная Сибирская Дума не только сумела возглавить сибирское противобольшевицкое движение, но и освободить Сибирь от ненавистной населению власти большевиков». А дальше уже Якушев рассказывает, как были организованы опытными в создании конспиративных боевых дружин эсерами военно-революционные силы [IV, с. 100—103]. Должен признать Якушев, что подготовительную работу в значительной степени «облегчило то обстоятельство, что вся она велась в Сибири не от имени партии, а именем Сибирского правительства». Территория Сибири была разделена на два военных округа — Западный и Восточный. «В каждом из этих округов военное руководство было возложено на особые военные штабы, действующие в полном контакте с политическими комиссариатами Вр. Сиб. пр».

Не отрицая инициативы и энергии отдельных членов эсеровской партии, надо отметить, что в Сибири возникла совершенно самостоятельно и чисто военная организация. Напр., уже в ноябре в Томске, по инициативе кап. Кириллова, созданся офицерский отряд под названием «Белый легион» [«Вольная Сибирь». IV, с. 37]. В январе в Томске насчитывается три военных организации — одна из них эсеровская, которые до марта между

собой не имеют связи. В марте организуется штаб, по инициативе А. Пепеляева, и начальником объединенной военной организации становится полк. Сумароков — человек довольно правых убеждений. Помимо казачьих организаций, возникших в Забайкалье и на Дальнем Востоке, — о них будет сказано ниже — с декабря и в Зап. Сибири действуют казачьи организации, не связанные инициативой эсеровских эмиссаров, напр. омская казачья организация в ст. Атаманской во главе с Анненковым, субсидируемая торгово-промышленными кругами. Только казалось, что вся «правая» Сибирь равнялась «исключительно по партии соц.-революционеров» [Парфенов. С. 17].

Было бы большой ошибкой думать, что в эсеровские военные организации шли какие-то правомерно мыслящие социалисты-народники. Нет, шли, отыскивая хоть какой-нибудь точки опоры. Эсеры, или вернее фирма Сибирского правительства, и являлись такой опорой, в особенности при пассивности других политических групп¹. Поэтому так легко и охотно эсеровские военные организации шли на слияние с другими беспартийными организациями. В конце концов, вся эта вооруженная сила была чужда социалистической позиции Областной Думы и ближе себя чувствовала к «кружку» Потанина, наиболее решительно и бескомпромиссно отстаивавшего вооруженную борьбу с большевиками. Сомнительным эсером был атаман енисейского казачьего войска Сотников, первый в январе 1918 г. поднявший в Красноярске восстание. Таким же был и начальник Западн. военного округа подп. Гришин (псевд. Алмазов), о котором впоследствии омская «Заря» [№ 128] писала: он первый организатор и вождь армии, освободившей Сибирь; деятель «героического периода борьбы с советами». Числился в среде эсеров и начальник Восточного военного округа полк. Элерц-Усов и др. Они все тянулись к партии только как к возможному

¹ Прибывшая в марте в Омск делегация от Добр. армии во главе с ген. Флугом встретила, например, отказ со стороны официальных лидеров кадетской партии принять участие в активной работе против большевиков, они считали безнадежными выступления против сов. власти без поддержки со стороны союзных держав [«Арх. Рус. Рев.». IX, с. 251].

организованному центру. Поэтому так скоро между представителями партии и ими оказались коренные разногласия. И они стали с точки зрения правоверных партийных деятелей лишь «авантюристами».

«Отчет» ген. Флуга, возглавлявшего «сибирский отдел Союза Защиты Родины», дает довольно ясное представление о плане, к которому склонялись военные организации. Его можно уяснить себе на примере тех переговоров, которые у Флуга были в Томске. В первый же день приезда, 28 февраля, Флуг посетил Потанина. «Он оказался дряхлым старцем, с слабыми остатками зрения и слуха, живущим в крайне тяжелых материальных условиях». «Письмо Л. Г. Корнилова, — рассказывает Флуг, — которое я ему привез, мне пришлось самому прочесть Григорию Николаевичу вслух, после чего он, заявив, что по старости уже не принимает личного участия в политике, пригласил своего соседа А. И. Гаттенберга, рекомендовав мне последнего как общественного деятеля и вполне доверенное лицо, заменяющее его в кружке, названном его именем» [IX, с. 258]. «В результате полученных сведений, — продолжает Флуг, — убедившись, что программа потанинского кружка чужда идее сепаратизма, которая ей, по слухам, приписывалась, и близка к корниловской¹, а также, что беспартийная офицерская организация пойдет на слияние с так называемой эсеровской, делегация остальное время пребывания

¹ «Политическая программа ген. Корнилова», привезенная Флугом, между прочим, заключала пункты: «Сорванное большевиками У. С. должно быть созвано вновь. Выборы в У. С. должны быть произведены свободно, без давления на народную волю и во всей стране. Правительство, созданное по программе ген. Корнилова, ответственно в своих действиях только перед У. С., коему оно и передаст всю полноту государственно-законодательной власти. У. С. как единственный «хозяин земли русской» должно выработать основные законы русской конституции и окончательно сконструировать государственный строй». Последний пункт программы гласил: «...Польша, Украина и Финляндия, образовавшиеся в отдельные национально-государственные единицы, должны быть широко поддержаны Правительством России в их стремлениях к государственному возрождению, дабы этим еще более спаять вечный несокрушимый союз братских народов» [с. 286].

в Томске провела в переговорах с подп. Гришиным (оказавшимся лицом, обладавшим здоровыми военными понятиями) по вопросам о сближении обеих организаций между собой... о выработке общего плана действий и т. п., с тем чтобы работа вообще велась в направлении полного слияния под единоличным командованием и при политическом руководительстве кружка Г. Н. Потанина» [с. 259].

Соглашение легко достигалось, потому что к Корнилову в Сибири относились с открытой симпатией и доверием. «Имя ген. Корнилова в то время в Сибири в цензовых кругах и в части интеллигенции было окружено необычайным ореолом и пользовалось исключительным моральным авторитетом, — пишет с.-р. Колосов. — Сам факт связи с ним и с его организациями областники, впрочем, и не скрывали, так как об этом в «Сиб. Жизни» [№ от 28 августа] писал А. В. Андрианов. Насколько большим и непререкаемым авторитетом пользовалось в цензовых кругах имя Корнилова, показывает инцидент с бывшим министром Вр. прав. Н. В. Некрасовым. Он приехал летом 1918 г. в Сибирь, но его появление в Сибири подняло целую бурю в цензовой прессе и в цензовых кругах, потребовавших от Некрасова ответа за его поведение в деле Корнилова. После своего рода общественного суда над Некрасовым страсти разгорелись до такой степени, что он предпочел вернуться обратно в советскую Россию, несмотря на весь риск, связанный с таким переездом» [«Былое». XXI, с. 252—253]. Только почему Колосов говорит о «цензовых кругах»? Ни областники, ни кооператоры, с которыми был связан Некрасов, не могут быть отнесены к этим «цензовым кругам».

* * *

В марте—апреле некоторое единство между существовавшими военными организациями было создано. В Новониколаевске находился центральный штаб Зап.-Сиб. комиссариата Вр. Сиб. правительства — в него входили кооператор Сазонов, эсеры Фомин, Марков, П. Михайлов и Гришин-Алмазов.

Самой сильной военной организацией была омская «организация тринадцати», возглавляемая Ивановым-Риновым и насчитывавшая до 3000 человек (в нее входил отряд приобретшего потом печальную известность Волкова). Томская организация во главе с Сумароковым и Пепеляевым имела от 1000—1500 бойцов, новониколаевская во главе с Гришиным-Алмазовым — 600 человек, иркутская — кап. Калашников и полк. Элерц-Усов — до 1000 человек и т. д. Число всех организованных военных в Зап. Сибири к маю определялось в 7000 человек, разбитых на боевые дружины по пятеркам и содержавшихся в значительной части на счет местной кооперации¹. Объединение это создалось, однако, вовсе не на почве приобщения к лозунгам «господствующей партии»: пришлось сойтись на поддержании самой идеи власти, хотя бы данное содержание ее и представлялось неприемлемым». Так охарактеризовал положение дел, с точки зрения сибирского офицерства, Гришин-Алмазов в позднейшем своем докладе на Юге [Деникин. III, с. 94].

Военные организации готовились к перевороту. Пытались вооружиться — иногда даже производили нападения на склады оружия². Но все-таки они были слабы. Их состояние не давало возможности свергнуть власть без помощи извне. «Даже при наилучших условиях, — говорит Флуг, — офицерские организации в большинстве крупных центров не могли рассчитывать удержать захваченную власть более 1—2 недель, после чего неминуемо должна была наступить реакция» [IX, с. 271]. Но существовала какая-то слепая вера, что вопрос об интервенции союзников решен в положительном смысле, что начнется она около 1 июля, «причем корпус ген. Плешкова

¹ Указанная статья Якушева в «Вольн. Сибири»; Вегмана в «Сиб. Огнях», 1928, № 1, с. 141; Парфенов. С. 19. Большую роль играл, в частности, Закупсбыт, где работали многие из участников военных организаций (напр., Гришин-Алмазов). Поэтому впоследствии в Сибири острели, что государственная власть перешла к Закупсбыту.

² 15 марта восставшими была свергнута советская власть в Якутске и организован областной Совет «независимой Якутской области».

(на Д. В.) явится в роли авангарда союзных сил, которые числом до 100 тыс. человек уже сосредоточиваются в тихоокеанских портах» [Флуг. С. 256]... В связи с этой уверенностью выступление намечалось на конец мая. Едва ли этот срок имел какое-нибудь отношение к тому, что «приближался» срок, когда Дума назначила созыв сибирского У. С. Так предполагает Якушев [«Вольная Сибирь». IV, с. 106]. Большевицкие историки ставят это в связь с упомянутым в предшествовавшей главе совещанием, которое якобы было в Москве и после которого, 3 мая, в Новониколаевске был созван съезд нелегальных военных организаций для информации и инструкционных указаний [Парфенов. С. 20]. Съезд руководителей местных штабов военно-революционных организаций действительно в Новониколаевске 3 мая происходил. 14 мая в Челябинске состоялось совещание представителей чехословацкого командования — Гайды и Кадлеца, с центральным штабом сибирских боевых дружин (Гришин-Алмазов) и военным отделом самарского Комитета членов У. С. (кап. Каппель и полк. Галкин). «На этом совещании был выработан план будущего выступления», — утверждает Парфенов [с. 23]. Возможно, в датах здесь есть некоторая путаница, но факт несомненный, что Гайда и Кадлец, убежденные, как говорит Якушев, в том, что «вооруженный конфликт с большевиками неизбежен, вошли в половине мая в неофициальные переговоры с некоторыми представителями новониколаевского военного штаба» [«Вольная Сибирь». IV, с. 108] и по достигнутому соглашению Гришин-Алмазов отдал приказ о выступлении.

В конце мая с чехами и без чехов в ряде городов начались выступления. В Семипалатинске, Бийске, Омске, Красноярске большевицкая власть была свергнута до прихода чехословацких войск¹. В Томске восстание намечалось на 28 мая в связи с волнениями, происходив-

шими там на почве реквизиции церковного имущества в женском монастыре. Восставшие должны были в первую очередь разоружить в казармах мадьяр, представлявших главную силу большевиков. Из-за случайного предательства восстание началось не совсем удачно¹. Но большевики сами эвакуировали Томск 31 мая в виду слухов о приближении чехов, захвативших при участии барнаульской организации 26 мая Новониколаевск. Томск, следовательно, почти не оказал сопротивления, хотя там находился батальон «прекрасно вооруженных, дисциплинированных и готовых к борьбе мадьяр², хотя советская власть стояла «прочно и незыблемо», как извещала в день падения Томска большевицкая газета «Знамя Революции». В Томск вступил отряд Гайды и пробыл в нем два часа. Летопись событий отметит символическую картину, когда монархист полк. Сумароков и городской голова меньшевик Васильев вместе приветствовали чехословаков...

В Новониколаевске переворот «окончился в 40 минут»...

Я не буду следить за перипетиями борьбы чехов и за восстаниями, иногда при активном, а другой раз при пассивном их содействии. К началу августа почти все города Зап. Сибири были освобождены от большевиков³. Повсюду в городах появились «уполномоченные» Сибирского правительства. 1 июня «Западно-Сибирский комиссариат» в составе членов Учр. Соб. П. Михайлова, Маркова, Линдберга и председателя томской уездной земской управы Сидорова, обращаясь к «трудовой демократии», объявил, что временно до окончательного освобождения всей сибирской территории им принадлежит высшая местная власть, как уполномоченным Сибирского обла-

¹ Вегман. — «Сиб. Огни», 1923, № 1; Кириллов. — «Вольная Сибирь». IV, с. 39.

² Кармашев. Последние дни советской власти в Зап. Сибири. 1921, с. 10.

³ «15 июля было неудачное восстание в Иркутске, сопровождавшееся большим террором со стороны большевиков. Через месяц чехи взяли Иркутск “без единого выстрела” и были встречены населением (за исключением рабочих) с неподдельным энтузиазмом» (Кроль М. — «Вольная Сибирь». IV, с. 71–72).

¹ Совершенно очевидно, насколько был не прав владивостокский корреспондент парижских «Посл. Нов.» [21 дек. 1921 г.], изображавший начало антикоммунистического движения в Сибири 1918 г. связанным со случайным обстоятельством скопления чехословаков на Сибирской магистрали и столкновением с советской властью.

стного правительства. Задачею комиссариата «является создание правильно организованной военной силы, достаточной для утверждения народовласти и охраны жизни и достоинства граждан от всех покушений врагов демократического строя как извне, так и изнутри» [«Хр.». Прил. 41].

Фактически на освобожденной от большевиков территории правил начальник омских военных организаций Иванов-Ринов — опытный администратор и человек с характером, по выражению Гинса. Таким образом, осуществлялась временно «военная диктатура» по плану ген. Флуга [«Арх.». IX, с. 255].

3. Начало «атаманщины»

Позже эти первые дни рисовались «героическим» периодом борьбы с советской властью — порой общественного подъема и «великих надежд, объединивших всех и двигавших на подвиг» [«Заря»]. До некоторой степени это так и было. Пожалуй, только в Сибири на короткое время создался как бы единый противобольшевицкий фронт. Внутреннее единство, правда, было только казовым, но и его было достаточно для того, чтобы освободить Сибирь.

Если вы прочтете отчет о деятельности «делегации» ген. Флуга и одновременно повествование о тех же событиях бывшего председателя Сибоблдумы, вы ясно ощутите разницу восприятия. Эсеры считали, что власть перешла к ним. Военные расценивали обстановку по-иному, и на другой день после свержения большевиков начались коллизии.

Сибирская обстановка, конечно, мало соответствовала позиции, которую хотели занять представители Областной Думы. «Все слои, — вновь отмечает с.-р. Неупокоев, — положительно мучаются в тоске по власти». В этой политической атмосфере, когда речь заходит о власти, чаще всего тебе отвечают: «Хоть бы сам черт, лишь бы был закон и порядок». И от палат «буржуев» и «саботажников» до самых низов... ежедневно вы слышите смертельную тоску о скорейшем приходе этого «спасителя» [«Кр. Арх.». XXIX, с. 92)¹. Было совершенно очевидно,

что «политические младенцы» не могли быть у власти. С этим прежде всего не примирились бы те военные круги, которые представляли единственную реальную силу (из 40 т. добровольцев $\frac{1}{2}$ ее приходилась на казацкие организации).

* * *

Военная власть освобожденной Сибири, к сожалению, как бы с молоком матери, всосала в себя многие из тех черт «атаманщины», которые так пагубно отзывались впоследствии. Уже ген. Флуг в своем отчете отмечает недостатки местных казачьих организаций, делавшие их малопригодными в качестве опоры для будущей власти: «некоторая моральная распушенность, неразборчивость в средствах, стремление руководствоваться больше честолюбивыми побуждениями своих атаманов, чем сознанием гражданского долга»¹.

Конечно, эта «распушенность» отличала не только казачьи организации. Гражданская война, открывающая красивые страницы подлинного героизма, вместе с тем почти неизбежно разнуздывала общественные нравы. В своих показаниях, быть может, слишком сгущая краски, слишком обобщая, адмирал Колчак, строгий к себе и к другим, вспоминая период своего пребывания в Харбине (весной 1918 г.), рисует довольно безотрадную картину и военной и гражданской общественности: «Основная причина, почему нам так трудно было создавать вооруженную силу, — это всеобщая распушенность офицерства и солдат, которые потеряли, в сущности говоря, всякую меру понятия о чести, о долге, о каких бы то ни было обязательствах. Никто не желал ни с кем решительно

¹ «Арх. Рус. Рев.». IX, с. 252. Флуг передает отзывы того конспиративного кружка военных, с которым он в Омске вошел в сношения и который по политическим взглядам примыкал к правому крылу партии народной свободы.

А вот характеристика, данная ген. Степановым в докладе, посланном Деникину с курьером: «добрые малые, готовые на все, «кроме установления у себя хотя бы тени необходимого воинского порядка» [Деникин. III, с. 105].

¹ Ср. с мнением Жандра.

считаться — каждый считался со своим мнением. То же самое было и в обществе. Напр., в Харбине я не встречал двух людей, которые бы хорошо высказывались друг о друге. Ужасное впечатление у меня осталось от Харбина. Это была атмосфера такого глубокого развала, что создавать что-нибудь было невозможно» [«Допрос». С. 141].

Колчак рассказывает, как самостоятельно и стихийно создавались в Харбине и на Дальнем Востоке военные отряды. В Зап. Сибири мы видели большую организованность, но суть дела та же... Около есаула Калмыкова собирается группа офицеров в 70—80 человек; к ним примыкают уссурийские казаки. Таким образом появляется «отряд» атамана Калмыкова. Аналогичным путем организуется в Харбине отряд Орлова, примерно в 1000 человек, а раньше отряд Семенова; недостатка в добровольцах не было. Номинально подчиняясь какой-то высшей власти, «атаманы» действуют совершенно независимо — и особенно на Дальнем Востоке, где эти отряды поддерживают деньгами и оружием иностранцы. Сама «вольница» часто диктует атаманам свои условия. Между отдельными отрядами иногда идет глубокая рознь, например между семеновцами и орловцами. Отряды легко присваивали себе функции политической полиции и создавали у себя особые органы контрразведки. Никакой связи с прокуратурой не существовало, и само понятие «большевика» было до такой степени неопределенно, что под него можно было подвести что угодно... Самочинные аресты и убийства становились обычным явлением. «Я не могу сказать, — добавляет Колчак, — что это делали представители всех отрядов — у меня данных определенных нет. Я могу только сказать, что я сам был свидетелем того, что в Харбине арестовывали на улице вечером, и в этом отношении отдельные группы действовали совершенно независимо» [с. 127].

Каковы же были причины этой «распушенности»?

«Из разговоров с офицерами, — говорит Колчак, — у меня создалось впечатление, что эти органы (контрразведки) создавались по образцу тех, которые существовали в Сибири при советской власти. Во время большевицкой власти... в целом ряде пунктов по железной до-

роге существовали такие заставы, которые контролировали пассажиров в поездах и тут же производили их аресты, если они оказывались контрреволюционерами. По этому типу и эти отряды создавали у себя аналогичные органы. Они занимались совершенно самочинно осмотром поездов и когда находили кого-нибудь, кто, по их мнению, был причастен к большевизму или подозревался в этом, то арестовывали. Такие явления существовали по всей линии железной дороги. После моего прибытия туда, когда выяснилась эта картина, я беседовал с начальниками отрядов и говорил, что, в сущности, контрразведка должна быть только в моем штабе, так как существующие контрразведки мешают друг другу и портят все дело. На это мне совершенно резонно ответили, что мы боремся и то, что делали с нами, будем делать и мы, так как нет никакой другой гарантии, что нас всех не переобрежут¹. Мы будем бороться таким же образом, как и наш противник боролся с нами. За нами устраивали травлю по всему пути, а там, где мы находимся, мы обязаны таким же образом обеспечить и себя от проникновения сюда лиц, которые являются нашими врагами. Поэтому, хотя такие органы контрразведки никогда не значились официально, на деле они продолжали функционировать. В тех отрядах, которые мне были подчинены, мне удалось поставить дело таким образом, что о производившемся аресте немедленно сообщалось мне и прокурору. Арестованные лица передавались прокурорскому надзору, и там производилось быстрое расследование дела. Нужно сказать, что в Харбине ходило много рассказов относительно деятельности этих органов. Не знаю, насколько они были справедливы, но это был сплошной кошмар, стоявший на всей линии железной дороги, как со стороны большевиков, так и со стороны тех, которые боролись с ними. Для меня, как нового человека, эти рассказы казались совершенно невероятными. Я сперва не верил им и считал больше словами, но потом, конечно,

¹ Калмыкову приписывали такую фразу: «Перегрызай горло всякому большевику, а то он тебе перегрызет» [Революция на Дальнем Востоке].

ближе познакомился и увидел, что на железной дороге идет все время жесточайшая взаимная травля как со стороны тех районов, где хозяйничали большевики, так и в тех районах, где хозяйничали их противники. Методы борьбы были одни и те же».

«Когда факты самочинных обысков, арестов и расстрелов устанавливались, принимались меры, чтобы привлечь виновных к суду и ответственности?» — задает Колчаку вопрос один из допрашивавших, с.-р. Алексеевский.

«Такие вещи, — отвечает Колчак, — никогда не давали основания для привлечения к ответственности — было невозможно доискаться, кто и когда это сделал. Такие вещи никогда не делались открыто. Обычно происходило так: в вагон входило несколько вооруженных лиц, офицеров и солдат, арестовывали и увозили. Затем арестованные лица исчезали, и установить, кто и когда это сделал, было невозможно» [с. 129—130].

Часто мотивом здесь являлась прямая месть: «Люди, которые пробрались сюда с величайшим риском и опасностями, хотя бы через Слюдянку, где погибло, по крайней мере, до 400 офицеров; люди, прошедшие через эту школу, конечно, выслеживали лиц, которых они узнали в дороге, и, конечно, мстили. Для меня было ясно, что главным мотивом этой деятельности является месть, что все эти ужасы, которые творились по линии железной дороги, происходили на почве мести» [с. 136].

Гораздо более пристрастную характеристику «большевиков *saucе гоуале*» дает нам бар. Будберг в своем апрельском дневнике: «Разные вольные атаманы — Семенов, Орлов, Калмыков, своего рода винегрет из Стенок Разиных двадцатого столетия под белым соусом, послереволюционные прыщи Д. В., внутреннее содержание их разбойничье, большевицкое, с теми же лозунгами: побольше свободы, денег и наслаждений; поменьше стеснений, работы и обязанностей. Мне кажется, что большинство из них лишь случайно не на красной стороне¹: кому не пришлось по случайно сложившейся обстанов-

ке, а кто по привычке шарахнулся на свою, оказавшуюся белой, сторону. У многих все это случилось, конечно, невольно, и обвинять их самих было бы даже несправедливо» [XIII, с. 199]. Все-таки это было не так. Напр., «орловцев» Колчак, имевший с ними непосредственные отношения, характеризует как «твердых и честных людей». Во всех этих отрядах, без исключения, наряду с признаками «нравственного уродства и анархичности» было и «своеобразное идейное служение стране», как справедливо отметил в дневнике ген. Болдырев [с. 18].

* * *

Было ли аналогичное в Зап. Сибири при формальном существовании социалистической власти? Конечно, было. И едва ли кто сможет эти факты «распушенности» поставить в вину существовавшей власти. Послереволюционная анархия разрушила начала государственности, и восстановить их в сознании и в практике было нелегко. Власть была бессильна подчас бороться с «анархией»... Приходилось лишь надеяться, что с установлением нормального быта положительное начало возьмет верх над отрицательным.

14 июля отряд кап. Сатунина в 81 человек в с. Уллях Алтайской губ. объявил от имени Сибирского правительства республику и ввел военное положение до Учредительного Собрания [«Сиб. Вест.», № 25]. «Военное положение» всегда облегчает проявление «политической мести», увеличивает случаи расстрела арестованных «при попытках бежать» и т. д. и т. д. Как раз кап. Сатунин был предан суду за превышение власти и за незаконные расстрелы. Не приходится удивляться, что в освобожденной от большевиков Сибири в первые дни после переворота алтайский, бийский, енисейский и другие потребительские союзы¹ вынесли протест по поводу расстрелов «войсками Сибирского правительства кооперативных работников и общественных деятелей, не принимавших никако-

¹ Большинство этих отрядов, как показала последующая практика, было наиболее устойчиво в смысле своего антибольшевизма.

¹ Потребительская кооперация была повсюду наиболее большевистствующая. Это надо иметь в виду.

го участия в советских административных и военных органах управления» [Парфенов. С. 35]. 2 июля в «Алтайском Луче» мы читаем следующее письмо местного губернского комиссара труда В. И. Шмелева по поводу убийства кооператора Сычева, примыкавшего к большевистской партии.

«В покойницкой лежит труп члена правления алтайского союза кооперативов С. М. Сычева. Он сражен пулей, попавшей ему в лицо и снесшей череп.

Он вместе с другими заключенными (учителем Тихоновым и машинистом Дрокиным) переводился из одного места заключения в другое, из здания мужской гимназии в тюрьму. Но по пути, в Дунькиной роше, они все были убиты наповал, якобы при попытке побега, как объясняют конвойные.

Несомненно, попытка бежать из-под крепкого караула в числе пяти конных, хорошо вооруженных людей могла быть сделана после весьма зрелого и обдуманного намерения.

Но вот что я знаю о намерениях С. Сычева, которого я видел в день окончательного утверждения в Барнауле власти Времен. Сибир. правительства, когда он, встретив меня на улице, попросил проводить его в комиссариат. К нему, видимо, как к заведомому большевику и бывшему члену продовольственной управы, власти сделали на квартиру визит, но дома не застали, так как он все это тревожное время провел за городом, далеко от событий.

Он знает, что никаких обвинений к нему предъявить не могут, но общее нервное расстройство не позволяет ему сидеть дома спокойно и ждать возможных обыска и ареста, подвергаться риску случайных эксцессов... Поэтому он решил явиться в комиссариат с предложением арестовать его, если это потребуется.

Совместно с помощником уполномоченного Министерства продовольствия и снабжения, И. Петрашкевичем, я проводил его в следственную комиссию, где и был составлен протокол о его явке, о чем было доведено и до сведения военной власти. Сычева отпустили домой, так как никаких распоряжений и надобности в его аресте не было.

Позже он был все-таки арестован.

А потом его застрелили в Дунькиной роше при побеге.

Но зачем, спрашивается, было добровольно предлагать себя арестовывать, чтобы затем делать попытку к побегу?

Как для гражданской, так и для военной власти должно быть ясно, что подобные «случайности» разрушают необходимую работу по восстановлению гражданского правопорядка и всякая власть, какова бы она ни была, берущаяся его установить, должна решительно бороться с такими «случайностями».

Необходимо гласное и публичное расследование. Необходимо отвыкать от всего темного и закулисного, что нам оставляют за собой идущие своей чередой политические курсы и режимы...

В особенности молчать не имеют права сторонники и активные защитники Сибир. Врем. правительства, в платформе которого, наряду с другими свободами, значится также и гарантия неприкосновенности личности. Губернский комиссариат и политические партии требуют гарантий, чтобы подобные случаи больше не повторялись».

Как реагировала власть на требование Шмелева, мы не знаем, но мы увидим позже, как реагировали участники этой власти в отношении аналогичных случаев, имевших место при Верховном правителе адм. Колчаке.

Для борьбы с беззаконием в военных отрядах новая сибирская власть, по революционной традиции, пыталась назначать комиссаров, уполномоченных при командующих фронтами (напр., с.-р. Фомин при Гайде, В. Михайлов при Гусарике, командовавшем Барнаульским фронтом). Эсер Алексеевский в дни допроса адм. Колчака ехидно его спрашивал по поводу организации центральной контрразведки: неужели таким образом надлежало бороться с эксцессами? [с. 135]. Но что могли сделать комиссары Сибирского правительства хотя бы с таким, напр., самовластным начальником, каким был будущий ген. Гайда? Он с легкостью производил массовые расстрелы захваченных в плен мадьяр. Я говорю «с легкос-

тью», потому что мы увидим, что Гайда был вообще довольно жесток и беспощаден. Вот сцена, зафиксированная в воспоминаниях кап. Кириллова, напечатанных в «Вольной Сибири» [IV, с. 55]. На ст. Посольская был захвачен помощник Гайды полк. Ушаков. Он и его адъютант-чех были «зверски» убиты. «На лице полк. Ушакова было много штыковых ран — все лицо его было обезображено и изуродовано, уши, нос и язык отрезаны, глаза выколоты, все тело его также покрыто было глубокими штыковыми ранами». Тела убитых были подобраны сибирскими войсками и чехословаками и засыпаны полевыми цветами... «В этот момент доложили, что прибыла партия пленных. Гайда, не оборачиваясь, резко и твердо сказал: «Под пулемет». Партия пленных, где было много мадяр, была немедленно отведена в горы и расстреляна из нескольких пулеметов...»¹

Уполномоченным Правительством при I Среднесибирском корпусе был эсер Фомин. Падает ли на него ответственность за этот эксцесс?

4. Центральная власть

Члены Правительства, избранные на тайном заседании Сибоблдумы, пока еще были в нетях. Эсеры, вошедшие в Зап.-Сиб. комиссариат, несмотря на свое нерасположение к «буржуазии», не могли обойтись своими людьми при организации власти — страна и так была слишком бедна культурными силами. Гинс довольно образно рассказывает, как Михайлов, проявивший наибольшие организационные способности и тактичность, создавал деловой аппарат управления:

«Этот бледный человек, с горящими черными глазами, работал день и ночь. Он немедленно созвал совещание из всех общественных деятелей, выяснил положение финансов, продовольственное, нужды железных дорог, а затем приступил к формированию отделов управления и выяснению кандидатов на должности управляющих ими. Впрочем, совеща-

ние, где намечались кандидаты, было более интимным по составу: «буржув» на него не пригласили...

Кандидатов на все высшие должности было вообще очень мало. В тогдашних обстоятельствах найти их было тем труднее, что большевики еще не были отогнаны от Тюмени. Исход борьбы был далеко не ясен. Обыватель еще прятался в раковину. Омская кооперация заявила Иванову-Ринову, что она не будет вмешиваться в политику и останется только хозяйственной организацией — обычный прием уклонения. В этот момент нужно было проявить много мужества, чтобы встать во главе власти. Между тем нельзя было и прятаться за спины других. Несведущие, совершенно не подготовленные к практической работе люди могли сразу погубить начатое дело освобождения.

Не удивительно поэтому, что кандидаты намечались почти по наитию. Здесь не было, в сущности, выборов, а намечались жертвы общественного долга. Каждого приходилось упрашивать» [с. 87—89].

Фактическое правительство Зап.-Сиб. комиссариата было создано. Эсеры «максималистического» толка, по выражению Колосова, пошли на уступки общественности. Но на первых же порах стало проявляться принципиальное расхождение «делового аппарата» с теми, кто являлся формально представителем верховной власти. «По всем... вопросам, — говорит Гинс, занявший пост управляющего делами Правительства, — у комиссариата проявлялась либо нерешительность, либо прямая симпатия к сложившимся при большевиках порядкам. «Совдепы» должны быть сохранены как профессиональные организации для обеспечения завоевания революции... Денационализация может быть применена только по отношению к предприятиям, лишенным общественного значения... Земельные комитеты неприкосновенны... и т. д. [I, с. 93].

Неавторитетность ли комиссариата и неопределенность его полномочий или просто желание принять непосредственное участие во власти побудили, наконец, членов Правительства, избранных 28 января, взять бразды правления в свои руки. Инициаторами выступления, по словам Гинса, были Патушинский и И. Михайлов. Этот акт от имени Сибоблдумы санкционировал особой грамотой 30 июня председатель Думы Якушев: «Ныне по

¹ См. также у ген. Иностранцева «Первое поручение адм. Колчака» [«Белое Дело». I, с. 101].

прибытии в город Омск достаточного числа членов Правительства, избранных Сибоблдумой, Сибирское правительство в лице председателя Совета министров и мин. иностранных сношений П. В. Вологодского и членов Совета министров: мин. вн. дел В. М. Крутовского, министра финансов И. А. Михайлова, министра юстиции Г. Б. Патушинского и министра туз. дел М. Б. Шатилова — принимает на себя всю полноту государственной власти на всей территории Сибири» [«Хр.». Прил. 66].

Это была своего рода Директория, очень мало зависящая от того, что когда-то Думой было избрано какое-то Правительство. И, конечно, совершенно прав государствовед Гинс, отмечающий, что санкция, данная грамотой председателя Облдумы, не соответствовала положению, выработанному Думой о временных органах управления Сибирью, по которой верховная власть принадлежала самой Думе. Это было Правительство, созданное жизнью, идущей мимо нежизненных фикций и формальностей. Думы еще не было, а Правительство было налицо. И ему должна была принадлежать полнота власти на территории, освобожденной от большевиков. Это понял, по словам Гинса, Якушев, «тогда не успевший еще окунуться в партийную политику» [I, с. 97]. Но формально Правительство свою деятельность сцепляло неразрывными узами с Думой, что и послужило почвой, на которой выросли сложные и острые конфликты. В декларации Омского правительства 4 июля «торжественно» объявлялось во всеобщее сведение, что «ныне оно одно (т. е. Вр. Сиб. пр.) вместе с Сибирской Областной Думой является ответственным за судьбы Сибири... отныне никакая иная власть, помимо Вр. Сиб. пр., не может действовать на территории Сибири или обязываться от ее имени». Не упоминая больше о Думе, Правительство почитало «своим священным долгом заявить, что созыв Всесиб. Учр. Собр., которому оно передаст свою власть, является его непреклонным намерением, к скорейшему осуществлению которого оно будет стремиться всеми силами». Однако... Правительство полагает также совершенно необходимым объявить не менее торжественно, что оно не считает Сибирь навсегда оторвавшейся от тех территорий, которые в сово-

купности составляли державу Российскую, и полагает, что все его усилия должны быть направлены к воссоединению российской государственности» [«Хр.». Прил. 70].

Сдача власти комиссариатом не прошла без трений. Возникло некоторое колебание: сдавать или не сдавать власть?

«Случайно, — рассказывает Гинс, — я попал на совместное заседание членов Западно-Сибирского комиссариата и членов Сибирского правительства вечером 30 июня. Присутствовал и Якушев. Председатель Сидоров заявил, что комиссариат, прежде чем сдать власть, просит членов Сиб. прав. ознакомиться с их программой. «Это любознательность или условие?» — спросил Ив. Михайлов.

Сидоров не сумел уклониться от ответа. Тогда все прения направились в русло формального вопроса: может ли Комиссариат противодействовать вступлению во власть министров Сибирского правительства или ставить им какие бы то ни было условия? Имеют ли право пять министров требовать присвоения им прав, принадлежащих пятнадцати избранникам Думы, и кто правомочнее: пять министров или четыре члена комиссариата, получившие специальные полномочия от всего (!!) Правительства? Прения обострялись. Уже Патушинский заявил, что если комиссариат не создаст власти, то министры объявят об этом отказе всему населению. Уже, казалось, происходит разрыв сношений и переговоров, когда я взял слово и стал горячо убеждать комиссариат передать власть Сиб. пр-ву, потому что Сиб. пр-ву, а не отдельным лицам, присягали войска, от имени Сиб. пр-ва действуют все власти, за комиссариатом никто не пойдет, а авторитет власти будет расшатан».

«Вы правы!» — сказал мне Якушев, которого я тогда впервые видел. Подействовали мои слова и на членов комиссариата. Власть была передана. «Переворота» не потребовалось» [с. 98–101].

Для объективности следует прибавить, что Г. К. Гинс склонен вообще придавать своей инициативе несколько большее значение, чем она имела в отдельных случаях. Дальше нам придется встретиться с такими фактами. Сомнения у членов комиссариата возникали, вероятно, потому, что при новом Правительстве власть, как мы видели, прозрачная, ускользала от эсеров. В новом Пра-

вительстве только Шатилов был, по-видимому, строго партийным человеком. Уже престарелый Крутовский, издатель известных в свое время «Сибирских Записок», был близок по своему миросозерцанию к народным социалистам. Известный сибирский адвокат Патушинский, защитник при расследовании событий на Ленских золотых приисках, также примыкал к этой политической группе и входил в число областников. Присяжный поверенный Вологодский, заслуженный сибирский общественный деятель, прежде числившийся в рядах эсеровской партии, был от нее уже далек. Молодой ученый экономист Михайлов, сын известного народовольца, тов. председателя Петербургского союза сибирских областников, хотя и был членом эсеровской партии, но занимал позицию, в значительной степени ей противоположную.

Омское правительство состояло из «наиболее реакционной части» избранного в январе Сибирского правительства. Таков вывод советского историографа [*Владимилова*. С. 354].

Комиссариат уступил Правительству дорогу. Оно должно было явиться единственной полноправной властью для всей Сибири. Но за кордоном была еще группа, претендовавшая на всесибирское признание. Это та группа членов январского Правительства, которая во главе с Дербером выехала в Харбин. Пока не было очищено Забайкалье от большевиков (начало августа), две половины январского Правительства между собой сношений не имели. 29 июля Дерберовская группа, выехав во Владивосток, тоже объявила, что на основании полномочий Областной Думы вступает в права и обязанности центральной государственной власти в Сибири. У Владивостокского правительства было более «левое» настроение. [Его декларация и состав в «Хронике». Прил. 50, 51].

Таким образом, в Сибири появилось две власти, претендовавшие на центральное значение.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

На фронте Комуца

1. Три версии

Оставим пока Сибирь. Познакомимся с другим одновременно создавшимся противобольшевицким фронтом — фронтом Поволжским. Здесь волею судеб у власти также оказались социалисты-революционеры, но только в роли народных избранников — членов разогнанного большевиками Учредительного Собрания.

На Волжском фронте и роль чешского выступления была гораздо значительнее.

«Не правы те, которые теперь, задним числом, воображают, что чехословацкие части были факелом, который якобы зажег противобольшевицкое движение», — пишет в своем коротеньком очерке «Как подготовлялось волжское движение?»¹ один из членов партии с.-р. Брушвит, сам принимавший в нем активное участие. Конечно, совершенно правильно Брушвит говорит, что «в русской общественной среде готовились организованно к выступлению против большевиков задолго до прихода чехословаков». Но, поскольку речь идет о Самаре, фактически прав французский консул в Самаре, писавший Нулансу в августе: «Ни для кого ведь нет сомнения, что без наших чехов Комитет У. С. не просуществовал бы и одну неделю» [*Владимирова*. С. 356].

Участники самарского бедствия, естественно, склонны преувеличивать и свою роль, и свою инициативу. «Еще никакой Самары не было, а гражданская война уже гуляла в степях Заволжья», — пишет другой эсеровский деятель на Волге, Нестеров, имеющий в виду борьбу уральских казаков против советов и крестьянские восстания в Николаевском и Новоузенском уездах. Организацию и этой борьбы Нестеров склонен приписать своей партии,

¹ Напечатан в серии очерков о гражданской войне на Волге, помещенных по случаю исполнившегося десятилетия в «Воле России» [1928, кн. X, с. 93].

которая в лице областного Комитета заключила конвенцию с казаками относительно общего плана действия¹. Общее восстание «нормально», по словам Нестерова, «должно было произойти осенью». Но «история рядом с нашим движением и нашей подготовкой поставила в порядок дня другое событие: выступление чехословацких «легий» и тем нарушила естественный ход событий» [«Воля России». X, с. 109—119].

Брушвит придает еще более организованный характер самарскому начинанию — он ставит его в непосредственную связь с сибирским движением. Командированный для зондирования почвы и налаживания связи в Сибирь Брушвит встретил там организации, уже готовые «поднять восстание». В начале мая он сговорился в Томске с инициаторами сибирского выступления. Был выработан «общий тактический план», согласно которому с Волги должны были послать подкрепления в Сибирь. Сам автор, «фотографически» излагающий факты, тут же добавляет: «Это была романтическая идея» [с. 93]. «С чехами, — говорит он, — мы тогда даже и не считались, и не знали, что им тоже придется выступать». Дальше Брушвит сообщает, что он получил от Гришина-Алмазова телеграмму о назначении выступления на 15—16 мая. К этому времени пришло чехословацкое выступление, и Брушвит отправился в Пензу для «связи» с ними. Не в напечатанных воспоминаниях, а в свое время на митинге в Самаре² Брушвит рассказывал, что он был встречен вначале недружелюбно. Чехи вмешиваться не хотели, но тем не менее он убедил их двинуться на Самару.

Третий участник волжского движения с.-р. Лебедев, бывш. управляющий морским ведомством при Керенском, инициативу и организацию волжского движения приписывает центру. В своих воспоминаниях, напечатанных в той же «Воле России» [28, VIII] и по форме носящих

характер дневников¹, Лебедев так излагает разработанный в Москве план, отдавая пальму первенства, конечно, своей партии. В высоких тонах написан этот апофеоз:

«... Народные массы смотрели с надеждой на единственную большую партию соц.-рев., единственно могущую в это время поднять знамя борьбы против большевизма.

¹ Записи сделаны Лебедевым, как поясняет редакционное примечание, в дни, указанные в датах или несколько позже описываемых событий, но в 1918 г. Не сомневаемся, что записи эти делались, но надо предположить, что они подвергались существенным коррективам, иначе придется признать, что автор дает себе слишком нелестную характеристику. Лебедев, среди других входивший в «Союз Возрождения России», в брошюре, изданной в Нью-Йорке в 1919 г. и воспроизводившей доклад автора по приезде из России в заграничном «Союзе», называет «Союз Возрождения» объединением «руководящих элементов русской государственной жизни» [с. 11]. В брошюре Лебедев рисует идиллическую картину согласованной деятельности «Союза Возрождения», «Национального Центра», партии к.-д., савинковской организации, беспартийных офицерских организаций и партии с.-р. на почве восстановления общесоюзного фронта для борьбы с Германией. «Все ясно понимали, — писал Лебедев в своем докладе, — что большевицкая власть сама по себе не может долго продержаться, но нужен был какой-то толчок, какая-то внешняя сила, вокруг которой и под прикрытием которой могла бы сформироваться национальная сила. Таковой силой могли явиться или уральское казачество, ведущее у нас в течение 3-х месяцев ожесточенную борьбу против большевиков на Урале, или армия ген. Алексева, находящаяся на юге России, или же союзные войска... В конце мая мне пришлось ехать в качестве особо уполномоченного от этих общественных организаций на Волгу и дальше на Урал именно для ведения этой борьбы» [с. 12—14].

В своем «дневнике» Лебедев уже усиленно подчеркивает, что соц.-рев. к «белому» движению никакого отношения не имели. Лебедев, по-видимому, человек увлекающийся. Попав на Волжский фронт в среду своих партийных товарищей, он быстро изменил свои московские настроения. Но доклад г. Лебедева был сделан уже после ликвидации Самары. Следовательно, если не предполагать позднейшей ретушировки «дневника» согласно современным взглядам одного из редакторов «Воли России», политически шедшего до последнего времени в рядах «черновцев», мы будем иметь пример довольно исключительного двурушничества.

¹ Соглашение было выработано в июне. Между прочим, в проекте, опубликованном Лебедевым в «Воле России» [VIII, с. 69], подчеркивается паритетность в руководящем движении органо.

² «Вест. Учр. Собр.», 6 сент.; *Владимирова*. С. 322.

Все ждали в этот момент, что эсеры выступят против новых самодержцев. Что они прибегнут к своему обычному приему борьбы былых времен — террористическим актам — и что вслед за ними подымутся народные массы. Советская Россия в этот момент уже представляла собой насыщенный раствор, готовый для кристаллизации, и не хватало только сильного толчка, чтобы этот процесс начался.

Надо было иметь громадное мужество для того, чтобы, собравшись в самой крепости большевизма и на глазах у все-сильного посланника Германии, графа Мирбаха, объявить на всю Россию необходимость возобновления войны с Германией и большевиками. Партия это сделала¹.

Она первая и единственная сделала это. На Дону — Краснов, на Украине — Скоропадский и кадеты, в Финляндии — Маннергейм, в Москве — большевики пресмыкались перед победителем и, как во время татарского нашествия, из ханских рук получали власть над народом. Иные же боролись против большевиков, но оставались нейтральными по отношению к Германии².

8-й совет партии соц.-рев. не побоялся взять на себя инициативу борьбы как партия³ [VIII, с. 61–62].

«У нас не было сомнений, что местные военные организации при помощи уральского казачества и крестьянства быстро справятся с местными большевистскими силами.

Но справиться с местными большевиками было просто. Гораздо труднее было создать серьезный антигерманский фронт. Союзники (их представители) обещали прислать десант в Архангельск и в Сибирь через Владивосток.

Правда, и германцам было нелегко, даже опираясь на послушный им Совет Нар. Комиссаров, отправить сколько-нибудь крупные силы на Волгу. Они к тому времени безнадежно увязли на Украине, и рисковать посылкой войск за полторы тысячи верст от своих границ в глубь страны, обьятой восстанием, для них было бы громадным риском. На этом строились все наши расчеты. Вкратце план был таков. Восстание на Волге, захват городов: Казань, Симбирск, Самара, Саратов. Мобилизация за этой чертой. Высадка союзников в Архан-

¹ «Опираясь на финансовую и военно-техническую поддержку союзников», как говорилось в «тезисах» для партийных агитаторов, изданных на основе резолюции 8-го совета [Владимирова. С. 216].

² Намек на Добровольческую армию.

³ Восьмой совет партии происходил 20–27 мая, т. е. тогда, когда волжский план, по словам Брушвита, не только был разработан, но и осуществлялся.

гельске и их движение к Вологде на соединение с Волжским фронтом. Другой десант во Владивосток и быстрое его продвижение к Волге, где мы должны были держать оборонительный фронт до их прихода...

Волга была избрана как наиболее удачное место, потому что она была достаточно удалена от центра большевистских сил, потому что на ней происходил уже ряд стихийных крестьянских и городских восстаний, потому что на Волге имелось много эвакуированного с фронта вооружения и потому что она представляла собою естественный барьер, за которым легко было начать развертывание всех наших сил. И наконец, за Волгой уже боролось, и с большим успехом, демократическое уральское казачество и с ним крестьянство двух соседних уездов — Николаевского и Новоузенского.

Единственно, чего мы не знали, — это когда, где именно и как начнется наше восстание. Но мы глубоко верили в то, что оно начнется» [с. 63–64].

Раз неизвестно было, где и как начнется восстание, то, совершенно очевидно, не было и продуманного плана, а были лишь теоретические размышления, осуществление которых могло быть постановлено в зависимости от обстоятельств. Так и ставилось дело в «Союзе Возрождения». Поднимая вопрос о создании Восточного противогерманского и противобольшевицкого фронта, хотели избежать авантюры — они могли погубить борьбу за освобождение России¹. Ген. Болдырев, который будто бы вместе с Лебедевым разрабатывал возможный план восстания на Волге, ехал на Восток, а вовсе не на Волгу, для того чтобы «встать во главе вооруженных сил». Поэтому Болдырев без колебаний отклонил от себя сделанное ему в Самаре предложение занять пост военного министра [с. 28]².

Я остановился на трех указанных версиях организации борьбы с большевиками на Волге потому, что Са-

¹ Информация в Москве была очень слаба. См., напр., № 1 Бюллетеня «Союза Возрождения». Экземпляр передан мною в пражский Архив.

² О Восточном фронте, о предложении ген. Лаверна М. В. Алексееву прибыть в Самару, когда откроется возможность, «для руководства всеми войсками, действующими против большевиков» и о плане «крайних правых» по отношению к командованию За-волжским фронтом см.: Декинн. Т. III, с. 87–88.

марский фронт, созданный искусственно и преждевременно, возник, скорее, в противовес планам «Союза Возрождения» и «Национального Центра» — двух основных политических организаций того времени. Форсируя выступление в Самаре, творцы этого фронта хотели создать фронт Учредит. Собрания и тем самым поставить другие общественные группы перед совершившимся фактом. Без достаточной подготовки самарский план превращался в «авантюру». Идя вразрез с намеченными комбинациями, это выступление осложняло дело, а в своих итогах нанесло чувствительный удар антибольшевицкому движению.

2. В Самаре

«На Волге сосредоточивались эсеровские силы для борьбы за Учредительное Собрание, революцию и Россию», — говорит в своих первых записях Лебедев [VIII, с. 56]. Совершенно очевидно, что это не было знаменем «Союза Возрождения». «Союз» ударение делал на последнем слове и относился отрицательно к идее восстановления власти старого Учр. Собр., с которой носилась партия, не смогшая в январе этого У. С. отстоять.

Я достаточно подробно останавливался в книге «Н. В. Чайковский в годы гражданской войны» на позиции эсеров после октябрьского переворота, в дни защиты Учр. Собр. и начала гражданской войны¹. Позиция партии была двойственной и противоречивой с того момента, когда, по мнению соц.-революционеров, наступила гражданская война. Брушвит этот момент определяет разгоном Учредительного Собрания². Но в действитель-

¹ См. гл. II. «Большевизм и октябрьский переворот» — «Комитет спасения Родины и революции», «Борьба за Учр. Собр.», «Кризис революционной общественности».

² Другие такой датой считают октябрьский переворот. Поэтому совершенно неосновательно приписывать идею насильственного низвержения большевиков исключительно партии соц.-рев. Это делает Лебедев; это делает и другой самарский партиец С. Николаев в «Воле России»: «Партия с.-р. ранее всех поняла и правильно определила действительную природу большевиков и их власти. Для нее было ясно, что власть эта может быть устранена только насильственно и только организованными силами самого народа» [VIII, с. 235].

ности лишь с конца мая соц.-рев. более или менее захватывает идея Восточного фронта, лишь 8-й совет партии с большей определенностью устанавливает тезисы о внешней и внутренней войне. По показаниям на московском процессе 1922 г. одного из руководителей военной комиссии эсеров, Дашевского, в качестве центра был избран Саратов [Владимирова. С. 230]. Выступление чехов перевернуло все планы, и спешно была выдвинута Самара¹.

В Самаре существовала беспартийная военная организация во главе со шт.-кап. Галкиным, установившая некоторые отношения с местной группой эсеров. Силы ее были слишком недостаточны для самостоятельного активного выступления². Чешский генерал Чечек в своих воспоминаниях подчеркивает, что он и Брушвиту, и ранее прибывшему из Самары делегату говорил: «Мы в Самару войдем, но задерживаться в Самаре не будем, ваша организация это должна знать» [«Воля России». VIII, с. 257]. В то время как Брушвит вел «политические» разговоры с чехами в Пензе, Климушкин прощупывал местные партийные организации. Представители соц.-дем. ему ответили, что «местная организация принципиально разделяет позиции эсеров и является «сторонницей активной борьбы с большевиками», но в силу позиции Центр. Комитета партии вынуждена «воздержаться от активного участия в борьбе с большевиками» [«Воля России». VIII, с. 224]. Пошли эсеры «на всякий случай» и к кадетам. Представители местного губернского комитета задали интервьюерам вопрос: «Есть ли у Вас сведения, что чехи пробудут на Волге так долго, как это потребуют наши русские интересы?». Климушкин ответил: «Ни сведений, ни уверенности в этом у нас нет». Тогда председатель Комитета

¹ Позже в Саратове было подготовлено выступление, имевшее целью открыть советский фронт уральским казакам. Соответствующий разговор в 4-й армии был раскрыт в августе. [См.: Владимирова. Работа эсеров в 1918 г. — «Кр. Арх.». XX, с. 156–165.]

² Галкин был командирован штабом Добр. ар., но связей с последней не имел. Посланная позже из Добр. армии в Сибирь делегация во главе с ген. Флугом в марте не могла Галкина разыскивать в Самаре [Отчет о командировке. — «Арх. Рус. Рев.». IX, с. 249].

Подбельский заявил: при таких условиях кадеты будут считать организацию такого предприятия опасной¹. Согласилась поддержать эсеров только группа народных социалистов [там же. с. 225—226].

Совершенно непонятно при таких условиях заявление Лебедева (в упомянутом докладе), что власть в Самаре была вручена Комитету У. С. «по единогласному решению всех политических партий и общественных организаций» [с. 15]. Таково было решение только партии соц.-революционеров. На происходившем в Самаре 5 августа съезде членов партии, бывших на территории У. С., член самарского Комитета Голубков рассказал, что при обсуждении в Комитете вопроса об организации власти выявилось два течения: одно высказалось за создание коалиционной власти, включая к.-д., другое — за власть только членов У. С. «Остановились на последнем. С этим согласились и ЦК, и поволжские организации». Эсеры подменили, комментирует большевицкий историк, «намеченную в Москве Директорию “учредилровкой”». Эту «измену» позиции «Союза Возрождения» с.-р. Веденяпин на съезде объяснял так: «“С. В.” предполагал создать власть, основанную на военной (?) диктатуре, для чего имелось в виду выделить триумвират с неограниченными верховными полномочиями. Такая власть в настоящее «время не встретила бы поддержки со стороны населения»².

На деле все было еще проще. Пришли чехи и взяли Самару, «как граблями сено», по выражению Чечека [«Воля России». VIII, с. 211], — большевики сдали Самару почти без боя³. В операциях под Самарой приняли участие и местные военные организации, и «партийные силы». О последних подчеркнуто говорил на съезде Веденяпин. А

¹ Член партии к.-д. Соловейчик в своей брошюре «Борьба за возрождение», изданной в 1919 г. в Ростове-на-Д., говорит, что в середине мая к эсерам и кадетам в конспиративном порядке обращался французский консул Жано с предупреждением, что надо быть готовыми к свержению советской власти. Встречено было это сообщение скептически.

² *Владимирова*. С. 323—324. Автор пользуется протоколами съезда.

³ При взятии Самары у чехов было убито 7 человек; большевики потеряли 30.

мемуаристу Николаеву уже кажется, что Самара была взята «офицерскими и крестьянскими боевыми дружинами» до прихода чехов [«Воля России». VIII, с. 235]¹.

6 июня Комитет членов У. С. объявил о свержении советской власти и о принятии им на себя функций высшей государственной власти: «Собравшись в нашей штаб-квартире в 5 час. утра, — рассказывает Климушкин, — мы, все 5 членов У. С. (Вольский, Брушвит, Климушкин, Фортунатов, Нестеров), основная пятерка, взявшая на свою ответственность организацию вооруженного движения, сейчас же отправились в городское самоуправление и вступили в исполнение своих обязанностей» [с. 231]. Несколько по-другому изображает этот момент в своих воспоминаниях изменивший «учредиловцам» с.-д. Майский. С довольно злой иронией он говорит: «Вышепоименованная пятерка в чешском автомобиле и под чешской охраной была доставлена в здание городской Думы и здесь объявила себя Правительством» [с. 60]. Но и сам Климушкин на митинге в Самаре в начале сентября 1918 г. излагал обстоятельства, при которых появилось Самарское правительство, приблизительно так, как изображает Майский: «Когда мы ехали в Городскую Думу для открытия Комитета в автомобилях под охраной, к сожалению, не своих штыков, а штыков чехословаков, горожане считали нас чуть ли не безумцами... В первые дни мы встречались с величайшими трудностями... Реальная поддержка была ничтожна, к нам приходили не сотни, а только десятки граждан. Рабочие нас совершенно не поддерживали» [*Владимирова*. С. 324].

3. Народная армия

Народная власть в Самаре была поддержана «лишь небольшой кучкой интеллигенции, офицерства и чиновничества» (слова Брушвита на митинге). В беседе с самарскими кадетами Климушкин высказывал уверенность, что чехи «неизбежно задержатся на Волге долго» и «будут

¹ Помещая тут же воспоминания Чечека, редакция журнала даже не сделала оговорки.

искать контакта с русскими силами». И все же надо было быть готовым к тому, что чехи, согласно директивам свыше, покинут Самару. Единственной реальной вооруженной силой, которая могла быть в руках объявившего себя верховной властью Комуча, являлись на самом деле только добровольческие военные организации, т. е. фактически ставку эсерам приходилось делать на офицерскую среду. Что такое офицерство военного времени? Это — пестрый конгломерат, включающий все оттенки русской интеллигенции; эта ее органическая часть, в своем политическом и бытовом облике имевшая мало общего подчас со старым кадровым составом офицерства. Прежде всего, это новое офицерство было демократично. Его политические симпатии были столь же разнородны, как разнородно и все общественное мнение.

Самарское офицерство в большинстве, конечно, было беспартийно. Это вовсе не значит, что оно было «политически индифферентно», как думает Климушкин: «Плохо разбираясь в политике, оно было равнодушно к тому, с кем идти, лишь бы только драться с большевиками и поскорее их свергнуть» [с. 227]. Патриотический лозунг покрывал партийные знамена. Поэтому даже несочувствующая старому Учр. Собр. офицерская среда откликнулась на предложение совместного выступления и поддерживала Комуч, возглавивший антибольшевистское движение на Волге. Она приняла знамя Уч. Собрания, шла под водительством членов У. С., но делала прежде всего патриотическое, а не партийное дело. Едва ли в сердце у каждого был как бы заранее выгравирован лозунг — «военная диктатура», которым поступиться заставила лишь тактика.

Психология офицерства достаточно отчетливо выступает в воспоминаниях кадрового офицера полк. Степанова, напечатанных в кн. I «Белого Дела» («Симбирская операция»). Степанов командовал 1-м чехословацким стрелковым Яна Гуса полком¹. Лебедев дал ему такую

¹ Между прочим, он рассказывает, что еще в Тамбове, где чехо-словацкий корпус сосредоточился всеми своими силами эшелонами, он предлагал заместителю Масарика Богдану Павлу выступить на Москву. Но предложение это сочувствия не встретило.

характеристику в своих записях: «Симбирск 26 июля... Сегодня ночью... Мы сдружились — я и Степанов... В нем мне чувствуется (не ошибусь ли?) глубокий демократ, человек, бесконечно любящий Россию, и человек с огромной волей. Я стал ему говорить о своей заветной мечте — походе на Казань, Н. Новгород, Москву. Степанов весь загорелся... Мы переживали чудные минуты... Жали руки и заключали союз: идти на Москву, сделать все возможное, чтобы эта мечта превратилась в действительность» [с. 133]. Свои личные переживания Степанов излагает, приводя беседу под Уфой с одним из своих знакомых, «членом правого крыла кадетской партии». Последний говорил: «Монархические принципы так заплеваны и загажены, что вряд ли встретят какой-либо отклик среди народа... Потому, как это ни тяжело признать, монархические лозунги, если вы их выбросите, — потерпят фиаско. Мой совет вам вести деятельную борьбу под флагом восстановления погрязших прав 1-го всер. Уч. Собр.». «Долго думать не приходилось, — добавляет автор воспоминаний, — так как единственной реальной силой фактически были чехословаки, которые не сделали бы ни одного шага для борьбы с большевиками под монархическим лозунгом»¹ [с. 85]. Очевидно, Степанов, демократически настроенный, никогда не предлагал положить свой живот «во имя славного дела партии с.-р.», как выразился однажды Вольский. Неизбежно между руководителями партийной эсеровской политикой и этим

¹ Автор рассказывает о посещении полк. Чечека в Уфе делегацией от уфимского «монархического объединения» во главе с гр. Толстым. После его ухода Чечек в довольно грубой форме стал говорить: «До сих пор ко мне не явился ни один монархист, который предложил бы мне свою жизнь и силы для освобождения своей Родины от германских ставленников». Если Степанов верно передает квалификацию Чечека, то, по-видимому, последний не совсем разобрался в составе делегации, бывшей у него. Надо предполагать, что дело идет о гр. Толстом — известном уфимском земском деятеле, члене первой Госуд. Думы, редакторе «Уфимской Жизни», погибшем в качестве заложника в Сарапуле. Он принадлежал к партии к.-д. [Гутман. — «Белое Дело». III, с. 149; «Памяти павших». С. 62–63].

идейным офицерством (легко сказать «реакционным офицерством!») все глубже и глубже сказывалось расхождение. Вместе с тем начиналось со стороны офицеров и тяготение в Сибирь.

* * *

Господствовавшее среди офицеров настроение смущало самарских эсеров. «Мы ясно видели, — пишет Климушкин, — что офицерская среда чужда нам, положиться на нее целиком мы не можем. Но мы так были уверены в силе демократии, в силе тех масс, которые шли за нами, что офицерские планы нас не очень пугали» [с. 227]. Не столько эта уверенность, сколько сознание, что без офицерства бороться нельзя (слова с.-р. Утгофа), заставило с самого начала пойти на создание коалиционного военного штаба во главе с полк. Галкиным, которому были вручены «чрезвычайные уполномочия» при формировании армии и командовании военными силами [приказ № 1]. В штаб вошло 5 групп. Их так определил на партийном съезде докладчик, один из работников штаба, Грачев: 1) соц.-рев.; 2) беспартийные офицеры, организовавшиеся в подполье и работавшие с соц.-рев.; 3) беспартийные и неорганизованные офицеры; 4) организованные еще в подполье монархисты; 5) офицеры из Поволжского большевицкого округа. Главнокомандующим войсками Комуча был назначен чешский полк. Чечек.

Создавая армию, Самарское правительство начало с принципа добровольчества, приказ о чем был издан в первый же день [приказ № 2, 8 июля]. Отличительным знаком новой армии была принята георгиевская лента наискось околыша. Этим выражалась «идея беззаветного мужества». Эсеровские политики, публицисты и историки обычно в довольно восторженных тонах говорят о Народной армии и о поддержке, которую Комуч встретил в массах. «Характерно, что большевики замалчивают в своих газетах наше грандиозное восстание, — записывает Лебедев 26 июля. — Оно понятно, Учредительное Собрание и Народная армия так страшны для них, так популярны, что даже руганью сопровождаемые о них сведе-

ния являются пропагандой в нашу пользу». «Это ведь не Скоропадский с Красновым и Алексеевым», — патетически заключает автор свою тираду [с. 125].

В действительности же добровольчество не дало ожидаемых результатов. Ген. Болдырев, прибывший в начале августа в Самару, исчислял количество этих добровольцев в 3000 человек. Майский, бывший министром труда в Самарском правительстве, доводит число добровольцев до 5–6 тыс. Эти добровольцы вместе с чехами (3–4 тыс.)¹ и выносили всю тяжесть борьбы... Комуч вынужден был перейти к принудительной мобилизации всех родившихся в 1897–1898 гг. Население «предпочитало мобилизации», — утверждает Лебедев. После захвата Казани (7 августа) власть Комуча простиралась на губернии Казанскую, Самарскую, часть Уфимской и Симбирской. К моменту приезда Болдырева число мобилизованных определялось в 50–60 тыс., среди которых, по словам Болдырева, вооруженных бойцов насчитывалось лишь 30 тыс. Действительная сила превышала 10 тыс.

Можно было продекламировать, как это сделал на крестьянском съезде появившийся 20 сентября в Самаре Чернов: «Народная армия должна быть мужицкой» [«Вест. Ком. У. С.», № 63]. Но крестьяне в армию не шли² или шли неохотно. Это общий голос, а не только злопыхательство Майского, в своих воспоминаниях утверждающего, что объявление мобилизации сразу «испортило отношение между крестьянством и новой властью» [с. 158]. Данное мероприятие было воспринято крестьянством как покушение на свободы от всяких государственных повинностей, которые, казалось им, только что были завоеваны [с. 134]. Эти мобилизованные были глубоко заражены — дополняет со своей стороны Болдырев — тем «общим отвращением ко всяким жертвам государственного порядка, которое тогда резко проявлялось со стороны городского и деревенского обывателя» [с. 31]. У нас имеется аналогичное авторитетное свидетельство соц.-рев.,

¹ Позже число чехов на всех волжских фронтах, по-видимому, доходило до 10 тыс.

² Крестьянские отряды, не отличавшиеся, однако, большой устойчивостью, были в Вольске и Николаевске.

участвовавшего, как и Майский, в строительстве самарской власти, попавшего из Уфы в Советскую Россию, но не принесшего покаяния. Это Утгоф, начавший было печатать в «Былом» очерки из деятельности «учредилонцев» на Волге. В первом очерке он с достаточной категоричностью говорил, что борьбу вели чехи и добровольцы: «Народная армия лишь отягощала казну». Причину неудачи Утгоф видел в отвращении населения к жертвам — будь то власть советов, Учред. Собрания, Колчака [с. 16]. Оценки Утгофа совпадают с выводами Болдырева: «Народная армия... представляла боевой материал весьма невысокого качества и являлась скорее обузой, требовавшей значительных средств на ее содержание». К тому же организационные увлечения приводили к обычному бюрократизму: молодой капитан, начальник одного из главных управлений армии имел штаб в 65 человек и... «почти никакого имущества» [с. 57].

В своих воспоминаниях (послесловие к «дневнику» 1928 г.) Лебедев все последующие неудачи на Волжском фронте и деморализацию армии склонен объяснить тем разложением тыла, которое якобы специально производили эмиссары Сибирского правительства в купе с агентами генералов Алексеева и Деникина [VIII, с. 211]¹.

П. Н. Милюков в последней своей работе «Россия на переломе» утверждает, что причиной разложения Народ-

¹ Имеются у Лебедева аналогичные выпады и в «записях» 1918 г. «Снова черная сотня на помощь большевикам», — записывает он 26 июля по поводу какого-то призыва ген. Думбадзе к офицерам поступать в Сибирскую армию [с. 129]. В июле «черная сотня» в Сибири была в сущности эсеровская! Агитация Юга сказалась в том, что Добровол. армия в начале июля послала своего «агента» Моллера завязать связь с чехами [с. 185]. Об этом ниже.

Характерно, что в самые дни самарской эпопеи эсеровские политики, когда было нужно, козыряли своею связью с Добровольческой армией. Так, министр иностранных дел Веденяпин писал русскому посланнику Гулкевичу в Стокгольм: «Мы находимся в сношениях с Добровольческой армией на Сев. Кавказе, организованной ген. Алексеевым». Подчеркивание это было нужно Веденяпину для того, чтобы воздействовать на американцев [Шапиро Д. По Сибири. — «Сиб. Огни», 1922, № 3, с. 137].

ной армии являлось введение в нее «демократических» начал, погубивших армию в февральскую революцию. Подобное утверждение, как я указывал в своей критике работы Милюкова, можно делать лишь с очень большими оговорками, так как специфически «демократических» начал вовсе не было в обиходе Народной армии. «Левые» круги и большевистские историки предъявляют организаторам Народной армии как раз противоположные обвинения. «Кадром этой армии, — говорит советский военный историк¹, — являлась подпольная офицерская организация с определенно выраженным черносотенным и монархическим характером, в силу чего в этой армии начали вводиться и все старые дореволюционные порядки старой армии»². Помощники Галкина по организации армии эсеры Лебедев и Фортунатов (одно время Боголюбов) понимали, что пресловутая «демократизация» армии ведет только к ее ослаблению: никаких комитетов и комиссаров, беспрекословное исполнение всех приказов и военно-полевой суд для не исполняющих их — такова программа штаба в обрисовке Лебедева³ [Доклад]. Майский обвиняет самарских «учредилонцев» в том, что они боялись шевельнуть пальцем для осуществления действительной демократизации армии и без боя отдали «эту огромную силу в руки монархистов и тем самым подготовили собственную гибель» [с. 163]. Комитет У. С. не сумел подчинить себе армию и «превратился в ее игрушку» [с. 149]. Одновременно Майский совершенно правильно ставит общий тезис: «В 1918 г. для каждого из существовавших

¹ Какурин Н. Как сражалась революция. 1925, т. I, с. 156.

² «Я хорошо помню, — рассказывает Майский, — какой переполох произошел как-то на частном совещании наиболее влиятельных работников Комитета, когда член У. С. Н. И. Ракитников высказал мысль о необходимости в целях борьбы с реакционным духом в армии командировать членов Комитета в отдельные войсковые части в качестве комиссаров, наделенных широкими полномочиями» [с. 160].

³ Исключение среди большевистских историков представляет только Анишев, автор работы «Очерки истории гражданской войны 1917—1920» [Л., 1925], он говорит о «демократических бирюльках», ускоривших развал Самарской армии [с. 219].

тогда в России правительств вопрос об армии ставился так: кто кого? Правительство ли сумеет взять в руки защищающую его армию, превратив в инструмент своей власти, или же, наоборот, армия возьмет в свои руки охраняемое ею Правительство, превратив его в простую этикетку на своей винтовке» [с. 148]. Самарское правительство не сумело подчинить своему влиянию армию, но не потому, что оно стало игрушкой «банд» Галкина, как выражается в мемуарах бывш. министр труда Комуца, которому на первых порах по приезде из РСФСР все казалось «милым и приятным» у Самарского правительства: «никакого намека на социалистическую революцию» [с. 33], — армия разошлась с общей политической позицией Правительства и не хотела под чужим партийным соусом делать свое патриотическое дело. Поэтому так настойчиво, «почти ультимативно», один из самых доблестных вождей Народной армии, подлинный герой гражданской войны, погибший во время «ледяного» отступления в Сибири, полк. Каппель¹ заявил прибывшему Болдыреву (нач. августа) о «необходимости немедленно общего и политического объединения» [Болдырев. С. 31].

Этого объединения старалось избежать Самарское правительство...

4. Борьба с большевиками

Я не буду описывать ни боев, ни захвата городов — вообще не коснусь стратегии Волжского фронта. Это не входит в мою непосредственную задачу. Первые два месяца Народная армия — пусть главным образом добровольческая и чешская части — имела успех. Успех опьянял. Начало почти всегда сопровождается некоторым энтузиазмом. В добровольцы шли наиболее активные элементы. Плохо вооруженные, как и везде, добывая себе в боях патроны и снабжение (особенно тяжело — отмечает Болдырев — было уральским и оренбургским каза-

кам), эти добровольческие отряды мужественно боролись за освобождение Поволжья.

Чехословаки тоже переживали «медовый» месяц — месяц надежд и порыва. Они верили в помощь союзников, которая приближается. Представитель французской военной миссии в Челябинске Гинэ усиленно поддерживал эту версию [Масарик Т. Г. II, с. 83]. На запрос полк. Степанова Гинэ «дважды совершенно официально» заверил, что корпус японцев уже подходит к Чите и во Владивостоке высаживаются три дивизии французов, англичан и американцев, по прибытии которых чехам будет дан отдых [«Б. Д.». I, с. 89]. 28 июля Галкин на заседании Правительства делает «внеочередное заявление», со слов французского капитана Барда, прибывшего в Самару от Нуланса и ген. Лаверна, о помощи финансовой и материальной, которую союзники не замедлят оказать комитету У. С. [Журнал заседания № 17; *Владимирова*. С. 329]. Бард в Симбирске подтверждает Лебедеву, что союзники уже подходят к Вологде¹, и тем самым до некоторой степени провоцирует Лебедева на захват Казани.

Самарское правительство верит, рассчитывает и торопит с «интервенцией». «Во что бы то ни стало надо победить инертность американцев, — пишет Веденяпин Гулкевичу. — Их страх перед интервенцией в русские дела основан, очевидно, на недоразумении. Присутствие их в достаточной мере есть лучшая гарантия того, что военная поддержка союзников не превратится в интервенцию и длинную оккупацию... Каждое замедление в помощи союзников военной силой и продовольствием нам и чехам равносильно измене. Действуйте на общественное мнение в этом смысле». Так писал довольно «левый» по своим настроениям член партии соц.-революционеров. Самарский министр иностранных дел через некоторое

¹ Каппель с самого начала проповедовал согласованную борьбу с большевизмом, независимо от политических взглядов и партийной принадлежности. Его беседа с членом У. С. в Симбирске [Николаев С. Народная армия в Симбирске. — «Воля России». X, с. 126].

¹ На процессе эсеров в Москве Маршан обвинял французское генеральное консульство в сознательном обмане: «Оно вело целую кампанию лжи и преувеличенных слухов»... «Мне было приказано, например, сказать, что уже началась на Дальнем Востоке высадка японской армии в размере чуть ли не 200 000 человек, в то время когда сам генеральный консул сказал мне, что, может быть, японцы и не пойдут» [*Владимирова*. С. 214].

время получил ответ от французского министра иностранных дел Пишона. Тот писал: «Будьте уверены, что французское правительство приветствует всякий симптом национального пробуждения в России и всячески поддержит вас в вашей задаче ее воссоздания». Люди верили. Близкая возможная помощь окрыляла надеждами.

Окружающие настроения содействовали некоторому самооболащению. Лебедев, с излишним упоением говорящий в своем «дневнике» о влиянии эсеров в деревне [с. 93], в одном прав: на левом берегу Волги создалось определенно враждебное отношение к большевикам. Не только в деревнях, близких к восставшим казакам, но почти повсеместно. У меня сохранился доклад лица, командированного из Москвы на Восток «Союзом Возрождения»¹. Рассказывая о встреченном им антибольшевическом настроении, он передает, между прочим, что чуваши и черемисы избивают людей с советским паспортом и красноармейских разведчиков. Несомненно, настроение такое было создано многочисленными карательными отрядами большевиков, которые прошли по Заволжскому краю и которые повсеместно возбуждали крестьянские восстания. Последние, естественно, учащались по мере продвижения Народной армии и вместе с тем содействовали этому продвижению.

Большевицкий историк гражданской войны на Урале (Подшивалов), описывая взрыв крестьянских движений на Южном Урале и в Поволжье [с. 123], должен признать «политически-психологическую неустойчивость масс»: «Деревня за деревней выходили с ружьями, с вилами, возникли крестьянские штабы, руководившие восстанием, появилась знаменитая крестьянская конница, вооруженная одними косами, но смело выступавшая против винтовок и пулеметов и вооружавшаяся потом захваченным в бою оружием». Такими восстаниями весной и летом 1918 г. были охвачены Самарская губ., Красноуфимский и Шадринский уезды Пермской губ., часть Бирского, Уфимского и Златоустовского уездов Уфимской губ., вся северная часть Оренбургской губ.

¹ Он передан в пражский Архив.

Лебедев, как всегда, когда дело хоть косвенно затрагивает эсеров¹, в повышенных тонах описывает восторг населения при падении большевицкой власти.

«В самой Казани население встретило нас с беспредельным восторгом. В течение 34-х дней, которые мы там оставались, во всех церквях служились молебствия, в мечетях то же самое. Железнодорожные рабочие образовали дружины против большевиков; университет целиком примкнул к нам, городское и земское самоуправление приняло самое деятельное участие в работе по защите города, по организации всего движения и по пропаганде в пользу формирования Народной армии. На текущий счет фонда Народной армии, учрежденного мною при Госуд. Банке, в течение нескольких дней поступило свыше 8 млн рублей... Состоятельные классы обложили себя добровольным пожертвованием на Народную армию в сумме 30 млн рублей. Я просил мусульманское население дать мне кавалерию, и в течение суток был сформирован эскадрон кавалерии. Студенчество горячо откликнулось на призыв и вместе с лучшей частью рабочих пошло в добровольческие полки. Офицерство сформировало четыре инструкторских батальона, где оно дралось простыми рядовыми. Была создана могущественная артиллерия. В Казани большевики несколько раз производили мобилизацию лошадей, и поэтому было весьма ограниченное количество лошадей; но, когда я обратился к Городской Думе с просьбой доставить мне лошадей, гласные в течение ночи бегали по всему городу и к утру было приведено 1500 лошадей. Крестьяне из окрестных деревень вели лошадей для Народной армии. Даже те, у кого было только 2 лошади, вели к нам одну на Народную армию».

В противовес позднему заявлению Майского Лебедев подчеркивает сочувствие рабочих и непосредственное подчас их участие в антибольшевицкой борьбе (Сызрань, Симбирск, в Уфе создан особый отряд из железнодорожников). Под 26 июля у него, между прочим,

¹ К этому мемуаристу более чем к кому-либо следует отнести пожелание, которое высказывает в той же «Воле России» Сухомлин: «Мы вправе ожидать от с.-р. не аполгии своей партии, а беспристрастного изложения фактов [«Политические Заметки». X, с. 156].

записано: «Сегодня пришла пробравшаяся делегация от сормовских рабочих из Нижнего Новгорода» [с. 128]¹.

Каково было местами настроение, показывает знаменитое в летописи гражданской войны августовское восстание в Сарапульском уезде во главе с рабочими Воткинского и Ижевского заводов. Это движение, проникнутое, как нигде, идеалистическими побуждениями, показывает, каких результатов можно было бы достигнуть среди населения при подходящих условиях. Конечно, и на отдаленном от Самары фронте, в сущности, действовало только меньшинство, и здесь мы встретимся с ослаблением жертвенности по мере растущих затруднений. Это естественно, и не только в период гражданской войны настроения быстро меняются². И

¹ На сормовских заводах было ярко антибольшевицкое настроение. Когда в июне большевики поставили вопрос о национализации заводов, из 18 тыс. высказалось «за» — 300 и воздержавшихся было 150 человек. В том же июне латышским отрядом была разогнана беспартийная конференция рабочих. Участник этой конференции Уповалов говорит, что здание конференции было окружено несколькими тысячами рабочих [«Заря». Берлин, 1923, № 2].

² И чем менее культурен человек, тем большую роль играет у него настроение. Это правильно отметил, говоря о настроениях Сибири, передовик газеты «Сибирь» [№ 52]. Может быть, в этом отчасти ключ к загадке, которую с некоторым недоумением должен отметить Сухомлин в «Воле России»; одни и те же рабочие, крестьяне, солдаты во время революции переходили из одного лагеря в другой [X, с. 158].

В ижевском и воткинском движении, в сущности, такой перемены настроения мы не замечаем — оно оставалось резко антибольшевицким. Было ослабление воли и жертвенности в широкой массе, когда начались в сентябре тяжелые дни. Тогда на изолированном, предоставленном самому себе фронте начинает замечаться ослабление активной поддержки повстанцев со стороны крестьян [Какурин. I, с. 97]. По свидетельству участника движения Уповалова, по мере увеличения армии (она под руководством на Воткинском фронте кап. Юрьева и на Ижевском под начальством кап. Федичкина достигла более 30 тыс. бойцов, имела 100 орудий, несколько сот пулеметов, взятых в боях) вообще ухудшилось ее качество [«Заря», № 4]. Исполнительный комитет принужден был даже утвердить применение смертной казни за бегство с фронта; смертная казнь была введена в октябре распоряжением штаба Нар. армии [«Ижевск в огне». с. 76; Гутман — «Белое Дело». III, с. 157].

все-таки народное движение в Сарапульском уезде при всем трагизме своего исхода — отрадное явление народной жизни. Русский народ не такое уж быдло, как готовы изображать иностранные участники гражданской войны в России. Одно существование Ижевско-Воткинского фронта опровергает само по себе «непреложный факт», который открыла впоследствии некоторая часть эмигрантской демократической публицистики, а именно: «народ этой войны упорно не принимал» [Вишняк М. — «Сов. Зап.». X, с. 474].

Сознательное меньшинство среди повстанцев стойко выдержало испытание, до конца выполнив клятву, о которой говорит тот же рабочий Уповалов, — не положить оружия в борьбе с большевицкой деспотией до тех пор, пока в России не взойдет солнце свободы [«Заря», 1923, № 4]. Мы встретимся с ними в Сибири — это были лучшие части колчаковского войска, соединившиеся с Сибирской армией ген. Пепеляева и эвакуировавшиеся вместе с частью населения (20 тыс.) с родины. Под руководством Каппеля они прошли всю Сибирь — сделали свой «ледяной поход». Без достаточного основания все заслуги по организации и руководству этим уральским движением деятели Комуча приписывают себе. Восставшими была формально признана власть образовавшегося прикамского Комитета У. С.¹. Все движение отнюдь не было связано с агитацией эсеров и возникло в значительной степени наперекор официальной позиции с.-д. Движение носило совершенно самобытный характер. Возникло оно в союзе фронтовиков, где существовала нелегальная «офицерская» организация во главе с кап. Юрьевым («монархистом» — по квалификации с.-р. Ракитникова. Гутман называет его соц.-демократом). Получилось красивое содружество ко дню восстания 8 августа. 200 офицеров, работавших на заводах (в большинстве, по-видимому, принадлежавших к местному рабочему

¹ Ган (Гутман) в цитированной статье («Два восстания») указывает, что никакого энтузиазма здесь не наблюдалось. В роту Учр. Собр. записалось всего несколько человек учащихся и интеллигентов [«Белое Дело». III, с. 152]. См. также его книгу «Россия и большевизм» [ч. I, Шанхай, 1921].

и крестьянскому населению), организовали армию. Крестьяне дали хлеб и обмундирование. Рабочие были то у станка, то временно уходили на фронт [Уповалов]. Примкнули к организации и эсеры, и отчасти меньшевики.

Непосредственного отношения к деятельности каких-либо партийных организаций не имело и августовское восстание в Красноуфимском уез. Пермской губ., а равно и партизанские отряды в Осинском и Мензелинском уездах¹.

Успех легкого продвижения чехов и Народной армии в первые два месяца объясняется и состоянием военной силы большевиков. Лучше вооруженная, значительно превышавшая Народную армию по количеству, техническому оборудованию — артиллерией, броневидами, пароходами — большевицкая армия на Волге еще не представляла собой серьезной активной силы. Советской власти действительно приходилось опираться на интернациональную рать латышей, китайцев, мадьяр и добровольцев-коммунистов. Только эти части дрались хорошо. Среди бумаг Лебедева сохранилась показательная телеграмма командовавшего фронтом Вацетиса из Сарапула в Москву 9 августа. «Бои за Казань, — сообщает Вацетис, — обнаружили совершенную небоеспособность рабочих дружин, организация каковых существовала лишь на бумаге... К вечеру шестого все рабочие боевые дружины рассеялись... Войска оказались крайне недисциплинированными... вся тяжесть обороны легла на пятый латышский стрелковый полк... Что касается русских частей, то в своей массе они оказались к бою совершенно неспособными» [с. 161]. Приводит Лебедев и другой документ, попавший в руки вождям Народной армии под Симбирском: лента переговоров по юзу Тухачевского, находившаяся в Симбирске, с матросом Пугачевским, командовавшим на линии железной дороги. «Что же, — говорил

¹ На Урале вообще были особые условия. «Брест-Литовский мир оказался, — рассказывает рабочий Струмилло в «Записках», также напечатанных в берлинской «Заре» [1923, № 4], — поворотным пунктом в настроении рабочих». Забастовавший Верхне-Тагильский завод, бывший цитаделью большевиков, превратился во враждебный им лагерь.

последний, и тут следовало невыразимое ругательство, — не присылаешь подкрепления. Сколько раз я тебе говорил: присылай».

* * *

«Разве же не знаешь, — отвечал другой, и следовало то же самое ругательство, — что вся моя сволочь разбегается».

Сами большевики должны признать, что известный приказ назначенного командовать фронтом «левого с.-р.» Муравьева о прекращении гражданской войны и заключении мира с чехословаками был встречен его армией очень сочувственно [«Прол. Рев.». Кн. 75, с. 65]. Может быть, Муравьев и образовал бы свою «левоэсеровскую поволжскую республику» в Симбирске, а затем и перешел бы на сторону уже настоящих противников большевиков¹ — ничего принципиального в этом типичном авантюристе не было, — если бы так глупо не попался в лапы латышского отряда.

Первоначальный успех рисовал перед экспансивным Лебедевым уже в ближайшей перспективе Москву. Он недоволен, что Комуч и штаб сдерживают его пыл: «Наш единственный, но верный шанс на победу — безостановочное движение вперед. Комуч должен быть правительством в вагоне и идти за армией в Москву, пока большевики дезорганизованы» [с. 125, 128—129]. Принцип в гражданской войне в общем, быть может, и правильный. В элементарной стратегии волжского воителя, б. лейтенанта французской службы, все, однако, слишком упрощено: «Мы шли по Волге так же, как шли к Симбирску, т. е. оставляя вправо и влево на берегах Волги значительные отряды большевиков, не обращая внимания на то, что делалось по бокам и сзади нас, как бы загипнотизированные одной мыслью — взять Казань... Большевики, не ожидая такой необычайной дерзости, не предприня-

¹ В приказе Муравьев предписывал двигаться вместе с войсками Народной армии против Германии [«Воля России». VIII, с. 209]. Любопытно, что 4-й губ. съезд советов одобрил поведение Муравьева и убийство Мирбаха [«Пролет. Рев.». Кн. 8].

ли никаких мер для нашей встречи» [Доклад. С. 39—40]. И Казань была взята вопреки прямому запрещению командовавшего войсками Чечека.

Лебедев своей экспансивностью заразил и Степанова, и Каппеля, и доблестного Швеца, самоубийство которого, столь похожее на кончину нашего Каледина, запечатлело его имя на страницах мировой истории. И тот и другой своей смертью хотели остановить начинавшееся разложение — перед одним были казаки, перед другим чехословаки. Среди освободителей Казани был и вскоре погибший под Зеленым Долом сербский майор Благодич с отрядом в 300 человек¹. Лебедев кокетничает в своих воспоминаниях, рассказывая о письме Фортунатова в Комитет У. С. с просьбой отдать всех под суд и расстрелять для примера войскам за неисполнение боевого приказа. На победителей сыпался «град поздравлений» — от Комуча до Чечека². Взятие Казани передавало новой власти сконцентрированный там значительный золотой за-

¹ При взятии Казани 10 чел. сербов во главе с музыкантами, игравшими «Марсельезу», привели в крепость сдавшийся им латышский полк.

² Как легко *post factum* создавать легенды, видно из освещения вопроса о взятии Казани, которое начинает просачиваться уже в литературу. Лебедеву теперь кажется, что отмена Чечком продвижения на Казань была сделана под влиянием «агентов» Алексеева и Деникина. Добровольческая армия сама первой хотела выйти на Волгу [Примечание 19; «Воля России». VIII, с. 185]. Автор книги «Чехословаки в России» (1928), русский чех Драгомирецкий, использовавший огромную литературу, но, к сожалению, не всегда в ней разбирающийся — мешала оправдательная тенденция, которая сквозит в труде, взятие Казани приписывает уже интриге Сибирского правительства [с. 182]: Сибирь-де не хотела соединения с Деникиным, которое произошло бы, если бы был взят Саратов, как желало верховное чехословацкое командование. Таким образом, г. Лебедев выступает здесь как бы в виде «агента» Сибирского правительства! А вот объективный ход событий. Вольский пишет Лебедеву 16 августа: «По нашим сведениям к Саратову приближается Алексеев, но не будет брать Саратова, если мы двинем туда свои силы» [«Воля России». VIII, с. 168]. Добр. армия была далека от принципа конкуренции в гражданской войне.

пас. Но в действительности Казань смогла удержаться в руках Народной армии только в течение одного месяца.

Ген. Андогский, начальник Военной академии, «плененный» в Казани, превозносивший «таланты» эсеровских стратегов, в разговоре с Зензиновым докладывал, что взятие Казани является «одним из замечательнейших событий военной истории». «Кажется, — рассказывает Майский, — он сравнивал его с взятием Очакова Петром Великим» [с. 28]. Но победа под Казанью, скорее, пиррова победа. Этого не хотели понять Лебедев и Фортунатов. «Одержанная победа пьянила им голову, и они с уверенностью утверждали, что не позже как через два месяца все мы будем в Москве» — так говорил Лебедев Майскому при встрече в Казани [Майский. С. 27]. Сам Лебедев записывал: «Сегодня ночью (4—5 августа) был заключен настоящий союз. Степанов и Каппель после моих речей о будущих походах подали друг другу руки и дали слово идти на Москву. Я... (многоточие у автора. — С. М.), а Фортунатов сидел и блаженно улыбался. Это было в каюте доктора Григорьева, недавнего приверженца Савинкова, пробившегося к нам. Милый доктор просветлел, улыбнулся и записал дату в свою книжку. Эта дата... Здесь снова решалась судьба России. Здесь из мечтаний о Москве выросла железная решимость дойти до Москвы. Как чудесно жить на свете!.. Моя мечта о Москве сбывается... Иначе и жить не стоит. Ночь эта была в Богородске на Волге» [с. 150]. Сцена, зарисованная наподобие исторической клятвы Герцена и друзей на Воробьевых горах под Москвой, в XX веке не имеет той наивной романтической прелести, которая веет со страниц «Былое и думы». В этих строках подражания знаменитому образцу чувствуется лишь искусственность и литературная фальшь.

... «Если бы в это время обещанная помощь (со стороны союзников) нам была бы оказана», — говорил впоследствии в своем докладе Лебедев, — если бы у нас в это время было хоть два лишних полка, мы, несомненно, двинулись бы к Н. Новгороду и положение было бы совершенно иным... Но у нас не было лишних сил... [с. 47].

Если бы мы знали наверное, что те части японцев и американцев, составляющие в общем не менее 50 тыс.

человек, которые высадились во Владивостоке, и не подумают прийти к нам в ближайшее время на помощь, если бы мы знали, что наш фронт предоставлен самому себе и чехам, то весьма вероятно, что мы, вместо того чтобы пробивать дорогу во Владивосток и растягиваться на протяжении 7 тыс. верст в глубину и 500 верст в ширину на одном Волжском фронте, сконцентрировали бы все свои войска, двинулись бы на Москву еще в июле или начале августа месяца после взятия Казани и судьба России была бы иная, потому что вместе с падением Москвы рухнуло бы и влияние советской власти. Для этого марша у нас было достаточно сил, но у нас не было достаточно силы для него при условии защиты Волжского фронта и ожидания союзников, которые все не шли» [с. 49–50].

Все это — «стратегическая» фантазия. Более уравновешенный Вольский писал Лебедеву 16 августа: «Думаю, что едва ли правильно оторвать фронт еще дальше Казани. Сил не будет впредь сдерживать врага. Чехи истощены. Наши молодые силы невелики и накаплиются медленно». Лебедев и в комментариях 1928 г. к «дневнику» отстаивает правильность своей тогдашней позиции, причем он рисует картину, которой, как мы видим, не было в действительности.

«Демократические и социалистические силы, сгруппировавшиеся вокруг Комуча, мощные на Волге, бывшие в состоянии бросить в августе месяце все свои вооруженные части вперед и идти в случае возможного успеха в центр России и к Москве, превращая «Волжский фронт» из гипотетического «Восточного» во фронт борьбы за немедленный захват власти, не могли этого больше сделать в ноябре 1918 г. Их связывали общая с их разногласными союзниками военная и административная организация и проигрыш кампании на Волге, происшедший как раз в этот период на почве обороны, диктовавшей идеей превращения Волги в «Восточный фронт». Этот проигрыш обессилил силы демократии и открыл силы реакции...

Все остальное явилось логическим выводом из этой основной предпосылки. Сжатые между реакцией и большевизмом партия и руководимые ею массы прекратили вооруженную борьбу» [с. 211].

Виновников отыскивать легко¹. Но именно в августе, в «момент наивысшего расцвета политического и военного могущества Комуча», началась на фронте неудача.

В августе — в начале августа — отмечает уже Болдырев разложение армии, организация которой едва еще началась. Боевые запасы приходили к концу, а союзники занимались пока больше «советами». Начинается отступление — в сентябре армия разбегается по домам или переходит на сторону «красных» [Какурин. I, с. 157]. Большевицкого военного историка можно заподозрить в пристрастии, но, в сущности, об этом говорят факты. И Майский утверждает, что мобилизованные не сражаются [с. 260], и чех кап. Голечек говорит, что Народная армия в «критический момент напора большевицких сил почти совершенно разваливается»², и Савинков отмечает, что Казань защищает чешский полк Швеца и после смены его только офицеры-добровольцы [Владимирова. С. 336]. Спасти положение дел не могли уже ни латышские батальоны, которые пытается организовать Брушвит³ для сопротивления «нападающему германскому империализму», ни партийные добровольческие боевые дружины, оживить которые стараются в Самаре [Майский].

Самарские политики всю вину пытаются возложить на других. Большевики перебросили на Волжский фронт якобы 150 тыс. и получили в свои руки чье-то опытное руководство. (Тогда успехи большевиков объяснились участием немецких офицеров и даже немецких регуляр-

¹ Повествование Лебедева с оттенком большого самохвальства следует сопоставить с критическими замечаниями Дикгоф-Деренталя [Из перевернутых страниц. — «На чужой ст.», 1923, II]. Между прочим, по его словам, при взятии Казани значительную роль играли остатки савинковского отряда, спустившиеся после неудачи в Рыбинске и Ярославле вниз по Волге. Из семи участков четыре держали члены Союза Защиты Род. и Св. [с. 59].

² В 1919 г. в Иркутске Инф.-просв. отделом чехосл. воен. мин. была издана брошюра Голечека «Чехословацкое войско в России», с. 77.

³ Собрание 26 августа в Самаре, на котором, по отчету «Сибири» [№ 39], присутствовало до 400 представителей местных латышей.

ных частей¹). В этот момент Дутов, вступление которого в Комуч довольно торжественно приветствовалось эсерами 15 июля, не помог со своими оренбургскими казаками — не помог потому, что радовался-де развалу фронта «учредиловцев». Не помогло совершенно сознательно и Сибирское правительство. По этому поводу Болдырев заметил: «Эгоизм Омского правительства оправдывался до известной степени необходимостью окончания подготовки нарождающейся Сибирской армии. Истинная причина была, конечно, гораздо глубже. При тех стремлениях, какими было заражено Сибирское правительство, всякая неудача Самары, в том числе и колебания боевого престижа армии «учредилки», была, несомненно, весьма выгодна» [с. 31]. Большевицкий комментатор болдыревского текста Вегман не без основания замечает: «Упрек, который Болдырев делает Омскому правительству, крайне неоснователен. Армия Сибирского правительства была в то время столь незначительна, что о посылке подкрепления на Волжский фронт и говорить не приходилось» [Прим. 20, с. 512]. Эта армия была, кроме того, как указывает сам Болдырев, «отделена от Волжского боевого фронта и огромным расстоянием» [с. 59]. Как ни ненормальны были взаимоотношения Сибири и Самары — об этом после, предъявленное Сибири обвинение должно быть снято. Но как характерно для «экспансивного» Лебедева, отыскивающего везде виновников неудач. В минуту самую тяжелую он, не хотевший больше жить, если не будет движения на Москву, легко оставил внешний фронт и променял его на фронт внутренний. Он записывает 3—5 сентября: «Вольский вызвал меня внезапно из Казани, шлют в Уфу для подготовки Государственного Совещания, с диктаторскими полномочиями, увы, по охране Совещания на случай заговора Сибири и... Галкина! Мне подчинены рабочие батальоны (батальон?) Уфы. Боятся, как бы во время Государственного Совещания этот военный министр Комуча вкупе с Сибирью не арестовал Комуча» [с. 183].

¹ Руководители Кр. армии на Вост. фронте действовали весьма решительно, вводя военно-полевые суды и расстреливая дезертиров [Анишев. *Op. cit.* P. 151].

* * *

В связи с неудачами на фронте стала изменяться и психология чехов. Чехи остались на Волге «благодаря нашим настояниям», — докладывал Веденяпин на партийном съезде в Самаре 5 августа. Владимирова делает к этим словам основательное добавление: «и при поддержке союзных консулов» [с. 232]¹. Они остались, встретив несомненное сочувствие среди населения. «За все время нашего пребывания на Поволжском фронте, — вспоминает Чечек, — мы не видели ни одного злодеяния против нас со стороны населения» [«Воля России». VIII, с. 265]. «Чехофильское настроение населения значительно помогло нашим военным успехам», — добавляет Штейдлер [«В. Сиб.». IV, с. 25]. Л. Кроль, со своей стороны, иллюстрирует это рассказом о первой встрече с чехословацким отрядом: «Отношение к нему жителей проявилось явно сочувственное. Солдатам несли яйца, молоко, масло». Но «энтузиазма» Кроль не заметил [с. 58].

Не очень-то уже доверяя реальной военной помощи союзников, оставшись изолированными в России, чехи искали опоры в тех элементах страны, «которые пользовались доверием населения»². Они делали ставку на демократию. К сожалению, слишком часто здесь приводился знак равенства между демократией и партией с.-р. При таких условиях помощь в деле «возрождения и спасения России» слишком часто превращалась в поддержку того партийного дела, от которого теоретически они отkreщивались. «Никогда наш солдат не будет орудием тех или других отдельных партийных групп», — гласило самарское обращение чехов 15 сентября к русскому обществу. Чешский коммунист Шмераль, выпустивший специальную брошюру «Чехословаки и эсеры» (1922), контакт с партией с.-р. объясняет необходимостью внушить

¹ См. также: *Майский*. С. 52. Жано рассказывает, как на собрании 13 июня с 9 час. веч. до 5 час. утра уговаривали чехов остаться, обещая им при их содействии собрать армию до 500 т. [«Pour la Russie», № 15].

² *Глос.* Чехословаки и Сиб. Обл. Дума. — «Вольная Сибирь». IV, с. 32.

солдатам мысль, что «они действуют как революционные социалисты и в своей борьбе против большевиков руководятся русской социалистической партией». Для чешских социалистов, конечно, это было важно. В омском обращении в июле к «русским социалистам» они говорили: «Мы, как социалисты, уверяем вас, что наша армия не будет и не может быть использована в целях контрреволюции». Дальше шли лозунги, которым сочувствуют чехи: федеративная демократическая республика, созыв Учредительного Собрания, передача всей земли народу и т. д. [«Вест. Ком. У. С.», № 30]. Но чешская армия не была однородна. Чешской национальной политике присущ был известный оппортунизм. Окружающая обстановка побуждала — главным образом военное командование — не игнорировать и другие силы, которые могли помочь. Отсюда двойственность тактики. Нет поэтому ничего удивительного в том, что Чечек в Самаре высказал живейшую радость по поводу возможности союза с Добровольческой армией — обстановка была совершенно иная, чем раньше, когда проф. Масарик считал необходимым так решительно отгородиться от Добровольческой армии¹.

Чехословацкое войско действительно было в трагическом положении. Оно пыталось на Волжском фронте создать русско-чешские добровольческие отряды. Майский утверждает, что это было сделано в целях борьбы с

¹ Лебедев подвергает некоторому сомнению сообщение, приведенное в исследовании Деникина: «В книге Деникина слишком много лжи, и верить его сообщениям целиком невозможно» [с. 185]. И это говорит автор «дневника», напечатанного в «Воле России»! Дело заключается в том, что, ставя «ближайшей задачей Добр. ар. ... выход на Волгу», ген. Алексеев послал Моллера для выяснения возможности содействия со стороны чехов и казаков. Моллер ознакомил с письмами Алексеева ген. Шохорова и Чечека. Чрезвычайно показательно, что, по словам Деникина [III, с. 97], первый уклонился от прямого ответа. Это подтверждает еще раз ненормальную двойственность, которую создавала для русских военных служба в чехословацких добровольческих частях. Очень определенно отозвался полк. Щепихин, состоявший начальником штаба у Чечека, указав, что прибытие Добр. арм. ожидается с «самым живым нетерпением, которое вызвано не только военной, но, пожалуй, в большей степени политической конъюнктурой».

«черносотенной опасностью» со стороны армии [с. 160]. Вероятно, причина была иная. Чешские отряды на первых порах были более устойчивы и выдержаны. Подобным слиянием достигалась большая компактность. Недаром эти отряды приобрели быстро популярность.

Но все это были палиативы. Разочарование чешских воителей шло crescendo. Характерную беседу в последних числах августа в Челябинске с Б. Павлу передает Майский:

«Создание русской армии и у вас на Волге, и в Сибири идет слишком медленно. Государственный аппарат также налаживается плохо. Вместо того чтобы единым фронтом вести борьбу с большевиками, отдельные антибольшевицкие правительства начинают грызнуть между собою. Нас, чехов, всем этим вы ставите в крайне затруднительное положение... Так долго продолжаться не может. Если в ближайшее время не произойдет радикальной перемены, нам придется пересмотреть свою позицию» [с. 172].

Еще более определенно констатируется неудача в самарском обращении чехов, подписанном Медеком, Влаسهком и Чечеком. Оно цитировалось в первой главе. Чехословацкому командованию уже в августе приходилось считаться с тем фактом, что солдаты не хотели заменять собой Народную армию [слова с.-р. Утгофа, с. 19]. На фронте начинались уже «неприятные осложнения» — чешские войска, в свою очередь, стали разлагаться. Отсюда пессимизм ген. Сырового, отмеченный в дневнике Болдырева [с. 63].

Этой драматической стороны пребывания чехословацкого войска в России мы должны будем еще коснуться. Это отдельная страница в истории гражданской войны.

5. Политика тыла

Деятельность армии нельзя изолировать от правительства. Что же, Комитет У. С. служил делу партийному или общенациональному? В конце концов, ни тому, ни другому. Таков неизбежно будет вывод, если отбросить все внешние декорации. Вероятно, здесь кроется одна из основных причин быстрого краха Комуча.

Несправедливо и не соответствует фактам утверждение, что эсеры из Комуча проводили на практике политическую программу «левых с.-р.»¹. Самарское правительство, в состав которого входило 14 с.-р., один меньшевик и представитель военной власти полк. Галкин, прекрасно учитывало, что всякого рода социалистические эксперименты не к месту. Оно вело, по позднейшему выражению Майского, борьбу всеми способами, «не останавливаясь решительно ни перед чем для нанесения смертельного удара первой в истории человечества социалистической республике» [с. 43].

В области экономической политики «Комитет стремился к полному восстановлению капиталистической системы хозяйства» — такова общая характеристика, данная соц.-демократом, входившим в состав Правительства². Все реквизируемые большевиками промышленные заведения до разрешения вопроса о них были переданы местному самоуправлению. Вместе с тем приказом от 9 июля учреждалась особая комиссия по денационализации предприятий и возмещению владельцам убытков.

Декларировался незыблемым лишь один закон У. С. 5 января — закон о земле. Впрочем, и здесь делались уступки существовавшей практике: право собрать урожай и др.

«Буржуазия» на первых порах поддержала Комитет У. С. Осложнения происходили вовсе не на почве той социальной политики, которую пытались проводить социалисты, оказавшиеся у власти. Может быть, многих раздражал красный флаг над зданием Комуча, чему немало дивился французский представитель Гинэ [с. 156]. Все это были пустяки. Майский утверждает, что одной из главных причин «ссоры» Комитета с поддерживавшими его «правыми элементами» было допущение Совета ра-

бочих депутатов, большевицкий Совет был распущен тотчас же после переворота. Затем в июле состоялась рабочая конференция, на которой были выработаны формы и сроки выборов в новый Совет уже как в орган «общественного мнения», а не «власти». Он был созван в начале августа и... принял большевицкую резолюцию [с. 128]. Большевики пришли в смятение, эсеры негодовали. В конце сентября Совет был ликвидирован. Нет, не в этом заключалось действительное расхождение в данный момент Комитета с «правыми». Поскольку Самарское правительство являлось правительством областным, с ним до некоторой степени мирились, хотя оно и было, по выражению Майского, «эсеровским предприятием»... Но Комуч, устранив на другой же день наименование «самарский» Комитет, склонен был себя рассматривать как ядро всероссийской власти, которая должна собрать Учредительное Собрание 1917 г. Местное, временное эсеровское, «предприятие» грозило сделаться всероссийским. Это даже Дану — лидеру меньшевиков — казалось «нелепой авантюрой». Еще более «нелепой» казалась такая возможность широкой обывательской среде. Настроение было иное, чем в 1917 г.¹ И деятели Комуча настолько непосредственно это ощущали, что всячески противились приезду «идеолога и вождя» партии, председателя б. Учр. Собр. Чернова, который появился в Самаре лишь 20 сентября. Старое Учредительное Собрание или, вернее, его «охвостье» (исторический термин: «охвостье» Долгого Парламента в Англии) — это фикция, за которую держались эсеры. Учредительное Собрание 1917 г. — это партийная фракция социалистов-революционеров! Такое знамя — отрицание общенационального дела. Это вызывало отпор, это раздробляло силы. Создавая приказом № 7 от 3 июля при Самарском правительстве особое Министерство иностранных дел для сношений, между

¹ В этом отношении показательны были городские выборы, прошедшие на территории Комуча в середине августа. Они отмечали необычайный абсентеизм избирателей. Если в Самаре социалистическому блоку удалось получить $1/2$ голосов, то в других городах этого уже не было.

¹ Это, между прочим, говорит Милюков [II, с. 41], имея в виду позицию эсеров «левого типа Чернова». Тем более не прав был А. И. Деникин, когда писал в III т. [изд. 1924 г.] своей работы, что Комитет У. С. являлся «отображением Советского правительства» [с. 98].

² Глава «Экономическая и социальная программа Комитета», с. 82–98.

прочим, с правительствами внутри России, признающими Учредительное Собрание, Самарское правительство тем самым ставило себя вне остальной противобольшевицкой России. Вот где была зарыта собака, а не в той «левой» социальной политике, которую проводит Комитет У. С. Вот почему образ действий Комуча вызывал «правый уклон» у местных кадетов, что так не нравилось приехавшему из центра Л. А. Кролю [с. 60]. Партийная психология Правительства мешала ему слиться с национальным движением: здесь слова расходились с чувством. Партийное Правительство было под гипнозом фикции, им созданной, отсюда его излишняя самоуверенность до последнего дня. Что можно в этом отношении прибавить к словам Вольского в цитированном уже выше письме 16 августа к Лебедеву: «Идеи Комитета приобретают при всей вражде к ним все больше веса, и победы являются реальным фактом убеждения врагов и тупиц (!!). В составе Комитета уже более 40 членов У. С. В Сибири находится до 40. Это уже почтенная величина. Солидарность демократии через голову реакционного Сибирского правительства растет все больше, и, вероятно, последнее бесильно завянет, если не утонет. Все больше, все труднее, но и славнее наше дело, дело народа, дело возрождения, дело демократии, дело партии социалистов-революционеров».

Поразительное самообольщение, исключительная самоуверенность, а практика была элементарна и бедна. Только ли голос противника звучит в надгробном слове Комуча, помещенном 12 ноября в «Отечественных Ведомостях» (орган Белевского-Белоруссова): «Самарские эсеры не сумели создать ни власти, ни аппарата управления, ни армии, ни приобрести авторитета в населении». Прислушайтесь к голосу с.-р. Утгофа, который с откровенностью признает, что самарская эпопея прежде всего показала, что у эсеров не оказалось людей (а в Самаре был цвет партии, по характеристике Майского), способных руководить деятельностью государства в такой сложной и запутанной обстановке. Они не могли в Самаре дать деловых министров — самарские министры не пользовались фавором даже среди партийных товарищей. Эти «мало-

грамотные» в государственных делах партийные люди вели «странную и противоречивую политику, которая всех раздражала» [с. 36]¹.

6. Демократия у власти

Демократическая власть в Самаре фактически существовала лишь четыре месяца. Много темных пятен было на ее фоне. Впрочем, они объясняются, быть может, ее кратковременностью. И все-таки чрезвычайно показательно, что за четыре месяца своего существования эта власть на практике мало чем отличалась от других властей, появившихся в период гражданской войны и не имевших демократического нимба.

Никакой демократичности на территории Комуча не было — утверждает Майский. Были лишь — «широковетательные заявления» [с. 176]. В житейском обиходе своими приемами эта власть не отличалась от приемов власти «генералов черной сотни»² — Колчака и Деникина. Впрочем, отличалась одним — своей претенциозностью. Все то, что впоследствии ставилось на вид колчаковскому Правительству, довольно пышно расцвело с самого начала на территории Комитета У. С. И трудно сказать, каковы были бы результаты, если бы власть продержалась полтора года: сумела ли она побороть своего рода самарскую «атаманщину»? Демократическая власть не склонна признавать, что она подчас была бессильна бороться с отрицательными явлениями, которые порождала гражданская война и которые окрашивали освободительную

¹ Утгоф приводит курьезный эпизод для характеристики дипломатических хитростей самарских министров-обывателей: желая «одернуть» военного министра Галкина, который, по словам Майского, «сумел положительно терроризовать» Комитет, Вольский составил проект обращения к народу против Галкина. «Нечаянно» оно было доставлено Галкину. Последний сам распространил воззвание «среди реакционного офицерства» [с. 35]. Этот случай вместе с тем довольно наглядно иллюстрирует взаимоотношения на верхах — между Правительством и военной властью.

² Образная квалификация с.-р. Святыцкого в брошюре «Реакция и народовластие» [изд. «Народ», 1920].

борьбу реакционным колером. Нет, это была сильная власть, не идущая по стопам «Керенского»...

«Мы не допустим, чтобы кто бы то ни было здесь, в тылу, вонзил нож в спину борцов за народовластие», — грозно и авторитетно говорил председатель Комуча Вольский на рабочей конференции 5 июля. «Мы находимся в состоянии самой настоящей войны... Судьба решит, кто возьмет верх в этой борьбе... Пока же снаряды рвутся... все виновные будут подвергаться аресту и военному воздействию...» [«Сам. Вед.».]. «В настоящее время политика власти должна быть твердой и жестокой», — заявлял на партийном съезде 5 августа министр внутр. дел Климушкин [Владимирова. С. 326].

В чем проявлялась эта твердость власти? Приказ № 1 Комуча гласил: «Все ограничения и стеснения в свободах, введенные большевическими властями, отменяются и восстанавливается свобода слова, печати, собраний и митингов... Революционный трибунал, как орган, не отвечающий истинно народно-демократическим принципам, упраздняется и восстанавливается окружной народный суд». Это было 8 июля. Заканчивал Комуч свою деятельность созданием 17 сентября чрезвычайного суда из представителей ведомств внутренних дел, военного и юстиции. По положению (§ 5) суд этот мог назначать только смертную казнь. Тогда же было издано положение о министерстве охраны государственного порядка¹, предоставлявшее огромные полномочия министру охраны и его подчиненным органам. «Реакционный» орган Белоруссова впоследствии замечал с язвительностью: «У Самары деньги находились на эсеровские газеты — и на обширный департамент полиции» [«Отеч. Вед.», № 5]².

Комитет У. С. таким образом облекал в одежду формальной законности репрессии, происходившие в порядке повседневности. Посылая этот упрек, Майский в

¹ На железных дорогах с самого начала было объявлено военное положение.

² «300 прапорщиков Роговского» — так называли в Самаре, по словам Дикгофа, агентов демократической полиции [«На чужой стороне». II, с. 70].

главе о «внутренней политике» Самарского правительства [с. 175–187], — главе, наполненной сообщениями о действиях карательных отрядов и о других политических репрессиях, как истинный ренегат, отмежевывается от коллективной ответственности. «Возможно, сторонники Комитета мне возразят, — пишет он в своих покаянных воспоминаниях, — что в обстановке гражданской войны никакая государственная власть не в состоянии обойтись без террора. Я готов согласиться с этим утверждением, но тогда почему же эсеры любят болтать о «большевицком терроре», господствующем в Советской России?.. Террор был в Самаре, на той единственной территории, где волей исторического случая и чехословацких штыков эсеры на краткий срок оказались носителями государственной власти». Разницу между «эсеровским и большевическим» террором Майский видит в том, что «эсеровский террор был направлен против революции и против рабочих, в то время как большевический террор наносил и наносит удары контрреволюции и буржуазии. Эта разница радикально меняет политическую и моральную оценку террора в том и другом случае. Всякий искренний революционер не сможет принять эсеровского террора, но он без труда примет террор большевический» [с. 186–187].

О «революционных» вкусах спорить не приходится. Концепция Майского лжива в своем фактическом обосновании. С кровавым и циничным террором большевиков самые разнузданные насилия гражданской войны не могут быть сравнены. Ничего подобного, конечно, на территории Комитета У. С. не происходило. Лживо утверждение ренегата, что большевический террор направлялся только на буржуазию¹. В оценке системы террора дело не в объекте, на который направлен эксперимент, — такая «революционная мораль» из французского архива XVIII века общественной этикой нашего времени должна быть отвергнута. Дело в идеологии террора, в его проповеди, в его искусственном насаждении. Так было у большевиков. У их

¹ См. соответствующие страницы моей книги «Красный террор в России», которую с фактической стороны никто не опроверг и опровергнуть не может.

противников мы видим эксцессы власти, ее агентов; проявления мести и разнузданного человеческого темперамента. Вот в чем разница — ее понять ренегатская психология, очевидно, не может.

В отношении самарской власти Майский прав только в одном. Проще было с ее стороны без надобности не создавать демократического декорума, а сказать, как делали это другие, что и она была бессильна облечь гражданскую войну в правовые формы. Принципиальная демократичность грубо разбивалась жизнью, а сами носители демократической власти в стремлении проявить твердость легко сбивались на путь бюрократического произвола, притом произвола масштаба провинциального, как и все, что было в Самаре. Можно ли негодовать вместе с Майским на то, что управляющий Самарской губ. устраивает собрания редакторов, на которых просто предписывает, как газеты должны себя вести, о чем писать и т. д., если сам министр внутренних дел Климушкин, вспоминая блаженные времена Императора Николая I, вызывает в Уфу писателей Белоруссова, Чембулова — нар. социалиста, редактировавшего газеты «Труд», «Армия и Народ», и держит им такую приблизительно речь: «Мы хотим предоставить свободу печати, но газеты усвоили такой полемический тон, который мы допустить не можем. Газетная полемика подрывает авторитет власти». Чем же Климушкин недоволен? В «Отеч. Вед.» была, например, статья против Брушвита и самого Климушкина, где говорилось, что они неподготовлены занимать столь ответственные посты. Нельзя и оспаривать вопрос о созыве У. С., хотя-де и сам Климушкин отрицательно относится к этому урезанному собранию. Ввести цензуры демократы не могут, они предпочитают предупреждать, закрывать газеты и арестовывать редакторов. Белоруссов попросил все это зафиксировать на бумаге. Климушкин отказался: «Все равно бумаги мы не напишем». Орган Белоруссова смог тем не менее позже воспроизвести для потомства эту изумительную беседу [«Отеч. Вед.», 20 ноября, № 9].

Строптивые сотрудники сажались в тюрьму «по административной ошибке». Такой случай по распоряжению самого Климушкина произошел с видным самарским кадетом Коробовым за статью в «Волжском Деле».

Через три дня, впрочем, Коробов был выпущен, т. к. арест его вызвал всеобщее возмущение: «забегали кадеты, заволновался торгово-промышленный класс, выступило с настоящим «представлением» военное ведомство» [Майский. С. 177]. Объявленная приказом № 1 свобода печати была в Самаре весьма относительной. Обвинять за это Правительство едва ли возможно. Не всегда и печать была на высоте, не всегда она учитывала обстановку гражданской войны. Может быть, из самых хороших побуждений орган казанских меньшевиков «Рабочее Дело» 27 августа писал: «В рабочих кварталах настроение подавленное. Ловля большевицких деятелей и комиссаров продолжается, усиливается. И самое главное, страдают не те, кого ловят, а просто сознательные рабочие: члены социалистических партий, профсоюзов, кооперативов. Шпионаж, предательство цветет пышным цветом... Жажда крови омрачила умы. Особенно стараются члены квартальных комитетов... При большевиках рабочие относились отрицательно к комитетам самообороны и в выборах участия не принимали. Выбранными в большинстве случаев оказались лавочники-спекулянты, домохозяева, а нередко и просто всякие темные дельцы... И теперь они «работают». Сильно тревожит рабочих неизвестная участь арестованных их товарищей. Распространяются слухи о поголовном будто бы их расстреле и прочее. Но кто, почему расстрелян — об этом молчат» [Владимирова. С. 335]. Я охотно допускаю, что здесь сгущены краски. Но как характерно само по себе, что эти факты отмечаются не в сатрапии какой-нибудь генеральской диктатуры, а на территории Комитета У. С. Содействующие власти легко ее дискредитировали. И не удивительно, если редактор самарской меньшевицкой «Вечерней Зари» вызывался для «внушений» к власти придерживающей¹; не удивительно, что орenburgский атаман Дутов предавал на фронте военно-полевому суду редактора с.-д. органа «Рабочее Утро» за «возбуждение одного класса против другого».

Все это, если угодно, в порядке вещей. Но своеобразно то, что эсеровский министр внутренних дел вообще смотрел «на охрану государственной безопасности с

¹ Отчитывались иногда редакторы еще и перед чешской коммандатурой.

точки зрения запретов». Он недоволен оппозицией «буржуазии» и запрещает торгово-промышленный съезд на территории Комуча. Тогдашняя жизнь не могла быть вложена, конечно, в рамки Плеве, и съезд тем не менее состоялся в Уфе под охраной уфимского военного командования, пользуясь тем, что территориальная независимость Уфы от Самары была неясна. На съезд прибыло 133 делегата от Урала, Поволжья и Сибири — это было накануне уже Уфимского Государственного Соперования.

Примеру министра следовали и его агенты — «губернскими диктаторами» называет их Майский. «Временно» (правила 6 июля) этим губернским уполномоченным действительно были предоставлены исключительно широкие полномочия. Они могли бесконтрольно, «своею властью» арестовывать, отстранять служащих в административных и общественных учреждениях, закрывать собрания и съезды, вызывать военные власти и т. д. За высшими тянулись низшие, и бессудные обыски, и аресты стали в действительности довольно обычным явлением на территории, подвластной социалистическому Комучу. Случалось, как и в других местах — на территории «генеральских диктатур», что эти обыски и аресты производились неизвестно кем, — и власти приходилось только беспомощно разводиться руками. Напр., в Казани, где гражданскими делами заведовал особо уполномоченный самарского Комитета В. Г. Архангельский, происходила конференция «беспартийных рабочих», обсуждавшая, по примеру Самары, вопрос о выборах в новый Совет рабочих депутатов, «вместо распущенной большевицкой своры»¹.

Конференция по шаблону не большевицкой революционной демократии постановила: «Признать необходимым создание политического классового органа казанского пролетариата в виде Совета рабочих депутатов как организатора, руководителя задач рабочих масс, который ни в каком случае не должен стать или пытаться стать органом власти». Во время конференции «неизвестно по чьему приказу» несколько делегатов было арес-

товано. Арест вызвал волнения среди рабочих. Помощник чрезвычайного уполномоченного обещался рабочим разобраться в этом деле, но «при всем своем желании не мог даже выяснить, по чьему распоряжению арестованы делегаты»...

Власть действительно не могла подчас разбираться в сложной обстановке. Вновь Майский дает чрезвычайно показательную иллюстрацию. На территории У. С. существовали две контрразведки: русская и чешская. Нравы всех контрразведок, и русских и иностранных, и демократических и недемократических, к сожалению, везде оставляют желать лучшего. Русская контрразведка, по словам Майского, была довольно плохо организована и потому проявляла себя сравнительно мало. «Чешская была организована гораздо лучше и потому очень болезненно давала себя чувствовать населению. Система обысков и арестов применялась контрразведкой весьма широко. Бывало, часто людей хватали направо и налево без сколько-нибудь достаточных к тому оснований. Бывали поистине поразительные случаи» [с. 181]. Майский рассказывает, как в его отсутствие у него у самого был сделан обыск. «Это было недоразумение, — как объяснил министру труда начальник чешской контрразведки. — Вышла ошибка, только всего, голова ни у кого не свалилась. Бывает хуже».

«Если такие случаи возможны были с членами правительства, — добавляет автор, — то легко себе представить, каково приходилось рядовому обывателю. Действительно, тюрьмы «территории Учредительного Собрания» были переполнены «большевиками», среди которых было много ни к чему не причастных людей. В Самаре, например, во время моего там пребывания, число заключенных доходило до 2000, в Оренбурге было около 800, в Хвалынске — 700, в Бузулуке — 500 и т. д. При этом условия, в которых находились заключенные, были по большей части отвратительные. В камерах, рассчитанных на 20 человек, сидело по 60—80, питание было плохое, и обращение нередко вызывало острые конфликты между охраной и арестованными» [с. 182—183]¹.

¹ Выражение Архангельского в статье «Казань во время борьбы с большевиками» [«Воля России». X, с. 145].

¹ См.: *Владимирова*. С. 325. Большевицкие историки, уминая о себе, любят, конечно, распространяться на тему об «ужасах» в Самаре.

Ренегаты не скупятся на «разоблачения». Плохо не то, что они разоблачали, а то, что они делали это в стране, лишенной всякой печати, кроме казенной. Они писали там, где истину о кровавой деятельности ЧК сказать было нельзя. Отсюда их тенденциозность. Убавим многое с того, что они рассказали, и все-таки останется немало. Вот разоблачает на страницах «Известий» [8 июня 1922 г.] учредилковскую практику бывш[ий] управляющий делами Комуча Дворжец. Густо положены у него краски:

«Было известно только одно. Из подвалов Робенды¹, из вагонов чехословацкой контрразведки редко кто выходил... В нашем штабе охраны официально арестованных было очень немного, но я знаю, что имели место словесные доклады начальника охраны Климушкину о том, что за истекшую ночь было ликвидировано собрание большевиков, ликвидирован заговор или обнаруженный склад оружия... В особенности эта «славная» деятельность проявлялась после замены начальника охраны членом Центр. Комитета партии народных социалистов А. П. Коваленко², при котором число ликвидированных «восстаний» и «ликвидаций» стало огромным. «Подавление неоднократных восстаний в гарнизоне происходило с невероятной жестокостью; подробности известны не бывали. Передавали, что в Самарском полку из строя был вызван каждый третий... Это совершалось в центре... Что делалось в провинции... понятно без слов... И все же это — только маленькая частица суровой черной действительности»³.

* * *

Политические деятели всю вину за нарушение демократических принципов склонны всегда возлагать на армию⁴. Это до некоторой степени естественно, ибо близость фронта выдвигает на первый план военную власть. В

¹ Робенда — чешский прапорщик, комендант Самары.

² Такого члена ЦК не было.

³ Естественно, что местные репрессии били и по эсеровским организациям. И деятелям Комуча не приходилось жаловаться на это на августовском партийном съезде.

⁴ По образному выражению одного из них — на «черносо-тенно-зубодробительные устремления» белогвардейцев, наполнявших собой разные штабы.

ненормальных условиях гражданской войны слишком богата почва для конфликтов между гражданской и военной властью и для развития незакономерных действий. Армия в гражданской войне часто самоё себя содержит. В армию гражданской войны наряду с героизмом проникает типичный авантюризм, в армии гражданской войны падает дисциплина и воцаряются вольные бытовые нравы. Все это засвидетельствовано наиболее правдиво вождем Добровольческой армии А. И. Деникиным.

Гражданская война жестока сама по себе, озлобляет население, независимо даже от якобы присущей русским жестокости, которую открыл в русском народе Горький. Может быть, даже наивно касаться этих элементарных сентенций. Во всяком случае, Волжский «демократический» фронт не мог представлять исключения из общего правила. Жестокость повсюду порождали большевики — эти отрицатели всякой «буржуазной» морали первые разнуздали гражданскую войну. На них лежит вина за дикость произвола, они морально ответственны за темные пятна междоусобной борьбы¹.

Большевицкие историки подчеркивают жестокости, которыми сопровождался захват Народной армией и чехословацкими войсками поволжских городов. В целях воздействия на массы, московский «Еженедельник ВЧК» [№ 5], описывая «жестокость» и «бесчеловечность» чехов и «белых», уверял своих читателей, что это «далеко пре-

¹ Какое впечатление должно было производить на противников большевиков чтение, например, в сарапульской газете «Прикамье» описание зверского убийства 26 чехов на Уфимском фронте или убийство сарапульских заложников на барже в июле 1918 г. [Гутман. Два восстания. — «Белое Дело». III, с. 149]? Месть становилась почти «естественной» потребностью. В моей книге о «красном терроре» приведены бесчисленные примеры, свидетельствующие, что применять террор во всех его видах начали большевики. Финляндец Сванлунг, активный участник борьбы против большевиков, в своей книге «Человек и Чудовище» [Лондон, 1928] говорит: «Я охотно признаю, что мы... избивали красных, не вникая в отдельных случаях, совершили ли они какое-либо другое преступление, кроме того, что они были красные... но, насколько я видел, мы никогда не мучили и не пытали пленных».

восходит всякие примеры массового террора со стороны советской власти». Можно подозревать, что все сведения, идущие из большевистских источников, преувеличены до крайности. Напр., Климушкин решительно отрицает цифру 300 убитых при захвате Самары: совершено лишь два самосуда над захваченными комиссарами Шнейдерским и Венцисом [«Воля России». VII, с. 231]. При двух самосудах едва ли надо было издавать специальный приказ о самосудах, как это сделало Самарское правительство. Очевидно, Климушкин вдается в противоположную крайность — отрицание того, что было в действительности. «Усердие черносотенцев было так велико, — повествует Майский, — что уже к вечеру 8 июля Комитет членов У. С. вынужден был издать приказ № 3, в котором говорилось: «Призываем под страхом ответственности немедленно прекратить всякие добровольные расстрелы».

Черносотенцы здесь были ни при чем. Послушайте, как изображает Лебедев настроение рабочих под Сызранью:

«На окраине города мы натолкнулись на летящий нам навстречу грузовик. При виде нас он повернул, и сидящий рядом с шофером высокий красавец... закричал:
— Спасайся, товарищи, белые подходят!..
В момент он был сташен с грузовика:
— А, так ты «красный»? К стенке! К стенке!
И высокий человек был уже в руках десяти разъяренных рабочих» [с. 104].

Лебедев своим вмешательством остановил убийство. Но ведь не всегда при таких сценах присутствовали «особо уполномоченные», да еще облеченные безапелляционной властью!..¹ Другая картина изображена Лебедевым в дневнике от 23—25 июля:

¹ Рабочие на Ижевском заводе также требовали расстрела коммунистов... Пришлось протестовать ижевскому Совету — не должно быть смертной казни при подлинно демократическом быте [Ижевск в огне гражданской войны. Ижевск, 1927]. Такую чисто «стихийную месть» большевистские мемуаристы отмечают и при крестьянском восстании в Красноуфимском уезде; большевиков убивали вилами, косами, камнями. Это было еще до организованного «белого террора» [Рабочая революция на Урале. Екатеринбург, 1921, с. 73—74].

«... большевики снова ушли вверх, увозя с собой двух наших молоденьких солдат, захваченных врасплох и без оружия в одной из крайних хат.

А наутро мы нашли их на другом берегу Волги мертвыми, с отрезанными ушами, носами, половыми органами и выколотыми глазами.

Бедных мальчиков отвезли в Самару. Вольский приказал опубликовать все подробности этого зверства во всенародное сведение, а товарищами их овладело дикое чувство ненависти» [с. 112].

Это дикое чувство овладевало и чехами, хотя среди них, как оказывается, $\frac{3}{4}$ были социалистами. Социалисты не могли побороть, однако, ни чувства мести, ни чувства национальной ненависти, которая выступала, когда чешскими пленниками являлись мадьяры. Эту черту отмечают все без исключения мемуаристы того времени — Гутман, Кириллов, Кроль, Лебедев, Майский и др. При первом же свидании с Павлу Кроль обратил его внимание «на абсурдность того, что чехи не берут пленных, в особенности же мадьяр, а обязательно убивают их». Павлу ответил, что он всецело разделяет взгляды Кроля, но что «очень трудно бороться с настроением чехов-солдат, слишком глубоко ненавидящих мадьяр» [с. 63]¹.

Майский регистрирует такую, по-видимому, правдивую сцену, виденную им в Казани днем 7 августа в центральной части города:

«Я был невольно увлечен людским потоком, стремительно несшимся куда-то в одном направлении. Оказалось, все бежали к какому-то большому четырехугольному двору, изнутри которого раздавались выстрелы. В щели забора можно было видеть, что делается на дворе. Там группами стояли пленные большевики: красноармейцы, рабочие, женщины и против них чешские солдаты с поднятыми винтовками. Раздавался залп, и пленные падали. На моих глазах были расстреляны две группы, человек по 15 в каждой. Больше я не мог выдержать. Охва-

¹ Позже д-р Павлу в статье о пленных, напечатанной в «Чехословацком Дневнике», № 26 (31 января 1919 г.), объяснял ненависть солдат жестокостью, которую в боях проявляли мадьяры, находившиеся в рядах большевистских войск. Не без остроумия он их называл «шовинистскими интернационалистами».

ченный возмущением, я бросился в социал-демократический Комитет и стал требовать, чтобы немедленно же была послана депутация к военным властям с протестом против бессудных расстрелов. Члены комитета в ответ только развели руками: «Мы уже посылали депутацию, — заявили они, — но все разговоры с военными оказались бесплодными. Чешское командование утверждает, что озлоблению солдат должен быть дан выход, иначе они взбунтуются» [с. 26—27].

Можно возмущаться вслед за Майским, можно негодовать на несовершенство человеческой природы, ее примитивной психологии, но придется признать, что на территории демократической власти этих насилий было не меньше, чем в других местах, и что не одно «реакционное русское офицерство» повинно в них. Нам только и надо констатировать факт, что и Поволожье носило в себе все отрицательные стороны гражданской войны. За общие грехи приходится принимать и общую ответственность.

* * *

Надо ли говорить, что формально Самарское правительство не только не потакало этим мрачным сторонам гражданской войны, но посильно с ними боролось. Однако и здесь неосторожные слова отдельных агентов власти могли потворствовать разнузданности страстей. Тем, кто так строг к другим, надлежит прежде всего быть строгим в отношении себя. Тот же Лебедев, получивший от Комуча неограниченные полномочия как по гражданской, так и по военной части [с. 97], очень гордился впоследствии тем, что он где-то остановил начавшийся еврейский погром¹. Но экспансивный политик был в действительности крайне неосторожен в своих официальных призывах к населению. Вот пример. В Казани в газете «Народная Жизнь» [№ 2] появилась за подписью Лебедева грамота следующего содержания: «Граждане! Крестьяне! Беззаконная грабительская советская власть низложена... Не бойтесь ничего, расправляйтесь сами с этими негодяями»... [Владимирова. С. 334]. 12 августа в обращении к Комитету членов У. С., опровергая «подлую ложь» о расстре-

лах пленных, Лебедев объявлял: «...комиссарам мы пощады не дадим и к их истреблению зовем всех, кто раскаялся, кого насильно ведут против нас» [«Воля России. VIII, с. 162]. Под видом большевика можно было каждого отправить на тот свет — ведь именно в этом обвиняли агентов власти в период «генеральских диктатур». Положение последних было сложнее, ибо не всегда там можно было отделить большевиков от других «левых» противников — от социалистов другого типа: они подчас действовали вместе против диктатуры «черносотенных генералов».

На Волге этого прискорбного явления русской общественности не было. Здесь демократия (в лице с.-р. и отчасти с.-д.) боролась с большевиками всеми средствами. Эту борьбу поддерживала «буржуазия», не сочувствовавшая лозунгам борьбы. В значительной степени прав Майский, деливший население этой территории на две части: «государственно мыслящую» и «большевицкую». Так было, по крайней мере, на первых порах.

Итак, власть Комуча *volens-nolens* должна была нести ответственность за все, что делалось от ее имени, — во всяком случае в тех пределах, в которых отвечает власть всех других временных противобольшевицких государственных образований. «Самарская армия вела себя не лучше, чем сибирская», — должен признать Ракитников. Я нарочно беру свидетельство известного деятеля партии с.-р., а не коммуниста. Карательные экспедиции мало чем отличались от аналогичных актов в других местах и при наличии власти, у которой не было ни такого сочувствия, ни такого влияния среди населения. «На крестьянском съезде 18 сентября, — говорит Ракитников, — волостные делегаты один за другим рассказывали о порках и экзекуциях под видом розыска большевиков на почве мобилизации и возмездия за аграрное движение 1917 г.» [с. 25]. «Бесчинства карательных отрядов, — утверждает другой с.-р., Утгоф, — не встречали противодействия и озлобляли население» [с. 37]. Даже «Вест. Ком. У. С.», смягчая выступления крестьянских делегатов, изображал доклады с мест в довольно мрачных тонах, напр., из Поповской волости: «После переворота новая власть стала пускать нагайки»... «Порка» в широких размерах

¹ «Дни».

применялась при мобилизации¹ — при отказе крестьян давать рекрутов; Кроль утверждает, что иногда и «добровольчество» не обходилось без этой меры воздействия [с. 62]. Майский заявляет, что в подобных упражнениях принимали участие «не только черносотенные офицеры, но и представители эсеровской партии, посылаемые Комитетом в деревенские районы для урегулирования столкновений, возникших в связи с мобилизацией» [с. 183]². О «порках» в Бузулукском уезде рассказывает ген. Сахаров [*«Белая Сибирь»*. С. 9] и многие другие. Мы готовы не верить диким «похвальбам» о расстреле 900 новобранцев в день сдачи Самары или 120 пленных красноармейцев на ст. Чишма³. Мы можем ослабить оценку подавления восстания в Сибирском полку, даваемую Майским [с. 163], или докладов полк. Галкина об обстреле артиллерийским огнем непокорных деревень⁴; мы пройдем мимо захвата заложников Комучем в ответ на такую же меру большевиков [*Кроль*. С. 136]⁵ — фактов и так будет не мало. Читатель, может, избавит меня от регистрации и нанизывания их один за другим. Это отчасти сделано в книге с.-р. Бурего «Распад» на с. 31–32. Будет в летописях самарских и наказание плетью железнодорожных рабочих на ст. Иман 10–15 сентября, и расстрел городского головы с.-р. Горвица — факт аналогичный, если не худший, повешению ат. Красильниковым канского городского головы в Сибири. Будет в этих летописях и жестокое усмирение рабочего восстания в фабричном центре Иващенкове, где, по словам Майского, на осно-

¹ «Порки» отказывавшихся при мобилизации, по-видимому, наблюдались и у ижевцев [*«Ижевск в огне»*. С. 70].

² Майский называет и имена.

³ Об этом рассказывает [с. 11] в своей сумбурно написанной брошюре «Сибирские авантюры и генерал Гайда» (Прага) Бор. Солодовников (офицер с «революционным прошлым»).

⁴ Ясно, что мобилизация в Самаре вовсе не происходила «по системе воззваний и уговариваний», как неверно в свое время информировали Деникина [III, с. 97].

⁵ Сообщение Кроля вполне подтверждается рассказами Старинкевича, говорившего мне, что в период Уфим. Соповещения Роговский вел с ним на эту тему беседы. Но Сибирское правительство отказывалось ввести институт «заложников».

вании данных, полученных им от «ряда достоверных свидетелей», было убито несколько сот человек [с. 184]¹.

Если подойти к оценке этих фактов с точки зрения, с которой обычно подходят представители революционной демократии к аналогичным явлениям на территории Сибирского ли правительства — этого «гнезда реакции» — или Правительства адм. Колчака, или ген. Деникина, то одним из реакционнейших правительств придется признать Правительство Комитета членов Учр. Собрания².

И совсем неуместной становится претенциозность этой власти. Когда упомянутая выше казанская рабочая конференция постановила затребовать от представителей власти объяснение по поводу арестов членов конференции, «чрезвычайные уполномоченные» Правительства, Лебедев и Фортунатов, ответили: «Власть, исходящая из все-народного голосования, никаких требований от частных групп населения не принимает и впредь отнюдь не допустит, не останавливаясь для того перед мерами строгости» [*«Кам.-Вол. Речь»*, 4 сен.; *Владимирова*. С. 335]. Рабочие ответили восстанием. Оно было быстро ликвидировано. «По всем местам, — в эпическом тоне рассказывает В. Г. Архангельский, — был расклеен приказ начальника гарнизона ген.-лейт. Рычкова и командующего войсками Степанова о том, что «1) в случае малейшей попытки какой-либо группы населения, и в частности рабочих, вызвать в городе беспорядки... по кварталу, где таковые произойдут, будет открыт беглый артиллерийский огонь; 2) лица, укрывающие большевических агитаторов или знающие их местонахождение и не сообщившие об этом коменданту города, будут предаваться военно-полевому суду как соучастники» [*«Воля России»*. X, с. 148].

Очевидно, в данном случае это не было произволом военного командования. Так проявляла свою «твердость» уже сама демократическая власть.

¹ У большевистских историков эта цифра неизбежно, конечно, вырастает: «белые из общего числа рабочих около 6000 человек вырезали 1500» [ссылка на сообщение «Приволжской Правды», 27 окт. — *Владимирова*. С. 321].

² Если послушать большевиков, то самый большой «разгул ногайки» наблюдался в Ижевске. В тюрьмах избивали, прокалывали штыками и т. д. [*«Ижевск в огне»*. С. 80].

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Сибирское правительство

1. На Дальнем Востоке

От власти «демократической» вернемся к той власти, которая создавалась в Сибири и которую самарские правители окрестили «реакционной». Мы остановились на том моменте эволюции сибирской власти, когда наряду с Омским правительством центральной властью для Сибири объявили себя члены восточного комиссариата во главе с Дербером.

Так называемое дерберовское Правительство до свержения власти большевиков в Зап. Сибири фактически большой деятельности не проявляло: его харбинские агенты горько жалуются на «полнейшее неведение» того, что творится на Востоке» (например, письмо Неупокоева). Даже из Владивостока член Правительства Захаров пишет о «полном отсутствии информации» о деятельности Правительства в Харбине. Называя себя Правительством, распределив министерские портфели, вплоть до военного (Краковецкий), оно жило в вагоне, предоставленном ему Хорватом. Министры не делали никаких выступлений, жили как частные люди, по-видимому ни во что не вмешиваясь, не располагая «никакими средствами»¹ и «никаких претензий» ни на что не предъявляя. Так характеризовал Правительство Дербера в харбинский его период на допросе адм. Колчак [с. 114].

Впрочем, одна претензия была: «на какое-то звание членов Правительства».

По словам Колчака, ген. Хорват, глава фактического Правительства, существовавшего на полосе отчуждения Вост.-Кит. ж. д., в это время не претендовал на формирование власти. Харбинские политические организации (Дальневосточный Комитет активных защитников родины во главе с присяж. повер. Александровым) прояв-

ляли весьма слабую деятельность, которая выражалась в поддержке местных военных отрядов. Последние как бы подчинялись находившемуся в Харбине Штабу российских войск полосы отчуждения во главе с ген. Плешковым, который, однако, решительно не в состоянии был утихомирить «разгоревшиеся страсти»¹.

К характеристике, данной Колчаком и в общем правильной, следует сделать некоторые коррективы. Дерберовское Правительство пыталось на первых порах занять на Д. Востоке центральное положение. Оно даже склонно было идти на соглашение с «цензовыми» элементами. Уполномоченные Правительства, Устругов и Сталь, посланные в Пекин, оттуда определенно писали, что «союзники, особенно японцы и китайцы, верят только авторитету Д. Л. Хорвата, поэтому необходимо было бы зафиксировать участие последнего в Сибирском правительстве» [письмо 28 марта]. В ответ Дербер сообщает: «Сегодня вел переговоры (с) Хорватом, окончательного ответа не дал, обещает завтра... Завтра полагаем вести переговоры (с) Путиловым относительно участия его (в) выработке финансового плана». Вместе с тем стало известно о приезде Колчака. Дербер добавляет: «Предложите Колчаку от имени Правительства вступить в состав в качестве управляющего морским (ведомством)». «Союзники должны оказать, — телеграфируют Дербер и Моравский своим пекинским уполномоченным 1 марта, — давление [на] Хорвата в смысле необходимости соглашения (и) невозможности иной комбинации»².

Наряду с этими согласительными мотивами в переписке звучит и весьма несогласительная угроза, в которой «Дальневосточный Комитет» именуется «авантюристической организацией». «Вы должны их (союзников) предупредить и о гражданской войне, которая возникнет в тылу у иностранных войск, и о терроре, который разовьется в случае осуществления комбинации власти сверху... Вообще нужно им дать понять, что своими действи-

¹ Андрушкевич Н. А. Последняя Россия. — «Белое Дело». IV, с. 117.

² Переписка эта в материалах «Временное правит. Авт. Сибири» в XXXIV кн. «Красного Архива».

¹ Некоторую денежную помощь оказывал Дерберу Закупбыт.

ями они объединяют всех с большевиками, так как никогда организованные общественные силы (городские и земские самоуправления, кооперативы, организации, дающие нам миллионы рублей и объединяющие миллионы крестьян, национальные организации и другие) не примирятся с иностранной властью в образе русского Хорвата или авантюристической организацией вроде Дальневосточного Комитета». При таких условиях довольно естественно, что «цензовые» элементы — вернее, харбинские кадеты во главе с бывш. чл. Гос. Думы Востротиним [Колосов. «Былое». XXI, с. 291] — уклонялись от соглашения, и поэтому, вероятно, Хорват воздерживался от «категорического ответа».

Дерберовское Правительство склонно было выступить с декларацией о Добровольческой армии и обращением к союзникам, не дожидаясь какого-нибудь соглашения, но пекинские уполномоченные, ссылаясь на отзывы представителей союзников, твердо отвечали, что такие выступления преждевременны. Ясно было, что «опереточное правительство» могло перестать быть таковым только при содействии союзников, т. е. [в результате] образования базы во Владивостоке, как гласила программа действий правительства, снабжения Англией и Японией всем необходимым и стратегического резерва из бригады — дивизия японцев.

Так тянулись дни. Поэтому не так далека уже от истины характеристика, данная на допросе Колчаком¹.

* * *

В марте впервые в дни гражданской войны на сцене Сибири появился адм. Колчак. В показаниях перед следственной комиссией он подробно остановился на рассказе о своем приезде на Дальний Восток. Рассказ этот

¹ Во Владивостоке был член Правительства Захаров, пытавшийся объединить вокруг Правительства местные общественные силы в «организационный коллектив». Из Пекина ему давали совет: «Сидеть смирно». Местные представители организованной демократии воздерживались также от принятия функций официального представительства власти.

важен для опровержения некоторых «легенд», которые уже сложились в литературе.

По оставлении Черноморского флота Колчак был командирован Врем. правительством в Америку. После большевицкого переворота и Брест-Литовского мира, желая активно участвовать в войне, Колчак предложил свои услуги английскому правительству. «Для меня было ясно, — показывал Колчак, — что этот мир обозначает полное наше подчинение Германии, полную нашу зависимость от нее и окончательное уничтожение нашей политической независимости». Колчаку было предложено «ехать в штаб месопотамской армии. В Шанхае, по дороге в Бомбей, Колчак получил от русского посланника в Пекине, кн. Кудашева, просьбу приехать к нему для переговоров по весьма важному делу. Колчак ответил, что не может уже изменить маршрут. В Сингапуре он получил, однако, телеграмму от английского правительства с предложением, согласно ходатайству кн. Кудашева, вернуться в Россию и начать деятельность на Д. Востоке, что, с точки зрения англичан, являлось более полезным для общего союзнического дела [с. 106—107]. В Пекине Кудашев указал Колчаку на необходимость в соответствии с работой, которая ведется Добровольческой армией, начать подготовку вооруженной силы на Д. Востоке. Существующие отдельные отряды самочинны, «не подчиняются никому, зависят от тех иностранцев, которые им дают деньги». Происходит «полный хаос». Надо постараться «этот хаос привести в порядок» [с. 108]. Колчак согласился, договорившись с прибывшим в Пекин Хорватом.

В первой половине апреля Колчак прибыл в Харбин. «В первые же дни мне было совершенно ясно, — рассказывал Колчак, — что Семенов действует, не считаясь с Хорватом, ни с его распоряжениями, широко применяя в полосе отчуждения ж. д. реквизиционную систему, т. е. просто забирая все, что может» [III]. Колчак решил непосредственно переговорить с самим Семеновым и в начале мая поехал в Маньчжурию. Для Колчака в деле, по-видимому, не было мелкого самолюбия. Он сам пришел в вагон к Семенову, так как казачий есаул не пожелал встретить достаточно известного своею деятельностью русского адмирала. Семенов

отвечал «довольно уклончиво», отказался взять средства от правления Вост.-Китайск. ж. д., заявляя, что он «сейчас ни в чем не нуждается», получая средства и оружие от Японии, и что он не обращается к Колчаку «ни с какими пожеланиями и просьбами». «Тогда я убедился, — говорит Колчак, — что, в сущности, и разговаривать не о чем». Колчаку «совершенно определенно заявили, что Семенов получил инструкцию» ни в каком случае ему не подчиняться [с. 119]. Ясно, откуда была инструкция. Японские военные власти боялись независимости, твердости и патриотической честности Колчака¹.

«Изучивши средства и ресурсы Вост.-Кит. ж. д., я увидел, — продолжает Колчак, — что создать здесь серьезную вооруженную силу не удастся и... что операции надо вести главным образом на Д. Востоке» [Владивосток]. У японцев «в это время обсуждался вопрос об интервенции, и я думаю, что с японской точки зрения создание вооруженной силы на Востоке было в то время совершенно нежелательно». Отсюда и конфликт с японской военной миссией, и те интриги, которые велись против Колчака на почве его «японофобии». «Собственно говоря, — добавляет К., — никакого японофобства и японофильства не было — нужно только было получить оружие». Колчаку пришлось при одном незакономерном деянии семеновского отряда принять решительные меры и, собрав отряд в 40 человек, арестовать компанию и отобрать захваченное имущество. «Это вызвало страшное возмущение среди японцев и среди семеновцев». «После этого японская миссия повела себя совершенно открыто» и «по германской системе» стала разлагать те маленькие части, которые были у Колчака [с. 125]. Начались у Колчака нелады и с Хорватом. Последний продолжал оказывать помощь Семенову

¹ Колчак передает характерные беседы, которые он вел до разговора с Семеновым с главой японской военной миссии ген. Накашима. Речь шла о передаче оружия в счет сумм, имеющихся у правления дороги.

— Какие компенсации можете предоставить за это?

— Я вовсе не прошу оружия как милости... Продайте.

Накашима ответил, что денежный вопрос его совершенно не интересует...

вопреки распоряжениям Колчака. С откровенностью Колчак говорит: «Возможно... Хорват желал от меня отделаться, считая слишком беспокойным и слишком несдержанным» [с. 37]¹. Противодействовать японской политике Колчаку казалось бессмысленным — для этого не было никаких средств. Колчак решил поехать в Японию и «совершенно открыто» поговорить с начальником генерального штаба Ихарой. В Токио русский посланник Крупенский ему сказал: «Знаете, вы поставили себя с самого начала в слишком независимое положение относительно Японии, и они это поняли». Колчак на это ответил: «...Мои поступки не давали никогда основания и повода к тому, чтобы считать меня врагом Японии. Я относился к ней, как к союзной державе... Я считаю, что я продолжаю ту войну, которую мы вели раньше». При свидании Ихара посоветовал Колчаку временно остаться в Японии: «Когда можно будет ехать, я скажу вам»... «Я протелеграфировал Хорвату общее содержание этой беседы, остался в Японии и решил полечиться, потому что чувствовал себя не вполне здоровым» [с. 126].

В это время пришло сообщение, что во Владивостоке образовалось Правительство Дербера, а потом и Правительство Хорвата.

«...Я понял, — продолжает Колчак, — что мое возвращение нежелательно. В то время готовилась интервенция, т. е. ввод иностранных войск на нашу территорию. По всей вероятности, впечатление, которое осталось у японцев, было таково, что я буду мешать этому делу. Поэтому они желали, чтобы я не вмешивался в дела Востока» [с. 138]... «Обдумав свое положение в Японии, я в конце концов пришел к убеждению, что при условии интервенции я вряд ли буду иметь возможность здесь, в России, что-нибудь сделать, потому что эта интервенция была мне не ясна прежде всего. Она носила официаль-

¹ Автор получившего большую популярность дневника, который печатался в «Архиве Рус. Революции» И. В. Гессена, бар. Будберг, на своем остроумном языке называет Хорвата «удачливым ловцом разных течений». Такой характер мало подходил к темпераментному Колчаку. Но Будберг с чрезвычайными преувеличениями описывает столкновения, которые были у Колчака [с. 219–220].

ный характер помощи и обеспечения прохода чехов на Дальний Восток. Вслед за тем получилось известие, что чехи отправляются обратно на Уральский фронт, и смысл и суть этой интервенции мне были совершенно непонятны. Я... считал, что делать мне на Востоке здесь нечего... Я решил ехать на юг, постараться найти свою семью, а затем явиться в распоряжение Алексеева» [с. 143].

* * *

Когда 29 июня чехословаки свергли во Владивостоке советскую власть, «правительство опереточное» — Дербер и его министры, конспиративно перебравшиеся перед тем из Харбина во Владивосток, — объявило себя «Временным правительством автономной Сибири»¹. По словам бывшего тогда на Д. В. ген. Флуга, оно склонно было Омское правительство рассматривать только как свой филиал [IX, с. 299]. В декларации 29 июня оно действительно довело до сведения «дружественных России держав, как союзных, так и нейтральных», что вступило «в права и обязанности центральной государственной власти в Сибири». Временное правительство автономной Сибири считало себя вправе принять функции центрального Правительства Сибири на основании уполномочий Областной Сибирской Думы, созданной на основе «представительства всех общественных групп Сибири». Временное правительство, «с сожалением» констатируя факт «временного отсутствия в составе Обл. Сиб. Думы и Правительства представителей цензовых слоев населения» и «считая безусловно необходимым объединение в высоких органах государственной власти всех слоев населения страны», «категорически» заверяло не представленную в Сибоблдуме часть населения в том, что им будет внесен в первое же заседание Думы законопроект о «справедливом и немедленном пополнении состава Обл. Думы» [пол-

¹ Так как многие склонны считать, что Япония оказывала Правительству Хорвата совершенно исключительное содействие, следует отметить, что, по словам ген. Степанова, этот переезд свершился «не без настояний японцев» при помощи субсидии, полученной Краковецким [Деникин. III, с. 107].

ный текст декларации в «Хронике». Прил. 50]. В Правительство «автономной Сибири» вошли малоизвестные деятели из партии с.-р. Оно поспешило назначить своих представителей в Токио и в Вашингтоне и в некоторой наивной простоте разослать союзным державам ноту, в которой «с особенной настойчивостью» «предупредительно» указывало, что «всякие соглашения союзных держав с отдельными лицами и организациями частного характера, объявляющими себя правителями или государственной властью в пределах Сибири, неминуемо встретят в населении Сибири единодушное осуждение и будут приняты как действие, враждебное по отношению к самому населению, а потому союзные державы, не преследуя в России каких-либо иных задач, кроме борьбы за общедемократический мир, и стремясь к беспрепятственному и ускоренному его достижению совместно с Россией, сочтут для себя необходимым в дальнейших своих мероприятиях на территории Сибири и действовать исключительно в согласии с высшей территориальной властью Сибири, какою, несомненно, является Временное Правительство Автономной Сибири» [«Хр.». Прил. 87].

В сущности, параллельно с центральным Правительством Дербера во Владивостоке существовала также эсеровская, местная власть — «областное земство» с правительственными функциями, возглавляемое Медведевым. Позиция земства была характерна — оно искало «путей мирного соглашения с большевиками» и не желало порывать с органами «революционной власти — советами». Так определяет «принципиально невыдержанную» позицию дальневосточных эсеров сам бывший председатель Сибоблдумы¹.

В противовес социалистическому правительству 9 июля было объявлено о создании «Делового Кабинета Временного правителя» ген. Хорвата. Это была, по словам Колчака, «работа Дальневосточного Комитета», вдохновляемая

¹ Якушев Ив. Дальневосточные самоуправления в борьбе за власть (1917—1919). «Местное Самоупр.». — Труды общества в Чехословакии. Прага, 1926, с. 196, 201.

к.-д. Востротиным¹. Эсер Алексеевский на заседании следственной комиссии с пристрастием допрашивал Колчака об его отношении к акту 9 июля, отыскивая в «умонастроении» Колчака «предпосылку» к необходимости единоличной власти: «ведь Верховный правитель — это, в сущности, диктатор». Колчак ответил: «Я считал, что надо привести Д. В. к какому-нибудь порядку, поэтому я считал вполне понятным, если бы Хорват распространил свою власть, кроме полосы отчуждения, и на соприкасающуюся Приморскую область... Во всяком случае, я не считал, что это торжество единоличной власти» [с. 139]. Колчак рассказывает, как три власти отменяли постановления друг друга и боролись между собой. Колчак говорит, что, так как он имел неверные сведения о характере приморской власти, ему казалось наиболее резонным начать организацию Правительства через деловое земство. Затем он убедился, что это земство носило характер полубольшевицкий.

Хорват, конечно, был «единственным авторитетом» в этой среде. Его власть, однако, авансом была объявлена местной «левой» демократией реакционной. «Удачливый ловец разных течений» был, по-видимому, прежде всего человеком дисциплины. Колчак подчеркивает, что ген. Хорват всегда отстаивал законные нормы борьбы. Хорват был большим джентльменом в общественных отношениях². Вероятно, он так легко поэтому подчинился и Сибирскому правительству, и верховенству адм. Колчака, конкурентом которого он являлся в глазах некоторых сибирских общественных кругов³. В состав делового каби-

¹ Милюков изображает так, что создание Правительства «было подготовлено путем продолжительных переговоров наших дипломатических представителей в Пекине и Токио с Японией» [с. 43]. Едва ли это было так. См.: Флуг. С. 274.

² Это подтверждает отношение Хорвата в Харбине к дербевскому Правительству, которому было оказано полное гостеприимство. Флуг считает «большой политической ошибкой» со стороны Хорвата, что после выяснения непримиримой позиции этого министерства Хорват не принял мер к его «ликвидации или хотя бы к невыпуску из Харбина» [с. 294].

³ Флуг рассказывает, что Хорват, «по собственной инициативе», обязался в случае соприкосновения с М. В. Алексеевым «тотчас же уступить принятую на себя власть» [с. 274].

нета вошли отнюдь не только «правые» элементы. Деловой кабинет составил из троих беспартийных, двух членов партии народной свободы, двух народных социалистов, из них один потанинского «кружка» (имеется в виду, очевидно, старый народник Курский). В его среде был, между прочим, и инж. Устругов — прежде член дербевского Правительства, позже в первую очередь приглашенный Директорией на пост министра путей сообщения. Вошел в него и представитель Добр. армии Флуг.

4 июля, получив сведения о событиях в Приморской области, Правительство Хорвата послало авангард под командой ген. Хрещатицкого для занятия участка «русской территории», где могла бы объявиться новая «российская власть». Но авангард ген. Хрещатицкого был встречен «в боевом порядке» чехословацкими войсками, «консульский корпус» же во Владивостоке предложил Хорвату «немедленно отозвать... войска в пределы полосы отчуждения Китайско-Восточной жел. дор., а самому ему обратиться к исполнению обязанностей директора той же дороги [Флуг. С. 297]. Хорват попытался перенести со ст. Гродеково свою резиденцию во Владивосток, но здесь союзники вновь показали, что только они реальная сила на Д. Востоке: Хорват, прибывший во Владивосток «с конвоем из нескольких десятков офицеров», вынужден был этот «почетный эскорт» отправить в Гродеково [там же. С. 299].

Таким образом «обе претендующие на власть на Д. Востоке организации продолжали существовать рядом, взаимно одна другую парализуя», или, по выражению доклада ген. Степанова, «высиживая друг друга на измор».

28 июля Правительство «автономной Сибири» (входившей в состав Федеративной Российской Республики), единственная законная и признаваемая на территории Сибири власть, призывавшая население к «объединению» и прекращению гражданской войны¹, послало Хорвату требование «сложить с себя незаконно присвоенные полномочия». Тем не менее, по инициативе союзников, между обоими правительствами начались дипло-

¹ Письмо мин. Пр. Дербера в «Вестнике Вр. Пр. Авт. Сиб.», № 4. «Хроника». Прил. 86.

матические переговоры. Но договориться было трудно, и особенно Правительству Дербера (Дербера с 21 июля на посту председателя заменил Лавров, кооптированный в Правительство от земства). Владивостокское правительство опиралось на «организованную» социалистическую демократию. Последняя не очень склонялась к уступкам, как свидетельствует, например, открытое письмо николюско-уссурийского городского головы Вакулина на имя Дербера. Вакулин, до которого дошли слухи о переговорах с ген. Хорватом, протестует. Разговаривая с Хорватом, Дербер порывает с демократией. Вакулин убежден, что «революцию спасти можно только организацией однородной, т. е. социалистической, власти» [владивостокская «Власть Народа», № 17].

Уже 24 августа переговоры были прерваны. Дело в том, что местное офицерство, как и везде на других территориях, естественно, стремилось к объединению военного командования. На состоявшихся во Владивостоке совещаниях представителей обеих военных групп в роли общего боевого начальника был выдвинут ген. Плешков, издавший 23 августа соответствующий приказ. Это было признано приморской властью попыткой фактически захватить власть (вероятно, так это и было — готовилось «пронунциаменто»). Здесь вмешались союзники и приказали разоружить войска, признавшие Плешкова. Операция эта была произведена «японскими и китайскими контингентами».

«Этот позор действительно состоялся вечером 25 августа, к великому ликованию тех, равнодушных к вопросу национальной чести русских граждан, которые были его виновниками. Но вслед за этим поруганное народное чувство среди более чуткой части владивостокского населения выразилось в таких формах, которые заставили иностранных резидентов призадуматься относительно целесообразности столь поспешно принятой ими меры. Явились предположения о ее пересмотре... Окончательный толчок этим сомнениям дало прибытие во Владивосток облеченного особыми полномочиями английского генерала Нокса, в результате чего около половины сентября русскому отряду, при подобающей обстановке, было возвращено отобранное у него оружие» [Флуг. С. 202].

Вне всякого сомнения, что инспираторами союзников в данном случае были действительно лидеры «левых». Оказалось, что ночью, в момент разыгравшегося конфликта, эсеры Краковецкий и Медведев посетили англичан и японцев, которые и решили поддержать управу. Это вызвало даже протест других эсеров, негодовавших на вмешательство союзников во внутренние русские дела [«Путь Народа», 5 сент.]. На всю военную корпорацию инцидент с разоружением русских частей произвел крайне тяжелое впечатление.

... «Обезоружена и опозорена единственная приличная русская военная организация Волкова», — записывает в дневнике Будберг... «Официально подтверждается о разоружении офицерской организации Бурлина; это крупное несчастье, ибо на ней можно было положить основание создания первой настоящей воинской части; она заключала в себе много идейных людей, думавших не о себе, а о России и ее спасении» [XIII, с. 246].

Все эти печальные «оперетки», «да еще с третьеразрядными исполнителями», по выражению язвительного Будберга, вызывали лишь огорчения у Колчака, находившегося еще в Японии. «Для меня было ясно, что Хорват и его Правительство не являются хозяевами на Востоке... Там хозяйничают союзники... В сущности, «этим и определялось мое отношение к этим правительствам... Я решил, что теперь наступило господство союзников, которые будут распоряжаться, даже не считаясь с нами» [с. 139].

* * *

Была, как мы знаем, в Восточной Сибири и еще одна власть, которую поддерживали почти исключительно иностранцы: отчасти французы и главным образом японцы¹.

¹ Флуг больше всего и обвиняет иностранцев, с «благословения которых по неведению» в атмосфере сибирского многовластия пышно расцвело на Д. Востоке «атаманство» [с. 298]. Здесь было, очевидно, не одно только «неведение». Позже французская военная миссия продолжала организовывать самостоятельные отряды «особого назначения». См.: «Кр. Арх.». XXIX, с. 206 — сведения относятся к сентябрю.

Это была власть атам. Семенова, самоопределившегося наподобие временного правителя забайкальской области. «Вскормленный Хорватом утенок отправился в отдельное плавание», — записывает Будберг 19 мая. Считать Семенова креатурой Хорвата едва ли правильно. Не безынтересно то, что Правительство «Автономной Сибири» к семеновской власти в этот период относилось далеко не враждебно. Оно считало Семенова даже как бы своим авангардом — так и определяет роль Семенова сибирский кооператор Морозов, делавший 12 сентября доклад о Сибирском правительстве Архангельскому правительству. К Семенову нет отрицательного отношения, ибо еще весной он признал и Областную Думу, и Учредительное Собрание. Из журнала Правительства 5 августа, опубликованного Вегманом в примечаниях к воспоминаниям ген. Болдырева, мы узнаем, что дерберовское Правительство даже кредитовалось у Семенова [с. 522, прим. 73]...

Семенову первому пришлось столкнуться с двигающимися с запада сибирскими и чешскими войсками под начальством Пепеляева и Гайды. Взята была Чита; захвачена Амурская ж. д.; пали Благовещенск, Сретенск, Нерчинск. «На ст. Оловянная, — рассказывает участник пепеляевского похода И. А. Кириллов, — вскоре приехал для переговоров полк. Афанасьев, представитель ат. Семенова, причем сам атаман Семенов не являлся, очевидно выжидая событий.

«Полк. Афанасьев вел переговоры весьма неопределенно и, казалось, что-то не договаривал.

Ввиду неопределенности решено было созвать экстренное заседание военного совета, на нем кап. Кадлец (чех), со свойственной ему прямоотой, заявил, что если нужно силой оружия усмирить непокорных, то он готов немедленно двинуть свой отряд.

После совещания полковнику Афанасьеву было предложено передать Атаману Семенову, что если он не признает Сибирского правительства, то против него немедленно будут открыты боевые действия, причем был дан срок до 12 час. следующего дня.

Атаман Семенов, не дожидаясь окончания этого срока, весьма аккуратно явился в штаб, где извинился за свою задержку,

сказал о своей готовности подчиниться Сибирскому правительству и просил, как это ни странно, прежде всего о себе. Его беспокоила мысль, признает ли Сибир. прав. его атаманство, согласится ли оно его произвести в полковники» [«Вольная Сибирь». IV, с. 56–57].

В это же время пришло сообщение из Харбина, от Хорвата, о желании переговорить с высшими чинами Сибирской армии. Встреча с Гайдой и Пепеляевым произошла на ст. Борзя. «Свидание было весьма просто обставлено, без всякой помпы: у Хорвата не было ни караула, ни свиты. Генерал Хорват произвел весьма выгодное впечатление. Он сообщил, что до образования Сиб. прав., стремясь к сохранению русской государственности на Дальнем Востоке (полоса отчуждения), он объявил себя правителем Дальнего Востока и что теперь готов подчиниться Сибирскому правительству» [«Вольная Сибирь». IV, с. 57].

Одновременно пришло сообщение ген. Дитерихса, что Приморье очищено от большевиков. Таким образом, был открыт путь Сибирскому правительству до самого океана. Что же представляло из себя в это время Омское правительство?

2. Начало конфликтов

«Правительство Вологодского, — пишет Гинс, — облагоустроено двумя свойствами, которые могли обеспечить ему политический успех: во-первых, умеренностью и трезвостью взглядов большинства и, во-вторых, несомненной демократичностью происхождения и социальных симпатий. Новую Россию должны создавать новые люди»... [I, с. 119].

Первым шагом Правительства было распоряжение об аннулировании декретов советской власти (4 июля) и ликвидации советов (6 июля), причем постановление Вр. прав. гласило, что «образование профессиональных организаций, не преследующих политических целей, не подвергается никаким ограничениям» [«Хроника». Прил. 73]. 6 же июля было принято постановление, что «имения, расположен-

ные на землях собственных и арендованных, передаются в заведование прежних владельцев впредь до разрешения вопроса о земле всерос. Учр. Собр.» [Прил. 81] и проведена денационализация промышленных предприятий.

Уже роспуск Правительством советских учреждений показал, что в среде сибирских эсеров здесь не будет единого лозунга. Большинство партии находилось под гипнозом страха оторваться от масс, настроение которых по трафарету определялось представительством в органах так называемой организованной революционной демократии, т. е. в советах. 27 июня в Омске происходит конференция правлений профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов. Резолюция, на нем принятая, была своеобразной смесью большевистских настроений с отрывкой меньшевистских и эсеровских лозунгов 1917 г.:

«Советы создаются в данный момент не как органы государственной власти, но как боевая классовая организация, необходимая нам для торжества революции.

Советы рабочих депутатов — это тот парламент, в котором должна выясняться воля рабочего класса.

Советы в настоящее время не должны претендовать на государственную власть, но они должны быть органами контроля власти. Омский пролетариат, стройся в боевые колонны и противопоставь их хищническим стремлениям буржуазии! Да здравствуют Советы рабочих депутатов! Да здравствует революция и социализм! Да здравствует всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право!» [«Хр.». Прил. 75].

Отклоняется большинством лозунг: «Да здравствует У. С.», отклоняется, конечно, и поддержка Сибирскому правительству. Несколько позже (5 июля) в Омске происходит крестьянский съезд: он делает постановление о создании Советов трудового крестьянства с оговоркой, что органы эти должны являться классовыми организациями, но отнюдь не представлять собою органов власти.

От этих трафаретов уже пахло архивной плесенью, но они производили впечатление на руководителей «революционной демократии». Так, Гинс рассказывает инцидент, происшедший в Правительстве при обсуждении указа о роспуске Советов. На заседаниях Совета присут-

*Командующий Черноморским флотом
вице-адмирал А. В. Колчак.
Начало 1917 г.*

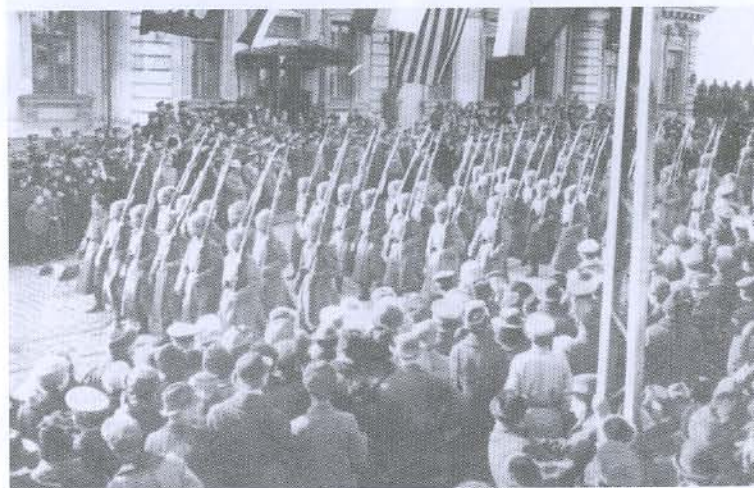

Американский плакат, приветствующий революцию в России.
Опубликован в журнале «Нива» в ноябре 1917 г. (№ 45).
(За свободу тогда, – 4 июля 1776 – 1917 – За свободу теперь!)

А. В. Колчак в форме Охранной стражи КВЖД. Харбин, 1918.

Части Сибирской армии на параде

*Атаман Оренбургского
Казачьего войска
генерал-лейтенант
А. И. Дутов*

*Атаман
Забайкальского
Казачьего войска
генерал-лейтенант
Г. М. Семенов*

*Главнокомандующий
Восточного фронта
генерал-лейтенант
В. О. Каппель*

*Атаман Сибирского казачьего
войска генерал-майор
П. П. Иванов-Ринов*

*Командир 1-го
Средне-сибирского
армейского корпуса
подполковник А. Н. Пепеляев*

*Генерал-майор
М. К. Дитерихс*

Денежные знаки и ценные бумаги,
имевшие хождение на Востоке России при Колчаке. 1918–1919.

*Государю Александру А. В. Колчаку
Адмирал Нагоя 25-го июля
Ваш*

Верховный правитель России А. В. Колчак. 1919.

ствовал для установления преемственной связи бывший член Зап.-Сиб. комиссариата Сидоров. Он заявил, что, если бы члены комиссариата знали об этом, они никогда не знали бы власти и что отныне они из агентов Правительства превращаются в революционеров и все свои силы употребят «на борьбу с ним» [I, с. 123]. Пусть этот инцидент и был исчерпан на заседании¹, он был симптоматичен. Гинс совершенно основательно замечает, что все подобные коллизии свидетельствовали, что не изжит еще дух партийности и классовой розни, что не борьба за возрождение родины — действенный стимул... «Переворот произошел слишком рано».

***

Но самый трудный вопрос, который стал перед Правительством, — это вопрос о Думе. Около Думы разыгралась вся последующая общественная борьба в Сибири. Пражский журнал «Вольная Сибирь», редактируемый бывшим председателем Сибоблдумы Якушевым и выражающий за границей преимущественно мнения эсеровской фракции Сибоблдумы, так формулирует мотивы недовольства Думой:

«Не нравилась правым группам не только общая конструкция Думы (система Конвента французской революции), по которой верховная власть принадлежала Думе; так что исполнительный орган (министерство) должен был ей всецело подчиняться, но и то, что представительство буржуазии было вовсе исключено» [III, с. 4].

Post factum редакция признает, что исключение ценовых элементов было «большой ошибкой», но по тогдашней обстановке оно было вполне понятно и объяснимо. Ошибку поняли некоторые эсеры еще тогда. Так, член Правительства Дербера Моравский уже 18 апреля в интервью заявил, что наблюдения при поездке в Сибирь

¹ Настроения на заседании Правительства уже тогда часто носили нервный характер. Напр., на заседании 2 июля с.-р. Фомин докладывал, что в армии Пепеляева «есть люди, которые говорят: "Перевешаем сначала большевиков, а потом будем вешать членов Вр. пр."» [Колосов. — «Былое». XXI, с. 264].

убедили его в необходимости коалиции с цензовыми элементами¹. Другие такую склонность к единому демократическому фронту продолжали называть «оппортунизмом» (напр., Ракитников).

Приписывая себе большую инициативу, чем это было в действительности², Гинс говорит, что он совместно с Якушевым составил правительственное сообщение о созыве Думы на новых началах: представительство цензовых элементов и профессиональных рабочих и крестьянских организаций вместо «упраздненных советских... самое имя которых навеки запятнано» [с. 122]. В заседании на этой почве происходит столкновение с с.-р. Шатиловым. Вопрос о Думе Правительство разрешает так же, как он был разрешен при Правительстве Дербера: Дума собирается в прежнем составе, и Правительство вносит на ее рассмотрение первым проект о расширении избирательного права. Вместе с тем цензовым группам предлагалось выбрать своих представителей и прислать их в Томск к 20 июля для того, чтобы «без промедления принять участие в работе Думы» [«Хроника». Прил. 77]. Но значительная часть сибирской общественности, а не только «правая печать», отнеслась отрицательно к самой идее возобновления Думы³. Прежде всего, против созыва Думы выступил омский в то время еще «социалистический» блок из представителей соц.-рев. оборонцев, народных социалистов и соц.-дем. из «Единства». В совещании своем 10 июля блок вынес подробную мотивированную резолюцию, целиком напечатанную тогда в некоторых газетах и воспроизведенную в «Хронике» [Прил. 79].

«Созыв Обл. Сиб. Думы как органа верховной власти, — гласило заявление блока, — стоит препятствием, чреватым катастрофическими последствиями, на пути...

¹ «Красн. Архив». XXIX, с. 134.

² «Ознакомившись с Положением о Думе, я пришел к убеждению о невозможности созыва ее в прежнем составе» [с. 121]. Это было уже общее убеждение.

³ Томская Городская Дума с самого начала отклонила предложение Областн. Совета избрать депутатов в Думу, будучи недовольна ее искусственным подбором [Ракитников. С. 4; Гинс. I, с. 72].

укрепления Вр. Сиб. пр., создавая другого носителя верховной власти, низводя в действительности и в правосознании масс Врем. пр. до положения органа исполнительного, могущего выронить власть и до У. С., в случае коллизии с Обл. Думой»... «Вместе с тем то неустойчивое положение, которое должно занять Врем. прав. в ожидании Обл. Думы и возможного с ней расхождения, неизбежно уронит дух защитников Сиб. пр., связавших с его программой, с его линией поведения свою судьбу...» И быть может, самое главное, что выдвигала записка, — это ненормальное существование Думы, которая была организована в соответствии с формулой «единого социалистического фронта от народных социалистов до большевиков включительно...» «И по своему составу и по обстановке, в которой Дума организовалась, она не может функционировать в качестве органа, облеченного доверием и поддержкой сколько-нибудь значительных групп».

Трудно найти что-нибудь реакционное в этом трезвом слове современников. Совсем в других тонах прошло шумное выступление против Думы лидера омских кадетов прис. пов. Жардецкого на торгово-промышленном съезде 18 июля. Талантливый человек, но, по-видимому, с очень не выдержанным характером и легко увлекающийся, он давал всегда своими выступлениями оружие в руки врагов своих¹. По газетному отчету [«Заря», № 29] можно судить, сколь излишни были все реплики Жардецкого о «говорильнях», которые являли собой представительные учреждения: «трафарет ленивой мысли говорит: как оставить власть без контроля. Лучший контроль, по тому же трафарету, — представительное учреждение. И вот посылают на базар. Собирают 200–300 человек, и готово представительное учреждение. Ведь это унижение правовых воззрений государства до уровня сознания батрацкого депутата». «Время обаяния мифов и иллюзий миновало — общественная мысль пришла к выводу, что в стране, где ведется стремительное наступление врага,

¹ Напр., в заседании областников 23 июля Жардецкий счел нужным резко отмежеваться от областничества от имени партии к.-д. [«Хр.». Прил. 70].

где бушуют страсти гражданской войны, там неизбежно должна быть введена твердая единоличная власть, могущая спасти государство». Все эти выкрики были излишни, ибо Жардецкий заканчивал только предложением поддерживать членов Правительства: «Они нам были чужды. Социалисты. Пусть. Не сомневаясь в их политической честности, мы их признали и им верим. Они — верховная власть, этого довольно»¹.

Съезд принял резолюцию о неизменности пятичленного состава Правительства, у которого находится верховная власть страны. Вместе с тем съезд отказался производить выборы в Сибоблдуму². Тактика бойкота в данной обстановке, конечно, была ошибочна. Было ясно, что Дума соберется.

* * *

Перед торгово-промышленным съездом, по инициативе Иванова-Ринова, состоялся в Омске и казачий съезд — четвертый круг сибирского казачьего войска. 9 июля происходило объединенное заседание представителей казаков, торгово-промышленников, профессиональных союзов, партий, на котором Вологодский делал доклад о работе сибирской власти. Большевицкие историки считают, что именно с этого момента Сибирское правительство «круто поворачивает вправо от намеченного пути» [Парфенов. С. 40]. С этого времени началось и разногласие, которое стало намечаться в демократической среде кооперации. Вновь воскресшие союзы маслодельных артелей и даже некоторые кредитные союзы сделали крен направо и пошли по пути оборонческого блока. Председатель всесибирского кооперативного бюро А. В. Сазонов, председатель съезда зап.-сиб. союза В. В. Куликов и председатель Союза мас-

¹ В заседании Омской Гор. Думы 5 июля Жардецкий требовал роспуска Думы, состоящей из «неработоспособных и демагогических элементов», и изменения избирательного закона [Парфенов. С. 42–43].

² Бойкот, по-видимому, прошел и в других местах. В «Сибири», № 5, я встретил указание, например, на бойкот со стороны енисейского торгово-промышленного съезда.

лоделов А. А. Балакшин становятся лидерами «Союза Возрождения». В Омске кооператоры издают газету «Заря», проводящую линию «оборонческого» блока и борющуюся с Сибоблдумой, которая одна, по мнению правых эсеров, остается «верной идее демократии» [М. Кроль].

Несомненно, влияние эсеров ослабевает в кооперации — особенно к августу, когда выясняется нездоровая политика Сибоблдумы. Крена направо тут не было, если этим «правым» уклоном не считать поддержку национально-государственной задачи того Правительства, которое сумело выработать среднюю линию и, очевидно, приобрести авторитет, если заставляло так или иначе признавать себя действительно уже «правонастроенными» элементами. Эти настроения довольно ощутительно стали сказываться в омской общественности.

Иркутский эсер М. Кроль, прибывший в июле в Томск для участия в работах Думы, со слов министра Шатилова, в таких чертах, вероятно сильно преувеличенных, охарактеризовал настроения в Омске: «Кругом только и говорят о диктатуре, переворот подготавливается на глазах у Правительства, а оно точно разбито параличом, все видит, все слышит, но абсолютно ничего не делает для предотвращения этого несчастья»¹ [«Вольная Сибирь». IV, с. 78]. Если «диктатура стала бредовой идеей всех политических буржуазных группировок, выплывших на поверхность общественной жизни после свержения большевиков», то этому в значительной степени содействовал страх перед Сибоблдумой, протягивавшей руку самарскому Комучу. Через Обл. Думу «эсеровское большинство пыталось утвердить свою диктатуру» — так позже в екатеринбургской лекции 23 октября обрисовал тактику Думы проф. Новомбергский, сам числившийся в рядах областников и народных социалистов [«Заур. Кр.», № 80]. Этой диктатуры интеллигентская Сибирь в то время во всяком случае не хотела — не приходится говорить уже о Сибири военной.

Как только открылись сношения с Европейской Россией, Комитет У. С. предъявил Сибирскому правитель-

¹ Призыв к «перевороту» эсеры усмотрели в речах на торгово-промышленном съезде.

ству требование передать полноту власти. Получив отказ, Комитет У. С., при содействии членов Областной Думы, пытался фактически захватить власть в Сибири — такое заявление делается в записке областников, подписанной среди других и Потаниным и составленной по поводу разыгравшегося в сентябре конфликта правительства с Думой¹. Записка областников признавала ошибочным то, что Правительство вытащило из подполья Обл. Думу и тем самым оживило «представительство» губернских, уездных, волостных совдепов. Это представительство было использовано социалистами в Думе, во зло Сибири и России [«Сиб. Вест.», № 13]². По мнению областников, при самом «незначительном государственном понимании» Дума должна была бы сойти с политической сцены.

И вновь это — суждение не правых, оценка не «реакционной военщины», которая будто бы уже успела захватить целиком в свои руки Сибирское правительство, руководимое «безвольным и беспомощным» Вологодским.

3. В Сибоблдуме

Эсеры из Сибоблдумы не разделяли точек зрения областников, с которыми их так недавно еще связывала общая борьба против большевиков в конспиративной и нелегальной работе.

К концу июля в Томск набралось довольно много бывших членов Думы, которые образовали 4 фракции: 1) соц.-рев.; 2) соц.-дем.; 3) представителей национальностей и 4) автономистов. К последней примыкали и беспартийные. Между фракциями происходили частные совещания. По словам участника их М. Кроля, «с первых же дней работы частного совещания стало ясно, что Областная Дума расходится на два абсолютно непримиримых лагеря.

¹ «Агентом» Самарского правительства Гинс считает тов. мин. вн. дел Павла Михайлова, скрывавшего ленту переговоров по прямому проводу с Самарой и за это уволенного. Отставка Михайлова вызвала в Самаре «взрыв возмущения» [I, с. 143, 147].

² По-видимому, многие боялись, что это представительство при созыве Думы будет даже коммунистическим. См. беседу Вологодского с М. Кролем.

Социалистические группы, с одной стороны, и автономисты, с другой, представляли собою два исключаящих друг друга мировоззрения, две противоположные тактики, две чуждые одна другой психологии. Социалистические¹ группы стояли за укрепление Сиб. Обл. Думы как высшего законодательного органа края... Автономисты же рвались в бой с большевиками и лелеяли мечту о военной диктатуре. Для них разогнанное большевиками всерос. Учр. Собр. перестало существовать. О созыве же нового У. С. — было рано еще думать. Главное их внимание было обращено на организацию военной силы, способной продолжать борьбу с совет. властью и коммунистами... Вся полнота власти, по их мнению, должна была быть сосредоточена в руках Сиб. Вр. прав.² [с. 73]. Психология Кроля выступает в этих строках чрезвычайно ярко — ему уже не нравится, что «автономисты рвутся в бой с большевиками»... А дальше еще определеннее — борьба с большевиками к тому же и невозможна. Только причем здесь верность идее демократии, о которой ниже говорит Кроль!

«Верными идее демократии оставались только социалистические партии, все же остальные бывшие либеральные и даже радикальные элементы с необычайной стремительностью шарахнулись вправо. Они могли рассчитывать только на несколько десятков тысяч офицеров, оказавшихся в Сибири, и на часть казачества.

Это были ничтожные силы, в достаточной степени дезорганизованные и деморализованные. И с такими силами правые элементы собирались напасть на большевиков, которые к этому времени уже успели создать дисциплинированную Красную армию, располагали колоссальными ресурсами»³ [с. 74].

Для того чтобы расстроить «гнусный план» упразднения Думы, частное совещание послало специальную

¹ Под «социалистическими» группами подразумеваются эсеры и эсдеки.

² Кроль сам себе противоречит, приписывая областникам идею военной диктатуры.

³ В этом отношении Кроль оказывается в полном противоречии с декларацией, оглашенной с.-д. Карповым от имени Сиб. Обл. Думы на Уфимском Госуд. Совещ.

делегацию в Омск. Вернее, целью делегации было оказать воздействие на Правительство в смысле переезда его в Томск. Правительство для борьбы с реакционным Омском должно связать свою судьбу с Думой, которая «как-никак являлась выразительницей надежд и чаяний всей демократической и революционной общественности Сибири»... Делегаты должны были «раскрыть глаза и указать ему бездну, куда толкали его «воинственные патриоты», в ослеплении своем потерявшие способность понимать, что вокруг них происходит» [с. 77].

«В такой момент, — говорит Кроль, — ниже нельзя было топтаться на месте. Сибирскому правительству необходимо было бросить жребий: или объявить себя до конца солидарным с Областной Думой, переехать в Томск, обратиться к народу и потребовать от военного командования полного и безоговорочного подчинения, или сказать сторонникам диктатуры: «Что делаешь, делай скорее». Правительство же бездействовало и отдавало себя покорно вихрю событий»¹ [с. 80].

Непонятно, каким образом Кроль при своем «пацифистском» настроении надеялся через Областную Думу «парализовать подпольную работу большевиков». Ведь Сибирь в это время еще не была освобождена от большевиков. До августа, когда была объявлена первая мобилизация, разложившиеся добровольцы сражались в Сибири, как сражались они и на территории Комуча. В военных кругах подобный «пацифизм» рассматривался — и не без основания — как своего рода большевизанство. Это был призыв в разгар гражданской войны кончать ее.

* * *

7 августа Правительство подписало указ о созыве Думы. Гинс признает, что с точки зрения положения о Думе «указ Правительства был излишен». Но такова была конструкция власти в общем сознании — Правительство, по неписаной конструкции, рассматривалось как своего рода

¹ Приходится признать, что «интрига», которую Кроль приписывает Омску, велась в недрах Сибоблдумы. Ее противники выступали совершенно открыто.

Директория, пользующаяся неограниченными верховными правами (записка областников). Без указа о созыве Думы последняя не набрала бы кворума.

К моменту открытия Думы соотношение сил было неблагоприятно для думских «левых» — это должен признать и Кроль.

«Правда, автономисты в Думе были в меньшинстве (около 20%), но у них была сильная поддержка за стенами. Их единомышленники были хорошо организованы и обладали реальной вооруженной силой¹. Социалистические же группы Областной Думы представляли интересы широких народных масс, фактически были оторваны от них. Задача теснее связаться с этими массами и организовать их для борьбы с врагами справа и слева была еще впереди...»²

При открытии Думы, происходившем с обычной помпой, Правительство в оглашенной декларации дало понять, что выводит свою власть из «создавшего переворотом фактического положения» (ср. записку областников). Декларация подчеркивала, что «контрреволюцию справа питают крайне левые течения» [декларацию см. у Гинса. Т. I, с. 165].

По словам Гинса, главенствовавшая фракция в Думе предварительно сговорила с Правительством о программе работ Думы. Она нигде, однако, не была зафиксирована, и Дума тотчас же вышла из намеченных рамок работы по вопросу о посылке делегации на собирающееся в Челябинске совещание по организации всероссийской власти

¹ Раньше Кроль называл эту вооруженную силу «разложившейся». Она насчитывала до августовского набора 40 000 добровольцев!.. П. Н. Милюков [I, с. 44] неосновательно противопоставляет успеху набора добровольцев в Зап. Сибири попытку адм. Колчака в Харбине создать военную силу — он набрал якобы только 740 человек. Количественно харбинские вооруженные отряды, конечно, значительно превышали ее. Колчак предполагал набрать корпус в 20 000 человек. «Приток добровольцев был очень велик», — показывает Колчак [с. 117]. Остановка была за деньгами и, главным образом, за оружием...

² У Парфенова [с. 43] имеется намек на то, что «пацифизм» некоторых сибоблдумцев был весьма относителен — для борьбы с омской «реакцией», по-видимому, были предприняты некоторые попытки создать свои собственные военные части.

и о включении в состав Думы членов У. С. от Сибири [с. 152]. Острые прения в самой Думе возникли при проверке мандатов депутатов. С решительными возражениями выступил кооператор Бедра, оспаривавший не более и не менее как 46 полномочий, выданных от организаций «самочинных или уже отживших» (советы, фронтовые съезды и т. д.)¹. С.-р. Колосов признавал, что критика с формальной стороны во многих отношениях права, но существо вопроса другое: само Правительство вышло из недр самочинной организации [«Сибирь», 21/VIII, № 32]... Оставляя историю в стороне, приходилось, однако, признать, что «народовластие» Думы в данной обстановке становилось фикцией.

Вопреки мнению Правительства, Дума предоставила всем членам У. С. полноправное членство, т. е. тем самым увеличивала голоса и так уже первенствующей эсеровской фракции.

Два лагеря, намечавшиеся в частном совещании, естественно, резко определились и в официальных заседаниях Думы. Одни в существовании Думы видели гарантии созыва У. С. 1917 г.; другие его не признавали. Непримиемые разногласия выявились при обсуждении вопроса о всероссийской власти. Гинс [с. 170] их формулирует так: большинство стояло за признание Вс. У. С. полномочным создать верховную власть и за организацию лишь временной всероссийской власти до воссоздания У. С. прежнего созыва. Меньшинство отстаивало созыв нового У. С., организацию безответственной и полномочной власти и совещание для избрания власти исключительно из областных правительств. Как видим, с самого начала вскрылись те чреватые последствиями вопросы, которым суждено было раздирать русскую общественность еще долгие месяцы².

¹ Примеры искусственного подбора «народных представителей» см. у Гинса [I, с. 174].

² Надо отметить, что единодушия не было у эсеров. Парфенов отмечает [с. 44] заявление, сделанное кооператором эсером В. В. Куликовым от имени «Союза Возрождения» в ЦК партии, по поводу «невозможности в настоящий момент осуществлять парламентаризм и чистое народовластие и о необходимости «немедленного роспуска Думы».

В Думе договориться не могли.

Взаимоотношения, установившиеся в Думе, чрезвычайно ярко сказались при выступлении военного министра Гришина-Алмазова 16 августа. Встреченный «бурными аплодисментами» одной части собрания, этот недавний соратник эсеров (и даже член партии) в борьбе с большевиками становился уже фигурой ненавистной для партийных политиков. Что же говорил Гришин-Алмазов? Его речь сводилась к тезису, что все группы, партии и классы пришли к решению напрячь силы для спасения родины: «Через армию придем к Сибирскому У. С. и к сильной, единой, нераздельной России». Бурные аплодисменты сопровождали заявление министра, за исключением крайне левых, говорит газетный отчет «Сибири» [№ 32]. Характерна оценка того самого Кроля, воспоминания которого мы цитируем:

«Отрывистыми фразами, по-наполеоновски, он (т. е. Гришин-Алмазов) доказывал Областной Думе, что сибирская государственность переживает критический момент, что борьба с большевиками предстоит отчаянная и что в такие моменты силы страны должны быть отданы для достижения победы. «Все для победы!» — воскликнул он. Вся власть должна быть сосредоточена в руках военного командования. О разделении властей в такие моменты не должно быть и речи. «Народоправство очень хорошая вещь», но с этим следует подождать, пока над большевиками не будет одержана окончательная победа» [«Вольная Сибирь». IV, с. 79]. «Социалисты, конечно, самым резким образом осуждали позицию Гришина-Алмазова, — добавляет Кроль, — но так называемые автономисты и беспартийные взяли его под свою защиту. Особенно неистовый характер приняли их речи после моего выступления. Я попытался расшифровать внутренний смысл речи Гр[ишина]-Алмазова... «Трудно себе представить, как страстно и озлобленно реагировали на это мое заявление автономисты. Бывший социалист Филашев (член нар.-соц. партии. — С. М.), кооператор Бедра и другие буквально с яростью набросились на меня. Более реакционных и проникнутых ненавистью речей я раньше никогда в жизни не слыхал. Они с пеной у рта

защищали необходимость диктатуры с безграничными полномочиями».

«Собрание мертвых душ», — назвал омский орган кооператоров «Заря» [№ 12] деятелей Думы типа иркутского депутата...

Дума исчерпала свои занятия и указом Вр. пр. 19 августа «ввиду принятия законопроекта о пополнении своего состава» была распущена до 10 сентября, когда ей надлежало собраться уже в новом составе. Роспуск, по-видимому, был несколько неожидан для «левой» фракции Думы. Ее представители считали, что они договорились с Правительством при вторичном свидании уже в Томске и что будто бы получили от Вологодского согласие на переезд Правительства в Томск.

«Однако чуть ли не на второй день после свидания с Вологодским от него поступило в частном порядке предложение скорее закончить сессию Областной Думы... Такой головокружительный поворот в настроении Вологодского поразила даже тех, кто от него всегда ждал той или иной перемены фронта. Как давнишний знакомый Вологодского, пишет Кроль, я поспешил повидаться с ним с глазу на глаз и выяснить причины такого внезапного решения покинуть Томск.

Я был принят немедленно, и на мой вопрос Вологодский вместо ответа предложил мне прочесть полученную им из Омска телеграмму. Подписанная министром Серебренниковым, она гласила приблизительно следующее: если немедленно не вернетесь в Омск, грозит опасность образования нового правительства. Заговорщики сняли маски, и члены Правительства смертельно испугались. Им даже в голову не пришло дать отпор притязаниям заговорщиков. Ни на минуту ни Вологодский, ни Серебренников, ни другие министры не подумали о том, что во имя престижа Правительства, во имя спасения сибирской государственности надо было сделать попытку поставить реакционную клику на подобающее ей место. Чтобы спасти жалкую фикцию власти Сибир. правительства, Вологодский решил вернуться в Омск и тем дать реакционерам лишнее доказательство того, что фактически господами положения являлись они и что Сибир. правительства, избранного революционной Областной Думой, на самом деле больше не существовало» [с. 81].

Гинс «повествует о том трюке, к которому он при роспуске Думы прибежал, чтобы избежать колебаний Правительства под напором членов Думы. Он решил устроить «политический пикник за город»... А в то время в Томске волновались парламентарии, разыскивая министров и телеграфируя в газеты о приостановлении опубликования указа [с. 179]. Но «пересмотр» указа был уже невозможен... «Забавна» эта история, но недостойна того серьезного дела, которое творилось в Сибири.

«Надежды» Думы приступить к «серьезной органической работе рука об руку с созданным первой ее сессией Правительством рухнули». «Внешне между Сиб. пр. и Обл. Думой, — говорит Кроль, — в момент перерыва ее заседаний отношения оставались дружественные, но психологически между ними успела образоваться глубокая трещина. Эта трещина, как известно, к концу сентября превратилась в непроходимую пропасть» [с. 82]¹. Сибирские эсеры всемерно старались расширить эту «пропасть». Они стали всячески дискредитировать и ослаблять Правительство — говорит позднейшая записка областников... «Все это кончится страшной катастрофой», — пророчествовал со свойственной ему «повышенной нервозностью» Патушинский [Кроль. С. 78]². Скоро «внутренние отношения» членов Правительства действительно стали «невозможны». Со стороны влияли на «импульсивного» Патушинского и на слишком «партийного» Шатилова, который предъявлял «ультиматумы» по всякому поводу (требование устранить Гришина-Алмазова и Михайлова от участия в делегации на челябинском совещании, переезда в Томск и т. д.). Начиналась «глухая и ожесточенная борьба» среди членов самого Правительства. Она про-

¹ За кулисами была сделана попытка договориться. Гинс говорит о частных собеседованиях, организованных в Томске одним из областников.

² См. характеристику Патушинского у Гинса [I, с. 119]. Колосов говорит, что Фомин ставил даже перед партийными организациями вопрос о совершении террористического акта против Михайлова, которого считал наиболее активным противником Облдумы и Комуча [«Былое», XXI, с. 167].

исходила при крайне обостренных отношениях Омска с Комучем, сибирской выразительницей мнений и решений которого считалась Областная Дума.

4. Самара и Омск

Самара была пристрастно враждебна к Омску. Записка «областников», как было отмечено, основной мотив этой неприязни видела в отказе со стороны Сибирского правительства признать непререкаемый авторитет Комуча. Очевидно, здесь имеется в виду программа, выдвинутая «учредивовцами» на состоявшемся 15–16 июля в Челябинске совещании. Совещание это произошло под влиянием военных потребностей, которые с момента взятия Уфы выдвинули необходимость создания единого фронта¹. На совещании Брушвит огласил «в порядке информации» проект организации центральной всероссийской власти: верховной государственной властью признается вс. У. С., временно до созыва У. С.; «высшим органом государственной власти является Комитет членов У. С.; основные законы изъеются из компетенции Комитета и откладываются разрешением до созыва У. С.; центральный орган Правительства образуется «на началах коалиции» [«Хроника». Прил. 85]. Сибирские представители заявили, что они не имеют полномочий для рассмотрения поставленного вопроса². Что происходило за кулисами, в сущности, мы не знаем. Конечно, последующие обвинения сибиряков в «сепаратизме», в противность «единству», представляемому Комитетом У. С., притянуты искусственно [Майский. С. 201]. Одно пожелание самоупраздниться в глазах тех, кто считал себя «народными избранниками», являлось уже проявлением реставрационных настроений».

Сколь позорны были по существу взаимоотношения двух создавшихся областных государственных противо-

¹ На нем присутствовали: от Самары — Брушвит, Веденяпин и Галкин; от Сибири — Гришин-Алмазов, Михайлов и Головачев (тов. мин. ин. дел).

² «Полный отчет» о совещании за подписью самарских делегатов был напечатан в казанском «Нар. Деле» [№ 7].

большевицких образований, какую печальную картину разобщенности раскрывала перед чехами¹ русская общественность, свидетельствует рассказ Льва Кроля, попавшего в Челябинск к моменту совещания. Никогда нельзя забывать, что все эти споры шли в разгар боев с германо-большевицкими силами, как любили подчеркивать тогдашние политические деятели. Дело началось с «дипломатической» переписки между стоявшими друг против друга поездами двух русских правительств. Обмен «нотами» продолжался целые сутки. Попытку найти выход предпринял Гинэ. Он предложил всем собраться в вагоне-столовой Сибирского правительства, чтобы сняться. Самарцы, однако, не явились. За ними посылали, но они не шли. Тогда, по предложению Гинэ, было единогласно принято положение, что никаких инициаторов в данном совещании нет. В конце концов «самарцы явились на совещание сухо-официально» [Три Года. С. 64–66].

Какое-то постыдное ребячество проявили общественные деятели в Челябинске... Но это ребячество становилось трагичным, так как отзывалось на большом государственном деле². Разговаривая о создании всероссийской власти, Сибирское и Самарское правительства пока что сносились, как иностранные державы, через своих министров ин. дел³. Эти державы ведут таможенные войны. Кто начал? «Самара повела кампанию», — говорит Гинс. По-видимому, он прав. По крайней мере, первая,

¹ В Челябинске получился целый съезд держав, так как, помимо чехов, присутствовал французский майор Гинэ.

² Святицкий утверждает, что самарский Комитет вообще охотно пошел бы на разрыв и «покорение» Сибири, если бы поддержали чехи [с. 80].

³ Между прочим, по словам Гинса, Сиб. пр. решило командировать своего уполномоченного в Самару. Последний просил разрешить ему посещение открытых заседаний Совета. упр. вед. Ответ получился «классический»: «Международное право не предусматривает случаев, когда послы участвуют в заседаниях правительств, при которых они аккредитованы» [с. 147]. Как сообщал потом уполномоченный, переписка его перлюстрировалась, а присутствие его игнорировалось. Показательная деталь: уполномоченный Самары Гуревич состоял в Сибири не при правительстве, а при Областной Думе [с. 148].

помеченная 13 августа бумага, начинавшая таможенную войну, принадлежит Самарскому правительству и подписана Веденяпиным [Гинс. С. 49—51]. Самара пыталась бить Сибирь рублем, запретив всякие «денежные операции». Сибирь, в свою очередь, отвечала «таможенными заставами». Своеобразие финансовой политики, практиковавшейся Комучем, выступает в убогой сцене, описанной Кролем. Здесь терпящей стороной является уже Урал. Так как Комуч захватил в Казани «несчетное количество марок и бандеролей», то Кроль от имени Уральского обл. правительства просит самарского министра финансов Ракова уступить «хоть немного».

«— Продадим с удовольствием, — отвечает Раков.

— А по какой цене?

— Да по номинальной.

— Как по номинальной? Тогда ведь наше население будет платить вам налоги, а чем мы будем покрывать наши расходы?

— Не хотите, не надо.

— Так лучше, чтобы население нам совсем не платило налогов?

— Это уж как вам угодно.

На этот раз, однако, удалось урезонить, по крайней мере, на словах. Мы успели раньше изготовить марки и бандероли, чем получить их из Самары» [с. 94].

* * *

Между Самарским и Сибирским правительствами возник «курьезный» спор из-за Зауралья — спор, в значительной степени вновь на почве претенциозности Самарского правительства. Сибирское правительство постановило включить в сферу своего влияния уезды Челябинский и Златоустовский, которые на некоторое время ходом борьбы с большевиками были оторваны от Европейской России. Самара протестовала на том основании, что «изменение административных границ областей Российской Федеративной Демократической Республики возможно не иначе, как суверенной волей вс. Учр. Собрания». Сам Златоуст колебался в выборе той или иной

«ориентации» [Майский. С. 199]¹. Но суть спора в данном случае, конечно, лежит не в этой плоскости экономической или административной целесообразности.

На Златоуст претендовало и образовавшееся в Екатеринбурге областное Правительство Урала, которое, в свою очередь, являлось камнем преткновения. Гинс подчеркивает взаимное понимание и единство политического построения между Екатеринбургом и Сибирью [с. 135]. Познакомим самого творца Екатеринбургского правительства Л. А. Кроля. Идея нового областного правительства возникла в дни Челябинского совещания. По мнению Кроля, «выяснилось (?)», что для горнозаводского Урала совершенно не подойдет ни политика Самары, ни политика Омска... Отдать той или другой стороне освобожденный Урал означало в обоих случаях толкать его на большевизм. В поезде при возвращении из Челябинска Кроль выслушивает жалобы комиссара Сибирского правительства по Челябинскому у[езду] Будеско на произвол военной власти. Представители гражданской власти бессильны, а население винит во всем гражданскую власть. Мысль о правительстве, при котором, очевидно, не будет этого «своеволия» военной власти, еще глубже пускает свои корни. Подумывал Кроль с другими «возрожденцами» о том, что именно в столице Урала можно будет создать власть, вполне соответствующую по духу «Союзу Возрождения», независимую от Самары и Омска, которая и может сделаться центром будущей всероссийской власти. Таким образом искусственно рождали нового претендента. Майский называл Кроля «умным и хитрым». В данном случае он был, однако, скорее утопистом: реалист ген. Болдырев никак не мог понять целесообразности создания нового областного правительства. В Екатеринбурге к моменту возвращения Кроля уже создалась местная власть — «Комитет народной власти», где руководящую роль играли эсеры, высказавшиеся против допущения к.-д. к участию в нем

¹ Гинс, наоборот, утверждает, что население неоднократно выражало желание быть под эгидой Сибирского правительства. Подп. Солодовников рассказывает, что уполномоченный Самары Преображенский намеревался силой оружия подчинить отложившийся Златоуст [Сиб. авант. С. 8].

[с. 76]. Все обычные симптомы были уже налицо. Так, начальник гарнизона Шерехов был «не прочь разогнать» новую народную власть. Между комитетами всех партий пошли «переговоры». Не удержались общественные деятели от того, чтобы в заварившуюся политическую кашу не вмешивать иностранцев. Представитель чехов Рихтер высказался «осторожно» за власть Комуча. (Чехи не почувствовали всякому «сепаратизму».) «Союзники» настаивали на образовании независимого от Омска и Самары правительства. Майор Гинэ «настолько резко подчеркнул, что чехи только подсобный элемент для союзников, а потому не должны позволять себе вести какую-либо сепаратную от них политику, что Рихтер явно предпочел замолчать» [с. 72]. Так создавалась уральская областная власть, коалиционная по своему составу.

Затем начались переговоры с Омском и Самарой. Автономный Урал не мог, конечно, существовать без «суверенитета» со стороны Омска или Самары. Сибирь, не почувствовавшая раздроблению власти, шла в лице прибывшего в Екатеринбург Гришина-Алмазова на эту автономию. Пусть неискренно только потому, что без такого «буфера» неизбежны были, по мнению Иванова-Ринова, вооруженные столкновения с Комучем [с. 85]. Самара, столь горячо отстаивавшая потом областные правительства, с самого начала резко потребовала «безоговорочно-го подчинения» Комучу [с. 77]. Задавшись первоначально высокими целями создания как бы идеальной демократической власти, Правительство Урала попало, как между молотом и наковальней, между боровшимися за «гегемонию» Омском и Самарой... «Мы» должны были «лавирировать», — мягко говорит Кроль [с. 86]. Правительство хотело быть самостоятельным, назначило также министра иностранных дел для сношения с «милыми соседями, как Омск и Самара», а положение было такое, что не исключалась «возможность в крайнем случае и установления при помощи чехов власти Самары», так как Комуч не хотел примириться с тем, что Урал будет «вассалом» сибирских «сепаратистов».

Желающие могут найти у Кроля изображение многих бытовых черт, характеризующих борьбу сил... и дву-

рушнической дипломатии самого мемуариста, с чрезвычайной эластичностью пытавшегося проходить между попадавшими на пути Сциллами и Харибдами. Кролю нужно «рассеять предубеждение Самары», и он изготавляет сборник документов, «ярко рисующих моральную физиономию Омска. Эффект в Уфе получается «огромный» [с. 93]. Кроль встречает со стороны «учредивцев» «совершенно новое отношение»...

5. Аминсовет

Пришлось перевернуть довольно грустные страницы для русской общественности. Нет охоты отыскивать виновников. Допустим, что виноваты все... У Омского правительства, во всяком случае, было задора больше, чем следовало. Но я не нашел никаких материалов, подтверждающих слова самарского министра труда: «Сибирское правительство делало все, чтобы затруднить связи с Европейской Россией» [Майский. С. 198]. В его изображении Сибоблдума отстаивала связь с Россией, Правительство же на первый план выдвигало свой автономизм¹. Вредно было то, что под самарским внушением руководители чехословацкого общественного мнения уверовали в сепаратизм сибиряков. «Нам нужна великая Россия, она одна может в будущем быть нам помощью, и совершенно не нужна великая Сибирь», — говорил Кролю д-р Павлу [с. 83]. Это усиливало враждебность чехов и к Правительству, и к верхам военной сибирской власти.

Конструкция сибирской власти была не отчетлива. Она была такой, как создала ее жизнь. Административно-гражданское управление находилось в руках делового совета, функционировавшего по неписаному статуту. В акте о «высших государственных учреждениях», состав-

¹ Повод давала неудачная формулировка на челябинском совещании Гришиным-Алмазовым взаимоотношений автономной Сибири и «Государства Российского, с которым Сибирь дела не имеет. В действительности подразумевалось непризнание намечавшегося в Самаре «Всероссийского правительства». «Десяток человек соц.-рев. не составляют всер. правительство», — сказал сибирский военный министр [«Дело Народа», № 7].

ленном Гинсом 14 июля, предусматривалось при Правительстве особое «совещание» в составе управляющих министерствами. Совещание существовало, но положение о нем не издавалось [Гинс. I, с. 127]. Практика показала, по словам Гинса, «политическую немощность» Сибирского правительства, его неспособность самостоятельно, без помощи управляющих министерствами, т. е. делового аппарата управления, находить «определенную линию» [с. 185]. Суть, конечно, не в «политической немощности», а в том, что деловая работа сосредоточилась у управляющих министерствами. При постоянных разъездах членов Сибирского правительства исчезал кворум. Следовательно, надо было передавать кому-нибудь текущую законодательную власть. С этой целью 24 августа был учрежден так называемый Административный Совет, который вскоре оказался в фокусе всех разыгравшихся конфликтов. Обратим внимание, что указ о нем подписан Вологодским, Патушинским, Серебренниковым и Шатиловым [«Хр.». Прил. 97]. Председателем Админсовета был назначен Серебренников. По конструкции самым важным правом Адм. Совета было — «право обсуждать проекты постановлений и общих распоряжений Совета министров, рассматривать кандидатуры на важнейшие административные должности и право решать... всякие дела, переданные на окончательное решение Адм. Совета». Так определил юридическую сторону сам творец этого органа — Гинс [с. 185]. 7 сентября постановлением Правительства, подписанным и «левыми» его членами, — обращая на это внимание — Адм. Совету было предоставлено «на время отсутствия из Омска большинства из членов Вр. Сиб. пр. вносить и разрешать собственной властью... все дела, относящиеся к текущей деятельности министров в пределах действующих узаконений... все дела, поступившие в Совет министров и до сего времени не рассмотренные». Кроме того, председателю Адм. Совета предоставлялось право «вносить на окончательное разрешение... и иные, не терпящие отлагательства дела». 8 сентября в дополнение к предшествующему было внесено специальное постановление, предоставлявшее Админсовету «все полномочия, принадлежащие в отношении Обл. Думы

Совету министров, в частности право перерыва работ Думы или роспуска ее» [«Хр.». Прил. 105, 106]. Под последним постановлением имеется подпись и с.-р. Шатилова.

Власть фактически передавалась на время Админсовету. Его личный состав так часто пытаются очернить. Это «чиновники, прошедшие школу старого режима» и проникнутые духом «антидемократизма»¹. Несправедливость и пристрастность такого суждения очевидны. В Админсовет входил в качестве управляющего министр нар. пр. очень популярный в Сибири общественный деятель проф. Томского университета Сапожников, по своим политическим взглядам примыкавший к областникам (с «уклоном налево»). Даже такие лицеприятные противники, как большевики, признают его фигуру незапятнанной: он по натуре был чужд всякой интриги [комментарии к дневнику Болдырева, с. 515]. Сапожникову было тогда 56 лет². Более молодой коллега Сапожникова, геолог Гудков считался сочувствующим с.-д. меньшевикам — скорее всего беспартийный, по характеристике Гинса [с. 190]. Он был управляющим мин. торг. и пром. Управляющий мин. труда Шумиловский сам про себя сказал: «Я не партийный человек, хотя и был кандидатом в У. С. от меньшевиков» [интервью в «Пр. Вест.», № 54]. С меньшевиками был связан давно, ибо состоял от них выборщиком во 2-ю и 4-ю Гос. Думу³. Зефилов, заведовавший статистикой в Акмолинской области, был также близок к социалистам; он был выставлен в качестве делового кандидата сибирскими народными социалистами. Земледелие было в руках молодого экономиста доцента Петрова (с.-д.). Министерство внутренних дел было в руках одного из активных эсеров первой революции, ведавшего в то время военной организацией партии — прис. пов. Старынкевича. Гинс видит в фигуре Старынкевича лишь

¹ Аргунов. Между двумя большевизмами. С. 23.

² Он умер в Томске в 1924 г.

³ Насколько Шумиловский был далек от «старорежимной» идеологии, видно уже из того, что будущий член Директории ген. Болдырев упрекает его в повадках «министров эпохи Керенского: «Все еще продолжается идеология рабочих, потерявших вкус к труду» [«Воспоминания». С. 74].

напускную революционность для политической карьеры (ссылка в Сибирь?). Я не берусь характеризовать облик благополучно здравствующих общественных деятелей. Отрицать демократичность взглядов Старынкевича едва ли кто может. Сам председатель Админсовета, Серебренников — руководитель иркутской группы областников — проходит в У. С. от областников по списку с.-р.

Я взял лишь некоторых¹. О других будет сказано ниже. Но и приведенного уже достаточно для нужного нам корректива.

* * *

«Кто из состава Адм. Совета мог быть наиболее одиозен партийным левым кругам?» — как бы спрашивает себя Гинс. Один только Гришин-Алмазов представлялся «силой», с которой следовало бороться, потому что за ним стояла — так по крайней мере казалось — армия [с. 194]. Гришин вскоре и был устранен с поста военного министра. Что Гришин был фигурой для многих «левых» неприемлемой — это мы знаем. Но у нас нет никаких данных для утверждения, что самое увольнение произошло по «интриге» соц.-революционеров, как категорически говорит Милюков: «Эсерам удалось добиться увольнения диктатора Гришина-Алмазова, провинившегося в том, что написал воззвание, в котором открыто развивал идеологию борьбы Сибирской армии на новом Русско-германском фронте» [с. 46]. Как раз Гришин формально обвинялся в противоположном, — в выступлении против союзников. Очевидно, поэтому ген. Жанен, человек совершенно не сумевший разобраться в сибирской обстановке, несмотря на знание русского языка и русских военных, — он был в Академии Генерального штаба — позволил себе, с некоторым присущим ему легкомыслием, квалифицировать убитого большевиками Гришина-Алмазова как «*Une canaille à tout faire*» [«М. Sl.», 1925, III, p. 349].

Гинс, текстом книги которого, по-видимому, пользовался Милюков (излагая, однако, неточно), приписыва-

ет отставку первого сибирского военного министра в значительной степени интриге управлявшего министерством иностранных дел Головачева, который всегда призывал Совет не высказываться определенно против Германии, в то время как Гришин упорно настаивал на восстановлении Русско-германского фронта. В начале августа в связи с мобилизацией¹ Совет опубликовал декларацию, в которой говорил, что задачей Сибири является содействие восстановлению других частей Российского Государства, раздробленного Брестским миром. Гришин, бывший в то время в Челябинске, был недоволен отсутствием указания на то, как само Правительство относится к Брестскому миру, и категорически требовал ясного заявления по этому поводу. Было составлено новое заявление, подписанное всеми министрами. Очевидно, за это Гришин не мог быть уволен. «Как оказалось, — пишет Гинс, — Гришин-Алмазов в Челябинске после ужина с выпивкой, возбужденный очень резкими и неприятными для русского патриота ироническими замечаниями английского консула в Екатеринбурге, бросил замечание, что русские менее нуждаются в союзниках, чем союзники в русских, потому что только одна Россия может сейчас выставить свежую армию, которая, в зависимости от того,

¹ Успех этой мобилизации — несомненная заслуга Гришина-Алмазова. Если, по мнению Болдырева, эта мобилизация происходила все же в размерах, не соответствовавших материальным ресурсам Сибирского правительства, то вина не лежит на осторожном в этом деле военном министре, который не форсировал мобилизацию, а скорее ее задерживал. «Хотя и были случаи принуждения с помощью военной силы, — отмечает в письме-отчете Чайковскому прибывший в это время из Архангельска в Сибирь С. С. Маслов, — но в общем мобилизация проходит успешно». Под пером большевицкого историка случаи принуждения становятся картиной общей. «Насильственный призыв в войска молодых солдат» в очень немногих районах происходит без «шомпольных воздействий» [Парфенов. С. 62]. Отряды офицеров и военнопленных (вот уж поистине с большой головы на здоровую!) «вылавливают дезертиров по всей сибирской деревне». Очевидно, в действительности дело было не совсем так, раз другой советский историк Анишев [с. 225] признает, что первую мобилизованную крестьянскую молодежь легко «впитали офицерские кадры».

¹ См. характеристики Гинса. С. 186–192.

к кому она присоединится, решит судьбу войны. Эти слова генерала дали повод для выступления иркутского консульского совета, поднялся шум, и враги Гришина решили использовать момент» [с. 196]. Были ли сказаны на банкете слова, которые приписывались Гришину и которые неудачно формулировали его мысль, установить трудно. «На банкете, — записывает Болдырев, в это время познакомившийся с сибирским военным министром, — Гришин «высказал много лишних, резких, но по существу правдивых обвинений по адресу союзников...» Это обстоятельство в связи с внутренними интригами Сиб. прав. стоило Гришину-Алмазову его высокого поста» [с. 34]¹.

Играли ли здесь какую-нибудь роль эсеровские политики, могущие воспользоваться тем, что Гришин не ладил с чехами², мы не знаем. Одно очевидно: за «интригами» Головачева не могли стоять эсеры. Головачев был связан совсем с другими кругами, близкими «честолюбивому» Иванову-Ринову. Все же, что концентрировалось вокруг последнего, «жаждало свержения Гришина» [Гинс. С. 107]. — Он был не только конкурентом во власти; Гришин-Алмазов в действительности старался проводить демократическую политику в армии. «Авантюрист-диктатор»... «не одобрял правых течений, понимая их несвоевременность» [Кириллов. — «Вольная Сибирь». IV, с. 46]. Вместо демократически настроенного Гришина, обладавшего, несомненно,

¹ Как изображают большевистские историки, слишком легко извращающие факты, показывает изложение Парфенова: «Заискивающе приветствуя выступление англо-французских войск в Архангельске, он выразил надежду, что союзники помогут ему окончательно очистить от большевиков и территорию Сибири, делая при этом более чем определенный кивок в сторону некоторых своих коллег по Правительству и Областной Думе. От лакействующей речи полуграмотного генерала Гр[ишина]-Алм[азова] сделалось нехорошо даже некоторым иностранным представителям» [с. 45].

² Кроль со слов Павлу передает, что на другой день после банкета Гришин заявил Павлу: «Если вам, чехам, у нас не нравится, то вы можете уехать». На это последовал ответ Павлу: «...в политике ожидать благодарности не приходится... Но я считаю, что мы своего дела еще не сделали. Россия нам нужна в наших интересах»... [с. 86].

«организаторским дарованием, энергией и решимостью» [Болдырев], был назначен временно командующим армией Иванов-Ринов — человек также инициативный и энергичный, но стоящий гораздо ниже Гришина по своим моральным качествам. И взгляды его были другие. Он начал свою деятельность отменой введенной Гришиным военной формы, схожей с чехословацкой, — несправедливым указом об офицерах, служивших у большевиков, законопроектом о введении смертной казни и назначением начальником омского гарнизона горячего сторонника настоящей военной диктатуры казачьего полковника Волкова. Если причиной удаления Гришина были «интриги» левых — они тем самым облегчали правым задачу, которую им ставил Кроль. Если здесь большую роль сыграли интриги правых, то этот факт сам по себе показывает, что «авантюрист» под Наполеона (а по мнению Болдырева, под Керенского) старался в жизни проводить среднюю политическую линию, наметившуюся у Админсовета.

Увольнение Гришина вызвало новые осложнения в Правительстве. Лучше всего вновь рассказать о них словами Гинса, как одного из действующих лиц. Увольнение Гришина произошло так, что Админсовет ничего об этом не знал; не знал об указе даже сам Гинс, управлявший делами Совета министров, не запрошено было и мнение Админсовета о заместителе. На заседание Админсовета, обсуждавшего инцидент, явился Головачев и заявил, что Иванов-Ринов вступил уже в командование и что об этом дано знать по прямому проводу всем военным частям...¹

Ночью в квартире Гришина происходит заседание в присутствии Михайлова и Пепеляева. Гинс изображает это заседание — и он был туда вызван — в довольно безобидных тонах. «Впоследствии мне сообщали, — добавляет он, — что Гришин делал попытку призвать на помощь одну часть, но его распоряжение было перехвачено. Я считаю это сообщение похожим на правду. В эту

¹ Правдивый Вологодский, как сообщает Гинс, открыто заявил в заседании Админсовета: «Я чувствую себя виновным в том, что принял решение, не посоветовавшись с вами, и, если бы сейчас возможно было, я счел бы себя обязанным уйти в отставку» [с. 280].

ночь я увидел в Гришине маленького честолюбивого и самоуверенного человека, не умевшего вести большой игры»... [с. 200]¹.

Как ни расценивать того, что происходило ночью в квартире Гришина, совершенно ясно, что там обсуждался вопрос о своего рода государственном перевороте. Едва ли имеются хоть какие-нибудь основания усмотреть здесь выступление со стороны «правых». Вернее, это была своеобразная попытка, диктуемая, возможно, обиженным честолюбием, найти выход из той ненормальной обстановки, при которой так причудливо переплетались между собой «левые» и «правые», союзники и чехи...

«Что делалось в это время в Совете министров, — говорит Гинс, — я не знаю. Хотя я оставался управляющим делами, но меня не приглашали на заседания. Председатель Совета министров объяснил мне, что заседания носят такой неприличный характер, вследствие постоянных личных столкновений между отдельными министрами (главным образом Михайловым и Патушинским), что невольно хочется придать им замкнутый характер» [с. 198]. Совершенно ясно, что в эти дни и был предъявлен Правительству со стороны большинства «ультиматум», в результате которого появилось то постановление Правительства, которое приводилось выше — в частности относительно Думы.

Разобраться в закулисной стороне еще трудно. Где была интрига, где была неуравновешенность, которая питалась всей нервной обстановкой того времени? Во всяком случае, увольнение Гришина-Алмазова явилось большой ошибкой со стороны Правительства, подчинившегося различным и противоречивым влияниям извне. Каждый необдуманый шаг чреват последствиями. Шила

¹ Характеристики людей чрезвычайно субъективны, повторяющий часто чужие слова Глос называет Гришина «злым духом Правительства». (Чешские представители, зараженные влиянием Самары, вообще были враждебно настроены к верхам Сибирской армии. Это отмечает и Болдырев. Их суждения в данном случае всегда несколько пристрастны.) Фантастично утверждение Глоса, что Гришин-Алмазов предполагал разогнать Думу, опираясь на чехов.

в мешке нельзя было утаить. Увольнение военного министра было «злой днью». Все о нем говорили, все его по-своему комментировали. И если отрешиться на момент от всех политических оценок и поставить себе вопрос, какое впечатление должна была производить описанная выше правительственная и общественная «неразбериха» в широких военных кругах, не посвященных в закулисную сторону «интриг», личной и партийной политики, — не придется ли признать, что естественно и законно рождалась в этой военной среде мысль о спасительности диктатуры? Между тем эпоха «интриг» и «заговоров» под сибирским созвездием только еще начиналась.

6. Столкновение с Думой

13 сентября Патушинский подал заявление, что не находит возможным оставаться в составе Совета министров ввиду «глубокого расхождения с Адм. Советом и возрастающим влиянием последнего на политическую деятельность Правительства». Мне кажется, «вспыльчивому» Патушинскому в значительной степени просто надоела обстановка борьбы и конфликтов. Считая себя все-таки министром, избранным Думой, он не сочувствовал переходу власти к Админсовету, быть может не учитывая достаточно того, что излишне строгая «принципиальность» вообще мало подходила к тогдашней обстановке. С уходом Патушинского Правительство оказалось в нетях. Вологодский, взяв с собой Гинса, уехал на Восток для ответственных переговоров с союзниками (в частности, о займе) и для ликвидации «опереточных» правительств на Д. Востоке. Серебренников отправился в Уфу на Государственное Собрание, Шатилов в Томск на открытие Думы. Крутовский, стоявший вообще несколько в стороне от дел, жил в Красноярске. Из членов Правительства в Омске оставался самый молодой, но, может быть, самый энергичный из них, Михайлов. Таким образом, в полном соответствии с принятыми постановлениями фактически государственная власть переходила к Адм. Совету.

10 сентября в Томске открылась Дума. Работа ее вновь была установлена заранее по соглашению с Правительством.

С самого начала возник конфликт. Прежде всего Дума, в свою очередь, избрала комиссию для посылки на Дальний Восток. Цель избрания была ясна: делегация должна была действовать там параллельно Вологодскому и «парировать его выступление» [Майский. С. 250], т. е. воздействовать на лавровское (дерберовское) Правительство в том отношении, чтобы оно не сдавало власти, и завязать непосредственные отношения с союзниками. Это Якушев в разговоре с Вологодским по прямому проводу называл «информационными целями»! Делегация была уже в дороге, когда появился решительный протест со стороны Вологодского. Делегация была задержана 16–17 сентября в Иркутске командующим войсками и «принудительно в товарном вагоне отправлена» в Томск. Закономерен ли этот «беспримерный в парламентской практике эпизод» или нет, — но, быть может, только в силу происшедшей задержки миссия Вологодского увенчалась успехом.

С Хорватом достигнуто было 27 сентября соглашение, по которому последний, как и Сибирское правительство, признавал власть образовавшейся уже тогда всероссийской Директории. Хорват становился «генеральным комиссаром» новой власти¹. Лавровское (дерберовское) Правительство тоже сравнительно легко самоупразднилось, отчасти, может быть, считаясь с наличием конкуренции на Дальнем Востоке [Флуг], отчасти в силу тяжелого материального положения [Гинс]. В момент сдачи власти пришло, однако, сообщение о происшедшем в Омске конфликте. Гинс передает, что тогда министр Моравский отказался сдавать дела и разослал зашифрованную телеграмму почтовым и телеграфным служащим с призывом не подчиняться Сибирскому правительству [с. 229].

Была попытка со стороны Думы (части ее, конечно), воспользовавшись отъездом Вологодского и приездом бывшего министра дерберовского Правительства Новоселова, изменить состав омской власти и ввести в рамки подчинения Думе Админсовет, которому было предо-

ставлено право полномочного Совета министров «без ведома Думы» (слова Якушева). (Позднее сибирские эсеры приписывали Админсовету инициативу в создавшемся конфликте [«Вольная Сибирь». I, с. 10]. Бесспорно, что инициатива в данном случае исходила от деятелей Сибоблдумы.)

18 сентября с.-д. фракция поставила на обсуждение в Думе вопрос о необходимости выяснить отношение Думы к Правительству. Вопрос этот обсуждался в закрытом заседании Думы, признавшей необходимым принять энергичные меры против беззаконий Правительства [Майский. С. 210]. Под «беззаконием» главным образом подразумевалась тактика представителей Сибирского правительства на происходившем в Уфе «Государственном Совещании», тактика эта противоречила резолюциям Думы. Представитель Думы Якушев в позднейшем разговоре по прямому проводу с Вологодским, уже членом Директории, избранной в Уфе, в очень мягких тонах изображает то, что говорилось в Думе. «Непримиримость сибирской делегации, — говорил он, — внушала тревогу, что может разрушить работу по созданию центральной власти. Дума, однако, учитывая всю сложность ситуации, не решалась обсуждать в закрытом заседании (очевидно, «открытом») явное расхождение правительственной делегации в Уфе с постановлениями Думы, но считала вместе с тем своим долгом оказать влияние на делегацию в смысле приближения ее позиции к думской. С этой целью было устроено закрытое заседание Думы, на котором была подвергнута разбору линия поведения правительственной делегации в Уфе, причем Дума, памятуя, что в столь тяжелый момент всякое недоверие, выраженное Правительству, чревато большими, тяжелыми осложнениями во внутренней жизни страны, ограничилась только вопросом Совету министров, чем объясняется расхождение точки зрения правительственной делегации от мнения, выраженного Думой».

Все это было в действительности не так безобидно, как пытался представить Якушев. Дума хотела и изменить состав делегации, и обуздать Админсовет. Для этого нужно было получить «левое» большинство в основном Правительстве. Решили ввести Новоселова в состав Прави-

¹ Соглашение являлось немаловажным фактом, так как омские, например, кадеты ставили условием поддержки всероссийской власти обязательное соглашение с Хорватом.

тельства — была сделана, по выражению Майского, «попытка устроить маленький государственный переворот», введя Новоселова «революционным путем». Вместе с тем сибоблдумцы уговорили Патушинского взять свою отставку назад¹. «Революционному пути» был придан своеобразный «конституционный» характер. Ссылаясь на какую-то телеграмму Михайлова, запрашивавшего томского губ. комиссара о наличии местного гарнизона, Якушев говорил Вологодскому, что Дума увидела здесь угрозу роспуска. Необходимо предотвратить необдуманый и незаконномерный шаг.

Лучше всего рассказать дальнейшее со слов самого Якушева. Он едет в Омск, вызывает туда Крутовского. За ним приезжает Шатилов, все с той же целью «приостановить работу Административного Совета».

20 сентября Крутовский собрал Совет министров. На заседании присутствовали Михайлов и Якушев в качестве председателя Думы. Заседание было сорвано, так как Михайлов покинул его при обсуждении вопроса, который Крутовским был поставлен предварительно о вступлении в исполнение обязанностей Патушинского и Новоселова. Не надо забывать, что к возвращению отказавшегося Патушинского и кооптации кого-нибудь в Правительство отрицательно отнеслись отсутствовавшие члены Правительства Вологодский и Серебренников. За кулисами в действительности шли более серьезные приготовления. Намеревались из состава упраздненного дерберовского Правительства ввести в омскую власть еще Краковецкого. Якушев вел соответственные разговоры с Уфой и Иркутском, причем ленты разговора, по утверждению Гинса, уничтожались [с. 221].

Гинс, между прочим, ссылается на разоблачения, сделанные на открытом заседании Думы депутатом Соболевым. К сожалению, в нашем распоряжении не было данных для проверки указаний, может быть несколько

¹ Патушинский обратился с заявлением по поводу своей отставки в Думу. Оно обсуждалось, по словам Якушева, в президиуме при участии совета старейшин, ибо, если бы вопрос был поставлен на разрешение Думы, это могло бы «повести к кризису власти, который не входил в расчет Думы».

субъективных, историка-мемуариста. Но ведь план Сибоблдумы и так уже ясен из рассказа ее председателя.

Как отнеслась непартийная общественность к возникшему конфликту? «Заря» определенно заявила, что Обл. Дума «утратила всякое представление о существе своих функций и работает на государственный развал» [цитирую по «От. Вед.», № 4]. Вологодский телеграфно признал своевременным перерыв работы Думы... 21 сентября Админ. Совет распустил Думу... Дума не подчинилась приказу и единогласно открытым голосованием приняла резолюцию эсеровской фракции:

«На основании «Положения о временных органах управления в Сибири» считать: 1) Административный Совет незаконно созданным и подлежащим немедленному роспуску; 2) министра финансов И. А. Михайлова и тов. министра внутр. дел Грацианова считать уволенными от занимаемых ими должностей и подлежащими суду по обвинению в попытке государственного переворота.

Временным Сибирским правительством Областная Дума считает Правительство в составе, избранном Думой в январе 1918 г., за исключением министра финансов И. А. Михайлова.

Дума постановляет:

1. Временно предоставить все права Думы, а также право временного устранения министров и всех должностных лиц от занимаемых должностей «Комитету Областной Думы» в составе по два представителя от каждой фракции для восстановления насильственно прерванной деятельности Областной Думы и Совета министров и для предоставления выборным Думой министрам возможности исполнять возложенные на них обязанности.

2. По миновании чрезвычайных достижений (?) поставленных целей означенному Комитету сложить свои полномочия и дать отчет в своей деятельности Сибирской Областной Думе»...¹

В «Комитет Областной Думы» избирается по два представителя от фракции с.-р., с.-д. и национальностей. Фракции областников и беспартийных отсутствуют... Это ответственное собрание Думы было созвано наскоро, ночью — в «революционном» уже порядке [«Заря»].

¹ Выдержки из протокола напечатаны составителем «Хроники» из материалов Сиб. Обл. Думы [Прил. 109].

Крайность часто порождает другую крайность. В ответ на «грамоту»¹ Думы, доносил Гаттенберг Михайлову, что всюду на заборах надпись: «Боже, Царя Храни».

Рано утром того же дня (21-го) Крутовский, Шатилов, Якушев и Новоселов были в Омске арестованы начальником гарнизона полк. Волковым «по обвинению в том, что этими лицами замыслено и приступлено к совершению государственного переворота». Обстановка ареста соответствовала уже установившимся в Омске нравам. Члены Правительства, по словам Якушева, обманом были вызваны в штаб для переговоров по прямому проводу с военным министром в Уфе и отвезены конвоировавшим их офицером на частную квартиру (Волкова):

«На наш протест против насилия, нам ответили, что действуют по распоряжению законных властей и что нам будет представлено распоряжение Адм. Совета»...

Официальное сообщение Сибирского правительства по этому поводу говорило:

«Арест был произведен без ведома не только заместителя председателя Совета министров и председателя Административного Совета И. А. Михайлова и самого Административного Совета, но и без ведома временного управляющего военным министерством генерал-майора Матковского. В этот же день от В. М. Крутовского и М. Б. Шатилова были получены прошения об отставке.

В 7 часов вечера 21 сентября, непосредственно перед назначенным в тот день заседанием, были получены в здании Административного Совета заместителем председателя Совета министров и временно управляющим военным ведомством от начальника гарнизона донесения о произведенных арестах. Административный Совет, обсудив эти донесения, единогласно постановил: немедленно освободить из-под стражи В. М. Крутовского, М. Б. Шатилова и И. А. Якушева, о дей-

ствиях начальника гарнизона полковника Волкова сообщить командующему армией. Вследствие же направления дела начальником гарнизона об аресте Новоселова прокурору Омской судебной палаты, вопрос об освобождении Новоселова был признан подлежащим обсуждению названного прокурора» [Гинс. I, с. 234–235].

23 сентября Новоселов был убит сопровождавшим его в областную тюрьму конвоем. Сказать, что Новоселов «пал жертвою расправы, учиненной каким-то добровольцем», как это сделал в своих воспоминаниях Серебренников [с. 14], конечно, совершенно невозможно¹.

«В заседании, — продолжает официальное сообщение, — тов. мин. вн. д. А. А. Грацианов, посетивший В. М. Крутовского и М. Б. Шатилова по их освобождению, сообщил, что прошения об отставке, по объяснению В. М. Крутовского, им и Шатиловым были подписаны под угрозой расстрела², далее А. А. Грацианов, со слов того же Крутовского, сообщил, что Крутовскому и Шатилову, по освобождении их, было предъявлено лицами, их арестовавшими, требование покинуть Омск в течение 24 часов. Заявление В. М. Крутовского и М. Б. Шатилова о вынужденной подаче ими прошений об отставке и вынужденном их отъезде, а также невыясненность обстоятельств убийства А. Е. Новоселова вызывали единодушное решение Административного Совета о немедленном образовании Верховной следственной комиссии из трех членов Административного Совета, под председательством управляющего мин. торг. и пром. проф. Гудкова»...

¹ Некоторых деталей этой расправы мы коснемся ниже в связи с официальным расследованием дела. Поразительно, что редакция «Вольной Сибири» к словам Серебренникова в виде какого-то исключения не сделала никакой оговорки.

² В показаниях следственной комиссии Крутовский говорит, что он не желал подписать прошения об отставке по «старости лет» и «болезни». Тогда один из офицеров (Нарбут) подошел к нему вплотную со словами: «Три минуты на размышление, или вы подпишете, или мы вас увезем на автомобиле и вы будете расстреляны». Крутовский подписал. Подписал и Шатилов. Новоселов и Якушев считали, что они сделали это напрасно: «молодежь только пугает». Отрывок из показаний Крутовского приведен в примечаниях Вегмана к тексту воспоминаний Болдырева [Прим. 42].

¹ Записка областников подчеркивает, что грамота, изданная от президиума Думы, подписана все лицами «юными» или «совершенными новичками на общественном поприще». Председателем «президиума» был проф. Никонов, «социалистическая» и «демократическая» принципиальность которого легко устанавливается тем, что он был ставленником достаточно прославленного министра народного просвещения Кассо и был после революции удален из Петербургского университета [Гинс. I, с. 179].

Все ли гладко в этом постановлении Админсовета? Между строк чувствуется какое-то формальное отношение к расследованию событий. И действительно, акт ареста как бы развязал руки в борьбе. Арестованные министры — больше не министры, хотя бы отказ их был вынужденным. Опасный прецедент для будущего!.. И уже недопустимым было формальное отношение к оставлению Новоселова под арестом. Правительство должно было знать о настроениях среди казачьих офицеров омского гарнизона. Правительство обязано быть предусмотрительным в таких случаях и расследовать более открыто и решительно. Своим формальным отношением оно санкционировало тот акт ареста, от которого официально отгораживалось. Но такое утверждение еще далеко от обвинения кого-либо из членов Правительства в соучастии в преступлении. Широкое распространение получила версия, приписывавшая если не непосредственную организацию убийства Новоселова, то роль его вдохновителя и подстрекателя И. А. Михайлову. К нему с легкой руки противников приклеили этикетку в виде суровой клички «Ванька Каин». К деятельности и отчасти к личности Михайлова мы еще подойдем. Нужно, однако, заранее иметь в виду, что ненависть к Михайлову со стороны некоторых «левых» кругов в значительной степени объясняется его активным участием в борьбе с Комучем и Сибоблдумой. При таких условиях добиться беспристрастия невозможно. Михайлов, может быть, в силу молодости был самым страстным борцом против эсеровского «народовластия»: бывшему эсеру этого простить не могли. Конечно, Михайлов к убийству Новоселова отношения не имел — это пятно должно быть с него смыто. Сам Новоселов, приехавший в 3. Сибирь, как бы по командировке лавровско-дерберовского Правительства, по видимому, не очень стремился ввязываться в организацию власти¹ и быть назначенным министром тем конституционно-революционным путем, который измыслил председатель Сибоблдумы. И Новоселов сделался «несчас-

¹ Это он подчеркивал Вологодскому при встрече в Иркутске [Гинс. I, с. 214], то же в Омске говорил он Якушеву и не давал положительного ответа, ссылаясь «на усталость» и «литературные занятия» (из разговора с Вологодским).

тной жертвой чужой игры». Так охарактеризовала это убийство омская «Заря» [№ 6]. Большевицкие историки назвали убийц Новоселова «колчаковскими наймитами» (!!!)¹

* * *

Томский губернский комиссар прис. пов. Гаттенберг — «крайне правый», в действительности же член потанинского кружка [«Сиб. Огни», 1928, № 1, с. 139], быстро ликвидировал начинания Сибоблдумы, арестовав новое выборное «правительство»². Тогда председатель Думы Якушев обратился за помощью к чехам. Это безоговорочно констатируется в записке областников-кооператоров: получив свободу, Якушев, по собственному заявлению, поставил себя под защиту чехов и этим самым поставил Сибирскую армию под угрозу кровопролитной схватки с чехами. Якушев просил представителя чехословаков вмешаться в конфликт — другой реальной силы у сибоблдумцев не оказалось³. Глос был как бы своим человеком в Сибоблдуме — участвовал даже в конспиративных заседаниях, которые шли в совете старейшин [Гинс. I, с. 240]. В позднейших воспоминаниях, напечатанных в «Вольн. Сиб.» [IV] и показывающих, что д-р Глос не всегда разбирался в обстановке, не ясно представляя себе и фактическую сторону дела (например, характеристика его августовского «самороспуска» Думы), он считает нужным указать, что его работа как политического уполномоченного чехословаков шла по линии всемерного содействия демократии. Поэтому Глос так энергично протестовал против роспуска Думы. Не сознавая того, Глос говорил лишь с чужих слов.

Чехи совещались, как им поступить. Когда разыгрывались томско-омские события, в Уфе происходило уже Государственное Совещание. Тов. председателя Нац. Совета д-р Павлу был, очевидно, сторонником ареста чешскими

¹ Березовский. А. Е. Новоселов. — «Сиб. Огни», 1922, № 1, с. 57.

² Гаттенберг опирался, по-видимому, на поддержку командира сибирского корпуса ген. Пепеляева. Как раз в этом корпусе наиболее, казалось, сильны были связи сибирских эсеров.

³ Подтверждение см. у Аргунова [с. 27] и у Майского [с. 253].

военными силами Михайлова, как инициатора «переворота». Об «инициативе» Михайлова доносил ему из Омска, со слов секретаря Якушева, чешский уполномоченный Рихтер 21 сентября. Павлу передавал эти сообщения чешской делегации в Уфе. Та, в свою очередь, спрашивала совета Болдырева. Последний уклонился от определенного ответа, «смутно представляя себе обстановку Омска»... Через некоторое время Рихтер, на основании уже новой информации, передавал, что у арестованных по приказу Михайлова лиц нашлись документы, свидетельствующие о какой-то попытке переворота налево и о непричастности к убийству Новоселова военного министра. Информация была противоречива, тем не менее по распоряжению из Челябинска ген. Сырового начальник чешского военного контроля подполковник Зайчик арестовал начальника омского гарнизона Волкова и тов. мин. вн. дел Грацианова. Пытался он арестовать и Михайлова, но последний скрылся. Все это было сделано, осторожно говорит Болдырев, «по инициативе некоторых демократических групп»¹.

Все арестованные чехами, однако, скоро были выпущены. Может быть, повлияла на это новая информация со стороны Рихтера. Может быть, оказало свое действие обращение, появившееся 26 сентября в «Заре». Эту статью никто из чешских бытоописателей сибирского анабазиса не упоминает, между тем она чрезвычайно знаменательна. К сожалению, только к голосу этой части сибирской демократии чехи мало прислушивались. Обращение адресовалось к «братьям чехам». В нем говорилось: «По городу разнеслись слухи, что вы хотите арестовать министра Михайлова и его сотрудника Бутова и уже арестовали тов. мин. Грацианова... Вы можете себе представить, братья, каким ударом грома была разнесшаяся весть, что вы хотите арестовать их. Это было так неожиданно и непонятно, что мы подумали, не осуществляется ли какая-то немец-

кая провокация¹, в которой вы являетесь слепым орудием. Братья! Вашей неосведомленностью в наших внутренних делах кто-то пользуется для достижения цели, губительной для общего дела».

Протестовала не только «Заря», не только круги, близкие ей. С полным основанием, несколько, пожалуй, преувеличивая, Иванов-Ринов писал 30 сентября кн. Львову, уезжавшему за границу: Вмешательство чехов «вызвало взрыв чувства национальной обиды... Самые разнородные группы от промышленников до умеренных социалистов одинаково высказались перед представителем чеховоиск, а казачество было взволновано настолько, что можно было опасаться вооруженного столкновения».

Серебренников считает, что «попытку чехословаков в Омске совершить переворот» остановило только избрание Всероссийского правительства [с. 15]. К этому действию мы и перейдем. При Директории произошла ликвидация уже всего рассказанного на последних страницах конфликта Сибоблдумы с Админсоветом. Тогда же было расследовано и дело об убийстве Новоселова.

¹ Записка областников указывает, что Якушев и непосредственно обращался к Сыровому. Для чехов получалось неразрешимое противоречие: с одной стороны, невмешательство в русские внутренние дела, с другой — Сыровой командовал и русскими и чешскими частями.

¹ «Немецкая провокация», очевидно, вставлена для воздействия на падких к этому чехов.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Уфимское Совещание

1. Единая власть

Жизнь сотворила к августу на территории России 19 автономных правительств. Были правительства с территорией, были правительства без нее; были правительства областного типа, были правительства национальные. Разного калибра были эти подчас эфемерные образования с различными по объему правительственными функциями. На так называемом Восточном фронте, конечно, только Самарское и Сибирское правительства представляли собой конкурирующие силы, которые так или иначе могли претендовать на всероссийское значение.

Комуч так и ставил свои задачи. Под знаменем возродившегося Учредительного Собрания должно произойти объединение России. Пока же носителем идеи верховной власти является Самарское правительство. Поэтому всякого рода организации с оттенком правительственной власти, возникшие на освобожденной от большевиков территории, эсеровская власть считала как бы «юридически незаконными» [Майский. С. 189].

Сибирское правительство «формально ставило себе только областные задачи, выдвигая лозунг: через Сибирь к возрождению России. В действительности и оно претендовало на всероссийское значение и не очень-то склонно было уступать свою миссию. При установившейся в некоторых кругах социалистической демократии презумпции, согласно которой Сибирь с самого начала делалась «осиным гнездом реакции», а Самара воплощением народовластия, было чрезвычайно трудно провести нити соглашения между обоими создавшимися центрами. Соц.-рев. Колосов, в начале революции настроенный «весьма умеренно и государственно»¹, в июне 1918 г. выехал из Петербурга в Сибирь со специальной целью, по его соб-

ственным словам, для борьбы с грядущей реакцией [«Былое». XXI, с. 262]. Ввиду непрочности советской власти и неорганизованности демократии он прозорливо предусматривал эту реакцию еще в мае в статье, напечатанной в эсеровском офицозе «Дело Народа». Призрак контрреволюции, болезненная боязнь ее, таким образом, надевали повязку на глаза даже «весьма умеренных и государственно настроенных» членов партии. Она лишала их возможности объективно оценивать существовавшее положение. Предвзятость точек зрения заставляла их жить фикциями и гоняться за миражом.

Люди более реалистические, и прежде всего та военная среда, которая с оружием в руках устанавливала первенство в междоусобной борьбе, несколько по-иному подходили к политическим вопросам. Для них объединение фронтов, единое командование, конкретно возможное только при единой политической власти, становилось *sine qua non* самого успеха противобольшевицкой акции. Я уже приводил беседу Болдырева с Каппелем, в которой Каппель «почти ультимативно» ставил вопрос о политическом объединении разрозненных общественных сил. «Армия и офицерство ждут Всероссийского правительства», — передает Утгоф мнение полковника Галкина, который требовал (по выражению Болдырева в «не особенно почтительной форме») в дни уже Уфимского Государственного Совещания от членов У. С. прекратить «болтовню» и реально помочь фронту [с. 34]. Те же члены Уфимского Совещания заслушивают «секретное» сообщение ат. Дутова о необходимости ускорить создание единого командования, а следовательно, и центральной власти, ибо на фронте плохо и «долго при нынешнем положении казаки не в состоянии будут тянуть» [с. 103]¹. У военных сознание это было сильно — еще полк. Пишон в докладе о возможности интервенции отмечал необходимость в таком случае организовать «временное коалиционное правительство, приемлемое для союзников» [с. 55].

¹ Ген. Болдырев, настроенный в то время даже излишне оптимистично, склонен видеть в выступлении Дутова лишь политический маневр — «пугал тяжелым положением на фронте» [с. 44].

¹ В оценке В. Гуревича. Февральская революция в Красноярске. — «Вольная Сибирь». II, с. 127.

Вопрос об единой власти становился жизненным вопросом и для чехословаков, несмотря на склонность их руководящих политических кругов поддерживать по тактическим соображениям партийную демократию эсеров. В этом отношении они оказывали давление на неговорчивых политиков из Самары. В докладной записке, представленной в Уфимское Совещание, суммируя то, что не раз уже декламировалось в различных обращениях к русскому обществу, Отделение Чехосл. Нац. Совета писало:

«Чехословацкое войско, выступая три месяца тому назад против большевицкого насилия, в первый момент должно было защищать свою свободу, но начиная со второго дня нашего наступления мы поставили себе задачу — не продолжать свой прерванный путь через Владивосток во Францию, а оказать содействие братскому русскому народу.

...Чехословацкое войско в надежде, что русское общество возьмется за дело восстановления своей военной и государственной организации, решило принести посильную жертву во имя спасения братской России. К сожалению, дело восстановления не только политической, но и военной власти подвигается слишком медленно. Вместо того, что было бы более естественным, а именно, чтобы чехословацкая армия помогла русским войскам в деле освобождения их родины, до сих пор тяжесть военных действий неравной мерой падает на чехословацких солдат. Принцип создания Добровольческой армии ни в Сибири, ни на территории самарск. Ком. не дал удовлетворительных результатов. Частичная мобилизация была осуществлена только¹ на территории самарск. Ком. среди казаков и башкир, но результат этого призыва до сих пор мало только был использован на фронте...

Естественно, что при таких обстоятельствах чехословаки должны поставить себе вопрос... какие причины этого бессилия...

Вместо общегосударственного строительства мы являемся свидетелями какой-то таможенной войны между отдельными частями русского государства. Оттуда уже недалеко к незнанию или непризнанию единого русского государства.

При такой обстановке не может быть споров о том, что настоящее политическое положение властно требует немедлен-

ного создания центрального Всероссийского правительства, которое могло бы взять на себя задачи восстановления России»... [«Хроника». Прил. 102].

Основной вопрос ставился ясно и определенно.

***

В августе на территории Комуча и Сибири появились представители тех политических организаций, которые объединились в Москве вокруг двух центров — «Союза Возрождения» и «Национального Центра». Они выработали свою платформу и единую тактику борьбы, в основе которой лежало создание единой центральной всероссийской власти. Я не буду касаться деятельности этого «Союза» и отошлю читателя к своей книге «Н. В. Чайковский в годы гражданской войны» [гл. III. «Союз Возрождения России — план создания всероссийской власти»].

Случилось так, что деятели «Нац. Центра» попали на Юг, а на Восток прибыли представители «С. В.», т. е. представители левых течений договорившихся сторон. Они не афишировали московского соглашения, устанавливавшего и форму организации власти, и даже ее персональный состав. Деятели «С. В.» должны были в своих партийных организациях проводить выработанную линию и тем самым содействовать соглашениям различных политических кругов. «Союз Возрождения» был как бы полуконспирацией в партийной среде. Такая тактика объяснялась, очевидно, нежеланием раздражать местных людей, как бы навязывая им столичные решения. Было ли это правильно для успеха той агитации, которую надлежало вести членам «Союза Возр.»? С одной стороны, как «будто бы да: Кроль рассказывает, например, как раздражало партийных деятелей, типа Климушкина, упоминание о Москве: «Важно... не то, как смотрит Москва, ибо Правительство здесь, а не в Москве» [с. 60]. Но на весах надо положить и другое. Тактика умолчания сделала в конце концов позицию «С. В.» несколько спутанной и неясной не только для рядовой массы, но отчасти даже и в «сознании официальных представителей «Союза». Они

¹ Это неверно. Мобилизация была и в Сибири.

действовали противоречиво, вразброд. Эта тактика помешала развитию «Союза» к тому моменту, когда ему надлежало уже выступить в роли организованной объединенной силы¹. Во всей печати того времени, которую мне удалось просмотреть, я встретил едва ли не единственную заметку в газете «Сибирь» [№ 46], где, «по слухам», излагался план «представителей к.-д. и правых с.-р.», наметивших персональный состав будущей всероссийской власти². Ни опровержений, ни пояснений на эту заметку не последовало. Думаю, что успех агитации лишь колебался тактикой умолчания. Довольно значителен и показателен был, например, тот факт, что члены «С. В.» не вошли в состав Комитета У. С. (как-то: А. А. Аргунов). Печать этого не отмечала. Впоследствии в газетах писалось, что кандидатура Н. Д. Авксентьева в Москве оказалась неприемлемой для «Нац. Ц.» и что Авксентьев будто бы обещал свою кандидатуру снять. Это не опровергалось и не разъяснялось.

* * *

Я заглянул немного вперед при характеристике тех общественных сил, которые оказывали давление на негговорчивых представителей существовавших правительств. Официальная обстановка — обстановка недоверия и выжидания содействовала тому, что Челябинское Совеща-

¹ «С. В.» в Сибири, — утверждает Гинс, — существовал больше на бумаге. Поэтому лидеры его не могли опереться на «Союз» [I, с. 260].

² Сама декларация «С. В.» и «Н. Ц.», ставящая принципиальные вопросы, была напечатана, например, в омской «Заре» [18 сент.] в виде письма московского политического деятеля от 24 июля. Информация «Сибири» давала далеко не точное представление о московских кандидатах. Она называла: Милюкова, Набокова, Авксентьева, Аргунова, Болдырева. О Милюкове при его тогдашней «немецкой» ориентации не могло быть и речи. П. Н. Милюков, возражая в «Посл. Нов.» [№ 2983] на мои указания о больших неточностях, допущенных автором в изложении московского «соглашения», указывает, что первоначально была комбинация: «Милюков — Алексеев». Очевидно, до автора, как и до Сибири, дошли лишь слухи.

ние, назначенное на 1 августа, состоялось только в конце месяца. Отвечая Лебедеву, который убеждал Комуч «с этой дрянью», т. е. с Сибирским правительством, не вести «никаких переговоров» [VIII, с. 129], Вольский писал в известном нам письме из Самары 16 августа: «По вопросу о Совещании я также думаю, что не мешает его отложить, но, видимо, оно все же состоится числа 21-го. Жизнь действительно не ждала. По характеристике Утгофа, в августе было лишь два исхода: «или погибнуть в неравной борьбе двух губерний со всей Советской Россией или, создав Всер. пр., обеспечить себя из ресурсов Сибири и союзников» [с. 15]. И Самара вынуждена была, по словам Буревоего¹, принять участие в Уфимском Совещании. Комуч рассчитывал, что к нему будут присоединяться освобождающиеся из-под большевицкой власти области. Это не осуществилось. Даже те области, которые были связаны с Комучем, постепенно эмансипировались от него; например, Оренбургский атаман Дутов, лавировавший на первых порах между Комучем и Сибирью, объявил свою территорию 12 августа «особой областью»:

«Войсковое правительство Оренбургского казачьего войска, — гласила декларация, — согласно постановлению всех казачьих кругов о конституции Государства Российского в виде федеративной республики, полагает своевременным и необходимым объявить территорию войска Оренбургского особой областью Государства Российского и впредь именовать ее “Область войска Оренбургского”» [«Хроника». Прил. 98].

«Предварительное Государственное Совещание» в Челябинске под председательством Н. Д. Авксентьева происходило три дня (23–25 августа). Мы не имеем подробного отчета Совещания; в сущности, это Совещание само по себе мало интересно. Довольно бесплодны были споры о праве тех или иных областных правительств участвовать на Совещании в Уфе (Самара возражала против Урала и отстаивала право национальных правительств; Сибирь держалась противоположной позиции), так как

¹ «Колчаковщина». С. 13.

заранее было решено, что все вопросы будут решаться по соглашению. Но обстановка была напряженная и в этом отношении показательная. Споры о мандатах «иностранческих» правительств, по выражению Майского, приняли «вулканический характер». Против говорили В. Н. Пепеляев и Иванов-Ринов. Здесь Майский фиксирует такую сцену:

«...Уже слышались личные выпады, уже прозвучали крепкие слова. Председатель, желая ввести дебаты в парламентское русло, поднялся со своего места и, обращаясь к особенно волновавшемуся Пепеляеву, примирительно начал:

— Товарищ Пепеляев, ради Бога успокойтесь!

Пепеляев вскочил как ужаленный и во все горло заорал:

— Я вам не товарищ, прошу не забываться!

Выпад Пепеляева подействовал на меня как удар хлыста. Я вскипел и, бросившись к кадетскому представителю, угрожающе закричал:

— Да, вы нам не товарищ! Прочь отсюда!..»

Сцена характерна для тех, кто хотел делать общее политическое дело. Но более существенным все-таки был вопрос о месте Совещания. Комуч намечал Самару. Официальным мотивом выступала большая близости Самары к Москве — Совещание, созванное в Самаре, легче будет воспринято страной как всероссийское. «Фактически, — добавляет Майский, — Комитетом руководили несколько иные соображения. Комитет опасался усиления на Совещании правых элементов... В Самаре Совещание было бы в демократическом окружении» [с. 206]. Этот вопрос, как и все остальные, предварительно обсуждался в согласительной комиссии. Она большинством 10 голосов против 9 предложила местом будущего совещания оставить Челябинск. Чрезвычайно интересно, как тогда уже распределились голоса. За Ч е л я б и н с к: представители с.-д. «Единства»; «Союз Возрождения», партия нар. св[ободы]; сибирское войско; Оренбургское войск. прав.; пред. казачьего войска; Сибирское пр.; Уральское войсковое пр.; обл. Пр. Урала.

За Самару: соц.-дем.; Пр. Алаш-Орды, Туркестан; нац. упр. тюрко-татар; Прав. Башкирии; съезд зем. и

гор.; эсеры; Комитет У. С.; нар. социалисты¹ [«Хроника». Прил. 100].

Наметилось два определенных лагеря, которые по трафарету мемуаристов надлежало бы окрестить: лагерем «реакционным» и лагерем «демократическим». Не так это было в действительности...

На другой день делегация Комитета У. С. пошла на компромисс, вместо Самары была выдвинута Уфа. Компромисс этот был как бы «победой» Комуча — ему уступили, показав, что «правый лагерь» действительно хочет соглашения.

2. За кулисами

Так родилось Уфимское Государственное Совещание, которому надлежало создать Всероссийское правительство. Совещание это в основе своей было до некоторой степени ошибкой. Оно рассматривало себя как пуп земли русской, совершенно не считаясь с теми государственными образованиями, которые создались на Юге России. Между тем, конечно, оно должно было стремиться к созданию центрального правительства только для Восточной России, где образовался самодовлеющий антибольшевицкий фронт, не претендуя на объявление себя с самого начала, без соглашения с Югом, властью всероссийской. Авторитет власти заставил бы слиться с нею другие государственные образования. Естественно, на это толкнули бы или дела новой власти, или имена правителей; на последнее и рассчитывали в Москве. Для того чтобы эта власть была признана, надлежало ее создать так, чтобы она была приемлемой для самых разнообразных кругов. К сожалению, эти условия не были соблюдены в Уфе, и поэтому новая власть с самого начала имела претенциозный характер. Претенциозность всегда действует раздражающим образом. Фактически власть эта

¹ Представителем нар. соц. был Ф. З. Чембулов. Он разошелся с представителем «С. Воз.». Его позиция вообще не очень понятна и нарушала директивы Центр. Ком. партии, который он представлял в Совещании. Многие в его действиях объясняются, очевидно, той неосведомленностью, о которой мы говорили.

создавалась только для Востока, для объединения деятельности многочисленных областных правительств, и прежде всего Самарского и Омского.

* * *

До последнего времени наиболее полно и с политической и с бытовой стороны знаем мы о том, что происходило в Уфе 20–23 сентября (нов. ст.), из воспоминаний Л. А. Кроля¹. В настоящее время в издании Русского Ист. Архива в Праге появился отчет (по копиям) общих собраний Совещания и согласительной «комиссии по организации власти». На основании опубликованного материала легче представить себе политический облик Совещания. Документ этот производит тяжелое впечатление.

Мы познакомимся с тем, что происходило на официальных собраниях. Но, быть может, не менее показательна закулисная сторона Совещания, все еще недостаточно выясненная и мало отвечающая той внешней помпе и тем декларативным заявлениям, на которые не скупилась некоторые из участников Совещания. Ораторские фиоритуры не передают, конечно, драматичности условий, в которых протекало ответственное Государственное Совещание. Эту закулисную сторону — атмосферу сплетен, интриг, а порой недвусмысленных угроз — участник Совещания ген. Болдырев рисует в очень непривлекательных красках [с. 44–45]. Его характеристика местами тенденциозна — там, где она писана в добровольном уже «изгнании».

Дело вовсе, конечно, не в «интригах», а в разном понимании сущности дела и в обостренных на этой почве отношениях: недаром, как говорят, у Дутова «разболелась голова» от красной гвоздики при открытии Собрания. Комуч желал видеть Совещание в Самаре не только в целях воздействия на общественное мнение. Его лидеры избегали Челябинска не только из-за опасения какого-либо неправомерного действия со стороны более мощного Сибирско-

го правительства, — они не доверяли собственным военным силам. Эсеры боялись заговора по инициативе своего военного министра Галкина¹. Мы знаем, что энергичный Лебедев посылается в Уфу с «диктаторскими» полномочиями для охраны Совещания на случай заговора. Трудно пока выяснить, какую роль во всех этих предположениях играло самовнушение и болезненная подозрительность, заставлявшая верить всем фантастическим слухам и сплетням. Настроения войсковых частей в Уфе действительно были агрессивны по отношению к Самарскому правительству. Но ведь это далеко еще от «заговора». Утгоф увидел «заговор» в собрании офицеров, по инициативе подп. Солдовникова (нач. контрразведки уфимского штаба Нар. армии), заявивших, что они будут подчиняться штабу Сибирской армии, и надевших вместо георгиевской кокарды Комуча бело-зеленую сибирскую. Эсеровские политики, по-видимому, серьезно реагировали на «заговор», — по крайней мере, Утгоф полагал, что можно было бы арестовать и расстрелять (!) Галкина, опираясь на инструкторские роты и на чехов, будто бы готовых оказать помощь, но только на это не шел Вольский [с. 34–35]. Если таковы были настроения Комуча, то его политические противники аналогичных выступлений ждали от Самары. «В дни напряженной борьбы, — рассказывает сибирский делегат Серебренников, — мои сотрудники иногда начинали пугаться создавшейся обстановки. Я помню, как ген. Бобрин однажды сказал мне: “Знаете, я боюсь, как бы эсеры не вздумали задержать нас здесь. Не затребовать ли нам из Челябинска свои паровозы на всякий случай”» [«Сиб. Арх.». I, с. 9].

Вся эта атмосфера, по мнению Болдырева, не оставалась без влияния на ход работ согласительной комиссии: «она нервничала и путалась в противоречиях». Я не знаю, что именно конкретно имел в виду Болдырев, говоря о «противоречиях». Несомненно, атмосфера враждебности мешала открыто идти на необходимые уступки. Два лагеря образовались и здесь: Комуч, позицию которого поддер-

¹ Касаются более или менее подробно Уфимского Совещания и Болдырев и Майский. См. тоже упомянутую статью Утгофа в «Былом».

¹ Секретарь Комитета членов У. С. Николаев уверяет, что в августе полк. Каппель будто бы вызывался в Челябинск на особое военное совещание по свержению Комуча. Но Каппель был лоялен [«Воля России». X, с. 126].

живали мусульманские правительства, и... все остальные. Среди этих остальных наблюдались разные оттенки, но все они так или иначе находили общую линию, коренным образом расходившуюся с линией, которую пытались на Совещании вначале вести довольно изолированно малоуступчивые представители Комуча.

* * *

Далеко не однородна была в то время позиция количественно главенствовавшей на Совещании партии социал-революционеров. Совершенно правильно отмечает Болдырев: «У них (т. е. у Комуча) были весьма сложные внутренние расхождения... Левое крыло Комуча считало всякие уступки гибельными, указывало на реакционность кадет и правых группировок Совещания, но в конце концов в силу партийной дисциплины и левое крыло, за исключением непримиримых Коган-Бернштейна и Чайкина, пошло за умеренным большинством, руководимым Авксентьевым, Зензиновым, Роговским и Гендельманом» [с. 45]. «Непримиримые» не исчислялись двумя указанными лицами — мы с ними встретимся позже. Их не так мало, но они не оставили открытого следа в деятельности Совещания, относясь к нему, по существу, отрицательно¹.

¹ Чернова, приехавшего 19 сентября в Самару, на всякий случай держали «под спудом», «не допуская его в Уфу» — из письма Авксентьева партийным единомышленникам [«Пр. Рев.». Кн. 1].

«Непоявление лидера п. эсеров на территории Комитета, — поясняет Майский, — объяснялось специфическими причинами. Руководители Комитета считали Чернова слишком «левым» и чересчур «одиозным» для буржуазно-офицерских элементов Поволжья и потому под разными предлогами задерживали его прибытие в Самару. Действительно, Чернов попал на Волгу уже к шапочному разбору. Но зато на недостаток внешних знаков почета ему жаловаться не приходилось: «председателя Учредительного Собрания» поселили в лучшем номере гостиницы «Националь», перед дверью поставили вооруженный караул, устроили торжественный банкет с речами и иностранцами в ознаменование его прибытия и, наконец, заставили всех управляющих ведомствами явиться к нему для «всепоподданнейшего доклада» каждому по работам своего министерства» [с. 66]. Ср. у *Аргунова*.

Как-то незаметной оказалась и роль «правых» в эсеровской группе — действующим лицом является среди них один только Авксентьев, и то больше в роли председателя Совещания. Ему более чем кому-либо принадлежит честь того, что Уф. Совещание пришло к определенным результатам. На пользу ли общего дела? Это вопрос уже другой. Но не авксентьевская точка зрения победила на Совещании; не за ним «в силу партийной дисциплины» пошла главная масса эсеровского центра. Выразителем мнения большинства явился Гендельман. Он олицетворяет собою как бы центр, у которого был свой правый уклон (Архангельский) и левый (Минор). Этот центр занимал колеблющуюся позицию. Ее Утгоф определяет так: «Нельзя не признать, но нельзя и не сознаться». Правая группа с.-р. (Розенблюм, Павлов, Аргунов, Лазарев, Подвицкий, Лотошников, Кутузов, Брешко-Брешковская) безоговорочно шла на соглашение с «буржуазией» и учитывала одиозность, которая была разлита вокруг в отношении партии. Правым, по характеристике Утгофа, казалось, что «вся беда в том, что эсеры не способны на государственный разумный компромисс» (Лазарев предостерегал даже от выдвижения партийных кандидатур) [с. 35].

Сделанные пояснения и оговорки необходимы, ибо формально Комитет членов У. С. на Совещании выступал однородно, до крайности авторитарно, что раздражающим образом действовало на других участников Совещания. В заявлениях Гендельмана от имени партии слишком часто звучали слова: «Наша воля такова» — слова, которые мало соответствовали реальному соотношению сил и фактической обстановке того времени. Ни у Комуча, ни у партии с.-р. как таковой своих сил не было.

* * *

Уфимское Совещание по своему составу было достаточно демократично — на самом «правом фланге», по мнению Майского, стояла партия народной свободы [с. 227]. Отсутствующие группы подлинно реставрационного характера влияли на Совещание якобы через казаков. «Ка-

заки во главе с Березовским¹ были ударной группой правого крыла», — говорит Болдырев [с. 45]. Подобное обобщение грешит против действительности. В казачестве вообще несколько причудливо соединялись разнородные политические элементы и политический консерватизм уживался с ярким бытовым демократизмом. Среди казаков на Совещании были подлинно демократически настроенные группы, например уральское казачество, одним из видных делегатов которого был нар. соц. Михеев. Это уже определяло политическую физиономию делегации.

До Уфимского Совещания неоспоримо многие склонялись к признанию необходимости диктатуры. Не так уж далек был от истины Белоруссов, утверждавший в более позднем своем докладе в Екатеринбурге «Идея диктатуры», что «мысль всей националистической части русской общности склонилась в 1918 году к диктатуре»². Но перед Уфимским Совещанием во имя соглашения этот вопрос был снят с очереди, и никто, в сущности, идеи диктатуры на Совещании не отстаивал. Призыв к диктатуре раздался за стенами Совещания в среде промышленников, не допущенных на него³ и собравшихся в это время на съезд. Застрельщиком у промышленников выступил получивший столь печальную известность в августовские корниловские дни Львов, пытавшийся еще в Самаре доказывать Болдыреву «гибельность всякой коалиции». «Государственная мудрость» — в данном случае торгово-промышленников — должна сказать социалистам, ищущим коалиции: «Освободите ваши места, мы справимся и без вас». Такова была речь б. министра исповеданий, сделавшегося при Колчаке оппозиционером и облекшегося в «демократическую тогу»⁴. «Необходима твердая единая власть. Такой властью может быть только

военная диктатура»... и съезд вынес резолюцию: «Во имя спасения России, восстановления ее чести, единства и возрождения ее экономического благополучия все военное и гражданское управление должно быть объединено в лице Верховного главнокомандующего, обладающего полнотой власти и ответственного только перед будущим У. С. нового созыва, которое должно быть созвано не позднее одного года со дня заключения всеобщего мира».

«Диктатура» была упомянута на Совещании только в речи левого к.-д. Кроля — и то как принцип, не применимый в данной действительности. Могут сказать, что сторонники диктатуры до времени скрывали свои *désiderata*. Но ведь в этом и сущность всякого политического компромисса. Дело в том, насколько искренно идет та или иная группа на соглашение, идет добровольно или вынужденно, держа камень за пазухой. Официальный отчет об Уфимском Совещании свидетельствует о стремлении всех групп (о специфичности положения Сибирского правительства скажем особо) найти необходимый компромисс. С наименьшей охотой шла на него партия с.-р., поскольку на Совещании выражались ее официальные мнения.

3. Коалиционный сговор

На Уфимском Совещании почти не спорили о формах власти. Весь словесный бой сосредоточился на вопросе: перед кем должна быть ответственна будущая все-российская власть?

Вслушаемся в те официальные декларации, которые были оглашены на Совещании. Их было целых 23! С этих деклараций началась согласительная работа общих собраний, перенесенная потом в комиссию, где надлежало достигнуть единогласного решения.

Если в первой речи Вольского лишь в общих чертах говорилось о народовласти и об Учредительном Собрании [с. 17], то скрытый смысл ее был расшифрован в декларации Сибоблдумы. Вольский, встреченный «бурными и продолжительными аплодисментами» (все встают, очевидно, этот знак внимания относился к главе антибольшевизского Самарского правительства, а не к Ко-

¹ По-видимому, в то время официальный кадет.

² О позиции партии к.-д. в разные моменты см. мою брошюру «П. Н. Милюков как историк гражданской войны».

³ Представительство торгово-промышленников было отвергнуто в мандатной комиссии 9 голосами против 8 при одном воздержавшемся. Мотив — недопущение классового принципа в представительстве съезда.

⁴ Всем известно, что позже, в эмиграции, он эту тогу променял на советскую.

мучу как к таковому), начал свою речь словами: «Граждане, ваше приветствие — это приветствие тому У. С., которое будет создано усилиями Комитета членов У. С.». Затем кафедру занимает представитель Сибоблдумы Карпов, который выражает уверенность, что члены Собрания сумеют, отбросив все разделяющее их индивидуальное, местное, достигнуть соглашения «на основе сохранения завоеваний февральской революции и ответственности, создавшейся временной российской власти перед Учредительным Собранием настоящего созыва»...

В приветствии от имени Сибири была начертана целая политическая платформа¹, — именно этого и хотело избежать Сибирское правительство, возражая против посылки делегации от Сибоблдумы². Сразу появилась трещина. Сиб. Облдума говорила одно, а Омское правительство, представители которого еще не появились на Совещании, стояло совсем на иной позиции. Сибоблдума присоединялась к позиции Комуча; Омское правительство фактически отстаивало позицию московского соглашения, может быть и не зная в точности об этом соглашении. Инструкция, данная Правительством делегации, между прочим, гласила: (п. 5) «верховная власть создается по типу Директории как верховной власти»; (п. 7) «до открытия вс. У. С., вновь избранного, никаких общероссийских представительных учреждений не должно быть, а У. С. 1917 г. немедленно распускается» [«Хроника». Прил. 103]. В духе инструкции и была оглашена проф. Сапожниковым на третьем заседании Совещания 12 сентября соответствующая декларация³.

¹ Декларация, между прочим, отмечала, что в основу деятельности будущего правительства должны лечь постановления У. С., о передаче земли народу» [с. 68–70].

² Делегация фактически нарушала соглашение, по которому она должна была ограничиться строго приветствием Совещанию; против посылки делегации возражало не только Правительство, но и фракция областников в самой Думе (см. позднейшую «объяснительную записку» областников [«Сиб. Вест.», № 13].

³ В согласительную комиссию делегация Сибоблдумы не была допущена в силу категорического заявления председателя правительственной делегации, что в таком случае представители

По порядку произнесения, из наиболее важных выступлений, следовала речь представителя чехов д-ра Павлу.

«Мы, чехословаки, от души желаем Вам успеха в предстоящей ответственной задаче и верим, и надеемся, что вам удастся создать на этом Государственном Совещании всероссийскую власть, опирающуюся действительно на все слои русского народа. Мы верим и надеемся, что вы все, здесь присутствующие представители России, найдете тот общий язык, который объединит всех в общем стремлении послужить родине. Мы верим и надеемся, что русский народ, который 300 лет тому назад в Нижнем сумел встать на защиту своей свободы и единства, найдет и в настоящее смутное время и на Уфимском Государственном Совещании своих Мининных и Пожарских, которые крепкою рукою поведут Россию на путь славы и мира. Мы верим в это тем более, что все мы, как и Вы, чувствуем тяжесть момента, когда нам всем были даны два предостережения. Первое — прорывом севернее Уфы, в действительности не ликвидированным, и второе — падением Казани. Господа, мы все должны объединиться для того, чтобы не ожидать третьего предостережения» [с. 84].

Затем шла речь члена «Единства» Фомина. Нельзя не отметить, что наиболее твердую и последовательную позицию в течение всех перипетий Совещания занимало именно «Единство»:

«Мы находим, что верховная власть должна руководствоваться следующими полномочиями: первое — вести войну совместно с союзниками против Германии и стран, ее поддерживающих, до победы над поработителем народов — германским империализмом, второе — вести войну за самостоятельность и независимость единой, нераздельной России, третье — содействовать развитию материальных производительных сил страны и четвертое — укреплять завоевания февральской революции.

Как только общественная жизнь даст возможность населению проявить нормально политическую избирательную

Правительства немедленно покинут совещание [«Сиб. Арх.». С. 12]. Между прочим, редактор текста в «Архиве» А. Ф. Изюмов ошибочно отождествляет ген. Катанаева, члена сибирской делегации, с будущим участником омского переворота 18 ноября.

деятельность, власть безотлагательно должна приступить к организации выборов в будущее Учредительное Собрание...

Считаясь с наличными соотношениями взглядов, представленных на Совещании, мы допускаем возможность образования параллельно с будущей коллективной властью политического правительственного органа, который в случаях, если бы власть, видимо, уклонилась от пути, намеченного ей Государственным Совещанием, имел бы право интерpellации. Такой лишь в случаях надобности, по требованию большинства своего, собирающийся орган, ни в чем не тормозя деятельности Правительства, никак не стесняя его и не мешая ему и ничего ему не навязывая, мог бы служить связующим звеном между Правительством и населением, сближая между собою их и укрепляя у последнего доверие к первому»...

Народный социалист Чембулов, отмечая заслуги Комитета У. С., взявшего на себя «почин» (?) — воссоздание нашей рассыпанной государственности, и невозможность иметь полноправное Учр. Собр., признавал, что только настоящее Государственное Совещание «при обстоятельствах переживаемого времени» должно быть признано единственным органом государственного властвования...

«Трудовая народная социалистическая партия не мыслит себе подвижного немногочисленного по составу правительственного органа, не ответственного ни перед кем или теоретически ответственного перед мыслимым будущим органом. Ибо при таком положении первоисточником государственного властвования сделается коллегия лиц, которая легко может подпасть под влияние групп и классов и, кроме того, не всегда сможет воплотить и отразить всю многогранность и многообразие нашей огромной отчизны...

Конструкция Государственного Совещания, созываемого периодически для непродолжительных сессий, должна быть теперь создана настоящим составом Совещания, дабы при расширении территории, освобождаемой от большевиков, при следующей сессии пополненное Государственное Совещание явилось бы выразителем воли всей свободной России.

Когда условия государственной жизни допустят произвести выборы в новое Учредительное Собрание, оно одно явится

верховным властителем, истинным выразителем воли народной и создаст основные законы Государства Российского»¹ [с. 91—94].

Представитель Уральского правит. Кошечев, подчеркивая важность коалиционной власти, признавал также необходимость контрольного органа из представителей всех направлений и групп, участвовавших в Совещании, «в целях создания гарантий, что центральная власть не отклонится от намеченной Государственным Совещанием программы».

«Созданное таким образом Центральное Всероссийское правительство имеет временный характер, будучи обязано при наступлении соответствующих условий, гарантирующих возможность производства правильных выборов, созвать в срок, определяемый по соглашению с контрольным органом, Учредительное Собрание нового состава и сложить свои полномочия» [с. 97].

Уже резким диссонансом с предшествующими декларациями звучит речь Букейханова от Прав. автоном. областей Туркестана: «Мы считаем, что верховная власть в России должна принадлежать У. С. этого созыва. Пока У. С. это не создано, верховная власть, по нашему мнению, должна принадлежать наличному составу Съезда членов У. С. вместе с коллегией, которая создается в этом нашем Совещании...» Намечая Правительство из 7 лиц автономные области Туркестана делали его «ответственным» перед Съездом У. С.² [с. 99].

Несколько двойственной оказалась позиция партии нар. свободы, высказанная Л. А. Кролем, членом «Союза Возрождения», хорошо осведомленным о московском договоре. В своих воспоминаниях он объясняет эту двойственность так:

¹ Чембулов вместе с тем говорил о признании принятых старым Учр. Собр. законов. Нар. соц. мудро указывали на необходимость членам Вр. пр «на время своей службы в оном» выйти из состава своих партий.

² Представители Башкирии в противоположность этому заявляли о безответственности Правительства перед старым Учр. С.

«Я был в Уфе единственным человеком, который мог взять на себя представительство нашего ЦК. Ходатайства областных комитетов разных партий о допущении их делегатов на Государ. Совещ. были отклонены: допускались исключительно представители Центральных Комитетов. Отказ мой от представительства ЦК означал бы уклонение партии народной своб. от участия в создании всероссийской власти. С другой стороны, директивы ЦК, привезенные Пепеляевым из Москвы, были для меня неприемлемы. Недаром я участвовал только в «Союзе Возрождения». В спасительность диктатуры я не только не верил, но и считал ее гибельной для дела. Между тем директива, привезенная Пепеляевым, была весьма краткой: диктатура! К тому, что я не верил в целесообразность диктатуры, прибавлялось и то, что практически, при сложившейся обстановке, предлагать Государственному Совещанию диктатуру как форму правления было безнадежно. Выступать с такой формулой — значило бесцельно повредить своей политической репутации и уменьшить возможное свое влияние налево. Как быть? Отказаться от участия партии в создании власти во имя спасения своего реноме я не считал допустимым. Я решил поэтому принять такую позицию: вот какова принципиальная точка зрения ЦК на необходимую форму власти, а вот что приходится делать сейчас, принимая во внимание конкретную обстановку»¹ [с. 97].

Надо сказать, однако, что в своей речи Кроль довольно образно изобразил значение и преимущества диктатуры, почему Болдырев записал в дневник, что «наиболее откровенно за диктатуру высказался Кроль».

«... К несчастью, — говорил Кроль, — у нас еще народ не свыкся со свободой, к несчастью, свободу у нас еще смешивают с разнузданностью, и настоящая власть должна поставить настоящее дело так, чтобы свобода не мешала порядку, и я не сомневаюсь в том, что все это будет требовать очень сильной власти... Комитет партии н. с. считает, что наилучшей формой для осуществления такой власти было бы создание временной единоличной верховной власти. К великому несчастью для России, если наша революция выдвинула ти-

танов разрушения, анархии и беспорядка, то, к сожалению, на фоне нашей революции не явилось ни одного человека, которому вся нация, вся страна могла бы доверить такую власть и на которого могла бы рассчитывать, что он доведет страну до Учредительного Собрания, поэтому приходится поневоле мириться с менее совершенной формой в виде директории. Но эту Директорию мы мыслим как верховную власть, действующую через посредство министров, ответственных перед этой верх. властью, причем эта Директория — эта верх. власть ни перед кем не отвечает, объем ее прав — вся полнота власти. Она ограничивается только в том, что перед Директорией ставится задача довести страну до Учредит. Собрания и уже сама Директория должна понимать, что подлежит решению Учредительн. Собрания» [с. 100–101].

Противоположную Кролю точку зрения развивает Вольский. Чрезвычайно характерен для соц.-рев. тот исторический экскурс, который он делает для формального оправдания своей позиции. Он, подобно «буржуазным» государstвоведам, ищет прежде всего юридической преемственности власти, которую видит в формальном акте отречения от престола в. кн. Михаила Александровича, предшествующем акту о созыве всерос. Учред. Собр.

«Ясно, что и той власти, которая должна создаваться теперь, должна предшествовать государственная преемственность... Поэтому для нас является первым основным, совершенно непреложным положением, что верховная власть в России для устройства государства в тех условиях, в каких Россия теперь находится, может принадлежать только тому Учред. Собранию, которое существует... Мы считаем, что съезд членов Учр. Соб. должен быть тем органом, который даст санкцию той государственной власти, которая будет здесь образована» [с. 107–108].

В сущности, казаки первые осуществили в Совещании принцип делового объединения. Их декларация была оглашена ген. Хорошхиным от имени всех уже казачьих войск. Принципиальная позиция их определялась двумя положениями:

(4) «Всерос. верховная власть действует в обстановке полной деловой самостоятельности и независимости и ответственности перед всерос. Учред. Соб. нового созыва.

¹ Пепеляев в Уфу не поехал. Очевидно, он получил оскормину еще от Челябинска. Кроль видит в этом «дипломатическую болезнь».

(5) При решении вопросов общегосударственного значения, связанных с существованием и самостоятельностью Государства Российского, каковыми являются вопросы войны и мира, всерос. верховная власть должна созывать Государственное Собрание, решения которого для нее обязательны» [с. 171–180].

Наибольшее значение должна была иметь следовавшая затем речь ген. Болдырева, выступившего от имени «Союза Возр.». В сущности, Б. говорил не только от «Союза» — в Москве соглашение было достигнуто более широкое. Приходится сказать, что речь Болдырева сильно разочаровывает. Он давал реальный повод впоследствии Гинсу говорить о недостаточно ясной позиции «Союз Возр.» [I, с. 209]. Несколько неожиданно Болдырев заявил:

«Исходя из отмеченного признака общего доверия, власть эта отнюдь не должна быть стеснена в своих действиях каким-либо параллельно с ней существующим контрольным аппаратом и как власть, создаваемая на основании принципа народовластия, ответственная перед всероссийским Учредит. Собранием в его законном составе, собравшемся к определенному сроку» [с. 20].

Болдырев склонился на сторону поддержавших У. С. 1917 г. или, вернее, наметил тот компромисс, который в конце концов и принят был Собранием. Такая позиция нарушала принцип московского соглашения, которое Б. обязан был проводить от имени «Союз. Возр.» на Собрании. По этому поводу в согласительной комиссии Болдырев пояснил: «“Союз Возр.” до освобождения Поволжья от власти большевиков стоял на точке зрения непризнания У. С. настоящего созыва. Но группе членов У. С. удалось возглавить особое движение, изыскивающее способы возрождения России»... Но как связать наличный состав членов У. С. с новой властью? «Выход один, — по мнению Б., — нужно добиться кворума У. С. и признать ответственность перед ним» [с. 130]. Кто, в сущности, уполномочил Болдырева идти на такой компромисс от имени коалиционной группировки? Болдырев, в воспоминаниях выставивший себя (не совсем основатель-

но) «до известной степени» инициатором «Союз. Возр.», по-видимому, такую самостоятельную позицию мог занять только потому, что между членами «С. В.» не было достаточной связи. Выдвинутый компромисс наметился уже, очевидно, в дни Уфимского Собрания. По крайней мере, в интервью, напечатанном в «Сиб. Вест.» [№ 2], Н. Д. Авксентьев так определенно говорил: «Если действительно члены самарского Комитета полагают, что собрание 30 или даже 150 членов, почти исключительно принадлежащих к эсерам, может и должно явиться законодательным органом, который построит коалиционную власть, то это политически явно несостоятельно». Авксентьев указывал, что никто не пойдет на такую коалиционную власть и что население такое собрание не будет считать авторитетным.

Подобная точка зрения не являлась каким-то исключением в среде демократии. Нечто аналогичное развивал в челябинской газете «Власть Народа» столь трагично потом погибший в Омске с.-д. Маевский — он ожидал многих бед, если будет принята ответственность власти перед старым У. С. [цитирую по «Сиб. Вест.», № 29].

Но официальная точка зрения местного с.-д. комитета была иная. Она была развита на Собрании в декларации Майского в свою очередь, в то время резко расходившегося со своим ЦК:

... «Мы полагаем, что, в интересах укрепления внутреннего единства страны, в интересах введения до крайности обостренного классового озлобления в рамки нормальной классовой борьбы, желательное образование всерос. власти на началах коалиции демократических и цензовых элементов, объединенных на определенной политической программе. Однако не менее решительно, чем военную диктатуру, мы отвергаем и сосредоточение всей верховной власти в руках одного бесконтрольного органа — будь то Директория из нескольких лиц или власть полномочного премьера, формирующего правительство по своему усмотрению...

Нет, только та власть окажется в силах справиться со стоящими перед ней исполнскими задачами, которая будет опираться в своей работе на постоянно действующий представительный орган, выражающий волю, желания и стремления всего населения страны.

Таким органом может быть только тот орган, вокруг которого в настоящее время концентрируются силы демократии, во имя которого велась борьба с большевицкой диктатурой за народовластие.

Это Учред. Собр. первого созыва и действующий от его имени наличный состав членов Учред. Собр.

Мы не закрываем глаза на то, что со времени выборов в Учред. Собрание произошел значительный сдвиг в общественных настроениях, поэтому мы считаем крайне необходимым назначение в кратчайший срок перевыборов в Учред. Собрание, однако мы признаем, что впредь до созыва нового Учред. Собр. нынешнее Учред. Собр. является наиболее полным и законным представителем всей страны. Одно лишь ограничение представляется нам желательным: памятуя о переменах, происшедших в настроении избирателей с ноября 1917 года, Учред. Собр. настоящего состава должно изъять из сферы своей компетенции издание основных законов Государства Российского» [с. 124–125].

* * *

Что общего имели между собой оглашенные декларации и чем они разнились? Никто не выдвигал на Соевещании идеи диктатуры; никто не отрицал созыва У. С., которое должно быть подлинным «хозяином земли русской». Большинство стремилось к твердой, независимой от партийных решений власти. Уже в силу этого отвергалось возобновление старого У. С. «Сибиряки, — резюмирует Серебренников позицию своей делегации, — хотят ответственности перед новым У. С., а не перед социалистами-революционерами». Невозможность такой ответственности вначале признавал и сам Авксентьев. Подводя итоги прений в согласительной комиссии, он говорил: «Настоящее Учред. Собр. и Съезд членов Учред. Собр. являются, по существу, представителями партии социалистов-революционеров. Они все проникнуты идеей общенационального блага. Данное Учред. Собр. вошло клином. Состав его чисто партийный — там одни с.-р., и представить себе ответственность власти перед ним невозможно. Если бы был другой орган, составленный более пропорционально, был ли бы предмет спора? Конечно, нет. Если бы такой орган был, то от ответственности перед этим органом мы бы не отказались» [с. 131].

«Учредительное Собрание этого созыва готово идти на самоограничение», — утверждал в согласительной комиссии с.-р. Кругляков [с. 132]. Однако, как видно из заявления Зензинова в той же комиссии от имени Комитета У. С., ЦК партии с.-р., ЦК партии с.-д. и 4 представителей мусульманских правительств, «самоограничение» было весьма относительно: «Эти группы считают неизбежным признание прав У. С. данного созыва. Власть должна сложить полномочия перед У. С., созданным в срок, установленный наличным составом членов У. С., участвующих в Гос. Сов.» [с. 133].

Эсеры выступали уже объединенно. Противоположную точку зрения от другого объединения в комиссии развил проф. Сапожников:

«В объединенном фракционном заседании представители партии нар. своб., «Союза Возрождения России», Сибирского правит., казачьих войск и организации «Единство» пришли к следующему: власть должна быть ответственной. Органом, избирающим власть, является не учред. Собр., а настоящее Государственное Соевещание. Следовательно, и ответственность должна быть перед Госуд. Соевещанием. Это Госуд. Соевещание может быть пополнено членами Учред. Собрания настоящего созыва, причем Директория действует в течение 6 месяцев безответственно, потом отчитывается перед Гос. Соевещанием» [с. 133].

Одна нар.-соц. фракция неожиданно оказалась ни в том, ни в другом лагере. Это так не соответствовало определенной позиции партии! Однако устами И. Е. Маркова, видного самарского общественного деятеля, позже расстрелянного большевиками, нар. социалисты поддержали фактически позицию второго объединения:

«Указав, что искалеченное Учред. Собр. хотят оживить, оратор говорил: “Мы не протестуем против оживления Учред. Собрания, но не нужно мешать работе Правительства. Разговоры носят академический характер, но мы верим в государственный разум Соевещания и уверены, что будет сказано: работать Правительству с Учред. Собранием нельзя. Повторять опыты с Учред. Собранием — значит унижать идею Учред. Собрания”» [с. 176].

Совещание, или, точнее, его «согласительная» комиссия, блуждало среди трех сосен — примирить непримиримое нельзя было. И тщетны были призывы И. Е. Маркова к «разуму», попытка его убедить эсеров отказаться от контроля власти [с. 128]. Характерны были аргументы, которые иногда в ответ выдвигали эсеровские лидеры. Напр., Гендельман прибег к такому демагогическому софизму: соц.-рев. не будут принимать участия в организации власти, которая может посягнуть на У. С.; «мы (т. е. Совещание) установили, что никакие большевицкие законодательные акты не имеют последствий. Я желаю слышать подтверждение, что все большевицкие декреты и посягательства на У. С. тоже не имеют никаких последствий. Хотя на У. С. насильственно посягнули большевики, но оно не умерло» [с. 160].

На этот софизм прекрасно ответил член «Единства» Фомин:

«Я, как соц.-демократ, разумеется, не меньше других ценю идею Учред. Собр. И когда созовется настоящее Учред. Собр., которое явится выразителем воли всего русского народа, то перед ним, конечно, будущее правительство должно сложить свои полномочия, это ясно. Учред. Собр. есть хозяин земли русской, и ему все будет подчинено... Но не о таком Учред. Собрании идет здесь речь у граждан Гендельмана, Зензинова и их единомышленников из объединенной соц.-демократической партии... речь идет не об Учред. Собр., а о квази-Учред. Собрании, о пародии на Учред. Собр. Это факт, и этот факт я констатирую. Представители партии соц.-рев. все боятся, как бы здесь не умалили значение Учред. Собр. Они сами, как видите, умаляют его значение, заменяя Учред. Собр. группой членов его» [с. 160—161].

Зензинов безнадежно пытается доказать, что и «юридически» У. С. «продолжает существовать», ибо члены У. С. «своих полномочий не сложили» [с. 163]. Противники старого У. С. в ответ на указания, что бесконтрольная власть легко превратится в диктатуру, при которой России грозят ужасы, вплоть до вмешательства иностранцев во внутренние дела, решительно отменяли недопустимые приемы «запугивания» и предлагали (Фомин) вообще устранить неуместные эпитеты «правых» и «ле-

вых», которыми злоупотребляли считавшие себя представителями организованной революционной демократии [с. 136].

Волянка тянулась бы бесконечно при некотором внешнем оптимизме председателя, говорившего: «отчаиваться не надо» и надо «представить себе картину расхождений и соглашений» [с. 146]... «Правая», объединенная группа Совещания в целях достижения соглашения пошла на новые уступки и присоединилась к тому компромиссу, который выдвигала болдыревская декларация. От ее имени 18 сентября Кроль сделал заявление о необходимости «искать общего согласия и отбросить теорию»... Эта группа соглашалась на созыв старого У. С. при кворуме в 250 человек и при сроке его созыва 1 февраля, дабы на первых порах не мешать работе власти. Представители Сибирского правительства, входившие в это объединение, но связанные определенной инструкцией, сочли, однако, необходимым запросить свой центр.

Выжидательная позиция Сибирского правительства много раз впоследствии вызывала нарекания в неискренности. Неоспоримо, у Сибирского прав. были колебания. Вопрос всероссийской власти разрабатывался в такой ненормальной обстановке, что у Вологодского могла явиться мысль поставить согласие Сибирского правительства в зависимость от переговоров его на Д. Востоке. Если бы союзники признали Сибирское правительство, вероятно, и позиция последнего на Совещании сделалась бы иной. Все это только предположения. Объяснять подобную психологию, если она была только честолюбием и какой-то присущей Сиб. правительству правизной, едва ли возможно. Надо, очевидно, признать, что сибирская власть при некоторых условиях могла бы для России сделать значительно больше, нежели всероссийская власть, рожденная в атмосфере недоверия и вражды. Можно было ожидать, что новая всероссийская власть получит партийный налет с неприятным привеском в виде мертворожденного У. С. Члены сибирской делегации тогда уже знали, что Авксентьев и его политические единомышленники довольно отрицательно относились к сохранению сибирского правительственного аппарата, на чем настаивали в частных

беседах Серебренников и Старынкевич¹. Приходилось настораживаться. Но у нас нет никаких данных, подтверждающих слова Аргунова, что будто бы «за подписью то Михайлова, то Вологодского, то от них обоих в Уфу на имя сибирской делегации летели телеграммы, в которых рекомендовалось делегатам держать твердо «правую» позицию и не идти на уступки ввиду того, что Сибирское правительство накануне признания его союзниками; в одной из последних телеграмм... рекомендовалось прямо идти даже «на разрыв» с Уф. Сов. и указывалось при этом, что это необходимо сделать ввиду того, что левое крыло (т. е. эсеры) Уф. Сов. ослаблено взятием большевиками Казани, Симбирска и угрожающим положением Самары» [с. 31]. Серебренников не отрицает в своих воспоминаниях того факта, что он сносился с Омском по прямому проводу в течение всего хода работ Совещания:

«От Вологодского я однажды получил неопределенные указания на то, что делегации не следует особенно торопиться с организацией власти, и, кажется, один раз от И. А. Михайлова мне последовало предложение прекратить переговоры в Уфе². Но все это были только советы, это не были строгие директивы, коим я должен был бы немедленно и безусловно подчиниться. Этих директив никто и не мог мне давать, ибо в Омске не было к тому времени соответствующего компетентного органа власти.

Я и вся моя делегация были предоставлены самим себе и должны были руководиться собственным разумением и опытом» [«Сиб. Арх.». 11].

В Совещании делегация неизбежно шла дальше, чем теоретически предполагало это Правительство в Омске. Оно, вероятно, не раз испытывало то чувство, которое от имени сибирских казаков передавал Березовский:

«Чтобы прийти на помощь нашим братьям оренбургскому и уральскому казачеству, я решил быть вместе с ними и пошел

¹ См.: Кроть. С. 124.

² Телеграмма И. Михайлова 12 сентября гласила: «Административный Совет вчера заседании постановил никаких уступок Совещания Уфе, даже условия разрыва» [«Хр.». Прил. 107].

на уступки. Я не остановился даже перед расхождением во взглядах с Сибирским правительством, которое осталось на своих позициях, а я в своих уступках пошел дальше.

Делаю так единственно из искреннего желания достигнуть соглашения, чтобы скорее создать необходимую в настоящих условиях единую центральную власть» [с. 178].

Сибиряки присоединились в конце концов к линии, наметившейся у большинства. Мне кажется, она может быть ясно передана заявлением Войтова от Правительства Урала:

«Областное Правительство Урала, хотя и считает занятую здесь по отношению к Учред. Собранию настоящего созыва позицию неприемлемой, но, принимая во внимание настроение большинства членов Совещания и ради спасения России, заявляет, что оно будет признавать ту власть, которая будет образована здесь, на Госуд. Совещании, и будет ей подчиняться» [с. 192].

Уступчивость Сибирского правительства в значительной степени объясняется омскими событиями 21 сентября. «Это подрывало моральный авторитет Сиб. прав. и колебало устойчивость позиций его представителей на Уф. Гос. Совещании», — говорит Серебренников [с. 14]¹. Вместе с тем внешние события давили и на представителей Комуча: решающее влияние на уступки, по словам Бурева, имело падение Симбирска и Казани [Распад. С. 27]². Вынужденные идти на уступки³, официальные

¹ Аргунов же в этом совпадении видит «новые махинации» Сиб. правительства.

² «Все ждут результатов работ Гос. Сов., — говорил 18 сентября Фомин. — Из Самары бегут, кажется, не столько потому, что близки большевики, сколько вследствие паники, порожденной тем, что власть не может создаться, что стране грозит хаос» [с. 216].

³ Милуков говорит о давлении, оказанном чехами: «Спор был прерван чехословацким Советом, который вынес постановление, что «настоящее политическое положение власти требует немедленного создания центр. Всерос. пр.» [1, с. 17]. Автор первой истории гражданской войны фактически редко ссылается

ораторы Комуча и партии с.-р. облекли эти уступки в торжественные формы декларативного характера.

Участники Совещания, шедшие на очень большие для себя компромиссы признанием прав старого У. С., естественно, хотели обеспечить, по крайней мере, то, чтобы собравшиеся остатки У. С. были внушительны по числу народных избранников, и хотели определенных гарантий в этом отношении. В ответ они получили, быть может, принципиально правильную, но схоластическую реплику Гендельмана: «От имени У. С. никто не имеет права говорить, оно одно определяет и кворум и срок». Впрочем, эсеры делали уступки, мотивируя их устами Гендельмана: «...гибель У. С. есть гибель России. Вопрос поставили таким образом, что установление определенного кворума и определенного срока для возобновления работы У. С. делается условием соглашения. Итак, перед нами опасность дальнейшего безвластия, если это условие не будет принято... ввиду тяжелой ответственности, лежащей на нас, от имени партии соц.-рев. я заявляю, что члены У. С., принадлежащие к нашей партии, будут настаивать на признании кворума в 250 чел. и на срок созыва 1 января 1919 г.» [с. 178]. Далее Гендельман пояснял, что 1 февраля Уч. Собр. возобновит свою деятельность при всяком кворуме¹ и, «может быть, ограничится одним назначением перевыборов» [с. 186]. Логически это будет вытекать из позиции партии, но «формально я об этом не уполномочен заявить», — добавлял Гендельман.

на источники, откуда он черпает свои сведения. Надо думать, что здесь имеется в виду выше цитированная резолюция Нац. Совета, вынесенная до возникновения самих споров на Совещании. (По-видимому, сведения об «ультиматуме» Сырового на Уф. Сов. автор заимствовал от Гутмана. С. 283.) Косвенное давление чехи оказывали на Совещание, вернее на эсеров. «Чехи, — рассказывает Серебренников, — сторонились нас, представителей Сиб. пр., избегали всякого контакта с нами и в то же время находились в постоянном контакте с эсерами. В течение моего 12-дневного пребывания в Уфе я не имел ни одной беседы с чехословаками» [с. 11].

¹ Партия соглашалась в дальнейшем установить кворум и для февраля — 170 человек.

Так осторожно говорили лидеры партии о возможности ограничения функций будущего У. С.

Прения по вопросу о кворуме и сроке созыва У. С. чрезвычайно показательны. Из них видно, как у лидеров Комуча почти насильно вытягиваются те или иные уступки и как эти лидеры до последнего момента оставляют за собой «свободу действий». Такая постановка не удовлетворяла Собрания. Кроль негодует: «Обязательство выходит одностороннее» [с. 214]. Вслед за ним протестует представитель уральского казачества Шендриков. Он отмечает, между прочим, что, признав старое У. С., казаки вышли за пределы своих полномочий и что отовсюду «уже последовали протесты» [с. 219]. Немедленно «должно быть опубликовано все соглашение целиком. Этого именно не хотели представители партии эсеров. По их мнению, Совещание не могло вообще обсуждать вопросов, связанных с У. С. Тут правомочен только Съезд членов У. С. Для Совещания гарантией служит заявление ЦК¹. Ясно, что эсеры не хотели давать определенного и окончательного ответа до выяснения состава Правительства. Гендельман так и заявил: «Наша воля такова. Когда создастся правительство, тогда и скажем о сроках. Обязательств нет, так как нет соглашения в целом» [с. 214].

Я характеризую Совещание грубыми мазками. Мелкие детали иногда вскрывают подоплеку гораздо лучше, чем какие-либо принципиальные споры. С мучительной медленностью рождались решения. Под натиском казаков эсеры согласились созвать немедленно Съезд наличных членов У. С. и внести соответствующую наметившимся решениям Совещания резолюцию.

Съезд вынес требуемое постановление. И понятно, это были те же лица в другом одеянии. Так люди в ответственный момент играли фикциями.

В связи с вопросом о возобновлении деятельности У. С. было предъявлено еще одно требование, оказавшееся в самом ближайшем будущем чреватым послед-

¹ Позже эсеры большинства заявляли, что им не были известны уступки, сделанные от имени партии в согласительной комиссии.

ствиями: все дело подготовки У. С. к 1 января должно было находиться в руках самого У. С., т. е. в руках существующего Съезда членов У. С. Этот Съезд должен функционировать как «государственно-правовой орган», и Правительство, «всемерно содействуя» ему, не должно вмешиваться в его работу. Такая формулировка вызвала недоумение и у Кроля, и у Фомина, и у других [с. 179—182]. Авксентьев пытался убедить оппонентов, что здесь нет ничего страшного: «Это будет официальный орган постольку, поскольку Правительство ему будет помогать». Авксентьев не мог тогда учитывать содержания, которое вкладывали творцы этой идеи в формулу Съезда как «государственно-правового» органа. Тут не было речи об авксентьевском «постольку, поскольку». Гендельман довольно высокомерно обрывает спор: «Меня удивляет этот долгий спор, когда все сказано. Мы сошлись здесь не убеждать третьих лиц, а узнавать волю друг друга. Нами все сказано. Ни изменить, ни прибавить нам нечего»... «Если созыв У. С. будет поручен другому органу, — заявляет он ультимативно, — это для нас неприемлемо» [с. 183—184].

Комиссия вновь уступает требованиям эсеров¹, и тогда фракция партии с.-р. «для того, чтобы облегчить соглашение», «признала возможным отказаться от контрольного органа на время до возобновления работ У. С.». «Эта уступка была сделана в ответ на категорическое заявление Сибирского правительства, что оно «никаких контрольных органов не допускает»...»

Обсуждалась на Совещании и деловая программа Временного правительства. П. Н. Милюков называет ее «довольно умеренной». В сущности, почти без изменений был принят проект, предложенный эсеровской фракцией. Были внесены некоторые смягчения в вопросе о федерации и главным образом о земельном законе. В эсеровском проекте стояло: «В области земельной политики Пр. руководствуется основными положениями за-

кона о земле, принятыми У. С. 5 января, принимая меры к немедленному возобновлению работ земельных учреждений, которые должны до созыва У. С. регулировать трудовое землепользование на началах максимального использования земельной площади и уравнительности, применяясь к бытовым и областным особенностям отдельных местностей» [с. 156]. Фомин («Единство») заявляет, что он «принципиально не разделяет положения о земле, принятого на заседании У. С. 5 января»... «Чтобы этот пункт не вызвал здесь разногласия», предлагает опустить ссылку на закон. То же самое «ультимативно» ставит Кроль, ибо при сохранении этого пункта «ни один кадет не будет в состоянии вступить в Правительство» [с. 204]. Гендельман указывает, что «это можно истолковать определенно, что частная собственность отменена, а земля все же до решения У. С. должна оставаться в руках фактических владельцев». Принимается этот пункт в такой формулировке: «Земля остается в руках ее фактических пользователей, и принимаются меры... к расширению трудового землепользования».

Следовательно, за законом 5 января и эсеры согласились признать лишь характер декларации.

Аналогичные прения возникли и о федерации. 5 января также принят был закон, объявляющий Россию федеративной демократической республикой. Представитель соц.-демократии Кибрик заявляет о непризнании его партией федерации. Кроль также против федерации, но предполагает, что Украина вряд ли присоединится иначе, как при федерации. Этот пункт в изменение закона 5 января был принят в виде предположения, что У. С. даст окончательное установление государственной организации на федеративных началах. Здесь эсеры оказались гораздо более уступчивы, чем в вопросах об организации власти.

* * *

Наконец, Совещание остановилось на персональном составе будущего Правительства. При намечании кандидатов произошел довольно большой разброд. Его

¹ Кроль счел необходимым оговорить в протоколе, что этот пункт считает вредным, могущим иметь большие последствия. Он пророчески оказался прав.

легко было бы избежать, если бы члены «Союза Возрождения» более определенно проводили на Совещании установленную в Москве линию. Все группы, однако, назвали коалиционный состав Правительства, за исключением эсеров, которые выдвинули только партийных кандидатов¹.

Как и в других случаях, основные группы договорились, и 21 сентября ген. Болдырев от имени делегации «С. В.», Сибирского правительства, казачьих организаций и др. выдвинул список, совпадавший с московским. Он дополнялся лишь Вологодским². Этот список в конце концов и был принят. К членам Правительства были намечены персональные заместители: к Авксентьеву — Аргунов, к Астрову — Виноградов (к.-д.), к Болдыреву — Алексеев, к Вологодскому — Сапожников, к Чайковскому — Зензинов. Каждому члену Правительства выбирался свой заместитель: к нар. соц. Чайковскому заместителем попал соц.-рев. Зензинов. Это сразу нарушило равновесие сил в коалиционной Директории, так, по крайней мере, воспринято было это широким общественным мнением³. Так расценивали кандидатуру Зензинова и многие в «левом секторе: «Эсерам... удалось... проскочить сквозь игольное ушко и провести одного из своих партийных людей в состав кандидатов. Но это была все-таки очень слабая компенсация за то огромное поражение, которое они понесли в Уфе» [Майский. С. 245].

¹ Социал-демократы ввиду «принципиально отрицательного отношения к Директории» воздержались от участия в обсуждении вопроса о конструкции и персональном составе Вр. пр.

² По отчету невозможно себе представить, как реагировал «левый» сектор на этот список. По словам Майского, ему был противопоставлен другой, где не было Авксентьева и Чайковского, замененных Тимофеевым и Зензиновым. Мы за этим «торгом» следить не будем. Перипетии его не достаточно ясны. Пожалуй, он имеет второстепенное значение.

³ Из пяти членов Правительства — три эсера, таково было мнение не только правых, но некоторых военных кругов, которые и Вологодского причисляли к «агентам партии». См., например, рукописные воспоминания ген. Рябикова в «Рус. Ист. Загр. Архиве» (Прага).

Чайковский был в отсутствии. Членом Директории становился Зензинов.

Соглашение все-таки состоялось, 23 сентября Совещание «одобрило акт об образовании всероссийской верховной власти»¹. Члены Директории принесли «торжественное обещание».

* * *

Уфимское Совещание, несмотря на всю свою торжественность, было в действительности довольно обыденной прозой. Отчет, рисующий облик русской общественности — и в особенности ее «левого» сектора, производит местами гнетущее впечатление. Во всяком случае, ничего радостного в нем нет. Вы не ощущаете в нем того подъема, который необходим людям для того, чтобы творить государственное дело. Но, может быть, в жизни надо, чтобы проза облекалась в лирические и патетические формы.

23 сентября зал «Сибирской гостиницы» был переполнен, везде сияли огни. В соответствии с обстановкой говорилась и заключительная речь председателя Совещания, избранного и временным председателем нового Временного Всероссийского правительства:

«...Если наряду с твердостью, единой волей Правительства будет твердость и единая воля страны, если мы поймем все, что большое и высшее право, которое теперь есть у русского человека, — это есть право пожертвовать собой, пожертвовать всем во имя того великого, единого, целого, которое мы именую нашей свободной родиной, мы, Врем. прав. России, и вы, избравшие нас и представляющие всенародные массы, мы должны сейчас дать великую, единую клятву: клянемся, братья, клянемся тем, что мы в этих жертвах и в этом единении, в одной воле, в одной стальной воле не остановимся ни перед чем. И если эту великую клятву мы здесь дадим, и если этот великий акт заключили здесь, то я

¹ «Акт» напечатан, между прочим, и в «Архиве» И. В. Гессе-на [т. XII]. В акт включена целиком и программа, принятая для Директории.

глубоко убежден, что Россия — наша Россия — будет спасена» [с. 255].

Следует запомнить и речь тов. предс. Чехословацкого Нац. Совета д-ра Павлу, которого Совещание приветствовало стоя. Он закончил словами:

«...Если мы имеем некоторую заслугу в создании настоящего момента, если мы тоже что-то создали для великой единой России — это не случайно; это потому, что в каждом из нас имеется ясное сознание, что наша судьба и Ваша судьба — судьба общая, потому что мы, как и Вы, боремся за свободу, потому что мы, как и Вы, боремся за единство. Мы верим и потому боремся, — что без единой и свободной России не будет единой и свободной Польши, не будет единой и свободной Румынии, не будет единой и свободной Югославии. И потому мы здесь все, угнетенные народы Средней Европы, собрались и собираемся для того, чтобы с Вами дальше бороться до тех пор, пока не будет восстановлена свобода нашей родины» [с. 213].

Но все это декорум. Очень мало подходили эти речи к той действительности, которая была налицо. «Вечерний горячий призыв к единению рассеялся в предрасветном тумане. Вражда и рознь открыто ползли из всех щелей. Так начинался первый день Вр. Вс. правительства-Директории» — этими словами закончил главу «Образование Директории» в своих воспоминаниях один из творцов уфимского компромисса ген. Болдырев [с. 53]. Что лучше: худой мир или добрая ссора? Нет на это общего ответа. Уфимский компромисс не мог быть искренним — претенциозны были требования «левого» сектора и слишком много уступок пришлось сделать другому лагерю. «Это соглашение, — подводит итоги Серебренников, — не родилось в атмосфере энтузиазма — оно было вынужденным и поэтому неискренним и таило в себе зародыш будущей борьбы, столкновений и распрей» [«Сиб. Арх.». С. 13]. Создавалась какая-то фикция, которая действительно запутывала еще более сложную политическую обстановку и делала еще болезненнее разрешение назревших конфликтов...

Возражая Кролю, Н. Д. Авксентьев обмолвился: «Нужно думать, что будет с Россией в течение первых трех месяцев» [с. 189]. Роковая ошибка. Через три месяца уже не было Директории.

4. На другой день

Только казалось «в последние часы Совещания», что решение в Уфе найдено, что «демократия может объединиться в единую силу, что дух борьбы и недоверия отлетел, унесенный пережитым и осознанным общим горем, горем страны, и что мы способны к работе возрождения» [Аргунов. С. 20]. Решение в Уфе не было найдено.

Внешне победила тактика Авксентьева¹ и «умная диалектика» Гендельмана. Победили эсеры — утверждает Серебренников в противоположность Майскому: «Сибиряки и примыкающие к ним группы пошли на большой принципиальный компромисс, вырвав у противников некоторые уступки непринципиального свойства» [с. 13]. 28 сентября на Съезде членов У. С. Гендельман говорил: «Для нашей партии сегодняшний день — великая награда за борьбу в деле освобождения России... Сегодня перед нами разгорается заря, когда мы уверены, что близок день возобновления работы возрождающегося У. С. 1 января возобновится великое наше Учредительное Собрание» [«Сибирь», № 63]. Речь Авксентьева на Съезде такая же апологетика — это апофеоз тому Учред. Собранию, к ногам которого сложить свои полномочия члены Правительства считают своей «священной обязанностью».

Видел «победу демократии» и Зензинов. «В Уфе, — говорил он в беседе с сотрудниками газет, — мы сказали, что не уедем, не создав государственной власти. Обещание исполнили. В состав Правительства нам не удалось провести всех, кого мы считали необходимым иметь для данного времени. Но одержали победу в признании прав данного У. С.» [«Сибирь», № 64].

¹ За что Утгоф и назвал его великим мастером на компромиссные решения и изобретателем «бумажных гарантий».

В действительности не все были настроены так оптимистически. Не все видели в достижениях Уфимского Совещания победу демократии¹. В книге Майского приведена лента разговора по прямому проводу автора воспоминаний с самарским министром ин. дел Веденяпиным. Разговор относится к тому самому моменту, когда рождалось Всер. Вр. пр.

М а й с к и й. Сейчас только закончилось заседание Совета управляющих ведомствами по вопросу о сформировании Директории. Совет поручил мне передать Комитету членов Учредит. Собрания следующее: Совет сильно разочарован составом Директории, однако полагает, что задача демократии — твердо отстаивать свои позиции до последней возможности. Если мы потерпели поражение в вопросе о составе Директории, то должны постараться взять реванш на другой позиции, именно на составе делового кабинета...

В е д е н я п и н. Думаю, что достигнуть чего-либо невозможно. Ваши пожелания будут переданы, и по мере сил наши товарищи будут их отстаивать. Врем. правит. уже существует и сейчас приняло присягу...

Формирование делового кабинета теперь зависит от Врем. прав., и мы можем влиять на его состав только частным образом, что мы и будем делать.

М а й с к и й. Итак, поздравляю вас с рождением всер. власти. Не думал, что придется встречать это событие с такими смешанными чувствами. Что день грядущий нам готовит?

В е д е н я п и н. Извещаю вас о смерти Комитета. Это наше общее настроение [с. 241—243].

Пессимизм членов Комитета У. С. объясняется, конечно, отчасти подавленным настроением в связи с событиями на Волжском фронте: «Рушилось здание, над возведением которого соц.-рев. и меньшевики четыре месяца работали с таким увлечением и надеждами, и никто не мог указать какого-нибудь средства спасения» [Майский. С. 259]. После разгрома Самары у соц.-рев. явилось сожаление в «ненужной жертве», — признает Авксентьев в том письме товарищам на Юг, которое

¹ «Потеряв голову, по волосам не плачут», — запечатлел на листе уфимских автографов с.-р. Лошмаков.

напечатано в «Пролет. Революции». На первых же порах слева началось: «постольку, поскольку и даже хуже». «Слева» — это то крыло партии с.-р., которое продолжало своим лидером считать Чернова. Достаточно символическую картину как бы фотографирует письмо Авксентьева. В Самаре происходит концерт-митинг по поводу образования демократической всероссийской власти. Всеобщее ликование. Весь партер в театре стоит. Сидит лишь один. Крики: «Встать!» Раздаются угрозы. «С кислой улыбкой», «нехотя» встает прославленный бывший — «селянский министр». Он не сочувствует Уфимскому Соглашению, потому что «сделано не им и не для него» (квалификация Авксентьева). Пустой инцидент, но действительно он «эмблематичен!» «Можно себе представить, каково было действие, когда он оказался на самом Съезде У. С.»... Нужно запомнить хорошо эти слова Н. Д. Авксентьева: они будут необходимы при оценке последующих событий.

С самого начала Чернов, не бывший или не допущенный на Уфимское Совещание, «занял резко отрицательное отношение к соглашению с буржуазией», требовал разрыва соглашения и объявления Комуча всероссийской властью [Утгоф. С. 41]. Чернов, по его собственным словам, может только гордиться этим¹ и сожалеть, что его предостерегающий голос мог прозвучать лишь запоздалым «гласом вопиющего в пустыне». В то время дело не ограничилось сожалением, была сделана попытка исправить ошибку, допущенную в Уфе, и найти средство так или иначе аннулировать «акт», под которым была и подпись ЦК партии. Святицкий — единственный пока рассказавший, что делалось в эти дни за кулисами партии, — утверждает, что Соглашение в Уфе было фактически подписано от имени партии меньшинством ЦК. В Уфе было 7 цекистов, из них трое были

¹ В статье «Историк или истерик», помещенной в «Воле России» и представляющей собой ответ на мой фельетон «Кто он?» [«Посл. Нов.», Чернов сам заявляет: «Я действительно, прибыв в Самару и узнав, с кем и какого рода заключается компромисс, — по прямому проводу заклинал цекистов, находящихся в Уфе, не губить партию и демократию».

против Соглашения, четверо «за». Следовательно, санкция была дана большинством одного голоса, но «если к голосам уфимских цекистов присоединить голоса цекистов, бывших в Самаре¹, то соотношение было бы совсем иное: за Соглашение 4, против 6. Уфимские товарищи не приняли во внимание голоса самарских цекистов, и воля ЦК была, таким образом, явно извращена» [с. 59]. Как только закончилось Государственное Сопровождение, все цекисты выехали в Самару, чтобы устроить пленарное заседание и обсудить «создавшееся, крайне тяжелое для партии положение». На этом пленуме победила, конечно, точка зрения Чернова, и в результате ЦК 11 октября вынес ту самую резолюцию, которой суждено было сыграть на Востоке большую политическую роль. «Центральный Комитет не мог, разумеется, аннулировать свои же уфимские постановления, — отмечает мотивы Святыцкий. — Не мог он также и не признать новообразованную Директорию, ибо такое непризнание *post factum* породило бы резкий раскол в среде самой демократии и бросило бы еще несоорганизованную левую часть демократии в открытую борьбу с реакцией, которая к тому же стала бы действовать под прикрытием правых демократических кругов. Поэтому Центр. Комитет ограничился, с одной стороны, резкой критикой — «невыдержанной», «колеблющейся» и «не соответствующей решениям съезда и Совета партии» линии поведения фракции эсеров на Уфимском Сопровождении, а с другой стороны, обратился ко всей демократии с горячим призывом мобилизовать все свои силы, чтобы отворотить грядущее нападение реакции на демократию. Центральный Комитет не призывал свергать Директорию, но он исходил из того взгляда, что Директория — учреждение мертворожденное, что события могут пойти мимо нее, что вопрос об Учредительном Собр. нельзя считать разрешенным Уфимским Соглашением» [с. 60].

Отныне эсеровская иркутская газета «Дело» назовет Уфимское Сопровождение — «Вальпургиевой Ночью»... Предзнаменование не очень хорошее!

¹ Ракитников, Раков, Чернов.

«Фальшивость» уфимского компромисса, когда одни надеялись, что У. С. не соберется¹, а другие думали обратиться в постоянно действующий орган Съезд членов У. С.², побудила многих представителей другой договаривавшейся стороны отвергнуть Соглашение. К ним прежде всего принадлежал избранный в число членов Директории Н. И. Астров. В екатеринодарской газете «Великая Россия» [№ 72, 13/25 ноября] появилась беседа Астрова, в которой член Директории заявлял о своем отказе вступить в новое правительственное образование. Он отмечал прежде всего изменение «московской схемы московского соглашения». Изменение это он видел в «попытках возвращения к жизни старого У. С.».

...«Отстаивая лично идею Учр. Собр. как верховного полномочного органа, имеющего в конечном результате установить форму государственного устройства России, я с тем большей решительностью отвергаю всякую мысль о возможности вступления в Правительство, которое ставит себя в зависимость от старого, уже не существующего Учр. Собр. Этим решается вопрос о принятии мною избрания в состав Врем. правит., образованного Уфимским Сопровождением, и заявляю, что в состав Директории, ставящей себя в зависимость от старого Учред. Собр., я не вступаю.

Не желая отрываться от действительности, я не могу также не признать, что в настоящее время коренным образом переменилась вся политическая обстановка, которая не дает основания считать, что уфим. образование может почитаться всероссийской властью. При современных условиях это лишь одно из образований на трудном и долгом пути собирания России, это лишь часть сложного процесса образования общегосударственной и всероссийской власти. В этом процессе

¹ «Сибиряки надеялись, — пишет Серебренников, — что нужного количества членов У. С. к 1 января не наберется и что за 5 месяцев много может утечь воды» [с. 13].

² На торжественном заседании Съезда 26 сентября была устроена даже своего рода демонстрация, хотя Съезд юридически уже не являлся органом законодательной власти, тем не менее Совет упр. вед. решил в полном составе явиться на первое заседание Съезда, желая этим демонстративно подчеркнуть, что он по-прежнему считает себя политически ответственным только перед У. С.» [Майский. С. 261].

неизбежны перегруппировки, перестроение и даже коренные изменения самих основ и конструкций власти. Это совершенно неизбежно, в особенности если принять во внимание, что в образовании этой власти не участвовали области, оторванные от Северо-Востока.

Вместе с тем я со всею решительностью утверждаю, что с этим Правительством, объединившим Северо-Восточную часть России, необходимо установить соглашение для достижения общих целей и задач, стоявших перед Россией».

«На Уфимском Совещании фактически отсутствовали представители «Национального Центра», и только в силу этого могло быть принято реально неосуществимое решение», — утверждал Белоруссов в своем екатеринбургском докладе... В нем подчеркивалось, что ген. Алексеев, считающий необходимым установление единоличной власти, еще летом заявил московским общественным организациям, что он ни в какую коллегия не войдет [«Приур. Вест.»]. Мы знаем, однако, из сообщения А. И. Деникина, что Алексеев готов был вступить в Директорию при наличии определенных условий. Их не было в обстановке, при которой родилась новая власть. Конечно, «Юг», который Болдырев обвиняет в излишних «претензиях» [с. 30], встретил Директорию «без энтузиазма»; Деникину казалась «политически несообразной» ответственность коалиционного Правительства перед «эсеровским собранием». И не могла южан удовлетворить позиция, которая развивалась в полученном Алексеевым от Болдырева письме [30 сентября]: «Мы исходили из того убеждения: если новая власть укрепитя за период безответственной работы, едва ли тогда явится у кого-либо желание идти против такой власти. И тогда будущее покажет дальнейший ход государственной жизни России. Если же этой власти не удастся справиться с теми исключительными по трудности условиями работы, тогда становится безразличным — будет ли она безответственной или нет» [Деникин. III, с. 258].

Создание Директории, как это ни странно, возродило к жизни и идею диктатуры, которая была противопоставлена идее Учред. Собрания 1917 г. На собрании омских кадетов В. Н. Пепеляев характеризовал Уфимское

Совещание как «победу антигосударственных элементов», и принятая резолюция, высказываясь за «единоличную диктатуру», выдвигала как очередную задачу партии к.-д., содействие «освобождению страны от тумана неосуществимых лозунгов» (завоевания февральской революции, вся власть У. Собр. и т. д.), каковые являются в данных условиях пагубными фикциями, самообманом и обманом» [«Сибирь», 24 окт., № 81]. Отношение свое к Вр. Всерос. пр. омский Комитет партии определял, как и самарские эсеры, по лозунгу «постольку, поскольку» — к.-д. ставили его в зависимость от «дальнейшего движения» Правительства «по пути государственности». В Уфе, по инициативе Белоруссова и других, 17 октября открылся как бы филиал московского «Национального Центра» под наименованием «Всероссийского Национального Союза» — в него вошли, помимо Белоруссова¹, Б. В. Савинков, несколько членов савинковской организации «Союза Защиты Родины и Свободы» и даже представители группы «Единство». Декларация Национального Союза, позже полностью опубликованная в «Отеч. Ведом.» [№ 13], подчеркивая значение Добровольческой армии, звала к объединению для национального и государственного возрождения. Признавая «нормальным волеизъявлением нации» вотум народного собрания, составленного из лиц, «обладающих по своему возрасту и жизненному опыту достаточными данными для участия в государственных делах», декларация объявляла «диктатуру» наиболее отвечающей в данный момент «формой организации власти», твердой и авторитетной, необходимой для «объединения и упорядочения России».

Итак, почти на другой день после торжественного акта создания всероссийской коалиционной и коллегиальной власти раздался голоса, с одной стороны, о единоличной диктатуре, с другой — о разрыве всяких коалиционных соглашений... Но это уже новая глава в истории гражданской войны на Восточном фронте. Новый этап, выдвинувший, в конце концов, на авансцену адм. Колчака в роли Верховного Всероссийского Правителя.

¹ Для Белоруссова Уф. Совещ. было также равнением налево [«Отеч. Вед.»].

5. Последние дни Самары

Еще несколько слов о Самаре, чтобы не возвращаться к ее концу. Она переживала период медленной агонии. 14 сентября пала Казань, хотя только еще 9 сентября власть объявила, что Казань сдана не будет. Большевицкие войска приближались к столице Комуча. Майский в чрезмерно минорных тонах рассказывает о настроениях, царивших среди членов Совета упр. вед., явившихся в Самару «совершенно убитыми». Вера окончательно «рухнула». «На будущее больше никто не надеялся. Настроение стало предсмертным, и решения Правительства все чаще и чаще начали диктоваться стремлением «как-нибудь доиграть игру» [с. 263]. «Нисколько не удивительно поэтому, — продолжает Майский, — что в заседании Совета управляющих 29 сентября, по инициативе самого Вольского, был поставлен вопрос о ликвидации Комитета членов У. С.». Это было единогласно¹ признано необходимым. Сохранялся только Совет упр. ведомствами как орган областной власти на территории Комуча. Через два дня Комитет пошел дальше и послал Директории мотивированную декларацию с предложением управление территориий Комуча осуществлять непосредственно Вс. Вр. правительством через назначаемое им особо уполномоченное лицо. «Итак, генерал-губернатор вместо демократического органа областной власти. Куда же дальше идти?» — восклицает Майский. Автор не понимает или делает вид, что не понимает. Самороспуск Комуча был простым тактическим шагом. Вместо него выдвигался Съезд членов У. С. со всероссийским значением; областным же Самарским правительством эсеры мало интересовались. Вольский пробовал в Уфе предложить Самару как резиденцию Директории. Но это было отклонено. Самара становилась провинцией, находившейся под ближайшим ударом наступавших большевиков.

1 октября началась эвакуация Самары. Как всегда, план эвакуации что-то срывает. Происходят безобразные сце-

¹ Следовательно, и Майского, который в воспоминаниях подобный шаг считает ошибкой.

ны. Эвакуируются все наличные боевые силы. Идет запись добровольцев. В кавалерийском отряде Фортунатова появляются две амазонки из состава партийной боевой дружины. В Самаре остается Чернов, решающий принять участие в боях и уйти только с последним отрядом» [Святыцкий. С. 40].

Описание последнего дня Самары бывший министр труда Самарского правительства заканчивает сочной картиной:

«Мы вошли в зал, где обыкновенно происходили заседания Правительства, и невольно остановились в недоумении.

Посередине зала стоял небольшой стол. За столом сидел Вольский и еще несколько эсеров. На столе стояли бутылки и рюмки, виднелись селедка, хлеб и еще какие-то закуски. Лица у всех были красные и возбужденные. При нашем появлении Вольский поднялся с места и, держа в руке наполненную рюмку, демонстративно громко крикнул:

— Пью за мертвую Самару! Вы разве не слышите, что она уже смердит?

Он залпом опорожнил рюмку, швырнул ее на пол так, что во все стороны полетали осколки и затем с каким-то надорванным хохотом опустился на стул.

Нам стало невольно не по себе. Мы повернулись и поспешили уйти, но до самого выхода нас преследовали жутко трагические звуки:

— Ха-ха-ха-ха! Ха-ха-ха-ха!

Это Вольский смеялся над гибелью комитетской Самары... [с. 276–277].

Психология людская извилиста. Переживания Вольского возможно понять. Для Вольского крушилась власть, во главе которой он стоял...

Совершилось, в сущности, неизбежное. И это совершившееся должно было направить мысль в другое русло. Куда? Ракитников утверждал в «Деле Народа» [№ 2, 5 октября], что эсеры «бескорыстно поддерживали Директорию». Это, во всяком случае, неверно по отношению к той группе, мнение которой представлял Ракитников. Они не шли по пути поддержки всероссийской демократической власти. Оправившись от самарского разгрома и получив преобладающее влияние в центральных органах

партии, левое крыло с.-р. пыталось уже не декларативно, а реально разрушить Уфимское Соглашение и захватить власть от имени Съезда членов У. С.

Этого им не удалось. Тогда единомышленники Вольского перешли советский Рубикон.

ЧАСТЬ II В ПРЕДДВЕРИИ ДИКТАТУРЫ

В процессе печатания книги мне приходилось беседовать со многими сибирскими деятелями и вносить в текст соответствующие поправки. Как им, так и другим лицам, помогавшим мне в отыскании материалов, приношу свою искреннюю благодарность — в частности С. В. Востротину, В. В. Вырубову, М. Л. Киндякову, Р. А. Колчаку, В. М. Кудрявцеву, Н. С. Лопухину, ген. Лохвицкому, В. А. Маклакову, В. Н. Новикову, ген. Розанову, И. И. Сукину, кн. С. Е. Трубецкому, ген. Хорошину, полк. Щепину.

Я особо должен отметить отзывчивое отношение к моим вопросам со стороны ген. Нокса.

В ответ на возможный упрек в том, что я в своих «беседах» игнорирую голоса «левых» участников гражданской войны в Сибири (такой упрек я слышал), я должен сказать, что и Н. Д. Авксентьев, и В. М. Зензинов, и А. А. Аргунов — деятели Директории, равно как председатель Сибоблдумы И. А. Якушев, печатно уже высказали свои точки зрения на события, мною описываемые, этими данными я широко пользуюсь в своем изложении. В свое время, в 1924 г., по отъезде из России, я «интервьюировал» Е. Ф. Роговского о перевороте 18 ноября в Омске и благодарен ему за все рассказанное.

Директория

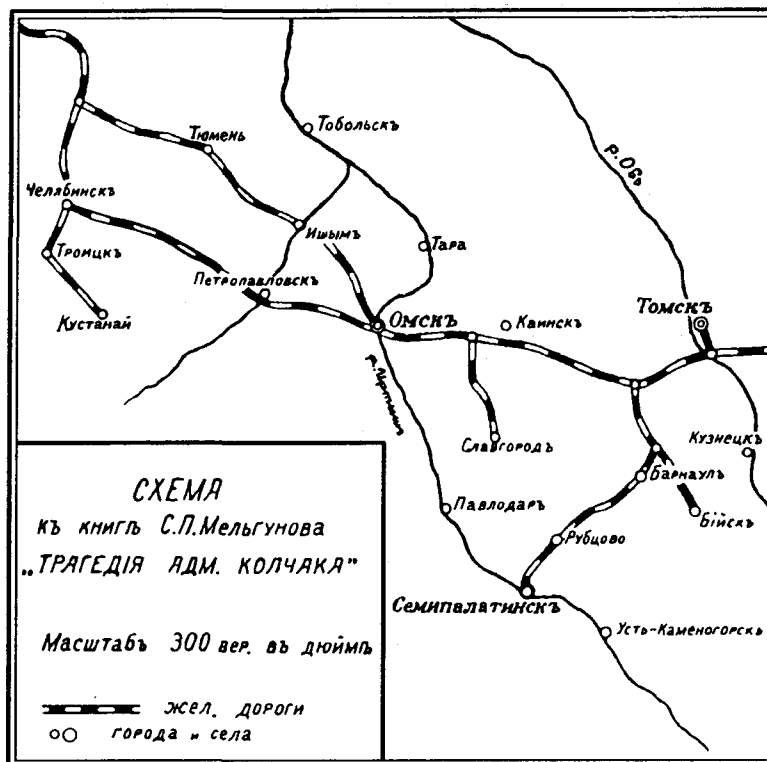
1. Миссия Аргунова

При плохих ауспичиях родилось в Уфе то Временное Всероссийское правительство, создания которого настойчиво требовали активно боровшиеся на антибольшевицких фронтах военные силы. Русская общественность оставалась раздвоенной, и грозные симптомы, как мы видели¹, обнаружились уже на другой день после того, как была создана власть, долженствовавшая быть в идее общенациональной. Совершенно неизбежно в атмосфере недоверия и вражды общенациональная задача стушевывалась перед назойливыми директивами местной политики. Ей, этой местной политике, суждено было задавать тон в общенациональном деле и цепко держать в своих руках Директорию.

С первого дня своего формального существования всероссийская власть вынуждена была вмешаться в сложные взаимоотношения Омского правительства и Сибоблдумы в связи с тем острым конфликтом, который возник на почве роспуска Думы и убийства Новоселова. По-видимому, в целом Директория сильно колебалась, не зная, как ей поступить, так как среди отдельных ее членов, бывших в то время налицо, имелись существенные разногласия.

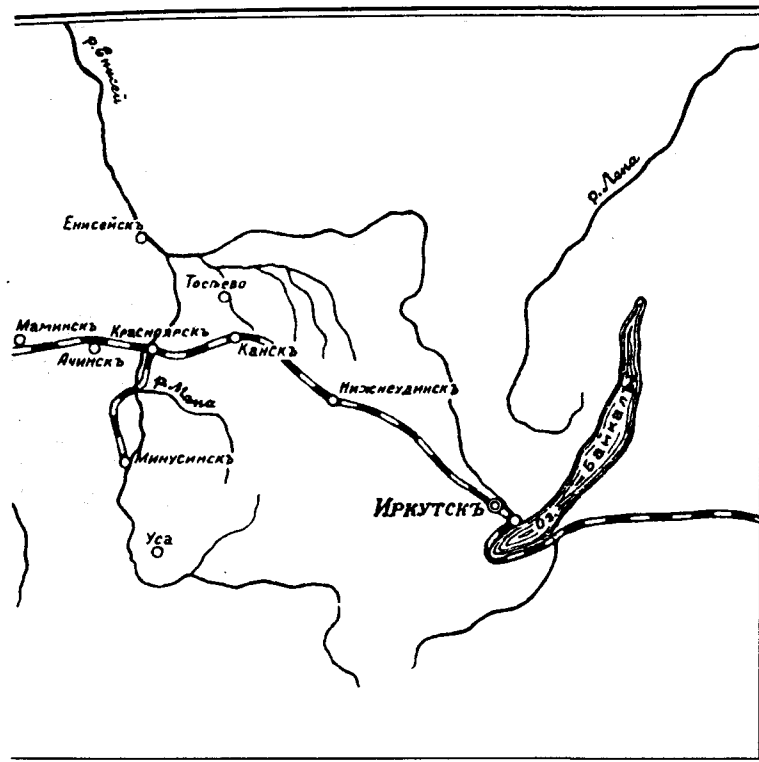
«...Я спускался утром 24 сентября из своего номера в столовую, — вспоминает Л. А. Кроль, — когда узнал потрясающую новость: в Омске убит министр Новоселов, и чехи требуют от Директории приказа о немедленном аресте скрывающегося от них И. А. Михайлова, считая его главным виновником убийства... Для первого дня существования Директории сюрприз был не из приятных... Члены Директории были заняты этим делом... Вот к Болдыреву провели генерала Иванова-Ринова. Вид у него далеко не тот, что в вечер приезда, когда он милостиво здоровался с Болдыревым в пиджаке... Да и удивительного ничего нет: идет речь, не за-

¹ См. главу V первой части.

держат ли в Уфе омских правителей и министров впредь до выяснения омских событий... Члены Директории совещаются с отдельными лицами. Спрашивает Авксентьев мое мнение. Я категорически высказываюсь против принятия Директорией каких бы то ни было незаконных мер: нельзя с этого начинать и становиться на путь беззакония» [с. 136]. Вместе с тем привлеченный к совету Серебренников предупредил, по словам Гинса, «о той горячей поддержке, которой пользуется Сибирское правительство в различных кругах, и в частности среди военных, и Директория не решилась начинать сразу с конфликта» [I, с. 248].

В сущности, у нового Всероссийского Вр. правительства в Омске абсолютно не было никакой реальной силы. «Быстрая и короткая расправа с переворотчиками (т. е. в данном случае с Сибирским правительством) могла быть

выполнена только через чехов» — это должен признать Болдырев. «Но закреплять первые шаги всероссийской власти штыками чехов Директория не считала возможным» [с. 52]. Остановились на компромиссе. 25 сентября было опубликовано следующее постановление Правительства:

«1. Признавая непререкаемые права Сибирской Областной Думы... но имея в виду невозможность при создавшихся условиях нормальной деятельности Областной Думы, — отсрочить ее занятия впредь до создания таковых. 2. Отставку членов Временного Сибирского правительства считать... недействительной. 3. Предоставить Уполномоченному Вр. Вс. пр. гражданину А. А. Аргунову чрезвычайные права в деле выяснения степени виновности тех или иных лиц в имевших место событиях. 4. Призвать население Сибири к полному спокойствию и уверенности в том, что интересы, права и закон-

ность Вр. Вс. пр. будут сохранены в полной мере» [«Хроника». Прил. 110].

Решение это не удовлетворило «левых». Томский «Голос Народа» прямо заявил, что совершена «величайшая ошибка, последствия которой трудно в настоящий момент учесть». Однопартийцы Авксентьева, Зензинова и Аргунова считали, что расправу надо совершить с «переворотчиками» не из Сибоблдумы, а из среды Омского правительства. «Казалось, — пишет в своих воспоминаниях Майский, — после целого ряда ударов судьба наконец смилостивилась над эсеровской партией. Счастье само собой давалось ей в руки. Наступил момент, когда одним решительным ударом эсеры могли восстановить свое сильно поколебленное влияние и даже — кто знает? — стать политическими гегемонами на всей территории от Волги до Владивостока. Что же сделали эсеры? Всю ночь с 24 на 25 сентября они совещались¹ о создавшемся положении и в конце концов постановили... чешское предложение отклонить. Вместо чешских батальонов в Омск был послан заместитель Авксентьева Аргунов... Эта ночь по справедливости может считаться началом конца демократической контрреволюции в Поволжье и Сибири². Она оттолкнула чехов от эсеровско-меньшевицких элементов и тем самым подготовила близкую гибель как Комитета членов Учредительного Собрания, так и Директории» [с. 255].

Не удовлетворилась решением Директории и Сибоблдума. Вот что докладывал томский губернский комиссар Гаттенберг 30 сентября Михайлову по прямому проводу: «Арестованные 28-го все освобождены. Наружно в городе как будто наступило успокоение... В действительности происходит подготовка к новому выступлению. Исполнительный Комитет Думы не распущен. Собрания происходят в

кабинете председателя Думы, происходят деятельные сношения Глоса и Быховского с Якушевым и Зензиновым в Уфе по железнодорожному проводу; фракции Думы, за исключением областников, выражают сомнение в том, чтобы Якушев мог дать какое-либо согласие за Думу, и, очевидно, не думают считаться с ним... Исполнительный Комитет вступил в сношения с дерберовским Правительством... Общее настроение чрезвычайно тревожное... ежеминутно ожидаю осложнений». «Здесь (т. е. в Омске) наступает успокоение», — отвечал Михайлов. Прибывший из Уфы Аргунов не сразу ориентировался в положении, но теперь поддерживает Административный Совет и к Думе относится отрицательно... Серебренников, я и Административный Совет будем вести прежнюю политику и беспорядков не допустим... Прибывающие иностранные представители оказывают поддержку Правительству и отрицательно относятся к политике чехов»... [«Хр.». Прил. 111].

Воспоминания А. А. Аргунова «Между двумя большевиками» решительно противоречат определению Михайлова о позиции уполномоченного Вр. Вс. пр. Они дают весьма резкую характеристику Административного Совета, состоявшего «в большинстве из чиновников, прошедших школу старого режима, сохранивших отчасти и симпатии к нему», и несшего с собой «дух антидемократизма и упрощенное понимание задач в области политики в форме необходимости всякого рода «крутых» мер как всеисцеляющего средства от всех недугов» [с. 23]. Борьба с Сибоблдумой, по мнению «мемуариста», — это «удар по социалистам», к которым «была отнесена вся сибирская демократия» [с. 27]. Таков отзыв в воспоминаниях, написанных в 1919 г. Следственная комиссия Аргунова, по его словам, собрала «огромный стенографически записанный материал из показаний всех министров, общественных деятелей, военных и пр.». В этом материале «историк найдет... многое для правильного понимания истории сибирского государственного строительства» [с. 22]. Где этот материал — неизвестно, поэтому пока «историку» приходится вылавливать отдельные кусочки. И получается несомненное противоречие между словами уполномоченного Вс. Вр. пр. и мемуариста, тяжело пережившего катастрофу в Омске 18 но-

¹ Очевидно, надо думать, что здесь имеется в виду совещание не членов Правительства, а в среде партийных единомышленников.

² Бывший министр труда Самарского правительства писал свои мемуары, уже будучи коммунистом. Его собственная прежняя деятельность рисовалась контрреволюционной. Отсюда своеобразный термин: демократическая контрреволюция.

ября. Как будто бы до 18 ноября настроения Аргунова были несколько иными по сравнению с пристрастным и резким тоном воспоминаний в отношении Сибирского правительства. Оценка роли и значения Сибирского правительства была другая — недаром известный нам самарский деятель Лебедев в своем «Дневнике» называет даже Аргунова «комиссионером Сибирского правительства» [«Воля России». VIII, с. 170].

То, что Михайлов по прямому проводу говорил томскому губернскому комиссару, он вновь повторяет Вологодскому, находившемуся в то время во Владивостоке¹: «Аргунов, приступив к образованию особой Следственной комиссии по расследованию последних событий, еще в пути из Челябинска по чешскому проводу обратился в Томск с предложением освободить арестованных членов Думы. Гаттенберг отказался исполнить приказ Аргунова без подтверждения Адм. Совета. Согласно мнению Аргунова, Адм. Совет признал возможным освободить членов Думы ввиду данного Якушевым обещания, что Дума безоговорочно подчинится постановлению в перерыве занятий. На первых порах по приезде Аргунов обнаружил отрицательное отношение к направлению деятельности Сибирского правительства. В заседании Адм. Совета 28 сентября, делая сообщение о своей миссии, отмечал репрессии против печати, эсеров-думцев. Ряд членов Адм. Совета (ген. Иванов) указали, что если есть группы, стоящие за Думу, то несравненно большие по численности и располагающие реальной силой круги ненавидят Думу и возмущены деятельностью эсеров и покровительствующих им чехословаков. Теперь Аргунов под давлением общественных групп радикально изменил свой взгляд, поддерживает Адмсовет, борется с Думой и побуждает Директорию ехать в Омск»². Советский комментатор воспо-

¹ Телеграмма предсовмину Вологодскому № 0208. Имевшаяся у меня копия передана в Русский Исторический Архив в Праге.

² Некоторое «воздействие», или вернее информация со стороны общественных групп, было. Так, Парфенов сообщает о посещении Аргунова делегацией от Совета всесибирских кооперативных съездов в лице Сазонова, Балакшина и Шура [с. 50]. Между прочим, Якушевым было созвано особое совещание из представителей социалистических групп. Соц.-дем. и соц.-рев. «интерна-

минаний Болдырева, имевший возможность широко пользоваться еще не опубликованным материалом, приводит цитату — к сожалению, единственную и укороченную — из одного «доклада» Аргунова Директории: «Сибирь — деловой, сознательный и государственный край. Если кто-либо виноват во всем создавшемся остром моменте и кризисе власти и нежелании идти на уступки, то это, к сожалению, местная фракция эсеров» [Прим. 47]¹.

Следственная комиссия Аргунова могла выяснить ту общественную атмосферу, среди которой родились конфликты, но в омской обстановке была довольно беспомощна в смысле конкретного выявления виновников убийства Новоселова. Ехал Аргунов с предвзятой точкой зрения в отношении Михайлова, про которого Авксентьев, как утверждает Святицкий, в Уфе неосмотрительно говорил, что его «давно следовало расстрелять» [с. 42]. Следствие не могло обнаружить данных для привлечения Михайлова к ответственности, т. е. не обнаружило заговора, о котором говорили сибоблдумские эсеры². Полковник Волков на допросе показал: «Как офицер, давший честное слово, я заявляю, что у меня сообщников не было». Нормально следствие было затруднено противодействием, которое встречала комиссия в омской казацкой военной среде. Привлеченного к ответственности полковника Волкова взял с собой на Дальний Восток военный министр Иванов-Ринов, и комиссии пришлось обратиться к содействию Болдырева. На категорическое приказание вернуть Волкова, Ива-

ционалисты» на собрание не явились. Мнение довольно единодушное сложилось против Думы — вплоть до разгона ее «даже вооруженной силой». [Доклад Емельянова о всесибирском съезде кооператоров в заседании иркутского отдела Всекосоюза. — «Сибирь», № 84.] Отметим, что бывшие на собрании соц.-дем. указывали на непричастность Михайлова к убийству Новоселова.

¹ Я исправляю явные бессмыслицы, вкравшиеся в текст. Этот разговор «по прямому проводу» по сохранившейся ленте воспроизводит и Гутман в книге «Россия и большевизм» [с. 290].

² Этот итог Кроль [с. 143] передает со слов самого Аргунова. Мемуарист, вращавшийся в верхах тогдашней правительственной общественности, был достаточно осведомлен в интимных, откровенных разговорах за кулисами официальной политики.

нов-Ринов, исполняя приказ главковерха, в телеграмме чрезвычайно определенно рисовал взгляд казачьей общест-венности на омские события 21–22 сентября. «Если бы Крутовскому, Шатилову и Якушеву удалось осуществить государственный заговор в Омске, то, несомненно, произошли бы катастрофические события. Выступление Волкова, может быть, юридически преступно, но в результате, несомненно, спасло положение! Единственно, над ним тяготело преступление в убийстве Новоселова, за что я, будучи в Уфе и не посвященный в омские события, отрешил его от должности начгарнизона, заключив под стражу. По расследованию же событий, я пришел к глубокому убеждению, что Волков к убийству Новоселова не причастен... Командируя Волкова по вашему приказанию в Омск, усердно ходатайствую... не отказать войти в рассмотрение следующих моих соображений: 1. широкие общественные массы... считают Крутовского, Шатилова, Якушева и Облдуму вставшими на путь государственной измены, вовлекшими в противогосударственный заговор иностранное чешское войско; 2. те же группы считают Волкова выполнившим свой государственный долг; 3. всякая репрессия... при условии оставления безнаказанными Крутовского, Шатилова и Якушева и принявшую участие в заговоре Облдуму, может вызвать новую смуту...» [Болдырев. С. 71]¹.

¹ Местонахождение непосредственных убийц Новоселова, бежавших из-под ареста (совершение этого акта приписывается казакам-офицерам Семашко и Мефодиеву, адъютанту Волкова), комиссия Аргунова не могла обнаружить [«Сибирь», № 88]. Аргунов в своей брошюре несколько преувеличивает обстановку, говоря, что зверская расправа произошла «на глазах публики в 11 часов в Загородной роще». Якушев тогда же сообщал Вологодскому об обстоятельствах, сопровождавших убийство Новоселова: «Лесник видел, как трое шли по лесу и из них двое военных. Один офицер несколько отстал, вынул револьвер, выстрелил в затылок. Затем, по-видимому, тело сбросил в ров и дал несколько выстрелов по убитому». В рапорте офицер объяснил, что Новоселов пытался бежать. Может быть, подобное объяснение было лишь обычным трафаретом. В убийстве Новоселова все же были некоторые специфические черты, которые Иванов-Ринов отметил в письме князю Львову, — это была «расправа казачьих офицеров». Еще молодой человек, лет 35, Новоселов, беллетрист-

Положение в Омске было действительно крайне затруднительно, ибо деятели Облдумы принимали «меры к возобновлению положения до переворота» (из сообщения Якушева Вологодскому). Крутовский требовал, чтобы Серебренников сдал ему должность заместителя предсовмина. Создавалась напряженная атмосфера. Поэтому Серебренников обращался к Вологодскому с просьбой «телеграфно воздействовать на Крутовского и Шатилова в том смысле, чтобы не был вызван какой-либо конфликт». «Админсовет, — сообщал Серебренников, — не допускает мысли, чтобы они вошли в состав Правительства до окончания работ Следственной комиссии Аргунова, и решительно отказывается вести с ними какую-либо работу. Если они будут настаивать на своем, то Админсовет видит единственный выход из положения в радикальных мерах. Эти меры, по его мнению, состоят в следующем: «Сибирская Директория¹ в лице пяти или четырех волею Вс. пр. должна быть упразднена; одновременно должна быть окончательно распущена Сиб. Обл. Дума настоящего состава, причем не исключается возможность созыва новой Думы на других началах. Временно Админсовет волею того же Вс. пр. преобразуется в сибирский Совет министров. Об этом мнении Админсовета я уведомляю сегодня Аргунова, которому предстоит распутать наши сибирские дела... Может быть и другой выход. Пока ведется расследование, могут уклониться от работы министры Михайлов, Шатилов и Крутовский. Деловая же работа перешла бы к Админсовету под моим председательством. Тем временем выяснились бы взаимные отношения Вс. пр. к Сибирскому. Положение дел в Сибири изменилось бы к скорому удовлет-

этнограф, служивший до войны воспитателем в казачьем пансионе и далекий от политики, сделал довольно обычную в 1917 г. революционную карьеру, записавшись на Кавказском фронте в партию эсеров. (Его некролог, написанный старым товарищем Новоселова партийным большевиком Березовским, см. в «Сиб. Огнях», 1922, № 1.) Каким образом в безнаказанности убийц Новоселова оказался виновным адм. Колчак [Якушев. «Вольная Сибирь». VI, с. 74] — понять невозможно.

¹ Неофициальное, как мы видим, именование первого Сибирского правительства.

ворению политических страстей»... «Ваш приезд, — заключал Серебренников свою информацию, — мог бы улучшить здешнее положение». Характерно то, что отвечал Серебренникову Вологодский, — человек, которого противники склонны были заподозрить в руководстве ведомой интригой: «Вами сообщенное меня очень огорчает. Неужели мы так неспособны справиться с дорогим нам делом создания автономной Сибири и возрождения России. Нам (т. е. находящимся во Владивостоке с ответственной миссией) думается, что действительно нет никакой надежды. Опускаются руки. Я еще раз прошу Админсовет не покидать своей работы, ради общей цели забыть все уколы самолюбия»...

С своей стороны Якушев в разговоре с Вологодским выражал уверенность, что при выявлении истинных «вдохновителей» переворотов «политическая репутация Думы» в этой грязной клоаке политического интригантства только выиграет в своей лояльности.

Едва ли стремящаяся быть объективной история без значительных оговорок согласится с мнением председателя Сибоблдумы. К этим итогам конфликта нам придется еще вернуться, так как сибирский конфликт был внешне ликвидирован с немалым трудом лишь тогда, когда Всер. Прав. переехало в Омск.

2. Екатеринбург или Омск?

Послав своего уполномоченного в тот кипящий котел, какой являл из себя Омск, Директория оставалась в Уфе в состоянии нерешительности. Крайне тенденциозный Майский так характеризует уфимские переживания этих дней: «Настроения в «Сибирской Гостинице», где продолжали пребывать Всероссийское правительство и Союз членов Уч. С., были хмурые и упадочные. Никто не знал, что надо было делать, и все с грустной тревогой смотрели в будущее. В Директории господствовала полная растерянность... Члены Уч. С. также находились в состоянии глубокой протрации... Не чувствовалось живого дыхания жизни... Один видный эсер, с которым я поделился своими нерадостными впечатлениями, откровенно мне

сказал: «Мы запутались. Но теперь уже поздно, — надо как-нибудь доигрывать игру» [с. 261—262]. 17 дней нахождения Съезда Уч. С. в Уфе и Святицкий называет «пребытием во власти тоскливо-тягучего настроения» [с. 25]. «Земля горит под ногами» — так характеризует положение Авксентьев в разговоре по прямому проводу с Вологодским. «Мы все удивлены медлительностью союзных войск. Положение на Волжском фронте весьма угрожающее, чехи крайне переутомлены и волнуются, не видя обещанной помощи союзников. Потери Волжского фронта громадные. Моральный политический удар... Союзники должны спешить, иначе потеряют и они. Достаточно было бы спешно прибыть дивизии, чтобы изменить положение... Необходимо, чтобы во Владивостоке вы выяснили причину их медлительности». Вся надежда у Авксентьева на союзников. «Только активная и серьезная помощь союзников могла спасти Восток от завоевания его большевистскими войсками», — заявляет, в свою очередь, Святицкий [с. 33]. Чрезвычайно характерен этот интервенционный фатализм представителей эсеровской партии. Он их сильно отличает от сибирских настроений. Всякий фатализм понижает активность и самостоятельность. При отсутствии веры в себя начинаются колебания.

28 сентября по инициативе Авксентьева состоялось пленарное заседание Бюро Съезда Уч. С. и Центр. Комитета партии с.-р., на котором был поставлен вопрос о резиденции Всероссийского правительства. Отчет об этом партийном совещании мы имеем только в изложении Святицкого. «Глава Директории, — рассказывает Святицкий, — обратился к собравшимся с краткой речью. Он указал, что настоящее совещание происходит в совершенно частном порядке, что он и его товарищи по Директории, как члены партии с.-р. и демократы, не могут не желать услышать голос организованной демократии (выделено мной. — С. М.) при разрешении столь важного вопроса, как выбор места для резиденции Правительства. В Правительстве борются сейчас два мнения. Одно стоит за переезд Директории в город Омск (на этом настаивают сибиряки во главе с заместителем Вологодского в Директории проф. Сапожниковым). Другое, под-

держиваемое Авксентьевым, высказывается за Екатеринбург... В Омске имеется готовый правительственный аппарат, без коего Правительство не может ступить ни шагу: именно по этой причине каждый день промедления в Уфе губелен для Правительства и страны. Не пугает Авксентьева и перспектива очутиться в центре организованной реакции, каким слывет Омск. Он считает толки о реакционности Омска преувеличенными... В Омске Правительству будет легче побороть реакционные круги, чем руководить этим делом откуда-то издали... Авксентьев готов все-таки признать, что переезд туда сейчас произвел бы неблагоприятное впечатление на демократические круги. Поэтому он склоняется к тому, чтобы избрать резиденцией Екатеринбург — город достаточно большой, чтобы вместить в себя и правительственные учреждения, и Съезд, который, по мнению оратора, должен находиться там же, где будет Правительство»... «Шаткость позиции Н. Д. Авксентьева, — продолжает Святицкий, — вызвала среди собравшихся единодушный и горячий протест. Только один участник собрания (В. В. Подвицкий) считал возможным переезд Правительства в Омск. Мнение всех остальных собравшихся было единодушное. Переезд Директории в Омск мог оказаться для нее губительным» [с. 21–22].

На запрос Вологодского, определено ли местопребывание Директории, Авксентьев через два дня после указанного совещания определенно ответил: «Временное правительство решило ехать через 3–4 дня в Екатеринбург и там обосноваться, воспользовавшись аппаратом Омска и Самары в его нужных частях»¹. Через несколько дней план, однако, был изменен. Вновь Авксентьев и Зензинов захотели побеседовать со своими партийными товарищами. Приходится опять обращаться к тексту Святицкого. Последний рассказывает: «Предупредив присутствовавших, что предмет и содержание предстоявшей беседы должны остаться в полной и безусловной тайне, Н. Д. Ав-

ксентьев перешел к обрисовке создавшегося положения¹. На пути к тому, чтобы Директория встала на свои собственные ноги, лежат крупные препятствия, из которых главнейшие: поведение союзников и существование областных правительств, главным образом Сибирского... Союзники выжидают и медлят с признанием Вс. прав., демократизм его заставляет их, очевидно, сомневаться в его прочности, и предпочитают иметь дело с твердо вставшим уже на ноги Сибирским правительством, представляющим собой вполне реальную величину. Чувствуя за собой поддержку союзников, Сибирское правительство признает Всероссийское только на словах»... Касаясь дальше миссии Вологодского на Дальнем Востоке и подчеркивая холодность отношения Вологодского к избранию его в состав Директории, Авксентьев якобы говорил: «Цель Вологодского — привлечь симпатии союзников к Сибирскому правительству и заключить у них довольно крупный денежный заем. Получается... незавидная картина: член Вс. пр... предпочитает действовать в интересах областного Сибирского правительства... Отсюда Авксентьев делал следующие выводы. Военная помощь союзников и их деньги необходимы Директории, без них она не может существовать. Необходимо поэтому заставить союзников признать Вс. пр., а для этого необходимо уничтожить средостение, существующее между союзниками и Директорией, — Сибирское правительство. Директория должна встать на место Сибирского правительства. Уничтожив Сибирское правительство, Директория в то же время покажет союзникам свою реальную силу и значение». Но как это сделать? «В конституции, родившейся на Уфимском Гос. Совещании, санкционировано существование всех областных правительств... Следовательно, и мероприятие, выдвигаемое в отношении Сибирского правительства, надо поставить на более общую и принципи-

¹ Возможно, что Святицкий несколько субъективно излагает последующую аргументацию Авксентьева, хотя автор в характеристике эсеровской позиции довольно точен. Книга Святицкого вышла в Москве в 1921 г. Святицкий дает материал первостепенного значения для понимания развернувшихся событий. Желательно было бы услышать голос самого Авксентьева.

¹ Болдырев говорит, что одной из причин нежелания Директории переселиться в Омск было то, что переход являлся как бы отрывом от Европейской России: «суживал влияние Директории до сибирского масштаба» [с. 63].

альную почву, применяя ее вообще ко всем областным правительствам... Прибегая к этому опасному плану, он (Авксентьев), во избежание будущих нареканий и недоумений, желает посвятить в него представителей демократии, узнать их мнение и действовать в тесном контакте с ними» [с. 33–35]... Логическим следствием этой меры является необходимость переезда Директории в Омск. «Для Авксентьева очевидно, что уничтожить Сибирское правительство невозможно путем применения физической силы, такой силы у Директории пока что вовсе не имеется, а у Сибирского правительства она есть... Одержав верх над Сибирским правительством можно только путем его «обволакивания»... Это значит, что Директория должна выбрать в состав всероссийского кабинета министров наиболее пригодные и демократические элементы Сибирского правительства, приспособить себе правительственный аппарат и этим уничтожить сопротивляемость Сибирского правительства» [с. 33–36]. Представители «левого крыла» партии — их было в то время двое: Гуревич и Святицкий — возражали на «хитроумный» дипломатический план, предложенный Авксентьевым. «Цель, поставленная себе Директорией, вполне правильна, и осуществление ее неотложно. Однако указанные средства недостаточны. Излишне нарушать конституцию и прокламировать даже и временное уничтожение всех областных правительств только для того, чтобы устранить Сибирское. Во-первых, этой задней цели не скрыть... Во-вторых, она покупается слишком дорогой ценой... Мусульмане — наша поддержка и сильная опора... Если нужно, чтобы не было обидно сибирякам, устранить наряду с их Правительством еще какое-либо другое правительство, то ведь вот происходит добровольная ликвидация самарского Комитета. Разве самарский Комитет не являлся всегда антиподом Сибирского правительства? Ликвидация того и другого может быть приравнена друг другу... Но вот вопрос: как фактически устранить от власти Сибирское правительство? Ясно, что добровольно оно своей власти не уступит. Тактика обволакивания... скользкая тактика, в результате которой сами «обволакивающие» могут раствориться во враждебном лагере. Нет, тут

нужны решительные действия. Директория должна сказать себе: либо пан, либо пропал. Либо мы сломаем сибирскую реакцию, либо мы сломаем себе голову (Н. Д. Авксентьев при этих словах одобрительно кивает головой). Вот если так ставить вопрос, то мы бы, в конце концов, ничего не имели против того, чтобы Директория переехала в Омск. Там она будет ближе к врагу, там у нее может явиться решительность, которая, очевидно, отсутствует здесь» [с. 37–38].

Одному «хитроумному» плану, таким образом, противопоставлялся другой, в одной части более решительный, в другой более циничный — впрочем, скорее наивный своей сверхулисовской дипломатией с упразднением фактически несуществующего Самарского правительства. Когда читаешь повествование Святицкого, не можешь отрешиться от мысли, что инициатор упомянутого эсеровского совещания, быть может, применял в данном случае только обволакивающую тактику и в отношении своих партийных единомышленников: надо было тем или иным путем пресечь протест в случае переезда Директории в Омск. Примененный метод был опасен и чреват последствиями. Если не сделать такого рода предположения, то, в сущности, придется признать, что в эти дни в Уфе был составлен «заговор» против Сибирского правительства, причем заговорщики расходились лишь в методах практического осуществления этого «заговора».

Трудно было предположить, что Сибирское правительство не раскусит такого ореха. В действительности же новый «заговор» неизбежно приводил к столкновению двух соперничающих сил. Если не Сибирское правительство как таковое, то отдельные его члены с самого начала стремились устранить ту «громадную опасность», которую представлял долженствовавший собраться 1 января эсеровский осколок «Уредительного Собрания»... «Ликвидация этого Собрания, что возможно лишь при участии союзников, является Вашей главной обязанностью», — писал Иванов-Ринов 30 сентября уезжающему в Америку и Зап. Европу кн. Львову.

Через несколько дней «Директория покинула Уфу, увозя в двух специальных поездах свою многочисленную

свиту» [*Майский*. С. 284]. На недоумение Кроля¹, при встрече в Челябинске, Авксентьев ему ответил: «Иначе нельзя было. Мы должны сунуться волку в пасть: или он нас съест, или он нами подавится» [с. 140]. «Много позднее, — добавляет Кроль, — я узнал, что Директория опасалась как бы Омск не постарался сдать большевикам Екатеринбург с Директорией»². Новая интрига со стороны Омска! Эту легенду, однако, легко разрушают слова ген. Болдырева: «Уклон в сторону Омска усилился после заявления приглашенного на одно из совещаний ген. Сырового, что при создавшихся на фронте условиях он не может гарантировать не только безопасность Екатеринбурга, но не исключает возможности его оставления». «Пессимизм Сырового, — добавляет Болдырев, — имел источником неприятные осложнения, начавшиеся в чешских войсках в районе Самары. Я лично не считал это явление достаточным для отказа от Екатеринбурга и исходил из другого соображения — главный враг Директории был все-таки Омск, надо было вплотную подойти к нему и так или иначе обезвредить его или окончательно убедиться, что Директория в наличном ее составе не более как «до-садное осложнение». Большое сомнение возникало у меня и в отношении возможности быстрого создания делового аппарата, а без него Директория только бесполезно тратила время на заседания» [с. 63–64].

* * *

Вслед за Директорией в конце концов в Омск решил ехать и Съезд Уч. Собр., но накануне его отбытия неожиданно была получена телеграмма от депутатов «весьма правого

¹ Кроль был горячим сторонником переезда Директории в Екатеринбург и согласно полученным уже директивам принял от имени Уральского правительства все необходимые меры для размещения учреждений Всер. прав.

² Кроль в данном случае [с. 151] опирается на слова лидера омских к.-д. Жардецкого, сказанные в партийном совещании и не имевшие никакого отношения к Директории. Жардецкий указывал, что, быть может, будет разумнее избавиться на время от Урала, отдав его большевикам.

настроения» — Быховского и Фомина, предостерегавших от поездки в Омск. Не откладывая решенной поездки, Бюро Съезда вызвало для обмена мнений в Челябинск указанных лиц и Брушвита из Екатеринбурга.

Майский, бывший среди членов У. С., в минорных тонах описывает настроения «учредилловцев» в дни продвижения от Уфы в Челябинск. Три дня длилось это путешествие. «Поезд У. С. подолгу стоял на попутных станциях, но теперь вокруг него уже не кипела жизнь, которую он вызывал лишь семь недель тому назад. Точно вместе с осенью увядала притягательная сила к Учр. Собр... В самом поезде тоже господствовали уныние и апатия. Не было почти никаких заседаний, старались избегать говорить о том, что висело угрозой над всеми... Чувствовалось, что все очень довольны затяжкой путешествия, так как это отсрочивает наступление того страшного момента, когда надо будет опять вернуться к политике, что-то решать, что-то делать, в чем-то проявлять свою волю» [с. 288–289].

15 октября прибыли в Челябинск. Приехавшие из Омска депутаты нарисовали самую мрачную картину. В Омске слова: «социалист-революционер», «Учредительное Собрание» — слова одиозные для большинства интеллигенции и буржуазии... Ненависть к отдельным более популярным депутатам такова, что их могут убить. Переезжать в Омск Съезду нельзя. «Сообщения Быховского и Фомина создали, — говорит Майский, — среди эсеров почти паническое настроение» [с. 291]¹. «К сожалению, и то, что сообщили приехавшие из Екатеринбурга, было тоже далеко не из радостных». Чехи «любезно согласились» на пребывание Съезда в Екатеринбурге, но гражданская власть находится в руках Сибирского правительства. Коалиционное областное правительство «никакой власти не имеет». И в Екатеринбурге можно ожидать недоразумений и инцидентов [*Святыцкий*. С. 43]. И все-таки поехали в Екатеринбург — «ничего другого не оставалось».

¹ Ср. [*Святыцкий*. С. 43]. После ночного заседания Майский и его группа на всякий случай тут же в поезде постановили «отныне отделить свою судьбу от судьбы эсеров и Учредительного Собрания». Мотивировалось это тем, что Комитет У. С., как выяснилось на ночном заседании, уже «труп».

3. Съезд Учредительного Собрания

Оставим на время Директорию и заглянем хронологически несколько вперед для характеристики деятельности «учредилловцев» в период пребывания Съезда в Екатеринбурге... Это одна из важнейших страниц в истории эпохи, нами описываемой, ибо она дает ключ к пониманию всех последующих событий.

Месяц пробыл Съезд в Екатеринбурге. Майский, преисполненный пессимизмом, который не помешал ему, однако, вести переговоры с Директорией, чрезвычайно иронически отзывается о трудах и днях екатеринбургского сидения Съезда. Этот высший «государственно-правовой орган» России ничем не ознаменовал себя, кроме «добрых намерений» и кипы резолюций¹. Жил он в Екатеринбурге «в положении бедного родственника». Раздираемый непрекращающимся внутренним разногласием между «правыми» и «левыми», он прожил в Екатеринбурге на бивуаках, «не зная, что делать и на что решиться». «Какое жалкое положение занимал Съезд, можно судить по тому, что ему так-таки и не удалось получить в Екатеринбурге хоть сколько-нибудь подходящего здания для своих занятий» [с. 339–340]. Последнее не совсем верно, ибо Съезд обзавелся в конце концов собственным помещением в условиях, достаточно ярко характеризующих умонастроение членов того «правового государственного органа», функции которого, по соглашению на Уфимском Совещании, были ограничены лишь подготовкой созыва У. Собр. К «реквизициям» Съезд сознательно ни разу не прибегал — с некоторым как бы сожалением говорит Святыцкий: «Увы! Эсеры действовать по-большевицки не

¹ Содержание Съезда У. С. обходилось довольно дорого государству, так как по «положению», принятому Съездом, депутат получал жалованья 1500 руб. и по 250 руб. добавочно на каждого члена семьи. «Многим казалось это жалованье слишком высоким», — пишет Святыцкий. Однако имелось в виду не оставлять на произвол судьбы семьи тех депутатов, которые, перебравшись через фронт и понадеявшись на быструю ликвидацию большевизма, большею частью оставили близких без достаточных денежных средств» [с. 30–31].

умели» [с. 45]. Для обеспечения себя помещением «учредилловцы» решили, игнорируя местную гражданскую и военную русскую власть, обратиться «непосредственно» к чешскому главнокомандующему фронтом ген. Гайде, для переговоров с которым был послан Брушвит. Гайда на выбор предложил два помещения. Однако соблазнительное для Съезда помещение общественного клуба было занято лазаретом. Опираясь на Гайдю, Съезд мог бы выселить этот лазарет. Но Съезд вообще был уступчив, а в данном случае он боялся, кроме того, возбудить общественное неудовольствие. Остановились на здании старого епархиального училища. «Все это показывает — насколько местные власти и учреждения пренебрежительно относились к Съезду членов У. С. В сущности, вопрос о размещении мог быть разрешен очень просто и легко, стоило целиком реквизировать одну какую-либо гостиницу, выселив оттуда спекулянтов и военных. Военные власти, не задумываясь, производили такие реквизиции. Нам же в этом отказывали» [с. 46]. Совершенно естественно, что обращение «учредилловцев» к авторитету Гайды вызвало некоторый саботаж со стороны местной власти. Из позднейших показаний адм. Колчака на суде мы знаем, какое неудовольствие у русских вызывали действия иностранцев с реквизициями помещений [«Допрос». С. 144]. По-видимому, не все возмущались тем, чем возмущался адм. Колчак. Но самое характерное то, что достаточно, очевидно, наивному Святыцкому и в мысль не приходило сомнение о праве Съезда У. С. производить какие-либо реквизиции. Мысль эта не приходит потому, что «черновцы» (наименование Святыцкого) по-своему начинают толковать уфимские резолюции и выдвигают Съезд У. С. на первый план: Съезд — это правительственный орган, которому должна быть фактически подчинена Директория.

Тенденция эта определенно сказалась в работах Съезда, весьма оживившихся с приездом 2 ноября в Екатеринбург Чернова. Дело не в самом Чернове — в какой-либо его инициативе и энергии¹, а в том, что к этому времени на

¹ «Хроника» определенно заносит в свою летопись: «Чернов повел кампанию против Директории» [с. 93]. Конечно, советские историки правы.

Съезде определенно образовалось «левое большинство». У Съезда намечались два плана работы, разработанные представителями разных крыльев Съезда — правого и левого. Автором одного из них был Святицкий, другого — Д. С. Розенблюм. По плану «левых» Съезд должен быть противопоставлен реакции и явится центром, собирающим вокруг себя активные силы демократии. Прежде всего особая комиссия должна заняться завершением выборов в тех избирательных округах, где они не были закончены. С другой стороны, Съезд должен принять меры, чтобы обеспечить возможность созыва У. С. «Разумеется, задача может быть осуществлена только вмешательством Съезда в его целом во внутреннюю политическую жизнь страны, выражающимся в непосредственном воздействии на политику Вс. пр. и в строжайшем наблюдении за выполнением Правительством всех обязательств, возложенных на него Уф. Соглашением» [Святицкий. С. 48–49]. План Святицкого намечал разработку ряда законодательных вопросов в виде подготовки их для Уч. Собр. и завершал все организацией боевых отрядов и дружин для защиты У. С. Этот план отчетлив и ясен, если мы примем во внимание утверждение alter ego Чернова, что они отлично понимали, что «новые выборы в Уч. Соб.» станут возможны «только тогда, когда мы будем иметь единую Россию», т. е. новым выборам должен предшествовать «довольно большой период времени собирания России». План Святицкого сводил на нет Уфимское Соглашение и пытался передать всю полноту власти «охвостью» старого У. Собр. на длительный период времени — как раз из-за этого ломались копыя в Уфе, как раз это было неприемлемо для самых разнообразных кругов русской общественности.

Представитель правого крыла Съезда Розенблюм честен, хотя с большими оговорками и большой осторожностью, с экивоками в сторону помещичьей реакции, исходил из status quo, установленного Уфимским Соповещанием. Учредительное Собрание, «по всей вероятности», вынуждено будет ограничиться организацией всероссийской власти, выработкой нового избирательного закона и назначением новых выборов. Поэтому задача Съезда заниматься не столько подготовкой законопроектов, сколько обеспечением само-

го созыва У. С. С этой целью надо всячески содействовать «великой работе» Всер. пр. по освобождению России от большевицкого и немецкого ига... Любопытные комментарии к таким тенденциям делает Святицкий: «правое крыло Съезда робко и нерешительно встает... на новый путь... отрицания У. С.» [с. 53]. За отсутствием кворума на собраниях оба плана обсуждались лишь на частных совещаниях, причем оказался принятым план Святицкого. 2 ноября с Черновым и Вольским прибыли из Самары более десяти депутатов левого направления. Все они, как оказывается, приехали в «боевом настроении». Небезынтересно то описание совещаний левой группы, которое дает Святицкий. «Совещания происходили в номере Чернова. У многих возникал вопрос: не настал ли уже момент для решительных действий? Некоторые товарищи предлагали уже сейчас выступить против Директории¹. Съезд, по их мнению, должен был бросить перчатку реакции, заявив о разрыве Уфимского Соглашения. Члены Директории эсеры при таком положении не останутся в Директории... Последняя расколется и исчезнет с лица земли сама собой. Съезд останется лицом к лицу с сибиряками и должен употребить все свое влияние, чтобы привлечь на свою сторону чехов и опереться на их военную помощь. Большинство товарищей заняло, однако, более осторожную позицию... Пусть реакция сама даст повод к возникновению гражданской войны. Мы же, чтобы не быть застигнутыми врасплох, должны заняться не медля ни одного дня напряженной работой по подготовке своего контрнаступления... В особенности нам не следует упускать из своего внимания Екатеринбург, где мы должны произвести революционный переворот в первую голову, изгнав сибирское командование и водрузив на его месте свою собственную власть» [с. 68].

Правые имели свои совещания. На них было принято решение выступить печатно против Ц. К. с особым воззванием, «так сказать с контрреволюцией».

6 ноября, наконец, состоялось пленарное публичное заседание Съезда — присутствовала, правда, только «своя

¹ Основанием служило соглашение Директории с Сибирским правительством. Об этом ниже.

публика», работавшая при Съезде. На пленуме был окончательно принят план Святицкого, т. е. план вступления на самостоятельный политический путь¹

Правые после этого не ушли со Съезда и приняли участие в общей посылке делегации в Америку для выяснения вопроса: помогут ли союзники российской демократии или нет?² Оставаясь на Съезде, в сущности, «правые» принимали на себя формально как бы ответственность за то, что делалось от имени Съезда³.

Такова была внешняя оболочка. Гораздо важнее было реальное осуществление принятого плана. В сущности, его основной чертой было признание, что с большевиками возможно бороться только при помощи союзников, а с внутренней реакцией (подразумевалось Сибирское правительство) — только при содействии военной силы чехов. И в отношении надежд на вмешательство чехов во внутренние российские дела, и в отношении расчетов на иностранную интервенцию описанные екатеринбургские настроения действительно чрезвычайно резко расходились с настроениями значительной части сибирской общности, в особенности адм. Колчака, появившегося к тому времени на политическом горизонте. Конкретно задача нового Бюро Съезда формулировалась как подготовка «к активному действию, к защите не словом, а делом Учредительного Собрания»: «предстояла схватка с реакцией — надо было к ней готовиться». В первую очередь решено было заняться агитацией. Ее лозунг — «защита У. С. и образование для этой цели рабоче-крестьянских добровольческих отрядов, а также русско-чешских батальонов» [с. 75]¹. Бюро озаботилось посылкой депутатов в крупные заводские поселки Урала в целях мобилизации отрядов против реакции. Далее Бюро вошло в сношения с чехами относительно образования в Екатеринбурге «русско-чешских полков» наподобие уфимских. Командный состав должны были поставлять чехи, а добровольцев набирать «учреждивцы». «Мы же, — повествует Святицкий, — имели и право распоряжения этими частями, а также право надзора за офицерским составом, отстраняя от командования малонадежных для нас (в демократическом смысле) офицеров» [с. 76]. Другими словами, и здесь организаторы пытались таким путем обойти русские военные власти и за их спиной создать какую-то самостоятельную военную силу². «Мы имеем основания надеяться, — пишет Святицкий, — что... в той борьбе, которая вскоре и неизбежно завяжется между нами и этим (т. е. Сибирским) правительством, чехи будут действовать либо открыто с нами вместе, либо соблюдая в отношении нас дружественный нейтралитет. Нашей целью было обеспечить сотрудничество чехов. В этом смысле действовали в разговорах с чешскими представителями и руководители Съезда: В. М. Чернов, В. К. Вольский, И. М. Брушвит и др. Надо признать, что все подобные разговоры оставляли желать большего: чехи как будто избегали откровенно говорить на откровенные темы. Все ограничивалось изъятиями чувств симпатии, дружеской поддержки и т. п. Встречая такое отношение, и мы избегали пока ставить вопрос прямо, надеясь, что само развитие событий поставит чехов в решительный момент по одну сторону баррикад, вместе с нами» [с. 83].

«Для обороняющейся демократии, — продолжает Святицкий, рассказавший очень много закулисного из партийной деятельности в порыве откровенности, которая часто

¹ На организации батальонов Святицкий настаивал на сентябрьском заседании Съезда, на котором присутствовали и члены Директории, «резко» протестовавшие против этого и заявившие, что воинские части могут состоять в непосредств. распоряж. только самого Правительства [с. 17].

² Весьма ошибочно эсеры рассчитывали на войска рабоче-крестьянского района Прикамья.

¹ Характерен эпизод. Съезд решил издавать газету. В. А. Алексеевский пытался доказывать, что этот орган не может быть органом какого-либо одного направления. Резолюция Алексеевского, конечно, провалилась. Отмечу, что этот Алексеевский не имел отношения к лицу, участвовавшему в суде над адм. Колчаком.

² Инициаторы этой делегации, по словам Святицкого, были чехи. (См. так же «Сибирь», № 87.)

³ Голоса на Съезде распределились так: левое течение (Чернов, Вольский) собрало 22 голоса; центр (Минор, Гендельман, Архангельский) — 10. Правые — 10. Три члена воздержались [«Новая Сибирь», № 22]. «Центр» Святицкий характеризует так: эти депутаты колебались, идя то с левыми, то с правыми [с. 70].

появляется у оппозиционеров, — огромным препятствием, тормозом служила политика бесформенной и нерешительной «коалиционной» Директории. Становилось нужным в первую очередь «расчленить» это препятствие. Либо Директория будет с нами и вполне наша, либо пусть не будет ее самой! Таково было наше настроение... Мы, конечно, не предполагали, что Съезд сейчас же, на первом же своем закрытом политическом пленарном заседании, должен объявить Уфимское Соглашение нарушенным и вообще объявить войну Директории. Наша цель была воздействовать на Директорию. До сих пор мы не упустили случая пытаться и устно, и письменно влиять на с.-р. часть Директории... Только что... председатель Съезда Вольский довольно резко предостерегал товарищей. Старался воздействовать... и Цент. Ком. партии, послав в этих целях в Омск творца Уфимского Соглашения — М. Я. Гендельмана, к этому времени уже настроенного против политики Директории» [с. 88]. Выжидая «удобного» момента, Съезд на практике весьма мало считался с распоряжениями, которые шли из Омска от имени Директории.

На прямое запрещение Болдырева формировать добровольческие части помимо военного министерства Съезд ответил отказом, ибо добровольческие части, организуемые в защиту У. С., не могли быть распускаемы Правительством. Приказ Болдырева направлялся не к Съезду, а к Совету управл. ведомствами бывшего Самарского правительства, который в Уфе как бы отправлял функции областного правительства и формировал добровольческие части согласно директивам Совета. Совет упр. вед. не подчинился распоряжению Болдырева с «ведома и одобрения Съезда...» «И что было весьма характерно, — добавляет эсеровский летописец, — ему предложило помогать в этой работе и высшее чешское командование» [с. 86].

В октябре размеры территории Совета упр. вед. — власть осуществлялась здесь 4 эсерами: Филипповским, Веденяпиным, Климушкиным и Нестеровым — ограничивались Уфой и окружающим районом. Несколько неожиданно самоликвидирующееся Правительство ожило и признало в качестве высшего политического органа Съезд У. С. Между Советом и Бюро Съезда установились са-

мые оживленные сношения путем посылок курьеров, корреспонденции и переговоров «по прямому проводу». С Бюро Съезда Совет сносился почти по всем главным вопросам. Действительно получалось самостоятельное правительство, обладавшее и собственной армией, и собственными деньгами (из парижского доклада Ключникова) и подрывавшее авторитет всероссийской власти. Поистине вся деятельность Съезда носила характер антигосударственный и по тем временам антинациональный. Никакая демократическая прикрышка не могла оправдать партийного политиканства. Это было только политиканство, ибо у Съезда, как мы увидим, не было никакой реальной силы. Более чем естественно, что при таких условиях направление деятельности Съезда вызывало к себе резкое отрицательное отношение даже со стороны элементов далеко не реакционных. В кругах же, действительно реставрационно настроенных и враждебных по существу всяким проявлениям со стороны так называемой «революционной демократии», видевших в проявлении коллективной воли лишь выражение мнений толпы, росло чувство прямой ненависти к тем, которые разрушали своей работой противобольшевицкий фронт. Широкая публика не могла разбираться в партийных нюансах — да и не было материала для этого.

В одних тонах обрисовывалась деятельность партии эсеров, и отношение к партии рикошетом переносилось к левой части коалиционной Директории, не всегда умевшей, как мне кажется, выбрать правильную тактику в сложной обстановке.

4. В Омске

Директория начинала действовать в совершенно исключительно трудных условиях. В значительной степени прав был б. управляющий Вед. ин. дел Правительства адм. Колчака Ключников, прибывший в Париж и делавший в июне 1919 г. доклад в среде Политического совещания: «Несмотря на видимое единодушие в момент избрания Директории, она покоилась на весьма непрочном основании». Прежде всего считали, что Директория

сама по себе недолговечна. Через два-три месяца ее сменил У. С., которому «никто не верит». Это замечание принадлежит уже Болдыреву [с. 66]. «Ее существованием, в сущности, мало кто интересовался», — добавляет с.-р. Колосов [«Былое». XXI, с. 250]. Общее мнение о Директории было «хуже чем отрицательное», должен признать, говоря об екатеринбургских настроениях, горячий сторонник Директории Л. А. Кроль [с. 140]. Приехавший в Омск адм. Колчак также слышит лишь отрицательные отзывы: казаки говорили, что «это есть представители партий, которые войдут в соглашение с большевиками и погубят Россию» [«Допрос». С. 155]. Так отливались в примитивном сознании просачивающиеся в Омск слухи. «Мне совершенно ясно, — замечает в Харбине 1 октября вечно будирующий Будберг, — что из смеси эсеровщины, думских пустобрехов и, естественно, настроенных очень реакционно офицерских организаций ничего, кроме вон и взрывов, не выйдет; из таких продуктов даже самые первоклассные специалисты по соглашательству ничего не сварят [XIII, с. 255]. Не верит Будберг Правительству, рожденному «торгом», и предсказывает, что «недовольные начнут подпольную работу».

При таких предзнаменованиях Директория прибыла в Омск 9 октября. Здесь она была встречена «без особых торжеств и помпы» [Серебренников. С. 16]. И все-таки в черновике своего дневника Болдырев записал: «встреча царская». Вокзал был убран национальными флагами. «В вагон вошли командующий Сибирской армией ген. Иванов-Ринов, председатель Областной Думы Якушев¹, член

¹ Я не знаю, естественно или случайно произошло соединение делегаций. Гинс говорит, что Якушев, приглашенный на заседание блока, «подавшись впечатлению горячих филиппик против него и Думы, публично покался» [I, с. 248]. Это «покаяние» как-то не вяжется с последующей деятельностью Якушева. Гинс довольно резко отзывается о председателе Сибоблдумы — отмечает, между прочим, его слабохарактерность. Может быть, этой именно чертой и объясняются не всегда как будто последовательные поступки лидера сибоблдумских эсеров. Во всяком случае, в день 9 октября появление на перроне встречающих членов Директории Иванова-Ринова, Якушева и Серебренникова было только благоприятным симптомом, что вызывало негодование у некоторых эсеров.

Сибирского правительства Серебренников. Его «добро пожаловать» звучало как-то не особенно радостно. Приветствовал чешский уполномоченный Рихтер и многие другие. На перроне был выстроен чешский почетный караул — станция находилась в ведении их коменданта. Затем поехали по ветке в город. Станция Ветка декорирована национальными и сибирскими флагами. Площадка усыпана песком. Несколько арок; одна с надписью: «Добро пожаловать». Почетный караул от сибирских стрелков. В штабе армии был приготовлен чай и закуски. Отсюда поехали на парад, которому предшествовал торжественный молебен... Огромная толпа народа. Картина грандиозная. Давно не слышанные звуки «Коль славен», при шествии после молебна духовной процессии... Гремело ура... Затем Правительству были представлены высшие чиновники, представители городских и общественных организаций. Все шло чудесно. Официальная сторона безупречна» [с. 65–66].

Я подробно остановился на описании встречи потому, что против Сибирского правительства выдвигалось обвинение в демонстративном игнорировании Директории с момента ее переезда. Дело в том, что «квартирьеры» Директории не нашли подходящего помещения и пришлось оставаться в вагонах на ветке. Это был «явный вызов», по мнению Болдырева (скорее, нераспорядительность в омской сутолоке). Много анекдотов, нервировавших слух членов Директории, распространялось по Омску — довольно типичному провинциальному городу. Очевидно, им придавали значение, если они попали на страницы мемуаров. «Дерзко ведут себя и отряды атаманов, — записывает Болдырев 15 октября, — Авксентьев рассказывал, будто Красильников, стоя подбоченясь перед поездом Директории, кому-то говорил: “Вот оно — воробьиное правительство — дунешь и улетит”» [с. 74]¹.

В первые же дни Директорию посетил ряд общественных делегаций — в том числе от омского отдела «Союза Возрождения России», местной группы тр.-энэсовской партии,

¹ У Кроля разговор с «кем-то» приобретает уже вполне реальные очертания [с. 143].

эсеров, «воленародцев» и Союза кооперативов. В своих воспоминаниях Болдырев излагает декларации, сделанные представителями общественных групп, посетивших Директорию, и *post factum* их комментирует. Болдырев считает эти декларации весьма характерными для настроений, господствовавших тогда в Омске. Характерны и комментарии Болдырева. «Возрожденцы» подчеркивали, что только в сибирской окраине заложены прочные основания государственного строительства, здесь власть сумела возвыситься над всякими партийными и иными соображениями. Выражая пожелание сохранить Админсовет, «возрожденцы» характеризовали Сибоблдуму как учреждение, не отвечающее ни принципам народоправства, ни реальному соотношению общественных сил. Социалисты-революционеры также решительно отметили старое Уч. Соб. и Обл. Думу, называя их суррогатами представительных учреждений. Кооператоры подчеркивали заслуги Сибирского правительства, завоевавшего симпатии широких масс, и выражали надежду, что в борьбе Админсовета с Обл. Думой Всер. пр. не станет на сторону последней.

Членам Директории не понравилась лестная оценка Сибирского правительства, данная голосами демократической общественности Омска. «Административный Совет вел игру тонко, — замечает Болдырев. — Директория собиралась поглотить Вр. Сиб. пр., представлявшееся таким совершенным в оценке этой общественности». «Замысел» их «мы узнали весьма скоро» [с. 67–69].

К сожалению, Директория не отнеслась серьезно к предостерегающему голосу известной части демократических кругов сибирских, именно тех, которые одни и недвусмысленно могли бы поддержать Директорию. С предвзятостью подошла Директория к этому голосу, — недаром Авксентьев с иронией называл представителей блока «9 музами». Допустим, что Админсовет «вел игру тонко». Но если не тонко, то весьма последовательно вели свою игру те, которые шли под знаменем Сибоблдумы и Комитета У. С. И ими была применена ошибочная тактика дискредитирования тех слоев сибирской демократии, которые не поддерживали официальной линии партии с.-р. Дезавуируя демократичность блока, они

лили воду лишь на мельницу подлинных противников коалиционной работы буржуазных, демократических и социалистических элементов страны. Они доказывали тем самым, что Директория действительно является каким-то «досадным недоразумением», препятствующим естественной эволюции общественных отношений. Эту тактику дезавуирования проводили сибирские эсеры с момента, когда потеряли прежнее, быть может, несколько внешнее влияние в значительной части местной кооперации. Видные деятели кооперации, как мы уже отметили, пошли по линии, установленной блоком. В этом союзе были представители подлинной сибирской демократии. Между тем окружение Директории видело в поступках блока лишь стремление каким бы то ни было путем изжить Директорию [Кроль. С.152], а в статьях неофициального омского органа «Союза Возрождения» открывало какую-то систематическую кампанию против Директории [Аргунов. С. 32]. Кто возьмет на себя труд посмотреть «Зарю», тот легко убедится, что ничего подобного в действительности не было. «Заря» не была официозом Сибирского правительства, что впоследствии утверждал Аргунов, и не фальсифицировала общественного мнения, прикрывая свою антидемократичность социалистической этикеткой [Зензинов].

«В обстановке Омска нам приходилось быть скромными», — замечает Болдырев. В действительности же вы чувствуете излишнюю нервность в правительственных действиях, но отнюдь не скромность. Обвиняя Юг в чрезмерных претензиях за то, что там не желают считаться с организацией всероссийской власти, Директория подчас сама была не в меру претенциозна и самомнительна во внешних сношениях. Производит впечатление, что этой внешностью она как бы пытается заменить отсутствие подлинной власти и подлинного авторитета. В результате получилась какая-то голая формула, которая мало кого могла обмануть и свидетельствовала о какой-то «заносчивости», как выразился впоследствии в газетном интервью Вологодский.

Еще из Уфы, 2 октября, циркулярной телеграммой на имя российского поверенного в делах в Копенгагене за

подписью председателя Авксентьева и секретаря Кругликова новое «Всероссийское правительство» объявляло себя *urbi et orbi* избранным «всенародным собранием»¹ и преемником власти Временного правительства 1917 г. Русский народ, объединившись вокруг Вр. пр., борется для освобождения страны от большевицкой власти, существование которой покоится на германских и венгерских войсках. Всенародное собрание передало «верховную власть» на всей территории Государства Российского Директории. «Вследствие чего, — гласило циркулярное послание, — Вам поручается Вр. Рос. пр-ом осведомиться у Правительства, при коем Вы аккредитованы, признает ли оно нас единственной законной русской властью и готово ли аккредитовать своего дипломатического представителя при Вр. Рос. пр-е». Такое заявление, пожалуй, было смешно в омской обстановке. Разговаривая с Авксентьевым по прямому проводу из Владивостока (до переезда Директории в Омск), Вологодский предупреждал его: «На Дальнем Востоке международное положение в общих чертах рисуется так. Союзники желают иметь перед собой определившееся правительство, поэтому отношение к всероссийской власти пока очень сдержанное. Они с появлением этой власти видят очередные фигуры в нашем многовластии и поэтому очень осторожны. Сиб. правительство с большими усилиями достигло положения более или менее сносно, и, не признавая его как суверенное, считались с ним как с фактически завоевавшим себе международное положение. Поэтому в переговорах с ними мне приходится всеми силами сохранять позиции Сибирского правительства как величины, с которой так или иначе считаются. Должен сознаться, что таинственная история в Омске² несколько поколебала основы, положенные нами». «Поэтому я и впредь буду исходить из этого соображения значения Сибправительства и всероссийской власти», — с от-

¹ Этот термин часто употреблялся потом (см., напр., статьи Маевского после омского переворота). Конечно, в значительной степени прав А. И. Деникин, отмечающий, что Уфим. Совещ. не могло претендовать «на демократичные способы своего избрания».

² Имеется в виду сентябрьский конфликт.

кровенностью говорил Вологодский, рисуя наличную обстановку. На это Авксентьев отвечал: «Иностранцы могут видеть какую угодно фигуру во Всероссийском правительстве, ибо это их дело, но мы добьемся признания, так как от России и ее областей с иностранцами должно говорить только Всерос. правительство. Правительство поручило мне просить вас представлять именно Российское правительство и до конца уяснить нашу точку зрения»¹. Все это красиво, но и только, в момент, когда, по признанию самого Авксентьева, земля горела под ногами.

Демократическая коллегия, желавшая представлять из себя «коллективного монарха», вообще склонна была к авторитарным приемам, забывая, что истинная авторитарность не определяется внешней показной стороной. В этом грехе обвиняет Директорию не кто иной, как один из ее членов, Вологодский [интервью в «Заре», № 6]². Авторитарность подчас проявлялась действительно не к месту. Вот, например, беседа Зензинова с журналистом. Представитель Директории — «Его одноплатное величество» — говорит, что никакого насаждения частноземельной собственности не будет допущено — «пусть это зарубят у себя на носу реставраторы старых порядков». Можно было бы не поверить этому интервью, если бы оно не было напечатано в «Вест. Рос. Пр.» от 13 ноября. Это безапелляционное заявление делается тогда, когда Директория доживала уже последние дни, когда весь Омск говорил о необходимости диктатуры как единственного выхода из создавшегося положения, а представитель Англии, сэр Эллиот, посетив Мин. ин. дел, больше всего интересовался вопросом: может ли власть гарантировать владение земельной собственностью (из официальной переписки). Отсюда, очевидно, и вытекли наблюдения Болдыре-

¹ Надо сравнить эту беседу с речью Авксентьева, правда, в изложении Святицкого, на упомянутом выше эсеровском совещании.

² Мемуаристы утверждают, что Директория ввела титулование: «Ваше Высокопревосходительство». Для демократии у власти это вообще характерная черта. Гинс рассказывает совершенно юмористические вещи о претензиях тов. мин. вн. дел эсера Михайлова. Майский то же рассказывает про Роговского и т. д.

ва, которому Зензинов представлялся всегда пишущим передовую статью в партийной газете! Его особенно ненавидели омские общественные круги — добавляет Болдырев: «платился за грехи партии» [с. 69].

«Все мы желали добра стране»... Никто не будет оспаривать этих слов Болдырева [с. 54]. Здесь нет сомнений. И житейски можно понять тяжелые переживания временного председателя Вр. Всер. правительства Н. Д. Авксентьева, писавшего своим товарищам на Юг: «Вы чувствуете, что вас здесь используют. Вы говорите против большевиков и оказываетесь в липких руках людей, которые хотят задушить не только большевиков, но и социализм. Вы скажете о реакционности антибольшевицких образований — ликуют господа, называющие Ленина и Троцкого товарищами. И самое ужасное, что до России, до ее горя, стремлений дела никому нет. На спине России ведут свою домашнюю борьбу одинаково и правые и левые». «Справа не оценили стойкости Авксентьева», — говорит Кроль [с. 156]. Так, вероятно, это и было. Но беда Директории в том, что она не сумела или не смогла взять определенного и твердого курса. Ее «левая» часть боялась порвать со своим партийным прошлым, которое в настоящем становилось тяжелым придатком. Как мудры были те, которые на Уфимском Совещании рекомендовали членам Директории выйти на время из состава партии. При устранении формальной связи само собой устранились бы многие из позднейших обвинений. Не могла бы претендовать и партия на некоторое хотя бы преимущественное к себе внимание со стороны членов Правительства из своего состава¹.

¹ В Уфе ограничились официальным оглашением представителями партий обязательства, согласному которому они не имели права отзываться из состава Правительства своих членов, не имели права оказывать на них воздействия (!), не имели права требовать от них отчета в их действиях. «Члены Правительства, — писал Зензинов в своей статье «Правда о неправде» в апреле 1919 г. в парижском «Общем Деле», — по воле всех участников Уфимского Совещания должны были быть совершенно свободны и независимы в своей деятельности» [Гос. Пер.]. С. 187]. Долженствующее не всегда совпадает с сущим. Так было в дни

Левая часть Директории все же оставалась загипнотизированной демократическими формулами и болезненным страхом грядущей контрреволюции. Это лишило Директорию возможности аналитически разобраться в сибирских делах и найти опору и в Сибирском правительстве, и в тех кругах местной общественности, которые поддерживали это Правительство¹. Без опоры Директория должна была носиться по волнам стихии, подчас как ладья без руля.

Директории с партией с.-р. Следует обратить внимание на то, что указанные партийные обязательства были оглашены только в Согласительной комиссии — в той лаборатории, в которой протекала вся основная работа Совещания (протокол комиссии 22 сентября). К сожалению, эта работа в значительной степени оставалась работой закулисной и теряла свое общественное значение. По словам Святицкого, на Совещании членов У. С. в Екатеринбург «произвело фурор» оглашение выдержек из протокола заседания Согласительной комиссии, где Гендельман от имени партии давал как бы обязательство, что «У. С. данного состава по своему созыве ограничит свою деятельность «национальными» задачами обороны страны, восстановлением государственного единства и организацией новых выборов в новый парламент». «Огромное большинство членов Съезда возмутилось, что именем партии было совершено неправомерное покушение на права У. С. Несомненно, если бы вся фракция об этих «оговорках» в Уфе знала, то никакого соглашения там не состоялось бы... «Теперь же мы заявили, — добавляет Св., — что отнюдь не признаем заявлений, сделанных Гендельманом от нашего имени, но без нашего ведома» [с. 57].

¹ По словам Майского [с. 340], Зензинов объяснял нерасположение сибиряков к Директории тем, что сибиряки почти все сплошь областники, а Директория является носителем идеи всероссийской власти. Конечно, дело было не в этом. Если позднее звучали такие мотивы, то, скорее, это придуманная аргументация для оправдания постигшей неудачи. Такие мотивы звучали в речи А. В. Сазонова в приморском Народном Собрании (1921). Успехи Сибирской армии им объяснялись энтузиазмом освобождения Сибири. «Но вот к нам пришла Директория, а вместе с ней и масса беженцев из Европ. России, она к нам принесла мысль о том, что надо строить все в широком всероссийском масштабе. Этим убили энергию, убили подъем духа в сибирском населении и в Сибирской армии» [«Волын. Сиб.». II, с. 177–180].

Попутно уже приходилось отмечать штрихи для характеристики сибирской общественности, и впредь придется еще много раз это делать. Я не наблюдал ее непосредственно. По документам и материалам, симпатии относишь к тем демократическим кругам, в центре которых были областники-кооператоры, которые в период Сибоблдумы были на ее как бы правом фланге, которые в конфликте с ней поддерживали Админсовет, в дни Директории были ее «девятью музами», а после 18 ноября сочли необходимым во имя национальных интересов России поддержать новую власть. В тактике блока были, вероятно, ошибки. Но общая его линия не уклонялась от среднего пути — она, по моему мнению, была последовательно государственной.

5. Организация власти

17 августа Авксентьев, незадолго перед тем прибывший из Советской России, дал газетное интервью с общей оценкой деятельности Сибирского правительства [*«Сиб. Вест.»*, № 2]. Он указывал, что политическая линия Сибирского правительства, поскольку он познакомился с декларациями, «государственна, глубоко выдержана и правильно намечена»... Такая оценка косвенно осуждала уже тактику Сибоблдумы. Возможно, что для Авксентьева это интервью было лишь одним из первых шагов политики «обволакивания». Но многие усматривали в некоторых последующих выступлениях Авксентьева противоречие и объяснили это влиянием партийных кругов.

С переездом в Омск основным вопросом для Директории являлось создание правительственного аппарата центральной власти. Надлежало, используя существовавший административный аппарат, размежеваться с ним в сфере центральной и областной. Сибирское правительство, которому было подчинено $\frac{3}{4}$ территории, вызванной из-под большевицкой власти, не могло при доброй воле так легко формально самоупроститься, как это сделало (в сущности фиктивно) Самарское правительство, почти лишенное территории и не имевшее налаженного административного аппарата (общее признание).

Сибирское правительство, с установившимися в известной степени внешними сношениями, не могло быть так легко ликвидировано, как вновь образовавшееся Уральское правительство — скорее характера земской власти, нежели правительство с государственными функциями. Директория не сумела, в сущности, найти целесообразного и достойного выхода. Месяц переговоров с Сибирским правительством, — месяц нудного топтания на месте, раздражающих споров и компромиссов, приводивших очень многих к сознанию, что из сожительства Директории и Сибирского правительства ничего не выйдет. В своих показаниях адм. Колчак свидетельствует: «Я вынес впечатление, что армия относится отрицательно к Директории, по крайней мере в лице тех начальников, с которыми я говорил. Все совершенно определенно говорили, что только военная власть может теперь поправить дело, что такая комбинация из пяти членов Директории, кроме борьбы, интриг, политической розни, ничего не дает и не даст и что в таком положении вести войну нельзя». Особенно резко говорил ген.-майор Пепеляев: «С моей точки зрения, совершенно безразлично, кто будет вести дело войны, но я считаю, что из комбинации Директории с Сибирским правительством ничего не выйдет хорошего» [с. 166].

Вредная атмосфера борьбы разрушала необходимое единство и соглашение. Кто в этом виноват? Допустим, что обе стороны. Но, во всяком случае, на стороне Сибирского правительства было то, что ему приходилось уступать чему-то неизвестному. В политическую игру входил еще третий партнер в лице представителей фактически не существующей Сибоблдумы: Якушев в беседе с Вологодским по прямому проводу определенно заявлял, что передача функций Сиб. правительства может быть сделана только актом Совета министров Вс. пр. по соглашению с Думой.

В цитированной выше беседе с Авксентьевым Вологодский из Владивостока убеждал своего собеседника в необходимости сохранить в том или ином виде Сибирское правительство, по крайней мере хоть временно. Вологодский отчасти мотивировал это необходимостью получить заем в 200 млн руб., который дается союзника-

ми Сибирскому правительству «на удовлетворение неотложных текущих нужд» и под честное слово его, Вологодского, и кн. Г. Е. Львова. Авксентьев, как мы знаем, на это отвечал: «Заключайте заем от имени Вс. пр.» — и говорил об использовании «аппарата Омска и Самары в его нужных частях»... Мне кажется естественным, что Вологодский хотел закончить переговоры в тех пределах, в которых они велись уже достаточно долгое время. Видеть здесь особую интригу и проявление сепаратизма со стороны Вологодского едва ли правильно. Во всяком случае, Вологодский, дав согласие на участие в Директории, не продолжал вовсе хлопотать о признании союзниками Сибирского правительства, как утверждает Аргунов [с. 31]¹. При общем недоверии к Директории подсознательно могло возникнуть опасение за сохранность Сибирского правительства. Что получится взамен его? Боялись той «свиты» из членов У. С., которая сопровождала Директорию. Боялись не только того, что «деловой аппарат будет составлен из людей, не обладающих надлежащими техническими знаниями и административным опытом», — но и того, что эсеры, фактически придя к власти, «разрушат достигнутые Сибирью результаты в государственном строительстве». Призрак Сибоблдумы выступал перед деятелями Адм. Совета. Сообщая Вологодскому эти опасения, Михайлов заклинает предсовмина всемерно воздействовать на Всероссий. правительство. Со своей стороны Гинс телеграфирует в Админсовет: «Добиться положительных результатов возможно только при условии устойчивости сибирской власти. Малейшие колебания вызывают здесь пересуды, раздуваются события, порождаются невероятные слухи. Союзники не верят во всероссийскую власть. Во избежание неорганизованности необходимо приостановить реконструкцию хотя бы на неделю, пока разрешится вопрос о займе двухсот миллионов, затем судьба железных дорог, которые отстаиваем от покушений американцев, доставка снабжения для стотысячной армии, что обеща-

¹ Это было, пожалуй, мнение большинства членов Директории. По крайней мере, Болдырев счел необходимым предостеречь Иванова-Ринова от дачи подписи под сепаратным соглашением Сибири с союзниками [с. 67].

ют англичане, отправка во Владивосток невыкупленных военных грузов, охраняемых иностранцами. Все это, более или менее налаженное, погибнет. Утверждаю, что в интересах общегосударственных необходимо сохранить неприкосновенным сибирский аппарат... Дождаться приезда Совмина для проведения реконструкции»...

Так ли были необоснованны все эти суждения? Директория своими первыми шагами, во всяком случае, не давала основания для опасений Админсовета в смысле какой-либо партийности правительственного аппарата. Еще в Уфе Директория пригласила Старынкевича на пост министра юстиции, проф. Сапожникова на пост министра народного просвещения и Устругова на пост министра сообщений в Центральном правительстве. Бывший с.-р. Старынкевич уже был в составе Админсовета, равно и Сапожников, Устругов входил в хорватовское Правительство. Следовательно, здесь соблюдено было как будто бы полное политическое беспристрастие¹. Но атмосфера взаимного недоверия и недоброжелательства была слишком насыщена².

Левые члены Директории не были склонны сотрудничать с Админсоветом в целом ввиду его репутации в партийных кругах. Конечно, в установлении этого факта Гинс прав [I, с. 263]³. Но так или иначе по неизбежности приходилось использовать единственный деловой аппарат Сибирского правительства. «У нас нет кандидатов, ко-

¹ Велись переговоры и с сибирским министром проф. Гудковым.

² Уколы самолюбия возникали по всякому поводу. Члены Всероссийской Директории не считали нужным по прибытии сделать визиты местным министрам. Те обижались. В результате подчеркнутое как бы игнорирование Директории, члены которой не приглашаются 22 октября на официальный завтрак в Мин. ин. дел, где присутствуют представители иностранных миссий [Болдырев. С. 81].

³ Этим, вероятно, отчасти объясняется противодействие, которое оказывает Сиб. правительство переходу своих членов в состав Центр. правительства. Это «политическая ошибка» — телеграфирует Гинс из Владивостока. Этим ослабляется влияние Сибири. Возможно только принятие членами Сиб. правительства на себя исполнения обязанностей всер. министров.

торых мы можем противопоставить омским министрам», — откровенно сказал Авксентьев Кролю [Три года. С. 145]¹.

12 октября, т. е. через три дня после приезда Директории в Омск, в отсутствие еще Вологодского (и это ставили в вину Вологодскому — видели здесь сознательное уклонение, проявление выжидательной политики) состоялось совместное заседание Директории и Админсовета. Следы этого, по-видимому, достаточно бурного заседания имеются в воспоминаниях различных его участников. Серебренников пишет:

«На этом совещании членам Директории, Авксентьеву и Зензинову, пришлось выслушать немало неприятных слов со стороны сибиряков, опасавшихся грозных последствий партийной гегемонии эсеров. Авксентьев, в свою очередь, делал какие-то глухие предостережения сибирякам, указывая на то, что за Директорией стоят силы, которые сумеют за нее постоять, это были, очевидно, намеки на чехословаков. После бурных прений, проходивших в недружелюбной атмосфере², совещание пришло все же к определенным решениям. Эти решения состояли в том, что Сибирское правительство прекращает свое существование, избирается Совет министров Всероссийского правительства, но формирование Совета министров определяется совместно Всероссийским и Сибирским правительствами по обоюдному соглашению.

¹ Нужных людей не было и в Сибири. Кроль, сам сознающий, что его считали слишком пристрастным в отношении Сибирского правительства, говорит, что сибиряки умели пускать пыль в глаза своей «помпой» [с. 135] и этим производили впечатление на Авксентьева и Болдырева. Но другого выхода просто не было. Потому несколько непонятны слова Болдырева, который признает пагубной мысль об использовании сибирского Совета министров, выдвинутую впервые в Уфе проф. Саложниковым.

² Болдырев добавляет: «Заявление Авк. вызвало крайне резкие нападки министров Петрова (земледелия) и Михайлова. Я принужден был выступить и несколько охладить эти горячие головы заявлением, что меня удивляет тон нотаций и непрошеной критики по адресу всероссийской власти. Настроение сразу понизилось, боевой задор исчез, были сделаны конкретные предложения» [с. 69].

«Сибиряки этим как бы говорили Директории: Да! Мы готовы, в силу решения Уфимского Совещания, упразднить Сибир. правительство, передать вам весь налаженный с таким трудом правительственный аппарат этого Правительства, но мы должны быть уверены, что все, созданное нами, не погибнет и аппарат получит надлежащее руководство. Гарантию этой уверенности мы можем иметь только тогда, когда мы примем участие в деле формирования вами нового всероссийского Совета министров и когда без нашего одобрения не будет назначен ни один министр. Если вы готовы сделать нам эту небольшую уступку, то мы готовы на весьма большое самопожертвование — упразднение Сибирского правительства» [«Сиб. Ар.», I, с. 16–17].

В «дневнике» Зензинова, записи которого цитирует Гинс, добавляется: «От нас потребовалось много выдержки и хладнокровия. В результате мы пришли к такому соглашению все против Н. Д. Авксентьева, который настаивал на ожесточенной борьбе с Административным Советом... Административный Совет устами Михайлова выразил свое «глубокое удовлетворение» решением Вс. пр. Посмотрим, где здесь политический задний план, где искреннее желание сохранить результаты своих работ» [I, с. 265–266].

После совещания с Админсоветом происходило заседание Директории. О нем Болдырев говорит: «Авксентьев неимоверно волновался, говорил, что предложения эти — капитуляция для нас, что надо рвать. Ему резонно возразили: а потом что? Что выиграет от этого дело возрождения России? Спорили долго и горячо. В конце концов согласились признать приемлемыми предложения сибиряков» [с. 70]¹.

18 октября приехал в Омск Вологодский. При обостренных отношениях каждый шаг, каждая мелочь ставится на учет. Вот как описывает Болдырев первую встречу: «Утром прибыл П. В. Вологодский. Встречала исключительно Сибирь. Нам официально не сообщили о часе приезда, а потому никого от нас не было. Конечно, это произвело неприятное впечатление и пошло нам на ми-

¹ Подробно эти «тезисы-условия» изложены у Гинса [I, с. 269–270].

нус. Авксентьев поехал было, но Вологодского уже не застал на вокзале. К Вологодскому поехал Кругликов — был принят сдержанно. Вологодский обещал приехать в Правительство к 2-м часам, но потом позвонил, что ему предварительно надо сходить в баню — явная отплата за наше отсутствие при встрече. Прием — не лишенный чисто местного колорита. Мне это даже понравилось, но Авксентьев очень взволновался. Он временами близок к истерике» [с. 76]...

Следить за всеми перипетиями переговоров и борьбы мы не будем. Действительно, она была тосклива и давала печальную картину русской общественности в ответственный момент жизни страны. Все эти заседания сам Болдырев характеризует так: «обычное бесплодие» [с. 78]; «начинаю тяготиться этой болтовней и взаимоборязнью» [с. 80]. Директории казалось, что Сибирское правительство склонно поставить новую всероссийскую власть «на положение английского короля», а между тем Директория, стремясь быть «коллективным монархом», желала быть «монархом самодержавным, а не конституционным» [слова Вологодского в интервью «Св. Кр.», № 158, 1919, 22 янв.]. Нервничал в этой обстановке не один Авксентьев. «Все эти переговоры и трения, — пишет Серебренников, — настолько утомили и нервно измотали и без того слабого здоровьем Вологодского, что он стал походить более на мертвеца, чем на живого человека» [с. 20]¹.

Споры шли теперь не в области принципов, а лишь в сфере практического разрешения принятого соглашения. Надо было распределить министерские портфели и решить вопрос об Облдуме, роспуск которой вполне логично являлся условием самороспуска Правительства. Левая часть Директории была в этом отношении несколько затруднена, ибо, по словам Якушева (беседа с Вологодским по прямому проводу), дала гарантию возобновления деятельности Облдумы. Очевидно, по соглашению с Якуше-

¹ Между тем Гинс [I, с. 267] дает такой образ Вологодского: «Здоровая уравновешенность его натуры выражалась в поразительном спокойствии. Он никогда не проявлял ни торопливости, ни раздражения, ни страха. Своим спокойствием и выдержкой он иногда обезоруживал, а иногда обескураживал горячие головы».

вым была выдвинута комбинация самороспуска Думы, для чего ее надо было собрать, а это вызвало решительный протест со стороны как Админсовета, так и значительной части сибирской общественности. 24 октября Болдырев записывает: «Заседание Правительства началось довольно бурно по вопросу о самороспуске Думы. Я был определенно против этого нового осложнения. Вологодский сначала угрожал было ультиматумом, т. е. если мы Думу соберем даже для самороспуска, то они разгонят ее своим указом... Однако ультиматум был очень резко встречен с нашей стороны, и Вологодский уступил» [с. 83–84]. 26 октября... «В 7 час. Я был приглашен на заседание Адм. Совета... Авксентьев состязался с сибирскими министрами по вопросу об открытии Обл. Думы. Я оставался на своей старой позиции — роспуска ее одним актом, одновременно с упразднением Сибир. пр., но предлагал сибирякам подумать, отвергая предложение Авксентьева о созыве Думы для самороспуска, особенно ввиду выявившейся симпатии чехов к этому «политическому труп», как называли Думу ее враги» [с. 85].

Официальный документ Сибирского правительства — шифрованная телеграмма представителю Правительства на Д. Востоке Гревсу — несколько по-иному освещает картину заседания: Сибправительство, возражая на проект созыва Облдумы на один день в целях самороспуска, указывало на невозможность созыва Думы, объявленной Сибправительством «низложенной», находило созыв Думы «бесцельным, опасным, подрывающим авторитет Правительства». Всеросправительство большинством трех против двух (Авксентьева и Зензинова) согласилось с Сибправительством. Авксентьев и Зензинов заявили о выходе из состава Директории. Вмешался чехосовет в лице уполномоченного Рихтера, потребовав созыва Думы и грозя в противном случае уходом из Сибири чеховойск. Тогда Сибправительство уступило.

Одновременно шли и острые разногласия о составе будущего Совета министров. Вся омская общественность так или иначе реагировала на споры, которые шли в правительственных сферах. Горячо обсуждал каждую кандидатуру «блок». «Днем и вечером, — рассказывает Гинс, — происходили совещания, на которые приглашались и

представители Сибирского правительства. На одном из заседаний был даже Вологодский. Блок заседал на него, добиваясь его настойчивости и решительности в отстаивании кандидатур» [с. 273]. Происходили заседания «Нац. Союза», или «Священного Союза», как называли бело-руссковскую организацию между собой члены Директории. Собирались отдельно кадеты¹.

«Не обширен был круг лиц, среди которых можно было вербовать кандидатов в министры, — замечает Гинс. — Промелькнули случайные лица, как, например, Савинков, пробравшийся в это время в Сибирь и показавшийся подходящим человеком для заведывания иностранной политикой, но сейчас же устранный из числа кандидатов энергичными возражениями Авксентьева...

В большинстве случаев выбирать приходилось, однако, либо «сибирских», либо «самарских» министров...

Со стороны Директории были предложены в министры: Колчак (военный и морской), Ключников (по иностранным делам), Сапожников (народное просвещение), Старынкевич (юстиция), Устругов (пути сообщения), Роговский (внутренние дела), Майский (вед. труда)².

Сибирское правительство возражало против Роговского и Майского, выдвигая вместо первого Михайлова, вместо второго Шумиловского»... [с. 274].

Как видим, Гинс утверждает, что кандидатура адм. Колчака, приведшая в особенное негодование екатеринбургских эсеров, была выдвинута Директорией. Кандидатура эта имеет уже свою маленькую историю. Колчак

¹ В обывательских же кругах создавалась вредная атмосфера пересудов на тему «Кто кого съест». Эти разговоры в «коммерческом клубе» отмечает Кроль, причем в общем отзывы о Директории были «мало лестные» [с. 144].

² Между Майским и Зензиновым по поводу кандидатуры первого произошла некая полемика. Зензинов [«Дни», 1923, № 86] отрицал свои переговоры с Майским о занятии поста министра труда, на чем настаивал Майский. Полемика эта представляет, конечно, мало интереса. Интересно лишь то, что, по словам Зензинова, кандидатура Майского, предложенная им и Авксентьевым, была отвергнута остальными членами Директории [Майский. С. 313].

на допросе показал, что переговоры с ним вел Болдырев, вызвавший его по собственной инициативе, узнав о его приезде в Омск. Болдырев убеждал Колчака на Юг не ехать и войти в состав Правительства. Колчак сначала ответил отказом, ссылаясь на то, что он специалист по морскому ведомству. На повторные убеждения Колчак ответил: «Я дам вам окончательный ответ только тогда, когда я выясню себе, что, собственно, мне придется делать, какие взаимоотношения будут у меня с вами — командующим армией и со всеми теми войсками, которые находятся на территории Сибири... Я ставил еще одно условие... Я человек посторонний и считаю необходимым в ближайшее время поехать на фронт для того, чтобы лично объехать все наши части и убедиться в том, что для них требуется»¹. Следовательно, совершенно неверно утверждение Святицкого в брошюре «Реакция и народ» [с. 18], что Колчака пригласил Вологодский и что Директория безуспешно пыталась бороться против этого назначения. Серебренников подчеркивает, что кандидатура Колчака «не вызвала ниоткуда возражений». «Мне помнится, — добавляет он, — особенно настойчиво выдвигал его кандидатуру Авксентьев» [с. 19]². Отсюда со-

¹ Надо иметь макиавеллиевскую хитрость, которая столь несвойственна была характеру Колчака, чтобы таким путем заранее подготавливать себе поездку на фронт, которая должна была привести к диктатуре. В этом обвиняли будущего «диктатора». У Колчака не было предубежденности против Директории. 1 октября он писал Алексею: «Я не имею пока собственного суждения об этой власти, но, насколько я могу судить, эта власть является первой, имеющей все основания для утверждения и развития» [Деникин. III, с. 190]. Лицо, одно время близкое к Колчаку и присутствовавшее почти при всех переговорах, подчеркивает в письме ко мне, что отношение адмирала к Директории если и не было «восторженным», то «безусловно лояльным».

² То же утверждает Болдырев [с. 82]. За кулисами были возражения против кандидатуры Колчака. Возражало окружение Иванова-Ринова — тогдашнего военного министра. Кроль говорит о возражениях, которые были в среде к.-д. Выступил против Востротин, бывший вместе с Колчаком в хорватовском Правительстве. Востротин отмечал личную неуравновешенность намечаемого кандидата. Истинная подкладка, по мнению Колосова,

вершенно очевидно, что предположение о каком-то давлении со стороны «одной союзной державы» на назначение Колчака надлежит отбросить.

Итак, соглашение на кандидатурах налаживалось. Страстные споры возникли главным образом около имен Михайлова и Роговского. Наиболее острыми были те заседания 27–29 октября, о которых уже упоминалось: Сибирское правительство настаивало на кандидатуре Михайлова и отвергало кандидатуру Роговского, как «партийного с.-р.», на пост тов. мин. вн. дел, ведающего милицией, «не возражая против Роговского на другом посту». Левая часть Директории решительно отвергла какую-либо кандидатуру Михайлова. О том, что происходило на заседании Директории, рассказывает Болдырев. Вологодский заявил, что «вопрос о кандидатуре Михайлова на пост министра вн. дел, под давлением местной «общественности» (кавычки Болдырева), считается безусловным. Авксентьев заявил о выходе из Правительства, после горячей речи его поддержал в этом решении Зензинов. О невозможности оставаться в Правительстве высказался и Виноградов. Смущенный Вологодский заявил, что ему остается, видимо, одно — отказаться от миссии составления Совета министров. Авксентьев со свойственной ему экспансивностью решил идти в солдаты, в армию, которая не занимается политикой. «Таким образом, — заключает Болдырев, — распад Вр. Вс. пр. и распад бесславный» [с. 86]. Отмечает Болдырев в своем дневнике, между прочим, давление, которое оказывается на Директорию извне: «Виноградова все время вызывали уполномоченный чеховоиск Рихтер и члены упомянутого выше «Священного Союза»».

Настроение, царившее в Административном Совете, передает имеющийся у нас официальный документ —

заклучалась в том, что сибирские к.-д. и областники уже с августа во всероссийские правители проводили Хорвата. Чтобы приобщить Хорвата к «областничеству», организовалась даже поездка самого Потанина на Восток [«Былое». XXI, с.251–252]. Информация Колосова вызывает сомнения. Указанное выше лицо, давшее мне много сведений о сибирском периоде деятельности Колчака (оно просило меня пока в печати имени не упоминать), всецело подтверждает слова Серебrenникова.

шифрованная информация Гревсу. «Соглашение, несомненно, было бы достигнуто, — передает она, — если бы во время заседания Адм. Совета не явился член чехосовета Кошек, требуя именем чехосовета исключения из списка мин. финансов Михайлова, грозя уходом из Сибири чеховоиск». «При таких условиях, — продолжает сообщение, — всякое правительство становится игрушкой в руках чехов, а через них с.-р., с которыми чехосовет тесно связан, давая им обещания, окрыляющие их». Гревсу поручалось выяснить отношение представителей иностранных держав к вмешательству чехов во внутренние дела — «согласуется ли желание чехов уйти из России, придравшись к любому поводу, (с) видами союзников». Присутствующий на заседании Колчак в своих показаниях говорит, что вмешательство чехов определило его позицию и было императивным в том смысле, чтобы поддержать кандидатуру Михайлова [«Допрос». С. 163].

Можно почти не сомневаться, что вмешательство чешских представителей, появление Рихтера и Кошека у Вологодского и членов Директории, было в значительной степени инспирировано. Ясно, что действовавшая за кулисами рука тянулась так или иначе к Екатеринбург. Что это было именно так, подтверждает рассказ много вообще разболтавшего Святицкого. «Из разговоров по поводу и главным образом из писем... мы узнали следующее, — рассказывает он. — И Авксентьев, и Зензинов и слышать не хотели об оставлении у власти Михайлова... Но Сибирское правительство заявило, что в вопросе о Михайлове оно ни в коем случае не уступит. В переговорах Директории с Сибирским правительством готовился таким образом разрыв. Разрыв этот неизбежно должен был закончиться спором оружия — другого исхода не было. Директория знала, что сибиряки приготовились уже к ее аресту (!). У самой Директории воинской силы не было, но при желании она могла получить ее — это был отряд чехословаков... Последних было в Омске до 3-х тысяч человек. И чехи дали понять, что они к услугам Директории и в два часа расчистят Омск от всей реакционной сволочи, как они выражались... Фактически перевес силы мог быть, таким образом, у Дирек-

тории. Но для этого она должна была решиться действовать, не боясь вступления на путь гражданской войны с реакцией. Однако решимости-то у нее и не было. Директория состояла, во-первых, не из одних Авксентьева и Зензинова, а во-вторых, даже эти последние не решились приступить к активным действиям. Рассказывают, что, когда их спросили, почему они не хотят прибегнуть к помощи чехов, от них получен был следующий поистине удивительный ответ: «Невозможно, чтобы Директория утвердила свою власть с помощью «иностранцев» штыков». Когда мы в Екатеринбурге узнали об этом, мы только руками развели» [с. 63–65].

Из изложения Святицкого столь определенно явствует, что в Омске в эти дни споры могли бы быть разрешены силой оружия. Что же это, поклев «ренегата»?¹ Обратим внимание, что Болдырев, по словам Колчака, пытавшийся все время быть примиряющим началом между двумя борющимися группами, усиленно подчеркивает при убеждении противников возможность осложнения у чехов, что в связи с ростом большевизма и в стране и на фронте может погубить дело возрождения России [с. 86]. Достаточно осведомленный Кроль определенно говорит: «Чешский гарнизон, «как известно», предлагал арестовать по первому приказу Директории Сибирское правительство» [с. 143]. Осторожный в утверждении фактов Серебренников свидетельствует в своих воспоминаниях: «Как я уже потом узнал, в эти дни действительно делались предложения о том, чтобы прекратить правительственный торг

¹ «Ренегатом» именуют Святицкого некоторые зарубежные эсеровские публицисты, пытаясь этой терминологией опорочить сведения, которые я привожу в своей книге из воспоминаний Святицкого. Подобная кличка не совсем подходит к Святицкому, ибо он все же не пошел в лагерь коммунистов. Отмечу, что Чернов, картинная позиция которого близко подходит к точкам зрения, излагаемым Святицким, отмечая субъективизм мемуаров Святицкого, признает, что эта книга «не лжива», следовательно, более или менее точно передает, что происходило в партии за кулисами. В свое время в Москве мне были переданы для архива «Голоса Минувшего» письма-донесения Святицкого по партийной линии. Расхождения между письмами и мемуарами нет.

силой вооруженного вмешательства. Один из членов партии с.-р. рассказывал впоследствии мне, что он участвовал в переговорах с чехословаками относительно возможности с их стороны устройства переворота в Омске, свержения Сибирского правительства и предоставления всей полноты власти Директории. Чехословаки будто бы дали свое согласие на это, все зависело далее от санкции Авксентьева, который, однако, не решился прибегнуть к силе оружия. Не берусь утверждать, верно ли все это, так как не имею в своем распоряжении никаких документальных доказательств» [с. 18]. Есть ли сомнение в подлинности рассказанного? Сделанные сопоставления как будто бы достаточно убедительны. Можно усомниться только в некоторой агрессивности чехов (или, точнее, в инициативе с их стороны), которая как будто бы выступает в изложении некоторых мемуаристов. Поэтому важно свидетельство Ракитникова, по взглядам довольно близкого Святицкому, что именно чехи, в конце концов, советовали эсерам пойти на компромисс ради сохранения Правительства [«Сибирская реакция». С. 17]. К чести Авксентьева и Зензинова надо сказать, что они не солидаризировались с мнениями интернационалистов «черновцев» в Екатеринбурге, — их психология, достаточно национальная, была действительно иной. Майский, пытавшийся, по его словам, со своей стороны убедить Авксентьева в необходимости «действовать», получил ответ: «Во всяком случае, я не возьму на свою совесть разнуздывание гражданской войны внутри антибольшевицкого лагеря». «Так говорил не мальчик, не юноша, а умудренный опытом политический деятель», — резонерствует бывший марксист [с. 311]¹. От Авксентьева Майский отправился к Зензинову, которого считал «человеком более левого уклона» и у которого надеялся найти «больше сочувствия» своим планам. Зензинов ответил: «Я не считаю возможным нарушить то соглашение, которое с таким трудом было достигнуто в

¹ В противоречие с этой репликой Майский одновременно утверждает, что Авксентьев ему сказал: «Мы с Зензиновым пошли бы на такую комбинацию (опереться на чехов). Болдырев же категорически возражает против втягивания иностранцев в наши дела».

Уфе и которое мы клялись свято соблюдать. Если Директория распадется, Россия погибла» [с. 312].

«Действовать» Авксентьев и Зензинов «не решились». Не решились и выйти из состава Директории, как они «в первый момент предполагали сделать». «Подумают, что трусили. Придется испить чашу до дна», — будто бы сказал Зензинов. «Мы — мученики компромисса... Бывают и такие мученики, и, может быть, они особенно нужны России» — такие слова в уста Авксентьева вкладывает Майский [с. 326]. Не знаю, приводили ли они такую аргументацию; более реалистичные мотивы выставил Кроль: «Они чувствовали слишком ясно, что весь вопрос — в них: стоит им уйти из Директории, и омская общественность примирится с Директорией из Болдырева, Виноградова и Вологодского. Вопрос о своем уходе, в целях сохранения Директории, Авксентьев и Зензинов в частном порядке и поставили. Но тогда о намерении уйти одновременно с ними заявил и Виноградов. Мотивом такой постановки вопроса Виноградовым было совершенно правильное соображение: с уходом Авксентьева и Зензинова защита интересов широких демократических кругов легла бы целиком на плечи Виноградова. Ему неизбежно пришлось бы защищать политическую линию более левую, чем при Авксентьеве и Зензине, ибо широкие круги не прощали бы ему того, что прощали бы им... Идти «левее», чем при Авксентьеве и Зензине, было бы политической бессмыслицей, да и невозможно практически. Решение Виноградова удержало в последний момент Авксентьева и Зензинова»¹.

Члены Директории сделали так после совещания с партийными товарищами. «Был создан совет из депутатов», — передает сообщение из Омска Святицкий. Авксентьев и Зензинов совещались с делегацией Бюро Съезда. Только один из трех членов этой делегации — правый депутат В. Е. Павлов (член «Союза Возрождения». — С. М.) —

¹ Вопрос об уходе Виноградова Кроль относит к периоду более раннему — до приезда Вологодского. Но, по существу, это мало изменяет дело. Фактически, по-видимому, Кроль просто сделал хронологическую ошибку.

подал голос за немедленный выход эсеров из Директории. Остальные вместе с членами Директории решились уступить. Вместе с тем члены Директории прислали, по словам Ракитникова, в Бюро Съезда мотивированное сообщение, почему они в данный момент не ушли. Упоминается с некоторыми вариациями это партийное совещание, происходившее у Авксентьева и в «дневнике» Зензинова под 29 октября: «Якушев, Колосов и Павлов высказались против принятия Михайлова и, следовательно, за наш выход из состава Правительства. Аргунов, Раков, Роговский, Кругликов, Мазинг (секретарь Президиума Думы), Лозовой, Пумпянский, Архангельский соглашались на вхождение Михайлова, лишь бы только не распадалась всероссийская власть. Н. Д. Авксентьев и я согласились с последними и приготовились сделать об этом заявление на заседании Правительства» [Гинс. I, с. 275]¹.

Только что стороны пошли на взаимные уступки, как неожиданно появилось новое осложнение в деле с кандидатурой Колчака, отказавшегося входить в состав Совета министров при наличии в нем Роговского. Болдырев здесь видит интригу Админсовета: «Придумано ловко. Адм. Совет хотел провалить Роговского через Колчака, добросовестно ломившегося на пролом в этом вопросе» [с. 88]. Едва ли предположения Болдырева основательны. Вот как описывает Серебренников «решительное совещание Сибирского правительства и его Административного Совета»...

«На совещание был приглашен и адмирал Колчак. Председательствовал на совещании П. В. Вологодский. В довольно продолжительной речи он тихим и усталым голосом изложил совещанию весь ход его переговоров с отдельными общественными и партийными группами и лицами о формировании русского Совета министров, указав на тяжелую об-

¹ Оказывали вновь на членов Директории давление и со стороны. Непримиимый левый к.-д. Кроль, высказывавшийся в свое время против переговоров Директории с Сибирским правительством, явился к Авксентьеву с заявлением о необходимости покончить с кризисом, идя «даже на назначение Михайлова и отказ от Роговского» [с. 152].

становку, в которой находится страна, и заявил, что все его усилия по организации новой правительственной власти не дали до сих пор положительных результатов, что он чувствует себя совершенно измученным физически и нравственно и вести дальнейшие переговоры для выполнения возложенной на него миссии отказывается.

Речь произвела большое впечатление на присутствующих. Водворилась какая-то жуткая тишина: все сознавали ответственность сделанного заявления.

Вологодский встал, передал мне председательствование и покинул совещание. Я занял председательское кресло. Взоры всех как-то невольно устремились на адмирала Колчака. Эти взоры говорили: вот тот единственный, кто еще упорствует, от него теперь зависит все дальнейшее... Я обратился к адмиралу от имени всего совещания с коротко выраженным предложением спасти положение дел, войти в состав Совета министров, примирившись с присутствием в этом Совете некоторых нежелательных лиц, указав, что его положительного решения с одинаковым нетерпением ждут как Всероссийское Временное, так и Сибирское правительство. Адмирал уступил и дал свое согласие» [с. 20–21].

«Кризис был разрешен»...

6. Омская «неразбериха»

Составленный по соглашению состав Совета министров Всероссийского Временного правительства был достаточно демократичен по своим политическим взглядам. Ни одной реставрационной фигуры не было в его среде. Но он не удовлетворил оппозиционеров. «Итог был неутешительный, — заключает Л. Кроль. — Под вывеской Директории фактически исполнительная власть оставалась в руках... сибирских министров». Конечно, в негодование пришли «черновцы» в Екатеринбурге. «Такого списка даже левое крыло Съезда, готовое ко всему, не ожидало, — констатирует Святицкий. — Бросалось в глаза, что в составе Совета министров не было ни одного кандидата из партии большинства в У. С., из партии с.-р., перед которой через два месяца этот Совет министров должен был отчитываться... Даже министерство земледелия (искони эсеровское!!) находилось на этот раз в чужих руках».

Это замечание екатеринбургского рупора не совсем понятно: каким образом в Совете министров коалиционного правительства могли бы оказаться представители большинства, отвергшего сам принцип коалиционности? «Главное же, — продолжает Святицкий, — в составе нового Правительства были два «гвоздя», приковывавшие всеобщее внимание и служившие лучшей характеристикой нового кабинета. Эти гвозди: адм. Колчак и Иван Михайлов. Первый был лицом с широкой и притом весьма определенной известностью еще во времена Керенского (как лицо, умевшее ладить с «революционной демократией»¹. — С. М.). Потом он, «спевшись с японцами (!?), диктаторствовал на Дальнем Востоке, соперничал с Хорватом. Нынче он получил всероссийскую военную власть. Это лицо будет распоряжаться военной силой в момент созыва У. С. к 1 января! Хорошие перспективы стояли перед нами!»...

«Перспективы» действительно были плохие. Ибо ясно было, что те, кто «проиграл» бой, постараются взять реванш. В Омске пытались, однако, соглашение обставить некоторой внешней торжественностью. 6 ноября происходил по поводу образования Совета министров специальный раут, на котором Гинс сравнивал, между прочим, Сибирское правительство с разборчивой невестой, — долго раздумывавшей, прежде чем решиться на празднуемый на банкете брак [«Вест. Вр. Пр.», № 4]². К сожалению

¹ Святицкому следовало бы знать, что как раз эсеры поддерживали адм. Колчака в его выступлениях на митингах в Черноморском флоте [Кришевский Н. В Крыму. — «Архив Рус. Рев.». XIII, с. 36]. Политическая благонадежность адмирала была заподозрена некоторой частью «революционной демократии» с того момента, когда «Маленькая Газета» Суворова стала выдвигать Колчака в председатели Временного правительства (июнь 1917 г.). По собственным словам, Чернов тогда же предупредил свой ЦК о появлении на горизонте опасного честолюбца. Чернов и омской Директории из Екатеринбурга указывал на то, что допущение Колчака в Совет министров знаменует «начало конца». Пытался воздействовать он в этом отношении и на чешских социалистов [«Рев. Рос.», № 4].

² Болдырев подчеркивает, что на банкете «большой успех» имело его заявление, что русские войска «теперь почти одни держат весь фронт» [с. 92].

нию, приходится сказать, что брак заключен был уже поздно. «У нас пропало два месяца. Мы занимались “вермишелью”», — говорил Вологодский, открывая первое заседание Совета. Эту затяжку не могли простить. Если «ничего неделание» Директории в Уфе производило тягостное впечатление на Святицкого и его единомышленников, то омская обстановка «ничего неделания», борьба за власть производили угнетающее впечатление на широкие круги. «В тот момент, когда нужна напряженнейшая работа, когда каждый час дорог, ни Директория, ни Сибирское правительство ничего не делают. Они бросили все, потому что все заняты одним: борьбой за власть!» Такие слова, может быть, и не совсем уместны под пером мемуариста Л. А. Кроля, но факт констатирован все же правильно [с. 152]. Болдырев отмечает, что «проволочка с кандидатурами отразилась на финансах»: из банков стали вынимать вклады [с. 87]¹.

¹ «Торг с переторжками», шедший в Омске, раздражал все активные элементы. В «Кр. Арх» (кн. XX) опубликованы два письма из Омска 20–24 октября с.-р. Альтовского Ракитникову. Между прочим, он пишет: «Дело, для которого я сюда приехал, стоит неподвижно. Все заняты совершенно другим. «Идет «торг с переторжками» о министерских местах». Приехал Альтовский в целях получения денег, в сумме 2–2 1/2 млн руб. ежемесячно для помощи эсеровским организациям, ведущим дезорганизаторскую «работу в тылу большевицких и немецких войск» — уничтожение запасов военного снаряжения посредством поджогов и взрывов, порчи орудий и пр., проникновение в штабы сторонников Вр. пр., организация разведочной службы и т. д. Соответствующую докладную записку Альтовский представил Верховному главнок., при котором и должен бы состоять «особый отдел» из трех лиц, руководящий это работой. Зензинов вначале отнесся сочувственно, но потом на него напала «раздумчивость», ибо находившийся в Омске представитель ЦК партии Раков, ознакомившись с положением в Омске, встал на позицию: «ждать выяснения обстоятельств для определения нашего отношения к Правительству», а до тех пор «не ангажировать партию». У Ракова, впрочем, было и другое соображение — в состоянии ли эсеровские организации в Советской России, «полуфиктивные и номинальные», выполнить обязательства, которые сопряжены с получением денег. Чрезвычайно характерны взгляды самого Альтовского, члена ЦК. «Оно,

Идея всероссийской власти в сознании широких кругов была уже дискредитирована. Это с такой очевидностью выступает из записей Болдырева в дни омской «неразберихи». Записи эти характерны и для царивших настроений. Болдырев записывает:

15 октября: ... «В городе определенно ведется агитация против Врем. прав., в этом косвенно участвуют отряды типа Красильникова и другие представители монархизма» [с. 73]. 18 октября: ... «Слухи со всех сторон, явный саботаж и агитация против Вс. правительства. Слухи о переворотах в чисто мексиканском стиле. Вынужденное бездействие Правительства, конечно, нервирует всех бесконечно. Страх перед переворотом и угроза диктатуры, видимо, сбили с толка и Виноградова. Он также во власти тревожных слухов» [с. 76]. 19 октября: ... «Розанов сообщил мне, что в городе ходит слух, что в меня бросили бомбу. Конечно, он такой же вздор, как и все другие слухи. У Розанова целый вечер просидели вожди здешних кадетов. Они считают авторитет Вс. пр. безнадёжно погибшим из-за слабости и бездействия... Старынкевич тоже болен страхом переворота... Вечером два раза прибежал ротмистр С. из к.-р. Ставки предупредить, что мы в сетях интриги и заговоров, предлагал усилить охрану и тоже явно намекал на измену Белова» [с. 78]. 23 октября: ... «Во время прений (на заседании Правительства) прибыл казачий взвод для охраны Вологодского... Командир взвода доложил, что распоряжение... (сделано) по требованию мин. Михайлова, ввиду будто бы ожидаемого ареста Вологодского. Это походило на фарс. Я вернул конвой домой. Что это — трусость или провокация? Я успокоил Вологодского и отвез его на квартиру в моем автомобиле. У дома Вологодского оказалась охрана из сербов, здесь, видимо, уже не стеснялись иметь «своих латышей» ...Чего они

конечно, — пишет он, — можно с большим глубокомыслием сидеть на реках Вавилонских и плакать о международной конъюнктуре, но мне-то казалось бы, что уже довольно мы проворонили. Ведь Комитет член. Уф. Сов. был вполне в наших руках и, конечно, мог снабдить партию в Сов. Рос. несколькими миллионами рублей, которые очень быгодились на черный день. Теперь, когда этот черный день, может быть, совсем на носу, не следует упускать ни малейшей возможности получить для партии денег» [с. 165–174].

так бояться? Ведь мы все еще безоружны. Мексика среди снега и морозов» [с. 83]¹.

26 октября: ... «В городе убийство. Без вести пропал Б. Н. Моисеенко. Тяжело ранены, кажется, адъютант Белова — поручик Костендий и г. Сафо. В помещении, где происходят заседания Директории, был какой-то офицер, посланный будто бы Розановым собирать адреса членов У. С. Произведенным дознанием выяснилось, что офицер этот — член какой-то военной организации, руководимой кап. Головиным, имеющей связь с штабом Сибирской армии. Розанов заявил, что это провокация» [с. 85]².

28 октября: ... «Настроение отвратительное, вся работа стоит... В общественных и военных кругах все больше и больше крепнет мысль о диктатуре. Я имею намеки с разных сторон. Теперь эта идея, вероятно, будет связана с Колчаком».

29 октября: ... «Настроение служащих подавленное»... [с. 87].

Картину, которая вырисовывается из записок Болдырева, легко можно пополнить. «Помню, — рассказывает Майский, — как однажды Зензинов мне сказал: “Когда поздно вечером, после заседания Директории я возвращаюсь домой и на крыльце ожидаю, пока мне отворят дверь, я стою с взведенным револьвером в руках и глазами стараюсь пронзить ночную темноту. Каждый момент я ожидаю выстрела или удара”» [с. 306]. В «дневнике», который цитирует Гинс [I, с. 305], также отмечается «тревожное беспокойство» автора дневника: при каждом шуме и стуке ему кажется, что идут «арестовывать»... Но и Михайлов со своей стороны не ночует дома из-за боязни

¹ Болдырев довольно односторонне записывает этот случай с «непрощеной охраной». Надо выслушать и другую сторону, которую как бы представляет Гинс. Последний рассказывает, что ночью, перед заседанием, Вологодского разбудила присланная к нему казацкая охрана, ввиду будто бы готовящегося покушения со стороны Директории. Перед заседанием из штаба второго корпуса позвонили Гинсу с сообщением, что Сиб. пр. будет арестовано, и предлагали прислать охрану. Несмотря на отказ, охрана появилась. Гинс добавляет, что «до той поры Сиб. пр. не знало охраны»... [I, с. 273].

² Из мухи сделали слона. Этот пустяшный случай в изображении Майского и др. превратился в целую террористическую организацию военных против членов У. С.

быть арестованным¹. Его примеру следует ген. Белов и т. д. [Болдырев. С. 97]. «Страхи» были взаимные.

Кто создал всю эту обстановку в Омске? Только ли «маленькие атаманы» — «современные ландкнехты», по не совсем справедливой характеристике Болдырева [с. 55]. Очевидно, нет? Я имею в виду, конечно, политическую обстановку того времени. В ней повинны в значительной степени сами «политики», как старался я, иллюстрируя фактами, показать на предшествующих страницах. В слухах и всеобщей тревоге много было преувеличений. Настроения эти рождались по поговорке «У страха глаза велики». Своего рода истерикой было настроение с.-р. Ракова, который встретил Майского такой тирадой: «Что вы тут делаете? Зачем вы не уезжаете из Омска? Бегите возможно скорее из этого проклятого места! Здесь каждый миг вы можете быть убиты или зарезаны. К чему бесполезная растрата сил? Пусть в городе остаются только те, кому это абсолютно необходимо, а прочие должны себя поберечь для дальнейшей борьбы» [с. 307]. Я отнюдь не склонен смягчать условий бытовой обстановки в Омске², которые содействовали внедрению в политику того, что Болдырев назвал «мексиканскими нравами». Но те, которые претендуют на исключительное звание представителей демократии, каждое темное пятно в омской повседневной жизни безоговорочно пытаются поставить на счет «черносотенной военщины» и Сибирского правительств. Так делают большевистские историки, так делает Майский, так делают и эсеровские публицисты.

¹ У министра целых три нелегальных квартиры, что вызывает лишь удивление у не привыкшего к «конспирации» Колчака.

² Вот как описывает англичанин Уорд, сгущая очень краски, эту бытовую обстановку. Он называет ее «неописуемой». «Каждую ночь, как только темнело, начинали раздаваться... выстрелы. Наутро санаторные двуколки поднимали от 5—20 мертвых офицеров... В отчаянии офицеры... без разбора мстили населению»... [с. 79]. Об отдельных убийствах, организованных большевиками, можно найти указания в большевистской литературе о партизанской борьбе. Аргунов, подтверждая факт ночных убийств офицеров на улицах Омска, довольно искусственно объясняет их мстью за пение офицерами в кабачках царского гимна [с. 33].

9 марта, как уже упоминалось, погиб с.-р. Моисеенко — один из активных деятелей «Союза Возрождения» и борцов с большевиками. Среди версий, которые так легко создавались в Омске и которые так охотно распространяла стоустая молва, была и та, что Моисеенко — жертва организации, поставившей себе целью уничтожать членов У. С., дабы оно не могло собраться в прежнем составе¹. Болдырев записывает 1 ноября: «Были эсеры Павлов и Архангельский по поводу исчезновения Моисеенко. Пытались было указать, что эсеры найдут средства для ответа военщине. Я рекомендовал не касаться армии» [с. 89]. Но откуда же следует, что Моисеенко был захвачен офицерами отряда атамана Красильникова, как бездоказательно утверждает Парфенов? [с. 21]. Скорее всего, это было уголовное преступление на почве, конечно, грабежа — Моисеенко был казначеем Съезда У. С., и было известно, что он привез с собой 2 1/2 млн руб.² Во всяком случае, история гибели Моисеенко никак не выяснена. Это не помешало, однако, бывшим членам Директории публично возложить на «совесть»

¹ Руднев С. П. При вечерних огнях. Воспоминания. Харбин, 1923. Слухи эти могли иметь под собой почву в том ожесточении, которое наблюдалось в некоторых военных кругах — это была реакция против «левых», — реакция легко, по выражению Гинса [II, с. 110], впадавшая в крайность.

² Труп, брошенный в Иртыш, носил следы истязаний. Это лишь подтверждает версию о грабеже. Денег при Моисеенко не оказалось, ибо он оставил их в поезде Роговского. Убийство Моисеенко как исключительно уголовное дело охарактеризовал Колосову и беседовавший с ним конспиративно нач. штаба Красильникова кап. Шемякин. Между тем это убийство в Сибири всемерно пытались представить как политический акт. Негодуя на «Зарю», иркутская «Новая Сибирь» [№ 6] писала: «Все (?) знают, что убийство Моисеенко — акт политического террора»... Малоосведомленный о сибирских делах орган парижских членов «Союза Возрождения» «La Russis Dемocratique» повторял лишь чужую, на веру принятую версию, когда в апреле 1919 г. [№ 1] писал: что Моисеенко убит «несколькими царистами, для которых всякий не монархист — большевик».

уже колчаковского Правительства ответственность за убийство Б. Н. Моисеенко¹.

7. Эпитафия Сибправительству

«Сибирское правительство превратилось в пустую игрушку в руках черносотенной военщины», — утверждает Майский [с. 306]. В действительности этого не было. Во всяком случае, в такой характеристике много тенденциозного преувеличения. При такой концепции надлежит вспомнить то, что пришлось отмечать при обозрении деятельности Самарского правительства на территории Комуча: Правительство, демократическое вне сомнений, оказалось бессильным в борьбе с эксцессами военной власти в период гражданской войны. Совершенно неизбежно не только на фронтах, но и в тылу подчас первенствует власть военная. То невмешательство армии в гражданские взаимоотношения, которое пыталось теоретически установить Уфимское Совещание, — фикция в жизни. Многие эксцессы психологически объяснимы; многие эксцессы житейски почти неизбежны. Гражданская война куда ужаснее войны внешней — должен повторить Болдырев. Это truизм. Во всяком случае, не от реакционности того или иного правительства зависело большинство тех эксцессов, которые отмечала жизнь. Не одни рыцари великой идеи, не одни герои действуют на поле брани.

Обстановка в Сибири была гораздо сложнее обстановки самарской. «Атаманщина» здесь, как уже отмечалось, с самого начала получила некоторые специфические черты. Рассеянная на огромной территории, почти самостоятельная в своих действиях², она с трудом подчи-

¹ «По поводу декларации Омского правительства» — ответ Авксентьева, Аргунова, Зензинова и Роговского в газете «Русское Слово» 4 марта 1919 г. [Зензинов. С. 175]. Сам Зензинов, однако, в предшествовавшем своем печатном заявлении 15 декабря назвал убийство Моисеенко «загадочным».

² Калмыков прямо заявлял, что никакого правительства не признает [Болдырев. 26 октября]. Сам член Директории впоследствии так охарактеризовал власть Омского правительства: «Омское градоначальство и не более, авторитет которого идет не дальше города Омска и его слобод» [Будберг. XIII, с. 271].

нилась той законодательной нормировке, которую пытались установить из центра. «Трудность объединения всей этой вооруженной силы... при самом разнообразном понимании событий делала задачу управления чрезвычайно сложной», — замечает главковерх Директории. Весьма мрачно рисуя сибирскую атаманину в своей брошюре, председатель Следственной комиссии Аргунов добавляет: «Сибирское правительство не пыталось бороться с этим злом, ибо даже при желании ничего не могло бы с ним сделать, и зло росло»... Это уже фатализм. Но он знаменателен под пером автора, в брошюре своей выступающего крайне враждебно в отношении Сибирского правительства: «Смертная казнь, военно-полевые суды, репрессии против печати, собраний и пр. — вся эта система государственного творчества быстро расцвела на сибирской почве» [с. 24]. Думается, что кое-какие поправки к изложению Аргунова внесет сам читатель на основании фактов, которые были уже приведены. Других явлений, отмеченных автором, мы коснемся дальше, характеризуя деятельность колчаковского Правительства, ибо аналогичные обвинения будут предъявлены и этой власти¹. И следует запомнить ту характеристику административного произвола, которую дают будущие противники Верховного правителя первому периоду существования освобожденной от большевиков Сибири, ибо они слишком часто потом были склонны этот произвол рассматривать как проявление именно «диктаторской» власти.

И все-таки при всем произволе на местах, при всех эксцессах «реакционно настроенных» офицеров, которые в должностях начальников гарнизонов, командующих отрядами законодательствовали, не оставляя места гражданским властям, сибирская печать — главное орудие общественного мнения — оставалась свободной и разнообразной в своих политических направлениях. Всякий, кто возьмет на себя труд просмотреть эту печать без предвзятой заранее точки зрения, должен будет признать пра-

вильность такого утверждения. Он будет, может быть, несколько удивлен, что наибольшее число регистрируемых печатью эксцессов падает на октябрь и даже на ноябрь месяца¹, когда уже фактически существовала всероссийская власть, правда царствовавшая, но не властвовавшая, не имевшая ни своего правительственного, ни своего карательного аппарата. Эти эксцессы падут на время, когда Сибирское правительство, или, точнее, Админсовет, как бы реакционно оно ни было, должно было усиленно сдерживать своих агентов на местах — к этому побуждала простая тактика Правительства, которому приписывали «тонко» проводимую «интригу».

Зарегистрируем несколько фактов. 11 октября закрыто омское эсеровское «Дело Сибири» [«Отеч. Вед.»]; 19 октября закрыто эсеровское «Дело народа» — орган акмолинского Комитета [«Сибирь», № 79]. Закрыта иркутская «Сибирь» постановлением командующего 4-го сиб. корпуса. Все эти газеты немедленно вышли под другим наименованием. В начале ноября запрещено командующим Юго-Западного фронта оренбургское «Рабочее утро» [«Вл. Нар.», № 127]. 24 октября шадринскому кооперативному съезду, собравшемуся с санкции местных властей, не разрешено приветствовать Областную Думу и Съезд членов У. С. [«Вл. Нар.», № 126]. 1 ноября происходит обыск в барнаульской земской управе по распоряжению начальника гарнизона [«Вл. Нар.», № 126] и т. д. и т. д. Я взял, может быть, несколько случайных фактов. Дабы оценить их, надо произвести по отношению каждого из них своего рода расследование. Вот пример. Ген. Елец-Усов, один из активных борцов за освобождение Сибири, входивший в тайные военные организации 1917—1918 гг., 2 ноября издал приказ в Иркутске по своему 4-му сибирскому корпусу. «Во втором Забайкальском казачьем полку имела место преступная агитация вахмистром... Чечулиным и казаками Григорьевым, Угловским, Тодоровым и... Зайцевым, направленная на свержение власти Сибирского Временного правительства и неповиновение начальникам. Означенные предатели родины

¹ Напр.: «реакционный» закон о выборах в городские и земские самоуправления, утеснение профессиональных рабочих союзов, из которых, по словам большевиков, к концу октября было «более $\frac{2}{3}$ наших».

¹ Напр., в иркутской с.-р. газете «Сибирь».

по приговору военно-полевого суда была расстреляны, а Угловский — приговорен к отдаче на три года в дисциплинарный батальон. Объявляя о сем... подтверждаю, что всякая преступная агитация, как измена родине, будет неумолимо караться по всей строгости закона» [Парфенов. С. 53]. Я при всем желании не могу поверить голословному заявлению большевицкого историка, что «всем было известно, что расстрелянные казаки были социалистами-революционерами и вели агитацию за скорейший созыв Сибирским правительством Учредительного Собрания». Думаю, что это были большевики.

Когда дело идет о шадринском кооперативном съезде, надо учесть обстановку этого съезда, созданного, по словам «Заур. Края» [6 ноября, № 81], «лжекооператорами слева». Можно принципиально с точки зрения последовательного «демократизма» возмущаться приказом ген. Белова по Сибирской армии от 18 октября: «В настоящий момент, когда большевики, взявшие Самару, продолжают свое наступление, когда по железным дорогам перебрасываются наши войска, в этот момент всякие забастовки на железной дороге являются изменой родине и армии... поэтому... приказываю: принять самые решительные меры к ликвидации забастовок, включительно до расстрела на месте агитаторов и лиц, активно мешающих возобновлению работ»... [«Хроника». Прил. 123]. Но не будет ли подобная принципиальность слишком отрешенной от жизни? Можно вообще не соглашаться с подобной тактикой, считать ее практически нецелесообразной, но можно ли огулом записать ее исполнителей в ряды реакционеров, которые пытаются набросить «мертвую петлю на рабочие организации»¹. Я тем более легко ставлю подобные вопросы, что в свое время в 1917 г. печатно протестовал против административного закрытия газет — практика, введенная Временным правительством, — и против смертной казни по суду. Но, если Сибирское правительство пошло на восстановление смертной каз-

ни, неужели это само по себе было признаком реакционного курса? Многие ли скажут это теперь — на тринадцатый год властвования коммунистического большевизма? Впрочем, в работе исторической, а не публицистической не приходится убеждать кого-либо. Надо только констатировать факты. И когда с.-р. фракция Сибоблдумы выносила теоретические протесты и резолюции против военного положения и всех последствий, связанных с ним, — выносили протесты те, кто в тот момент не несли тягот власти. Ясно, что коллизии между принципом и жизнью не разрешало простое декларирование принципов. (Это декларирование имеет значение своего рода *temento mori*, если не является средством простого дискредитирования власти.) Сделайся властью, эти «теоретики», очевидно, пошли бы по пути Комуча, непрерываемый авторитет которого они пытались поддержать в Сибири. На практике этот путь, в смысле репрессий, ничем не отличался от пути, по которому шло и Сибирское правительство. Что сделало бы Правительство Сибоблдумы с органом, отказавшимся подчиниться правительственному распоряжению о предварительной цензуре, как это имело место с упомянутым выше оренбургским «Рабочим Утром»?..¹

Экссессы учащались, ибо осложнилась жизнь и раздражающе действовала вся политическая обстановка. Экссессы на местах росли неизбежно в момент, когда две центральные власти конкурировали между собой и все свое внимание сосредоточивали вольно или невольно на этой борьбе. Не бездействовали и большевики, ведущие не только агитацию. Пользуясь наступившим «безвластием», они организовали свои силы и провоцировали восстания. «Теперь почти при каждом партийном комитете, — констатирует письмо партийного работника в Мос-

¹ Вот пример. «Кровавая государственная власть» в Приморской области, т. е. эсеры, в сентябре 1918 г. без всяких реальных поводов запретила «ввиду антигосударственного направления» неугодные ей органы печати, желая тем самым «прекратить смуту, сеянную газетами». По-видимому, из этой радикальной попытки ничего не вышло, так как типография указанных газет «оказалась охраняемой японскими солдатами» [Материалы Вр. Пр. Авт. Сибири. — «Кр. Арх.». XXXVI, с. 43].

¹ См., напр., протест против разрушения профессиональных организаций со стороны томского «Железнодорожника» в № 19 от 6 ноября.

кву от 29 октября, — имеется военная организация как для работы в войсках, так и для организации рабочих военных дружин» [«Хроника». Прил. 252].

Между первым и двенадцатым ноября произошел ряд бунтов в тюрьмах: Тобольской, Екатеринбургской, Челябинской, Семипалатинской, Омской, Каинской, Ново-николаевской, Томской, Мариинской, Красноярской и Иркутской. Парфенов не преминул сообщить своим читателям, что это был «гигантско-зверский план уничтожения политических заключенных на законном основании» [с. 65]. Парфенов рассказывает довольно фантастическую историю, неизвестно откуда почерпнутую, о том, как Иванов-Ринов поручает Волкову, Красильникову и Катанаеву выработать соответствующие законные способы ликвидации политических заключенных; как «секретным распоряжением соответствующим начальникам гарнизона приказывается спровоцировать политических заключенных возможностью восстаний и уничтожить их, как бунтовщиков»; как в «некоторые города посылаются даже специальные провокаторы из Омска». Опровергать эти большевистские легенды, правда, не стоит. Нам придется позже коснуться одного бунта, тоже «спровоцированного» властью, — бунта, сопровождавшегося в Омске трагическими для власти обстоятельствами в конце декабря. Шила в мешке не утаишь, и здесь будет видно, с чьей стороны шла эта провокация. Сами большевики проговорились. Но и про ноябрьские бунты можно сказать словами томской «Народной Сибири» (орган эсерствующего направления): это были бунты уголовно-большевицкие, бунты, организованные комиссаро-державцами, «не брезгающими ровно никакими средствами для достижения своих преступных целей» (10 ноября).

Сибирскому правительству пришлось столкнуться и с начавшимся крестьянским движением. Оно прокатывается уже «волной» с августа и сентября. История крестьянского движения в Сибири в годы 1918–1919-е сложна, и я коснусь ее в особой главе, приуроченной к разгару этого движения в период уже колчаковской власти. Важность установления нормальных отношений в деревне прекрасно понимала власть, о чем свидетельствует хотя бы речь

Вологодского на первом заседании Совета министров Всероссийского правительства. Он, между прочим, отмечал, что деревня, не имевшая еще своего волостного земства, жила обособленно от государственной жизни и распоряжалась самостоятельно. Это не была самостоятельность, это была анархия — во всяком случае в смысле государственном. Быть может, здесь и был корень зла, а вовсе не в том «реакционном» законе о земле, как думает Аргунов, который издало Сибирское правительство (кстати, тогда, когда Админсовет не захватил еще власти). Мне кажется очень типичным донесение Гаттенберга (томского губ. комиссара) мин. вн. дел 26 октября о восстании в Мариинском уезде — здесь уже отмечены многие черты, характеризующие последующие повстанческие движения среди сибирского крестьянства... «Причиной восстания служили провокационные слухи о падении власти Сибирского правительства, захвате крупных сибирских городов, сообщении об отобрании у крестьян союзниками 95% хлебных запасов, лошадей, фуража. Элемент восставших — в большинстве красные Мариинского фронта при июньских боях, с наступлением холодов вышедшие из таежных пространств с оружием и провоцировавшие крестьян. Установлена причастность к организации восстания ответственных работников местного союза кооперативов, принявшего бывших советских деятелей; в помещении кооператива найдены патроны, свыше тысячи; скомпрометированы члены уездземуправы: Фролов, Ларин при безусловной осведомленности остальных членов управы; скрывавшийся председатель земельного отдела управы Берестовский, ориентации центра партии с.-р., оставил в своем письменном столе собственноручное воззвание к населению с призывом восстания и др. компрометирующие документы... Арестованы в Мариинске пока 20 человек, в том числе члены управы и почти все правление кооператива» («Хроника». Прил. 134).

***

3 ноября (нов. ст.) Сибирское правительство, или Адм. Совет, закончило свое официальное существование. Исчезая формально с исторической сцены, оно опубликовало следующую грамоту:

«Приняв на себя верховную власть после свержения большевиков в Западной Сибири, Временное Сибирское правительство с величайшим напряжением сил осуществляло свою трудную задачу дальнейшего освобождения всей Сибири и укрепления в ней начал законности и порядка.

Тяжелое бремя выпало на долю Сибир. прав.: ему досталось народное достояние разграбленное, промышленность разрушенная, железнодорожное сообщение расстроенное. Заново приходилось строить власть, заново создавать порядок в условиях непрекращающейся борьбы. Славное русское офицерство и казачество и самоотверженные отряды добровольцев, опираясь на братскую помощь доблестных чехов и словаков, героически боролись за освобождение страны.

Ныне на всем пространстве Сибири действует единая власть. Вновь созданная молодая, но сильная духом армия. Учреждено подзаконное управление.

Работы по укреплению новой государственной власти в Сибири еще далеко не закончены, но в помыслах о благе сибирского населения не могут быть забыты интересы истерзанной России.

Наша родина истекает кровью. Она отдана большевиками на поток и разграбление немецким пленным и разнузданным бандам русских преступников.

Приближается конец мировой войны. Народы будут решать свою судьбу, а великая раньше Россия, в этот исключительно важный момент, может остаться разрозненной и заполоненной. Без великой России не может существовать Сибирь. В час величайшей опасности все силы и все средства должны быть отданы на служение одной самой важной задаче — воссозданию единого и сильного Государства Российского. Эту ответственную задачу приняло на себя Временное Всероссийское правительство, на Государственном Совещании в Уфе избранное и верховной властью облеченное. Единой воле этого Правительства должны быть подчинены все силы и средства управления, и дальнейшее существование нескольких областных правительств представляется ныне недопустимым.

В сознании священного для всех народов и частей России патриотического долга, Сибирское правительство, получив гарантии, что начала автономии Сибири будут восстановлены и укреплены, как только минуют трудности политического положения России, ныне во имя интересов общегосударственных п о с т а н о в и л о: отмену декларации 4 июля 1917 г. «О государственной самостоятельности Сибири» сло-

жить с себя верховное управление и всю полноту власти на территории Сибири передать Временному правительству Всероссийскому» [«Хроника». Прил. 120].

Оценка роли и значения Сибирского правительства будет всецело зависеть от нашего подхода к гражданской войне. Взгляды здесь столь различны, что примирить их невозможно. У одних та тактика, которой держалось Сибирское правительство, будет вызывать положительное отношение; у других — всегда резко отрицательное.

Мои политические симпатии совершенно неизбежно, конечно, выступают в исторических оценках. Если бы в дни гражданской войны я был в Сибири, мне кажется, что в общем я солидаризировался бы с линией кооператоров и с их омской газетой «Заря». Бывший член Директории Зензинов называет этот орган правым, по смешному недоразумению именовавший себя социалистическим (в письме в «Общее Дело»). Но такая «правизна» мне представляется и подлинно государственной, и национальной в ответственные дни испытания зрелости русской демократической интеллигенции. Поэтому мне и кажется наиболее правильной позиция той части сибирской демократии, которая шла нога в ногу с А. В. Сазоновым и его друзьями — пытавшимися еще в дни предпарламента в Петербурге создать фракцию «с.-р.-ов-государственников»¹.

И вновь несомненным мне кажется одно — Сибирское правительство не было реакционно. Кто возьмет на себя труд просмотреть «Собрание узаконений и распоряжений Вр. Сиб. пр.» или познакомиться хотя бы с обзором его деятельности, сделанным проф. Рязановским в сибирском «Прав. Вестнике» (уже колчаковского периода) в № 180—186², тот не усмотрит специфической реакционности, отмечаемой противниками Сибирского правительства из лагеря будущих «нинистов» (ни Ленин, ни Колчак). В эсерствующей иркутской «Сибири» [№ 52 от

¹ Чернов Вик. Записки соц.-рев. Изд. Гржебина. Берлин. С. 49.

² В № 191—195 помещен такой же обзор деятельности Директории.

4 сентября] я несколько неожиданно встретил такую характеристику Сибирского правительства в его целом: «Несомненно, Сибирское Временное правительство показало себя действительно твердой властью, и нельзя не пожелать, чтобы и впредь Правительство шло таким же твердым путем»... Статья эта появилась перед Уфимским Гос. Совещанием — в ней, вероятно, сказалась тактика момента. Во всяком случае, сентябрьские события в Омске, поскольку дело касалось конфликта Админсовета с Облдумой, не провели грани между двумя периодами деятельности Сибирского правительства. Недаром реалистически мыслящий с.-р. С. С. Маслов, посланец Архангельского правительства, лишь приветствовал в письме к Н. В. Чайковскому роспуск Областной Думы — этого «разнузданного совдепа».

8. Упразднение областных правительств

На смену Сибирскому правительству пришло новое Всероссийское. Мы, конечно, не знаем, как фактически сложилась бы власть Директории, ибо дни ее были слишком кратковременны и она не могла себя достаточно проявить в конкретной деятельности. Конечно, при ее разнородном составе она была бы обвинена со стороны более левых, чем она, в реакционности — обвинения в попустительстве уже раздавались. Она бы сделалась очень скоро «игрушкой в руках реакционного офицерства». Правда, Болдырев «был спокоен и держался уверенно». Он говорил, что «мало-помалу военных приберет к рукам». «Производило впечатление, — говорил Кроль, — что Болдырев верит тому, что он нам говорит» [с. 147]. Самому же Кролю это казалось только странным, ибо «справиться с некоторыми военными кругами Директория была совершенно бессильна» [с. 149].

Если бы «слева» была иная тактика, может быть, Директория действительно справилась бы со своими трудными задачами. В создавшейся конъюнктуре положение ее было безнадежно. Для непосредственных участников Директории вполне понятна несколько преувеличенная оценка того, что они успели сделать. В интервью Авк-

сентяева, данном в декабре американскому журналисту Бернштейну, говорилось:

«В течение своего краткого 2-месячного существования ему (т. е. Всер. пр.) удалось увеличить свой авторитет, удалось завоевать доверие как со стороны населения и армии, так и со стороны местных судебных установлений. Архангельское, Уральское, Закавказское и Закаспийское правительства по собственной инициативе признали власть Вр. Всерос. пр. Ему подчинились также такие авантюристы, как Семенов и Калмыков» [Зензинов. С. 183].

Эпитафия Директории, написанная Болдыревым, еще больше подчеркивает ее заслуги:... «Люди, составлявшие Директорию, пытались обойтись без расстрелов и казней, не хотели особенно злоупотреблять и тюрьмой, это было расценено как слабость и привело к взрыву изнутри... Изю дня в день велась и явная и скрытая разрушающая работа, обезвреживание которой поглощало почти все время членов не успевшей еще окрепнуть Директории... И тем не менее за столь короткий срок своего существования Директория организовала фронт, подчинила чехов, добилась добровольного самороспуска Сибирской Областной Думы, самоупразднения областных правительств, расширила свое влияние за пределы ее территории»... [с. 120].

Может быть, некоторые заслуги Директории в оценке Болдырева были фиктивны¹. Одну «историческую миссию», как говорил проф. Рязановский в упомянутом обзоре законодательной деятельности государственной власти в Сибири» [«Пр. Вест.», № 195], Директория совершила — она начала собрание России и ликвидировала областные правительства. Казалось бы теоретически, что областные правительства, возникшие в процессе борьбы с большевизмом, должны были только содействовать «собираанию России», в действительности в ненормальных

¹ Вегман, комментатор воспоминаний ген. Болдырева, не без основания указывает, что роспуск областных правительств, в сущности, был требованием Сиб. правительства. О заслугах В. Г. Болдырева по организации фронта мы скажем во второй части своей работы в общей оценке стратегического положения.

условиях жизни они создавали лишь тормоз для центральной власти, плодили недоразумения и конфликты¹.

Грамотой 6 ноября Директория ликвидировала правительство. «Подтверждая ныне непреклонную волю признать и предоставить отдельным частям Государства Российского права широкой автономии, провозглашенные в грамоте, данной в городе Уфе 11—24 сентября 1918 г., — гласил документ 6 ноября, — и в полном сознании великой ответственности перед народами России, Вр. Вс. пр. в исторический момент создания единого и крепкого государства признало необходимым установить: с образованием органов центрального управления всероссийской власти на ближайший период времени все без исключения областные правительства и областные представительные учреждения должны прекратить свое существование»... [«Хроника». Прил. 124]. Грамота сопровождалась специальными указами правительствам Урала, Совету упр. ведомств, Алаша-Алаш-Орды [Прил. 126—128]. Несомненно, личный состав Директории облегчил дело упразднения местных правительств: только Директория могла заставить, напр., владивостокское земство, претендовавшее на роль областной власти, признать центральное Правительство².

Кроль, видевший в упразднении областных правительств нарушение уфимской конституции³, конечно, не противодействовал тому, чтобы Уральское правительство

¹ Л. А. Кроль считал это величайшей ошибкой, ибо упразднение областных правительств лишало Директорию всякой опоры [с. 145]. Любопытно, что и ген. Акулинин в «Общем Деле» также позже склонен был объяснять неудачу Сибирского правительства централистическими устремлениями.

² Замечание это принадлежало В. Н. Львову, с неизданными воспоминаниями которого о Сибири я мог познакомиться в силу любезности Я. П. Поволоцкого.

³ Кроль уверяет, что Авксентьев соглашался с тем, что указ Директории является нарушением «конституции», но не видел другого выхода. У Болдырева имеется не совсем понятное указание, помеченное датой 31 октября: «Снова решали участь Уральского (Екатеринбургского) правительства. Авксентьев опять предлагал больше, чем у него просили. Я решительно высказался против возникшей мысли — о новой Областной Думе в Екатеринбурге»... [с. 89]. Областная Дума там, где был Съезд членов Учр. Собр.?!

беспрекословно сложило свои полномочия во имя подчинения «верховному водительству» всер. власти. Не подчинялись или пытались не подчиниться по «мотивам политическим» лишь остатки Комуча. Это достаточно характерно.

Провел Авксентьев и «самороспуск» Областной Думы. Формально все прошло гладко. Дума приняла резолюцию, которая, сохраняя обычную риторику, гласила: ... «Дума, исходя из общих интересов родины и завоеваний революции, требующих полного объединения всех разрозненных частей страны вокруг одного государственного центра, выносит решение о прекращении своих работ как органа областного управления автономной Сибири... Дума видит... только один выход... скорейший созыв Сибирского У. С. на основе четырехчленной формулы с применением пропорционального представительства» [«Хр.». Прил. 130]¹.

На деле все прошло вовсе не так «гладко», как представляли члены Директории. «Авксентьев, кажется, имел успех и оации», — записывает Болдырев 10 ноября. К сожалению, у меня не было отчета о заседании Думы, о котором упоминает в своем добавлении Вегман. Он отмечает, что Авксентьев, встреченный при появлении «оациями» (официально Авксентьев ехал «приветствовать» Думу от Правительства), «сходит с трибуны при всеобщем молчании». Настроение членов Сибоблдумы не было восторженным. Хорошо осведомленный во внутренних партийных делах Святицкий совершенно определенно говорит, что Дума, или точнее главенствующая эсеровская фракция, «не соглашалась на самозакрытие»: «благодаря работе наших левоэсеровских депутатов настрое... было весьма боевым». Авксентьеву «пришлось употребить в дело все свое красноречие, чтобы во фракции составилось большинство в несколько голосов, одобрявшее самороспуск» [с. 92].

¹ Указ Сибирского правительства 3 ноября одновременно с самоликвидацией учреждал комиссию по выработке положения о выборах во всесибирский представительный орган. В комиссии впервые вводился «представитель от Совета сибирских съездов представителей торговли и промышленности» [«Хр.». Прил. 129].

Гинс передает довольно символистическую сцену, заключившую самороспуск Думы: «Член ее Гольдберг закончил свою речь словами: «Не бойтесь, товарищи, мы 1 января опять появимся». — «Слышу!» — раздался глухой и злобный ответ» [I, с. 292].

В общественных кругах, как утверждали парижский доклад Ключникова и омский «Бюл. Союза Возр.», акт «самороспуска» Думы был воспринят лишь как признак слабости Директории. Евг. Маевский в челябинской газете «Власть Народа» впоследствии (22 ноября) писал, что Директория «самороспуском» Думы сделала без всяких потрясений то, что не могло сделать старое Сибирское правительство «без применения грубой физической силы»... Он был бы прав, если бы у Сибоблдумы была хоть какая-нибудь реальная опора... Сибирское правительство, очевидно, распустило бы Думу если и не так гладко, как это сумел своим красноречием сделать Авксентьев, то также без применения физической силы.

9. Эсеровская «прокламация»

Мы вновь должны вернуться к Екатеринбург, к деятельности Бюро Съезда членов У. С., готовившего, в сущности, удар в спину Директории. Со слов Святицкого, мы знаем, что резолюцию ЦК партии 11 октября, пытавшуюся аннулировать вред, нанесенный демократии Уфимским Совещанием, Бюро Съезда широко разослало по всем направлениям в виде обращения ЦК к партийным организациям. Послано было это обращение и в Омск. То, что вообще делалось в это время в Екатеринбурге и Уфе, было вовсе не так безобидно, как пытались впоследствии представить входившие в Директорию члены партии с.-р. в статье, напечатанной в нью-йоркском «Русском Слове» [4 марта 1919 г.] и опровергавшей «фантазии» в декларации колчаковского Правительства¹. В этой статье они писали: «Утверждение о том, что Авксентьев и Зензинов

были в плену у Центр. Ком. своей партии и проч., все это фантазия составителей декларации. Правда же состоит в следующем: Центр. Ком. партии издал инструкцию к партийным организациям, в которой призвал не к открытой и «вооруженной борьбе с верховной властью (т. н. Директорией?) и созданию партийных эсеровских войск» (даже не войска, а войск!)¹, как говорится в декларации Омского правительства, а, наоборот, к поддержке Всер. прав. (несмотря на его уклонения, по мнению Центр. Ком., от настоящей тактики), к отпору надвигающейся реакции, которая усматривалась им, главным образом, в поведении агентов Сибирского правительства, и к созданию военных партийных организаций. Осведомившись об этом через представителей правых кругов (?) омского общества, которые постарались всячески распространить инструкцию Центр. Ком., Директория единодушно (в том числе, следовательно, и члены-социалисты) признала выступление Центр. Ком. антигосударственным и, несмотря на то что инструкция Центр. Ком. призывала к поддержке ее, постановила произвести расследование. Вместе с тем ген. Болдыреву, уезжавшему на фронт, как члену Директории и главнокомандующему, было поручено беспощадно подавлять не только какие-либо партийные организации, но и попытки к созданию таковых».

Резолюцию ЦК, его декларацию и вообще всю позицию большинства руководящего партийного органа лишь весьма относительно, конечно, можно назвать «поддержкой» Директории. «Увы, — комментирует Святицкий, — правая часть Съезда (т. е. значительное меньшинство. — С. М.) была неискоренима. Будто ничего не понимая и совсем не разбираясь в происходившем, правые... с пеной у рта нападали на Съезд за его «бунтарские» и «революционные» предложения. «Покусаться на Директорию в такой момент, когда все наши силы должны быть отданы на ее поддержку», — возмущались они²...

¹ Статья появилась за подписью Авксентьева, Аргунова, Зензинова, Роговского. Она перепечатана в сборнике Зензинова [с. 172 и др.].

¹ Фактически дело шло, как мы знаем, о создании особых чешско-русских дружин со специфическим назначением.

² «Прокламация» эсеров «носила характер явной угрозы по адресу самой Директории», — замечает с своей стороны Кроль.

Большинство частного совещания было не на их стороне... Большинство высказалось за назначение в ближайшие дни закрытого пленума Съезда, посвященного обсуждению нашего отношения к Директории» [с. 89]. Заседание пленума было назначено на 23 ноября, но оно не состоялось, так как раньше в Омске произошел «государственный переворот».

Буря в Омске началась именно тогда, когда там появилась эсеровская декларация. Я должен несколько подробнее остановиться на этом важном моменте, если не определившем переворот, то его ускорившем, так как в возникшей полемике по этому поводу выступают различные контрверсы.

Под 7 ноября Болдырев записывает... «В Правительстве я резко выступал по поводу появления прокламации ЦК эсеров. Они, видимо, ничему не научились и начинают снова свою разлагающую работу. Пригрозил арестом ЦК. Авксентьев просит обожждать его возвращения из Томска, куда он едет проделать процедуру самопуска Областной Думы. Прокламация произвела переполох. Ставила под удар Директорию и страшно озлобила военных. Нокс через консула в Екатеринбург сообщил чехосовету¹, что в Англии за такую проповедь расстреляли бы авторов и что, если Чернов будет продолжать дальше, он напишет, чтобы сюда не давали ни копейки»² [с. 93].

В обращении ЦК к партийным организациям заявлялось, что «разрешение задачи организации власти на Гос. Совещ. в Уфе достигнуто не было»³... «Центром тя-

¹ Зензинов говорит, что заявление Нокса было сделано Авксентьеву и получило с его стороны «должный отпор» за непрошеное вмешательство в нашу внутреннюю политику [с. 191].

² «По правде сказать, — добавляет Болдырев, — от этого мы мало страдаем: все равно ничего не дают».

³ Чрезвычайно характерно: до сих пор никто не дал полного текста этого документа. Нет его и в собрании материалов, изданных Зензиновым. Между тем именно Зензинову надлежало опубликовать его, так как он считает документ безобидным и направленным на поддержку Директории. Приходится пользоваться пока изложением Болдырева.

жести своей практики, — гласило обращение, — партия с.-р. должна сделать собрание собственных и примыкающих к ней демократических сил вокруг У. С. и его преддверия Съезда членов У. С. Работа Съезда должна быть для масс трудовой демократии пропагандой в пользу будущего Правительства, ответственного перед У. С., соответствующего социально-политической линии поведения его большинства и по своему составу достаточно однородного для того, чтобы проводить эту политику не только на словах, но и на деле»... «Еще менее осторожным, — говорит Болдырев, — было дальнейшее заявление, что “в предвидении возможности политических кризисов, которые могут быть вызваны замыслами контрреволюции, все силы партии в настоящее время должны быть мобилизованы, обучены военному делу и вооружены с тем, чтобы в любой момент быть готовыми выдерживать удар контрреволюционных организаторов гражданской войны в тылу противобольшевицкого фронта”»... «В сущности, это были пока только слова, клочок бумаги¹, и не в них весь вред неосторожно появившейся прокламации, — комментирует позднее Болдырев. — Вред в том, что она оказалась козырем в руках Сибирского правительства²... Военные, — вновь добавляет Болдырев, — поголовно кипели негодованием. Удерживать равновесие между борющимися крыльями стало труднее» [с. 94].

Это все, что записано в дневнике у Болдырева, столь подробно останавливавшегося даже на мелочах... Из его изложения вытекает, что Правительство отложило обсуждение вопроса до возвращения в Омск Авксентьева. Святицкий в своей книге рассказывает о заседании Правительства со слов приехавших в Екатеринбург депутатов, т. е. передает версию омских социалистов-революционеров. «Известно ли членам Директории, — спросил Болдырев, — что некоторые важные посты в государстве занимают членами партии, ведущей против Директории подкопы? Например, пост управляющего делами печати занимается эсером и членом ЦК этой партии Ми-

¹ В действительности это было не так.

² Фактически его уже не было к этому времени.

ниным». Зензинов возразил Болдыреву: «Минин не член ЦК, но вам незачем так далеко ходить: вам, должно быть, известно, что члены Директории: Авксентьев и Зензинов — члены той же партии, а Зензинов к тому же действительно является членом ЦК этой партии». «Но я думал, — возразил Болдырев, — что вы вышли уже из состава этой организации, в отношении которой я хочу возбудить вопрос о допущении ее дальнейшего существования». — «Что же вы хотите сделать?» — «Я думаю, что после появления возмутительной декларации ЦК партии с.-р., этот Комитет необходимо арестовать». Тут вмешался Авксентьев, сказав, что он находит, что этот вопрос, как и вопрос о самом существовании Директории, надлежит поднять и всесторонне выяснить, но он просит Директорию отложить выяснение вопроса до его обратного приезда из Томска... Вопрос, таким образом, был отсрочен, но Директория уже не могла вернуться к нему» [с. 92–93].

В сущности, в итоге этот рассказ совпадает с изложением Болдырева. Впоследствии официальное сообщение нового Правительства упрекало бывших членов Директории в том, что они недостаточно реагировали на антигосударственный призыв эсеровской партии. Обвинение это больно задело членов Директории из партии с.-р. В резкой статье, напечатанной 22 октября 1919 г. в «Общем Деле» и озаглавленной «Правда о неправде», Зензинов отвечал:

«В последних числах октября заведывавший всероссийским телеграфным агентством А. А. Минин принес мне полученную им от своих корреспондентов телеграмму из Уфы. В этой телеграмме подробно передавалось «Обращение Центр. Ком. партии с.-р. к партийным организациям»... Ознакомившись с содержанием этого обращения, я тут же отдал распоряжение А. А. Минину ни в коем случае этого документа не опубликовывать, ибо мне казалось, по меньшей мере, бестактным призывать к поддержке Правительства, подвергая его действия критике, а призыв к вооружению, от какой бы партии он ни исходил, я считал недопустимым. Затем я сообщил о сделанном мною распоряжении Н. Д. Авксентьеву, который его вполне одобрил» [Зензинов. С. 190]... «При содействии

правых кругов дело о «прокламации ЦК», — продолжает автор, — приняло большие размеры — оно обратило на себя внимание гораздо больше, чем вообще того заслуживало. Ввиду этого я, по собственному почину, вызвал из Екатеринбурга к прямому проводу членов ЦК М. Я. Гендельмана и Ф. Ф. Федоровича и просил их передать ЦК мое и Авксентьева мнение о совершенной недопустимости подобного рода обращений. При этом само обращение подвергнуто было мной очень резкой критике с указанием на его печальные последствия, которые подобные акты ЦК могут иметь. — Я имел в виду визит ген. Нокса (!!) к Н. Д. Авксентьеву» [с. 191]. Само заседание Зензинов изображает так: «Вологодский и ген. Болдырев высказались за немедленный арест Центр. Ком. Кроме того, Вологодский лично мне поставил вопрос об этом обращении, так как ему было известно, что до вхождения моего в Правительство я был членом Центр. Ком.: «Спрашивал ли у вас ЦК разрешения на выпуск подобного рода обращения и что вы имеете в виду сказать по поводу моего предложения об аресте ЦК?»

Я ответил на это, что, во-первых, считаю деятельность всех политических партий совершенно независимой от деятельности Правительства и потому мне представляется странным вопрос о моем разрешении, а, во-вторых, что касается требования об аресте ЦК, то полагаю, что в этом должны разобраться судебные власти. И если судебные власти установят противогосударственность действий ЦК и членов партии с.-р., то я выскажусь не только за арест ЦК, но и всех членов партии с.-р., но при одном условии — если одновременно будут также арестованы и все виновные в противогосударственных деяниях справа, вроде, напр., офицеров, певших на днях в Красноярске и Омске «Боже, Царя храни» при официальных встречах союзников. К моей точке зрения вполне присоединились Н. Д. Авксентьев и В. А. Виноградов. Правительство постановило начать против ЦК судебное расследование, поручив это дело генерал-прокурору, т. е. министру юстиции Старынкевичу. Через несколько дней, когда мы возвращались с заседания, ехали в одном автомобиле — Авксентьев, Старынкевич и я, — мной был задан

вопрос Старынкевичу, в каком положении находится это дело. Он мне буквально ответил следующее: «Все это дело раздуто, и, по-видимому, никакого состава преступления в обращении ЦК найдено не будет»» [192—193].

Мы, конечно, не имеем основания не верить В. М. Зензинову. Но память не всегда точно воспроизводит прошлое¹, и особенно в том случае, когда мемуарист стремится к тому или иному самооправданию (в данном случае для Зензинова статья не носила даже характера воспоминаний). В таких случаях память иногда невольно делает соответствующий скачок. Зензинов излагал недавние события в состоянии еще некоторой запальчивости и раздражения². Слишком болезненно ударил по Директории переворот 18 ноября. Члены Директории пытались честно до конца выполнить свои обязательства — так, как каждый из них их понимал. Вот характерное письмо за подписью Авксентьева и Зензинова, которое приводит Святицкий и которое было получено в Екатеринбурге за несколько дней до событий, освободивших авторов письма от принятых на себя обязательств: они перестали быть «мучениками компромисса». «Мы живем, — гласило письмо³, — как на вулкане, готовом

¹ Член Директории, очевидно, неясно себе представляет юридическую конструкцию власти: непосредственного распоряжения от Директории Старынкевич получать не мог; дело должно было пройти через Совет министров.

² Статью свою он начинал словами: «Немало лжи и глупостей было написано о партийности и негосударственности избранного в Уфе Вр. Вс. правительства... Делают это либо по неведению, либо ради определенных политических соображений... Я не только убежден, но я знаю на верное, что все беспристрастные люди, свидетели и участники этих событий, независимо от их собственных политических взглядов, полностью подтвердят правильность моих показаний, которые будут носить исключительно фактический характер».

³ Святицкий утверждает, что это письмо было адресовано ЦК партии. То ли это письмо, о котором в официальном правительственном сообщении говорилось: «30 октября, уже после появления прокламации, З. представил Комитету доклад о деятельности Вс. пр.». Сам Зензинов называл это «частным письмом к некоторым членам ЦК» [с. 188].

ежеминутно начать извержение. Каждый вечер мы сидим и ждем, что нас придут арестовать. Но по совести должны сказать, что иного пути, чем тот, на который мы вступили, мы не видели и не видим. Мы хорошо понимаем упреки, обращенные к нам: мы сами отнюдь не удовлетворены тем составом всероссийского Совета министров, который создан в результате соглашения, но действовать по-иному, вступить на путь раскола и междоусобной брани мы не хотели, да и не могли. Мы ждем случая, чтобы поставить ребром вопрос о нашем дальнейшем пребывании в составе Директории, а пока мы хотели бы одного: то, что должно случиться, чтобы случилось скорее!» [с. 91].

Пожалуй, приходится только пожалеть, что честность заставляла их оставаться в Директории тогда, когда для них самих стало ясно их бессилие (*post factum* они этого бессилия не признавали).

Понять психологию заместителя Чайковского в Директории не трудно: он был, по выражению Ракитникова, принесен в «жертву реакции» [Распад. С. 33]. Но объективно факты не за ту концепцию, которую он дал в своей статье. Прежде всего, правительственное заседание, которое описывает Зензинов, не могло быть 5 ноября. Вспомним, что это был день первого заседания нового Совета министров. Допустим, что здесь или невольная ошибка памяти, или, что еще проще, типографская опечатка. Заседание это не могло быть и 7-го, когда, по словам Болдырева, он пригрозил арестом ЦК. Пение гимна на банкете в Омске при официальной встрече союзников, о чем упоминает Зензинов, происходило 13 ноября. 15-го утром Болдырев уехал на фронт. Не могло при таких условиях происходить через несколько дней заседание, на котором было принято столь определенное решение по отношению к эсеровскому ЦК. Надо предположить, что решение было принято только после отъезда Болдырева. Это мало правдоподобно. Скорее всего, Зензинов излагает частные беседы, споры и предположения, которые возникали в то время в правительственной среде. Предположения Зензинову рисуются уже решения-

ми. Конечно, это только догадки, основанные на контекстах мемуаристов¹.

Некоторое недоумение вызывают и другие места статьи Зензинова. Трудно как-то поверить, что Авксентьев и Зензинов — лица, занимающие центральные места в партии с.-р. (неважно, что в тот момент Авксентьев не входил в состав ЦК), лишь случайно узнали об обращении ЦК 11 октября. Как-то невероятно, что «правые» члены Съезда, протестовавшие против резолюции ЦК, не осведомили своевременно о своих шагах Омск. Они имели ряд совещаний перед пленумом Съезда 6–7 ноября. Кроме того, в Омске находилась специальная делегация от Бюро Съезда, которая должна была воздействовать на членов Директории.

Можно не сомневаться в том, что и Авксентьев и Зензинов (и особенно первый) отрицательно относились к позиции своего ЦК². Но ведь вопрос в том, выявили ли они внешне достаточно определенно свое отрицательное отношение. В этом внешнем выявлении была вся суть дела — широкая публика не могла знать, что делается внутри партийных фракций. На поставленный вопрос приходится ответить отрицательно: Зензинов и позже отнесся весьма легко к прекарной резолюции своего ЦК.

«Прокламации нельзя приписывать решающее значение», — говорил Ключников в парижском докладе. Конечно, это так. Содействовала вся обстановка. «Прокламация» была лишь одним из «звеньев» в цепи фактов. «Прокламация, — правильно отмечал сам Авксентьев в цитированном письме товарищам своим на Юг, — была последним гвоздем в гроб Директории». «Лучшего подарка — по его мнению — реакция ждать не могла». Не

¹ Разъяснить загадку могли бы протоколы Директории, если они велись и сохранились. Парфенов не приводит того помеченного 13 ноября распоряжения Директории Старынкевичу о предании суду ЦК эсеров, на которое он ссылается [с. 68]. По-видимому, большевистский историк механически повторяет здесь версию В. М. Зензинова.

² Н. Д. Авксентьев не был выбран в число членов ЦК партии, так как последний Съезд партии, по выражению эсеровской «Воли Народа», прошел «под знаком большевизма».

находятся ли, однако, эти слова Н. Д. Авксентьева в некотором, по крайней мере, противоречии с коллективным заявлением бывш. членов Директории, напечатанным в харбинской газете «Маньчжурия» 15 декабря 1918 г.:

«Не злоумышленная деятельность эсеров, а давнишняя, особенно прочно свившая себе гнездо в г. Омске, надежда правых кругов на осуществление единичной военной диктатуры толкнула на борьбу с коалиционной демократической властью, на борьбу с целью ее свержения, чтобы затем начать осуществлять классовую антидемократическую политику расправы за прошлое» [Зензинов. С. 166)].

«Нет ни одного акта в деятельности Директории и поведении ее членов, принадлежащих к партии социал-революционеров, который давал бы право говорить об антигосударственности, подчинении приказам ЦК партии, стремлении «разложить» молодую русскую армию», — говорили бывшие члены Вр. Вс. пр. в том же заявлении 15 декабря. Они правы. Но в сущности, правительственное сообщение, во многом неудачное, обвиняло их больше всего в нерешительности, вызвавшей «сильное неудовольствие». В этом правительственное право. В правых общественных кругах — и не только в правых — отношение к эсерам было такое же, какое у эсеров к «контрреволюции», подчас мнимой. Эта своего рода «эсеровская боязнь», ведущая свое происхождение от ненависти к тому «роковому человеку» (т. е. к Чернову), влияния которого на партию боялся и сам Авксентьев, нередко заходила слишком далеко. Надо помнить, что в Сибири в руководящих органах партии сторонники «рокового человека» оказались в большинстве. У противников «черновцев» не хватало такта, а может быть и мужества, вполне определенно и резко отгородиться от бывших своих политических единомышленников. Это их вина. Мешал здесь отчасти и контрреволюционный гипноз, боязнь, при некоторой гипертрофической оценке значения левой общественности или «организованной демократии», потерять связь со своим политическим центром. «Третьей силы», на которую рассчитывали творцы эсеровской тактики в годы гражданской войны, не оказалось.

Отсюда бесплодие их при создании новой государственной жизни. «Третья сила», которую они пытались создавать, фатально шла в большевицкое русло. Практически деятельность эсеровского ЦК в сибирский период разрушала то государственное дело, которое — плохо или хорошо — пытались делать другие. Для того чтобы доказать противоположное, надо прежде всего доказать, что весь текст Святицкого, подтверждаемый и другими источниками, представляет из себя нечто вымышленное. Пока нет оснований сомневаться, что черновским alter ego довольно точно изображены и настроения, и попытки действовать этих «левых»¹. Поэтому так одиозна становилась в глазах многих, очень многих, а не только в несколько примитивном сознании не искушенных в нюансах партийной политики казачьих офицеров из атаманских противобольшевицких отрядов, формальная связь членов Директории с ЦК партии. В. М. Зензинов несколько наивно пытается представить партийную связь как выслушивание Директорией «мнений, соображений и предложений», исходивших от различных организаций: «Правительство не могло жить в безвоздушном пространстве, оно обязано было прислушиваться к мнению всех политических партий и с ними считаться» [с. 188]. В действительности, как было много раз установлено выше, связь с екатеринбургскими эсерами, с ЦК и Бюро Съезда не была только формальной — связь эта была гораздо более тесной². В «плёну» у ЦК Директория не была, но руки у нее были до известной степени связаны. Это было общее мнение общественных кругов, поддерживавших Сибир-

¹ Чернов обвинял меня за то, что я выуживаю у Святицкого как раз все «субъективное» и даже вычитываю нечто «противоположное» тому, что в книге имеется. Так как книга Святицкого в эмиграции является большой библиографической редкостью — ее нет даже в пражском книжном фонде при Архиве, я вынужден делать большие цитаты. Тут же отпадают обвинения в искажении текста. Перед нами выступает подлинное изображение «черновцев» в эпоху Директории.

² У Зензинова был даже особый шифр для сношений с ЦК партии [письмо Альтовского Ракитникову 20 окт. — «Кр. Арх.». XX, с. 167].

ское правительство. Об этом, в сущности, говорят и Кроль и Болдырев¹...

Директория единодушно осудила антигосударственный акт ЦК эсеровской партии. «Мало того, — рассказывает Зензинов, — когда ген. Болдырев накануне самого переворота (в действительности 15-го) выезжал на фронт, он задал Н. Д. Авксентьеву вопрос, вправе ли будет он принимать на фронте суровые меры, до расстрела включительно, против лиц, которые будут уличены в разложении армии и создании внутри ее каких-либо особых партийных вооруженных организаций? Н. Д. Авксентьев ответил ему на это утвердительно, и его ответ затем единогласно подтвердили все остальные члены Правительства» [с. 193]. Но Болдыреву не пришлось применять никакой репрессии, ибо никаких преступных организаций и замыслов на фронте не оказалось. Так говорил Болдырев при встрече с бывшими членами Директории в Японии. Но Болдырев не рассказал, как отнесся он к отказу подчиниться его распоряжению о военных формированиях, которые шли в Уфе и отчасти в Екатеринбург под своеобразным чешско-русским флагом.

Омские народные социалисты не без основания усмотрели в «воззвании 22 октября» начало попытки организовать новое «партийное правительство». Они увиде-

¹ Уорд и Пишон сделали даже Болдырева членом эсеровской партии. Не совсем понятным является до сих пор телеграфное обращение члена эсеровской партии Чайкина к Авксентьеву и Зензинову из Екатеринбурга 16 ноября. Оно гласило: «Данное Вами 23 сентября обязательство остается невыполненным. Создавшееся положение вынуждает меня задать Вам двоим прямой вопрос о сроке реализации обязательства. Недача Вами немедленно исчерпывающего ответа общественно обяжет меня обратиться к трем членам Директории с соответствующим открытым письмом. Прошу учесть характер Вашего обращения 23 сентября и смысл принятого мной на себя посредничества. В частности, на Вас, Владимир Михайлович, я возлагаю личную ответственность за поведение в данном вопросе третьего члена Директории, предварительное получение заверения которого Вы мне гарантировали честным словом». Очевидно, что напоминание было сделано перед собранием того «плёнума» Съезда, о котором говорит Святицкий [см. выше с. 412].

ли в этом воззвании призыв партии с.-р. к подготовке «новой вооруженной борьбы». Социалисты-революционеры, по их мнению, совершили «тяжкое преступление перед Россией»¹. И во всяком случае, никак нельзя сказать, как это делает Сухомлин — один из тех, кто считал уфимскую коалицию «большой ошибкой», что «реакционно-белогвардейские силы сформировались в тылу у народного движения при активной поддержке Англии, Франции и Германии... и нанесли эсерам предательский удар в спину» [«Воля России». IX, с. 93].

¹ Резолюция 13 ноября по докладам Н. А. Филашова и И. В. Галецкого [«Заря», № 123].

ГЛАВА ВТОРАЯ

Государственный переворот

1. Сибирская общественность

Прежде чем говорить о событиях в Омске 18 ноября, мне хотелось бы еще раз коснуться в нескольких словах сибирской общественности. Мне кажется, читатель мог составить себе о ней представление и ввести некоторые необходимые коррективы в обычное для противников сибирской власти изложение. Однотонная, мрачная картина, ими рисуемая, как будто бы находит подтверждение в отзывах наблюдателей из иностранцев — особенно из числа членов неудачной миссии в Сибирь ген. Жанена. По словам этих очевидцев, вся омская общественность сплошь состояла из каких-то спекулянтов и темных дельцов¹. Казалось, все махровые реакционеры царского времени собрались на сибирских полях для восстановления старого режима. Напр., в изображении члена французской миссии проф. Легра — человека, который имел наибольшие шансы разобраться в сибирской обстановке и по знанию языка, и по долголетнему знакомству с Россией, — все сибирские политические споры приобрели чрезвычайно упрощенную форму. В Уфе был создан эмбрион социалистического правительства. Между социалистическим правительством и буржуазией в Омске не могло быть достигнуто соглашения: социалисты руководились стремлением реализовать свои мечты; Омское правительство в большинстве думало только о том, как бы набить свои карманы [«M. Sl.», 1928, II, р. 163]. Швейцарец Монтандон — глава сибирской миссии Международного Красного Креста и автор большой книги «Deux ans chez Koltchak et les Bolcheviques» — в доказательство того, что реставраторы в Сибири держались традиций царского режима, рас-

¹ Ген. Рукероль, автор воспоминаний, выпущенных Пайо в 1929 г., «L'aventure de l'Amiral Koltchak», уверяет читателей, что министры «без исключения» и чиновники всех рангов претендовали на быстрое обогащение, не особенно стесняясь в выборе средств [с. 54].

сказывает на основании будто бы авторитетного источника, что Вологодский — «Спаситель Сибири» — при отъезде из Владивостока, повез в своем поезде два вагона игральные карты [с. 67]. Может быть, Вологодский и вез «игральные карты» (отрицать этого не могу за неимением данных; Правительству всякого рода финансовые операции приходилось, вероятно, делать для изыскания денег, которые были нервом борьбы), но Монтандон не понимает того, что он говорит о крупном общественном деятеле с безукоризненной в этом отношении репутацией, окончившем свои дни в «большой бедности»¹.

Таких безответственных суждений в мемуарах иностранцев можно найти немало. Эти мемуаристы в большинстве стоят далеко не на должной высоте. Иные наблюдатели, не слишком образованные, с большим, однако, гонором, не соответствующим положению, которое они занимали, часто без критики повторяют то, что слышат с разных сторон. Сплетня не отделяется от действительности. Легенда заносится как факт. В работе, предназначенной для русского читателя, мне нет надобности опровергать измышления, вольные и невольные, иностранных мемуаристов². Их сибирские показания часто страдают всеми недостатками, присущими оправдательным показаниям. Для них это — оправдание перед общественным мнением Европы, плохо информированным и легко становившимся враждебным к сибирской интервенционной «авантюре союзников» в силу ее неудачи: национальный гонор заставлял искать виновников на стороне. Отсюда подчас вытекают слишком резкие квалификации русской общественности в Сибири. Им тем более легко было искать виновников, что в этих поисках они находили союзников — и могли сослаться на авторитет демократов из социалистического лагеря. Только их суждения без критики многие и повторяют.

Эти, уже русские, суждения партийного происхождения, суждения одной из борющихся сторон, в свою

¹ Окулич. П. В. Вологодский [«Возр.», № 282].

² Некоторых «легенд», впрочем, я попутно коснусь, так как, попав в печать, они получили распространение.

очередь, чрезвычайно пристрастны. Я никак не могу вообще безоговорочно отождествлять монархические симпатии с реставрационными замыслами классов, потерявших свои привилегии во время революционной бури. Это — трафарет плохого публицистического тона. О монархии после всех «революционных» переживаний и эксцессов большевицкой поры могли думать и люди, по существу отнюдь не настроенные реакционно (я употребляю это слово в обычном принятом смысле)¹. Я думаю, многие согласятся со мной, если я, напр., приведу выдержку из дневника В. Н. Пепеляева, давнего члена партии к.-д., входившего в ЦК, помеченную 23 сентября 1918 г.: «Ст. Маньчжурия. Я расстался с кн. Львовым. Мы расцеловались. Он на прощание сказал мне: “Желаю вам успеха насчет монархии”»². Наряду с этим пожеланием Пепеляев отмечает в своем дневнике (28 января): «В офи-

¹ Понятие «реакционности» становится вообще весьма относительным. Напр., иркутская «Новая Сибирь» [№ 15] в виде иллюстрации реакционных настроений офицеров приводила описание такого инцидента. Три офицера, прибывшие с Волжского фронта (очевидно, из состава Народной армии), просили владелицу газетного киоска уничтожить висевший там портрет Чернова. Та не соглашалась. Тогда офицеры предложили купить портрет с целью его уничтожить. Почему-то и на это владелица не согласилась. Проходивший сибирский офицер безуспешно просил волжских офицеров успокоиться. Он ушел, а волжане продолжали вести «войну» с портретом Чернова. Признаком реакционности становилось в глазах некоторых иностранцев празднование офицерством Нового года по старому стилю [Кенэ. *L'Arrière sibérien*. «M. SI.», 1926, VIII, p. 180]. Зато, по-видимому, последовательным демократизмом считалось печатание в газетах социалистического направления: «Убит Ник. Ник. Романов», т. е. бывший главнокомандующий в. кн. Ник. Ник. Очевидно, это должно было раздражать и не «монархически» настроенное офицерство.

² Цитата эта приводится в работе Субботовского «Союзники, русские реакционеры и интервенция» [с. 19]. Работа Субботовского носит такой характер, что нельзя быть гарантированным в точности цитаты, взятой к тому же изолированно. К сожалению, большевики опубликовали ценный дневник Пепеляева только частично: за июль—сентябрь 1919 г. [Развал Колчаковщины. — «Кр. Арх.». XXXI]. Могло быть, что в суммарной записи Пепеляева было неточно передано мнение Львова.

церстве крепнет монархия». И тем не менее выявления каких-либо открытых монархических симпатий, за исключением «монархических дебошей» (выражение Болдырева) на банкетах, в Сибири не было¹.

«Монархизм скрывался в омских салонах», — утверждает Колосов [«Былое». XII, с. 228]. Центром его был «салон» Гришиной-Алмазовой. Об этом «салоне» нам придется говорить. Здесь, как и в других местах, в воздухе носилась, однако, не «монархия», а «идея диктатуры». Левый к.-д. Кроль, окрещенный в Сибири, по его словам, «белой вороной», не одобрял этих «диктаторских» настроений. Под углом своих несколько противоречивых точек

¹ Нельзя таковым считать, напр., демонстрацию против Сибоблдумы, о которой передавал Гаттенберг, или требование монархистов играть в июле гимн в железнодорожном собрании в Харбине по случаю какой-то радиотелеграммы с манифестом о вступлении на престол вел. кн. Михаила [Будберг. XIII, с. 221]. Насколько «монархические» симпатии скрывались и позже, свидетельствует такая запись Будберга от 17 июля 1919 г.: «В соборе состоялась панихида по Царской семье. Демократический хор отказался петь. Из старших чинов на панихиде был я, Розанов, Хрещатицкий и уралец ген. Хорошкин; остальные постарались забыть о панихиде, чтобы не скомпрометировать своей демократичности» [XIV, с. 325].

Что касается банкетных «дебошей», то, быть может, и здесь следует сделать оговорку. Ведь другого национального гимна, кроме «царского», не было создано в революционные месяцы. «Образовалась пустота», — правильно заметил Болдырев [с. 38]. Неотвратимая потребность гимна существовала, недаром англичане не могли понять национальной психологии, обходившейся без гимна. Непосредственный Уорд с подобной речью выступил даже на публичном банкете во Владивостоке: «Если бы у нас было 20 революций, то все-таки я не мог бы представить себе, чтобы англичане стали стыдиться английского флага» [с. 55–56]. То же было и в Красноярске. На английских собраниях, когда полагалось оркестру играть национальные гимны союзников, исполнялся старый русский гимн (см. воспоминания И. А. Андрушкевича «Последняя Россия» [«Белое Дело». IV, с. 109]). На русских собраниях излишняя демократическая щепетильность доходила до таких гиперболических размеров, что оркестр играл в Иркутске «Rull Britannia» («Британия, царствуй и на водах») вместо «God Save the King» («Боже, спаси короля»). Этой ненормальности не понимает даже Колосов.

зрения он дает весьма пристрастную характеристику своих товарищей по партии. «Восточный Отдел» партии к.-д. в Омске он не иначе называет, как «азиатским отделом», и усиленно отгораживается от тактики «матерых реакционеров» типа Жардецкого¹ и «обезумевших от ненависти» Клафтонов [с. 163]². Таких «обезумевших от ненависти» было немало — и не только в «буржуазной» кадетской партии и среди торгово-промышленников. Их уже характеризовал нам другой Кроль — иркутский эсер. Его характеристику может дополнить Утгоф: «Насилие большевиков так сильно повлияло на некоторые интеллигентские группы, что борьба с большевизмом стала для них самоцелью» [с. 20]. Именно так смотрели на дело и Вологодский, и Сазонов, и другие их соратники. Так смотрели на дело и многие кооператоры. Напр., председатель Союза маслоделов политические расхождения в сибирской кооперации в письме более позднего происхождения (21 июля 1919 г.) объяснил тем, что одни «не желали поражения большевиков, а другие вели кампанию против большевиков»³. Эти «обезумевшие», среди по крайней мере демократии, искали путей для объединения сил в целях борьбы. Они, в лице хотя бы Сазонова, до последнего момента держались той позиции, которая позже стала весьма непопулярной в некоторых демократических кругах. В работе, посвященной Н. В. Чайковскому, мне приходилось уже цитировать письмо Сазонова от 6 сентября 1921 г.⁴: «И что обиднее всего — сейчас на краю пропасти мы все

¹ Кроль подчеркивает [с. 67], что Жардецкий стоит за монархию и держится германской ориентации. Если это было действительно так, то, очевидно, Жардецкий в Сибири был выразителем позиции, которую приблизительно в это время занимал председатель партии П. Н. Милюков. О позиции Милюкова и партии к.-д. см. мою брошюру «История гр. войны в освещении П. Н. Милюкова».

² Видный самарский кадет Клафтон, расстрелянный после Колчака. Погиб тогда же и Жардецкий.

³ Дело касалось ссоры представителя Закупсбыта и Сибирского Союза за границей, когда эсерствующие кооператоры стали выступать против интервенции, «жаля, что союзные войска убивают русских людей». А раньше?

⁴ Я не назвал тогда автора, не зная, что А. В. умер в Шанхае 9 марта 1927 г.

же продолжаем вести нашу старую партийную грызню и этим ослабляем себя. Сейчас должна быть одна партия — национально-русская и одна цель — спасение и возрождение России, все, что сверх этого, то от лукавого!» «В таком объединении нет места только большевикам справа и слева», — пишет он позже, 15 сент. 1924 г.¹

Не все, может быть, знают, кто такой сибирский «дед» Анатолий Владимирович Сазонов — старый народоволец, человек твердых политических взглядов, жизнь которого прошла «под знаком неустанного служения народу». Слова эти принадлежат Якушеву — противнику Сазонова в годы гражданской войны. Сазонов был одним из деятельнейших участников блока общественных организаций. Таким же горячим сторонником последнего был с.-р. Куликовский, входивший в Областную Думу от якутского Совета крестьянских депутатов.

Как же мог «умный» Кроль назвать блок собранием «тринадцати нулей». В союз входили «правые с.-р.», «народные социалисты», «кадеты», с.-д. группа «Единство»; наконец, кооператоры и торгово-промышленники. «Партийные организации я взял в кавычки, — сообщает политик и мемуарист, — то, что было в Омске под этими названиями, за исключением, может быть, «атаманской» группы «Единства», как по иронии судьбы называлась партийная группа рабочих, живших в предместье Омска Атаманский Хутор, не имело ничего общего с теми партиями, названия коих эти организации себе прицепили. По крайней мере, ни эсеры, ни энэсы, прибывшие из центра, «омских» эсеров и энэсов своими не признавали...»²

¹ Письмо цитирует автор некролога в «Вольной Сибири» [II, с. 176].

² Я хорошо знаю лидера омских нар. соц. Филашева-Новикова. Видел и много говорил в 1921–1922 гг. с вернувшимся в Москву из Сибири Галецким. Назвать их перешедшими в лагерь консерваторов и реакционеров решительно отказываюсь. Их демократизм сохранился в полной мере. Как мы увидим, lapsus'ы у Галецкого, как у редактора «Новой Зари», были, но и только. Те из прибывших из центра, на авторитет которых ссылается Кроль, судя по их публичным выступлениям, как раз уклонились тогда от линии, установленной центром.

«Блок в политическом смысле был блоком «тринадцати нулей». Но с ними были связаны казаки и военные круги, и поскольку они без блока были реальной силой, то и он представлял собой реальную величину» [Кроль. С. 144].

В общем блок, несомненно, пытался осуществлять в жизни позицию, установленную «Союзом Возрождения». Так как блок являлся широким объединением, преследующим практические цели, неизбежно в состав его входили группы, постепенно отходившие от основной линии. В конце концов, на этой почве блок раскололся. Его «правым крылом» была партия народной свободы, которая, как мы видели, и в Сибири постепенно переходила вновь на признание преимущества диктатуры в период гражданской войны... Эволюцию можно наглядно увидеть на примере екатеринбургского Комитета партии, где лидерствовал сам Кроль. В Екатеринбурге было назначено собрание для рассмотрения вопросов, подлежащих обсуждению на партийном Съезде, который созывался в Омске в середине ноября. «Придя на это собрание, — рассказывает Кроль, — я еле узнал нашу группу. Впервые я услышал в ней прямо и определенно сформулированный вопрос: «Директория или диктатура?» Я был поражен даже самой возможностью столь явной постановки этого вопроса в нашей группе, которая одна, из очень редких, сумела сохраниться (?) с 1905 г.» [с. 157].

Откуда это могло взяться? Кроль видит здесь влияние самарцев, прибывших в Екатеринбург в качестве беженцев. Они испытали все прелести управления Комуча и приписывали «исключительно ему поражения на фронте». Директория — продукт Комуча. Она слабовольна; она погубит фронт; она развалит тыл; выход один — в диктатуре. За диктатуру стояли и члены пермского Комитета, жаждавшие вернуться домой. Для них «Директория» — отступление; «диктатура» — наступление. Не оставалась без влияния и «работа прибывшего в Екатеринбург А. С. Белоруссова». В Екатеринбурге, по настояниям Кроля, все же диктатура «незначительным большинством была отклонена». На всесибирском партийном съезде в Омске 16 ноября она была принята.

Но мне неизвестно, чтобы левая часть блока когда-либо объявляла себя принципиальной сторонницей диктатуры¹.

Кроль, враждебный к омской общественности и к блоку, говорит, что блок вел себя в отношении Авксентьева и Зензинова «до неприличия вызывающе» [с. 47]. Я не нашел ни у Кроля, ни у других повествователей того времени каких-либо реальных фактов, но зато у Кроля прочитал, что члены Директории расценивали блок так же, как и Кроль: «Стоило послушать их рассказы, несмотря на всю грусть момента, в комических тонах, как пыжилась депутация от каждой группы отдельно «выявить» перед Директорией свою «точку зрения», чтобы понять, что для членов Директории весь «блок» и по частям, и в целом был только смешон» [с. 144].

В сибирской обстановке блок всегда до 18 ноября выступал в роли примирителя — это было трудно в той атмосфере взаимного недоверия, которая при Директории, по словам Кроля, «достигла крайней степени накаленности». В свое время Сазонов, в качестве делегата блока, выступал «посредником для мирного улаживания возникшего конфликта между Админсоветом и Облдумой» (из некролога Якушева). В период Директории блок также занимался уговариванием сторон. И не только уговариванием. Очень яркий факт из деятельности блока сообщает Колосов: некий капитан Шемякин, по поручению блока, в целях ослабления атаманских насилий занял даже пост начальника штаба у Красильникова.

В накаленной атмосфере взаимного недоверия и вражды уже бесполезно было заниматься общественным воспитанием. Поэтому так неудержимо росла идея необходимос-

ти диктатуры. При Директории она стала принимать отчетливые, конкретные формы. Это видно из всех записей ген. Болдырева. Описывая критическое заседание 27 октября, когда члены Директории собирались выйти из ее состава, Болдырев добавляет, что по окончании заседания Виноградов рекомендовал ему, в случае выхода всех четырех членов из Директории, «сохранить власть в связи с сохранением Верховного главнокомандования» [с. 86]¹.

2. Легенды и факты

В книге, посвященной Н. В. Чайковскому, касаясь попутно событий в Омске 18 ноября, я писал: «Переворот произошел как бы сам собой. Это было полустихийное движение военных, которое было санкционировано затем и некоторыми общественными кругами — отнюдь не только реакционными» [с. 152]. И дальше: «В атмосфере заговоров в «мексиканском стиле» должна была выдвинуться группа людей — людей безответственных, действующих за свой страх и риск» [с. 158]. Здесь нужны и добавления и пояснения, но по существу не так уже много надо прибавить.

Из фактов, приведенных на предшествующих страницах, видно, что переворот как бы висел в воздухе. О нем говорили, все его обсуждали. В подобной обстановке является второстепенной уже сама организация действия, направленного на осуществление того, что было *desiderata* широких кругов. И все-таки было ли это действие организованным? Был ли переворот 18 ноября осуществлением заранее разработанного плана? Кто его непосредственные участники и кто стоял в роли вдохновителей и инспираторов за кулисами?

Состояние материалов не дает еще возможности ответить на все эти вопросы с должной ясностью и полнотой. Я заранее готов пойти на упрек в том, что не сумел разобраться в материале и критически проанализировать

¹ Утгоф ссылается на слова московских эсеров, входивших в «Союз В.». Аргунов утверждает, что даже омский отдел этого союза, переполненный кадетами, во время Уф. Сов. опубликовал заявление о необходимости диктатуры [с. 45]. Такого заявления я не нашел. Надо сказать, что оно противоречило бы последующим заявлениям сибирских отделов «С. В.» и даже блока, позицию которого очень скоро В. Пепеляев будет называть «общественной свистопляской» [Дневник. 16 июля. — «Кр. Арх.». XXXI, с. 59].

¹ Еще ранее Болдыреву «группой» кап. Степанова было предложено создать в распоряжении главноверха надежную войсковую часть.

существующие уже контroversы. Для отчетливого суждения нет прежде всего документов — они вообще редко встречаются в подобных актах. Но и то, что есть, мы знаем преимущественно в выдержках, опубликованных советскими историографами. Мемуаристы же — их не мало — слишком подчас безответственны в своих суждениях о недавнем былом. Если выбрать какой-нибудь один источник и следовать ему — все будет необычайно просто и ясно и легко примешь легенду за факт.

* * *

В пражском «Русском Заграничном Историческом Архиве» имеются воспоминания одного из якобы непосредственных участников и руководителей переворота подп. Бафталовского. Написаны они в Тунисе 20 апреля 1925 г. В воспоминаниях этого участника переворота столь определенно чувствуются позднейшие наслоения, что подвергать их детальному критическому анализу не стоит. Здесь суммированы различные данные, слухи, разговоры в одну общую картину, которая в силу уже этого получается мало правдоподобной.

Мысль о свержении Директории, в изображении мемуариста, родилась в известном уже нам салоне Гришиной-Алмазовой, посетителями которого были Михайлов и ген. Андогский. Разработку плана с технической стороны взяли на себя ген. Андогский, полк. Сыромятников, полк. Лебедев. Их помощником состоял кап. Буров и автор мемуаров кап. Бафталовский. Финансировал все предприятие Михайлов¹. После длинных переговоров заговорщики остановились как на исполнителях на военной группе Волкова-Красильникова. Полк. Уорд дал согласие на поддержку переворота английским батальоном. На роль диктатора был намечен адм. Колчак, давший принципиальное согласие при условии, что власть

¹ Другой мемуарист, с ненапечатанными мемуарами которого мне пришлось познакомиться с разрешения г-на Поволоцкого, — мемуарист, чрезвычайно опасный, — В. Н. Львов, говорит, что общий план действия против Директории был разработан Жардецким, Михайловым и Соловейчиком.

будет передана ему Правительством, а не добыта им захватным порядком¹. Казачья группа Волкова-Красильникова в ночь с 17-го на 18-е произвела арест членов Директории из состава партии с.-р. ... Командующий войсками Матковский, узнав об аресте, предписал нач. штаба Василенко немедленно принять меры к освобождению арестованных членов Правительства, но Бафталовский раскрыл Василенко план и присоединил последнего к числу заговорщиков. Ночью члены Правительства собрались у ген. Розанова на совещание с военным командованием. Присутствовало 12 человек. О происшедших событиях докладывал полк. Сыромятников. Совещание колебалось. Разрешила вопрос настойчивость Розанова, который, стукнув кулаком, от имени армии потребовал диктатуры.

В изложенных воспоминаниях имеются налицо почти все элементы тех заговорщических сил, которые фигурируют так или иначе в существующих версиях: ответственность монархического пошиба, командный состав, члены Правительства, содействующие англичане, согласие Колчака. И все это достаточно фантастично.

* * *

Большевицкий историк Парфенов (Алтайский), подчас неизвестно откуда черпающий свой материал, вводит еще новый элемент в среду участников заговора — французскую военную миссию.

«16 ноября 1918 г. в Омск прибыли французская военная миссия во главе с командующим всеми иностранными вооруженными силами на территории Сибири ген. Жаненом и рота французских солдат.

По этому случаю Омское правительство устроило торжественный парад войскам и не менее торжественный обед в честь прибывших иностранных господ.

Во время этого торжественного обеда, после исполнения оркестром французского и других иностранных гимнов, груп-

¹ Для связи с Колчаком, добавляет В. Львов, дающий аналогичную версию, был приглашен адъютант Колчака кап. Ильин.

па подвыпивших казачьих офицеров потребовала, чтобы был исполнен гимн «Боже, царя храни», и категорически настояла на своем требовании.

Получился некоторый конфуз. Лидерам партии соц.-рев. Авксентьеву, Зензинову и др., возглавлявшим Омское Всероссийское правительство и считавшим себя верховной властью, не понравилась эта «монархическая молитва», и они сделали попытку напомнить офицерам об их «демократических воззрениях» и даже предложили военному и морскому министру Колчаку арестовать некоторых из них.

Вечером в этот же день начальник омского гарнизона полк. Волков и начальники казачьих частей Красильников и Катанаев явились к Колчаку и заявили, что «долг перед родной и настроение всех частей вынуждает их арестовать членов Правительства соц.-рев., ведущих преступную соглашательскую политику с большевиками», и просили «от имени всей армии принять на себя верховное руководство возрождающейся армией и народом»...

Колчак торжественным жестом поблагодарил за доверие офицерскую делегацию и уговорился с полковником Волковым, что завтра утром представит ему проект конкретного плана ареста Директории.

На другой день, т. е. 17-го числа, сначала в поезде французской военной миссии, затем в здании военно-промышленного комитета, состоялось объединенное совещание иностранных генералов, представителей партии к.-д., омского «Союза Возрождения» и др., которое почти единодушно, исключая американского и чехословацкого представителей, высказалось за переход власти к военному диктатору в лице адм. Колчака, хотя выставлялись и другие кандидаты: ат. Семенов, ген. Болдырев и атам. Дутов (последний поддерживался генералом Ивановым-Риновым).

Чехо-американские представители, противившиеся разгону Директории, в крайнем случае настаивали на включении Авксентьева и Аргунова, как «пользующихся широкой симпатией народа», в состав Правительства адм. Колчака и на оставлении «без урезок демократической программы существующего Правительства».

Технически совершить разгон Директории было поручено полк. Волкову, председателю омского Комитета партии к.-д. Жардескому и министру финансов И. Михайлову.

А через несколько часов после этого совещания офицерская часть отряда атамана Красильникова приступила к выполнению намеченного плана» [с. 69–70].

Участники французской миссии, выступившие с воспоминаниями о данной эпохе, незнакомы, конечно, ни с работой Парфенова, появившейся в первом издании в Харбине (1921), ни с отдельными статьями этого советского исследователя гражданской войны в Сибири. Иначе они поспешили бы опровергнуть обвинение их хоть в косвенном участии в событиях 18 ноября. Для них Колчак ни более ни менее как «une invention anglaise». Так один из них — Дюбарбье¹ — и начинает главу, посвященную перевороту. Сам шеф миссии, ген. Жанен, с удивительной легкостью повторяя популярную одно время у иностранцев наивную легенду, в отрывках дневника, которые печатались в «Monde Slave» [1924, XII, p. 238], говорит:

«Действительно, англичане, поставив Колчака у власти, были приблизительно столь же удачливы, как и тогда, когда они свергли Николая II. Без этого, не знаю, был ли бы побежден большевизм в России, но Сибирь, в этом я убежден, удалось бы спасти и устроить. Народный порыв не был бы там задушен жестокой реакцией, всех возмущавшей, повышавшей нервность чехов и уничтожавшей у них всякое желание сотрудничества».

Известный нам полк. Пишон в статье «Le coup d'état de l'amiral Kolčak» [«M. Sl.», 1925, II, p. 259] добавляет:

¹ En Sibérie après l'armistice [p. 70]. Дюбарбье, скорее, сочувствует перевороту: сам по себе он был правилен, ибо соц.-революционеры (так назывались «Ces bons bourgeois republicains»), больше болтливые адвокаты и идеологи, чем правители, теоретики, а не реалисты, проявили свое полное бессилие. О них никто не пожалел. Но Колчак сделал ошибку, игнорируя Семенова и чехов, без поддержки которых власть Правительства была не жизненной. По вине Колчака переворот 18 ноября сделался авантюрой.

Любопытно, что другой иностранный участник сибирских походов Люд. Грондиж, считает государственный переворот несколько преждевременным. Ошибка инициаторов в том, что они упустили узнать мнение чехов, без которых новое Правительство не могло существовать [La guerre en Russie et en Sibérie. P. 115].

«Совершенно несомненно, что адмирал, привезенный англичанами из Месопотамии и из Индии, конвоированный во Владивосток и в Сибирь английским батальоном, был человеком генерала Нокса. Но столь же несомненно и то, что не было на нем ни в коей мере французского штемпеля и что обстоятельства, приведшие его к власти, произошли между отъездом из Владивостока генерала Париса и приездом в Омск верховного французского комиссара и находились совершенно вне нашего влияния».

Пишон не против диктатуры, он только против переворота. Все можно бы сделать легальным путем при некотором терпении. Директория могла бы эволюционировать — Колчак мог бы последовать примеру, который дал в дни французской революции консулат. Такой путь, по мнению французского военного деятеля, является путем законным [с. 206].

Печатание дневников ген. Жанена (этот дневник, во всяком случае, очень обработан) вызвало тогда же возражение со стороны главы английской миссии ген. Нокса в лондонском журнале «*Slav. Rev.*» [1925, март]:

«...Переворот, приведший Колчака к власти до приезда в Сибирь генерала Жанена, был совершен Сибирским правительством, причем Англия об этом не знала, и не было с ее стороны ни малейшего попустительства».

Жанен ответил Ноксу в «*Monde Slave*» [1922, IV]:

«...Да позволит мне сказать генерал Нокс, что у него действительно коротка память, если он не помнит, что был замешан в интриги и перевороты, приведшие к колчаковскому перевороту. Речь никоим образом не идет о «попустительстве», а исключительно об инициативе, проявленной некоторыми ее агентами, — инициативе, ныне ввиду печальных результатов ими отрицаемой. Вероятно, английский генерал не помнит больше смотра, имевшего место 10 ноября в Екатеринбурге, — смотра, на котором прошел церемониальным маршем Мидльзсекский английский полк, «являвшийся из Владивостока преторианской гвардией адмирала Колчака». Тогда я еще не приехал в Сибирь, но французские офицеры, мои предшественники, чехи и русские, свидетели этих незабываемых дней, — все помнят, как тогда держались английские солдаты и их командир, полковник

Уорд, член Парламента и рабочей партии. Несомненно, последнему неприятно, чтобы его английские избиратели узнали, что он в Сибири сделал ставку на диктатора, заслуживающего столь же мало сочувствия, как и красные диктаторы, — но история есть история и не знает тонкостей и уверток. Добавлю, что генерала Нокса, наверно, держали в курсе заговора, замышляемого Колчаком, хотя бы только через его офицера связи Стевеней, который присутствовал даже на тайном совещании, где было решено выступление. Впрочем, Стевеней и не делал из этого большой тайны, и, когда позже, во время отступления, я задал ему, после многих союзников и русских, вопрос, не сожалеет ли он о том, что содействовал возведению Колчака, которому мы обязаны этим бедствием, он просто промолчал. Мне кажется, что короткая память генерала Нокса вела в заблуждение читателей «*Slavonic Review*» [p. 21–22].

Проф. Легра в позднейшем комментарии к своему сибирскому дневнику [«*M. Sl.*», 1928, II, p. 166] подтверждает версию своего прямого начальника:

«Мне говорили, и факты этого не опровергают, что приготовления к государственному перевороту производились в согласии с офицерами связи из английской миссии; кроме того, один офицер связи из французской миссии, не принимая участия в подготовке, был, однако, кажется, очень в курсе дела¹ и был очень счастлив тем, что замышлялось. Итак, у меня такое впечатление, что переворот 17 ноября по существу — переворот военный... Если же это так, то для меня, хорошо знающего направление русских офицеров, ясно, что это — переворот, подготовляющий реставрацию».

Итак, все доказательства ген. Жанена, легко убедившие Милюкова, что дело не обошлось без участия англичан, сводятся к рассказам, которые он и его подчиненные слышали в Сибири по поводу екатеринбургского смотра 10 ноября и присутствия адъютанта ген. Нокса на каком-то заговорщическом собрании. Доказательства не из сильных — слухами Сибирь была полна. К ним мы вернемся по связи с новой версией — екатеринбургской, которая перед нами вырисовывается.

¹ По-видимому, имеется в виду Зиновий Пешков.

Я, конечно, не знаю, какие русские осведомляли Жанена¹, но те русские мемуаристы, которых мне не раз приходилось цитировать, всегда передают только циркулировавшие слухи. Так, Майский в предисловии к изданным «Госуд. Изд.» в Москве воспоминаниям полк. Уорда «Союзная интервенция» пишет: «Я очень хорошо помню, что в Омске в тот период... открыто говорили о весьма активном участии английской миссии, и в частности ее главы, ген. Нокса, в перевороте 18 ноября. Рассказывали, что накануне переворота на собрании офицеров-заговорщиков, арестовавших членов Директории, присутствовал представитель ген. Нокса, который благословил заговорщиков на задуманное ими дело» [с. 78]. «Злые языки, — передает Святицкий в другой своей книжке «Реакция и народ», — говорят о непосредственном участии в перевороте Нокса» [с. 26]. Ген. Федоров заявил Колосову, что переворот сделан с согласия и при участии англичан [«Былое». XXI, с. 578]. «В действительности заговор был решен англичанами и французами не в Сибири», — утверждает уже чешский коммунист Шмераль. Источник заговора выше: Шмераль ссылается на речь ген. Штефаника по приезде в Сибирь, в которой первый чешский военный министр убеждал своих компатриотов: «Переворот не был подготовлен только в Омске. Главное решение было принято в Версале» [«Чехословаки и с.-р.».

¹ Осведомителей у французской военной миссии было не мало. К сожалению, Колосов не так уже не прав в своем утверждении, что «деятельность иностранных войск сводилась к тому, чтобы следить друг за другом». Контрразведка пускала свои шупальца довольно далеко. Случай доставил мне пачку копий донесений французской контрразведки — это сводки какого-то «тайного агента Джона», представлявшиеся майору Марино в 1919 г. В «Голосе Минувшего» [1926, № I—XIV] мной уже были опубликованы образцы французских агентурных сведений по наблюдению за русскими генералами. Агенты, «прикомандированные» даже к самому Колчаку, проникавшие в его окружение, подслушивали, «стенографировали», обрабатывали «сплетни», выдавали их за непосредственно слышанное (по заявлению ген. Рукеоля, «агенты» находились во всех омских «салонах») [Ор. cit. Р. 93]. Все это, несомненно, чрезвычайно характерный материал. Но где мерило его достоверности?

Москва, 1922, с. 21]. Я допускаю возможность подобного заявления со стороны Штефаника, выполнявшего, как мы увидим ниже, весьма щекотливую миссию в Сибири среди чехов, сильно подвергшихся местной агитации. Но ведь ясно, что это был только своего рода демагогический прием. И можно пройти мимо этих коммунистических домыслов.

Самый солидный аргумент в пользу участия Нокса в перевороте можно найти в дневнике Болдырева. Под 21 октября у него записано: «В 4 часа приезжал Нокс с Родзянкой; озабочен размещением батальона прибывающих английских войск. Пил чай, грозил набрать банду и свергнуть нас, если мы не договоримся с сибиряками. «Я становлюсь сибиряком», — закончил он свою шутку»¹.

¹ Усиленно настаивал на закулисной роли Англии в своих письмах той эпохи Керенский. Он писал об этом в октябре Маклакову и Авксентьеву, предупреждая последнего о Ноксе и настаивая (впрочем, с опозданием — письмо получено 25 октября) на принятии мер «к выяснению всех заговорщиков в России, так как новое повторение корниловской попытки может окончательно разрушить и добить Россию». [Сб. «Издалека». С. 132.] Шум делал Керенский главным образом из-за некоего г. Х., который при содействии лорда Z. организует монархический заговор в Сибири. Воспоминания Набокова вскрывают нам эти инициалы: как оказывается, этим занимался при посредстве неизвестного Завойко лорд Мильнер [с. 230].

Сам Керенский рассказывает, что Маклаков довольно метко ему говорил, что он стреляет по воробьям. Почему такой «авантюрист», как Завойко, пользовался влиянием в некоторых английских кругах и получил особые привилегии для поездки в Сибирь — мы не знаем. Читатель из первой главы наших очерков знает, как подчас наивны бывали иностранные политики и дипломаты, как легкомысленна бывала порой их конспиративно-заговорщическая деятельность. Но к адм. Колчаку это не имело никакого непосредственного отношения. Завойко прибыл в Сибирь после переворота. Занимался он здесь только интригами против Колчака, делал попытку устроить заговор и был выслан. Керенскому кажутся очень убедительными для подтверждения версии об участии англичан в перевороте 18 ноября слова, произнесенные Черчиллем в палате общин 6 июня 1919 г. Он сказал о Правительстве Колчака: «Мы вызвали его к жизни» [там же. С. 134]. Не следует ли, однако, понимать их в том смысле, что Великобритания оказала реальную

Если не сам Нокс устроил переворот, то орудием его являлся молодой чешский генерал — Гайда. Есть и такая версия. Нокс соединил Колчака с Гайдой, причем последний не знал о подлинных намерениях Колчака. Это дополнение принадлежит перу Жанена [*М. Sl.*, 1925, III, р. 340]. Самому Гайде только впоследствии открылся злокозненный план англичан, посадивших Колчака, — так пишет он в своих воспоминаниях [с. 97], имеющих, правда, необычайно малую ценность, вопреки мнению Милюкова, так как Гайда в них старательно умалчивает о всех своих закулисных выступлениях и разговорах, которые часто вскрывают подоплеку его сибирской деятельности.

Гайда имел, по версии Колосова, с самого начала «близкое отношение» к возведению Колчака на пост диктатора... Колосов многозначительно подчеркивает, что его сведения исходят из «вполне авторитетного источника»: «Едва ли на свой риск и ответственность Гайда даже и вывез Колчака с Востока». Колосов, посланный вместе с кн. Львовым от Уфимского Совещания приветствовать десант союзников, встретился на ст. Маньчжурия с Гайдой¹, который ехал в Зап. Сибирь. Здесь же у Гайды произошла встреча с В. Н. Пепеляевым. «Оба они сошлись тогда на том, что необходима диктатура и диктатор». «Быть

помощь Правительству Колчака? В письме ко мне ген. Нокс свидетельствует, что о готовящемся *coup d'état* он узнал за 2–3 дня до 18 ноября от ген. Сахарова в Маньчжурии. В то же время ген. Нокс отнюдь не отрицает возможности, что некоторые члены его миссии (напр., полк. Нельсон) могли быть осведомлены о готовящемся выступлении и принять участие в одном из многочисленных собраний в Омске, где обсуждался переворот. У меня есть прямое свидетельство о таком совещании с представителями союзников, на котором жена кап. Ильина была переводчицей. Но подобное признание, конечно, очень далеко от утверждения, что ген. Нокс официально санкционировал переворот, а члены его миссии были чуть ли не инициаторы этого акта. Во всяком случае, у М. В. Вишняка абсолютно не было никаких данных для подобного утверждения на страницах «Совр. Записок».

¹ О свидании с Колосовым Гайда не обмолвился в своих воспоминаниях. Ниже будет ясно почему.

может, он (Пепеляев) зондировал почву для диктатуры ген. Хорвата¹, но Гайда предупредил его, ответив быстро и определенно: «Диктатор едет со мной в этом поезде. Это адмирал Колчак». Проводя диктатуру Колчака, Гайда появился в Екатеринбурге. Естественно, Екатеринбург и стал центром будущего заговора — здесь одна сила непосредственно противопоставлялась другой.

Для того чтобы понять создавшееся в Екатеринбурге положение, надо вернуться несколько назад². Гайда, возмеченный успехом в борьбе с большевиками, фетированный во Владивостоке, предложил сам себя Волюгодскому на пост главнокомандующего вооруженными силами, которые действовали на территории Сибири. Мотивом выставлялась необходимость объединения командования. Интересовался Гайда и отношением к своей кандидатуре со стороны Колчака³, с которым он встретился во Владивостоке.

Согласно показаниям, Колчак на допросе ответил:

«Для меня вопрос подчинения той или другой вооруженной силе определяется всегда практическим путем. Я не знаю состава русских сил, если вы все более организованы и в стратегическом отношении имеете большую ценность, то будет вполне естественно, что командование должно вам принадлежать. Если отношение изменяется в сторону русских, то должно быть русское командование — иначе решить вопрос никак нельзя. Скажите, что такое Директория и что она из себя представляет? Он говорит: «Это образование, несомненно, не жизненное». Я говорю: «Какую власть при этих условиях вы считали бы наилучшей?» — «Я, — говорит он, — считаю, что в этом периоде и в этих условиях может быть только военная диктатура». Я ответил: «Военная диктатура прежде

¹ Пепеляев в это время будто бы являлся сторонником диктатуры Хорвата.

² Общую характеристику Гайды — этой колоритной фигуры гражданской войны — я предполагаю дать ниже, в момент столкновения его с Колчаком.

³ Не имея возможности выбраться из Владивостока, Колчак обратился в чешский штаб, где у него и произошло свидание с Гайдой. Конечно, только «тайная причина» задержала Колчака во Владивостоке [*Кратохвиль*. С. 222].

всего предполагает армию, на которую опирается диктатор, и, следовательно, это может быть власть только того лица, в распоряжении которого находится армия. Но такого лица не существует, потому что даже нет общего командования. Для диктатуры нужно прежде всего крупное военное имя, которому бы армия верила, которое она знала бы, и только в таких условиях это возможно». На это он мне отвечает: «Конечно, это вопрос будущего времени. Но я лично считаю, что это — единственный выход, какой только может быть». На этом разговоре мы расстались» [с. 147]. Так начался «роман», главные роли в котором играли Гайда и Колчак [*Кратохвиль*].

Ясно, что щупал почву, скорее всего, Гайда — «чешский кандидат в сибирские бонапарты», как характеризует его в то время бар. Будберг [XIII, с. 212]¹.

Сочувствующий, по-видимому, коммунистам майор Яр. Кратохвиль², автор книги «Cesta revoluce», изображает дело так, что именно Колчак при свидании воспламенил страстные желания Гайды [с. 223].

Гайда не мог не чувствовать за собой некоторой силы — недаром Гинс, по поручению Вологодского, так определенно телеграфировал из Владивостока в Омск:

«Помощь союзников обеспечена в случае назначения командующим генерала Гайды. Американцы заявили, что помогают чехам, которых три миллиона в Америке, а не русским. Японцы ведут политику захвата, Англия, Франция благодетельны, но лишены здесь реальной силы. Назначение Гайды свяжет Америку, обеспечит наши интересы. Положение во Владивостоке невыразимо: властвуют Хорват, Лавров, коллегия чиновников, земств, консульский корпус, — всего пять властей.

Весь край деморализован анархией, беспомощно отдается в руки японцев, китайцев. Гайда, как чех, будет пользоваться тем иммунитетом, которого нельзя обеспечить русскому военачальнику при создавшейся обстановке захвата, обнару-

¹ Такое же впечатление выносит и Кроль из своих разговоров с чешскими представителями: они говорили, что заветная мечта Гайды сделаться «русским корсиканцем» [с. 161].

² Кратохвиль в своей книге верит, что «часы прогресса на нашей планете будут скоро бить в Москве» [с. 539].

жившейся продажности (?), поэтому, во имя спасения родины, национальной чести, делегация просит немедленно назначить Гайду командиром, Иванова-Ринова военным морским министром. Указ сообщить нам — час промедления гибелен. Достаточно сообщить — в Благовещенске японцы вывезли все топографические материалы, китайцы захватили пароходы, здесь расхищается военный боевой материал. Другого выхода нет; вернемся нравственно убитыми, сознавая бесповоротную утрату крупных достояний Востока, предстоящие бесконечные ужасы Запада» [*«Хроника»*. Прил. 113].

По-видимому, назначение Гайды не вызвало никаких возражений со стороны сибоблдумцев — по крайней мере Якушев и был арестован в момент переговоров о назначении Гайды с Ивановым-Риновым, находившимся в Уфе¹. Но назначение Гайды вызвало оппозицию в Совете министров — очевидно, со стороны Михайлова. Вологодский пытается убедить Михайлова по телеграфу: «В вашем отношении к Гайде чувствуется некоторая предвзятость отношения к чехословакам. Убедительно прошу оставить этот взгляд, ибо в тяжелой обстановке при встрече с иностранцами здесь вся наша делегация убедила, что единственными бескорыстными нашими друзьями являются чехи, в частности Гайда, который пользуется весьма большим вниманием иностранцев². Дружественное отношение к нам Гайды значительно облегчило общее положение. В целях тактических прошу вас, чтобы везде Гайде и следующим с ним иностранным представителям были устроены почетные встречи войска и гражданской администрации³.

¹ Не мешает отметить, что во Владивостоке, по словам Гинса, Гайду усиленно рекомендовал небезызвестный с.-р. Калашников [I, с. 231].

² Характерная деталь. По свидетельству Гинса, провожать Гайду во Владивосток собрался весь Дипломатический корпус. На вагоне Гайды, быть может «намеренно», была оставлена надпись: «Иркутск—Москва». Публика проводила Гайду овациями [II, 46]. Вологодского же некоторые иностранные дипломаты встретили «надменно и иронически».

³ Копии цитируемых мной во многих местах переговоров с Вологодским по прямому проводу многих лиц переданы мной в пражский Архив.

Пережив ряд триумфов в Сибири¹, Гайда доехал до Екатеринбурга, в сущности, в сравнительно «скромной роли» начальника 4-й чешской дивизии, подчиненной Сыровому. Фактически он сделался старшим оперативным начальником Екатеринбургского фронта.

В его ведении находились чехословацкие части, Среднесибирский корпус, которым командовал молодой Пепеляев. В Екатеринбурге, по изображению Крагохвиля, Гайда имел вид обойденного и обманутого человека. До поры ему приходилось делать «приятное лицо в очень плохой игре» [с. 223]. В действительности же Гайда держал себя чрезвычайно авторитетно. Он постоянно «своевольничает», по выражению Болдырева. Таким нарушением приказа являлся призыв в «русско-чешские полки добровольцев, не исключая и призванных по мобилизации». Как в свое время было указано, в данном случае некоторые нити связывали Гайду с начинаниями эсеров. Был у Гайды и другой мотив. «Развал, начавшийся в чешских войсках², — говорит Болдырев, — грозил значительно понизить их значение в Сибири и в глазах иностранцев. Гайда все учитывал. Он пытается начать формирование русско-чешских полков, настойчиво требует присылки на его фронт полностью всего Среднесибирского корпуса, чтобы за счет русских войск усилить свой престиж и сохранить свое влияние в Сибири среди иностранцев» [с. 98]³. В этих требованиях Гайда встречал противодействие со стороны штаба Сибирской армии, главным образом со стороны Иванова-Ринова и Белова.

Имя Белова вводит нас сразу в сферу новых омских группировок и «интриг». Белов — это тоже «злой гений Сибири», с его именем связаны «германофильские» тенденции — так утверждает Гинс⁴. (Не было ли здесь про-

¹ Томское купечество поднесло Гайде 1 сент. золотое оружие с надписью: «Покорителю немецких и мадыарских войск в Сибири 1918 г.».

² Об этом подробно скажем особо.

³ Он требовал, кроме того, из каждой дивизии Уральского корпуса послать по 100 чел. для временного прикомандирования к чешским войскам.

⁴ См. также Пишон [«М. Sl.», 1925, II, p. 254].

стой, довольно обычной в то время игры на фамилии — настоящая, или прежняя, его фамилия была Виттенофф.) «Слухи и сплетни» ставили Белова в центр некоторой омской интриги. «Инстинктивно как-то многому не верю», — записывает Болдырев 20 октября.

Я отнюдь не собираюсь разбираться в клубке омских оговоров. Слишком неблагоприятное это занятие. Имя Белова сейчас упоминается только как имя определенного антагониста Гайды. 21 октября Иванов-Ринов, бывший во Владивостоке и назначенный командующим Семиреченским фронтом, прислал на имя Михайлова телеграмму, в значительной степени направленную против союзников и чехов. Телеграмма, не особенно грамотная, содержала, по мнению Болдырева, много горькой правды. Иванов, между прочим, писал, что догадывается о «намерении Гайды в Омске с группой приверженных ему русских офицеров объявить диктатуру»... Это была, по выражению Иванова, какая-то «социалистическая диктатура». Мне кажется, что бывший «полицейский» довольно прозорливо проник в потаенные планы чешского кандидата в «сибирские бонапарты»¹. Гайде была известна и телеграмма Иванова, и связь последнего с Беловым. Ясно, что их противодействие требованиям Гайды — проявление германофильских противосоюзнических тенденций. 10 ноября Гайда потребовал посылки в его распоряжение всех частей Среднесибирского корпуса. «Его предприимчивость, — рассказывает Болдырев, — пошла так далеко, что он нашел возможным подкрепить свои требования ультимативной формой, назначив 48 часов на выступление требуемых частей и такой же срок на устранение от должности нач. штаба Сибирской армии г.-м. Белова... При неисполнении грозит двинуть войска в Омск и «сделать такой порядок, что долго будут помнить» [с. 101]. Дело не ограничивалось угрозой, ибо одновременно Гайда приказал эшелонам 18-го чешского полка, бывшим на пути в Омск, сосредоточиться к этому пункту и «быть готовым к бою». Распоряжения Гайды были сделаны совершенно самостоятельно —

¹ Телеграмма Иванова целиком приведена у Болдырева [с. 99].

он не осведомил даже своего прямого начальника ген. Сырового, который, получив от Болдырева соответствующую информацию, остановил продвижение войск и пытался объяснить гайдовские беззакония «потребностями фронта».

К описанному инциденту было примешано имя Колчака, который был в эти дни на Екатеринбургском фронте и прислал телеграмму Болдыреву: «С своей стороны считаю отстранение ген. Белова для пользы русского дела необходимым». Колчак, доверяя Гайде, расходясь с Ивановым-Риновым и Беловым по военным вопросам¹, совершенно не был осведомлен о закулисной стороне, тем более о характере гайдовского ультиматума и о распоряжении двигать войска на Омск. Нет абсолютно никаких данных для противоположного утверждения. Поэтому так легко Колчак изменил свой взгляд на гайдовский инцидент после разговора с Болдыревым и только настаивал на расширении своих прав как военного министра².

Некоторые из мемуаристов, напр. Пишон, ставят ультиматум Гайды в непосредственную связь с упомянутым екатеринбургским планом правительственного переворота, выдвинувшего диктатуру Колчака на место Директории. Искусственность установления такой связи очевидна сама по себе. Ясно, во всяком случае, что омская «интрига» против Директории, которую ставят в связь с именем Михайлова и др., не могла иметь отношения к екатеринбургской «интриге» Гайды, прямо ей противоположной. Иванов-Ринов, Белов и др. не были склонны поддерживать кандидатуру Колчака. В цитированной телеграмме Иванова-Ринова имеются довольно неодобительные отзывы о Колчаке. Иванов-Ринов выдвигал себя на пост военного министра при Директории: «Колчак весьма нетактично произвел разрыв с японцами и

¹ Колчак, между прочим, поставил условием своего вхождения в министерство уничтожение введенной Ивановым «территориальной системы», которую он считал «неприемлемой» [«Допрос». С. 167].

² «Он или очень впечатлителен, или хитрит», — записал Болдырев [с. 165].

вообще много напортил на Востоке своей несдержанностью». Почти одновременно с телеграммой Иванова Белов получил телеграмму от ближайшего сотрудника бывшего упр. военным вед. Сибирского правительства, ген. Бобрика, направленную против включения Колчака в состав Правительства Директории: «Когда у ген. Иванова так удачно налаживается дело на Д. В., является просто безумием заменять его Колчаком, о котором здесь общественное мнение как о человеке, несоответствующем моменту... Японцы официально высказались, что они желали бы видеть министром Иванова. Смена министра в настоящий момент загубит наше дело у союзников» [Болдырев. С. 100]. Есть ли сомнение в том, что в такой момент не должно быть речи, во всяком случае у этой группы, о выдвижении кандидатуры Колчака на пост российского диктатора?

В момент «ультиматума Гайды» военный министр Директории находился на Екатеринбургском фронте. Он был приглашен чешским военным командованием на назначенное на 9 ноября торжественное освящение знамени «в честь начала чешской национальной жизни». На екатеринбургское торжество прибыл с частью своего более показательного батальона полк. Уорд. Так как вагон военного министра оказался прицепленным к этому поезду, то, очевидно, все это было сделано не случайно — англичане везли на показ своего ставленника. Будущий диктатор появился с эскортом «преторианской гвардии» [Пишон. «М. Sl.», 1925, II, р. 212]¹. Нокс-де давно искал подходящего генерала. Поэтому, вывезя в начале октября при содействии Гайды специального «диктатора» с

¹ Потому ли, что военный министр не видел в военной помпе выявления авторитета власти, потому ли, что министр Всерос. прав. был в менее привилегированном положении в Сибири, чем знатные иностранцы, но Колчак, очевидно, не придавал значения этому факту. Делал так, как было скорее и удобнее, не считаясь и не предполагая, что позднее отсюда родится сплетня.

Уорд указывает, что никакого предварительного соглашения о том, что он будет сопровождать Колчака в Екатеринбург, не было. Совместная поездка была решена накануне [с. 76].

Востока, 23 октября зондировал через ген. Степанова почву, не подходит ли в диктаторы Болдырев. «По словам... Степанова, — записывает Болдырев, — решено главным образом поддерживать русского генерала, которому доверяют союзники. Этому генералу будет дана и финансовая и людская помощь. Степанов дал понять, кто этот генерал. Это было первым серьезным искушением. Я отнесся к нему спокойно» [с. 82].

Выслушаем самого Колчака. Из его рассказа как-то все становится ясным.

«Первая моя миссия была присутствовать на этом торжестве и затем вечером на банкете, где я впервые познакомился с чешскими офицерами и Сыровым. Там присутствовали представители иностранных держав. Кроме того, я там вторично видел Гайдю».

На другой день Колчак имел свидание с Гайдой.

«Здесь Гайда меня спрашивал о том, каково политическое положение в Омске. Я сказал, что считаю его чрезвычайно неудовлетворительным ввиду того, что соглашение между Сибирским правительством и Директорией есть просто компромисс, от которого я не жду ничего хорошего, что столкновения в будущем почти неминуемы, потому что Директория не пользуется престижем и влиянием, что Сибир. прав., которое считает, что оно Сибирь объединило и уже шесть месяцев стоит у власти, передает эту власть с известным сопротивлением. Я говорил, что столкновения, несомненно, будут, и во что они выльются, я сказать не могу. Гайда сказал на это: «Единственное средство, которое еще возможно, это — только диктатура».

Я заметил ему, что диктатура может быть основана на армии и то лицо, которое создает армию и опирается на армию, только и может говорить о диктатуре. Кто же при настоящем положении может на себя взять роль диктатора? Только кто-нибудь из лиц, находящихся на фронте. Гайда ничего не ответил на это, но сказал, что все равно к этому неизбежно придут, потому что Директория, несомненно, искусственное предприятие. Затем он говорит по этому поводу: «Мне известна та работа, которая ведется в казачьих кругах. Они выдвигают своих кандидатов, но я думаю, что казачьи круги не в состоянии справиться с этой

задачей, потому что они слишком узко смотрят на этот вопрос» [с. 164–165]¹.

Разговоры, которые ведутся в Екатеринбурге, слишком напоминают атмосферу в Омске. Генерал Дитерихс, «прежде всего чешский доброволец», рассуждает спокойно. «Несомненно, — говорит он Пишону, в передаче мемуариста, — что существует слишком много политиков и партий, что центральная власть слаба; возможно и даже вероятно, что придется когда-нибудь вернуться к единоличной власти, подходящей для русского характера; но это должно случиться позже, гораздо позже, когда различные элементы в армии процементируются, а военное положение упрочится. Наш единый долг — фронт, наша единая забота — враг; надо тянуть, несмотря на действительные несовершенства, и не бросаться в авантюры в тот момент, когда военная работа требует прежде всего спокойствия» [«М. Sl.», 1925. II, р. 254].

Другие более экспансивны — и особенно молодежь. Рассказывая о присутствии Колчака на военном параде, Пишон передает их настроения такими словами:

«Энтузиазм русских офицеров-сибиряков достиг предела, циркулировали самые смелые слухи; очень замкнутый, адмирал молчал, но его окружение ликовало и громко говорило, что он человек будущего» [с. 252]. Сторонники диктатора, несомненно, могли воспользоваться таким настроением, чтобы лансировать Колчака². Гене-

¹ В воспоминаниях Гайдю передается беседа, которую вел о диктатуре с Гайдой полк. Лебедев. Имя Колчака среди других было названо последним [с. 98]. В беседе с Колчаком Гайда подчеркнул, что, как генерал, он соблюдает нейтралитет и не допустит агитации ни за диктатуру, ни против [с. 99]. Кратохвиль объясняет позицию Гайдю уязвленным самолюбием. Каковы бы ни были все эти мотивы, в сущности, не остается никаких данных для того, чтобы утверждать, как категорически это делает Пишон [с. 156], что в Екатеринбурге, несомненно, Колчак–Гайда пришли к соглашению, по меньшей мере в принципе.

² Грондиж, с чужих слов, передает, что на екатеринбургском офицерском банкете, под председательством Колчака, одним генералом было выражено при одобрении русских и нескольких союзных офицеров пожелание передачи власти военному

рал Сахаров утверждает, что полк. Лебедев объехал все фронты и что Дитерихс, Ханжин, Голицын, Гайда — все говорили ему о необходимости единоличной военной власти¹. Гинс, со слов Пепеляева, рассказывает о совещании в вагоне на ветке омского вокзала, когда решено было предварительно показать Колчака на фронте, где ему заранее была подготовлена встреча [I, с. 307]. Все это называется, скорее, подготовкой общественного мнения. Что такая подготовка шла — и усиленно, отрицать, конечно, не приходится. Но все это не дает материала для того, чтобы организационно связать 10 ноября в Екатеринбурге с 18 ноября в Омске². Слишком подозрительный Кроль, твердо отстаивающий версию участия Екатеринбурга в подготовке переворота, он об этой военной подготовке, как мы знаем, на основании данных, полученных от уральского министра вн. дел, предупреждал Болдырева еще задолго до переворота, усматривает до-

министру. Колчак промолчал [с. 515]. Екатеринбургец Кроль, также по слухам, говорит уже о банкете, который был в Екатеринбурге за несколько дней до переворота, на котором присутствовал приезжавший из Омска «один из видных английских офицеров» и на котором шла определенно уже речь о диктатуре Колчака [с. 118].

Достоверно лишь одно: «энтузиазм» у офицеров вызвал «молчавший» Колчак своей речью на екатеринбургском банкете о задачах армии:.... «Мы глубоко убеждены в том, что возродит Россию ее армия. Без армии нет государства... нет основ общественной и имущественной безопасности, нет свободы... Без нее не удастся создать дисциплинированной силы, мы не создадим государства... Вы явились “в тяжелые дни испытаний. Но я уверен, что вы сумеете выковать крепкий меч армии”»... [Ган Ан. Россия и большевизм. I, с. 339].

¹ «Белая Сибирь». 1919. Надо иметь в виду, что автор склонен к большим сообщениям. В его изложении обстоятельств переворота имеются большие фактические погрешности хронологического свойства: напр., по его словам, Совет министров еще 17 ноября вынес постановление о передаче власти Колчаку.

² Неизвестно, на основании каких данных Вишняк определенно утверждает, что Белоруссов был близок к делу 18 ноября [«Совр. Зап.». Кн. 40, с. 495]. Близость определялась лишь общим сочувствием «диктатуре».

казательство наличности организованного плана в приезде в Екатеринбург, по поручению министра финансов Михайлова, Юргенса для управления казначейством Урала: надо было Уральское правительство лишить «на всякий случай возможности распоряжаться деньгами» [с. 158]. Это было во время сдачи дел ликвидируемого областного правительства и, вероятно, скорее, объясняется некоторой предусмотрительностью центрального министерства финансов, как это видно из того, что происходило в последние дни существования в Уфе Совета управ. вед. на бывшей территории Комуча. Возможно, что по отношению к Уральскому правительству эта предусмотрительность была излишней. Но Уральское правительство, вопреки утверждениям Кроля, фактически не имело на своей территории достаточного авторитета¹...

Идеей переворота была насыщена вся атмосфера. И нет ничего удивительного, если Бойоар из Екатеринбурга слал в Челябинск Пишону рапорт за рапортом о подготавливавшемся военном пронунциаменто. Так, 9 ноября он писал:

«Продолжают ходить слухи по поводу намерения русских офицеров установить военную диктатуру (вероятно, адмирала Колчака). Так как чехи как будто не желают способствовать этому движению или продолжать свое дело в случае, если диктатура эта установится, то среди русских офицеров якобы существует большое недовольство против чехов и особенно против чехословацкого Национального Совета» [«М. Sl.», 1925, II, р. 251].

Главный французский комиссар Реньо успокаивал своих подчиненных из Омска 16 ноября:

«Со стороны офицеров нечего бояться чего-либо по отношению к Правительству: адмирал Колчак не позволил бы ничего в этом направлении. Офицеры эти возбуждены, нервно

¹ Кролю кажется, что изданные его Правительством 81 акт сами по себе должны были установить «устойчивый порядок» [с. 155, 165].

не уравновешены, и их надо образумить совсем полегоньку. Но не будем ничего ломать и в особенности не будем прибегать к чешскому способу» [«М. Sl.», 1925, II, р. 214].

Такой макиавеллиевской хитрости — игры на две стороны — от Колчака ожидать просто нельзя. Колчак не ехал на Екатеринбургский фронт с задней целью договориться о перевороте с командным составом. Это одна из ходячих версий, которая легко была воспринята таким специалистом по переговорам в дни «мятежей», каким был бывший министр исповеданий Временного правительства Вл. Львов. Он ее занес в свои воспоминания.

Колчак знал о настроениях в армии — он этого не скрывал, как видно из его показаний на суде. Но он сам не злоумышлял против Директории — так, по крайней мере, рисуется мне на основании всего материала, который находится в нашем распоряжении.

* * *

Если Гинс точно передал нам свою беседу с В. Н. Пепеляевым, в которой тот рассказывал, что будто бы участники переворота организовали «встречу» Колчаку в Екатеринбурге «в расчете», что под влиянием выслушанного там Колчак «не уклонится принять на себя роль диктатора» [с. 307], то эти участники ошиблись. У Колчака созрела мысль отойти от власти.

Вот его собственное показание, данное на допросе. Из Екатеринбурга Колчак отправился на фронт, где имел беседы с Сыровым, Дитерихсом, Голицыным, Пепеляевым и др. Настроение на фронте нами уже было передано, со слов Колчака. С фронта Колчак направился южным путем на Омск: «Мне был дан экстренный поезд. С этим поездом поехали представители военного командования и полковник Уорд, который присутствовал на этом параде. С Уордом мы вместе завтракали и беседовали на всякие темы¹. Между Петропавловском и Курганом мы

¹ Главным образом, по словам Уорда, по вопросам об организации военного министерства [с. 77].

встретились с поездом ген. Болдырева, примерно за сутки до моего прибытия в Омск. Я явился к нему и в общих чертах изложил результаты своей поездки¹. Болдырев ехал в Челябинск для свидания с чешским командованием, так как, по его словам, с чехами у него были очень натянутые и затрудненные отношения. Чехи оставляют фронт, нам грозят тяжелые осложнения на Уфимском фронте... Этот вопрос его чрезвычайно тревожил, и потому он выехал, не дожидаясь моего прибытия. Я спросил его о том, что делается в Омске, так как я никаких сведений об Омске не имел. Он говорит: «В Омске тоже нехорошо — там, несомненно, идет брожение среди казаков; в особенности говорят о каком-то перевороте, выступлении, но я этому не придаю серьезного значения. Во всяком случае, я надеюсь, мне удастся побывать на фронте и уладить там дело»...

16 ноября Колчак вернулся в Омск.

«По приезде моем в Омск, ко мне явились многие офицеры из Ставки и представители от казаков, которые говорили определенно, что Директории осталось недолго жить и что необходимо создание единой власти. Когда я спрашивал о форме этой единой власти и кого предполагают на это место выдвинуть для того, чтобы была единая власть, мне указали прямо: «Вы должны это сделать». Я сказал: «Я не могу взять на себя эту обязанность просто потому, что у меня нет в руках вооруженной силы. А то, что вы говорите, может быть основано только на воле и желании армии, которая поддержала бы то лицо, которое хотело бы стать во главе ее и принять на себя верховную власть и верховное командование. У меня армии нет, я человек приезжий, я не считаю для

¹ Вряд ли Колчак может быть сделан ответственным за бестактность, совершенную Уордом. «Во время революции вы никогда не можете чувствовать себя в полной безопасности, и поэтому я приказал своим людям зарядить ружья и быть готовыми к действию каждую минуту, если это окажется необходимым. Отданы были также приказы патрулю на платформе не позволять публике, ни военной, ни гражданской, собираться около поездов; двум солдатам, приставленным к адмиралу, было приказано ни в коем случае не выпускать его из виду, сопровождая его и давая мне об этом знать».

себя возможным принять участие в таком предприятии, которое не имеет под собой почвы» [с. 168]¹.

...«Когда я осведомился о положении вещей, то решительно хотел отклонить от себя должность военного министра, и мне кажется, что в тот день, как я приехал, я об этом заявил в Совете министров, мотивируя это тем, что при таких условиях я считаю невозможным вести работу военного министра. Это решение мое было почти категорическое. Но пока я не отказывался остаться на месте до прибытия Болдырева. Насколько мне помнится, 17 ноября был у меня Авксентьев накануне своего ареста. Он приезжал ко мне на квартиру и просил, чтобы я взял свою просьбу об отставке назад. Я ему совершенно определенно сказал: «Я здесь уже около месяца военным министром и до сих пор не знаю своего положения и своих прав. Вместо чисто деловой работы, здесь идет политическая борьба, в которой я принимать участия не хочу, потому что я считаю ее вредной для ведения войны, и в силу этого я не считаю возможным в такой атмосфере и обстановке работать даже в той должности, которую я принял»². Так мы с ним и не договорились... Я продолжал упорно настаивать на том, что я не буду больше военным министром и жду только приезда Болдырева. Я делаю оговорку: мне кажется, что это было в то время, о котором я говорю, но, может быть, это было накануне моего отъезда на фронт» [с. 169]³.

При нормальных условиях было бы, конечно, странно, что военный министр разговаривает со своими подчиненными о возможности переворота и о замене правительственной власти другой. Но, кажется, в эти дни все об этом только и говорили. Это какой-то странный перево-

¹ На вопрос допрашивавшего, кто именно в эти дни был у Колчака, последний назвал, между прочим, имена Лебедева, Волкова, Катанаева, Андогского, Сурина. «Из лиц невоенных, из политических деятелей по вопросу о единоличной власти у меня никого не было. Как я говорил, — добавляет Колчак, — никаких определенных решений и слухов мне не сообщалось. Это носило характер разговоров и обмена мнений».

² Не надо забывать, что ген. Мартыанову и другим близким к Колчаку лицам по прежней морской службе с большим трудом удалось в свое время уговорить адмирала задержаться хоть на несколько дней в Омске для «информации».

³ Это было, очевидно, после возвращения.

рот, о котором, действительно, даже не шушукались. 15 ноября в самом Правительстве Роговский делает доклад. Вот по этому поводу запись Болдырева: «Отъезд в Челябинск. В вагон прибыли Розанов и Матковский. Я им сообщил сущность доклада Роговского о готовящемся перевороте, который только что был заслушан нами в кабинете Вологодского, в здании Совета министров. Матковский говорил о полном спокойствии. Я поручил им обоим заехать к Авксентьеву и переговорить по этому вопросу. Меня просили не уезжать. Ставка будто бы имела сведения тревожного характера. Опасность указывалась и справа и слева, включительно до покушения на поезд» [с. 105].

Мне кажется, что все это само по себе служит доказательством, что ночь с 17-го по 18 ноября не была организационно подготовлена или была подготовлена в узком кругу лиц, принимавших непосредственное участие в перевороте. Противники покойного Колчака, вероятно, с этим не согласятся. Но никаких конкретных данных никто из этих противников и мемуаристов до сих пор нигде не привел.

Иностранцы заносят в свои воспоминания и дневники преимущественно слухи, до них доходившие, заносят иногда *post factum* и выдают их за, несомненно, бывшее. Так, для упомянутого мной проф. Легра, приехавшего в Омск 18 ноября, нет никаких сомнений в том, что сам Колчак совершил переворот¹. По его распоряжению были арестованы эсеры, члены Директории.

Далее наш мемуарист рассказывает уже нечто фантастическое:

«Прежний председатель Совета Вологодский, бывший на этом посту перед адмиралом Колчаком, обратился к представителям союзнических властей с заявлением, что ни он сам, ни его товарищи-министры не чувствуют себя больше в безопасности перед лицом произвольных арестов, подобных бывшим прошлой ночью, и что они были бы счастливы, если бы могли рассчитывать на поддержку чехословацких войск, находившихся под командой ген. Жанена. В действительности это была только комедия; все раскрылось, когда адмирал лично

¹ «L'agonie de la Sibérie» [«М. Sl.», 1928, II, p. 161–162].

явился заявить, что коллеги его верили ему свою власть с титулом Верховного Правителя и неограниченными полномочиями. А впрочем, известно, что он не любит чехов.

Очевидная цель переворота — подменить чуть ли не парламентарную власть, которая в течение пяти месяцев управляла краем, военной диктатурой по-русски, т. е. облеченной такой же властью, как власть покойного царя» [«М. Sl.», II, p. 162].

Может быть, Легра повторял здесь отчасти версию, слышанную от Пишона, по которой Вологодский делается основной пружиной переворота.

«В то время, как в главной квартире в Челябинске нас озабочивали эти исключительно военные вопросы, сведения из Омска и Екатеринбурга отмечали чрезвычайное политическое волнение. Положение Директории в Омске продолжало быть непрочным, ибо один из членов ее — Вологодский — был как раз главой Сибирского правительства и уехал во Владивосток»...

«Вологодский вел самолично на Дальнем Востоке переговоры с Хорватом; генерал же Хорват, партизан, облеченный единоличной властью с 1918 г., в согласии с крупным металлопромышленником Путиловым, покровительствовал кандидатуре адмирала Колчака: и вот мы узнаем, что последний прибыл в Омск и назначен там военным министром».

«Разумеется, у нас в это время не было ключа к этой тайне: но если подумать о том, что адмирал тотчас после переворота взял в председатели Совета министров этого самого Вологодского, то тогда уже легко воспроизвести соглашения, заключенные на Дальнем Востоке, и понять причину обструкции, оказанной Директории. Роль Вологодского, одновременно члена Директории, председателя Омского правительства, кандидата в председатели совета у адмирала Колчака, свидетельствует об особом старании *de miser sur tous les tableaux* (ставка на все номера) и о тонкости, которую некоторые сочтут чрезмерной» [«М. Sl.», 1925, II, p. 251]¹.

Итак, один из неоспоримо честных людей — «нечто среднее между методистским священником и плимутским

¹ Я не исправляю фактических ошибок, которыми полны тексты обоих мемуаристов. Читатель их усмотрит и сам без труда.

монахом» (Уорд) — был чуть ли не творцом ночного захвата членов Директории! Русские источники более, конечно, осторожны и менее категоричны, чем эти безответственные суждения. Они, в сущности, повторяют версию, данную Авксентьевым в интервью токийскому корреспонденту «New-York-Herald» — Герм. Бернштейну¹. В интервью, характер которого, вероятно, следует объяснить естественной тогда нервозностью Авксентьева², было сказано: «Все дело сделано с ведома Вологодского, Старынкевича, Михайлова, Гинса³, Тельберга и, конечно, Колчака, который спокойно вернулся с фронта в день (?) нашего ареста». «Переворот был разыгран дружно, как по нотам, — повторяет уже Святицкий, — и несомненно, что Вологодский, Колчак, И. Михайлов, Ключников и др. столпы реакции знали о готовящемся *coup d'etat* и сами готовились к нему» [с. 95]⁴. Тот же перепев с некоторыми модуляциями дает и бар. Будберг, впрочем оговаривающийся, что у него «не было времени для того, чтобы заняться подробным исследованием причин, вызвавших ноябрьский переворот». «По-видимому, — заносит он в свой дневник после оставления поста военного министра, — главной причиной было желание известной

¹ Напечатано было в токийской газете «The Japon Adversaire» 28 дек.

² «Авксентьев несколько поддался после пережитых тревог, остальные — мало», — записывает Болдырев при встрече с бывшими членами Директории в Йокогаме 1 января [с. 136]. По-видимому, упомянутое интервью было дано в письменной форме. Следовательно, оно отвечало мыслям Н. Д. Авксентьева.

³ Гинс говорит, что он «догадывался о подготавливавшемся заговоре» [с. 307]. Кажется, все догадывались. Правительство Директории хорошо знало как о готовящемся перевороте, так и о его ближайших исполнителях, и тем не менее и «оно в первую минуту не было в курсе всех деталей ареста министров-эсеров» [с. 80]. Несомненно, Гинс по своему положению и по своим связям должен был знать больше других.

⁴ С. Сталинский в книге «Пути Революции» [с. 126] уже более категорично без всяких доказательств утверждает: «Правая, несоциалистическая, часть Директории почти вся непосредственно участвует в заговоре против левой ее части».

группы лиц попасть к власти, свернув голову Директории; представителями этой группы и явилась затем Михайловская пятерка, выдвинувшая адмирала на пост Верхов. правителя и составившая затем его Верховный Совет, форменную олигархию, узурпировавшую *de facto* всю власть. Громкое и чистое от грязи имя адмирала было нужно для прикрытия всей этой специфически омской махинации; несомненно, что, выдвигая адмирала, пятерка знала, что в его лице она получит очень мягкое и послушное орудие для осуществления своих планов».

Переворот совершился не только с ведома Правительства. «Замена Директории Верховным правителем была, несомненно, делом так называемого политического блока», — слышится один из обывательских голосов [Руднев. Ор. cit. Р. 258]. «14 болванов» причастны к перевороту — утверждает Майский [с. 335]. Мемуаристы, т. е. слухи — в данном случае можно поставить знак тождества, называют немало лиц, игравших видную роль в организации переворота. Среди них Ключников — не только один из «идеологов» переворота, но и автор идеи ночного ареста. Ключников довольно странный заговорщик: со слов эсеров, прибывших из Екатеринбурга в Омск, Святицкий передает, что Ключников выступил на открытый «реакционный путь» подачей особого меморандума, который осмелился предложить «самой Директории». Он предлагал принять суровые меры против Съезда У. С., но ему было отвечено, что он суется не в свое дело. Тогда Ключников подал меморандум непосредственно в Совет министров [с. 93]¹. Среди заговорщиков и член Правительства Зефилов, больше повинный в резких отзывах о Директории; среди них и ген. Сурин, и «хитрый маклер»

¹ Очевидно, имеется в виду тот проект реконструкции Директории, о котором упоминает сам Ключников. Предложение Ключникова сводилось к предложению отказаться в Сибири от созыва Учр. Собр. ввиду того, что с поражением Германии освободилась значительная часть территории. Правительство должно сложить свои полномочия при объединении главнейших существующих правительств. Ракитников передает, что доклад Ключникова был встречен в Совете министров сочувственно [Ор. cit. Р. 24].

ген. Андогский, к которому весьма настороженно относилось Сибирское правительство¹ и «фонды» которого нетвердо стояли и у новой власти².

Я далеко еще не использовал всех имеющихся в литературе указаний³. Между тем боюсь, что читатель уже запутался в этих контroversах, сплетнях, разговорах и предположениях. На прямой вопрос одного из «судей», соц.-дем. Денике, стало ли Колчаку известным впоследствии, кем и как переворот был организован, Колчак ответил:

«Я знаю и мне говорил Лебедев, что в этом принимали участие почти вся Ставка, часть офицеров гарнизона, штаб главнокомандующего и некоторые члены Правительства. Он говорил, что несколько раз во время моего отсутствия были заседания по этому поводу в Ставке. Я ему на это сказал одно: «Вы не должны мне сообщать фамилии тех лиц, которые в этом участвовали, потому что мое положение в отношении этих лиц становится тогда совершенно невозможным, так как, когда эти лица будут мне известны, они станут в отношении меня в чрезвычайно ложное положение и будут считать возможным тем или иным путем влиять на меня. Виновники этого переворота, выдвинувшего меня, будут постоянно оказывать на меня какое-нибудь давление, между тем как я считаю для меня совершенно безразличным это, и я не считаю возможным давать или не давать те или иные преимущества». Фактически это Лебедев и выполнил. Я могу сказать, что почти вся Ставка, по крайней мере, все начальники отделов принимали в этом участие и часть офицеров гарнизона, главным образом казачьи части. Я считал неудобным спрашивать о лицах. Что касается политических деятелей, то там, несомненно, были лица из состава Совета министров» [с. 174–175].

¹ В свое время эту настороженность штаба Сибир. армии и генштабистам из Военной академии, попавшим «в плен» в Казани, Болдырев занесет на счет реакционности Сибири.

² Была и еще одна легенда: сам Болдырев арестовал Директорию и бежал за границу. Болдырев слышал ее от шофера во Владивостоке [с. 127].

³ Колосов, а за ним Гуревич видят уже за кулисами японцев. В целях поддержки Омска, как оказывается, произведен даже был японский десант.

«Я никогда к этому вопросу не возвращался, — добавлял шепетильный в моральных вопросах Колчак, — и никогда ни с кем из министров об этом не говорил».

Таким образом, наиболее осведомленным лицом, по словам Колчака, был как будто бы полк. Лебедев.

«Полк. Лебедев мог бы рассказывать всю эту историю, хотя его имя даже не упоминалось во время *coup d'état*», — делает со своей стороны намек Уорд [с. 78]. По-видимому, Лебедев играл первенствующую роль в психологической подготовке сознания «необходимости новой власти» — и особенно в военных кругах. Но от нас ускользает его участие в организационной части заговора.

Всеобщий заговор перестает быть «заговором» в узком смысле этого слова. «18 ноября» все ждали, но переворот не мог быть сговором, в сущности, довольно враждебных между собой групп. Если идти по стопам большевицких историков, то легко наметить и дату, когда между отдельными группами произошел договор о выдвижении кандидатуры Колчака на пост диктатора. В «Хронике гражданской войны в Сибири» под 30 октября помечено: «В. Пепеляев вошел в соглашение с Ив. Михайловым относительно плана свержения Директории и установления единоличной диктатуры Колчака» [с. 95].

Мы не знаем, откуда взяты эти сведения. Составители «Хроники» часто ссылаются на неопубликованный дневник В. Н. Пепеляева. Для большевицких историков истинным организатором переворота является восточный отдел ЦК партии к.-д. в составе Пепеляева, Жардецкого, Клафтона, Бородина и Соловейчика. Пепеляев еще 5 ноября имел будто бы длительную беседу с Колчаком, предлагая ему «от имени «Нац. Центра» (?) выставить свою кандидатуру на пост Верховного правителя; получив согласие, условился о плане дальнейших действий к подготовке политического переворота» [«Хр.». Прил. 96]. «Хроника» цитирует запись Пепеляева, относящуюся к 17 ноября: «Я ушел с конференции (партийной. — С. М.) на совещание. Участвовали все. Решено. Я поехал к П. Полная налаженность. Описать потом». Кто этот таинственный П.? Нет ни одного из активных «участников переворота» с такой фамилией. Что говорилось на этом совещании и кто был на нем — мы не

знаем¹. И было ли там предусмотрено выступление 18-го? Или дело сводилось к сговору для будущего — положение действительно становилось безвыходным... Мне рисуется, скорее, последнее. Во всяком случае, отсюда пошла версия Парфенова о заседании 17-го (она изложена была выше), после которого отряд Красильникова приступил к выполнению намеченного плана. Отсюда и толкование речи Клафтона, открывшего 20 ноября заседание Съезда партии к.-д. словами: «С 18 ноября мы стали партией государственного переворота. Стоило нам накануне высказать наше мнение, и назавтра то, что должно было совершиться, совершилось». Кроль толковал эту речь в смысле непосредственного участия партии в перевороте.

* * *

Есть еще одна версия, которую я должен поставить особо. Она, быть может, наиболее серьезна и на первый взгляд как будто бы разъясняет все возникающие сомнения. В сущности, эта версия не так уже далека от тех выводов, которые сами собой напрашиваются из нашего изложения, но, поскольку в ней уточняется план переворота, она возбуждает сомнения и заставляет отнестись к ней с осторожностью. Новые данные сообщены мне Г. В. Щепиным, состоявшим в дни переворота помощником полк. Сыромятникова в Ставке, — сообщены уже тогда, когда выдержки из моей работы предварительно появились в «Возрождении». По словам моего информатора, он является непосредственным участником переворота 18 ноября. О подготовке заговора, в котором принимали участие Андогский, Сыромятников и Михайлов и в который якобы был посвящен член английской военной миссии полк. Нельсон, полк. Щепин (в то время капитан)² был осведомлен Сыро-

¹ И. И. Сукин передавал мне, что на совещании якобы были Волков, Красильников, Лебедев, Андогский и Михайлов. Совершенно очевидно, что б. министр колчаковского переворота передает только один из многочисленных слухов.

² Щепин был близким ген. Андогскому лицом и состоял слушателем Военной академии, пробравшись в Екатеринбург, где была академия, с Кавказа.

мятниковым. Последний предложил ему взять на себя техническое осуществление плана переворота. С этой целью Щепин был назначен (без ведома ген. Розанова) начальником особого офицерского отряда — в его «послужном списке» действительно значится: принял отряд 17 ноября, сдал его 19-го. Сыромятников гарантировал Щепину вооруженную силу в виде 400 (?) организованных морских офицеров и отрядов Волкова и Красильникова. В поезде адмирала, направляющегося на фронт, был устроен свой человек, который должен был, по условленной из центра телеграмме, неожиданно изменить маршрут поезда и представить Колчака в Омск к моменту, когда переворот будет совершен. Так все и было сделано. Встретив Болдырева в Челябинске, адмирал отправился в Оренбург. Между тем по соглашению указанного доверенного лица с машинистом последний взял направление на Омск, куда поезд и прибыл 18-го рано утром. Колчак узнал об изменении маршрута только перед самым прибытием в Омск. В вокзале в Омске ему была организована встреча «народом» в целях убедить его принять диктаторские бразды правления.

Самим переворотом в ночь с 17-го на 18-е дирижировал из Ставки полк. Щепин: отряд Волкова обеспечивал спокойствие в городе, отряд Красильникова арестовывал членов Директории. Когда ночью в Ставку прибыл ген. Розанов, которому заговорщики не доверяли и который назвал «предательством» это выступление, он был как бы «арестован» в своем кабинете¹.

Такова новая версия. Что мы можем из нее принять? Только одно: кап. Щепин, бывший, очевидно, совершенно не в курсе закулисной работы и сочувствовавший перемене власти, должен был как бы гарантировать невмешательство Ставки в то, что будет совершаться в городе и что было известно Сыромятникову. Все остальное противоречит известным нам фактам. Колчак в Оренбург не собирался, с Болдыревым встретился на обратном пути на перегоне Петропавловск—Курган, в Омск

¹ Любопытно, что Щепин отрицает непосредственное участие в перевороте Лебедева. По его словам, Лебедеву заговорщики не доверяли и постарались отправить его на фронт.

прибыл за день или накануне переворота. А у адмирала были все основания в дни следствия умалчивать о фамилиях, но у него не было никакого повода измышлять тот рассказ, который зафиксирован на страницах допроса. Версия Щепина, суживая круг действующих лиц, в центр ставит все те же отряды Волкова и Красильникова.

Какой же вывод можно сделать о подготовке «заговора» до 18 ноября? Бесспорно «заговор» создан не в один день. В этом отношении Кроль совершенно прав [с. 159]. Весь период существования Директории был так или иначе временем подготовки ее свержения. Существовавшее никого не удовлетворяло — ни правых, ни левых, ни тот центр, на который Директория могла бы опереться при несколько ином к нему отношении. Директория не захотела этого сделать и повисла в безвоздушном пространстве¹. Вопрос о перемене власти муссировался во всех кругах: и в «салонах», и в частных совещаниях общественных деятелей, и в военной среде, и в правительственных сферах, и в среде иностранцев. Нокс, враждебный «социалистической» Директории² и сторонник конституционной монархии, единственно возможной, по его мнению, в окружающей обстановке³, сочувствовал диктатуре — и высказывался в этом отношении довольно определенно. Он сочувствовал кандидатуре Колчака, считая, что имя Колчака «обеспечивает помощь со стороны Англии» [Гинс. С. 276]. Только в этом проявилась его «инициатива» и «содействие» перевороту.

Агитация, конечно, принимала постепенно более определенные формы. Идея «переворота» неизбежно вылилась бы в более резкие контуры, если бы события их не

¹ К числу легенд из цикла «развесистой клюквы» надо отнести версию Монтондона о том, что Директория погибла потому, что подготавливала серьезную аграрную реформу [с. 68]. Представитель Кр. Креста, очевидно, совсем не представлял себе земельных отношений Сибири.

² Нокс, как говорит Болдырев, избегал сношений с Директорией и не сделал визита Авксентьеву, относясь к нему «скептически» [с. 83].

³ Так же высказывался, по словам Колосова, «высокий комиссар» Англии в Сибири Дж. Эллиот [«Былое». XXI, с. 257].

предупредили. О готовящемся «перевороте» Колчак знал приблизительно в тех же чертах, как знали это и другие¹. — О перевороте, по утверждению В. Львова, открыто говорили в канцеляриях министерств.

Само выступление в ночь с 17-го на 18 ноября рисуется в таком приблизительно виде:

Приходилось уже упоминать о банкете 13 ноября по поводу прибытия французской миссии, — банкете, который закончился расследованием и приказом Болдырева арестовать певших гимн. Среди особенно разошедшихся на банкете как раз оказался, по выражению Зензинова, «напившийся на обеде допьяна» войсковой атаман Красильников, будто бы заявлявший, что «мы всегда по первому зову пойдем за Михайловым и Вологодским» — другими словами, за старым Сибирским правительством... Зензинов осведомлен был, очевидно, о том, что происходило на банкете, через специальное лицо, командированное управляющим делами Вр. Вс. пр. на обед, — Л. Тренденбаха. Его донесение председателю Правительства достаточно характерно. Оно отмечает, что после речей оркестр каждый раз исполнял «Марсельезу». (Ненормальность, которая установилась с первых дней революции, когда, по выражению французского посла Палеолога, «Марсельеза» сделалась «русским гимном».) Однако по требованию большинства офицеров, оркестр заиграл бывший русский гимн, «причем часть офицеров пела его словами», «чувствовалась сильная сконфуженность... Тогда я подошел к сидящему со мной рядом казачьему офицеру в чине полковника и обратился к нему с просьбой прекратить гимн, так как представитель Сербии просит слова. Полковник вспылил и спросил меня, кто я такой. Я

¹ Корреспондент «Таймса», указавший в своей депеше, что Колчак 17-го знал о том, что произойдет на другой день, передавал лишь одну из ходивших версий в лагере враждебном. Ее повторил и профессор Легра в своем парижском докладе 31 мая 1920 г. (*L'Esprit, publik eu Sibirie pendant le sejour des Mussions Alliés. Séance du Comite National d'étades sociales et politipue*). Непонятно, как мог вернувшийся непосредственно из Сибири Легра говорить, что Колчак был председатель Совета министров при Директории.

ответил, что... меня командировали как представителя Управления делами Вр. Вс. пр. Посмотрев на меня с нескрываемой злобой, этот полковник сказал: «Пошел прочь, паршивый эсер». Я отошел от него к своему месту. Гимн повторялся все далее и далее. Во время исполнения гимна я неоднократно делал попытки прекратить пение, но все безрезультатно»...

По окончании ужина ген. Матковский и представители союзных держав покинули собрание. «Я остался один, — продолжает Тренденбах, — окруженный офицерами, которые настойчиво требовали сказать им, кто я такой. Видя бесполезность каких-либо разговоров, я сказал, что был личным секретарем Сапожникова, а теперь принят на службу в Иностранное отд. кред. канц. мон. фонда. Тогда полковник, протягивая мне руку, сказал: «А, так Вы у Михайлова и состояли в распоряжении Сапожникова, простите, я не знал, что Вы наш. Имейте в виду, что мы всегда по первому зову пойдем за Михайловым и Вологодским, великодушно простите, а я думал, что Вы какой-нибудь паршивый эсер, терпеть не могу этих эсеров». Зензинов говорит, что Директорией был отдан приказ об аресте Красильникова и об отправке его на фронт¹. Было ли дело так, как излагает Зензинов, или так, как передает Болдырев², но не вовремя проявленная Директорией власть и, пожалуй, неуместно, ибо дело касалось все же выступления на банкете, ускорила надвигавшиеся события. Повод для ареста не мог не вызвать раздражения в отряде Красильникова. Казачьи офицеры были достаточно в курсе происходивших разговоров и, следовательно, знали, что выступление их (оставляя в стороне вопрос о форме), по существу, может вызвать, скорее, лишь сочувствие. Вот почему я считаю, что отряды Волкова и Красильникова в ночь с 17-го на 18-е выступили в значительной степени

¹ Из жизни революционера. Париж (1919, с. 114).

² «Я на другой день узнал об этой истории, — пишет Болдырев, — и по телефону спросил Матковского, арестовал ли он виновных. Матковский ответил, что он все еще выясняет таковых, а затем спросил: «А если среди виновных окажется сам Красильников — и его арестовать?» — «Конечно, арестовать. Вы заставляете меня учить вас вашим обязанностям» [с. 104].

самостоятельно, без непосредственной связи с тем совещанием, о котором говорит Пепеляев в дневнике, но, может быть, в соответствии с тем «планом», который разрабатывался некоторыми участниками (среди них, вероятно, Сыромятников) в «салоне» Гришиной-Алмазовой. Эта группа, приученная уже к самовластию и безответственности, и стремилась предупредить события, получив свыше (из Ставки) инструкции.

Моя версия и не оригинальна и не нова. Что делать? События текут подчас более упрощенно, чем это кажется на первый взгляд. По свежим следам именно так представлял себе дело, очевидно, и Болдырев. По крайней мере, при свидании с Будбергом он рассказывал, что переворот совершил местный гарнизон, обиженный тем, что его хотели вывести из Омска [XIII, с. 285]. И Зензинов говорит в своих воспоминаниях, что «попытки Директории обуздать... реакционные круги, отозвав отряд Красильникова, вероятно... ускорили развязку»¹. Такую же оценку в то время дал и Гер. Бернштейн в депеше, отправленной из Харбина в «New-York-Herald». Сам Красильников на суде показал, что арест членов Директории был вызван дошедшими до него сведениями о предполагаемом его аресте.

3. «18 ноября»

«Это один из таких министров, которые последними узнают о государственном перевороте» — так определяет Майский прозорливость В. М. Зензинова. «Еще накануне вечера (18-го) один из членов ЦК передавал мне содержание разговора по прямому проводу с В. М. Зензиновым, — как бы добавляет Святицкий. — Последний сообщал, что все обстоит благополучно»... [с. 96]. Может быть, отсутствие этой «предусмотрительности» лишь хорошо характеризует нравственный облик Зензинова. Бесспорно, однако, в боевой обстановке того времени безмятежность не была положительной чертой власти.

¹ Прибавлю еще одну версию: по утверждению В. Львова, офицеры отряда Красильникова, не стесняясь, говорили о цели их прибытия (?) в Омск.

По-видимому, Зензинов возлагал большие надежды на отряд Роговского — появление его в Омске должно было упрочить положение Директории [Майский. С. 304]. Эта сила, уже организованная Роговским, по-видимому, и служила причиной того столкновения, которое на почве кандидатур происходило при организации Омского правительства. «Левая» часть Директории хотела обеспечить за своим человеком заведывание государственной полицией. Едва ли это не было большой ошибкой. Существование в Омске эсеровского отряда — «боевой дружины», как назывался он в общегитии, — могло только раздражать казачьи атаманские отряды, которые в Омске представляли реальную силу. Отряд Роговского, состоявший из людей «верных и преданных» Директории, вообще оказался пухом — он был легко разоружен одной казачьей частью без всякого сопротивления¹.

Сам переворот произошел так:

«В воскресенье, 17 ноября, Зензинов и я, — рассказывал Авксентьев в своем интервью Бернштейну, — обедали у товарища мин. вн. дел Роговского. Там мы встретились с только что прибывшей через большевицкую Россию делегацией Архангельского правительства, которая рассказала нам о своих испытаниях и о положении дел в Архангельске». Сразу же приходится сделать поправку. В этот день Авксентьев и Зензинов обедали не у Роговского, а у министра юстиции Старынкевича. На обеде присутствовал и Роговский, был приглашен также и Вологодский, но «по болезни» отсутствовал. Старынкевич рассказывал мне, что этот обед был устроен им (на правах, очевидно, бывшего эсера) со специальной целью воздействовать на членов Директории из партии с.р. в смысле необходимости резче и определеннее реагировать на «прокламацию» ЦК. Надо было, ввиду нараставших угроз, реабилитировать себя в общественном мнении, пуб-

¹ Вегман, имевший возможность пользоваться многими источниками, нам недоступными, говорит, что на следующий день в казармы отряда «сине-белых» Роговского явился Красильников и предложил: «Кто хочет служить Колчаку — пусть остается, кто не хочет — пусть уйдет». В отряде нашелся лишь один «преданный» Директории. Вероятно, картина не носила столь идиллического характера.

лично отгородившись от позиции, занятой прокламацией. Вопрос о прокламации обсуждался уже в Совете министров. «Воздействие» не оказало влияния. Авксентьев лишь негодовал, что Совет министров позволяет себе вмешиваться в предначертания верховной власти. Во время обеда Старынкевич был вызван одним из штабных офицеров, пришедшим предупредить, что ему известно о предполагаемом ночью аресте «министров-социалистов». Предупреждение было встречено обедавшими скорее шуткой: министры-социалисты не означают еще верховной власти. От Старынкевича обедавшие перешли на квартиру Роговского в здании Ведомства государственной охраны, оберегаемой усиленными патрулями «боевой дружины».

В сущности, у Роговского происходило частное собрание эсеров. Присутствовало 10 человек; среди них Гендельман и Раков, как мы знаем, посланные от Бюро Съезда в Омск со специфическим заданием также «воздействовать» на Директорию [*Святыцкий*. Реакция и народ. С. 20], три члена архангельской делегации — эсеры Дедусенко, Маслов и Лихач. Около полуночи в помещение ворвалась группа «пьяных офицеров», арестовала Авксентьева, Зензинова, Роговского и Ракова¹ и отвезла их в штаб Красильникова (здание сельскохозяйственной школы в Загородной роще), где уже находился арестованный на дому Аргунов.

* * *

Отчетливее всех и полнее всех изобразил дальнейшее А. В. Колчак в своих показаниях.

...«Об этом перевороте слухи носились — частным образом мне морские офицеры говорили, но день и время никто фиксировать не мог. О совершившемся перевороте я узнал в 4 часа утра на своей квартире. Меня разбудил дежурный ординарец и сообщил, что меня просит к телефону Вологодский... От

¹ Совершенно непонятно, почему Ракову и Гендельману надо было при аресте спешно уничтожать записки, расписки и т. д. [*Раков*. В застенках Колчака. С. 6]. Традиции старой конспирации?

Вологодского я узнал по телефону, что арестованы члены Директории... что он сейчас созывает немедленно Совет министров и просит, чтобы я прибыл на это экстренное заседание Совета министров... Тогда я приказал соединиться и вызвать сейчас же Розанова, который был начальником штаба Болдырева.

Он в это время спал, но, когда я его вызвал, он сразу подошел к телефону... Он ответил, что он никак не может добиться ни штаба, ни Ставки, ни управления казачьими частями, так как их телефоны, по-видимому, не действуют. Я ему сказал, что я сейчас оденусь и перед тем, как поехать в Совет министров, заеду к нему по дороге, чтобы с ним переговорить. Затем я пытался соединиться со Ставкой и спросить, известно ли там, что делается, но со Ставкой соединиться мне не удалось. К Розанову же приехал и Виноградов... Виноградов сообщил... что... в городе все спокойно, разъезжают только казачьи патрули, стрельбы и вооруженных выступлений не было. Розанов, по-видимому, совершенно не был в курсе дела¹...

Около шести часов Совет министров собрался... и Вологодский сообщил всему составу Совета министров о событиях, которые произошли ночью... [с. 169—170].

На заседании Совета, после информации Вологодского, прежде всего поднялся вопрос о том, где могут находиться арестованные члены Директории. На это никто определенно указать не мог. Потом уже кто-то из прибывших сообщил, что они находятся в здании сельскохозяйственного института, за Загородной рощей, где находилась часть партизанского отряда Красильникова. Вологодский поставил вопрос, как относится к этому аресту Совет министров. Было высказано несколько мнений. Первое мнение — факт ареста ничего не означает, тем более что три члена Директории, большинство, остаются: Виноградов, Вологодский и Болдырев. Второе мнение было таково, что Директория, после того что случилось, остаться не может у власти и что власть должна перейти к Совету министров Сибирского правительства. Об арестованных пока никто не говорил, участь их была неизвестна...

Во время этих прений встал Виноградов и сказал, что он считает невозможным оставаться более в составе Директории ни при каких обстоятельствах после того, что произошло, и слагает с себя обязанности и никакого участия больше

¹ Мы видим, как расходятся показания Колчака с приведенным выше рассказом Щепина.

в заседании принимать не считает возможным. Уход Виноградова поставил ту часть голосов, которые говорили, что Директория остается, в затруднительное положение. Оставался только один Вологодский здесь и Болдырев на фронте. Тогда вопрос об оставлении Директории сам собой отпал.

Затем, часов около восьми, поднялся вопрос о том, что надо выработать текст обращения к населению, что такое положение является совершенно нетерпимым, что в такой переходный момент может наступить анархия, а во что она выльется — неизвестно. Пока в городе все спокойно, но все казачьи войска находятся под ружьем. Они посылают в город караул; отдельные части ходят по городу, хотя это ни в чем не проявляется; другие части находятся тоже под ружьем, хотя они не выходят из казарм, и если такое неопределенное положение продлится, то можно ожидать каких-нибудь крупных и серьезных событий. Тогда поднялся вопрос такой — что следует сделать и как на это реагировать? Вопрос был поставлен таким образом: необходимо для того, чтобы вести и продолжать борьбу, отдать все преимущества в настоящее время военному командованию и что во главе Правительства должно стоять лицо военное, которое объединило бы собой военную и гражданскую власть¹... Когда же ко мне обратился, то я тоже сказал, что считаю это единственным выходом из положения. Я только что вернулся с фронта и вынес убеждение, что там полное несочувствие Директории и малейшее столкновение между Директорией и Правительством отозвалось бы сейчас в войсках [с. 171–172]...

После обмена мнений большинство членов Совета министров высказалось в том смысле, что они предлагают мне принять эту должность². Тогда я считал своим долгом высказать свое мнение по этому поводу, — надо прежде всего стараться без всякой ломки сохранить то, что уже существу-

¹ Против диктатуры возражал Шумиловский [Гинс. I, с. 308]. по словам И. И. Сукина, первоначально против диктатуры высказался и ген. Розанов.

² Едва ли не первым, назвавшим имя адм. Колчака, был Гинс. Поэтому чрезвычайно неприятное впечатление производит то, что во втором томе своих воспоминаний Гинс слишком усиленно отгораживается. У него есть даже такая фраза: «Какую ответственность взяли на себя люди, которые в ночь на 18 ноября решили выдвинуть адмирала» [II, с. 369]. Гинс как бы забывает, что решали государственный вопрос, во всяком случае, не те, которые произвели ночной арест.

ет и что оказалось удовлетворительным, что не вызывает особых возражений и сомнений, т. е. власть, существующую в лице Верховного главнокомандующего ген. Болдырева, со стороны войск против него особых возражений не будет...

Тогда Вологодский обратился ко мне и сказал: «Я принимаю во внимание все, что вы сказали, но я вас прошу оставить зал заседания, так как мы находим детально и более подробно обсудить этот вопрос и так как нам придется говорить о вас, то вам неудобно здесь присутствовать» [с. 173]...

Затем я пришел в зал заседания, где Вологодский прочел постановление Совета министров, заявивших, что Совет министров считает это единственным выходом из настоящего положения.

Тогда я увидел, что разговаривать не о чем и дал согласие, сказав, что я принимаю на себя власть и сейчас же еду в Ставку для того, чтобы сделать распоряжение по войскам, и прошу Совет министров уже детально разработать вопрос о моих взаимоотношениях с Советом министров» [с. 174].

Считая неудобным сохранить должность начальника штаба за Розановым (как за помощником Болдырева), Колчак назначил временно исполнять эти обязанности полк. Сыромятникова. От него он узнал, где находятся арестованные, и отдал распоряжение доставить их на квартиру и ее усиленно охранять¹.

В тот же день, в 4 часа, происходит второе заседание Совета министров.

«На нем, — рассказывает Колчак, — был обсужден вопрос относительно выработки краткой конституции о моих взаимоотношениях с Советом министров. Была принята форма, которую я признал совершенно отвечающей тому, что нужно, указавши на то, что я считаю необходимым работать в полном контакте и в полном единении с Советом министров. Затем тут же был намечен план относительно такого Совета, который был бы при мне для экстренных вопросов и, главным образом, для решения вопросов иностранной политики, так называемого Совета Верховного правителя, состоящего из пяти членов, в который могли вызываться ответственные лица.

¹ Это фактически не было выполнено, если только Колчак не ошибся в датах.

Затем поднялся вопрос о том, что же делать сейчас. Я сказал, что в городе ходит масса самых фантастических слухов, поэтому надо самому факту переворота придать гласность. Я считал самым правильным судебное разбирательство в открытом заседании для того, чтобы, во-первых, снять нарекания на лиц, совершивших этот переворот, а во-вторых, потому, что это лучший способ осведомления. Я сказал, что никогда не допущу кары над этими лицами, так как за то, что они это сделали, я принял уже все последствия на себя. Но это один из способов придать гласность самому обстоятельству совершившегося переворота» [с. 176].

В промежутки между двумя заседаниями Вологодский прислал Колчаку письмо, в котором неперенным условием сохранения им поста председателя Совета министров ставил личную неприкосновенность членов Директории¹.

«На этом же заседании Совета, — продолжает Колчак, — был решен вопрос о личной судьбе членов Директории. Я сообщил, что я приказал перевести их на квартиру, что я сделал распоряжение гарантировать им полную неприкосновенность и что единственно разумное решение, какое можно сделать в отношении этих лиц, — это предоставить им выехать за границу. Это было общее мнение и Совета» [с. 177].

* * *

Рассказ Колчака в деталях несколько расходится с заявлением бывших членов Директории, опубликованным ими за границей в ответ на официальное сообщение Правительства о событиях 18 ноября. В заявлении слишком

¹ С аналогичным письмом к Колчаку 19-го обратился и Уорд: «Я уже говорил вам о моей уверенности, что моя страна почувствует серьезное огорчение, если указанные арестованные подвергнутся какому-нибудь оскорблению без соответствующего суда над ними» [с. 86]. «Я хорошо также знал страх моих соотечественников перед диктатурой, — добавляет в воспоминаниях Уорд, — и если бы принятие адм. Колчаком верховной власти было связано или ускорено убийством его противников без суда, содействие и вероятное признание британским правительством новой власти могло бы сделаться невозможным».

много полемических выпадов против неудачного во всех отношениях официального сообщения, которое названо авторами заявления «явно тенденциозным и лживым». Слишком неблагоприятная работа взаимно анализировать два акта — легко усмотреть, что тенденциозно и противоречиво¹ и заявление арестованных. Неточности, которые можно легко отметить, особенно в датах, рассказа Колчака при сопоставлении его с «заявлением», не имеют большого значения и не изменяют общей картины. Тем не менее, для соблюдения известного беспристрастия, приведем отрывок и из заявления арестованных.

«Несмотря на то что о нашем аресте Совету министров, в том числе министру юстиции, стало известно утром 18 ноября, и не только об этом аресте, но и о нашем местонахождении, — г. Старынкевич явился к нам лишь только около двух часов дня 19 ноября, заявив, что только час тому назад ему удалось узнать о нашем местонахождении и что он прибыл, по полномочию Совета министров, объявить нам, что мы свободны, т. е. освобождаемся от стражи, но что вопрос о дальнейшей судьбе нашей еще не разрешен...

Г. Старынкевич... предложил нам впредь до решения г. Колчаком и Советом министров вопроса о дальнейшей судьбе остаться «свободными» в том помещении, где мы находились под «надежным», с его точки зрения, караулом, ибо он не может гарантировать нашей неприкосновенности в другом месте. Мы отвергли это предложение, указав на полное отсутствие гарантии неприкосновенности и предпочли переезд куда-нибудь в пределы города.

Указывая на отсутствие гарантий неприкосновенности, мы имели в виду постоянную опасность со стороны тех, в чьих руках мы находились; и на это мы имели достаточные основания... мы находились под живым впечатлением пережитых картин своего ареста, в течение которого офицеры, частью пьяные, с револьверами в руках позволяли себе грубые издевательства и недвусмысленные угрозы немедленной расправы.

Итак, мы предпочли переезд в город и выбрали квартиру Авксентьева, куда нас и доставил г. Старынкевич в своем автомобиле. В квартире была поставлена, по распоряжению

¹ В особенности при сопоставлении с более ранним «интервью» Авксентьева.

г. Старынкевича, стража из трех офицеров, опять-таки из отряда Красильникова, причем мин. юстиции объявил, что мы имеем право свободного выхода из квартиры и вообще свободного общения с внешним миром, с той, однако, оговоркой, что он, г. Старынкевич, не может дать нам гарантии неприкосновенности, если мы пожелаем поселиться свободно по своим квартирам» [Зензинов. С. 162–163].

Для психологии момента имело бы значение выяснение одной детали, которую выделяют пострадавшие. Они утверждают, что мин. юстиции уже утром 18 ноября знал о местонахождении арестованных... «От офицеров, — добавлял Авксентьев в интервью, — мы узнали, что министр юстиции, вместе с ат. Красильниковым, был в казармах, где мы были помещены через два часа после нашего ареста» [Зензинов. С. 178]. Больше того, Аргунов прямо уже говорит, что мин. юстиции скрыл местопребывание арестованных от Совета министров [с. 37]¹.

Вспомним, что, по словам Колчака, кто-то на заседании сообщил, что арестованные находятся в штабе Красильникова. Слово теперь за самим министром юстиции. Его воспоминания могли бы разъяснить многое из того, что остается пока неясным². В частной беседе со мной Старынкевич хронологически излагал дело несколько иначе, чем Колчак. Он утверждает, что о месте ареста он узнал только утром 19-го, когда явился к Колчаку, где в передней встретил стоявших навытяжку во фронт Красильникова и Катанаева, пришедших с повинной к Верховному правителю. Вне всякого сомнения одно: появление Старынкевича в казармах через два часа после ареста могло быть только при условии, если Старынкевич принимал самое непосредственное участие в «заговоре». Указаний на это нет никаких, и мне это представляется совершенно невероятным. И даже если бы Старынкевич принял то

¹ У Аргунова явное противоречие, т. к. перед тем он сказал: «Совету мин. было немедленно доложено о нашем аресте и о месте нашего ареста».

² В эмиграции С. С. Старынкевич предложил б. членам Директории, выступавшим публично против него, третейский суд. Последние отказались, предлагая ограничиться печатной полемикой.

или иное участие, нельзя предположить такого технического lapsus'a со стороны достаточно опытного и осторожного общественного деятеля. Я думаю, что в дате заседания Совета ошибся Колчак, объединивший в одно заседание то, что происходило на разных заседаниях.

Характерно, несомненно, то, что об арестованных на первом заседании говорили мало, как-то ими не интересовались, и ни у кого не было той мысли, которая казалась столь естественной арестованным. «Мы полагали, — говорил Авксентьев в интервью, — что законное Правительство, противозаконно подвергнутое аресту, а теперь освобожденное, снова сделается законным Правительством». Но это было не так. С правовой точки зрения Авксентьев прав. Но фактическое положение дела было таково, что подобное решение могло бы привести лишь к кровавой развязке. «Если бы даже Совет министров и признал необходимым восстановление Директории, — говорил Ключников в парижском докладе, — то у него не было бы совершенно сил осуществить свое решение. Это могло бы только стоить жизни Авксентьеву и Зензинову, которых легко могли бы убить заговорщики при том настроении, в котором последние находились». Те «пьяные» офицеры, которые с револьвером в руках угрожали арестованным, конечно, могли бы и не остановиться перед новым актом насилия, тем более что изменение характера правительственной власти считалось ими необходимым во имя интересов родины. Если некоторые члены Совета знали или догадывались (что было нетрудно) о местопребывании арестованных, если об этом было сказано в Совете до 19 ноября, то их молчание могло объясняться теми же опасениями. Преждевременное вмешательство до выяснения конструкции власти могло бы вызвать новые и неожиданные эксцессы...

Вернемся, однако, к «заявлению» б. членов Директории.

«В квартире Авксентьева мы провели весь вечер и ночь на 20 ноября, совместно решая вопрос о своем положении и принимая родственников и знакомых. Однако и этому «свободному» пребыванию скоро наступил конец. Уже вечером у дома появилась усиленная стража. Ночью в квартиру явился капитан Герке с офицерами, которые в грубой форме, с ре-

вольверами в руках, потребовали сообщить, с кем мы имели сношения и в особенности нет ли у нас какого-либо сговора с представителями чехословаков. А на следующее утро квартира была окружена цепью солдат и нам было заявлено, что мы подвергнуты полной изоляции с воспрещением общения и проч.» [с. 163].

Обратим внимание на то, что кап. Герке допытывался, нет ли у арестованных «какого-либо сговора с представителями чехословаков»... Надо иметь в виду, что в «интервью» Авксентьева, кроме «родственников и знакомых», посещавших арестованных, упомянуты и «кое-кто из чехов» [с. 179]. Теперь отчасти становится понятен вопрос Денике на допросе Колчака: «Не приходилось ли вам слышать, что в то время, когда Авксентьев и Зензинов находились в заключении, им через некоторых лиц предлагалось чехами выступление для ликвидации переворота?» Колчак ответил: «Такие разговоры были, но точных данных никаких не было, и никаких шагов в том направлении не предпринималось» [«Допрос». С. 188]. Подобные сведения, как оказывается, не совсем фантастические, не могли не нервировать офицерский отряд, действовавший в эти дни. И распоряжение Колчака продолжить арест было весьма целесообразно — Старынкевич, ссылаясь в беседе с арестованными на «нервную атмосферу» среди офицеров, отнюдь не преувеличивал возможную опасность. В интервью Авксентьева сказано: «...Они заявили, что охрана была приставлена к нам, чтобы оградить нас от народного гнева — новая ложь, так как гнев народа был направлен против узурпаторов» [с. 181]. Ну, до народа было далеко. Он просто отсутствовал во всем этом конфликте и, как мы увидим, оставался глубоко равнодушным к судьбе Директории. «Гнев» реальный был не со стороны некоего отвлеченного народа, а со стороны тех, которые «с револьвером в руках» угрожали членам Директории, по собственному признанию последних.

«Вместе с тем, — говорит заявление, — через г. Старынкевича мы получили разрешение вопроса о дальнейшей судьбе. Нам предлагалось на выбор: или выезд, т. е. высылка за границу, или перевод в тюрьму в какой-нибудь отдален-

ный пункт Сибири. Свободное проживание где-либо на территории России не считалось допустимым, и на этом основании Аргунову было отказано в въезде в г. Шадринск. Очень сомнительно, чтобы Старынкевич ставил перед арестованными такую дилемму, — по-видимому, у Колчака не было никаких сомнений относительно высылки за границу¹. Что касается Аргунова, то Колчак в своих воспоминаниях говорит: «Мы ему сказали, что через несколько времени он может вернуться, но на первое время пускай выедет хоть в Шанхай» [с. 179].

«Взвесив все обстоятельства, — продолжает «заявление», — мы выбрали высылку за границу, причем дали согласие на то, что во время пути в пределах сибирской территории не будем заниматься агитацией и что едем как частные лица... Уже после того, как мы дали согласие на высылку за границу с указанными условиями и назначен был час выезда, нам начали предъявлять от имени Колчака и Совета министров уполномоченные ген. Хорошхин и министр ин. дел Ключников новые условия, которые были нами отклонены; среди этих условий следует отметить два наиболее характерных по своей беззастенчивости: 1) не возвращаться в Россию впредь до образования единого правительства на всей территории России и 2) отказаться от каких-либо выступлений за границей против вновь образованной в г. Омске власти. Поздно вечером мы были увезены на вокзал» [с. 164]...

«Нашу охрану, — продолжает Авксентьев, — составляли пятнадцать офицеров отряда Красильникова, около 30 солдат, отряд пулеметной команды и 12 английских солдат с офицером. Последние были присоединены к отряду, так как мы настаивали на международных гарантиях нашей безопасности. Когда поезд тронулся, офицер — начальник конвоя — показал нам инструкцию Колчака, в которой говорилось, что мы должны содержаться под строжайшим арестом и не иметь никаких сношений с внешним миром. В случае попытки к побегу или при попытке освобождать нас извне мы должны быть расстреляны на месте» [Зензинов. С. 181].

Сопоставим эти слова с рассказом Колчака.

¹ Арестованные в своем «заявлении» рассказывают о посещении их кап. Герке с аналогичным предложением от имени какого-то «высокопоставленного лица». Возможно, отсюда и происходило смешение.

После переворота

1. Генерал Болдырев

«Со Старынкевичем я обсуждал вопрос, как их отправить. Было решено взять экстренный поезд с вагоном для охраны их. Я немного опасался каких-нибудь выступлений по дороге, так как мне говорили о возможности нападения на них, и я обдумывал, как бы гарантировать их от этого. Я воспользовался близостью и знакомством с Уордом и просил его вообще дать мне конвой из 10—12 англичан, который по дороге гарантировал бы от каких-нибудь внешних выступлений против членов Директории.

Уорд с большим удовольствием согласился...

Затем я со Старынкевичем решил вопрос о том, какие суммы им нужно дать. На вопрос, куда они предполагают ехать, члены Директории ответили, что они хотят ехать в Париж, и им была выдана сумма приблизительно 75 000—100 000 рублей каждому в этот же день¹... Вечером я вызвал начальника конвоя и сказал ему, что он отвечает непосредственно передо мной за целостность и неприкосновенность этих лиц и за малейшую попытку, против них направленную. Затем я сказал, что если будет попытка с целью нападения на них или, наоборот, с целью освобождения их, тогда действовать оружием без всяких разговоров» [с. 178—179].

Версия Колчака относительно инструкции начальнику конвоя гораздо более правдоподобна, чем та, которую передал Авксентьев в интервью, а Зензинов в воспоминаниях «Из жизни революционера» [с. 118]. Правдоподобна уже потому, что арестованных сопровождал и английский конвой. Колчак больше всего боялся какой-нибудь расправы по дороге, и он охранял жизнь высланных. Английский подпоручик Корниш-Гоуден доносил потом по начальству:

«Проезд был спокоен. Почти все большие города, где предполагались волнения, мы проехали ночью...

Уже здесь (т. е. в Харбине) офицер, командовавший русской охраной, уведомил меня, что все движение на перегоне Иркутск—Чита приостановлено по приказанию ген. Семенова и что поезда тщательно обыскивались с целью обнаружения высылаемых после того, как мы уже проследовали. Впрочем, никаких данных для подтверждения этого у меня не имеется» [с. 87].

¹ Золотой рубль в это время равнялся в среднем 5 руб.

В дни омского переворота Верховный главнокомандующий, член Директории, Болдырев отсутствовал. Он был на фронте. Получив сообщение в Уфе о падении Директории, он записывает 18-го: «Иллюзий больше не оставалось. Война или уход от власти — других путей не было.

Надо было ехать в Челябинск. Без предварительного переговора с чехами (Сыровой и Нац. Совет) я в тех условиях не мог принять крайних мер, т. е. объявить себя единственной законной властью и бунтовщиками Колчака и омский Совет министров. Для меня было совершенно ясно содействие Колчаку со стороны англичан (Нокс, Родзянко, Уорд) и благожелательное сочувствие французов. Осушественная Омском идея военной диктатуры пользовалась сочувствием большинства офицеров, буржуазии и даже части сильно поправивших демократических групп...

В сложившихся условиях восстановление прав пострадавших Авксентьева и Зензинова силой не было бы популярным, оно невольно связывало бы меня и с черновской группой, к которой я сам лично относился отрицательно.

Как ни ничтожны были по моральному весу группы, совершившие переворот, они требовали определенной вооруженной силы для их ликвидации и за время моего продвижения к Омску могли значительно окрепнуть, просто подгоняемые чувством самосохранения. Таким образом, для похода на Омск надо было снять войска с фронта и тем самым ослабить важнейшее уфимское направление или взять таковые из Челябинска, но там были войска из состава Сибирской армии с начальниками, тесно связанными с Омском.

В 9 час. веч. ко мне прибыл особоуполномоченный Директории в Уфе, Знаменский. Он знал уже о случившемся и вместе с Советом управляющих ведомствами не только был в оппозиции совершившемуся, но и приступил к немедленной, правда, пока словесной борьбе. Он

просил меня приехать на заседание Совета и высказать свое решение.

Я не дал окончательного ответа — меня тревожили возможные осложнения на фронте, тем более что предварительный разговор мой на эту тему с генералом Войцеховским убедил меня, что большая часть офицерства встретила весть о диктатуре сочувственно»...

Челябинск, 19 ноября.

«Роли переменились. Пошел в вагон к Сыровому. Национ. чехосовет и Сыровой резко против переворота, при этом Сыровой добавил, что и Жанен и Стефанек (воен. министр Чехословакии), с которыми он говорил по аппарату (с Владивостоком, где они оба находились), запретили чехам вмешиваться в наши внутренние дела и указали на необходимость прочно держать фронт. Исходя из этих соображений и имея двух Верховных главнокомандующих — меня и Колчака, Сыровой отдал приказ — ни чьих распоряжений, кроме его, не исполнять.

Создавалось нелепое положение. Колчак фактически не мог управлять фронтом: начальники, получившие его приказы, не могли исполнять их, имея в виду приказ непосредственного начальника, ген. Сырового...

Выяснилось к тому времени и настроение моей Ставки. Там сочувствовали перевороту, работа продолжалась, все на местах...

Вечером предстояла крайне тяжелая необходимость поехать на банкет в честь проезжавших французов. Настроение подавленное. Человеческая подлость не ослабляется даже тяжелыми политическими тревогами... Никаких политических заявлений, конечно, я не сделал; этого, кажется, больше всего опасался сидевший рядом со мной французский майор Пишон...

Перед отъездом я переговорил с бывшими на банкете военными. Чувствовалось, что и их ухо приятно ласкала диктатура. Не знаю, может быть, из вежливости все делали вид, что было бы лучше, если бы диктатором был я... Вечером говорил по аппарату с Колчаком. Привожу разговор полностью¹.

¹ Приводим со значительным сокращением.

...«Я не получил от вас ответа в отношении вопроса о Верховном главнокомандовании и должен вас предупредить, что, судя по краткой беседе с ген. Дитерихсом, и в этом отношении нанесен непоправимый удар идее суверенности народа в виде того уважения, которое в моем лице упрочилось за титулом Верховного главнокомандования и со стороны войск русских, и со стороны союзников. Я не ошибусь, если скажу, что ваших распоряжений как Верх. главнокомандующего слушать не будут. Я не позволил себе в течение двух суток ни одного слова ни устно, ни письменно, не обращался к войскам, и все ждали, что в Омске поймут все безумие совершившегося факта и, ради спасения фронта и нарождавшегося спокойствия в стране, более внимательно отнесутся к делу. Как солдат и гражданин, я должен вам честно и открыто сказать, что я совершенно не разделяю ни того, что случилось, ни того, что совершается, и считаю совершенно необходимым восстановление Директории, немедленное освобождение и немедленное же восстановление в правах Авксентьева и др. и сложения вами ваших полномочий. Я считал долгом чести высказать мое глубокое убеждение и надеюсь, что вы будете иметь мужество выслушать меня спокойно. Я не допускаю мысли, чтобы в сколько-нибудь правовом государстве были допущены такие приемы, какие были допущены по отношению к членам Правительства, и чтобы представители власти, находившиеся на месте, могли спокойно относиться к этому событию и только констатировать его как совершившийся факт. Прошу мое мнение довести до сведения Совета министров».

Разговор этот, конечно, совершенно определенно обрисовал мою позицию. Тем не менее меня терзали сомнения, хорошо ли я делаю, уступая власть захватчикам.

Беседа с чехами ставила меня, по крайней мере в первое время, в изолированное положение. В связи с указанием, полученным Сыровым от Жанена и Стефанека, я мог встретить с их стороны затруднения с переброской войск к Омску.

В моем положении надо было иметь все 100 шансов на успех, иначе это была бы лишняя, осложняющая положение авантюра»...

Челябинск, 20 ноября.

«Продолжается мучительная работа мозга. «Что делать?» — вопрос этот отнюдь не потерял своей остроты.

Дольше оставаться в Челябинске не было смысла, если не подымать фронта против Омска.

Голос благоразумия все настойчивее убеждал временно уйти, не делать новых осложнений в армии. У каждого политического деятеля и свое время, и своя судьба...

Явились новые предложения борьбы с Омском. Представители местной демократии заявили, что на первое время есть даже и деньги. Вырисовывались некоторые шансы на успех, но они должны были вызвать большие осложнения, а вместе с тем и создать ореол мученичества Колчаку и его сотрудникам, если бы они, не показав себя, принуждены были уйти от власти. Пусть покажут...» [с. 110—114].

«Новые предложения» — это воззвание эсеров, шансы которых на выступление в действительности Болдырев оценивал невысоко:

«Учитывая все те настроения, которые сложились за последнее время против всего, что связано как со Съездом членов У. С., так и вообще с партией эсеров, можно было смело утверждать, что в тех слоях, которые проявляли то или иное активное участие в борьбе, возвания эти почвы иметь не будут. Массы же подготовлены не были»...

«Как странно!» — добавляет он ниже. — Там, где, казалось, должно было быть наиболее яркое выражение воли к борьбе, наоборот, настроение далеко не боевое».

Я нарочно вновь изложил психологию Болдырева его собственными словами, хотя надо иметь в виду, что эта подневная запись в действительности была написана уже в Токио. Колебания Болдырева очевидны. Запись 20 ноября заканчивается словами: «Только что разорвал проект приказа и обращения к населению. Еду в Омск»¹... Он хотел выступить и... остановился. Не так велики были его шансы на успех. Трезво обдумывая, он видел это воочию. Поэтому не одно только желание не возбуждать «междоусобной войны», как говорил он позже Будбергу [«Арх.

¹ При первом сообщении о перевороте Болдырев на всякий случай поспешил произвести Каппеля в генералы.

Рус. Рев.». XIII, с. 271] и как утверждает Аргунов [с. 39], остановило Болдырева. Полк. Пишон, расценивая шансы Колчака и Болдырева, полагает, что сочувствовала перевороту северная группа Гайды, состоявшая из сибиряков, против переворота были войска в центре и на Юге — добровольцы Самары и Уфы, «10 000 рабочих-социалистов» Ижевских и Воткинских заводов и чехи [«М. Sl.», 1925, II, р. 258]. Расчет здесь шел без хозяев. Ижевские и Воткинские дивизии оказались лучшими колчаковскими войсками, «добровольцы» Народной армии отнюдь не были горячими сторонниками бывшего Самарского правительства¹. Но Пишон полагает, что после отказа Сырового, которого Болдырев пытался убедить выступить, Болдыреву ничего не оставалось делать, как ехать в Омск [с. 262]. Единственная сила, на которую мог бы опереться Болдырев, были чехи. Но чехи «оказались не вполне хозяевами себя, ибо переворот взяли под свое покровительство англичане». Так определяет положение Кроль [с. 160]. В отношении англичан я употребил бы другой термин: они не брали переворота под свое покровительство, а санкционировали то, что явилось после переворота. Нюанс значительный. «Я демократ, — пишет Уорд, — верящий в управление народа через народ, начал видеть в диктатуре единственную надежду на спасение остатков русской цивилизации и культуры. Слова и названия никогда не пугали меня. Если сила обстоятельств ставит передо мной проблемы для решения, я никогда не позволяю, чтобы предвзятые понятия или идеи, выработанные абстрактно, без проверки на опыте живой действительности, могли изменить мое суждение в выборе того или иного выхода; и я осмелюсь думать, что если бы те же обстоятельства предстали вообще перед англичанами, то девять из десяти поступили бы так же, как я» [с. 89]².

¹ На разность настроений Сибирской и Народной армий указывает и Колчак. Недоразумение это основывалось только на том, что Народн. армия формально вначале шла как бы под знаменем старого У. С.

² Официозная «Русская Армия» 19 ноября приводила отзыв Уорда: ...«Россия может быть спасена только установлением единой верховной власти, цель которой — создание национального правительства».

В первые дни после переворота сам Уорд склонен изображать положение более серьезно, чем оно было в действительности, и значительно преувеличивать свою роль. Он пишет: «Позиция чешских войск в Омске сделала невозможным для них приближение к месту, где заседали министры, без того, чтобы не наткнуться на британцев, а мои пулеметы командовали над каждой улицей, которая вела к помещению русской главной квартиры» [с. 82].

Легра передает слух, что Болдырев получил предупреждение от Нокса, что в случае его выступления и победы над Колчаком, он не будет впредь получать никакой помощи от англичан [«M. Sl.», 1928, II, p. 167]¹.

Так или иначе чешская военная власть решила не выступать в пользу Директории и сохранить нейтралитет в русских делах: 20 ноября Сыровым в качестве представителя иностранной союзной страны и лица, ответственного перед союзниками и перед русскими за войска на фронте, сражающиеся против внешнего врага, был издан приказ по армии, запрещающий под угрозой предания военному суду всякого рода политическую пропаганду на фронте, издание и распространение воззваний, не санкционированных главнокомандующим.

Приказом «временно» в военной зоне вводилась цензура для газет и других печатных произведений. «Не будут разрешаться, — объявлял Сыровой, — издания, возбуждающие различные политические партии друг против друга, могущие вызвать ослабление дисциплины и посеять разлад среди войск на фронте»...

На другой день появилась, однако, декларация чехословацкого Нац. Совета за подписью Патеядля и Свободы, ставившая вопрос по-иному:

¹ По словам Пишона, отношения чехов к Колчаку явились неожиданностью для английской дипломатии, и она поспешила их задобрить: Гайда, Сыровой, Чечек получили высшие английские ордена. Было одновременно роздано 300 наград чешским войскам [«M. Sl.», 1925, II, p. 264].

«Чехословацкий Национальный Совет (отделение в России), чтобы пресечь распространение разных слухов о его точке зрения на текущие события, заявляет, что чехословацкая армия, борющаяся за идеалы свободы и народоправства, не может и не будет ни содействовать, ни сочувствовать насильственным переворотам, идущим в разрез с этими принципами. Переворот в Омске от 18 ноября нарушил начало законности, которое должно быть положено в основу всякого государства, в том числе и Российского. Мы, как представители чехословацкого войска, на долю которого в настоящее время выпала главная тяжесть борьбы с большевиками, сожалеем о том, что в тылу действующей армии силами, которые нужны на фронте, устраиваются насильственные перевороты. Так продолжаться больше не может. Чехословацкий Национальный Совет (отделение в России) надеется, что кризис власти, созданный арестом членов Всерос. Врем. правительства, будет разрешен законным путем, и потому считает кризис незаконченным» [«Хр.». Прил. 145].

Декларация, по мнению Пишона, ...«ставила чехословаков в состояние скрытой враждебности по отношению ко всем русским сторонникам нового режима»¹ [с. 263].

На этой почве среди самих чехов произошли значительные осложнения. Чешский генералитет после выступления Нац. Совета постановил 25 ноября просить прибывающего Стефанека произвести прежде всего реформу Нац. Совета [Пишон. С. 264]. Но пока оставим в стороне внутренние чешские дела. Ограничимся только цитатами из разъяснительной декларации Н. С., появившейся в «Чехословацком Дневнике» [№ 241] 28 ноября.

«...Мы были вынуждены сделать эту декларацию, ибо пропаганда нового Правительства занималась не только утверждением, что оно опирается на союзников, но говорила о поддержке чехословацкой армии или, по меньшей мере, некоторых наших представителей»²... Касаясь заявления, что чехосовет не считает правительственный кризис законченным, разъяснение говорит:

¹ Коммунистическую басню, которой не верит и Пишон, об участии Сырового в перевороте можно оставить без рассмотрения.

² Такого «утверждения» я нигде в официальных документах не нашел.

«Мы имели полное право сказать это, потому что большинство (?) элементов, присутствовавших при организации Всероссийской власти, высказалось против переворота и до сих пор не уточнило своего взгляда. О нашей декларации говорили, что это интервенция во внутренние русские дела. В настоящем положении России могут быть различные мнения о возможности или своевременности подобной интервенции: но наша декларация — не интервенция. Нашим выступлением мы способствовали созданию настоящего положения России, и без нас ни Сибирь, ни Урал не были бы освобождены от большевиков; следовательно, мы несем известную ответственность перед всемирной историей... особенно на нас почти всецело лежит ответственность за антибольшевицкий Уральский фронт.

Итак, мы были вынуждены сказать свое мнение нашей армии, русским войскам на фронте, а также и населению в зоне военных действий, и сказать самым ясным образом, приглашая их в то же время сохранять спокойствие и исполнять свой долг».

* * *

Вернемся вновь к Болдыреву, который 21-го выехал в Омск. Он записывает:

«Представлялась возможность ареста, но это стоило бы большой крови — 52 офицера с пулеметами были при мне в поезде и поклялись, что даром не умрут¹.

В 3 1/2 ч. вечера прибыли в Омск. Встретил штаб-офицер Ставки, доложил, что адмирал очень просит меня к нему заехать...

Я спокойно заявил (Колчаку), что при создавшихся условиях ни работать, ни оставаться на территории Сибири не желаю. Это было большой ошибкой с моей стороны. Я дал выход Колчаку. Он горячо схватился за эту мысль как временную меру и называл даже Японию или Шанхай...

¹ Поводом беспокойства Болдырева было то, что он получил от Колчака в Уфе, 19-го, телеграфное требование: «Приказываю вам немедленно прибыть в Омск. Неисполнение моего приказа буду считать как акт неповиновения мне и постановлению Всероссийского правительства». Первоначально Колчак хотел сохранить за Болдыревым пост Верх. главнок. или сделать его военным министром, но после моего разговора, — говорит Б., — это сделалось невозможным [с. 117].

В дальнейшем разговор коснулся трудности общего положения; я заметил Колчаку, что так и должно быть. «Вы подписали чужой вексель, да еще фальшивый, расплата по нему может погубить не только вас, но и дело, начатое в Сибири». Адмирал вспыхнул, но сдержался. Расстались любезно. Теперь все пути отрезаны — итак, отдых...

Утром послал письмо Колчаку, которым подтвердил мое решение уехать из Сибири.

При письме — коротенькое прощальное обращение к армии. Гуковский¹ передал это письмо лично Колчаку, который сейчас же отдал необходимые распоряжения»² [с. 116].

Письмо к Колчаку Болдырев заканчивает словами: «Если бы вы пожелали выслушать мою более подробную характеристику положения на фронте и оценку политических кругов в прифронтовой полосе в связи с происшедшими событиями, я охотно это исполню». Свидание состоялось 24 ноября. 27-го у Болдырева запись: «Завтра уезжаем в добровольное изгнание». 28-го: «Предполагал отложить отъезд на 1–2 дня... Но это, видимо, не входило в расчет противников... приходил железнодорожный офицер, который от имени генерал-квартирмейстера Ставки сообщил, что, «ввиду личной безопасности генерала», нежелательно откладывать отъезд... Приказал позвонить Колчаку, что прошу его принять меня... Около часа был у Колчака и прямо спросил его: «Это от вас исходит странное предупреждение о необходимости, ввиду моей личной безопасности, сегодня же выехать или это работа вашего штаба вашим именем?»

Колчак — не знаю, искренно или нет — забеспокоился, что ему ничего неизвестно, что он ничего не имеет против отсрочки отъезда, что это, вероятно, недоразумение.

Однако, едва я приехал домой, Колчак попросил меня к телефону и сообщил, что ему доложили о каких-то событиях, которых он допустить не может, а потому было бы лучше не откладывать отъезда.

Мне стало уже противно. Решил уехать» [с. 118].

¹ Адьютант Болдырева.

² В воззвании к армии Болдырев завещал помнить, что будущее России на фронте и в создании единой боеспособной армии. Будет крепка фронт и крепка духом армия — будет обеспечено и воссоздание Великой России.

При печатании «Дневника» Болдырев пропустил фразу, которую в примечании восстанавливает большевицкий редактор: «Прощаясь, я сказал, что в тяжелую минуту я, не принимая участия в Правительстве, от командной роли не откажусь» [Прим. 119]. Возможностью такого решения, как сообщали потом Болдыреву, была очень обеспокоена «демократия».

Приведенный рассказ с достаточной отчетливостью свидетельствует, насколько не прав Зензинов в своем утверждении, что Болдырев был также выслан [с. 53]¹. Повод для такой трактовки дал, однако, сам Болдырев, назвав свой отъезд «до известной степени» вынужденным. Болдыреву не хотелось уезжать. Недаром он записывает уже после окончательного решения «уехать»: «Кое-кто из друзей, в том числе чехи, все еще надеялись вернуть меня к посту главноверха». Позиция Болдырева все время несколько двойственна и противоречива. Она такой осталась и впоследствии².

Во Владивостоке Болдырев 20 декабря получил через коменданта крепости Бутенко предупреждение о желательности скорейшего отъезда. Аналогичная просьба направлена была Болдыреву телеграммой на имя его адъютанта из омской Ставки. В телеграмме, по словам автора воспоминаний, было сказано, «что, зная мою любовь к Родине, просят доложить мне их просьбу ради общей пользы не задерживать мой отъезд за границу» [с. 129]. Позже Болдыреву было сообщено, что он выехал из Владивостока своевременно: подготавливался его арест и насильственная высылка за границу. Болдырев негодует и не понимает, почему там беспокоятся³... А между тем основание было.

¹ Если бы он был «выслан», то, очевидно, должен был бы получить прогоны в том размере, в котором получили б. члены Директории. Он получил, согласно закону, трехмесячное вознаграждение. Версия Зензинова уже просочилась в литературу. Автор новой работы о чехословацкой акции в России, Драгомирецкий, безоговорочно ее повторяет [с. 80].

² См. мою статью «Воспоминания ген. Болдырева» [«Голос Минувшего», 1926, № 2 (XV)].

³ В ненапечатанных строках он говорит: «Если это не пустая сплетня, то хороши мерзавцы — убирают все, что мешает авантюре и мелкому эгоизму» [Прим. 151].

Колчаку донесли, что Болдырев во Владивостоке имеет встречи с эсерами и земцами на предмет свержения Колчака при помощи японцев. Комментатор «Дневника» добавляет: «Утверждают, что агенты в своих утверждениях не ошиблись» [Прим. 131]. Страница эта неясна, но через год, действительно, Болдырев вел такую переписку (не по своей инициативе) с владивостокскими «земцами».

2. Эсеровская акция

Колебания Болдырева в Уфе отчасти были связаны с инициативой, которая шла от екатеринбургских и уфимских эсеров. Шансы этой инициативы Болдырев, как мы знаем, оценивал не очень высоко, сходясь в данном отношении с Майским: «Никто ничего не знал, никто не имел никаких планов, и, что самое скверное, ни в ком не чувствовалась воля к действию и к борьбе» [с. 335]. Но это не мешало руководителям партий бряцать оружием и грозить от имени «полномочных органов демократии»¹.

...«Скорее радость, а не уныние просвечивали в настроении большинства собравшихся» 18 ноября в номере Чернова в екатеринбургской гостинице «Пале-Рояль». «Было ясно, что недостойный блок революции с реакцией, пришел конец... цели становились и ясными и определенными... для всех демократов без различия направлений решительная борьба с реакцией»... Так пишет Святицкий [с. 96]. К его изложению мы вновь должны прибегнуть, так как пока это главный источник ознакомления с тем, что за кулисами делалось в описываемое время в недрах партии с.-р. В номере Чернова произошло столкновение между «лидером эсеров» и «одним сегодовласым, всем известным депутатом правого устремления». Последний был настроен крайне пессимистично и

¹ Один из видных эсеров (военный — имени его Утгоф не называет) так охарактеризовал в интимной беседе положение: «У нас сил хватит, чтобы арестовать и осилить колчаковцев. Ну а дальше что? Кто будет министром? Тот же Вольский, Чернов и К-о... Ради этого, разумеется, не стоит начинать восстания» [Утгоф. С. 37]. Но и этих сил фактически у эсеров не было.

полагал, что сопротивление Съезда «бесполезно и вызовет только напрасное пролитие крови». Чернов полагал, что партия обязана выступить независимо от условий... Было решено ночью устроить заседание Бюро Съезда и ЦК партии для выяснения вопроса о формах активной борьбы с Колчаком. «Но, — добавляет Святицкий, — предварительно нужно было окончательно и вплотную сговориться с чехами: согласны ли они поддержать Съезд или, во всяком случае, не противодействовать начинающейся борьбе Съезда с Колчаком? Для переговоров с Гайдой и другими ответственными представителями чешско-словацкого Нац. Совета были командированы депутаты И. М. Брушвит и Н. Ф. Фомин [с. 97].

Чешские руководители уезжали в Челябинск и «успели только сказать» делегации: «Наши гарантии Съезду остаются в силе — что бы Съезд ни предпринял» [с. 98].

Происходит заседание. Только один О. С. Минор выразил сомнение в реальных силах Съезда. Собравшиеся «в виде уступки в сторону правых» постановили, что избранный Испол. Комитет «должен стараться координировать свое действие с оставшимися лояльными членами Директории». Имелся в виду Болдырев, поехавший в Челябинск «просить у чехов помощи против Колчака». В состав Испол. Комитета вошли: Чернов, Вольский, Алкин (мус. деп.), Иванов, Федоров, Фомин и Брушвит, «как лицо близкое чехам».

19-го созывается собрание Съезда. Утром было получено из «чешской контрразведки» сообщение о том, что в военных кругах идет сильнейшая агитация за немедленное выступление против Съезда и «черновцев». Так как «чехи обещали свою помощь», то заседание Съезда не было отложено. «Прения были гильотинированы» — и было единогласно принято, при 2—3 воздержавшихся, воззвание к населению. Тут же было постановлено: «тотчас же захватить типографию одной из буржуазно-реакционных газет», отпечатать и к вечеру распространить воззвание.

«Съезд членов, — гласит резолюция, — берет на себя борьбу с преступными захватчиками власти, Съезд постановляет: образовать из своей среды Комитет, ответственный перед Съездом, уполномочить его принимать все

необходимые меры для ликвидации заговора, наказания виновных и восстановления законного порядка и власти на всей территории, освобожденной от большевиков...

Поручить Комитету для выполнения возложенных на него задач войти в сношение с непричастными к заговору членами Всерос. Врем. правительства, областными и местными властями и органами самоуправления, чешским Национальным Советом и другими руководящими органами союзных держав.

Всем гражданам вменяется в обязанность подчиняться распоряжениям Комитета и его уполномоченных» [«Хр». Прил. 148].

Ввиду сведений о готовящемся выступлении против Съезда последний закрывается, и все дела передаются на рассмотрение Комитета, резиденцией которого являлась гостиница «Пале-Рояль» [Святицкий. С. 100]. Чешская разведка вновь предупреждает, что вечером или ночью можно ждать нападения, но что особенно беспокоиться не надо, так как «чехи приняли все меры к предотвращению нападения». «На нашу просьбу выставить охрану у гостиницы чехи отвечали, что это неудобно», но в доме против гостиницы помещен уже вооруженный отряд в 50 человек [с. 101]. ««Черновцы», — продолжает Святицкий, — видя, что гостиница готовится стать ареной вооруженного столкновения... вызвали к себе заведующего чешской контрразведкой, который предложил всем соединиться в одной гостинице, которая и будет «надлежащим образом защищена чехами от нападения. Комендант уже сделал распоряжение об очищении «Американской гостиницы», куда поздно вечером все члены Съезда могут перейти» [с. 102]. Однако уже в 7 час. гостиницу «Пале-Рояль» окружили несколько рот 25-го Уральского драгунского сибирского полка. Кем-то в подъезде были брошены две бомбы. Выстрелом из револьвера был тяжело ранен Максудов. Офицеры и солдаты начали производить обыски и арестовали 18—19 человек, отведенных в штаб полка¹. Однако по рас-

¹ «Отеч. Вед.» [№ 11] сообщали впоследствии, что при обыске в гостинице «Пале-Рояль» был найден уже готовый список журналистов, подлежащих аресту — среди них Белоруссов и Синегуб.

поряжению ген. Гайды арестованные были немедленно освобождены и водворены назад в «Пале-Рояль».

Как передавали чехи, разбойнический налет был произведен не всем полком, а частью его, возбужденной офицерством, убедившим солдат, что они идут против открытой только что банды большевиков. В данный момент отношения между чешским командованием и сибирским так обострены, что с минуты на минуту можно ждать открытого вооруженного столкновения на улицах. Чехи решили пока во что бы то ни стало избежать этого столкновения. Выжидая решения своих вождей в Челябинске, они, чтобы выиграть время, заявили сибирякам, что они сами — будут «стеречь» Съезд, пока не будут получены соответствующие инструкции из Омска.

Такой образ действий не удовлетворил, конечно, сибиряков, ибо они не доверяли чехам и ненавидели их. Не удовлетворил он и нас¹...

«Что-то готовит нам следующий день? — не могли мы не спрашивать себя, ложась спать в ночь на 20 ноября. Положение было в высшей степени неопределенное и чреватое печальным для нас исходом» [с. 106–107].

Святицкий не в состоянии понять позорность этой трагикомедии, разыгранной «демократами» под охраной чешской контрразведки.

«Рано утром следующего дня, когда я еще был в постели, мне принесли для ознакомления бумагу из штаба главнокомандующего фронтом. Я читал эту бумагу и не верил своим глазам. В ней стояло приблизительно следующее: «Ввиду мятежнических действий Съезда, выразившихся в распространении от его имени воззвания к населению 19 ноября, совершенно недопустимых в прифронтной полосе, так как они вносят тревогу в население и беспокойство и разложение среди войска, генерал Гайда «предлагает» Съезду в 24 часа покинуть Екатеринбургский район. Генерал Гайда предлагает всем членам Съезда,

¹ «Правда, — не может не признать мемуарист, — чешское окружение отеля было весьма кстати, ибо... вслед за чешской цепью солдат стояла цепь сибиряков, не доверявших чехам и решивших стеречь нас вместе с чехами» [с. 109].

за исключением В. М. Чернова¹, выехать с поездом, отходящим из Екатеринбурга в Челябинск сего числа в 6 часов вечера. Всем отъезжающим генерал Гайда гарантирует полную безопасность и неприкосновенность» [с. 107].

«Это было “черное предательство чешского военного командования”», — восклицает Святицкий. Ясно, что Гайда действовал, согласно приказу 20 ноября, изданному Сыровым. Но ранее Гайда вел какие-то переговоры с Фоминым, с каким-то письмом к Гайде обращался 19-го сам Чернов, взывая к его «демократичности». По моему мнению, Гайда все время вел двойную игру и мог ввести в заблуждение эсеров со Съезда У. С.

Я не могу следить за всеми характерными перипетиями начавшегося в Екатеринбурге вооруженного выступления против омской власти.

Съезд согласился² отправиться в Челябинск, но вместе с Черновым. Картинно описывает выезд из гостиницы «Пале-Рояль» Святицкий:

...«Каждый депутат едет на особом извозчике в сопровождении особого конвойного. Извозчики едут все вместе гуськом. В гостинице «Пале-Рояль» к моменту отъезда набралось человек 60–70 отъезжающих.

Вся гостиница высыпала смотреть, как мы тесной толпой выходили и рассаживались. Оригинальную картину представлял наш «поезд», вызывая удивление и испуг у всех встречных и проходящих. В светлую лунную ночь бесконечной вереницей быстро едут извозчики с двумя седоками на каждом, один из которых вооружен винтовкой. Посмотришь назад: на целую версту растянулась цепь повозок.

Удивление прохожих! Да не удивлялись ли мы сами тому, что происходило? Не вспоминались ли нам некие, не столь давние времена, когда «по пыльной дороге телеги неслись», на них по бокам два жандарма сидели? И кто такие теперь несутся в «телегах»? Первые в России избранные! От кого они убегают? От русских солдат! Кто их защищает? Иностранцы,

¹ По-моему, это был скорее не «арест» Чернова, а меры к его охране. Кратохвиль говорит о приказе ареста Чернова, скоро, однако, взятом обратно [с. 226].

² Следовательно, нет основания говорить, что Гайда арестовал всех эсеров, как это делает Пишон [II, с. 260].

какие-то чехи. А сами-то чехи, друзья или враги, «конвой» или «охрана»? Мудрый Эдип, разреши!» [с. 110—111].

Патетическое отступление не мешает Святицкому тут же сделать несоответствующие политические выводы: «помоги нам чехи — наше дело, дело демократии было бы выиграно». Съезд, «несомненно, имел влияние в демократических кругах и даже в массе населения». «Характерная вещь: коалиционное Уральское областное правительство, до сих пор сторонившееся Съезда (или, вернее, Съезд сторонился его!), теперь изъявило готовность поддержать»¹. С Нижнетагильского завода в ответ на «клич о помощи» 21-го подошло 800 человек вооруженных рабочих. «Если бы мы были извещены об этой двигающейся к нам на выручку массе рабочих, мы, конечно, не уехали бы из Екатеринбурга» [с. 112].

Но «было поздно». «Учредилловцы» уехали в Челябинск. Они были убеждены, что «Комитет съезда целиком»

¹ Кроль несколько по-иному излагает дело:

«Несмотря на краткость беседы, нужно сказать, что новоявленный «верховник» произвел впечатление на нас всех (не исключая наших эсеров), прямо удручающее по своему убожеству. И если мы в свое время не желали признать над собой власти Комуча... тем менее приемлемо было для нас признание Правительства во главе с... Черновым. Убожество же, проявленное Фоминым, только усиливало отрицательное отношение...

Вечером в тот же день состоялось экстренное заседание Городской Думы, в котором выступал тот же Н. В. Фомин, примерно с таким же успехом, как на нашем совещании. Заседание Думы было при закрытых дверях. Эсеры, конечно, поддерживали «семерку», но нельзя сказать, чтобы очень сильно. В целом Думе не нравились ни омская диктатура, ни черновская «семерка». Никто к тому же в реальность «семерки» не верил. Кончилось тем, что Дума никакой резолюции не приняла» [с. 159—160].

Нельзя попутно не отметить одну деталь, не имеющую непосредственного отношения к описываемому моменту, но связанную с ним... «Демократическое» Правительство Урала, столкнувшись с новым, назначенным из Омска управляющим казначейства Юргенсом (см. выше), за разъяснением недоразумений обратилось к Гайде. Решительный генерал быстро разобрал узел: арестовать и «доставить в штаб», что значило на демократическом языке чешского генерала — расстрелять в 24 часа.

будет приглашен присутствовать на происходившем совещании чехосовета.

«В этом нас уверяли сами же чехи в Екатеринбурге. Вопреки этим ожиданиям, нас не только не пригласили на совещание, но даже не приняли представителей Комитета в течение всего утра, дня и вечера 21 ноября. Мы поняли, что дружеские союзные отношения между нами и чехами порваны» [с. 113].

«Томительно однообразно прошел день». «Легли спать в своих телячьих вагонах». Вдобавок выясняется, что «все находящиеся в поезде» будут «фактически арестованы» и куда-то отправлены. Отправляются за разъяснением к адъютанту Сырового. Тот показывает заготовленный приказ, пока еще Сыровым не подписанный, который гласит:

«Поезд с членами Съезда Учред. Собрания отправляется сего числа в гор. Шадринск Пермск. губ. Депутаты охраняются в поездке чешской охраной, и выход из поезда им запрещается. В городе Шадринске депутатов охраняет специальный чешский полк. Депутаты проживают в городе Шадринске под надзором чехов, без права отлучек из города и без права политической агитации среди населения» [с. 114].

«Неслыханное» унижение Съезда! Затем следует объяснение Комитета Съезда во главе с Черновым с членами чехосовета, при котором выясняется, что история с приказом основана на недоразумении. Предполагалось, что в Шадринске Съезд будет продолжать свои работы на прежних основаниях. Комитет требует немедленной отправки в Уфу. Вечером поезд с Съездом отбыл из Челябинска в Уфу.

Кончился первый акт трагикомедии. Второе действие происходило уже в Уфе.

* * *

В Уфе сначала настроение было «твердое». Здесь Советом упр. вед. бывшего Комуча, как мы знаем, формировались русско-чешские полки, несмотря на запрещение Директории. «Делалось это, — уверяет Святицкий, —

в контакте с чешским командующим Уфимским фронтом ген. Войцеховским». При получении сведений об омском перевороте был послан немедленно якобы «с ведома и одобрения Войцеховского» ультиматум: «Узурпаторская власть, посягнувшая на Всер. прав. и Учр. Собр., никогда не будет признана. Против реакционных банд красильниковцев, анненковцев Совет готов выслать свои добровольческие части. Не желая создавать нового фронта междоусобной войны, Совет управляющих ведомствами предлагает вам немедленно освободить арестованных членов Правительства, объявить врагами родины и заключить под стражу виновников переворота, объявить населению и армии о восстановлении прав Всерос. Врем. правительства. Если наше предложение не будет принято, Совет управляющих ведомствами объявит вас врагами народа, доведет об этом до сведения союзных правительств, предложит всем областным правительствам активно выступить против реакционной диктатуры в защиту Учред. Собр., выделив необходимые силы для подавления преступного мятежа» [«Хр.». Прил. № 146].

Представила свой протест против «кучки заговорщиков» и местная Городская Дума, мало осведомленная в действительности о том, что происходило. Это видно из речи председателя Думы Н. З. Чембулова, отмечавшего, что «весь Дипломатический корпус союзников высказался за непризнание переворота» [Зензинов. С. 99].

«Чехи уверяли, — говорит Святицкий, — что они сами покончат с Колчаком, и сильнейшим образом противились снятию с фронта некоторых воинских частей, которые Совет предполагал выслать против Колчака. «Все что угодно, только не разрушение фронта», — настойчиво говорили чехи. «В этом нет надобности, — уверял Войцеховский, — Челябинск сумеет ликвидировать омский мятеж и без нас. Эшелоны для посылки против Колчака уже заготовлены» [с. 116]¹.

¹ Сведения эти до некоторой степени совпадают с тем, что говорит Кратохвиль в своей книге о решенной вначале чехами военной демонстрации против Омска [с. 226]. Я очень только сомневаюсь в том, что роль Войцеховского соответствовала тому, как она изображена у Святицкого.

Когда члены Совета узнали об екатеринбургском разгроме, то они решили покинуть Уфу и отправиться на фронт под защиту батальона имени Учр. Собрания. Опираясь на него и на другие демократические части, они думали оттуда повести борьбу с Колчаком.

Лишь только Войцеховский узнал о предполагаемом отъезде Совета на фронт, как сейчас же явился к председателю Совета В. Н. Филипповскому и стал упрашивать последнего отказаться от отъезда:...

«Ваш отъезд произведет сильнейшее впечатление на армию, отвратит ее внимание от фронта и бросит ее в политику... Оставайтесь здесь, в Уфе, и я заверяю вас честным словом солдата, что никакие колчаковские банды не посягнут на Совет»...

Получив такие заверения, Совет управляющих ведомствами решил остаться в Уфе, тем более что он только что узнал, что в Уфу направляется и весь Съезд членов Учр. Собрания» [с. 117]...

23 ноября вечером Съезд прибыл в Уфу...

«Члены Совета сообщили, что поведение чешских командующих все более и более становится двусмысленным. Уговорив Совет остаться в Уфе, Войцеховский, вопреки данной гарантии, стал вторгаться в область непосредственного гражданского управления. При этом все эти вторжения носили характер препятствий, расставляемых борьбе с Колчаком. Например, когда Совет решил выпустить воззвание к войскам и населению, в котором подробно рассказывалось об омском перевороте и содержался призыв к борьбе с Колчаком, — Войцеховский запретил распространение этих воззваний. В Уфе производилось формирование нового батальона русско-чешского полка — Войцеховский распорядился приостановить это формирование...»

«Но у нас, — добавляет Святицкий, — оставалась возможность апеллировать к самому чехословацкому войску, избранником коего был чехословацкий Национальный Совет. Нам известно было, со слов самих членов чехосовета, что настроение чешских войск было ярко левое, что на новых выборах прежний состав чехосовета, состоявший

в своем большинстве из умеренных социалистов, пожалуй, и не пройдет. Момент же новых выборов как раз наступал. Чехосовет избирался на войсковом съезде, а последний должен был состояться в Екатеринбурге 12 декабря. Таким образом, мы имели возможность обратиться непосредственно к самому съезду, послав на него своих представителей и представив съезду особый меморандум с изложением образа действий чешского командования в отношении Съезда.

Меморандум было поручено написать В. М. Чернову, но мы не могли ждать 12 декабря¹ [с. 118–119].

Собрание решило поэтому сейчас же послать в Челябинск делегацию от Съезда, которой было поручено представить чешскому командованию ультиматум примерно следующего содержания: либо чехи принимают участие в немедленной ликвидации колчаковщины и соглашаются признать полноту власти Совета управляющих ведомствами как Правительства Европейской России, либо мы решительно порываем с ними, объявляем их изменниками и предателями российской демократии, а рядовых чешских солдат призываем покинуть ряды своих войск. Со слов чешских руководителей, мы знали, что объявление членами Всер. Учр. Собрания чехословацкого войска изменниками и предателями в отношении демократии делает дальнейшие операции этого войска на русской территории совершенно невозможными и вообще приведет к распаду войск...

Вообще полнота власти нового Правительства² находилась в зависимости от признания его чехами. Это признание необходимо было получить, в противном случае

¹ Показания Святицкого изображают нам восприятие фактов эсерами. Я не думаю, чтобы со стороны ген. Войцеховского было бы какое-нибудь двурушничество, как то вытекает из повествования Святицкого. Очевидно, основным побуждением Войцеховского было сохранение так или иначе фронта неприкосновенным и лояльность в отношении чехов, на службе которых он был. Противоречие, несомненно, получилось, и ген. Войцеховский отказался от службы у чехов [Пишон. «М. Sl.», 1925, II, р. 269].

² Совет упр. вед. должен был сделаться правительством для Европейской России.

власть Совета управляющих министерствами грозила стать призрачной. Военный аппарат — и русский и чешский — должен был также находиться в ведении Совета управляющих ведомствами. В качестве уступки чехам и во избежание могущих быть недоразумений решено было предложить чехосовету отпустить чеха Медека (секретаря чехосовета) на пост военного министра. В этом случае на посту товарища министра должен был находиться русский полковник Махин. Предложения эти должна была сделать отправляемая в Челябинск делегация Съезда [с. 117–121].

Совет управляющих ведомствами поспешил рассказать по всему миру о «контрреволюционном перевороте», происшедшем в Омске. Вместе с тем он обратился 28 ноября к чехословацкому Нац. Совету с предложением принять весь эвакуированный из Самары в Сибирь золотой фонд «для охраны» и затем передачи У. С. или общепризнанному Правительству [Зензинов. С. 43–45].

Однако кажущееся единство на Съезде быстро распалось, как только собрался «пленум» Съезда. Открытая борьба многим представлялась «компрометирующей Съезд авантюрой». Впервые, наконец, 8 депутатов правого крыла заявили, что они не считают более возможным оставаться в составе Съезда. Со стороны «более лево настроенных» было высказано устами Бурегового другое предложение — ликвидировать Съезд и весь антибольшевицкий фронт и уехать в Советскую Россию [с. 123]. «Финальный аккорд» показывал, что обстановка складывается «из рук вон негодная». Чешские военные вожди явно настраивались на колчаковский лад¹. «Наши части находились на фронте в 200 верстах от Уфы. Под давлением чехов мы согласились не уводить их с фронта, дабы не обнажать его. В городе, как уже сказано, находилось полтора батальона еще не обученных и не организованных солдат. Нашей работе над ними и нашему сближению с ними явно ставились препятствия. Что было делать? Послать курьеров,

¹ Ср. работу Přikryl «Sibirská drama». Автор склонен утверждать, что с Колчаком легко примирилась та часть командования легий, которая отрицательно относилась к «делегатчине» в чехословацких войсках.

чтобы вызвать части с фронта? Многие уже склонялись именно к этому решению» [с. 126—127]¹.

«Между тем в Уфе появились сибирские солдаты». Развязка приближалась. 3 декабря Колчаком был издан приказ: «Бывшие члены самарского Комитета членов Учред. Собр., уполномоченные ведомствами бывшего Самарского правительства, не сложившие своих полномочий до сего времени и примкнувшие к ним некоторые антигосударственные элементы в Уфимском районе, в ближайшем тылу сражающихся с большевиками войск, пытаются поднять восстание против государственной власти: ведут разрушительную агитацию среди войск; задерживают телеграммы верховного командования; прерывают сообщения Западного фронта и Сибири и с оренбургскими и уральскими казаками; присвоили громадные суммы денег, направленные атаману Дутову для организации борьбы казаков с большевиками, пытаются распространить свою преступную работу по всей территории, освобожденной от большевиков.

Приказываю: 1. Всем русским военным начальникам самым решительным образом пресекать преступную работу вышеуказанных лиц, не стесняясь применять оружие.

2. Всем русским военным начальникам, начиная с командиров полков (включительно) и выше, всем начальникам гарнизонов арестовывать вышеуказанных лиц для предания их военно-полевому суду, донося об этом по команде и непосредственно — начальнику штаба Верховного главнокомандующего.

3. Все начальники и офицеры, помогающие преступной работе вышеуказанных лиц, будут преданы мною военно-полевому суду.

Такой же участи подвергнуть начальников, проявляющих слабость и бездействие власти» [«Хр.». Прил. 150].

Не знаю, согласится ли русский читатель, что у Колчака не было никакого повода для ареста. Это утверждает

¹ Войцеховский, узнав это, экстренно пригласил Вольского и предложил перевести Съезд из Уфы, слишком близко расположенной к фронтовой полосе, в какое-нибудь другое место.

Пишон. По его словам, ген. Дитерихс, в целях спокойствия на фронте, принял на себя миссию выполнения приказа Колчака, вопреки своему желанию и желанию Сырового, как главнокомандующего. Одновременно Дитерихс послал письмо с отказом сотрудничества с Верховным правителем [«М. Сл.», 1925, II, р. 269].

В ночь на 3 декабря в Уфе были арестованы 30 депутатов У. С. По свидетельству Святицкого, арест производил самарский военный министр Галкин¹. Чехи держали строгий нейтралитет². Арестованные были препровождены в Омск³. Этим закончился второй акт трагедии. Начался третий — эпилог.

* * *

Оставшиеся на свободе депутаты — их было около 40 — не сдались. Десять из них тотчас же собрались в Уфе, в «подполье», и решили, что партия с.-р. «вынуж-

¹ Согласно показаниям с.-р. Сперанского, сводным отрядом командовал полк. Врублевский. У Девятова отобрано было «много секретных документов» [«Кр. Арх.». VIII, с. 180—181].

² По поводу обращения эсеров «к чехам», в котором чехам бросалось, как мы знаем, обвинение в измене русской демократии, «Чехослов. Дн.» [№ 287] 9 декабря отвечал «близоруким, слепым, наивным романтикам»: «Когда мы образовали русско-чешские полки под знаменем «За У. С.», где были в это время русские демократы и социалисты? Сформирован был лишь один полк в 1500 человек. Теперь мы вам «надоели»... Официоз чешских легионеров напрасно только обвинял всех в том, что они хотят делать политику при помощи чешских штыков. Это относится лишь к эсерам. Напр., Гинс приводит из челябинской газеты «Сибирский Стрелок» — армейский орган — такие слова по поводу чешского меморандума:... «Мы очень благодарны за помощь на фронте, но просим не мешать нам строить жизнь, как мы хотим» [II, с. 7].

³ Колчак на допросе показывает: «Если у меня и были некоторые сомнения... в отношении частей, которые были непосредственно подчинены Комитету У. С., то они рассеялись, т. к. Фортунатов (командир полка У. С.) признал совершившийся переворот совершенно легко и даже не оказал сопротивления при аресте членов У. С. [с. 183]... Скорее, было оказано даже содействие» [с. 192].

дена перейти теперь к нелегальной работе». «Борьба с Колчаком должна выразиться в повсеместной подготовке восстания против власти и ее клеветников»... — передает суждения новых подпольщиков Святицкий.

«В связи с вопросом об уходе с большевицкого фронта демократических воинских частей, в целях их использования для восстаний, не мог, конечно, не возникнуть вопрос о возможности продолжения борьбы «на два фронта»: и против Колчака, и против Красной армии. Борьба на два фронта, очевидно, становилась неосуществимой...

Совещание постановило поэтому вооруженную войну с российской советской властью прекратить и принять все меры, чтобы все вооруженные силы обратить против буржуазной реакции.

Военные части было решено с фронта увести, т. е. товарищи решались на обнажение фронта. Но вместе с тем решение о прекращении войны с советской властью было постановлено пока не разглашать. Делалось это как по соображениям конспирации, в связи с планами военного восстания, так и по особому рода соображениям. Прекращение войны с советской властью затрагивало вопрос о возможности достижения известного политического соглашения с ней. Была тенденция, таким образом, состоявшееся уже одностороннее решение о прекращении войны сделать двусторонним, поставив его в содержание соглашения с партией большевиков.

Товарищи конкретно склонялись к следующему плану: красные войска подходят уже к Уфе. Взятие с фронта наших войск сделает занятие города Уфы красными совершенно неизбежным. Но мы должны постараться еще до взятия Уфы большевиками произвести в ней противоколчаковский переворот. Тогда мы станем хозяевами Уфимского района и уже как существующая власть попытаемся вступить в переговоры с приближающимися войсками советской власти.

Центральный Комитет партии также склонялся к тому, чтобы завязать переговоры с руководящими центральными органами советской власти при первой же к тому возможности. По его мнению, однако, возможность эта наступила бы только в том случае, если советская власть

согласится на признание Всер. Учр. Собрания. Последнее должно быть созвано в Москве вместе с ушедшими из собрания 5 января большевиками и левыми эсерами...

...К такой постановке вопроса склонялся и В. М. Чернов. Последний был, однако, против того, чтобы мы, эсеры, первыми и в официальном порядке обращались к советской власти с предложением открыть переговоры. В. М. Чернов настаивал на том, чтобы предварительно было совершенно «нащупывание почвы» и переговоры состоялись бы только в том случае, если бы заранее могла явиться уверенность в их успешном окончании» [с. 136—137]¹.

На следующий же день после заседания 5 декабря депутаты стали разъезжаться в назначенные для них места... «Товарищи являлись на специально устроенную явку, получали указания, директивы и деньги и уезжали». Уфа опустела, в ней остался только штаб противоколчаковского движения. План «военной комиссии», в изображении Святицкого, сводился к следующему:

«Восстание должно было произойти в Уфе и под Уфой. Его должны были произвести, с одной стороны, некоторые воинские части, стоявшие в самой Уфе, а с другой — воинские части, находившиеся на фронте. К последним принадлежали: русско-чешский полк, батальон имени Учр. Собр., конный отряд депутата Фортунатова, так называемая «ижевская бригада». Затем предполагалось, что окажут сильную поддержку восстанию и различные мусульманские части, там и сям вкрапленные на фронте.

Все эти части должны были самостоятельно уйти с фронта, подойти к Уфе и здесь объявить власть Колчака низложенной. В случае преждевременной сдачи Уфы красным — центром восстания должен был явиться рабочий Златоуст, куда должны были в этом случае направляться и войска...

Предполагалось, что план восстания будет осуществлен в течение 1 1/2—2 недель. Однако прошли две недели, три недели, а никакого восстания не происходило. Мы сидели в Уфе, нервничали и томились. Между тем Красная армия подхо-

¹ Следовательно, управляющий Мин. ин. дел после переворота Ключников в телеграмме 23 ноября в Париж с полным правом мог говорить, что Комитет У. С. стал проявлять склонность к ориентировке в сторону большевиков.

дила к Уфе все ближе и ближе. В двадцатых числах декабря было уже ясно, что Уфа со дня на день будет отдана красным. Происходила лихорадочная дезорганизованная эвакуация города. Становилось очевидным, что в Уфе никакое восстание уже невозможно, да и ни к чему. Еще через неделю было уже видно, что план военного противоколчаковского восстания в данный момент вообще потерпел крах. Почему?..»

«Следует признать... — отвечает автор, — что мы вообще переоценили свои силы. Так, если на «ижевскую бригаду», по утверждению товарищей, можно было серьезно рассчитывать, то вряд ли такие расчеты оправдались бы в отношении русско-чешского полка, батальона и конного отряда. Командный состав этих частей мало расположен был бунтовать. То же следует сказать и относительно мусульманских частей, бывших на фронте. И тут приходилось начинать с заговоров среди самого командного состава» [с. 138–140].

31-го под звуки «Интернационала» в Уфу входила Красная армия.

«Нужно представить себе, что пережили и перечувствовали мы, оставшиеся в Уфе, за последние два месяца, чтобы понять охватившее нас в это торжественное утро настроение... после стольких мучительных дней, проведенных в чужой и враждебной, смертельно враждебной колчаковщине, мы как-то забыли о том, что разъединяло нас с большевиками, и красные звезды на белых папахах солдат Советской России показались нам родными, своими звездами. Как-то вдруг, совершенно объективно, со стороны, мы почувствовали в пришедшей армии революционную и социалистическую армию, которая... увы, немедленно, тут же на месте расстреляла бы нас, если бы узнала, кто мы такие»¹ [с. 142].

Девять эсеров, членов президиума Съезда и ЦК, Вольский, Святицкий, Шмелев, Ракитников, Буревой немедленно повели переговоры с большевиками «от имени президиума Съезда У. С.». Эти переговоры с уфимским ревкомом о создании «единого революционно-социалистического фронта против поднимающей голову реак-

ции» нас в данном случае интересоваться не могут. Пошедшие в союз с большевиками формально разошлись в окончательном итоге с остальными эсерами, оставшимися в Сибири. Мы еще встретимся с ними и увидим, как в жизни, при принципиальном отрицании союза с большевиками, они вместе с последними, иногда даже в общих организациях, участвуют в противоколчаковской «революционной» акции.

Акт, совершенный председателем Съезда У. С. Вольским и его единомышленниками, произвел в Сибири «большое впечатление», и «на эсеров обрушилась вся цензовая печать». «Началась незабываемая травля», — говорит Колосов. — Но для цензовиков было мало... им хотелось приписать сюда непременно В. М. Чернова. И вот неожиданно, и к великой радости их, получается радио, что 19 января Чернов... приехал в Москву для переговоров о соглашении с Лениным и Троцким... Я знал, что вся эта информация ложна, так как перед тем получил точное сообщение, где именно находится Чернов» [«Былое». XXI, с. 290]. «Радио» действительно спутало Чернова с Черненковым. Но Черненко и был тем лицом, которое избрано было 5 декабря для зондирования почвы в Москве. Негодование Колосова впустую. Чернов отличался от Вольского и других лишь тактикой. Это были полные единомышленники еще в Самаре, как нетрудно увидеть хотя бы при просмотре партийного органа «Дело Народа». Чернов первый задумался о ликвидации фронта — утверждает и Буревой [Распад. С. 57]; он искал только «повод» к разговору с большевиками и не пошел на полную, безоговорочную капитуляцию перед уфимским ревкомом. Это было неуместно для председателя У. С. и лидера партии¹.

Ошибается Колосов, утверждая, что переход Вольского вызвал негодование только в цензовой печати. «Заря» писала в статье «Вниманию честных людей», что действия Вольского и К-о обязывают партию протестовать против их предательской деятельности [№ 45]. В Сибири

¹ Невольно вспоминается воззвание Комуча 16 июля за подписью Вольского, где большевистские войска назывались «бандами гнусных разбойников».

¹ Совершенно основательно «Чехосл. Д.» [9 декабря 1919, № 552] обвинял Чернова и К-о в том, что их стараниями часть демократии русской была вогнана в коалицию с большевиками.

этого протеста не последовало. Кажется, только уральский областной Комитет партии опубликовал воззвание против «позорного преступления уфимских предателей» [«Сиб. Ж.»]¹; отгородилась от «изменников» еще фракция Екатеринбургской Думы [«Заря», № 2].

Много сказано в литературе по поводу насилий в эти дни со стороны омской власти в отношении членов У. С. Всю инициативу репрессий приписывали лично Колчаку. А между тем его поведение было достаточно мягко и благородно. «В подполье» он партию не загонял и не отдавал распоряжений в смысле репрессий в отношении активных членов партии с.-р.: «Я только послал телеграмму Дитерихсу и Ханжину, чтобы они приняли все меры для борьбы с пропагандой на фронте» [«Допрос». С. 193].

«Членов Учредительного Собрания было арестовано около двадцати, — показывал Колчак, — и среди них лиц, которые подписали телеграмму, не было, за исключением, кажется, Девятова. Просмотревши список, я вызвал офицера, конвоировавшего их, Кругловского, и сказал, что совершенно не знаю этих лиц и что в телеграмме они, по-видимому, никакого участия не принимали, и даже были, кажется, лица, не принадлежащие к составу Комитета членов Учредительного Собрания, как, например, Фомин. Я спросил, почему их арестовали, мне ответили, что это было приказание местного командования, ввиду того, что они действовали против командования и против Верховного правителя, что местным командованием было приказано арестовать их и отправить в Омск.

Таким образом, от этого ареста получилось впечатление весьма неопределенное: тех лиц, которых имелось в виду арестовать, не оказалось. Я вызвал вслед за этим Старынкевича и спросил его, что же делать с этими лицами. Определенных обвинений к этим лицам нет никаких — как же следует в этом случае поступить? Старынкевич говорит: «Надо произвести следствие по этому делу. Затем, помимо вызова, который был брошен членами Учр. Собр., есть еще одно очень серьезное обвинение, которое ложится на этот Комитет членов Учр. Собр., — в том, что они выпустили огромное коли-

чество уфимских денег, причем эти деньги расходовались главным образом на партийную работу. Надо выяснить, какое количество денег они напечатали и куда эти деньги шли». Я сказал: «Хорошо, — в таком случае возьмите этот вопрос на себя, так как мне лично эти лица не нужны». Когда я сказал Кругловскому, что он привез мне совершенно неизвестных лиц, то он ответил, что остальные были предупреждены чехами и скрылись» [с. 191–192].

Для меня как-то дико звучат слова проф. Легра, утверждавшего, что диктатор преследовал за отсутствием большевиков соц.-революционеров «мечом, огнем и топлением» («Pro domo». «М. Sl.», 1926, VII, p. 119)¹. Таких фактов не было. Непосредственные очевидцы и наблюдатели не всегда являются достоверными свидетелями...

3. Печать и общество

Я представляю себе, что в ноябрьские дни в Сибири мало кто разбирался в той закулисной стороне, которая лишь постепенно выясняется. Сами члены Директории недостаточно учитывали тот удар в спину, который готовили ей «черновцы» в стремлении предупредить возможность захвата власти реакционными кругами. Большинство «левых» воспринимало только голый факт крушения Директории и появления «диктатора». Само слово уже, по традиции, вызывало внутреннее отталкивание. Этот факт расценивался вне зависимости от сопровождавших его обстоятельств, которые делали омские события «естественным развитием создавшегося положения». Выражение, принадлежащее министру ин. дел Ключникову в телеграмме 23 ноября русским дипломатическим представителям за границей, неудачно. Нельзя назвать естественным противоестественное. Но 18 ноября действительно было почти неизбежным трагическим последствием сибирской «неразберихи».

Точка зрения на переворот часто в то время определялась территориальным пребыванием тех или иных лиц.

¹ В Москве инцидент с Вольским вызвал только разговоры о необходимости для партии отгородиться от этого акта.

¹ Ответ на мою статью в «Голосе Минувшего», № 4.

В Уфе, Челябинске, Екатеринбурге иногда не слишком хорошо знали, что происходит в Омске, и не проникали в глубь царивших отношений. В значительной степени этой местной обстановкой склонен я объяснять различия, которые появлялись в оценке переворота. Не какой-либо специфической предвзятостью, а только местной психологией можно объяснить, напр., то, что челябинский «Союз Возрождения» разошелся в конечном итоге с омской группой народных социалистов, принявших большинством голосов 21 ноября резолюцию о необходимости признать новую государственную власть¹. Когда непосредственно знакомишься с фактами, невольно проникаешь и в психологию действующих лиц — по крайней мере так кажется. Психология «учредиловцев» несла с собой все пережитки прошлого. Это своего рода сектантская психология, весьма легко воспринимающая односторонне внушение со стороны. Партийная масса была загипнотизирована страхом перед реакцией, — тем страхом, который обесцвечивал с первых дней захвата власти большевиками и борьбу с ними партии. Был силен еще гипноз от первых месяцев революции, создавший представление, что именно партия с.-р. является истинной выразительницей демократических чаяний, а ее органы — подлинным проявлением народовластия. Гипнозом становилась и дилемма сохранения «завоеваний революции», перед которой как бы стушевывались более жизненные в данный момент национальные вопросы. Все это мешало занимать подлинно государственную позицию и хотя бы с элементарной объективностью относиться к политическим противникам. Человек бесспорно очень правых убеждений, ген. Сахаров, конечно, до известной степени был прав, когда утверждал в докладе Болдыреву, что эсеры завоевания революции ставят выше родины [Болдырев. С. 81]. Вернее родина как абстрактное начало, воплощающееся, однако, в сознании в весьма реальных формах, в их представлении не существовала. Нужны доказательства? Их слишком много было на

¹ Впрочем, здесь имел значение и состав лиц, входивших в эти группы.

протяжении революции и гражданской войны. Может быть, представление о родине как о самоцели и примитивно. Но это примитивное сознание было главенствующим в рядовой военной среде. Отсюда взаимное отталкивание, переходящее даже в непримиримую ненависть. Конечно, не всегда источником ее являлись какие-то реставрационные вожелания. Патриотический примитив связан был здесь с таким же, быть может, примитивным демократизмом.

Это сочетание, скорее, сулило возможность прочного общественного движения, направленного на освобождение России. При столкновении с партийной психологией примитив резко отбрасывался в противоположную сторону. И приходится ли удивиться, что в развращающей атмосфере гражданской войны все это выливалось в уродливые формы насилия над противником? Это отвратительно. Но таковы люди, и не их перевоспитанием можно было заниматься уже на поле брани. Насилия с моральной стороны никогда не могут быть оправданы, но объективно жизнь их объясняла. Восстание, подготовляемое «учредиловцами» в Екатеринбурге и Уфе, не удалось, потому что Съезд У. С. был разгромлен уже 20 ноября — так утверждает один из активных эсеровских деятелей, пошедший на союз с большевиками против Колчака [Буревой. Распад. С. 38]. Следовательно, не выступи с а м о ч и н н о в Екатеринбурге военная группа, все дело было бы проиграно — с точки зрения тех, которые «томились», по выражению Ауслендера, от существующего безвластия. Я знаю, что на это рассуждение можно ответить другой аргументацией. Но дело не в признании того или иного положения, а в объективной по возможности оценке существовавшего.

Общественная психология не опирается только на формальные политические признаки демократии и монархии. Это, скорее, догма. Под скальпелем политического анализа кажется только наивным утверждение беллетриста Ауслендера, что члены Директории думали соединить Колчака с Черновым [статья, напечатанная в «Отеч. Вед.», № 28, 26 ноября]. Это звучит абсурдом для человека, испытанного в тонкостях партийной игры. Но это не

звучит парадоксально для политического слуха массового обывателя¹.

«Левая» печать того времени — печать социалистическая (эсеровского и эсдековского направления) — не могла понять психологии момента. В своем большинстве она была узко трафаретна: Авксентьев и другие поплатились за свое легкомыслие попытаться добиться соглашения с цензовым элементом. Так, напр., рассуждала «Новая Сибирь» [№ 18] — орган, скорее, умеренный и не строго партийный. Зато почти драматически звучит голос тех, кто с самого начала отдал свое перо в защиту идей, положенных в основу Уфимского Соглашения. К числу их принадлежит талантливый публицист, соц.-дем. (потресовского направления) Евг. Маевский (Гутковский), редактировавший в Челябинске газету «Власть Народа». Он заканчивает свою статью 22 ноября по поводу переворота словами: «Ужас охватывает за несчастную Россию, за ее судьбу. Израненная, полуживая, она пробует приподняться, и вдруг злая рука сбивает ее снова наземь и в кровь. И злорадствуют, торжествуют большевики — кто-то протягивает им руку помощи, отсрочивая их неминуемую гибель. И злорадствуют и торжествуют все враги России, которые только ждут, чтобы воспользоваться ее беспорядком, ее безвластием и наложить на нее свою тяжелую руку...

Нет имени, нет оправдания тому, что произошло в Омске. Покушение на верховную власть, покушение в ответственные и трагические минуты жизни нашей Родины — есть великое преступление. Ничто не может оправдать этого покушения, ничто в богатой переворотами русской истории не может сравниться с тем, что произошло теперь в Омске.

Народ никогда не признает этого переворота, он никогда его не простит...

И мы скажем, как вместе с нами скажет вся демократия и все просто честные люди: Да здравствует единственно законная Власть — Всерос. Врем. правительство, органи-

¹ Читатели моей брошюры «Гражданская война в освещении П. Н. Милюкова» легко могли усмотреть, что даже такие активные политики, как исконный лидер партии к.-д., не очень разбираются в оттенках социалистических партий.

зованное и установленное Всенародным соглашением в Уфе».

Надо сказать, что уже в октябре сам Маевский в довольно безнадежных тонах рисовал обстановку. По поводу октябрьской забастовки на железных дорогах в Омске и Томске он писал: ...«краска стыда и глубокого отчаяния охватывает каждого старого революционера» [цитирую по «Ур. Кр.», № 74]. В другой статье [«Вл. Нар.», № 91] этот радикальный публицист в таких словах очерчивает положение вещей, созданное войной, большевиками и междоусобием: «Страна разложилась не только экономически, она надорвана и морально; исчезло чувство гражданского долга, появилась «узкая, эгоистическая разнузданность», глубоко внедрился «анархический индивидуализм». Можно ли было при таких условиях исходить только из принципа? Тот же Маевский в дни Уф. Соповещения отмечал бесплодность лозунга старого У. С., а теперь, после переворота, только к нему и звал.

И в других номерах газета столь же резко выступает против нового Омского правительства:

«Оправдать омскую авантюру — это значит оправдать другую авантюру, происшедшую совершенно так же, хотя и в менее голом виде, чем омская, это значит оправдать октябрьский большевицкий переворот. Тот, кто утверждает омский переворот, тот не может отрицать октябрьского большевицкого переворота. Тот, кто соглашается на омский переворот, тот выбивает сам у себя всякую почву, всякое оправдание для борьбы с большевицкой авантюрой. Тот, кто становится на почву омского переворота, тот ставит себя на одну доску с большевиками...

Сибирский кабинет министров, поставивший (мы еще не знали, добровольно или недобровольно) свои имена под этим правобольшевицким переворотом, очевидно, в своем целом неясно понимал, что это значит поставить крест и над самим собой. Утвердить такой переворот — значит утвердить и узаконить ту силу, которая совершила беззаконие, значит поставить и себя, и всякое иное правительство в зависимость от этой силы».

Полемизировать с покойным Маевским и его сотрудниками, конечно, не имеет смысла. Сама постановка воп-

роса, сделанная газетой проведением параллели между омским переворотом и большевизмом, едва ли законна — я бы сказал, что здесь нет ничего общего. Я хочу обратить внимание на другое. Статья Маевского — вплоть до заявления: «Народу пора сказать адм. Колчаку: твое место на о-ве Св. Елены» (в статье «Все о том же») — появилась в легальной печати. Возможно, что челябинские условия, в силу пребывания там чехов, были несколько иными, чем в других местах. Но обзор, который можно сделать на основании газетного материала, приведенного хотя бы Зензиновым, свидетельствует, что печать в общем, несмотря на все цензурные препоны, могла высказаться о перевороте достаточно откровенно. Появлялись в эти тревожные дни газеты с белыми полосами, как появлялись они раньше¹. Появлялись статьи с цензурными выкидками или только с протестом против цензурных насилий². Обычное явление всего мира! Житейский закон, которому следуют, к сожалению, и демократич. правительства. На примере Самары, Владивостока мы видели, как считающие себя хранителями чистоты демократических принципов, став у власти, воздействовали на враждебную им печать — это называлось необходимой самозащитой. Когда то же делают другие, то это считается разнузданным проявлением реакционной власти. В период гражданской войны все бывает обострено. В период переворотов усиливается и эта обостренность. Надо признать, что период возникновения омской «диктатуры» не отличался, по сравнению с другими, каким-либо излишеством репрессивных мер против печати. 19 ноября была введена для повременной печати предварительная цензура в целях правильной информации населения о происшедших государственной важности событиях. По видимому, распоряжение это было отдано штабом Верховного главнокомандующего³.

¹ Напр., в сентябрьские дни. См. «Голос Сибири» — орган всесибирского Комитета партии с.-р. — от 24 сентября.

² Напр., «Урал» в Екатеринбурге.

³ На фронте цензура была установлена распоряжением главнокомандующего Зап. фронтом ген. Сырового [«Отеч. Вед.», № 23].

Было бы чудом, если бы с момента установления в Омске «диктатуры» (впрочем, своеобразной, ограниченной Советом министров) сразу же сибирские военные и гражданские власти стали бы действовать по методу правовых государств и между этими властями установились бы те нормальные взаимоотношения, которых не могли добиться ни Самарское, ни Сибирское правительства. Было бы таким же чудом, если бы по мановению какого-то волшебного жезла, по приказу адм. Колчака, 20 ноября армия оказалась вне политики и военные стали бы только профессионалами-борцами за спасение России¹. Было бы чудом, если бы навыки гражданской войны, связанные с обычным проявлением самовласти, приобрели строго законный характер.

Конечно, практика цензуры должна была дать те примеры личного произвола, которые нельзя было объяснить никакой целесообразностью в деле защиты общественного спокойствия в дни повышенного настроения, обостренных протестов и даже заговоров. Недаром орган Белорусова «Отеч. Вед.» считал цензуру «абсурдной»². Нельзя только

¹ «Я требую, чтобы с начавшейся тяжелой боевой и созидательной работой на фронте и в тылу офицеры и солдаты изымали бы из своей среды всякую политику и взаимную партийную борьбу, подрывающую устои русского государства и разлагающую нашу молодую армию.

Все офицеры, все солдаты, все военнослужащие должны быть вне всякой политики. Только тогда мы сумеем создать могущественную армию и спасти Россию. Теперь у всех в мыслях, на устах, в сердцах и на деле должно быть только одно стремление — отдать все свои силы армии и родине» [«Хр.». Прил. 143].

Еще строже это было декларировано Сибирским правительством 23 августа — запрещалось даже присутствие на политических собраниях.

² «Цензура — зло, — говорил Колчак в своем втором интервью с представителями печати, — но мы живем при особых условиях» [«Нов. Сибирь», № 19]. Насколько терпим лично был Верховный правитель, свидетельствует факт, рассказанный Кролем. Когда в Екатеринбурге к нему обратился городской голова «с просьбой освободить из тюрьмы редактора газеты, писавшей назавтра после переворота, что Колчаку и министрам — место в тюрьме, то Колчак ответил: «Что же? По-своему он тогда был прав: если бы переворот окончился неудачно, мы были бы преступниками». И он тут же распорядился об освобождении заключенного» [с. 197].

колчаковское Правительство, а тем более лично Колчака, делать как-то особенно ответственным за все цензурные абсурды, как это несколько позже делал в Иркутском «Деле» некий «старый журналист» [№ 38]. Он под цензурой писал: «С момента переворота 18 ноября Правительство Колчака наложило железные тиски военной цензуры на газеты. Ничего, что бы хотя отчасти рисовало преступления Правительства в печать не пропускалось». «Старый журналист» склонен всю печать, которая не занимает позиции сибирских эсеров, считать «пресмыкающейся прессой», своих же собратьев по перу — «наемными перьями»¹. А между тем можно ли «пресмыкающейся печатью» назвать, напр., кадетский орган в Иркутске «Свободный Край», писавший 22 ноября: «Общественное мнение, а с ним и широкие слои населения не примирятся и не окажут доверия власти, твердый курс которой будет проявляться лишь в отношении большевистских проявлений слева». И дальше: «Изменения в составе и характере власти, происшедшие в Омске, не означают и не должны означать, что власть становится на путь реставрации». «Новая Сибирь» назвала эти замечания лишь «легким хныканием»².

В смысле белых мест печать разных направлений была сравнительно уравниена. Их много было в эсерствующей «Новой Сибири», немало в либеральных «Отеч. Вед.», меньше в омской «Заре», т. е. в центре. Купюры, как всегда, подчас были бессмысленны — цензор устранял сообщение о факте и оставлял оценку явления. И все же не только челябинская «Вл. Нар.» могла напечатать сообщение за границу по поводу телеграммы уфимского Сов. упр. в. о возмутительном событии, совершившемся в Омске. «Земля и Труд» — орган независимой социалистической мысли в Кургане, выходявший под предварительной военной цензурой, — почти целиком перепечатал эту те-

леграмму. Читатель «Новой Сибири» мог узнать о протесте Городской Иркутской Думы 19 ноября и прочесть в «Новой Сибири», что события 18 ноября «венчают политику интриг и вероломств», которую вели правые реакционные круги. Пусть в томском «Голосе Народа» от всей передовой статьи останется только надпись: «Да здравствует Учредительное Собрание» — ведь эта «узенькая ленточка» — та же передовая статья, достаточно красноречиво описывающая омские события. Уфимское «Народное Дело» называло переворот «новым предательством России» и призывало демократию к решительному удару по обнаглевшей реакции. Выдержку из статьи уфимского «Нар. Дела», где цензура была облегченной, встретим в иркутской «Новой Сибири» [№ 18].

Я взял лишь 2–3 примера, отчасти дополняющих материал, который имеется в сборнике В. М. Зензинова. Сказать, что в городах Сибири царил политический террор, как говорила это челябинская «Власть Народа», конечно, нельзя было¹. Правда, в оппозиционной печати не было того тона, который позже в отношении Колчака появился в органах тех же политических направлений. (Вот как писала, напр., «Земская Нар. Газета» (издание иркутской земской управы, т. е. местных эсеров), 11 января 1920 г. [№ 1]: «Бывшие царские приспешники, помещики и спекулянты, возглавляемые адм. Колчаком, совершили 18 ноября “тяжелое преступление”»..) Но оценка действий власти иногда была очень резка. В той же «Власти Народа» был напечатан за подписью члена У. С. Фомина, одного из семи членов Исполн. Комитета противоколчаковского штаба, резкий протест (по-видимому, даже без «цензурных петель») против ареста редактора газеты Маевского и комиссара Директории с.-д. Кириенко, не подчинившегося «воле мятежников»².

¹ После «разгона» Съезда У. С. в Уфе вплоть до сдачи города большевикам выходила соц.-дем. газета [Святыцкий. С. 132].

² Маевский был арестован по распоряжению Ставки. Штаб настаивал на предании его прифронтовому военно-окружному суду, но по личному распоряжению Колчака дело было переслано в распоряжение прокурора омского окружного суда [Гутман А. (Ган). Два восстания. — «Бел. Дело». III, с. 164].

¹ Косная черта плохой публицистики. Позже, в эмиграции, эсеровский «Голос России» назвал «рептилией» лондонский орган П. Н. Милюкова «The New Russia» (напр., 14 сент. 1920 г.).

² Колосов склонен даже полагать, что «цензурная» печать, существовавшая якобы Хорвату, сделала «легкую гримасу» при известии о «воцарении» Колчака [XXI, с. 255].

Итак, сибирская печать, пусть даже «полусловом», могла довольно отчетливо выявить общественные настроения в связи с омскими событиями. Могли это сделать, быть может, еще более определенно общественные организации. В собрании документов Зензинова приведены некоторые из этих резолюций. По существу, они мало интересны, так как дальше слов протеста дело не шло. Ясно было с первых же дней, что переворот в Сибири принят спокойно. Никто, в конце концов, и не знал, что «в подполье» готовили екатеринбургские и уфимские заговорщики. Население к ним было равнодушно. Зензинов из харбинской «Новой жизни» [15 декабря] приводит изумительную по своей наивности информацию, поступившую от иркутского губернского комиссариата, возглавляемого эсером. Информация свидетельствует, что к Директории у большинства населения, в силу слабой осведомленности, отношение было «сдержанное». Переворот же 18 ноября привел все население в движение. И «население, относившееся до сих пор почти безразлично к Уч. Собр., в связи с последним переворотом стало проявлять живой интерес к нему» [с. 51]. Совершенно ясно, кем и для чего инспирирована эта заметка. Но объективно она свидетельствует, скорее, не в пользу тех, которые, как, напр., редакция «Вл. Нар.», были уверены, что «громкая масса русского народа против этого переворота». Равнодушие — плохой показатель активности населения¹.

Послушаем характеристику «широкой обывательской массы», которую дает Майский... Она, «конечно, ни о какой борьбе не думала, наоборот, она, скорее, сочувствовала Колчаку, от которого ожидала восстановления твердой власти. Город (Омск) был спокоен, до странности спокоен. Кучки любопытных, толкавшихся с утра около места заключения членов Директории и около некоторых правительственных зданий, постепенно растаяли, и все вернулись к своим шаньгам и пельменям» [с. 336]. Характеристику Майского можно дополнить сло-

¹ Равнодушие отмечал прибывший из Сибири Н. К. Волков в статье в «Общем Деле», № 97.

вами Колосова: «Когда утром 18 ноября омский обыватель, проснувшись, узнал, что у него теперь новое Правительство во главе с адм. Колчаком, то он отнесся к этому скорее благожелательно, чем с неудовольствием. Да и у многих на душе стало как-то легче» [«Былое». XXI, с. 251].

Отсутствие «энтузиазма» к перевороту один из наблюдателей того времени склонен объяснить лишь «сумрачностью» сибирского крестьянина. В действительности не было подлинного гражданского чувства, не было единой воли в стране, разделенной огромными расстояниями и разбитой на обособленные, в сущности, области... Политическую конъюнктуру текущего дня определял узкий ограниченный круг. Не было в населении ни подлинного увлечения автономной Сибирью, ни достаточной ненависти к большевизму, не успевшему проявить себя в должной мере за сравнительно короткий период властвования, ни влечения к отвлеченным принципам народовластия¹. Не прельщало знамя Учр. Собрания, не было достаточно популярно имя Колчака, принявшего бразды правления, и уже совсем мало население интересовалось Директорией, сущность которой неясно представляли себе даже омичи. Неоспоримо прав Ауслендер, говоривший в своей статье в «Отеч. Вед.»: «Директория погибла, конечно, не из-за нескольких самовластных действий Волкова и др. Это был «некий символический жест», показывавший, что Директорией никто не интересовался. К сожалению, это было так. Даже чехи через год [ст. Павлу в «Чехослов. Днев.», № 269], вспоминая годовщину «колчаковской диктатуры», писали:

¹ В докладе, представленном эсерами в «Испол. Ком. межд. соц. бюро» в июне 1918 г. [Ракитникова Инна. Как крестьянство боролось за У. С.], это равнодушие объяснялось отсталостью народа и плохими традициями. «Откуда, — задавал себе докладчик вопрос, — могло явиться чувство гражданственности, сознание собственного достоинства у нашего забитого мужика?» [с. 60]... «Революционность, — констатируется раньше, — лишь была легким налетом, а под ней — вчерашний раб и насильник» [с. 68]. С этой «социологией» далеко не все современники революции считали, однако, нужным считаться.

«Нужно признать, что бестолковая и бессильная политика Директории, которая, не обеспечив физическую защиту, осталась и без моральной поддержки, не вызвала особенного сожаления фактом своего падения».

Вожди «революционной демократии» ошиблись в своих оценках и в своих прогнозах. Поэтому тактика, принятая ими в Сибири, — тактика разложения антибольшевицких рядов, — шла на пользу коммунистической диктатуре. Язывительный Будберг назвал сибирских эсеров «бесплатными сотрудниками для большевиков». Этим самым они делались «факельщиками русской революции». Большую чуткость проявили рабочие на Воткинском заводе. И они обсуждали омские события 18 ноября. Местные члены У. С. пропагандировали «борьбу на два фронта». Это было отвергнуто. Решили примкнуть к Верховному правителю, как к «меньшему злу» [Уповалов. — «Заря», 1923, № 4].

* * *

В главе «Приветствия адм. Колчаку» Зензинов приводит несколько фактов из газетных сообщений того времени. Их немного: приветствия Хорвата, Иванова-Ринова, двух-трех командиров, съезда судовладельцев и Всер. Совета съездов торг.-пром. организаций, призывавших оказать новой власти «самую дружную поддержку».

«Изверившись в прочности и целесообразности коллективной власти, — телеграфировали судовладельцы, — в настоящих условиях, мы уверены, что только единоличная воля власти, опирающаяся на боеспособную армию и государственно мыслящие группы русского общества, сможет восстановить погибающую русскую государственность и защищать национальные интересы России».

Зензинов, помещая эти случайные приветствия, как бы хочет подчеркнуть их мизерность количественно и односторонность качественную. Едва ли можно вообще этим официальным приветствиям придавать какое-либо значение. Но все-таки они были не так уже единичны. На вопрос с.-р. Алексеевского, участвовавшего в допросе Колчака, каково было отношение к перевороту прави-

тельств, существовавших на территории, освобожденной от большевицкой власти, бывший Верховный правитель ответил:

«В Ставке исп. должн. нач. штаба вручил мне целый ряд телеграмм, которые прибыли в течение первых пяти дней. Эти телеграммы были из самых разнообразных мест Сибири, городов и частей армии и т. д. Эти телеграммы дали мне уверенность, что, по крайней мере, армия меня приветствует. Это были ответы на мое извещение; их были десятки¹... Помнится, я получил даже телеграмму с приветствием от Союза сибирских маслоделов.

В последующие дни приходили депутации и приветствия от различных крестьянских общин... Одной из первых была получена телеграмма от Хорвата... от атамана Дутова... от правительства Оренбургского². Затем была получена одна весьма характерная телеграмма от уральцев... они... просили сообщить, какую политическую цель я ставлю в первую очередь. Я подтвердил, что моя задача заключается в том, чтобы путем победы над большевиками дать стране известное успокоение, чтобы иметь возможность собрать Учредительное Собрание, на каком была бы высказана воля народа. Очень скоро я получил ответную телеграмму с приветствием и заявлением, что они передают себя в мое распоряжение... Но я не получил никаких известий только от двоих: от Семенова и Калмыкова» [с. 185].

Всякий переворот — новый прыжок в неизвестность. И дело было не в приветствиях новому правителю, а в признании или отрицании совершившегося факта. Спокойно и с достоинством омская «Заря», если не орган «блока», то орган, выражавший его общественные позиции, писала 20 ноября:

¹ Приветствия от земств и городов, достаточно многочисленные, были позже — в январе—феврале. (См. «Прав. Вестн.».)

² В Оренбурге была произведена попытка поддержать Съезд У. С. в Уфе во главе с существовавшим в Караван-Сарае башкирским Правительством Валидова. «Местный переворот» не удался — фактически выступления не произошло. Валидов, по словам ген. Акулинина, пошел по стопам Вольского и др. и перешел на сторону большевиков [«Колчак и атаман Дутов», в «Возрождении», 7 февр. 1930 г.).

«Зная настроения и взгляды лиц, входящих в состав министерства, можно быть убежденным в одном, что этот ответственный шаг не был подсказан какими-либо личными случайными мотивами, а связан был с соображениями серьезной государственной важности.

Но оценивать события исторического значения нельзя только с точки зрения мотивов, которые воодушевляли действующих лиц; такая оценка, чтобы быть достаточно правильной, каковой она должна быть соответственно важности момента, должна опираться на всесторонний учет объективной обстановки событий.

Такого всестороннего учета, повторяем, мы дать в настоящее время не можем, ибо недостаточно ознакомлены с фактической стороной событий.

Одно можно сказать уже теперь, что события эти, как бы ни были они неожиданными на первый взгляд, имели в действительности свой пролог в том напряженном состоянии, которое в последнее время создалось в условиях государственной жизни. Известно было, что Директория почти с первых шагов своей деятельности обнаружила крайнюю внутреннюю несогласованность, парализовавшую ее коллективную волю, и не могла найти общего определенного пути совместной работы и с Советом министров. Положение еще более осложнялось внешними политическими условиями, окружавшими Директорию.

Кризис, несомненно, создался раньше, чем вылился в определенную, резко очерченную форму.

Уже одно это обязывает каждого воздержаться от поспешных, поверхностных суждений о происшедшем, пока не выяснится точно картина событий».

Только через месяц представители блока посетили Верховного правителя и сделали ему официальное заявление о «бесповоротной решимости всемерно поддерживать власть Российского правительства»¹.

¹ Какое значение имела эта поддержка, указывает замечание К. Д. Набокова о враждебном отношении, с каким было встречено в Лондоне русскими либеральными кругами известие о свержении Директории. Позиция блока смягчила это отношение. О том, как реагировали вне Сибири различные демократические группы, см. мою книгу о Чайковском.

* * *

Для непризнания власти не было почвы под ногами¹. Только в первый день могло казаться, что вмешательство союзников сможет аннулировать события 18 ноября. Некоторые демократические круги, и не делавшие ставку на чехословацкую вооруженную силу, по-видимому, рассчитывали на такое дипломатическое вмешательство. По крайней мере, так была построена речь председателя Уфимской Городской Думы нар. соц. Чембулова. Он говорил: «В настоящее время известно, по сообщению чехословац. Нац. Совета, что весь Дипломатический корпус союзников высказался за непризнание переворота». Чембулов ошибался. Оставленный в Челябинске при чехах делегат Съезда У. С. Фомин почти немедленно доносил о своих впечатлениях: «Союзники если и не помогали Колчаку совершить переворот, то все же одобрили этот его шаг... Если союзники хотя бы неофициально признают Колчака, то не может быть никаких сомнений, что чешское высшее командование поступит так же» [*Святоцкий*. С. 125].

Мнение союзников, конечно, было чрезвычайно важно. Пишон с необычайным преувеличением рассказывает: «Немедленно во французскую миссию стали являться все: военные, журналисты, лидеры политических партий: “Должны ли мы признать или бороться против адмирала? Верно ли, что он ваш человек?”» [*М. Sl.*, 1925, II, р. 218].

«Наше положение было самое фальшивое», — комментирует автор. Он только забывает добавить, что критическое отношение возникло значительно позже. Легра признает, что в иностранных миссиях скорее сочувствовали перевороту [*М. Sl.*, 1928, II, р. 166]. «Директория, — сказал Ауслендеру один из высокопоставленных дипломатов, — досадное осложнение»².

Колчак о своих отношениях к иностранным дипломатам в первые дни дал довольно подробное показание.

¹ «Не следует верить, как хотели внушить некоторые политики, что сибирское население было против Колчака», — замечает французский наблюдатель Грондиз [*с. 516*].

² Недаром Пепеляеву казалось, что союзники (англичане, французы, японцы) «высказываются уже за монархию у нас» [запись 7 октября. — *Субботовский*. С. 20].

«Вообще отношения со стороны всех, кто ко мне являлся, были самыми положительными. Гаррис, американский представитель, относился ко мне с величайшими дружескими чувствами и чрезвычайной благожелательностью. Это был один из немногих представителей Америки, который искренно хотел нам помочь и делал все, что мог, чтобы облегчить нам наше положение в смысле снабжения. Гаррис, насколько я помню, прибыл ко мне первый с визитом на следующий день. Гаррис сказал мне: «Думаю, что в Америке этому событию будет придано самое неопределенное, самое неправильное освещение! Но, наблюдая всю атмосферу, всю обстановку, я могу только приветствовать, что вы взяли в свои руки власть, при условии, конечно, что вы смотрите на свою власть как на временную, переходную. Конечно, основной вашей задачей является довести народ до того момента, когда он мог бы взять управление в свои руки, т. е. выбрать правительство по своему желанию».

Я сказал ему: «Это есть моя основная задача. Вы знаете хорошо, что я прибыл сюда, не имея ни одного солдата, не имея за собой никаких решительно средств, кроме только моего имени, кроме веры в меня тех лиц, которые меня знают. Я не буду злоупотреблять властью и не буду держаться за нее лишний день, как только можно будет от нее отказаться». На это Гаррис сказал мне: «Я вам сочувствую и считаю, что если вы пойдете по этому пути и выполните задачи, которые ставятся перед вами, то в дальнейшем мы будем работать вместе». В таком же духе говорил со мной и Реньо. Полковник Уорд был у меня на следующий день и сказал, что он также считает, что это — единственная форма власти, которая должна быть: «Вы должны нести ее до тех пор, пока наконец ваша страна не успокоится и вы будете в состоянии передать эту власть в руки народа». Я сказал, что моя задача работать вместе с союзными представителями, в полном согласии с ними и что я смотрю на настоящую войну как на продолжение той войны, которая шла в Европе... Вслед за посещением этих лиц, о которых я говорил раньше, меня посетили Рихтер и Кошек. Со стороны Кошека отношение было самое милое, любезное, но все чувствовалась какая-то неопределенность. Они спросили меня: «Что вы предполагаете делать?» Я сказал, что моя задача очень простая — снабжать армию, увеличить ее и продолжать борьбу, которая ведется. Никаких сложных больших реформ я производить не намерен, так как смотрю на свою власть как на временную; буду делать только то, что вызывается необходимостью, имея

в виду одну задачу — продолжение борьбы на нашем Уральском фронте. Вся моя политика определяется этим. Стране нужна во что бы то ни стало победа, и должны быть приложены все усилия, чтобы достичь ее. Никаких решительно определенных политических целей у меня нет; ни с какими партиями я не пойду, не буду стремиться к восстановлению чего-либо старого, а буду стараться создать армию регулярного типа, так как считаю, что только такая армия может одерживать победы. В этом заключается вся моя задача. Тогда Рихтер задал мне вопрос: «Отчего вы раньше не говорили об этом, почему не спросили раньше нашего мнения?» Я ему довольно резко ответил: «Вам какое дело?» Я менее всего намерен был спрашивать мнения иностранцев и заявил ему: «Ваше мнение совершенно неинтересно и необязательно для нас». Он сказал мне: «Мы принимаем участие в ведении войны». Я ему ответил: «Да, но теперь вы никакого участия не принимаете; теперь вы оставляете фронт, — почему же вы хотите, чтобы мы справлялись с вашим мнением и в особенности теперь, когда вы оставляете фронт?» Таким образом, отношение чехов, в лице их представителей, было, скорее, недоверчивым; со стороны Рихтера оно носило как бы характер обиды, что все сделано без их согласия, без предварительных переговоров с ними» [с. 186—188].

21 ноября приветствовали Колчака прибывшие в Красноярск итальянцы [«Прав. Вест.», № 10]. «Высокий комиссар» Великобритании сэр Эллиот приветствовал Верховного правителя лишь 13 января [«Правит. Вестн.», № 50¹].

¹ Общий вывод Пепеляева (в дневнике) об отношении сибирских представителей-иностранцев таков: «Англичане довольны... Уорд заявил Колчаку, что английская часть в Омске в распоряжении адмирала... французы доброжелательно нажимают на чехов в целях нейтрализации [«Хр.». Прил. 98]. «Чехи должны были примириться, — пишет Глос, — но им было непонятно, что союзники решились на этот шаг». Колчак появился «без нашего ведома» в тот момент, когда «нам» удалось достигнуть «настоящего успокоения в Сибири при Правительстве Авксентьева» [«Вольн. Сиб.». IV, с. 33].

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Первые шаги

1. Суд над заговорщиками

Новому Правительству прежде всего предстояло ликвидировать самочинное выступление военного отряда, совершившего переворот. Колчак, как мы уже знаем, считал самым правильным средством осведомления о сущности переворота судебное разбирательство в открытом заседании. «Я не помню, — говорит он, — я ли первый высказал эту мысль или Вологодский». Мысль эту проводил настойчиво Старынкевич. По-видимому, он был и инициатором судебного разбирательства¹. «Я вызвал Волкова, — показывает Колчак, — и сказал ему, что считаю необходимым гласное расследование всех его действий, не с целью его наказывать или карать, а с целью предать гласности, и поэтому я его отдаю под суд чрезвычайного суда». Этот акт Колчака приветствовался многими деятелями Сибири. «Преданием суду Волкова Колчак начал хорошо», — замечает Будберг [XIII, с. 265].

Совершенно очевидно, однако, что такой суд с самого начала не мог быть назван судом в юридическом смысле этого слова. Судить должны были, по существу, Директорию и этим судом оправдать «патриотические действия казачьих офицеров». «Движимые чувством глубокой любви и беззаветной преданности к истерзанной и измученной когда-то Великой России, — говорило официальное сообщение штаба Восточн.-Сибир. армии в связи с протестом ат. Семенова против суда, — полк. Волков, войсковые старшины Красильников и Катанаев были главными деятелями омских событий. Решившись и исполнив этот серьезный и опасный шаг, названные офицеры сами отдались в руки правосудия. Действуя по своему крайнему разумению, (они) считали, что если действия

¹ Лицо, близкое Колчаку, пишет мне: «Величайший абсурд — суд над лицом, произведшим удавшийся переворот, — имел место исключительно по требованию союзников». Очевидно, дело было не совсем так.

их нарушали формальный закон, то они должны предстать перед судом, который вынесет им свой справедливый приговор»¹. Разбирал дело виновников переворота чрезвычайный военный суд в составе председателя ген. Матковского, членов: ген. Бржеховского, полковников Сторожева и Верникова. Обвиняемых защищали прис. пов. Жардецкий и полк. Киселев... К сожалению, в моем распоряжении нет подробностей этого суда, за исключением рассказа одного из присутствовавших на суде. (В сборнике Зензинова помещен отчет из харбинских «Новостей Жизни» — газеты, достаточно тенденциозной в отношении к новому Сибирскому правительству.)

Современная запись очевидца отмечает, что суд далеко не формально отнесся к судовому разбирательству. Суд затруднялся подыскать статью для обвинения, так как соответствующая ст. старого Уг. Ул. о посягательстве на верховную власть (ст. 100) была отменена после революции... Возник вопрос об отложении судебного разбирательства. Но «так как отложить суд по соображениям политического характера было немыслимо, то решили 100 ст. на случай, ежели пришлось бы выносить обвинительный приговор». Цитируемый мной источник указывает, что подсудимые «сильно волновались». Сам Красильников имел «испуганный вид». Из «довольно бессвязных» объяснений обвиняемых «трудно было понять, что, собственно, побудило их прибегнуть к аресту членов Правительства». «Ясно было одно, — передает свидетель, — переворот назрел, а осуществить его могли только люди, располагающие военной силой; этими людьми оказались подсудимые»². Последние подчеркивали, что они устранили лишь «персонально» Авксентьева и Зензинова, но против Директории как таковой ничего не имели.

Наиболее серьезным обвинением, тяготевшим над членами Директории, по словам Колчака, являлись пе-

¹ Официозная «информация» очень неточно передавала, как только что было сказано, историю возникновения судебного процесса.

² Я не имею пока права назвать имя этого свидетеля. Отмечу его несочувствие методам переворота 18 ноября, его прогрессивный образ мысли и то, что сам он квалифицированный юрист.

переговоры их по прямому проводу с членами ЦК партии, что служило доказательством якобы тесной связи Авксентьева и Зензинова с Черновым.

«Эти обстоятельства вызвали страшное возмущение. Какое это правительство, которое находится в руках определенной партии и исполняет ее приказания! Я подробно не знаю текста этих переговоров. Кажется, что я видел ленты, но они у меня в голове не остались и ничего особенного не представляли. Во всяком случае, каких-нибудь криминальных или преступных решений не было, но они действительно носили оттенок такой, что как бы верховная власть подчинялась партии и ее директивам» [«Допрос». С. 177].

На суде офицер, заведывавший прямым проводом, показал¹, что «Правительство из с.-р. всегда уносило с собой ленту переговоров или ее рвало. Авксентьев даже приводил своего телеграфиста. Но так как господа эти были русские люди со всеми их свойствами, то они иногда забывали уничтожать следы своих разговоров, а затем, спохватившись, присылали за лентой адъютантов (кстати, характерная деталь и сибирской и уфимской власти — у штатских министров офицеры адъютанты). Это позволило кое-что последить. Выяснилось, что Авксентьев жаловался своему партийному собеседнику на тяжесть персонального его положения в Директории и на затруднительность проведения с.-р. директив вследствие наличия в Сибири бессознательной и дисциплинированной армии².

На суде правда переплелась с вымыслом — главным образом в показаниях членов политической контрразведки. Военная контрразведка, ставящая себе политические задачи, почти всегда и повсюду оказывается не на высоте. Так было и здесь. Когда контрразведка утверждала, что партия с.-р. поставила себе целью свержение

¹ Я вновь цитирую указанный источник, считая нужным подчеркнуть, что свидетельство относится к тем дням, — это копия письма, отправленного 22 ноября 1918 г.

² Подчеркнуто в оригинале. Может быть, здесь сгущены краски. Но отчетливо видно, какую пищу для разговоров давала подобная тактика.

власти — она была права. Когда она к этому заговору приплетала Авксентьева — она показывала только то, что не умела разбираться в политических отношениях. Когда разведка устанавливала данные, свидетельствовавшие, что в распоряжении Авксентьева имелось около 200 млн руб., переправленных в Омск через большевицкие войска¹, и что между эсерами и большевиками был уже подписан договор ответственными лидерами партии, — она или безудержно фантазировала, или предупреждала события. Но все-таки это были только показания контрразведки на суде, и у Авксентьева не было абсолютно никакого права на основании даже газетной информации говорить, что суд установил, что он, Авксентьев, получил от большевиков 200 млн руб. для большевицкой пропаганды в армии [известное интервью. Зензинов. С. 182]. В официальном постановлении суда ничего подобного не было. Оно гласило: «При рассмотрении дела о полковнике Волкове и других из показаний допрошенных свидетелей и представленных к делу документов суд усмотрел, что некоторые члены Центрального Комитета партии с.-р. и члены партии составили и распространили воззвание, в коем призывали к мобилизации и вооружению членов партии с.-р. для борьбы против Всерос. Врем. прав., восстановления Областной Думы и борьбы против дисциплины, установленной в армии и нежелательной для партии.

«Роговский совместно с другими членами партии с.-р. организовал вооруженный отряд в целях устранения нежелательных для партии членов Директории (генер. Болдырева и Вологодского) и выполнения террористических актов против офицеров и других лиц [«Новости Жизни», 26 ноября].

¹ Впрочем, делалась оговорка, что «установить наличность фонда не удалось». Показания контрразведки я сознательно беру из враждебного отчета «Новостей Жизни». В письме моего «очевидца» имя Авксентьева даже не упоминается и показания эти относятся к Чернову и к деньгам, якобы привезенным им в Самару. Конечно, это досужая фантазия. Ср. с вышеприведенным письмом с.-р. Альтовского о необходимости обеспечить партию деньгами.

Мы видим, что члены Директории как таковые не упоминаются. Говорилось лишь о некоторых членах ЦК партии. В такой постановке суд почти не отошел от истины¹.

Мой свидетель, считая «мало обоснованной» (в показаниях контрразведки) «достоверность заговора с.-р. и их намерений заключить с большевиками соглашение»² (что происходило в действительности, мы знаем из рассказа Святицкого), пишет, что «безусловно надо считать доказанным то, что с.-р. самым широким образом пользовались правительственным аппаратом для своих узкопартийных целей»... Суд, конечно, оправдал виновных, а относительно материала, касающегося эсеров, постановил довести до сведения министра юстиции. Теоретически совершенно последовательно министр юстиции поручил члену судебной палаты Брюханову произвести расследование о преступных деяниях членов ЦК партии с.-р., и возник вопрос о задержке высланных членов Директории (они выехали в ночь 21 ноября; постановление суда состоялось в тот же день). Но этому решительно воспротивился Колчак. «Мне пришлось сказать, — замечает Колчак, — что нежелательно предавать их суду как принципиально, так и фактически. Так как они уже уехали, и судить их нет никаких оснований. Раз они смещены, то зачем, собственно говоря, их судить».

Действительно, серьезным обвинением против Комитета У. С. могло быть расходование государственных денег на партийную работу. Это и было отмечено Старынкевичем [«Допрос». С. 192].

Картина порядков в распоряжении казенными средствами в Уфе, по выражению Кроля, была «ужасающая»:

¹ Относительно назначения отряда Роговского сказано слишком сильно, но несомненно, в функции отряда Роговского должны были входить и некоторые специфические задания. Вспомним хотя бы рассказ Болдырева о посещении его эсерами после убийства Моисеенко и об угрозе расправиться с «военщиной». Письмо современника говорит: «...департамент милиции стал по примеру самарского реорганизоваться в партийную с.-р. охрану».

² «Говорят, — добавляет он, — что в закрытом заседании были оглашены документы, проливающие свет на это обвинение».

«Я охотно допускаю, что злоупотребления самих руководителей в личных целях если и были, то были не в крупном масштабе, но нельзя не отметить общей язвы революционных правительств, которые считали, что они, эти временные органы или их партии, и государство — одно и то же. Беззаконное в ускоренном и упрощенном порядке (не возиться же с канцелярщиной и буквеедством!) распоряжение казной не могло не нарушать возможности правильного контроля, а следовательно, и не влечь неизбежного казнокрадства со стороны подчиненных органов. Давать щедрой рукой деньги своей партии, своим партийным газетам эсеры, по крайней мере, считали вполне государственным делом. Будущий историк найдет, несомненно, немало такого и в деятельности Сибирского правительства» [с. 162].

История пока таких материалов не обнаружила¹, и приходится заниматься рассмотрением того, что есть. Нельзя признать нормальным то, что обнаружила ревизия учреждений финансов. ведомства Сов. упр. вед. в Уфе². Ревизия была произведена еще при Директории (16 ноября), когда областное правительство должно было сдать при ликвидации свои дела, вице-директором Общего отдела Мин. фин. Крестовским. Результат ревизии был в свое время опубликован в «Заре» и в «Правит. Вест.» [4 дек., № 14]. Данные эти, касающиеся ассигновок чехам на «развертывание русско-чешских частей» (3 млн), несмотря на запрещение центральной власти, ассигновок на «зарубежную работу» (2 млн), на «неотложные надобности», на «неопределенные расходы, выдачи Правительству Башкирии» (3 млн) («беспримерное ассигнование», по мнению ревизии), перепечатаны Гинсом в его книге³, поэтому ограничиваюсь достаточными коротенькими выдержками, относящимися к последним дням существования Совета упр. ведом., который отчасти тоже превратился в

¹ На совести и проф. Легра, и его информаторов остается приведенное выше обвинение членов Сибирского правительства.

² Характерно, что нечто аналогичное обнаружилось и при ревизии дел Сибоблдумы [«От. Вед.», № 29].

³ Также у Гутмана (Гана) в книге «Россия и большевизм» [с. 295—298].

один из штабов противокочкавской акции: ему в эти дни стала в Уфе принадлежать «полнота власти».

«19-го г. Веденяпин, управляющий Вед. иностранных дел, — констатировала ревизия, — предъявил чек на один миллион рублей, но встретил решительный отпор со стороны представителей Министерства финансов, указавших, что они не могут допустить расхищение государственных средств в столь тревожное время и притом на совершенно неизвестные и неопределенные цели. Тогда Совет упр. ведомствами пошел по проторенной большевиками дорожке и арестовал лиц, заграждавших доступ к государственному сундуку, а затем на свободе вынул из отделения государственного банка 5.000.000 рублей... Несмотря на категорические приказы Министерства финансов отправить из присланных Омском в подкрепление Уфимского отделения 16 миллионов руб., 5.000.000 руб. в Оренбург, представители последнего денег не могли получить ввиду того, что Совет управления ведомствами решительно воспретил исп. об. упр. Уфимским отделом государственного банка произвести эту отсылку...

Заслуживают также внимания и расходы Совета в связи с военными обстоятельствами. Сумма последних за время с 10 октября по 8 ноября составляет в общем 14.901.352 руб. 54 коп., причем свыше 9.560.000 руб. ассигновано в один день 7 ноября. Из приведенной суммы уполномоченному Совету на поддержание партизанских отрядов с развертыванием их в полки отпущено 4.500.000 руб. Ген. Войцеховскому на поддержание русских частей, работающих на фронте, — 2.000.000 р. и упол. чехословацкого Нац. Совета на поддержание русско-чешских частей — 3.000.000 руб. Столь щедрые ассигнования на поддержание и развертывание партизанских отрядов и батальонов всерос. Учр. Собрания в полки становятся особенно симптоматичными, если припомнить, что эти ассигнования последовали вслед за известной «грамотой» В. Чернова о необходимости иметь в своем распоряжении батальоны совершенно особого и специального назначения. Мало того, Совет упр. ведомствами считал себя вправе снимать ценности с эшелонов, эвакуируемые казначействами отделений Государственного банка, — таким путем ему удалось захватить 36.000.000 руб., и все они израсходованы вышеуказанным порядком».

В этих ассигновках была еще одна характерная черта: ассигнованные суммы тотчас же брались в казначейства

и, по выражению ревизора, «бесследно исчезали». Ревизор иллюстрировал деятельность агитационного культурно-просветительного отдела (кстати подлежавшего расформированию по распоряжению Болдырева), который получил в середине октября ассигновку в 4¹/₂ млн и на текущем счету которого было лишь 16 р. 60 коп.... Также прав был ревизор, отмечая, что все деньги в значительной степени шли на агитацию против Правительства (газеты «Народ» и «Народное Дело»).

Никаких опровержений данных ревизии нам не попало... Она бесспорно дала обличительный материал, который можно было использовать в политических целях. Новое Правительство этого не сумело сделать или не хотело. И в том и в другом случае показательный суд над виновными не мог служить в пользу Правительства, так как несерьезные данные дискредитировали и то серьезное, что могло быть представлено на суд общественного мнения.

2. Ультиматум Семенова

Ошибкой считает Будберг оправдание виновников переворота, еще большей тактической ошибкой, по мнению Гинса, было производство Волкова в ген.-майоры, а Красильникова и Катанаева — в полковники: «Даже при невозможности вменения ему (Волкову) политического проступка, он должен был быть не награжден, а, наоборот, наказан» [II, с. 36]. Плохой, действительно, симптом, когда правительство вынуждено идти на компромисс, считаясь с настроением кругов, в руках которых так или иначе были значительные вооруженные силы. В таких условиях всегда появляется опасность создания своего рода преторианцев, которые будут предъявлять, когда нужно, свои счета к оплате¹.

Омские казачьи круги — омская «атаманщина» — могли быть во время суда над Волковым и его соучастниками

¹ По словам Окулича [«Возрождение», № 282], оправдание чрезвычайно «мучило» Вологодского. Но другого выхода, кроме оправдания, не было.

взбудоражены протестом и ультиматумом, которые предъявил Семенов Правительству. До этих пор молчавший забайкальский атаман, лишь только был обнародован приказ о назначении суда над виновниками переворота, реагировал телеграммой на имя Колчака, в которой заявил, что Колчак не имеет права предавать виновников суду, и требовал выдачи их в свое распоряжение. Быть может, подчеркнуто пришлось пойти на награду оправданных по суду, чтобы успокоить разгоревшиеся страсти¹. Это производство, возможно, преследовало и другие цели. Опасный в Омске, Волков был отправлен в Читу с миссией убедить Семенова в государственном вреде его выступления — Семенов заявил, что он не признает Колчака. Есть, однако, одно неразрешимое пока противоречие. В работе Парфенова напечатан приказ «по казачьим войскам» временного управл. воен. мин. ген. Сурина о производстве Волкова и др. в следующий чин «за выдающиеся боевые отличия». Дата приказа 19 ноября, т. е. одновременно с назначением чрезвычайного суда. На нем есть странная пометка: «секретно». На мой вопрос и Старынкевич и Гинс, которые, казалось бы, должны были знать об этом секретном приказе, решительно отвергли его возможность... Большевицкие историки не всегда точны и аккуратны в печатании материалов, которые могут дискредитировать их политических противников²... Сомнительно, однако, то, что Колчак имел непосредственное отношение к этому производству.

Упомянутый протест Семенова грозил новому Правительству большими осложнениями, так как за Семеновым стояли японцы, весьма неодобрительно относившиеся к перевороту [Уорд. С. 90]. Первое столкновение с Семеновым я предпочитаю рассказать словами Колчака. Этот своеобразный мемуарист почти всегда более точен в передаче фактов, чем иные «документы». Документы в сбор-

¹ О настроениях свидетельствуют сцены, сопровождавшие оправдание подсудимых. Мой «очевидец» рассказывал: «Зал огласился неистовыми овациями, «атаманов» качали и вынесли на руках; коридоры суда и лестница были заполнены преторианцами, одобрявшими решение суда».

² Парфенова даже советская критика упрекала в неверных и тенденциозных цитатах [«Сиб. Огни», 1928, № 1, с. 277].

нике Зензинова рассказывают семеновский инцидент более колоритно на основании официальной информации штаба воен. Сиб. отдельной армии в иркутские газеты, но в этой информации так много путаницы и противоречий, что она требует больших поправок и — не все еще может быть проверено¹.

Колчак показывает:

«Затем я получил известие, которое потом оказалось недоразумением, но тогда на меня произвело впечатление чрезвычайно серьезное: это была первая угроза транспорту с оружием, обувью и т. д., задержанному где-то на Забайкальской жел. дороге. Впоследствии оказалось, что это было не предумышленной задержкой, а задержкой благодаря непорядкам на линии; мне же доложили это так, что я поставил это в связь с перерывом сообщения и решил, что дело становится очень серьезным, что Семенов уже задерживает не только связь, но задерживает доставку запасов. Я просил Лебедева, который вступил в должность начальника штаба, вызвать по прямому проводу или Семенова, или его начальника штаба и окончательно выяснить вопрос, делается ли это умышленно или нет, и если это делается не умышленно, то я прошу содействия и облегчить мне возможность сношений и протолкнуть вне очереди поезда с припасами и предметами снабжения для фронта. Лебедев получил такой ответ, что они просто не желают разговаривать. Тогда я, обдумавши этот вопрос и пользуясь тем, что Волкова я послал на Восток в

¹ Здесь, между прочим, приведена из харбинских «Новостей Жизни» телеграмма Семенова, заявляющая о непризнании Колчака: «Адмирал Колчак, находясь в то время на Дальнем Востоке, всячески старался противодействовать успеху моего отряда, благодаря чему отряд остался без обмундирования и припасов, имевшихся тогда в распоряжении адмирала Колчака, и посему признать адмирала Колчака как Верховного правителя государства я не могу. На столь ответственный перед родиной пост я, как командующий Дальневосточными войсками,ставляю кандидатами генерала Деникина, Хорвата и Дутова; каждая из кандидатур мной приемлема».

Имеется и телеграмма Дутова, который, как «старый боец за родину и казачество», просит Семенова «учесть всю пагубность (его) позиции, грозящей гибелью родине и всему казачеству» [с. 84]. [Тел. приведена и у Гинса. II, с. 41.]

Иркутск, решил поручить Волкову организовать отряд там, в Иркутске, и двинуться на Забайкальскую жел. дорогу для того, чтобы обеспечить нам провоз наших грузов».

Словом, создался целый конфликт.

«В отношении Семенова я тогда издал приказ, в котором говорил, что четыре или пять дней задерживается связь с Владивостоком, задерживается перевоз боевых припасов, что я считаю это актом предательства по отношению к армии со стороны Семенова и отрезаю его от должности¹. Это был приказ, который знаменовал собой перерыв всяких сношений с Семеновым. Насколько я был прав, трудно сказать, но я рисую вам ту обстановку и те мотивы, по которым я тогда действовал. В ответ на это не последовало ничего, но иностранные представители, которые тоже были оповещены об этой истории, спросили, что я намерен делать. Я сказал, что такие случаи нужно решать оружием, я постараюсь собрать войска и двинуть их для того, чтобы обеспечить Забайкальскую жел. дорогу и продвинуть по ней грузы. Насколько это мне удастся, я не знал, но, во всяком случае, у меня другого выхода не было, потому что я пытался войти в соглашение, но из этого ровно ничего не вышло.

Об этом событии стало известно Ноксу и Жанену, который в это время приехал во Владивосток и был на пути к Омску. Из Читы я получил предложение от генерала Жанена подойти к прямому проводу, что я и сделал. Он сообщил мне, что положение чрезвычайно осложняется в Забайкалье и что он считает долгом мне сообщить следующее: командующий японской дивизией заявил, что он не допустит никаких вооруженных действий на железнодорожной линии и что в случае, если я попробую ввести войска в Забайкалье, то японские войска вынуждены будут выступить против них... он рекомендует мне быть очень осторожным, более спокойным и надеяться, что этот конфликт может разрешиться благополучным путем и что решение его вооруженной силой является совершенно невозможным. Тогда я отставил это распоряжение. Японцы сообщили, что они берут на себя гарантию, что связь будет действовать и что движение на линии жел. дор. прекращаться не будет. Это мне в тот момент разрешало сомнение и то затруднительное положение, в кото-

ром я находился в отношении доставки на фронт предметов снабжения, и я подчинился тому положению, разрешить которое своими средствами я иначе не мог» [с. 194–196].

В информации от штаба Вост.-Сибирской армии, присланной атаманом Калмыковым, упоминалось, что Семенов заявил миссии, прибывшей в Читу, что он согласен признать адм. Колчака, при условии аннулирования приказа № 60 и признания временного характера сибирской власти (до соединения с Деникиным). Затем Семенов выслал чрезвычайную «миссию» из Читы, руководствуясь ее «недипломатическим» поведением и «злонамеренной агитацией среди войска и населения Читы»¹.

«Я своими жалкими средствами что же мог сделать?» — спрашивал Колчак. Приходилось подчиняться иностранному вмешательству и ждать от него разрешения «конфликта». Заключительный аккорд в словах Будберга: «Готовая уже ликвидация атаманов сорвана японцами; не вмешайся они, теперь уже не существовало бы этих гнобников и можно было бы радоваться возможности приступить к созидательной работе»... (Запись 10 декабря.) Через десять дней Будберг добавляет: ...«Жанен работает, чтобы свести все на нет. Значит, здоровый и нужный для утверждения авторитета Омска исход становится почти безнадежным, ибо против него не только японцы, но и главный военный представитель союзников» [XII, с. 273]².

3. Авантюристы и клятвопреступники

Итак, непосредственная угроза с востока (Семенов и японцы), угроза с запада (эсеры и чехи) в той или иной степени были отдалены от нового Российского правитель-

¹ Семенов для пропаганды среди казаков против Колчака направил особого посланца кап. Закржевского. Распространялась также особая брошюра «Колчак и Семенов», написанная начальником штаба Семенова полк. Веригой [Сиб. авант. С. 46].

² Будберг объясняет тактику ген. Жанена влиянием «семеновского приятеля» кап. Пеллио. В противность Будбергу многие обвиняли Лебедева за то, что он форсировал недоразумение с Семеновым и тем толкнул Колчака на вредный приказ.

¹ Приказ Колчака, между прочим, приветствовала эсеровская «Новая Сибирь» [№ 16] и выражала надежду, что Верховный правитель не остановится на полумерах.

ства¹. Перед ним стоял сложный вопрос о фактическом признании западноевропейскими государствами. В этом отношении переворот 18 ноября несколько осложнил дело, которое как будто стало налаживаться в последнее время при Директории. Именно налаживаться, но не более того. Если Чайковский в конце еще октября считал «невероятным» правовое признание союзными державами Директории и говорил только о «фактическом признании»², если английский представитель Линдей заявлял Чайковскому: «Мы очень рады образованию Правительства в Уфе и находимся уже с ним в сношениях, но лишены возможности признать его официально, пока такие огромные области, как центральная Россия, весь Юг и Туркестан, не подчиняются ее власти»³, то к середине ноября, по утверждению Набокова, английское правительство склонялось к официальному признанию Директории⁴...

«Склонялось» — это еще далеко не означало возможности реального признания. При двойственной союзнической политике, в период так называемой интервенции, международная дипломатия все время, в сущности, не знала, с кем ей идти, на кого опираться. Отсюда получалась та крайняя неопределенность, которую еще Пишон в своем докладе называл смешной и абсурдной [с. 51]... Уорд довольно верно определил характер помощи союзников России, назвав ее трагикомическим фарсом [с. 127]. Немедленное признание Директории англичанами, несомненно, должно было тормозиться отрицательным к ней отношением со стороны сибирских военных представителей. Мы знаем, что ген. Нокс считал Директорию просто нежизненной. Но и из первой же беседы с Эллиотом Авксентьев вынес впечатление, что Англия не сочувствует Директории. Это близко к истине. Ведь характерно, что сэр Эллиот в своей речи на банкете в Челя-

¹ Колчак избегал термина «всероссийского».

² В этих целях Чайковский рекомендовал «пятерке» назначить главноверха, какого-либо известного генерала, приемлемого для Версаля [Н. В. Чайковский. С. 89].

³ Бумаги Н. В. Чайковского. Пражский Архив.

⁴ Испытания дипломата. С. 231. Набоков утверждает, что 17 ноября уже был изготовлен проект телеграммы на этот счет [с. 245].

бинске в честь Директории даже о ней не упомянул [Кроль. С. 140].

Не так уже определена была политика Франции. Во всяком случае, в то время от официального признания Директории она была еще дальше. Я не знаю, откуда почерпнул Зензинов [«Из жизни революционера». С. 114] уверенность, что 22 ноября Франция должна была признать Директорию и будто бы с этой именно целью ехала специальная миссия ген. Жанена¹. В Министерстве иностранных дел с самого начала был некоторый скепсис в отношении притязаний Правительства, избранного в Уфе. Министр иностранных дел Пишон, соединяя Директорию и Комуч в одно и отвечая на их обращение, писал Веденяпину: «Ключ к вашей значительности за границей лежит скорее в реальной силе, чем в ваших легальных правах, тем более что последние отнюдь не несомненны. Все здесь полагают, что только У. С. может реорганизовать Российское государство. Но невозможно отождествлять У. С. с его Комитетом, из которого исключены две политические партии, что колеблет сам принцип легальности, и двести пятьдесят членов представляют собой слишком узкую легальную базу. Вот почему ваше происхождение от У. С. не имеет большого веса в глазах Европы. Это скорее моральная, чем законная сила. Таким образом, необходимо вашей устойчивостью, вашей реальной силой дать нам доказательства вашего признания страной» [Майский. С. 78–79].

Устойчивость сибирской власти 18-го была нарушена. Надо было дать новые доказательства того, что власть будет более устойчива, чем ее предшественница. Члены бывшей Директории, переправившись за границу, не склонны были, конечно, поддерживать перед общественным мнением авторитет своего соперника.

Накануне Нового года в Иокогаме Болдырев увиделся с Авксентьевым, Зензиновым и Роговским. Вместе они встречали у Авксентьева Новый год. «Все они, — запи-

¹ О признании Директории в связи с миссией Жанена говорит и Аргунов [с. 36]. Во всяком случае, по отношению к миссии Жанена, как мы увидим, это совершенно неверно.

сывает Болдырев, — собираются в Америку “выяснить истинный смысл сибирских событий”». Будберг это предвидел, когда записал в свой дневник, что высылка за границу является со стороны Правительства «крупной ошибкой», так как «в их лице омская власть получает группу весьма озлобленных людей, у которых известные революционные имена и которые могут ей здорово напортить» [XIII, с. 269]. Все и вся критикующий Будберг не указывает, однако, выхода из создавшегося положения.

Высланные действительно с самого начала стали вредить омской власти. Представители омской власти, начиная с Колчака, и газеты, поддерживавшие Правительство, в один голос утверждают, что члены Директории дали обязательство не вести антиправительственной пропаганды. Члены Директории, как было указано, решительно это отрицают. Авксентьев называет подобное утверждение «ложью»: «Если бы у них был такой документ, они бы его уже опубликовали. Они злостно нас оклеветали» [с. 181]. Конечно, все эти вынужденные или полувынужденные обязательства большого морального значения не имеют. Очевидно, что «по собственному почину» члены Директории давать обязательств не могли. И все-таки какое-то обязательство они дали, помимо того согласия в «письменной форме» на высылку за границу, которое, по их словам, они дали кап. Герке. Совершенно естественно, что в обстановке револьверной, под угрозой ультиматумов и сроков, арестованные чувствовали себя крайне растерянными. Никто не бросит им упрека за любую подписку, но дело идет о другом обязательстве перед Омским правительством. Оно было — утверждает министр юстиции, имевший с арестованными непосредственные сношения. Ген. Хорошкин свидетельствует, что он сам непосредственно отбирал у высылаемых эти подписки. В «заявлении» высланных сказано, между прочим, о согласии их на то, что «во время пути в пределах сибирской территории» они «не будут заниматься агитацией» и что они едут «как частные лица». Нельзя не признать, что подобная подписка в условиях высылки была бы по меньшей мере бессмысленна.

Так или иначе, но молчать за границей высланные не собирались, они ехали для разоблачений омских «аван-

тюристов и клятвопреступников»¹. В Париж для большего авторитета звали и Болдырева.

15 декабря за подписью Авксентьева, Аргунова, Зензинова и Роговского в Харбинской газете «Маньчжурия» было опубликовано первое их заявление о государственном перевороте в Омске и 2 марта в нью-йоркском «Русском Слове» возражение на декларацию Омского правительства — и то и другое не раз уже было цитировано. Также цитировали мы и данное Авксентьевым Герм. Бернштейну описание «для опубликования» в Америке². Но больше всего возмутило демократические слои, группировавшиеся вокруг блока, интервью Авксентьева, помещенное в китайской прессе, в пекинском «Таймсе». То же ли это интервью или другое, в данный момент я установить не мог. Гинс утверждает, что в нем Авксентьев «en canaille» расписал весь состав министерства [II, с. 71]. По поводу этих интервью в «Заре» [21 января]

¹ Квалификация эта принадлежит Зензинову. Более сложна была, однако, психология действующих лиц. И думается, что В. М. Зензинову надлежало вдумчивее отнестись к результатам, к которым приводило неопределенное существование Директории. Устранение Директории, по словам автора цитированной уже статьи в «Чехосл. Дн.» [№ 552], было результатом того, что левые подозревали военное командование и либералов в реакционных замыслах, а эти последние переставали верить в возможность сотрудничества с социалистическими партиями. Зензинов впоследствии просто разрешил дилемму, которую ставил д-р Павлу. Он писал в «Воле России» [№ 67, 1920]: «Правы, увы, оказались те из социалистов, которые... предостерегали против коалиции с буржуазией, заранее убежденные в коварстве и измене последней, в неспособности понять глубокий смысл происходящих революционных событий. История оправдала их недоверие». Пожалуй, ссылка на «историю» здесь будет и неуместна.

² В главе «Иностранная печать о перевороте» Зензинов приводит лишь статью Бернштейна 27 дек. в «Japan Advertiser», утверждавшую, что «диктатор Колчак появился в тот момент, когда Вс. пр. добилось прекращения партийных раздоров и признания едва ли не со стороны всех частей России, за исключением тех, которые находились под террором большевиков». Получается довольно одностороннее представление. Достаточно сопоставить это с одной из статей «Таймса» (в апреле), признававшей переворот «демократическим» актом, так как иного спасения для демократии не было.

напечатан был коллективный протест, за подписью Сазонова и др. Протестующие писали, что интервью вызывает «недоумение» в общественно-демократических организациях. «Зная Авксентьева и его последние заверения при отъезде из Омска», они не допускают мысли о правильности изложения и думают, что газетой допущено извращение мыслей Авксентьева.

Но... что с воза упало, то пропало. «Плохая молва пошла, — говорит Гинс, — и рассеять ее было нелегко. Это составляло одну из труднейших обязанностей Мин. ин. дел» [II, с. 71].

Нельзя сказать, чтобы контрагитация из Омска велась вполне умело.

Противоколчаковская кампания за границей в общем изложена мной в книге «Н. В. Чайковский в годы гражданской войны». К ней я и отсылаю читателя, хотя отдельных эпизодов и придется коснуться в связи с вопросом о международном признании власти адм. Колчака. Собравшиеся в Париже представители «революционной демократии» значительно повредили авторитету колчаковской власти. Их агитация отсрочивала признание ее западноевропейскими государствами. Уже в «интервью», данном Авксентьевым «для Америки» Бернштейну, в таком виде «с демократической точки зрения» оценивалось положение вещей:

«Правительство (Директории) имело все шансы быть признанным союзниками в качестве законного Всерос. демократического правительства; оно могло быть признано официально, и тогда осуществилась бы мечта всех русских. И в тот час, когда решалась судьба всей нации, после года страшнейших испытаний, Россия, как равная, вступила бы в семью свободных народов. Это признание было уже отчасти совершившимся фактом со стороны наших союзников и братьев в лице чешской армии... но в ночь на 18 ноября все это было разрушено нелепым и преступным государственным переворотом в Омске, совершенным авантюристами, ренегатами и реакционерами. Переворот этот произвела группа монархически настроенных офицеров, спекулировавших на невежестве населения, сама политически незрелая.

Эти люди претендуют, что они действовали как патриоты, поставив на место законного Правительства Колчака, который является в их руках куклой и которого они мечтают

заменить настоящим монархом. Я утверждаю, что они являются худшими изменниками и злейшими врагами России. Своим бессмысленным преступлением они разрушили единство России...

Участники государственного переворота поставили себя на один уровень с большевиками, так как и те и другие совершают насилие над волей истинной демократии. Своим переворотом они разрушили веру демократии в возрождение свободной России, так как они создали Правительство из реакционных элементов, находящихся в борьбе с демократией. Тем самым они подготовили новую почву для большевизмской агитации и дали большевикам полное право утверждать, что Правительство, с которым большевики борются, есть контрреволюционное Правительство. Они лишили армию и демократию энтузиазма в их борьбе за единую Россию, так как они отняли у них веру в свободную Россию.

В настоящее время Россия может возродиться лишь механически при помощи вооруженных сил союзников, так как теперь мы не можем рассчитывать на нашу собственную армию, которую Вр. прав. создало с таким трудом и такой любовью.

Таково в настоящее время положение дел в России с демократической точки зрения. Я убежден, что демократия будет снова, как прежде, бороться с ее основным врагом — большевизмом, но она будет вынуждена бороться также и против Правительства авантюристов и большевиков справа, каким является в действительности Правительство Колчака.

Как должны действовать союзные демократии, чтобы помочь России? Я снова утверждаю, что для дела возрождения России помощь союзных демократий чрезвычайно существенна и в высшей степени желательна. Россия ждет этой помощи с доверием, но союзные демократии должны дать себе отчет в том, что одна техническая помощь, т. е. посылка одних войск, припасов и военного снабжения Колчаку, будет при настоящих условиях помощью русской политической реакции, поэтому я и думаю, что будет вмешательством во внутренние дела России, если союзники, в особенности Америка и ее благородный президент Вильсон, определяют условия, при которых помощь может быть оказана: такими условиями является восстановление в России порядка, права и справедливости вместо режима притеснений, порядка демократии, а не реакции, при этом воля русского народа не должна быть разрушена»...

«Я убежден, — заканчивает Авксентьев, — что в настоящее время союзники не будут помогать созданию в России угро-

зы для демократии и для мира. Больше того, они должны помочь этой демократии, истощенной гражданской войной, восстановить нарушенный закон и порядок и возродить свободную Россию»... [с. 183—185].

Другая, также демократическая точка зрения могла ставить ставку не только на механическое возрождение России при помощи вооруженных сил союзников. Ставка делалась на собственные силы и на возможное влияние на новую власть. С этой точки зрения признавалось малоцелесообразным дискредитировать власть перед колеблющимся общественным мнением Европы и Америки.

В известном письме на Юг Авксентьев как бы констатирует успех заграничной деятельности своих единомышленников: «Наше предприятие благодаря тому, что мы получили возможность влиять очень непосредственно на Вильсона, увенчалось на первых порах успехом: обращение союзников к Колчаку было сделано под нашим влиянием» [«Пр. Рев.». Кн. 1, с. 120]¹. Это крыло партии с.-р. продолжало занимать промежуточную позицию и отгораживать себя от «черновцев», но оно, в сущности, в своем большинстве было безоговорочно враждебно Колчаку. Сам Авксентьев в письме на Юг опровергает то, что Львов и Маклаков писали 5 октября 1919 г. омскому министру иностранных дел: «Считаем долгом удостоверить, что Авксентьев, по приезде сюда, не присоединился к этой агитации и тем разочаровал тех, кто хотел бы видеть его во главе ее. Его позиция определенно патриотически-государственная. Думаем, что было бы большой несправедливостью и ошибкой, если бы у вас продолжали смешивать его с теми, с кем надо бороться, а не сотрудничать»².

¹ Имеется в виду майская декларация 1919 г. (См. в III ч. моей работы.)

² Субботовский. О том же писал раньше из Вашингтона Угет (26 февраля). Писал он Сазонову: «На днях прибыл Авксентьев со спутником, с которым установились вполне добрые отношения. 9 марта они выезжают в Париж, где намереваются принять усиленное участие в ваших работах. Авксентьев настроен государственно и ставит себе основной задачей выставление единого национального фронта перед союзниками, объединенного общей формальной программой». «У всех у нас!.. — добавляет Угет. —

Колчаковский министр Сукин отвечал кн. Львову: «Верховный правитель считает возможным официально санкционировать какое-либо поручение Авксентьеву. Со своей стороны хотел бы вас осведомить, что корректная позиция Авксентьева и обнаруженный им патриотизм здесь вполне учитываются»...

Оказавшиеся за границей члены Директории, кандидаты к ним и их ближайшие сотрудники раскололись во взглядах на русскую политику — так пишет Болдыреву из Парижа в начале июля 1919 г. эсер полк. Махин, один из руководителей борьбы на Волжском фронте в ее первоначальный период, оказавшийся «не ко двору в колчаковской Ставке» и «принужденный» эмигрировать; «часть склонна помириться с Колчаком, другая занимает позицию: ни Ленин, ни Колчак»¹ [Болдырев. С. 246]. Какую позицию занимал среди указанных временный председатель Директории? Он не был среди прямолинейных «нинистов», как будто бы даже согласен на «косвенное сотрудничество с русским Политическим совещанием в Париже» (все еще будирующий Болдырев ссылается на личное письмо к нему Авксентьева, на котором «отразились» парижские настроения), и в то же время он очень далек от той позиции, которую определенно после недолгих колебаний занял Чайковский². Эта позиция была близка позиции той части сибирской демократии, кото-

Сквозит, однако, горечь по поводу омского переворота, причем вполне определенно чувствуется не оскорбленное партийное или личное самолюбие, а боязнь, чтобы Правительство, не опирающееся, по их мнению, на народные массы, не послужило началом гражданской войны в антибольшевицком лагере... Во всяком случае, мое личное впечатление, что приезд Авксентьева в Париж может быть крайне полезен для наших национальных интересов» [«Кр. Арх.». XXXVII, с. 101].

¹ Показательно, что и Махин считает, что, «пока не будут двинуты иностранные войска, на успех рассчитывать нечего». На письмо Махина я должен обратить особое внимание весьма пристрастного критика в «Днях» [№ 56] моей работы о Чайковском, голословно пытавшегося опровергать якобы неверные и несправедливые суждения Чайковского.

² Письмо его к Болдыреву с убеждением сотрудничать с Колчаком приведено в приложении к моей книге о Чайковском.

рая решила власть адм. Колчака не только признать, но и всецело поддерживать. В письме на Юг Авксентьев в действительности, скорее, признает неудачу той пропаганды, которая велась за границей против колчаковского Правительства. В Европе эсеры не нашли подлинной демократии: здесь пришлось столкнуться или с большевизки настроенной демократией или антидемократически настроенной буржуазией. В этих условиях имела успех агитация русских правых элементов, к которым Авксентьев причислял «совершенно сбившегося с толка Чайковского» [«Прол. Рев.». Кн. 1, с. 114–121]¹.

* * *

Н. Д. Авксентьев признал неудачу той кампании, которая велась за границей против власти, заменившей Директорию. Но эта агитация людей с «революционными именами» была на первых порах по самому больному месту нового Правительства, ежечасно подчеркивая его антидемократичность². Его искусственно изображали реак-

¹ Чайковский не был одинок. В дополнение к тем данным, которые приведены мной в его биографии за годы гражданской войны, отмечу поддержку, которую оказывало колчаковскому Правительству лондонское «Народоправство» — «The Russian Commonwealth» (орган, который в свое время ускользнул из моего внимания). Демократическое «Народоправство» подчеркивало, что после омского переворота дело пошло не так, как «рассчитывали заговорщики»: Колчак солидаризировался с демократическими элементами [с. 232]. «Нинисты», т. е. выдвинувшие нежизненный лозунг «Ни Ленин, ни Колчак», в конце концов объединились около парижского с.-р. «Pour la Russie» (возник в октябре), выходившего под редакцией Минора, Зензинова, Сталинского и Лебедева, при участии Керенского, Роговского, Сухомлина, Махина и Тер-Погосяна. Эта эсеровская группа выступала уже решительно против военной вооруженной интервенции и провозглашала борьбу с диктатурой большевиков и военной диктатурой генералов. Н. В. Чайковский назвал «Pour la Russie» «большевицкой» прессой.

² «Б. члены Директории, — замечает Будберг, — не должны были бы «мешать тем, кто плохо или хорошо борются с большевиками»» [XIII, с. 276].

ционным, хотя таковым оно в действительности не было. Правительству, пришедшему к власти через переворот, не так легко было оправдаться. «А союзники, — писал из Парижа С. Д. Сазонов Вологодскому 17 апреля 1919 г., — оценивают русские правительства с точки зрения приемлемости их для западных демократий»¹.

Отсюда видно, какие трудности предстояло преодолеть А. В. Колчаку в роли Верховного правителя; в какой необычайно сложной обстановке, даже вне зависимости от специфических сибирских условий, должна была протекать творческая деятельность нового Правительства.

Достаточно ярко охарактеризовал Колчак свою позицию в беседе, которую он имел с представителями печати 28 ноября².

«Я не искал власти и не стремился к ней, но, любя родину, я не смел отказаться, когда интересы России потребовали, чтобы я встал во главе правления.

Приняв власть, я немедленно разъяснил населению, чем я буду руководствоваться в своей государственной работе³.

Я сказал: «Я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности». И это свое обещание я оправдаю не словами, а делом.

Я сам был свидетелем того, как гибельно сказался старый режим на России, не сумев в тяжкие дни испытаний дать ей возможность устоять от разгрома. И конечно, я не буду стремиться к тому, чтобы снова вернуть эти тяжелые дни прошлого, чтобы реставрировать все то, что признано самим народом ненужным.

¹ Сборник «Последние дни колчаковщины» [с. 95].

² «Новая Сибирь», № 19; Гинс [II, с. 30–33].

³ В обращении к населению 18 ноября от имени Верховного правителя говорилось: ...«Приняв крест этой власти в исключительно трудных условиях гражданской войны и полного расстройстве государственной жизни, объявляю: я не пойду ни по пути реакции, ни по пути партийности. Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру. Призываю Вас, граждане, к единению, к борьбе с большевизмом, труду и жертвам».

С глубокой искренностью скажу вам, господа, что теперь, пережив впечатления тяжелой мировой войны, я твердо укрепился на той мысли, что государства наших дней могут жить и развиваться только на прочном демократическом основании. Я всегда являлся сторонником порядка и государственной дисциплины, а теперь в особенности буду требовать от всех не только уважения права, но и — что главное всего в процессе восстановления государственности — поддержания порядка.

...Дело восстановления родины не может не быть связанным с беспощадной, неумолимой борьбой с большевиками. Только уничтожение большевизма может создать условия спокойной жизни, о чем так исстрадалась Русская земля, только после выполнения этой тяжелой задачи мы все можем снова подумать о правильном устройстве всей нашей державной государственности. Следует всегда помнить, что мы здесь не одни, что такая же борьба ведется на юге, на севере и на западе России, где также проснулась тяга к возрождению и восстановлению Русской державы.

Раз будут созданы нормальные условия жизни, раз в стране будут царить законность и порядок, тогда возможно будет приступить и к созыву Национального Собрания¹.

Я избегаю называть Национальное Собрание Учредительным Собранием, так как последнее слово слишком скромно метрировано. Опыт созыва Учредительного Собрания, собранного в дни развала страны, дал слишком односторонний партийный состав. Вместо Учредительного Собрания собралось партийное, которое запело интернационал и было разогнано матросом. Повторение такого опыта недопустимо. Вот почему я и говорю о созыве Национального Собрания, где народ, в лице своих полномочных представителей, устанавливает формы государственного правления, соответствующие национальным интересам России.

Я не знаю иного пути к решению этого основного вопроса, кроме того пути, который лежит через Национальное Собрание».

Беседа эта произвела должное впечатление. Но с каким-то фанатизмом «левая» сибирская печать, как, напр.,

иркутская «Новая Сибирь» [№ 20, 4 дек.], не сомневаясь в личной «искренности» Колчака, заявляла, что «объективная обстановка, созданная передачей верховной власти» адм. Колчаку, не только не способствует, но и совершенно определенно противодействует «установлению прочного демократического основания» у нас в России. Не обстановка, а люди с их шорами партийными и иными помешали власти выбраться из пучины, созданной сибирской «неразберихой»...

Надо глубже окунуться в эту пучину социальных отношений и многообразных политических переживаний; надо еще больше проникнуться атмосферой эгоистического себялюбия, которое рождала гражданская война, наряду с подлинным героизмом и жертвенностью; надо ближе подойти к переживаниям народных масс — тогда понятнее станет то, что я назвал трагедией адмирала Колчака. Это была не только личная драма — драма разочарования в людях; драма крушения надежд и разбитых иллюзий. Это была трагедия всей гражданской войны. Трагедия России и ее народа.

Колчак был так же бессилён, как и все другие. Время для возрождения России еще не пришло. По-видимому, приходится признать, что сама личность Колчака — благородного энтузиаста, слишком прямого и искреннего человека, оригинального в своих помыслах, — не подходила своей непосредственностью к той талейрановской политике, которую требовала жизнь и которую приходилось вести вовне и внутри страны.

¹ Совершенно неосновательно впоследствии «Чехосл. Дневник» [18 ноября 1919, № 269] приписал влиянию прибывшего в Сибирь воен. мин. Штефанека то, что Колчак объявил свою власть временной и обещался созвать Уч. Собр.

ЛИТЕРАТУРА

Мне нет надобности давать полный перечень существующей уже литературы. Желающие с ней познакомиться могут обратиться к специальному указателю, выпущенному в 1928 г. «Сибкрайиздатом» в Новосибирске: *Турунов А. И. и Вегман В. Д.* Революция и гражданская война в Сибири (указатель книг и журнальных статей). Указатель включает в себе литературу, как изданную в России, так и зарубежную. Включена сюда и часть литературы на иностранных языках. Краткий перечень можно найти в «Хронике гражданской войны в Сибири 1917–1918 гг.», составленной Максаковым и Туруновым и ранее выпущенной в Москве (1926). В сущности, в 1928–1929 гг. больших работ в России не появлялось. Таким образом, первый указатель для России является почти исчерпывающим.

Я везде в тексте делаю ссылки на источники, которыми пользовался. Раз ссылки нет, это означает, что у меня имеется соответствующий документ или его копия. Так как книга моя предназначается для русского читателя, я стараюсь делать, где возможно, ссылки на русские издания, если они даже касаются иностранного источника. Равно для удобства пытаюсь я ссылаться на общие издания, раз ссылка моя на первоисточник может быть проверена по этому общему изданию. Ниже я привожу список лишь тех книг, на которые мне более или менее часто приходится ссылаться, делая эти ссылки сокращенно (я указываю в тексте автора и соответствующую страницу). Остальная литература указана в подстрочных примечаниях.

1. ЗАРУБЕЖНЫЕ ИЗДАНИЯ

а) Книги

1. *Аргунов А. А.* Между двумя большевизмами. Париж, 1919.
2. *Гинс Г. К.* Сибирь, союзники и Колчак. Т. I и II. Харбин, 1921.
3. *Гутман А. Я.* (Ган). Россия и большевизм. Ч. I. Шанхай. 1921.
4. *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Тома III–V. 1924.

5. *Драгомирский В. С.* Чехословаки в России 1914–1920. Прага, 1928.
6. *Зензинов В. М.* Государственный переворот адм. Колчака в Омске 18 ноября 1918. Сборник документов. Париж, 1919.
7. *Кроль Л. А.* За три года. (Воспоминания). Владивосток, 1922.
8. *Лебедев В. И.* Борьба русской демократии против большевиков. Нью-Йорк, 1919.
9. *Масарик Т. Г.* Мировая революция. Воспоминания. Т. I и II. Прага, 1926.
10. *Мельгунов С. П.* История гражданской войны в освещении П. Н. Милюкова. Париж, 1929.
11. *Мельгунов С. П.* Чайковский Н. В. в годы гражданской войны. Париж, 1929.
12. *Милюков П. Н.* Россия на переломе. Т. II. Антибольшевицкое движение. Париж, 1927.
13. *Раков Д. Ф.* В застенках Колчака. Париж, 1920.
14. *Сахаров К. В.* Белая Сибирь. Мюнхен, 1923.
15. *Серебренников И. И.* К истории Сибирского правительства. — Сибирский Архив. Т. I. Прага, 1929.
16. *Солодовников Б.* Сибирские авантюры и ген. Гайда. Прага.

б) Статьи

1. *Андрушкевич Н. А.* Последняя Россия. — «Белое Дело», кн. IV.
2. *Архангельский В. Г.* Казань во время борьбы с большевиками. — «Воля России», № 28, 1922.
3. *Брушвит И. М.* Как готовилось волжское восстание. — «Воля России» 28, X.
4. *Будберг А.* Дневник. — «Архив Русской Революции», тт. IX, XIII, XIV, XV.
5. *Глос И.* Чехословаки и Сибирская Дума. — «Вольная Сибирь», IV.
6. *Гутман А. Я.* (Ган). Два восстания. — «Белое Дело», кн. III.
7. *Занкевич (ген.)* Обстоятельства, сопровождавшие выдачу адм. Колчака. — «Белое Дело», кн. II.

8. *Изумов А. Ф.* (ред.). Уфимское Госуд. Совещание. «Рус. Ист. Арх.». Прага, 1929.
9. *Кириллов А. А.* Сибирская армия в борьбе за освобождение. — «Вольная Сибирь», IV.
10. *Климушкин И. Д.* Перед волжским восстанием. — «Воля России», 28. VIII–IX.
11. *Кроль М. А.* Сибирское правительство и Сиб. Обл. Дума. — «Вольная Сибирь», IV.
12. *Лебедев В. И.* От Петрограда до Казани. — «Воля России», 28. VIII–IX.
13. *Нестеров И.* Перед выступлением на Волге. — «Воля России», 28. X.
14. *Николаев С.* Возникновение армии Комуча. — «Воля России», 28. VIII–IX.
15. *Флуг В. Е.* Отчет о командировке из Добров. Армии в Сибирь в 1918 г. — «Архив Русской Революции», IX.
16. *Чечек О.* От Пензы до Урала. — «Воля России», 1928. VIII–IX.
17. *Штейдлер Ф.* Выступления чехословаков в России 1918. — «Вольная Сибирь», IV.
18. *Якушев И. А.* Комитет содействия созыву Земского Собора. — «Вольная Сибирь», № VI–VII. (Прил. «Соб. Арх.» Вып. II).
19. *Якушев И. А.* Очерки областного движения в Сибири. — «Вольная Сибирь» III, V.

II. СОВЕТСКИЕ ИЗДАНИЯ

1. *Анишев А.* Очерки истории гражданской войны. Ленинград, 1925.
2. *Болдырев В. Г.* Директория, Колчак, интервенция. Воспоминания / Примечания Вегмана. Новониколаевск, 1925.
3. Борьба за Урал и Сибирь. / Ред. Смирнов и др. 1926.
4. *Буревой К. Г.* Распад 1918–1920 гг. М., 1923.
5. *Вегман В.* Как и почему пала советская власть в Томске. — «Сибирские Огни», 1923, I, II.
6. *Владимирова В.* Год службы «социалистов» капиталистам. М., 1927.

7. Допрос Колчака. / Ред. Попова. Ленинград, 1925.
8. *Ильюхов, Титов.* Партизанское движение в Приморье. 1928.
9. *Какурин И. Е.* Как сражалась революция. Т. I и II. М., 1925.
10. *Колосов Е. Е.* Сибирь при Колчаке. Ленинград, 1923*.
11. *Левидов М.* К истории союзной интервенции в России. Т. I. М., 1925.
12. *Майский И. М.* Демократическая контрреволюция. М., 1923.
13. *Максаков В., Турунов А.* Хроника гражданской войны в Сибири 1917–1918 гг. (Особенно приложения). М., 1926.
14. *Парфенов П. С.* (Петр Алтайский). Гражданская война в Сибири 1918–1920 гг. изд. 2. М., 1925.
15. *Пепеляев В. Н.* Развал Колчаковщины (дневник) «Красный Архив», т. XXXI.
16. *Пишон* (майор). Союзная интервенция на Д. Востоке. М., 1925.
17. *Подшивалов.* Гражданская борьба на Урале 1917–1918 гг. М., 1925.
18. Партизанское движение в Сибири. Т. I. Приенисейский край. Сборник. Ленинград, 1925.
19. Последние дни Колчаковщины / Ред. Константинова и Ширямова. Сборник. 1926.
20. *Ракитников Н. И.* Сибирская реакция и Колчак. М., 1920.
21. Революция на Дальнем Востоке. (Сборник). Вып. I. 1923.
22. *Святицкий И. В.* К истории Всероссийского Учредительного Собрания. Съезд членов УС (сентябрь–декабрь 1918). М., 1921.
23. *Субботовский И.* Союзники, русские реакционеры и интервенция. Л., 1926.

* К сожалению, экземпляр книги Колосова у меня пропал. Мне приходится ссылаться на его статьи в «Былом», «Крестьянское движение при Колчаке» (кн. XX) и «Как это было» (кн. XXI). В остальных случаях я цитирую точную копию, снятую мною с других частей работы Колосова, не имея возможности делать указания на страницы. Ни в Париже, ни в пражском «Русском Историческом Архиве» я не мог найти книги Колосова.

24. Уорд. Союзная интервенция в Сибири 1918—1919 гг. М., 1923.
25. Утгоф В. Л. Уфимское Гос. Совещание. — «Былое», 1921, № 16.
26. Яковенко. Записки партизана. М., 1925.
27. Н. (Яковлев П. Д.?) Последние дни Колчаковщины. — «Сибирские Огни», 1922, № 2.

III. ИНОСТРАННЫЕ ИЗДАНИЯ

1. Dubarbier. En Sibérie après l'armistice. Paris, 1924.
2. Gajda R. Moje paměti. Praha, 1921.
3. Grondijs L. La Guerre en Russie et en Sibérie. Paris, 1922.
4. Janin M. Frangments de mon journal sibérien. "Le Monde Slave" 1924, XII; 1925, III, IV.
5. Kratochvil J. Česká revoluce. 1922.
6. Krejči F. U Sibiřské armady. 1922.
7. Lasies J. La tragedie sibérienne. Paris.
8. Legras J. L'agonie de la Sibérie (1918—1920). — "Le Monde Slave" 28, II.
9. Montandon. Deux ans chez Koltchak et chez les bolcheviques. Paris, 1923.
10. Pavel Ant. Sibirski uvahy. I и II. / Сборник статей ред. «Чехословацкого Дневника», 1925.
11. Pichon (col). Le coup d'état de l'amiral Koltchak. — "Le Monde Slave" 25, I, II.
12. Přikryl B. Sibiřská drama. 1929.
13. Rouquerol. L'avanture de l'amiral Koltchak. Paris, 1928.
14. Sadoul J. Notes sur la révolution bolchevique. Paris.
15. Steidler F. Čechoslovenski hnuti na Rusi. 1921.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

Авксентьев Н. Д., с.-р. 109, 113, 132, 298, 299, 304, 305, 315, 324, 326, 329, 331, 340, 342, 344, 351—355, 367—376, 378—389, 397, 406—410, 412, 416—419, 430, 434, 439, 454, 455, 457, 467, 468, 473—481, 510, 523, 525—527, 536	Астров Н. И., к.-д. 326, 333
Авсеенко, см. Антонов-Овсеенко	Ауслендер С., беллетр. 98, 509, 521
Адрианов А. В., ред. «Сиб. Жизни», к.-д. 167, 176	Афанасьев М., ген. 254
Акулинин И. Г., каз. ген. 408, 519	Байер, австр. оф. 134
Александров, прис. пов. 242	Балакшин А. А., кооп. 261, 346
Алексеев М. В., ген. 19, 21, 34, 44, 59, 61, 112, 134, 141, 195, 197, 205, 206, 216, 222, 248, 250, 298, 326, 334, 383	Балк, нем. оф. 129, 130
Алексеевский Н. А., с.-р. 184, 362, 518	Бальфур А. Дж., англ. мин. 121, 123, 156, 158
Алексей Николаевич, Цесаревич II	Бард, фр. оф. 209
Алкин И. С., мусульм., с.-р. 490	Бауэр, нем. полк. 129
Альтовский, с.-р. 392, 420, 527	Бафталовский, оф. 432, 433
Андогский А. И., ген.-м. 217, 432, 454, 459, 461	Бах, нем. оф. 134
Андрешкевич Н. А., оф. 426	Бахметьев, посол в Соед. Шт. 122
Анишев, сов. ист. 118, 207, 279	Бедра, кооп. 266, 267
Анненков Б. В., ген.-м, атаман 174	Белевский (Белоруссов) А. С., пис. 226, 230, 306, 429, 450, 491, 513
Антонов-Овсеенко В. А., сов. команд. 128	Белов (Виттенкопф) П. А., ген.-м., нач. штаба Сиб. армии 45, 393—395, 400, 444—447
Аралов С. И., ком. 146	Белоруссов, см. Белевский
Аргунов А. А., с.-р. 298, 305, 320, 321, 326, 340, 343—349, 376, 389, 395, 397, 398, 403, 410, 430, 474, 477, 483, 537	Беранек, чеш. оф.
Архангельский В. Г., с.-р. 232, 241, 305, 389, 396	Березовский Е., каз., к.-д. 306, 320, 349
	Берестовский, зем. д. 403
	Бернацкий М. В., проф., мин. Вр. пр. 107
	Бернштейн Г., ам. журн. 407, 457, 466, 467, 539, 540
	Благотич М., серб. оф. 73
	Блюхер, ком. 129
	Бобрин П. А., ген.-м. 303, 447
	Богаевский А. П., ген., ат. Все-вел. войска Донского 50
	Бойар, фр. консул 451

* В указатель мною не введены имена тех исторических деятелей, которые случайно проходят в тексте и не имеют прямого отношения к описываемой эпохе. Где возможно, я отмечал партийную принадлежность действующего лица, ибо для периода гражданской войны партийная принадлежность говорит больше, нежели профессия.

Болдырев В. Г., ген.-л., один из рук. «Союза Возрождения России» 35, 44, 52, 54, 127, 142, 185, 197, 205, 206, 208, 219, 220, 223, 254, 273, 277, 280–282, 292, 295, 298, 314, 326, 334, 341, 343, 347, 352, 356, 364, 366–372, 376, 378–384, 386, 393, 397, 406–417, 421, 426, 434, 439, 444, 446, 448, 453–455, 457, 459, 462, 464, 466, 469–471, 482–484, 486–489, 508, 527, 528, 531, 537–539

Бонч-Бруевич В. Д., ком. 133

Борис, епископ Чебоксарский 70

Бородин, к.-д. 460

Брешко-Брешковская Е. К., с.-р. 305

Бржезовский В. В., ген.-м. 525

Брушвит И. М., с.-р. 131, 193, 194, 196, 198, 199, 201, 219, 228, 270, 357, 359, 363, 490

Брусилов А. А., ген. 19, 23, 34

Брюханов, суд. д. 528

Бубнов А. С., ком. 117

Будберг А. П., ген.-л., барон 98, 100, 106, 119, 160, 184, 247, 253, 254, 366, 426, 442, 466, 482, 518, 531, 538, 544

Будеско, оф. 273

Букейханов А. Н., пред. Турк. с.-р. 311

Бунин И. А., писатель 83

Буревой К. С., с.-р. 240, 299, 321, 499, 504, 505

Буржуа А., фр. консул 127, 132, 170

Бурлин П. Г., ген.-м. 253

Буров, оф. 432

Бутенко, оф. 488

Бутов, чин. 292

Бухарин Н. И., ком. 117

Быховский Н. Я., с.-р. 345, 357

Вакулин, с.-р. 252

Валидов А. А., предст. Башкирии, с.-р. 519

Василенко, оф. 433

Васильев, с.-д. 179

Вацетис И., ком. 214

Вебстер, ам. оф. 126

Вегман В. Д., сов. ист. 172, 220, 254, 289, 467

Веденяпин М. А., с.-р. 200, 206, 209, 221, 270, 272, 330, 364, 530, 537

Венцис, комиссар 236

Верже, фр. оф. 144

Вериге Л. В., полк. 535

Верников, оф. 525

Вильсон В., през. Соед. Шт. 120, 121, 125, 126, 156, 165, 541, 542

Вильямс Г., англ. журн. 118

Виноградов В. А., к.-д. 362, 384, 388, 415, 469, 470

Виттенкопф, см. Белов

Вишняк М. В., с.-р. 440, 450

Владимирова, сов. ист. 140, 152, 221

Власек, чех.-сл. д. 223

Войтов, предст. Ур. прав. 321

Войцеховский С. Н., ген.-м. 147, 480, 496–498, 530

Волков В. А., ген.-м. 253

Волков В. И., ген.-м. 289, 292, 347, 348, 402, 432–434, 454, 461, 462, 465, 517, 524, 531, 532,

Волков Н. К., к.-д. 516

Вологодский П. В., мин., б. с.-р. 64, 110, 122, 168, 190, 255, 262, 268, 276, 280, 281, 284, 286, 287, 290, 319, 320, 326, 346, 348–353, 371, 375, 376, 378–384, 388, 389, 392–394, 403, 415, 424, 442, 443, 455–457, 464, 467–472, 524, 531

Волошин М. А., поэт 26, 50

Вольский В. К., с.-р. 201, 203, 218, 220, 226–228, 299, 303, 313, 336–338, 361, 363, 489, 490, 500, 504–506

Востротин С. В., к.-д. 167, 244, 250, 340, 383

Врангель П. Н., барон, ген. 22

Врублевский, оф. 501

Вырубов В. В., зем. деят. 340

Гавронский Д. О., с.-р. 153

Гайда Р., чех. ген., Вр. команд. Сиб. армией 45, 57, 58, 61, 64, 65, 146, 147, 178, 179, 187, 188, 240, 254, 255, 359, 440–450, 483, 490, 492–494

Галецкий И. В., н. с. 422, 428

Галкин Н. А., полк., позже ген. 61, 178, 204, 207–209, 220, 227, 240, 303, 501

Гаррис, ам. дипл. 522

Гаттенберг А. Н., мин. 175, 288, 291, 344, 403, 426

Гельферих, нем. гос. д. 112

Гендельман М. Я., с.-р. 304, 305, 318, 322–324, 329, 362, 364, 373, 415, 468

Гендерсон, англ. соц. 125

Герке, оф. 475–477, 538

Герцен А. И. 99, 217

Гессен И. В., к.-д. 137, 247, 327

Гинденбург П. фон, нем. ген. 134

Гинс Г. К., проф., член пр-ва Колчака 104, 106, 107, 109, 122, 132, 172, 180, 189–191, 255–258, 269, 276–279, 286, 342, 366, 376–382, 391, 396, 442, 444, 457, 470, 529, 540

Гинце Ф., нем. дипл. 111, 112, 131, 136

Гинэ, фр. оф. 122, 150, 159, 209, 224, 271, 274

Глос И., чеш. ист. 282, 291, 345, 523

Голечек, чеш. оф. 130, 160, 219

Голицын В. В., ген.-л. 450, 452

Головачев, тов. мин. 270, 279–281

Головин Н. Н., ген.-л. 107

Головин, кап. 394

Голубков, с.-р. 200

Гольдберг, с.-р. 410

Горвиц, с.-р. 240

Горький А. М., пис. 235

Гофман М., нем. ген. 120

Грацианов А. А., тов. мин. 287, 289, 292

Гревс, дипл. 381, 385

Гренар, фр. консул 139, 154

Гржебин З. И., изд. 405

Григорьев, с.-д. 217, 399

Гришина-Алмазова М. А., жена ген. 426, 432, 466

Гришин-Алмазов А. Н., ген.-м. 174, 176–178, 194, 267, 269, 270, 274, 275, 278–282

Грондиж, пр. гол. Кр. Кр. 449, 521

Гудков П. П., проф., мин. 289, 377

Гуковский, оф. 487

Гулкевич, дипл. 206, 209

Гуревич, с.-р. 271, 354, 459

Гурко, общ. деят. 121, 137, 138, 153

Гусарик, чеш. оф. 187

Гутман (Ган) А. Я., журн. 130, 213, 237, 347, 529

Дан (Гурвич) Ф. И., с.-д. 225

Дашевский, с.-р. 199

Дворжец, с.-р. 234

Деятов, с.-р. 506

Дедусенко Я. Т., с.-р. 468

Денике В. П., с.-д. 459, 476

Деникин А. И., ген.-л., главноком. ВСЮР 13, 14, 23, 25, 50, 55, 59, 63, 67, 77–79, 104, 109, 112, 134, 181, 206, 216, 222, 224, 227, 235, 241, 370, 533, 536

Дербер, с.-р. 132, 168, 169, 171, 172, 192, 242, 248, 249, 251, 252, 257, 258

Джедсон, ам. ген. 116

Дзержинский Ф. Э., ком. 117

Диктоф-Деренталь 219, 228

Дитерихс М. К., ген.-л. 5, 60–62, 65, 141, 142, 255, 449, 450, 462, 481, 501, 506

Драгомирецкий В. С., чеш. ист. 147, 216, 488

Думбадзе С. А., ген.-м. 206

Дутов А. И., ген.-л., ат. Оренбургского каз. войска 134, 220, 231, 295, 302, 434, 519, 533

Духонин Н. Н., ген. 140

Дыбенко П. Е., ком. 133

Дюбарье, чл. фр. миссии 132, 435

- Емельянов, кооп. 347
- Жандр, фр. конс. 132, 133, 163, 170, 180
- Жанен М., фр. ген. 75, 77, 81, 108, 278, 423, 433, 435–438, 440, 455, 480, 481, 534, 535, 537
- Жано, фр. конс. 200, 221
- Жардецкий, к.-д. 259, 260, 427, 432, 434, 460, 525
- Жевченко, поручик 30
- Забелло, ком. 133
- Завойко В. С., пред. дв. 439
- Зайцев, казак 399
- Зайчик, чеш. оф. 292
- Закржевский, оф. 535
- Захаров, с.-р. 244
- Зензинов В. М., с.-р. 98, 101, 217, 304, 317, 318, 326, 327, 329, 340, 344, 345, 371–373, 379, 381, 384, 387, 392, 397, 405, 410, 414, 416–418, 420, 430, 434, 464–468, 475, 479, 512, 516, 537, 539, 544
- Зефиоров Н. С., мин. 277
- Зиневич Б. М., ген. 57
- Знаменский С. Ф., н. с. 479
- Зубашев Е. Л., проф. 165
- Ивакин А. В., полк. 57
- Иванов Вс., журн. 98
- Иванов, ген. 346
- Иванов, с.-р. 490
- Иванов-Ринов П. П., ген.-л., ат. Сибирского каз. войска 45, 163, 177, 180, 189, 260, 274, 280, 281, 293, 300, 341, 347, 355, 366, 376, 402, 434, 443–447, 518
- Измайлов, ком. 133
- Изюмов А. Ф., ист. 107, 309
- Ильин, оф. 433, 440
- Иностранцев М. А., ген. 107, 151, 152, 188
- Иоффе А. А., ком. 111, 117
- Ихара, яп. дипл. 247
- Кадлец, чеш. оф. 146, 178, 254
- Какурин Н. Е., сов. воен. ист. 143
- Калашников, с.-р. 177, 443
- Каледин А. М., ген. 25, 67, 216
- Калмыков И. П., ген.-м., ат. 182–184, 397, 407, 519, 535
- Каппель В. О., ген.-л. 62, 63, 74, 75, 81, 178, 208, 213, 216, 217, 295, 303, 482
- Карпов, с.-д. 263, 308
- Катанаев Г. Е., ген. 309
- Катанаев, каз. оф. 402, 434, 524, 531
- Кассо, мин. 288
- Келлер Ф. А., граф, ген. 13
- Кенэ, фр. оф.
- Керенский А. Ф., с.-р. 19–21, 23, 24, 34, 47, 49, 153, 156, 157, 228, 277, 391, 439, 544
- Кибрик Т. С., с.-д. 325
- Киндяков М. Л., зем. деят. 340
- Кириллов И. А., оф. 132, 173, 188, 237, 254
- Киселев, оф. 525
- Клафтон, к.-д. 427, 460, 461
- Клемансо Ж., фр. гос. деят. 138, 154, 156
- Клерже Г. И., ген. 20, 22, 23
- Клецанда, чеш. оф. 143
- Климушкин И. Д., с.-р., мин. 199, 201, 202, 204, 228, 230, 234, 297, 364
- Ключников, к.-д. 365, 382, 410, 418, 457, 458, 475, 477, 503, 507
- Князев В. В., ротмистр, адъютант А. В. Колчака 69, 70
- Кобозев П. А., ком. 133
- Коваленко А. П., н.-с. 234
- Коган-Бернштейн М. Л., с.-р. 304
- Колосов Е. Е., с.-р. 98, 176, 189, 266, 294, 366, 383, 396, 426, 430, 438, 440, 505
- Колчак А. В., адм., Верховный Правитель России 5–12, 14–35, 41–46, 48–60, 62–71, 74–84, 97–106, 111, 158, 181, 184, 185, 227, 241–250, 265, 306, 335, 349, 359, 362, 365, 366, 375, 382–384, 386, 389–391, 394, 395, 405, 427, 432–442, 446–460, 462–464, 467–480, 482–484, 486, 487, 489, 490, 496, 497, 499–503, 506, 509, 512–518, 521, 523–525, 528, 532–535, 540–547
- Колчак В. И., отец адм. 8
- Колчак О. И. (ур. Посохова), мать адм. 8
- Колчак Р. А., сын. адм. 340
- Кольфорд, ам. журн. 122, 156
- Константин (Зайцев), архимандрит 6
- Коншин, оф. 151
- Корбейль, фр. оф. 151
- Корнилов Л. Г., ген.-от-инф. 19–22, 111, 141, 175, 176
- Корниш-Гоуден, англ. оф. 478
- Коробов, к.-д. 230, 231
- Костендий, оф. 394
- Кошек, чеш. дипл. 385, 522
- Кошчев, предст. Ур.пр. 311
- Краковецкий А. А., с.-р. 168, 170, 242, 248, 253, 286
- Красильников И. Н., ген.-м., ат. 367, 393, 396, 402, 432–434, 461–463, 465, 467, 474, 477, 524, 525
- Краснов В. М., юрист. 107
- Краснов П. Н., ген.-от-кав., ат. Всевел. Войска Донского 196, 205
- Кратохвиль Я., чеш. пис. 442, 444, 449, 493, 496
- Крестинский Н. Н., ком. 117
- Крестовский, чин. 529
- Кроль Л. А., к.-д. 221, 226, 237, 240, 271–275, 280, 281, 297, 302, 307, 311–313, 319, 324, 325, 341, 366, 367, 372, 386, 389, 390, 392, 408, 421, 426–430, 442, 450, 451, 461, 513
- Кроль М. А., с.-р. 261, 262–269, 406
- Кропоткин П. А., учен., анархист 109
- Кругловский, оф. 507
- Кругликов 370, 380, 389
- Кругляков, с.-р. 317
- Крупенский, дипл. 247
- Крутовский В. М., н.-с. 168, 190, 283, 286, 288, 289, 348, 349
- Крыленко Н. В., ком. 29
- Крымов А. М., ген. 13, 14, 22, 23
- Кудашев Н. В., кн., дипл. 31, 33, 245
- Кудрявцев В. М. 340
- Куликов В. В., с.-р. 260, 266
- Куликовский, с.-р. 428
- Курский, ком. 251
- Кутузов, с.-р. 305
- Лаверн, фр. ген. 116, 145, 149–151, 197, 209
- Лавров, с.-р. 252, 442
- Лазарев, с.-р. 305
- Ларин, землец 403
- Лебедев Д. А., полк. 58–62, 74, 197, 432, 449, 450, 454, 459, 460, 533, 535
- Лебедев В. И., с.-р. 194, 195, 198, 204, 207, 210, 211, 214–220, 226, 236–238, 299, 303, 346, 544
- Левидов М., сов. ист. 115, 116, 120, 150, 155
- Легра, фр. проф., чл. фр. воен. мис. 103, 423, 437, 455, 456, 464, 484, 507, 521
- Лелонг, фр. оф. 145
- Ленин (Ульянов) В. И., ком. 81, 115, 117, 133, 372, 405, 505, 543, 544
- Лессинг, нем. оф. 148
- Линдберг М. Я., с.-р. 179
- Линдей, англ. дипл. 536
- Лихач М. А., с.-р. 468
- Ллойд Джордж, англ. гос. д. 116, 156
- Лозовой, с.-р. 389
- Локкарт, англ. конс. 116, 118, 121, 124, 151
- Ломов, ком. 117
- Лопухин Н. С., к.-д. 340
- Лотошников С. М., с.-р. 305

Лохвицкий Н. А., ген. 340
Лошмаков С., с.-р. 330
Лукин А. П. кап. 11, 12
Львов В. Н., мин. Вр. пр. 171, 306,
408, 432, 433, 452, 464, 466
Львов Г. Е., кн., Пред. Вр. пр. 293,
348, 355, 376, 425, 440, 542, 543
Люис, ам. сенатор 156

Мадраков, ком. 130
Маевский Е., с.-д. 113, 315, 370,
410, 510–512, 515
Мазинг Н., с.-р. 129, 389
Майский И. М., с.-д. 201, 205–
207, 211, 217, 219, 223–233, 236–
240, 286, 304, 305, 315, 329, 330,
336, 344, 350, 357, 358, 371, 373,
387, 438, 458, 489, 516

Маклаков В. А., к.-д. 122, 340, 439,
542

Макса, чеш. пол. 146, 147
Максудов С. Н., с.-р. 491
Маннергейм К. Г., бар., ген. 13,
124, 134, 196

Марино, фр. оф. 438
Марков И. С., с.-р. 176, 179, 317
Мартыанов, ген. 454
Марушевский В. В., ген. 58
Маршан, фр. ком. 125, 138, 139,
209

Масарик Т. Г., през. Чехосл.
Респ. 72, 108, 122, 126, 131, 140–
144, 147–149, 155, 160, 165, 222

Маслов П. П., с.-д. 103
Маслов С. С., с.-р. 279, 406, 468
Матковский А. Ф., ген. 288, 433,
455, 465

Махин Ф. Е., полк., с.-р. 499, 543,
544

Медведев В. В., с.-р. 113, 249, 253
Медек, чеш. пис. 223, 499

Мефодиев, каз. оф. 348
Мильнер, англ. гос. деят. 439

Милоков П. Н., к.-д. 104, 111, 114,
120, 127, 135–137, 141, 153, 159,
164, 206, 207, 224, 265, 278, 298,
321, 324, 427, 437, 440, 510, 514

Минин А. А., с.-р. 413, 414
Минор О. С., с.-р. 305, 362, 490,
544

Мирбах В., нем. посол 112, 134–
136, 138, 148, 196

Миронов Н. Д., с.-р. 21

Михаил Александрович, вел.
князь 11, 47, 49, 313, 426

Михайленко, к.-д., проф. 133

Михайлов В., с.-р. 187, 188, 371

Михайлов И. А., мин. 168, 189–
192, 283, 286–288, 290, 292, 320,
341, 344–347, 376, 378, 389, 391,
432, 434, 443, 445, 446, 451, 457,
460, 461, 464, 465

Михайлов П., с.-р. 176, 179

Михеев, н.-с. 306

Михельсон, ком. 129

Моисеенко Б. Н., с.-р. 394, 396,
397, 528

Моллер, оф. 222

Мольтке Г. фон, нем. фельдм. 68
Монтандон, шв. деят. Кр. Кр. 423,
424, 463

Моравский, с.-р. 243, 257, 284

Морозов, кооп. 254

Муравьев М. А., л. с.-р. 130, 141,
215

Мякотин В. А., н.-с. 136

Мясоедов, ком. 133

Набоков В. Д., к.-д. 110, 156, 298,
439, 520

Набоков К., дипл. 118, 536

Накашима М., яп. ген. 33, 246

Нарбут, оф. 289

Натансон М. А., с.-р. 129

Некрасов Н. В., к.-д., мин. Вр.
пр. 176

Нельсон, англ. оф. 440, 461

Нестеров, с.-р. 193, 194, 201, 364

Неупокоев, с.-р. 132, 172, 180

Никитин, полк. 163

Николаев С., с.-р. 198, 303

Николаевский Б. И., с.-д. 107

Николай II Александрович. Имп.
Всероссийский 10–11, 47, 435

Николай Николаевич, вел. князь 11,
12, 425

Никольский А. А., фин. деят. 107

Никонов, с.-р. 288

Ниссель, фр. ген. 127, 169

Новиков В. Н., прис. пов. 340

Новомбергский, н.-с. 261

Новоселов А. Е., мин. 168, 285,
286, 288–293, 341, 347, 348

Новосильцов Л. Н., подполк. 21

Нокс, англ. ген. 127, 252, 412, 415,
436–440, 447, 463, 479, 484, 534,
536

Нуланс, фр. пос. 116, 117, 138, 139,
154, 193, 209

Озерецковский В. С., н.-с. 107

Окулич, кооп. 531

Орлов Н., оф. 182, 184

Павлов В. Е., с.-р. 388, 396

Павлу Б., чеш. проф., зам. Ма-
сарики 97, 147, 202, 223, 237,
275, 280, 291, 292, 309, 328, 517,
539

Палеолог Морис, фр. посол 464

Папоушек, чеш. журн. 143

Парис, фр. ген. 436

Парфенов П. С., сов. ист. 79, 151,
162, 265, 280, 346, 396, 402, 418,
433, 461, 532

Паскаль, фр. ком. 151

Патейдль, чеш. оф. 484

Патушинский Г. Б., н.-с. 166–168,
190–192, 269, 276, 282, 286

Пеллио, фр. оф. 535

Пепеляев А. Н., ген.-л. 45, 57, 174,
213, 254, 255, 257, 291, 375, 444,
450, 462

Пепеляев В. Н., к.-д., пр.-мин.
пр-ва Колчака 77, 83, 281, 300,
312, 334, 425, 430, 440, 452, 460,
466, 521, 523

Перс, англ. проф. 97, 100

Петрашкевич И., чин. 186

Петров Н. И., мин. Омск. пр-
ва 277, 378

Пешков З., оф., брат Я. Сверд-
лова 437

Пишон, фр. оф. 113, 127, 128, 153,
157, 167, 169, 171, 295, 421, 435,
436, 446, 449, 451, 456, 480, 483–
485, 493, 501, 521

Пишон, мин. ин. дел Франции 210,
537

Плеханов Г. В. 43, 44

Плешков М. М., ген. 177, 243, 252

Поволоцкий Я. П., изд. 408, 432

Подбельский, к.-д. 200

Подвицкий В. В., с.-р. 305, 352

Подвойский Н. И., ком. 133

Подшивалов, сов. ист. 162, 210

Полнер Т. И., н.-с. 107

Потанин Г. Н., н.-с. 123, 165–167,
175, 176, 262, 384

Преображенский, с.-р. 273

Прикрыл Б., чеш. журн. 106, 499

Пуанкарэ, фр. гос. д. 140

Пугачевский, матрос 214

Пумпянский, с.-р. 389

Путилов А. И., фин. 243, 456

Пушкова Л. И. 107

Радек (Собельсон) К. Б., ком. 157

Ракитников Н. И., с.-р. 207, 213,
239, 258, 337, 420, 458, 504

Раков Д. Ф., с.-р. 272, 389, 392,
395, 468

Раскольников Ф. Ф., ком. 133

Реньо, фр. дипл. 451, 522

Рихтер, чеш. деят. 274, 292, 367,
381, 384, 385, 522, 523

Робенда, чеш. оф. 234

Робинс, пред. ам. Кр. Кр. 116, 118,
124, 138, 144

Роговский Е. Ф., с.-р. 228, 240,
340, 382, 384, 389, 396, 397, 410,
455, 467, 468, 528, 537, 544

Родзянко, оф. 439, 479

Розанов С. Н., ген.-л. 340, 393, 394,
426, 433, 455, 469–471

Розенблюм Д. С., с.-р. 102, 305,
360

Рошаль С. Г., ком. 129

Рукероль, фр. ген. 423, 438
 Русанов, чл. Г. Думы, тр. 116
 Рычков, ген. 241
 Рябиков П. Ф., ген. 326
 Рязановский, проф. 405
 Савинков Б. В., пол. деят. 21, 25, 129, 130, 152, 195, 217, 219, 335
 Садуть, фр. оф., ком. 116, 117, 120, 123–125, 138, 139, 144, 149, 150, 152, 157
 Сазонов А. В., коопер. 100, 176, 260, 346, 373, 405, 427, 428
 Сазонов С. Д., мин. 540, 542, 545,
 Сапожников В. В., проф., мин. 277, 308, 351, 377, 378, 465
 Сатунин, оф. 185
 Сафо, сиб. деят. 394
 Сахаров К. В., ген. 5, 440, 450, 508
 Сванлюнг, фин. пис. 235
 Свобода, чеш. оф. 484
 Святицкий И. В., с.-р. 227, 271, 331, 347, 351–355, 358–363, 373, 386–388, 390–392, 409–413, 416, 421, 438, 458, 489, 498, 501–504
 Семашко, оф. 348
 Семенов Г. М., каз. ат., ген. 22, 23, 30–33, 35, 64, 76–79, 126, 134, 182, 184, 245, 246, 254, 407, 434, 435, 478, 519, 532–536
 Сергей Георгиевич, кн. Романовский, герцог Лейхтенбергский 11, 12
 Серебренников И. И., экон. 168, 268, 276, 283, 286, 316, 320, 321, 328, 329, 333, 342, 345, 349, 350, 366, 367, 380, 383, 384, 386
 Сесиль, англ. гос. д. 121
 Сидоров, с.-р. 191, 257
 Сильвестр, архиеп. Омский 70
 Синегуб, пис. 491
 Скипетров Л. Н., ген. 163
 Скоропадский, ген. 134, 196, 205
 Смирнов М. И. 11
 Соловейчик, к.-д. 200, 432, 460
 Солодовников Б., оф. 240, 273
 Сотников, оф. 174

Сперанский, с.-р. 501
 Сталин И. В., ком. 143
 Сталинский С., с.-р. 457, 544
 Старынкевич С. С., б. с.-р., юр. 107, 277, 278, 320, 377, 382, 393, 415, 416, 418, 457, 467, 468, 473, 474, 476–478, 506, 524, 532
 Стевений, англ. оф. 437
 Стевенс, ам. инж. 124
 Степанов Н. А., ген. 181, 216, 217, 241, 248, 448
 Степанов, полк. 202, 203, 209, 431
 Стессель А. М., ген. 9
 Стефанек, см. Штефанек
 Страка, чеш. д. 145
 Струве П. Б., акад. 101, 106
 Струмилло, рабочий 214
 Субботовский, сов. ист. 110, 116, 425
 Сукин И. И., мин. 340, 461, 470, 543
 Сулима, с.-д. 168
 Сумароков, оф. 174, 179
 Сурин В. И., ген. 454, 458, 532
 Сухомлин, с.-р. 211, 212, 422, 544
 Сыровой (Сыровы) Я., чехосл. ген. 223, 292, 322, 444, 446, 448, 452, 479–481, 484, 485, 495, 501, 512
 Сыромятников, оф. 151, 432, 433, 461, 466, 471
 Сычев С. М., кооп. 186
 Танака Г., яп. ген. 33
 Тельберг, к.-д. 457
 Тер-Погосян, с.-р. 544
 Тимирева А. В. 7, 26, 65
 Тимофеев, с.-р. 163, 326
 Титц, нем. оф. 129, 130
 Тихон (Белавин), патриарх всея России 69, 70
 Тодоров, каз. 399
 Толстой, гр. ред. «Уф. Ж.» 203
 Толль Э. В., бар., путеш. 8, 9, 97
 Тома А., фр. соц. 117, 120, 123, 124, 144
 Томпсон, пред. ам. Кр. Кр. 116

Тренденбах, с.-р. 464, 465
 Троцкий (Бронштейн) Л. Д., ком. 29, 117–120, 123, 124, 126, 131–133, 135, 145–149, 152, 372, 505
 Трубецкой С. Е. 340
 Тухачевский М. Н., сов. военач. 214
 Угет, дипл. 542
 Угловский, каз. 399
 Ульрих фон, нем. оф. 134
 Ульрих В. В., лейт. флота 23
 Уорд, англ. оф. 109, 395, 421, 437, 438, 447, 452, 453, 457, 460, 472, 478, 479, 483, 484, 522, 523
 Уповалов, раб. 130, 213, 214
 Устругов, мин. 168, 251, 377, 382
 Утгоф В. Л., с.-р. 204, 206, 223, 227, 239, 295, 299, 329, 427, 430, 489
 Федичкин, оф. 212
 Федоров, ген. 438
 Федоров, с.-р. 490
 Федорович Ф. Ф., с.-р. 415
 Филашев (Новиков) Н. А., н.-с. 267, 422, 428
 Филипповский В. Н., с.-р. 364, 497
 Флут В. Е., ген. 148, 172, 174, 175, 177, 180, 181, 199, 248, 250, 251, 253
 Филоненко М. М., комиссар Вр. пр. 21
 Фомин Н. В., с.-р. 176, 187, 188, 257, 269, 309, 318, 321, 324, 325, 357, 490, 493, 494, 506, 515, 521
 Фортунатов Б., с.-р. 201, 207, 216, 217, 241, 337, 501, 503
 Фош Ф., фр. ген. 120
 Фрэнсис, ам. Посол 117, 119, 120, 123, 124, 138, 144, 150, 157
 Фролов, землец 403
 Ханжин М. В., ген. 58, 450, 506
 Хиггс, англ. оф. 126
 Хизахиде Я., яп. майор 27

Хорват Д. Л., ген. 32, 33, 35, 46, 242–255, 284, 384, 391, 441, 442, 456, 518, 533
 Хорошкин Б. И., ген.-м. 313, 340, 426, 477, 538
 Хрещатицкий Б. Р., ген.-л. 251, 426
 Чайкин, с.-р. 304, 421
 Чайковский Н. В., н.-с. 109, 110, 153, 279, 326, 327, 406, 417, 427, 431, 536, 544
 Чембулов Н. З., н.-с. 230, 301, 310, 496, 521
 Черенский, чеш. оф. 140
 Чермак, чех.-сл. полк. 146, 147
 Черненко, с.-р. 505
 Чернов В. М., с.-р. 205, 225, 304, 331, 337, 359, 361–363, 386, 391, 425, 489, 490, 493–495, 498, 503, 505, 509, 526, 530
 Черчилль У., англ. полит. д. 439
 Чечек Ст., чеш. ген. 147, 148, 199, 200, 201, 203, 204, 216, 221–223
 Чечулин, каз. 399
 Чичерин Г. В., ком. 112, 145
 Чудновский С. Г., пред. Иркутской ЧК 82
 Шатилов М. Б., с.-р. 168, 190, 192, 258, 261, 269, 276, 277, 283, 286, 288, 289, 348, 349
 Швеиц И. В., чеш. полк. 72, 216, 219
 Шемякин, оф. 396, 430
 Шендриков, каз. деятель 323
 Шерехов, оф. 274
 Шлиффен А. фон, нем. фельд-марш. 67, 68
 Шмелев В. И., кооп. 186, 187, 504
 Шмераль, чеш. ком. 221, 438
 Шнейдерский, комиссар 236
 Шокоров В. Н., ген.-инспектор чехосл. войск в России 141, 222
 Штейдлер Ф., чеш. ист. 143, 146–150, 161, 221
 Штефанек М. Р., чеш. ген., мин. 71, 72, 159, 438, 439, 480, 481, 485, 546

Шумиловский, мин. 277, 382, 470

Шепин Г. В., оф. 340, 461–463, 469

Шепихин С. А., полк. 222

Щур, кооп. 346

Эберггард А., адм. 10

Элерц-Усов А. В., с.-р., полк. 174, 177, 399

Эллиот Дж., англ. дипл. 371, 463, 523, 536

Элькин Б. И., к.-д. 107

Эрдели И. Г., ген. 134

Юденич Н. Н., ген. 63

Юргенс, чин. 451, 494

Юрьев, оф. 212, 213

Ягудка Н. П., общ. д. 107

Якушев И. А., с.-р., пред. Сиб.

Обл. Думы 113, 166, 167, 172, 173, 178, 189–191, 257, 258, 284–286, 288, 290–292, 340, 345–350, 366, 375, 428, 443

ОБ АВТОРЕ «ТРАГЕДИИ АДМИРАЛА КОЛЧАКА»

Сергей Петрович Мельгунов родился 25 декабря (ст. стиля) 1879 года в московской дворянской семье. По окончании гимназии он поступил на историко-филологический факультет Московского Университета, во время обучения в котором опубликовал свои первые исторические работы (две популярные брошюры «для народа» на темы всемирной истории). Не оставшись в стороне от волновавших студенчество общественно-политических проблем, Мельгунов в то же время не позволил им возобладать над своей научной работой. Интерес, питаемый им тогда к истории церковного раскола и сектантства в XVII–XVIII веках (тема его диссертации), можно считать одним из первых проявлений увлечения молодого историка малоизученными, спорными и до некоторой степени «секретными» эпизодами прошлого России. Общественный и публицистический темперамент Мельгунова находил выход в сотрудничестве на страницах либеральной газеты «Русские ведомости» (1900–1916).

После революции 1905 года симпатии Мельгунова были отданы демократическим течениям общественного движения — сначала левому крылу «партии народной свободы» (конституционно-демократической), членом которой он состоял с 1906 года, а уже с 1907-го — партии народных социалистов. Вместе с тем, по его собственному более позднему признанию, он «всегда был недостаточно активным революционером», и позиция его была скорее умеренной. В 1913 году Мельгунов становится инициатором издания исторического журнала «Голос минувшего», просуществовавшего до 1923 года и опубликовавшего немало интересных документов, мемуаров, исторических статей; в 1926 году издание было продолжено уже в Париже под заглавием «Голос минувшего на чужой стороне» (одним из редакторов нового журнала по-прежнему оставался Мельгунов).

Февральскую революцию Мельгунов приветствовал, немедленно обратившись к открывшимся возможностям изучения недавней истории России (прежде всего — на основе

архивов охранных отделений и т. п.). Не приняв большевицкого переворота, в мае 1918 года он вошел в подпольный «Союз Возрождения России» (левоцентристскую организацию), исповедуя идею «объединения демократических сил», но в то же время и не чураясь, в отличие от иных своих более революционных товарищей, сотрудничества с монархическим и офицерским подпольем. В эти годы он пять раз арестовывался Чрезвычайной Комиссией, и лишь заступничество некоторых лиц, имевших отношение к новому режиму или какое-то, пусть и незначительное, влияние (В. Д. Бонч-Бруевич, В. Г. Короленко и др.) спасало его. Не будучи «белогвардейцем» в прямом смысле слова, Мельгунов тем не менее дает своей деятельностью некоторые основания говорить о его симпатии к Белому движению или по крайней мере готовности к конструктивному сотрудничеству: скажем, «Тактический Центр», в который он входил в 1919 году, признавал Верховным Правителем России адмирала А. В. Колчака. Искренний патриот, Мельгунов всегда был выше партийных рамок и догм.

В 1920 году по делу «Тактического Центра» Мельгунов в числе четырех его руководителей был приговорен революционным трибуналом к расстрелу, замененному десятью годами тюремного заключения, а затем и «оправдан»; причиной могла стать явная даже для советских судей сфабрикованность процесса. После очередного ареста в 1921 году Мельгунова приговаривают к ссылке в Чердынь, а в октябре 1922 года — высылают из РСФСР за границу.

Уже с 1923 года Мельгунов возобновляет историческую работу изданием сборников «На чужой стороне», а затем — упомянутым выше продолжением «Голоса минувшего». Занимая активную антисоветскую позицию, в 1926 году он становится инициатором, одним из соредкторов и главных авторов еженедельника «Борьба за Россию», открыв его передовицей: «Мы зовем к непримиримости. Мы зовем к борьбе. ...Мы ничего не хотим навязывать отсюда. Мы хотим протянуть нить, которая связывала бы нас с Россией, и питаться жизненными соками родной земли, воспринять мысли, чувства, переживания тех, от которых мы отделены полицейскими рогатками коммунистической власти. Помочь ясно понять преступность, наготу, мишуру этой

власти и поднять чувство активности для борьбы с нею — вот наши главные задачи». Мельгунов надеется, «что имеются положения, на которых можно объединить в наше время всех искренно преданных интересам своей родины и способных отойти от себялюбивой непогрешимости», и вокруг журнала действительно складывается «противобольшевицкая организация», как называл ее позднее один из входивших в нее — бывший руководитель Белого движения на Юге России генерал А. И. Деникин. Она занималась переправкой в СССР «Борьбы за Россию», сбором и распределением средств на антикоммунистическую деятельность, а также, по глухим намекам эмигрантского историка Д. В. Леховича (биографа Деникина), имела и «более широкие задания». Однако после похищения в 1930 году из Парижа советскими агентами генерала А. П. Кутепова, возглавлявшего Русский Обще-Воинский Союз, Мельгунов, по его словам, «разочаровался в эмигрантской политике» и отошел от дел (журнал просуществовал до 1931 года). В те же годы он выступает с устной, а затем и печатной (1929) критикой на книгу П. Н. Милюкова «Россия на переломе» (посвященную революции и Гражданской войне), указывая на многочисленные фактические ошибки автора и ставя, по сути дела, на позиции Белого движения, от которых давно уже отошел Милюков.

Это было уже не первым обращением Мельгунова к трагическим страницам Гражданской войны. Еще в 1924 году вышла в свет его книга «Красный террор в России», о которой позднее скажут, что она стоила автору «шести недель бессонницы и официального лишения российского гражданства».

Истории гражданской войны посвящен и переиздаваемый ныне труд «Трагедия адмирала Колчака», вышедший четырьмя отдельными выпусками в Белграде в 1930—1931 гг. Стремясь к наиболее полному восстановлению фактической картины происходившего, историк привлекает не только большое количество уже опубликованных документов и мемуарных свидетельств, но и, используя уникальные возможности современника, в ряде случаев специально интервьюирует участников событий, получая таким образом в свое распоряжение материалы исключительного интереса. Труд Мельгунова до сих пор оста-

ся наиболее полным и всесторонним исследованием драматических событий 1918—1920-х годов на Востоке России.

Вторая Мировая война привела Мельгунова к довольно пессимистическим оценкам. Он не был и не мог быть сторонником сотрудничества с Германией, но и в успехах большевиков видел предвестие «рецидива возрождения коммунизма» и «советизации Европы» со всеми вытекающими из этого последствиями. Борьба против коммунизма была продолжена им после войны в чрезвычайно трудных условиях (достаточно сказать, что за «незаконное издание журнала» Мельгунову пришлось даже «сесть на скамью подсудимых», причем инициатором травли стало — что неудивительно — советское посольство в Париже). Больше возможностей появилось после начала «холодной войны», хотя позиция историка и его единомышленников — в первую очередь, неприятие сепаратизма и отстаивание единства будущей России — далеко не всегда соответствовала политике западных держав. С 1948 года Мельгунов — организатор и председатель «Союза борьбы за свободу России», а в 1950—1954 годах — редактор «литературно-политических тетрадей» «Возрождение», где появляется и ряд его собственных публикаций. 26 мая 1956 года Сергей Петрович Мельгунов скончался от рака.

«У многих в той толпе, которая заполняла церковь на рю Дарю в день похорон С. П. Мельгунова, где рядом стояли монархисты и социалисты, представители самых разных и далеких друг от друга организаций, представители всех местных органов русской прессы, сердце сжималось, без сомнения, тяжелым чувством, что с ним мы потеряли человека, какие вообще встречаются редко и каких в эмиграции сейчас уж совсем мало», — писал бывший сотрудник «Возрождения», писатель и публицист В. А. Рудинский, подчеркивая: «Сергей Петрович Мельгунов был и крупный ученый, и общественный деятель, широко известный не только русским, но и иностранному миру, — и был он, кроме того, джентльмен и человек чести в самом высоком смысле этих слов; и для всякого, кто посвящает себя политической работе, он может служить образцом и примером мужества, стойкости и бескомпромиссной верности своим убеждениям».

СОДЕРЖАНИЕ

Кручинин А. С. Тайны Адмирала Колчака	5
Примечания	84

ЧАСТЬ I

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

От автора	97

Глава первая. Союзники

1. Противогерманский фронт	108
2. Политика колебаний	114
3. Военнопленные	125
4. Выступление чехословаков	137

Глава вторая. Освобождение Сибири

1. Социалистическая власть	161
2. Боевые силы	170
3. Начало «атаманщины»	180
4. Центральная власть	188

Глава третья. На фронте Комуча

1. Три версии	193
2. В Самаре	198
3. Народная армия	201
4. Борьба с большевиками	208
5. Политика тыла	223
6. Демократия у власти	227

Глава четвертая. Сибирское правительство

1. На Дальнем Востоке	242
2. Начало конфликтов	255
3. В Сибоблдуме	262
4. Самара и Омск	270
5. Админсовет	275
6. Столкновение с Думой	283

Глава пятая. Уфимское Совещание

1. Единая власть	294
2. За кулисами	301
3. Коалиционный сговор	307
4. На другой день	329
5. Последние дни Самары	336

ЧАСТЬ II

В ПРЕДДВЕРИИ ДИКТАТУРЫ

От автора	340

Глава первая. Директория

1. Миссия Аргунова	341
2. Екатеринбург или Омск?	350
3. Съезд Учредительного Собрания	358
4. В Омске	365
5. Организация власти	374
6. Омская «неразбериха»	390
7. Эпитафия Сибправительству	397
8. Упразднение областных правительств	406
9. Эсеровская «прокламация»	410

Глава вторая. Государственный переворот

1. Сибирская общественность	423
2. Легенды и факты	431
3. «18 ноября»	466

Глава третья. После переворота

1. Генерал Болдырев	479
2. Эсеровская акция	489
3. Печать и общество	507

Глава четвертая. Первые шаги

1. Суд над заговорщиками	524
2. Ультиматум Семенова	531
3. Авантюристы и клятвопреступники	535

Литература	548

Указатель имен	553

Об авторе «Трагедии Адмирала Колчака»	563

КЪ НАСЕЛЕНИЮ РОССИИ.

18-го Ноября 1918 г.

Всероссийское Временное Правительство
распалось. Совѣтъ Министровъ принялъ
всю полноту власти и передалъ ее мнѣ
адмиралу русского флота Александръ
КОЛЧАКЪ.

Принявъ крестъ этой власти въ исключитель-
но трудныхъ условияхъ гражданской войны и полн-
на разстройства государ-
пойду ни по пути ре-
тійности. Главной с-
способной арміи для
установленіе зако-
родъ могъ безпр-
правленія, которы-
и влекъ свободы.

«Приняв крест власти
в исключительно
трудных условиях
гражданской войны
и полного расстройста
государственной
жизни, объявляю:
я не пойду ни по пути
реакции, ни по гибельному
пути партийности.
Главной своей целью
ставлю создание
боеспособной армии
для победы над большевизмом
и установление законности
и правопорядка...»

А. В. Колчак

ISBN 5-8112-0546-5

9 785811 205462

АЙРИС ПРЕСС